В. Н. Шерстобоев.

Илимская пашня

Том I

Иркутское областное издательство

В. Н. Шерстобоев

Илимская пашня

Том I

Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века

ИРКУТСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

ПРЕДИСЛОВИЕ

История завоевания Сибири изучена хорошо. Зато о развитии внутреннего строя и хозяйственного уклада в этой стране со времени прихода русских и до начала XIX века известно очень мало. Особенно большой пробел ощущается в познании начальной экономики Восточной Сибири, история заселения и освоения которой почти не рассматривалась с точки зрения развития земледелия.

Одним из главных препятствий в изучении ЭКОНОМИКИ Сибири XVII и XVIII столетий является гибель губернских и уездных архивов, отражавших гораздо подробнее местную хозяйственную жизнь, чем архивы центральных учреждений. Тем большую ценность представляют документы, уцелевшие в очень немногих местных архивах. Среди них одно из первых мест, несомненно, принадлежит архиву илимской воеводской приказной избы (канцелярии), содержащему обильный материал за время с конца XVII и до конца XVIII века. Особенностью илимского архива является преобладание тех первичных бумаг, которые в сильной степени отобразили преимущественно мелкие стороны хозяйственного быта российской окраины. В этих старинных делах нет свидетельств о крупных исторических событиях, напротив они касаются лишь незначительных, повседневных вопросов и рассказывают о рядовых, обыденных лицах. Илимский архив позволяет восстановить с большой подробностью картину развития экономики северного Предбайкалья.

Предлагаемая работа основана на изучении этого архива и посвящена вопросу о земледельческом освоении северных частей Ангаро-Илимо-Ленского края. Ввиду того, что ранние дела илимского архива погибли, для изучения начального периода развития Ангаро-Илимо-Ленского края использованы дела Сибирского приказа, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов.

Основу экономического развития Сибири того времени составляет сельскохозяйственное освоение еѐ пространств. Не поиски пушнины, не разведки серебряных жил и золотых россыпей, не промысловая, торговая или промышленная колонизация Сибири, а сельскохозяйственное освоение еѐ является стержнем экономического развития Сибири. Оно закрепило победу

казаков, заставило местные народы сложить оружие, воспринять земледельческую культуру русского крестьянства и навсегда сделало сибирские пространства неотъемлемой частью России. Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне. Именно они быстро и навсегда решили вопрос — быть ли Сибири китайской, японской, английской или русской. Внутри дорусской Сибири не было сил, способных объединить еѐ разноплемѐнное население в самостоятельное целое. Местные народы неизбежно должны были соединить свою судьбу с судьбами большого народа. Таким народом по праву явился русский пород. А так как в те времена подлинной сердцевиной его были крестьяне, то, естественно, что крестьянство оказалось главным фактором превращения Сибири в русский край, а но составу населения — даже более русский, чем были некоторые доуральские и приволжские области.

При изложении истории Сибири временами упоминаются Илимск, Илимское воеводство, упоминаются вскользь, среди других более важных имѐн и дел. Действительно, Илимск не связан ни с какими крупными историческими событиями. Может быть, поэтому значение Илимского воеводства никогда не раскрывалось с необходимой полнотой, и Илимск всегда оставался на задворках сибирской истории.

Некоторыми исследователями указывалось, что значение Илимска было обусловлено тем, что он являлся как бы транзитным пунктом, через который шло сообщение Енисейска с Якутском.

Посмотрим, можно ли удовлетвориться таким объяснением.

Русским, вышедшим в 30-х годах XVII столетия к пространствам Средне-Сибирского плоскогорья, предстояло разрешить две задачи: освоить Ангаро-Илимо-Ленское междуречье и обеспечить дальнейшие завоевательные мероприятия.

Решая первую часть этой, по существу единой, задачи, русские, с удивительной точностью оценив значение связи Ангары и Лены, правильно выбрали удобнейший и кратчайший путь, так называемый Ленский волок — от Илима через рр. Купу и Куту на Лену, и укрепили оба конца этого открытого ими пути, построив почти одновременно Илимский острог на р. Или- ме и Усть-Кутский острог на р. Лене. Ленский волок был частью грандиозного пути от Урала до Охотского моря и миновать его практически было невозможно. Обосновавшись здесь, русские быстро унизали все речные пути Ангаро-Илимо-Ленского края цепочками деревень, разместив на стыках водных и волоковых дорог опорные остроги и в необычайно короткий срок, примерно за 15-20 лет, создали здесь, за 5000 вѐрст от родины, край с прочным земледелием. Илимское воеводство выполняло при этом как бы роль обширной опытной сельскохозяйственной станции, где шло испытание земледельческих приѐмов в своеобразном приречном горно-таѐжном районе.

Решая вторую часть задачи, русские могли, опираясь на Илимский острог, осуществить два движения — одно по Лене на крайний северо-восток Сибири до Ледовитого и Тихого океанов и питать продовольствием из Илимска военные отряды и оседавшее население в пределах Якутского воеводства, а другое — на юг, с вывершиванием Ангары и Лены. Некоторые историки изображают это движение как дело енисейских и отчасти красноярских воевод, забывая, что только в сочетании с илимскими силами было осуществлено это движение, завершившее завоевание Предбайкалья и северо-восточной Сибири.

Ключом экономической связи Ангаро-Ленского края является способ соединения Ангары и Лены. Таким способом был в первое столетие Ленский волок, и Илимск оказался портом и центром нового района. Затем был найден второй способ соединения, от Иркутска на Качуг, и центром Ангаро-Ленского края стал Иркутск.

Но Илимское воеводство свыше 100 лет было наиболее населѐнной частью Прибайкалья и всей Восточной Сибири. Отсюда шло снабжение хлебом всего северо-востока континента, вплоть до Камчатки. Илимск в конце XVII и в начале XVIII века передал Иркутску ряд волостей — Верхоленскую, Манзурскую, Бирюльскую, Идинскую с развитым земледелием, что явилось основой для снабжения хлебом Иркутского острога. Илимские землепашцы в первой четверти XVIII века дали переселенцев «за Байкал море», в Даурскую землю, а несколько позднее — на китайскую границу, в Якутск, Охотск и на Камчатку для создания там местного земледелия. Впоследствии Илимск станет основной базой снабжения экспедиции Беринга. В первой половине XVIII века Илимск расселит своих крестьян вверх по р. Ие и р. Оке и создаст земледелие в современном Тулунском и Куйтунском районах, являющихся теперь одними из наиболее развитых в сельскохозяйственном отношении районов Иркутской области. По численности крестьянского населения Илимское ведомство (уезд) даже во второй четверти XVIII века превосходило все прочие уезды Иркутской провинции.

Таким образом, значение Илимского воеводства было шире и глубже, чем значение простого транзитного пути. Чтобы подчеркнуть это, в работе широко применяется термин «Илимское воеводство», как выражающий более полное, более стройное целое, чем мало определѐнное и менявшее своѐ значение название «уезд».

Вместе с тем признание за Илимским воеводством значения такого административного и хозяйственного целого, которое в течение известного времени было равноправным с другими сибирскими воеводствами, даѐт возможность считать многие закономерности в развитии Илимского края типичными для всей Восточной Сибири.

Изложению основной темы — пашенного дела — предпосланы разделы, вводящие читателя в круг других вопросов организации Илимского воеводства. Это оказалось совершенно неизбежным, так как невозможно вырвать одну сельскохозяйственную сторону тогдашнего общества, не исказив обшей картины экономики и всего строя Илимского воеводства. Поскольку пашенное дело являлось осью развития Ангаро-Илимо-Ленского края, оно было тесно связанным со всеми сторонами общего процесса освоения русским народом обширного пространства северного Предбайкалья. Поэтому в работе освещены вопросы, имеющие на первый взгляд мало связи с земледелием.

Изложение в первом томе доведено до конца первой четверти XVIII столетия, т. е. до смерти Петра I. От начала развития земледелия в Ангаро-Илимо-Ленском крае и до конца рассматриваемого периода Илимское воеводство прошло главный и самый сложный этап развития.

За это время не только окрепло земледелие и окончательно сложился русский уклад жизни на Ангаро-Илимо-Ленском междуречье, но и произошли глубокие изменения в значении этого края для страны. В XVII веке господствовали натуральные виды обложения населения, поэтому государство могло черпать из житниц илимских крестьян только хлеб, нужный для снабжения северо-восточной Сибири. Соболиный промысел быстро упал, что ещѐ больше подчеркнуло земледельческое значение нового края. Развитие всероссийского рынка и усиление роли денег позволяют Петру I в начале XVIII века ввести подушное денежное обложение и, таким образом, поставить ресурсы отдалѐннейших частей империи на службу преобразовательным мероприятиям. С этого времени илимский крестьянин попадает в тиски двойного обложения. Повышение роли помещиков и купцов при Петре I сказалось на восточных провинциях в усилении личной зависимости крестьян от государства.

В истории развития самого Илимского воеводства первая четверть XVIII столетия знаменует конец его самостоятельности, как административной единицы. Именно с этого времени оно теряет связь с Москвой, с Сибирским приказом, и всѐ более и более становится уездом Иркутской провинции.

Наконец, как итоговую сводку своей деятельности, Илимское воеводство в 20-х годах XVIII столетия оставляет выдающийся по богатству материал, хотя и дошедший до нас в обрывках, — хозяйственно-демографическую перепись или сказки 1720-1722 гг.

Всѐ это вместе взятое даѐт основание остановиться в изложении материалов, вошедших в 1-й том, перед порогом второй четверти XVIII века.

Методами исследования прошлого Ангаро-Илимо-Ленского края были: 1) сплошное изучение каждого документа, каким бы малоценным, с точки зрения излагаемой темы, он ни казался;

2) сопоставление бумаг и книг Илимского воеводства между собою, доведѐнное до изучения отдельных крестьянских хозяйств;
3) внесение в обработку документов расчѐтного метода. пользуясь этим методом, автор сделал попытку вычислить посевные площади и свести разрозненные данные в баланс хлеба.

Наряду с этим были предприняты две поездки в изучаемый край.

Предлагаемая работа построена на понимании процессов развития илимского пашенного дела, как частицы истории русского крестьянства — главного носителя нашей государственности, культуры и национальности на протяжении многих веков.

Горсть северно-русского крестьянства, перенесѐнная волей судеб на Илим, показала изумительный образец уменья в тяжѐлых условиях горно-таѐжного края быстро и навсегда утвердить русскую государственность. За какие-нибудь 60-80 лет закладываются почти все селения, существующие и теперь, создаѐтся устойчивое земледелие, открываются водно- волоковые дороги, вниз по Лене направляются наполненные илимским хлебом барки и дощаники, ведѐтся собственное солеварение и курится вино. В неведомом до сих пор крас налаживается согласованный ход хозяйства Илимского воеводства.

Не вина русского крестьянина, что начатый процесс стройки в илимской тайге стал затухать и в последующем представлял обычную картину хозяйственного и культурного застоя, столь знакомую по русской деревне XIX века.

Поскольку развитие пашенного дела в Илимском воеводстве излагается по бумагам и делам местного происхождения, невольно встаѐт вопрос о языке документов, на основании которых построена предлагаемая работа. Язык илимских документов XVII века очень близок к народной русской речи. В нѐм почти нет слов, заимствованных из других языков. Объяснение этого нужно искать в том, что насельники Илимского края были преимущественно выходцами из северно-русских областей, не испытавших татарского ига, влияния Литвы, Польши, Турции, Неметчины и других народов и государств, способствовавших засорению русской речи иноплемѐнными словами. Изолированный тайгой и горами илимский крестьянин сохранил до наших дней правильный северно-русский говор и сберѐг в своей речи много старинных слов и оборотов, давно забытых в более южных краях Иркутской области.

Наводнение русской речи иностранными словами приняло, как известно, небывалые размеры с начала XVIII столетия. Документы Илимского воеводства с первой четверти XVIII века начинают терять народный колорит и подчас поражают обилием иностранных слов, нередко сильно испорченных.

Так как в те годы в написании слов придерживались произношения их, то под это правило попадали и иноземные слова. Поэтому и писалось «правинцыя», «салдат», «афицер».

Получилась странная смесь старинного склада речи с чужими словами. Пример такого смешения: «магазейн о дву партаментах». До этого писалось: «житница о дву житьях». Вместо простых русских обозначений появились ничем не оправданные заимствования: приказная изба заменилась «правинцыальной канцелярией», воеводы — «камисарами», лантратами или лантра- торами, наказ — «инструкцией», расписка или отпись — квитанцией, отписка или письмо — промеморией, срок — термúном, приказные люди стали называться канцеляристами, подканцеляристами, камерирами. Даже слово хлеб превратилось в «правиант», а красивое и значительное слово житница — в «правианской магазейн».

Вводились и русские слова, чуждые народной речи: понеже, паки, всеконечно (в смысле обязательно). Нет более тяжѐлых для чтения документов, как указы конца царствования Петра I и его преемников[1].

Сохранившаяся часть бумаг Илимского воеводства находилась до последнего времени в хорошем состоянии, но подавляющая часть дел XVII века погибла, в частности почти полностью отсутствуют подлинные грамоты Сибирского приказа. Но тем более удивительны богатство и разнообразие бумаг за время со второго десятилетия XVIII века и до конца существования Илимского воеводства. Поразительным образом старинная канцелярия дошла почти нетронутой до наших дней со всеми еѐ тайниками.

К началу работ автора над илимскими документами они находились в следующем положении: одна, бóльшая часть, включавшая книги и сборники дел, была описана и образовывала фонд № 75 в количестве 3461 единицы; другая часть представляла неописанные дела, состоявшие, главным образом, из так называемой россыпи. В ходе изучения дел Илимского воеводства возникла задача — привести в ясность и упорядочить эту россыпь бумаг. Она представляла связки чаще всего отдельных разрозненных листов. На некоторых связках имелась надпись Киренского уездного исправника: «Бумаги из разных разбитых дел, собранных на полу разных амбаров за разные годы». На связках имелись ярлыки, указывавшие год, к которому относились бумаги, но это соответствовало далеко не всем бумагам. Встречались связки, в которых были перемешаны листы разных дел за 100 лет и больше.

Пробная разборка россыпи была предпринята автором летом 1945 г., затем работа по разборке была возобновлена летом 1946 г. и далее интенсивно велась до начала 1947 г., пока все дела не были упорядочены. Из этой россыпи и неописанных бу-

[1] Недаром в царских указах вместо «русский язык» иногда говорилось «российский диалект». См., например, печатный указ Елизаветы 9 декабря 1743 г. об изъятии книги Арида «О истинном христианстве».

маг сформировано 1774 дела, состоящие из 160006 листов. Дела систематизированы по годам, с 1656 до 1800 года, а внутри каждого года по повытьям[1]. Техническую работу но брошюровке, элементарной реставрации и описи дел вели сотрудники Государственного архива Иркутской области.

Таким образом, весь фонд Илимского воеводства состоит г. настоящее время из 5235 дел. Однако, время от времени обнаруживаются новые неописанные дела этого фонда.

Попутно автором были описаны столбцы XVII века якутской и иркутской приказных изб в количестве 42 единиц, а также уточнялась основная опись фонда № 75.

Все ссылки на местные архивные источники приводятся в тексте в простых скобках, причѐм номер фонда илимской приказной избы (канцелярии) не указывается. Например (арх. № 10, св. 2, лл. 1-5) означает — Государственный архив Иркутской области, фонд № 75, — илимской воеводской приказной избы (канцелярии), архивный № 10, связка 2-я, листы 1-5. Если же цитируется другой фонд, например, Киренского Троицкого монастыря, то обязательно приводится номер фонда. При цитировании документов, находившихся в россыпи, вводится слово «Россыпь» и указываются год и номер дела.

Ссылки на материалы, хранящиеся в Москве в Центральном государственном архиве древних актов, делаются внизу страниц, с указанием номера книг и столбцов Сибирского приказа или портфелей Миллера.

В передаче старинных текстов сохранено написание подлинников, при этом допущена некоторая обработка, облегчающая их чтение, а следовательно, и понимание. Прежде всего, применены современные знаки препинания и введены заглавные буквы для имѐн собственных и для первых слов новых предложений. Твѐрдый и мягкий знаки введены там, где они употребляются в современном письме. Кроме того, принято раздельное написание слов, соответственно современному русскому правописанию. Те немногие слова, которые раньше писались под титлом, т. е. сокращѐнно, в цитатах приводятся полностью, как например: ныне, государь, бог. Числа обозначались цифрами, если они произносились так же, как и теперь. В противном случае даѐтся их словесное написание. Других изменений в старинные тексты не вносилось.

Восстановленные слова или буквы, пропущенные писцом, при цитировании берутся в квадратные скобки. Это же относится и к восстановленному тексту. Когда возникала необходимость цитировать не весь текст, а его отдельные части, то пропуск обозначался тремя точками. Кроме того, три точки ставились в тех очень частых случаях, когда в документе опущено

[1] Иркутский государственный архив присваивает этой россыпи название: «Илимская воеводская канцелярия, фонд № 75, опись № 2».

число дня; например: «августа в... день» означает, что в подлиннике числа не показано. Иногда не удавалось прочитать какое-нибудь слово. В этом случае указывается, что слово не разобрано. Все скобки, встречающиеся в работе, принадлежат автору: простые служат для пояснений или для ссылок на местные архивы, квадратные — для восстановленных частей старинного текста. Ошибки и описки в документах не исправлялись и лишь отмечались, если это облегчало понимание текста.

ГЛАВА I

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АНГАРО-ИЛИМО-ЛЕНСКОМ КРАЕ

Илимское воеводство занимало центральную часть Средне- Сибирского плоскогорья. Географические координаты его приблизительно таковы: 100°-110° восточной долготы и 54°- 59° 40' северной широты.

На западе оно граничило с Енисейским, на юге с Иркутским и на северо-востоке с Якутским воеводствами. В его состав с начала XVIII века входили следующие современные районы Иркутской области: по р. Лене — Жигаловский, Антинский, Усть-Кутский, Киренский и Казачинско-Ленский; по р. Ангаре — Усть-Удинский, Заярский и Братский; по р. Оке — восточная часть Тангуйского; по р. Нижней Тунгуске — южная часть современного Катангского района. Кроме того, по р. Ангаре в территорию Илимского воеводства был включѐн Кежемский район современного Красноярского края.

Наибольшая протяжѐнность Илимского воеводства, без Катангского района, составляла: с запада на восток несколько больше 600 км, с юга на север около 600 км. Вся площадь Илимского воеводства достигала 305000 кв. км. Это на 22000 кв. км больше, чем площадь Московской, Тульской, Калининской, Рязанской, Ярославской, Ивановской, Владимирской и Костромской областей вместе взятых. Эта площадь в десять раз больше Бельгии или Голландии, она равна площади Италии и значительно превосходит в этом отношении Англию с Северной Ирландией.

Илимский острог, ныне с. Илимск, несколько смещѐн от центра бывшего воеводства на северо-запад; его координаты — 56°46' северной широты и 103°51' восточной долготы. Он лежит, примерно, на параллели городов Тюмени, Свердловска, Иванова, Калинина, Риги.

Поверхность этой части Средне-Сибирского плоскогорья представляет сильно расчленѐнную долинами рек возвышенную страну. В среднем она лежит на 300-500 м выше уровня моря, а отдельные точки еѐ достигают 900-1000 м. Илимское воеводство

занимало самую изрезанную и неровную часть Средне-Сибирского плоскогорья. Южнее простирается почти равнинный пояс Тулуно-Иркутской лесостепи, севернее начинается слабо и широко всхолмленная покать, медленно опускающаяся к Северному Ледовитому океану.

В «Описной книге», составленной в 1699-1700 гг.. илимским воеводой Фѐдором Родионовичем Качановым после объезда им всех селений воеводства, по каждой волости приводятся данные о состоянии земледелия и прибавляются замечании о характере местности (Россыпь, № 11, св. 2)[1]. Вот несколько выдержек из этой книги:

«А около той вышеписанной же Нижно-Киренской всей слободы, по обе стороны Лены реки, каменные горы. И на тех горах никакие пашенные земли и сенных покосов нет».

Такое же замечание сделано по Верхне-Киренской, Криволуцкой, Усть-Кутской, Тутурской и Илгинской волостям. В Верхне-Илимской волости последним селением была дер. Максинская, на устье р. Кочерги. «А выше тое деревни вверх по Илиму — до вершины (реки) пахотных мест нет. Прилегли дикие лесные места». В отношении всей Верхне-Илимской волости воевода записал: «А около той вышеписанной всей слободы по обе стороны Илима реки каменные горы. И на тех горах, опроче Черные речки, никакие пашенные земли и сенных покосов нет. И кочюют по Илиму реке меж деревнями и но посторонным речкам и по хрептам, переходя с реки на реку и с хрепта на хребет, илимские ясашные тунгусы и кормятца рыбою и зверем». Такая же приписка сделана и о долине р. Купы.

Неровность рельефа наложила глубокий отпечаток на земледелие Ангаро-Илимо-Ленского края, придав ему местами характер полугорного земледелия. Здесь нельзя встретить крупных пахотных массивов и границы полей всегда очерчены извилистыми линиями естественных рубежей.

Вся территория края имеет наклон на север. Степень понижения можно проследить по высотным отметкам на Ангаре и Лене.

Ангара вытекает из Байкала, поверхность которого находится выше уровня океана на 460 м. Около Балаганска, лежавшего на южной границе Илимского воеводства, р. Ангара имеет высоту над уровнем океана в 376 м, в Усть-Уде 365, в Яндах 358, в Шумиловой 334, в Братске 315, на устье р. Илима 218 м. Следовательно, падение местности по Ангаре от еѐ истока до устья р. Илима достигает почти ¼ километра. Река Лена, взяв начало с Байкальского хребта на высоте более 1500 м, быстро превращается в равнинный поток, и уже около с. Бирюльского течѐт на высоте 580 м. В Верхоленске высота еѐ снижается до

[1] Полный текст этого документа см. Сибирский приказ. Книга 1227, лл. 1-256.

515 м, в Омолое до 325, в Киренске до 270 м. Таким образом, общее падение еѐ от с. Бирюльского до Киренска составляет 310 метров.

В южной части края между Леной и Ангарой меридионально протягивается Берѐзовый хребѐт, имеющий высоты до 800-900 метров. Один из отрогов его образует Погадаевский, а ещѐ севернее — Илимский хребты, разграничивающие бассейны Ангары и Илима; отдельные вершины этих хребтов поднимаются на 700-900 метров. Почти такой же высоты достигают водораздельные хребты между Илимом и Леной, а между Леной и Ки- ренгой встречаются гольцы до 1500 метров.

Падение высоты местности с юга на север имеет для земледелия края очень важное значение, так как является фактором, противодействующим закону зонального распределения температур, вследствие чего выравнивается разница в климатическом отношении между севером и югом края.

Средне-Сибирское плоскогорье прорезается несколькими сотнями рек и речек, которые принадлежат к бассейнам двух исполинских рек — Ангары и Лены. Из них на картах среднего масштаба изображается обычно 200-250 рек.

В пределах бывшего Илимского воеводства Ангара принимает слева самый крупный приток — р. Оку (около 1000 км длиной), справа р. Илим (450 км)[1]. В Лену впадают слева: Илга (220) и Кута (200), справа: Тутура (200), Орленга (120) и Киренга (550 км). Ангара и Лена в их течении по Средне-Сибирскому плоскогорью сближаются больше, чем где-либо в другом месте. Истоки их находятся друг от друга в 300 км. На 55° сев. широты эти реки сближаются до 120 км, а в их устьях расходятся больше чем на 2000 км. Но многие притоки обеих рек сокращают расстояние между ними до нескольких километров; так, от Илимска до р. Купы немного больше 50 км, между р. Илимом и речкой Тиликой, принадлежащей к бассейну р. Лены, всего 7-8 км. Верховья р. Илима, р. Тыпты и р. Кулундуя берут начало с разных сторон Берѐзового хребта на границе Усть-Удинско- го и Жигаловского районов и сближаются до 1-2 км. Но лишь в единственном случае можно воспользоваться этими сближениями притоков для сокращения пути, именно через Илимск на р. Купу.

Реки имели в Илимском крае двоякое значение. Во-первых, как превосходные, а часто единственно возможные пути сообщения. Например, в Коченском и Кочергинском сельсоветах Усть-Удинского района связь с пашнями и сенокосами осуществляется только в лодках-берестянках, поднимающих около 10 пудов груза. Никаких других дорог здесь нет. Зимой можно ез-

[1] Согласно «Справочнику по водным ресурсам СССР», том XVI, вып. 1, «Лено-Енисейский район», Лнгр., 1936, длина р. Илима — около 600 км. Тут же, на стр. 350 названы несуществующие притоки р. Илима-Кагаян и Турма (может быть Турига?), а р. Чора показана правым притоком.

дить по льду того же Илима. Во-вторых, по рекам и их притокам располагаются пашни и почти все сенокосы. Приречные долины часто оказываются единственными местами, где возможно ведение таѐжного земледелия.

Таким образом, географические условия в Ангаро-Илимо- Ленском крас предопределили характер пашни — мелкие участки еѐ рассеяны по склонам гор, спускающимся в приречные долины.

КЛИМАТ КРАЯ

Ангаро-Илимо-Ленское междуречье находится в центре Сибири, отдалено от океанов на тысячи вѐрст, а с юга отгорожено от влияния тѐплых морей грядой Восточных Саян. Поэтому климат этой части срединной Сибири является подлинно континентальным.

Метеорологические наблюдения здесь начались первоначально по Лене — в Киренске с 1892 года и в Омолое с 1894 года, затем по Илиму — в Илимске с 1902 года и по Ангаре — в Братске с 1898 года. Наблюдения ограничивались первоначально записями температуры воздуха, количества осадков и глубины снежного покрова. Со временем сеть станций постепенно расширялась и достигла 23 пунктов, из которых некоторые действовали, впрочем, лишь несколько лет.

Почти все ныне действующие станции лежат на двух реках — Ангаре и Лене и образуют неравностороннюю трапецию; расстояния между крайними станциями по прямой линии составляют: по Ангаре 448 км, по Лене 560 км. Расстояние между Балаганском и Качугом равно 175 км, между Невоном и Ичерой — 420 км. Близ пересечения диагоналей этого четвероугольника лежит Илимск.

На основании имеющихся данных можно сделать два важных вывода:

1) на Лене несколько холоднее, чем на Ангаре, что отмечалось исследователями климата Восточно-Сибирского края,

2) совершенно неощутимо понижение температур в северных местностях по сравнению с южными.

В целом, показатели температуры свидетельствуют о необычайной пространственной выровненности теплового режима на этой громадной площади.

Основной причиной этой выровненности несомненно является понижение уровня страны с юга на север и, кроме того, сплошной лесной покров местности.

Влияние географической широты почти невозможно подметить даже на таком точном показателе, каким является максимальная и минимальная температура. Амплитуда колебаний температур достигает 86°, т. е. величины, свойственной ярко выраженному континентальному климату.

Для характеристики климата с сельскохозяйственной точки

зрении недостаточно показать средние температуры воздуха. Необходимо ещѐ знать длину вегетационного периода и количество тепла, получаемого земледелием за летнее время.

Для вычисления этих показателей надѐжные данные имеются только по Братску (24 года наблюдения) и по Илимску (18 лет). По остальным станциям отчѐтные материалы основаны на обработке значительно меньшего числа лет. Но лишь общей выровненностью климата можно объяснить то странное явление, что длина вегетационного периода, т. е. времени, когда температура воздуха не ниже +5° С, не уменьшается в северных местностях Ангаро-Илимо-Ленского края, а, напротив, имеет тенденцию к некоторому повышению.

Можно отметить своеобразное явление — северные и южные местности края имеют одинаковый безморозный период.

В Киренске для возделывания сельскохозяйственных растений слагаются более благоприятные условия, чем в Качуге не только в смысле общей длины безморозного времени, но и в смысле большей надѐжности и устойчивости границ его. Несколько сложнее складывается обстановка в Братске. Илимск занимает в этой таблице среднее положение и, как ни странно, более благоприятное, чем южные станции. Конечно, первые осенние заморозки не означают прекращения вегетации; больше того, они могут пощадить даже теплолюбивые растения.

Все материалы о температурных условиях обширного края свидетельствуют об очень суровой обстановке, в которой оказывается земледелец. Здесь нет гарантий от неожиданных осложнений. Первые заморозки могут наступить в середине — конце августа, поэтому сельскохозяйственные работы должны выполняться в очень сжатые сроки. Но могут быть заморозки, губящие посевы, и в начале августа. Например, в 1770 г. утренники 1-3 августа убили хлеба и овощи в Илгинской волости, так что потребовалась правительственная помощь. В одном из документов, находящемся в россыпи дел, об этом случае говорится так: «Минувшего июля 21, 22 и 23 чисел сего лета по утрам от воли божией были превеликие морозы, от которых у них, крестьян, как хлеб разного звания, так и всякие ж огородные овощи и семена коноплянные все позябли».

Принимая во внимание сильную пересечѐнность местности, можно понять, почему на фоне сравнительного однообразия тепловых условий всего края встречаются резкие отклонения, обусловленные локальными причинами, вследствие чего для успешного ведения сельского хозяйства первостепенное значение приобретает правильный учѐт микроклимата.

Наблюдателя в этом крае поражает резкая разница в климатическом отношении даже между близколежащими местностями. Осенью на вершинах уже облетают берѐзы и осины, а рядом, в долинах, всѐ ещѐ в зелени. Бывает, что на Хребтовой (д. Избушкина) ложится снег, а в Илимске, отстоящем от неѐ на 20

км, ботва картофеля не повреждена заморозками. Разница в наступлении сильных утренников, с инеем, между Приангарьем к таѐжной частью края достигает двух, а иногда и трѐх недель. Население прекрасно знает, что в низинах, около болот, проходят подчас сильные заморозки, не затрагивающие склоны холмов, которые поднимаются из этих низин.

В отношении осадков вся центральная часть Средне-Сибирского плоскогорья относится к области достаточного увлажнения. Если рассматривать суммы выпадающих осадков только как абсолютные величины, безотносительно к другим показаниям климата, то создаѐтся представление о недостатке осадков. Но если учесть среднюю низкую температуру воздуха и лесной характер местности, то окажется, что этих осадков достаточно для успешного ведения сельского хозяйства. Более того, здесь никогда не бывает засух, подобных тем, которые поражают юго- восточные районы Европейской части СССР или степные местности Западной Сибири. Северные районы Ангаро-Ленского края оказываются в этом отношении в более благоприятных условиях чем даже соседняя Тулуно-Балаганская лесостепь.

Гидротермический коэфициент за июнь-август, вычисленный по формуле Г.Т. Селянинова, близок к тому же показателю Москвы. Колебания гидротермического коэфициента по отдельным станциям незначительны. Таким образом, Ангаро-Илимо-Ленский край оказывается лежащим в зоне достаточного увлажнения.

Однако сказанное далеко не означает, что в отношении осадков земледелец оказывается здесь в благоприятном положении. Если подвергнуть внимательному рассмотрению время выпадения осадков, то обнаружится крайне неравномерное распределение их в течение года.

Нельзя не обратить внимания на чрезвычайную неравномерность выпадения атмосферной влаги в течение года. В Братске к марте выпадает осадков в 10 раз меньше, чем в июле, в Илимске в 6, в Шаманском в 8 и в Киренске в 16 раз. За октябрь-апрель, т. е. в течение 7 месяцев, выпадает лишь 30% от годового количества осадков. Значит, почва к весенним посевным работам не может накопить достаточного запаса воды. Но и в мае, когда осуществляется сев, осадки далеко недостаточны. Обильные дожди начинаются с июня и продолжаются до сентября, а иногда до октября. За 4 месяца, за июнь-сентябрь, выпадает свыше 60% годового количества осадков. Всѐ это создаѐт два критических периода для земледельца: слишком сухую весну и излишне влажную осень, причѐм после осенних дождей быстро наступают заморозки.

Земледелец должен уловить весной весьма короткий период после оттаивания земли, пока почва не высохла, сеять быстро и заделывать семена глубоко. Осенью он должен пользоваться каждым часом ясной погоды и в сжатый срок завершать полевые

работы. Чтоб осуществить их в таких условиях, требуется высокая обеспеченность хозяйства рабочей и тягловой силой.

Время установления устойчивого снегового покрова и время схода его колеблются в нешироких пределах. В среднем, снег окончательно покрывает землю в конце октября и сходит в середине или в конце апреля.

Нельзя подметить, как и в отношении многих других климатических показателей, строгой закономерности в изменениях длительности снегового покрова при движении с юга на север. Вся таèжная местность представляется и в этом отношении достаточно однообразной. С точки зрения сельскохозяйственного производства время установления и схода снежного покрова в общем благоприятно, так как озимые посевы ко времени наступления зимних холодов оказываются одетыми постоянным защитным покровом. Высота снега вполне достаточна для надèжного укрытия зимующих растений от вымерзания. Кроме того, здесь значительно меньше, чем в лесостепных местностях, сдувает снег с полей, вследствие чего возрастает надèжность перезимовки растений и не требуется в широких размерах проводить искусственное снегозадержание.

К сделанной характеристике климата можно добавить, что Ангаро-Илимо-Ленский край отличается обилием солнечного сияния. Число пасмурных дней здесь значительно меньше, чем в соответствующих широтах всех западнее лежащих областей СССР. Этим в известной мере объясняется то, что в Ангаро-Илимском крае возделываются почти все растения средней полосы СССР, так как здесь они заканчивают своè развитие в более короткие сроки, чем в Европейской части СССР или в Западной Сибири.

Низкие зимние температуры переносятся людьми и животными сравнительно легко, ибо во время морозов абсолютная влажность воздуха невелика, и устанавливается спокойная погода с безоблачным небом, с высоким барометрическим давлением и с полным отсутствием ветров.

В целом климатические условия края позволяют создавать устойчивое и надèжное земледелие, но предъявляют строгие требования к земледельцу в смысле точного учèта их при проведении сельскохозяйственных работ.

ПОЧВЫ

На характере почвенного покрова Ангаро-Илимо-Ленского края сказывается влияние различных факторов, частью действующих в противоположных направлениях.

Повсеместное господство леса, главным образом хвойной тайги, является мощной и постоянно действующей причиной подзолообразования. Судя по степени залесенности, здесь нужно ожидать господства подзолистых почв.

Вместе с тем широкое распространение отложений кембрия и силура сказалось в том, что местные почвы содержат много кальция, а магния в несколько раз больше, чем почвы других районов СССР; это оказывает глубокое тормозящее влияние на процессы подзолообразования.

Сравнительно небольшое количество атмосферных осадков при краткости тѐплого периода, а также почти сплошное залегание вечной мерзлоты сильно ослабляют промывание почвы и, следовательно, задерживают развитие подзола.[1]

Сильная расчленѐнность местности исключает появление значительных площадей низинных болот, ограничивает их узкими долинами рек и речек и неизбежно влечѐт за собой образование многочисленных почвенных разностей на различных элементах рельефа и на разных экспозициях склонов.

К сказанному можно добавить, что в силу сравнительной молодости почвенного покрова, фактор времени здесь ещѐ не проявил того глубокого влияния, как это имело место в большинстве других районов СССР.

Всѐ это, вместе взятое, достаточно удовлетворительно объясняет характерные особенности почв Ангаро-Илимо-Ленского края: неглубокий перегнойный горизонт, небольшую, а иногда едва заметную оподзоленность почв, слабо-кислую реакцию, очень высокую, подчас почти предельную насыщенность их кальцием и магнием и весьма большую ѐмкость поглощения.

Господствующими почвами в крае являются слабоподзолистые. Сильно и среднеоподзоленные почвы залегают большими массивами главным образом по Ангаре, ниже Братска, а в других местах — мелкими вкраплениями, преимущественно на вершинах хребтов. Изредка встречаются незначительные пятна солонцов. Болотные почвы развиты не так сильно, как этого можно было бы ожидать на основании географического положения края. Во всяком случае, здесь нет ничего похожего на Васюганье Западной Сибири или на болота севера Европейской части СССР.

Пространственно главные почвенные образования и их разности распределяются следующим образом: но всей горной части Ангаро-Ленского междуречья до параллели Братска и далее к северу по Лене, вплоть до границ с Катангским районом и Якутской АССР, громадной полосой залегают красно-бурые слабоподзолистые, преимущественно суглинистые почвы. По рекам Купе и Куте идут широкой 150-вѐрстной полосой более светлые почвы того же типа, они же встречаются на больших площадях ет Тангуя до устья р. Илима.

Сильно и среднеподзолистые почвы прорезают этот район длинными языками, в общем повторяя контуры Погадаевского,

[1] Поэтому даже в области пихтово-кедровой тайги встречаются едва оподзоленные или даже совершенно не оподзоленные почвы. Ср. Л.И. Прасолов «Южное Забайкалье», Ленинград, 1927, стр. 244.

Берèзового и Илимского хребтов, т. е. вне пределов освоенной земледельческой зоны.

По р. Оке, до еѐ устья, узкой полосой в 20-30 км, тянутся слабоподзолистые супеси. В долинах Лены и Киренги, на всѐм протяжении этих рек, а также в нижнем течении Илги и Туту- ры нередко встречаются, особенно на отлогих частях рельефа, более тѐмные разности тех же красно-бурых (коричневых) слабооподзоленных суглинков. В Лено-Киренском междуречье, главным образом по р. Ханде и в озѐрном районе, из которого берут начало почти все реки этой местности, крупными пятнами встречаются торфяно-болотные почвы. Эти пространства лежат также вне земледельческой полосы.

Солонцы, как и всегда, приурочены к пониженным местам и залегают изолированными вкраплениями в долине р. Лены, выше устья рек Илги и Тутуры и в устье р. Куты. Вообще в районе нередки выходы соляных ключей.

Для земледелия самое важное значение имеют тѐмные разности красно-бурых (коричневых) почв, тем более, что они чаще всего залегают по спокойным пологим понижениям, а более светлые — по средним частям склонов и по вершинам плоских увалов. Перегнойный горизонт у первых колеблется в пределах 18-35 см, а у вторых — 10-20 см.

К сожалению, анализов почв этого громадного края почти нет, и почвенные исследования сводились преимущественно к морфологическим описаниям. Поэтому ограничимся данными анализа из неопубликованной работы почвенной группы управления землеустройства Иркутского облземотдела в составе Константиновой А.Т., Столярова В.В., Соколова А.Н. и Тимошенко А.П., которыми в 1942 г. написан сводный очерк по обследованию почв сортоучастков Иркутской области.

Результаты анализов коричневых слабоподзолистых почв Жигаловского сортоучастка приведены в таблице 1.

Таблица 1

Название почв	Глубина образа, см	Содержание гумуса, %%	Гидролитическая кислотность, миллиэквивалентов	Кислотность в pH	Сумма поглощѐнных оснований в милиэкв.	Степень насыщенности основаниями в %%
Светлокоричневая	0-10 20-25	2,1 0,7	1,15 0,78	7,2 7,0	26,0 26,0	95,0 97,0
Коричневая	0-10 20-25	— —	2,15 1,32	7,2 7,0	27,7 25,5	93,0 95,0
Тѐмнокоричневая	0-10 15-20	6,2 2,0	1,25 0,80	7,2 7,2	36,0 27,5	96,6 97,1

Недостающий показатель содержания гумуса в коричневой разности можно отчасти восполнить ссылкой на анализы сходных почв в других районах того же края. Например, в Балаганском сортоучастке почвы этого вида содержат в горизонте 0-10 см 3,97% гумуса, в горизонте 10-15 см — 3,11%.

По Братскому сортоучастку есть несколько неполных анализов светло-коричневых почв, расположенных на верхних частях склонов. Разрез № 4 на глубине 0-10 см дал 2,87% гумуса, в горизонте 20-25 см — 1,13%. Кислотность этих почв 7,2-7,4 pH. В другом разрезе на глубине 0-10 см — 2,82% гумуса, на глубине 12-20 см — 2,51%. Кислотность — 7,2 pH.

Все слабоподзолистые суглинки достаточно обогащены фосфорной кислотой. В Братском сортоучастке в 1 кг почвы содержится 300 мг, в Жигаловском 220-240-300 мг $P_2 0_5$.

Итак, по содержанию гумуса красно-бурые или тѐмнокоричневые разности слабоподзолистых суглинков отвечают довольно строгим требованиям, но мощность перегнойного горизонта их невелика. Поэтому почвы района хорошо отзываются на органические удобрения.

Далее, как видно из таблицы 1, кислотность суглинков невысока и они относятся к почвам с нейтральной реакцией. Вследствие этого вопрос об известковании почв, по крайней мере вовлечѐнных в обработку, не является здесь актуальным, и земледелец может с. успехом выращивать все растения средних широт без дорогостоящих мероприятий по химическому мелиорированию почв.

Наконец, высокие показатели по сумме поглощѐнных оснований (кальция и магния) и почти предельная степень насыщенности основаниями является причиной прочной структуры большинства тѐмных разностей слабоподзолистых почв Ангаро-Илимо-Ленского края, не выпахивающихся в течение длительного времени. Обычно после распашки эти почвы быстро приобретают ещѐ более прочную структуру.

Эти свойства суглинков были быстро оценены пришедшими сюда крестьянами, которые решительно предпочли их другим, даже чернозѐмовидным тѐмным почвам, главная зона залегания которых, впрочем, расположена южнее земледельческих центров бывшего Илимского воеводства.

Что касается средне- и сильнооподзоленных почв водораздельных пространств, то можно отметить значительное ухудшение как механического состава, так и физико-химических свойств их по сравнению с слабооподзоленными суглинками. Почвы эти бедны гумусом, пахотный горизонт иногда почти отсутствует, реакция их кислая, резко падает сумма поглощѐнных оснований, а степень насыщенности основаниями снижается до 73-85%. Так как эти почвы покрыты тайгой и обычно занимают неудобные по рельефу высокие места, то, естественно, что они до сих

пор остались нетронутыми земледельческой культурой. Освоение их — дело сравнительно далѐкого будущего.

Столь же малое значение для земледелия имеют сейчас и боровые пески и супеси, чаще всего встречающиеся под сосновыми насаждениями вдоль нижнего течения р. Оки, главным образом, по правому берегу еѐ и по левому берегу Ангары, у устья Оки. Хотя гумусовый горизонт их иногда и достигает величины до 30 см, однако содержание гумуса в почве не превосходит 2-3% для первых 10 см. Гидролитическая кислотность их находится в пределах 3,0-3,5 миллиэквивалентов, а кислотность в pH от 4,7 до 5,4. Следовательно, для освоения этих пространств под пашню необходимо внесение значительных количеств навоза или торфа, внедрение севооборотов с длительным использованием многолетних трав и известкование почв.

Болотные почвы обычно переувлажнены, имеют значительный, а иногда громадный гумусовый горизонт с очень низким содержанием минеральной части, с плохой аэрацией и повышенной кислотностью. Низкое расположение большинства их является причиной частых поздних заморозков весной и ранних заморозков осенью, вследствие чего население не обращает их под пашню и использует обычно в качестве сенокосных угодий.

Однако не все заболоченные почвы не пригодны под пашню. По склонам увалов нередко залегают полуболотные почвы, обычно занятые лиственницей. Они отличаются глубоким пахотным слоем, значительным содержанием гумуса и хорошими физическими свойствами. Население высоко ценит их и после расчистки от леса обращает под пашню.

Итак, почвы Ангаро-Илимо-Ленского края требуют от земледельца тонкой и правильной оценки с точки зрения пригодности к сельскохозяйственному освоению. Рядом с плодородными почвами, обладающими хорошими механическими и физико-химическими качествами, лежат малоценные подзолы, торфяники или грубо-скелетные почвы. Здесь земледелец не может так легко, почти не задумываясь, начать разделку поля, как это делает крестьянин в степной или лесо-степной местности Сибири или в Европейской части СССР, или в прериях Америки. Здесь природа ставит землепашцу много сложных условий при выборе пахотного участка. Не забудем также, что почти все эти почти закрыты от взора тайгой. Но лес скрывает почву лишь от несведущего взгляда. Наоборот, для опытного и разбирающегося в своих делах земледельца травы и лесной покров многое рассказывают о качестве почв, на которых они растут.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Исследования растительности в пределах Ангаро-Илимо-Ленского края начались с 30-х годов XVIII века; первым натуралистом, который посетил эти места с ботаническими целями, был И.Г. Гмелин.

Отвечая на один из запросов иркутской провинциальной канцелярии в 1736 г., из Илимска сообщали, что «в том Усть-Куцком и того острога уезду имеются леса званием, а именно: сосна, ельник, лисвяг, березник, кедровник, пихтовник, осинник. А в оной (Криволуцкой) слободе и в присутствующих деревнях: ...сосна, ельник, березник, лисвяг, а иных лесов и впредь к поселению мест, також и угодей никаких не имеетца... Во оном Киренском остроге и в уезде леса имеются: ...сосняк, ельник, лисвяг, топольник, березник, кедровник... В Чечуйском остроге... сосняк, ельник, а больше того иного лесу и никаких угодей и впредь к поселению мест ничего не имеетца...» Далее, в том же письме сообщается, что в Орленской слободе, в Тутурской слободе и в Илгинском остроге растут: сосна, ель, берèза, лиственница. В Яндинском остроге к этим древесным породам прибавлены «осинник, тальник, ольховник». В Ново-Удинской слободе названы лишь сосна, ель, берèза; в Братском остроге: сосна, ель, лиственница, берèза, осина, пихта, тальник. В остальных волостях перечислены те же породы, а по Нижне-Илимской слободе упомянут ещè кедр (арх. № 625, св. 68). Таким образом, в этом документе названы все древесные породы, составляющие и сейчас главную часть тайги. Но, как видно, илимская воеводская канцелярия не придавала значения точному перечню пород по волостям, почему и оказалось, что в Чечуйской волости встречаются будто бы лишь сосна и ель.

Есть ещè один такой же случайный документ — в россыпи дел 1745 г., когда на илимскую воеводскую канцелярию была второй раз возложена несвойственная ей роль ботаника. Она наивно писала: «на полях и в лесах разные травы родятца, на которых бывают цветы красные, рудожелтые, алые, желтые, белые, синие. А какие оные травы прозванием, того знать в Ылимску некому. А свидетельствовал оные травы в Ылимском уезде доктор и Академии Наук профессор Яган Георг Гмелин в прошлом 736 году».[1] В том же документе названы ягоды и грибы: «Полевых и лесных овощей родитца: ягод — землянина, брусника, черница, смородина красная и черная, пьяница — она ж и голубица, черемха, орехи кедровые; грибы — масленики, рыжики, грузди. Оные овощи полевые и лесные родятца времянем. И бо-

[1] Когда-то Линней писал Лаксману: «От Кавалера Линнея к Лаксману. Упсала 12 марта 1764 года. — Сибирские же (растения) напротив украшают сады наши новым великолепием. И Вы, Милостивый Государь, могли бы украсить наше отечество, и себя в потомстве сделать бессмертным, если бы приняли на себя труд доставить ко мне семена дикорастущих Сибирских трав. Всех более желал бы я иметь: Actaea cimicifuga с четырью пестиками и Hyosciamus physaloides, Hyoecoon erectum. Fumaria spectabilis, Trollius asiaticus (по местному — огоньки. В.Ш.), многие тамошние Spiraea, маленький Ulmus frutex и другие редкие растения, которых нет в Европейских садах; каждое из них было бы для нас наивеличайшим сокровищем». «Сибирский вестник», издаваемый Григорием Спасским, СПБ, 1820, часть 9, стр. 2.

лее иных овощей полевых и лесных не имеетца» (Россыпь, № 387, св. 41).

Как ни несовершенны эти показания, они с большой силой подчѐркивают лесной характер местности и отмечают господствующие породы деревьев и отчасти характеризуют состав кустарниковой, травянистой и грибной флоры. Неоднократное повторение того, что никаких других угодий, т. е. степных пространств, значительных болот, солонцов или солончаков нет, — делается не случайно.

Действительно, и сейчас, через три столетия после прихода русских в эти места, Ангаро-Илимо-Ленский край представляет картину безусловного господства тайги, с еѐ сравнительно однообразной растительностью.

В таблице 2 приведены данные о распределении земельных фондов северных районов Иркутской области по главным угодиям. Эти данные взяты из учѐта земель Иркутского областного земельного отдела на 1 ноября 1941 г.

Итак, из 1000 га в Ангаро-Илимо-Ленском крае находится в обработке лишь 8 га, в Нижне-Илимском районе 3 га, а в Казачинско-Ленском ещѐ меньше — 2 га. Занято лесом из 1000 га — 940 га, а в Нижне-Илимском районе 992 га. Из 1.131.000 га неудобных земель некоторая часть также покрыта лесом.

Значительную работу проделали в 1908-1914 гг. почвенно- ботанические экспедиции Переселенческого управления. Опубликованные предварительные отчѐты этих экспедиций, а также работы отдельных еѐ участников (Ганешина С.С., Дробова В.П., Криштофовича А.Н., Томина М.П., в меньшей степени — Кучеровской С.Е.) представляют до сих пор основной материал к познанию флоры Средне-Сибирского плоскогорья. Недостатком этих работ, предпринятых в целях изыскания колонизационных фондов, является отсутствие связи с сельскохозяйственными нуждами края. Они почти не давали оценки качеству естественных угодий и лишь в слабой степени касались возможности их использования.

Главная часть лесопокрытой площади, около 85-90%, занята хвойной растительностью и около 5-10% лиственными породами. Основную часть лесов составляет сосна, за нею следует лиственница, затем кедр и, наконец, пихта и ель. Из лиственных пород около ⅔ принадлежит берѐзе и ⅓ осине. Не подлежит сомнению, что ко времени прихода русских в описываемый край соотношения между лесными породами были иными, чем сейчас. Тогда господствовала тѐмная кедрово-елово-пихтовая тайга. Лиственница и сосна входили в состав этой коренной тайги, не образуя господствующих формаций. Приход человека и его сельскохозяйственная и промысловая деятельность в последующие 300 лет сопровождались повсеместными лесными пожарами, отчасти вызванными сознательными мероприятиями в борьбе за от-

Таблица 2

Районы	Тысяч га					%				
	Пашня и усадьба	**Сенокос и выгон**	**Лес и кустар-ник**	**неудоб-ные зем-ли**	**Итого**	**Пашня и усадьба**	**Сенокос и выгон**	**Лес и кустар-ник**	**неудоб-ные зем-ли**	Ито-го
Бассейн р. Лены										
1. Жигаловский	30,5	19,8	2322,7	8,0	2381,0	1,3	0,8	97,6	0,3	100
2. Усть-Кутский	10,3	10,7	3379,2	149,7	3549,9	0,3	0,3	95,2	4,2	100
3. Киренский	18,0	22,2	3798,1	855,1	4693,4	0,4	0,5	80,9	18,2	100
4. Казачинско-Ленский	5,6	11,8	3104,7	—	3122,1	0,2	0,4	99,4	—	100
Бассейн р. Ангары										
5. Нижне-Илимский	15,2	10,4	4596,5	15,0	4637,1	0,3	0,2	99,2	0,3	100
6. Усть-Удинский	50,7	28,6	2260,7	27,2	2367,2	2,1	1,2	95,5	1,2	100
7. Братский	40,0	24,6	2802,0	5,4	2872,0	1,4	0,9	97,5	0,2	100
8. Тангуйский	30,3	37,2	1204,8	70,6	1342,9	2,3	2,8	89,7	5,2	100
Итого	200,6	165,3	23468,7	1131,0	24965,6	0,8	0,7	94,0	4,5	100

воевание у леса пахотных земель, а в подавляющем числе случаев — непреднамеренными лесными палами.

Грандиозные пожары истребили на большей части края девственную тайгу, внесли коренные изменения в соотношения между древесными породами, дали перевес некоторым из них, особенно на повторных гарях, а в ряде случаев навсегда отторгли от леса значительные пространства под пашни и луга. Пожалуй, наиболее бросающимся в глаза результатом таѐжных пожаров является развитие насаждений сосны и поступательное движение еѐ с юга на север, преимущественно по долинам крупных рек. Видимо, за человеком шла и берѐза.

Смена лесных формаций приводит к многосторонним последствиям в смысле влияния на травянистую растительность, иа почвы, на вечную мерзлоту и даже на климат прилегающих районов. В частности, изменение травяного покрова выражается в исчезновении на значительных площадях гарей обитателей тайги, в появлении среди лесной растительности многочисленных представителей луговой, лесостепной и даже степной формаций.

По Ангаре, Оке и Илиму преобладают сосновые леса с примесью лиственницы. В междуречьях господствует кедрово-елово-пихтовая тайга. По Лене, Киренге, а севернее — по Нижней Тунгуске расположились лиственничные таѐжные леса и, кроме того, отдельными вкраплениями встречаются кедрово-лиственничные насаждения.

Сосна образует светлые и сухие боры лишь на Оке. Селится она преимущественно на более или менее песчаных почвах по склонам и, таким образом, вклинивается в тайгу. Освоение земель из-под сосновых насаждений связано с значительными трудностями, и почвы, занятые ею, сравнительно быстро выпахиваются.

Лиственница, господствующая в восточной части края, занимает обычно верхние части хребтов и более сырые склоны их и селится преимущественно на глинистых почвах. Впрочем, чистых лиственничных насаждений немного. Земли из-под лиственницы всегда считались населением одними из лучших для хлебопашества, хотя расчистка их оказывается наиболее тяжѐлой.

Кедр сохранился в настоящее время в глубине тайги вместе с пихтой и елью. Он занимает вершины хребтов, поднимаясь выше всех хвойных; например в верховьях р. Илима он венчает Погадаевский хребѐт. Обычно почвы из-под кедровников для сельскохозяйственного освоения непригодны вследствие бедности органическими веществами, повышенной кислотности и значительного содержания хряща. Кроме того, они неудобны вследствие их высокого положения на местности.

Ель селится почти исключительно по сырым, обычно северным склонам хребтов, часто с пихтой и кедром, по болотным падям и неподалѐку от подножья коренного берега рек, которые она украшает узкими сплошными шпалерами. Освоение площа-

дей из-под ельников производилось редко и только под сенокосы и пастбища.

Пихта занимает чаще всего хребты с сильно оподзоленной, хотя и не заболоченной почвой, образуя иногда чистые пихтарники. Земли из-под неѐ, как и из-под кедра, для освоения под пашни почти непригодны.

Берѐза прежде других пород заселяет гари, особенно там, где повторные пожары уничтожают все хвойные насаждения, в том числе сосну и лиственницу. Особенно много берѐзовых рощ появилось с приходом земледельцев в долине р. Ангары и на еѐ островах. Вместе с берѐзой на гарях селятся осина и ива. Почва из-под берѐзы пригодна для обработки там, где берѐзовый лес существует давно. Берѐзовые насаждения, особенно на очень старых гарях, сводятся населением охотно, так как они легче вырубаются, корни берѐзы сгнивают скорее, чем корни хвойных деревьев, и почва оказывается достаточно плодородной. Но молодые берѐзовые насаждения на недавних гарях могут находиться на негодных для пашни почвах.[1]

Лугов в крае немного. Основные площади их приурочены к долинам крупных рек и иногда тянутся узкими полосками в несколько десятков метров ширины. Заливные луга по Ангаре сравнительно редки и встречаются главным образом в Братском районе. Больше заливных лугов по Лене.[2] Луга по таѐжным речкам обычно заболочены и заняты так называемыми ерниками, т. е. зарослями различных кустарниковых пород и особым видом низкорослой берѐзы: Betula fruticosa Pall., Salix repens L., Potentiila fruticosa L., Spiraea alpina Pall., S. media и S. salicifolia L.

Травянистый покров ерников слагается из смеси лесных, луговых и болотных растений, который улучшается после вырубки кустарниковой поросли.

На пространствах более открытых и сухих встречаются обычные злаки луговой и даже степной формации: Festuca ovina L., F. pratensis L., F. rubra L., Triticum cristatum (Agropyrum cristatum P. B.), Koeleria cristata Pers., Poa pratensis L., Alopecurus pratensis L., Agrostis alba L., Phleum Boehmeri Will., нередко дающих сено хорошего качества.

Важно отметить, что в составе дикой флоры открытых мест и на лугах встречаются, подчас в изобилии, многие ближайшие сородичи культурных многолетних трав из семейства бобовых.

[1] Работники бывшего переселенческого управления огульно зачисляли березняки в пригодные для освоения угодия.

[2] Всѐ же нельзя согласиться с мнением С.С. Ганешина об исключительной бедности долины р. Илима лугами и выгонами. Это мнение сложилось у него после ознакомления с местностью в верховьях этой реки. На стр. 18 его работы написано: «Лугов и выгонов по р. Илиму почти нет, так что нередко можно видеть стоящий посреди реки скот, вылавливающий себе в пищу водяные растения». С.С. Ганешин, «Растительность Ангаро-Илимского края Иркутской губернии», СПБ, 1912.

Например, довольно широко распространена Medicago falcata L., встречающаяся по суходолам у дорог, на пашнях, залежах и склонах. Medicago hipulina L. отмечена Криштофовичем и Ганешиным, Medicago platycarpa Led. указывается Криштофовичем и Боровиковым. Повсюду на лугах и выгонах растѐт Trifolium pratense L., а на более влажных лугах Trifolium repens L., в осветлѐнных лесах и на сухих лугах Trifolium lupinaster L. и Onobrychis sativa Lam. По имеющимся исследованиям флоры можно подсчитать, что здесь произрастает 10 видов вики, 4 вида донника и 5 видов чины. Из злаковых трав имеется, по крайней мере, 7 видов мятлика, 3 вида костра и 4 вида волоснеца.

Широкое распространение злаковых и бобовых трав даѐт ясное указание о возможности повсеместного травосеяния. Кроме того, дикорастущие представители этих семейств несомненно таят многие, ещѐ не раскрытые ценнейшие свойства, к изучению которых и к практическому использованию в земледелии до настоящего времени совершенно не приступлено.

По количеству видов сорной полевой растительности край пока не богат. Ещѐ беднее он был ими 100-200 лет тому назад. Однако, список сорняков всѐ время пополняется, часть их заводится человеком с семенами культурных растений, а часть переходит из местной дикорастущей флоры с мест своего естественного обитания на поля и огороды, приспосабливаясь к новой среде. Криштофович перечисляет 33 вида сорняков, из которых назовѐм наиболее злостных засорителей: Artemisia Sieversiana Willd., A. coerulea, Polygonum aviculare L., P. tataricum L. (Fagopyrum tataricum Gaertn.), P. convolvulus L., Capsella bursa pastoris Mnch., Equisetum arvense L., Stellaria media Vill., Potentilla anserina L., Setaria viridis P. B., Cirsium arvense Scop., Chenopodium album L., Ch. viride L., Axyris amaranthoides L. Ганешин приводит ещѐ более скромный список, впрочем упоминая очень редкий в этих краях засоритель льна — Cuscuta epilinum Weihe. Очень важное дополнение дано М.П. Томиным по области Березового хребта; он упоминает Cirsium serratuloides, Crepis tectorum L., Agrostemma githago L. и Triticum repens L.

Поразительно, что ни один исследователь флоры не указал на присутствие Avena fatua L., овсюга, этого бича современных полей северных районов Иркутской области. Если не ошибаемся, то и Agropyrum repens L., пырей ползучий, назван лишь дважды. Напрасно искать этот универсальный сорняк среди «Flora sibirica» Ледебура и в «Flora Baicalensi-Dahurica» Н. Турчанинова. Один из тягостных сорняков умеренных широт — Sonchus arvensis L., осот, появился в Ангаро-Илимо-Ленском крае не более 50-100 лет тому назад, пырей — не более 30-50 лет назад, а овсюг уже на нашей памяти — около 1935 года.

Поражение сорной растительностью полей здесь отличается необычайной своеобразностью: малым числом видов и чрезвычайной степенью их развития. Нередко приходится видеть пашни

почти со сплошным покровом Galeopsis tetrahit L., или Chenopodium album L., или Fagopyrum tataricum Gaertn, занесѐнном, вероятно, из Западной Сибири, или на кислых почвах — Equisetum arvense L.

Вот почему агротехника полевых растений должна взвешиваться здесь со всей тщательностью и проводиться без всяких отступлений.

Из сказанного о природе Ангаро-Илимо-Ленского края можно составить представление о тех требованиях, какие она предъявляет к земледельцу.

Выбор участка под пашню оценивается с точки зрения рельефа местности. Предпочитают поля, лежащие на второй трети склонов, на их восточных и южных сторонах. Здесь лучше почва, чем на вершине и меньше опасности от заморозков, чем у подошвы склонов.

Но обнажение значительных пространств склонов от леса может повлечь быстрый размыв их и даже снос всего пахотного слоя весенними снеговыми и летними дождевыми водами, что можно наблюдать, например, по Илиму.

Для освоения выбираются преимущественно участки из-под лиственницы или старых берѐзовых насаждений, реже из-под сосны.

Краткость тѐплого времени и сухая весна обусловливают крайне сжатые сроки всех сельскохозяйственных работ.

Опасность быстрого размножения сорной растительности заставляет вести особо тщательную подготовку почвы к посеву, проводить прополку и быстрее сменять культуры в таком севообороте, в котором через 1-2 года зерновые посевы сменялись бы паром, пропашными или многолетними травами.

Ангаро-Илимо-Ленский край имеет сказочно большие перспективы. Здесь залегают наиболее крупные железнорудные богатства Восточной Сибири, рядом расположен грандиозный каменноугольный бассейн, здесь сосредоточены запасы гидроэнергии, какие вряд ли имеются где-нибудь в другом месте страны. Будущие магистральные пути пойдут, вне сомнения, через пространства этого края. Через несколько лет тайгу прорежет железная дорога.

Следовательно, в порядок дня встаѐт вопрос о путях дальнейшего сельскохозяйственного освоения тайги на пространствах, измеряемых десятками миллионов гектаров.

Конечно, большая часть этих пространств будет на многие годы выключена из сельскохозяйственного освоения. Расширение имеющихся пашен и лугов должно быть поставлено не только в большом масштабе, но и на вполне научной основе. Наука же

никогда не забывает уроков прошлого. Поэтому своевременно и полезно вспомнить о жизни и деятельности илимского крестьянина, некогда проложившего здесь, в тайге, первые пути.

В ходе освоения новых земель, как показал опыт, быстро улучшается качество почв, богатых основаниями, отступает с тайгой и болотами вечная мерзлота, и места, в которых некогда с риском возделывались рожь и овѐс, превращаются в пшеничные районы.

ГЛАВА II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЛИМСКОГО ВОЕВОДСТВА

При упоминании Илимска возникает представление о маленькой захолустной деревеньке в несколько десятков дворов, заброшенной среди северной горно-таѐжной местности, в 600 км от Иркутска, в почти безлюдной земледельческой пустыне. Кажется, невозможно вообразить, чтобы эта деревня могла быть когда-то одним из крупных административных центров Сибири, городом на оживлѐнном и единственном пути из Руси на Дальний Восток. Ещѐ меньше можно представить себе, что этот город — «град Илимск», «острог Илимской», был средоточием огромного воеводства, с территорией, немногим уступавшей пространству современной Иркутской области и превосходившей десяток средне-русских губерний; представить стройную хозяйственную единицу с разветвлѐнной сетью путей сообщения, нити управления которой стягивались к берегам среднего течения таѐжного Илима, отражающего теперь, как и 300 лет назад, склоны гор, сплошь покрытых тайгой.

Свидетелями былой жизни Илимска остались: деревянная проезжая башня XVII столетия, с упавшей крышей и деревянным орлом на этом осколке илимского кремля, и две деревянных церкви, грозящие близким исчезновением; да ещѐ осталось ими Илимска, с его отличным от названий деревень выразительным окончанием, так хорошо звучавшим 2½-3 века тому назад и так странно звучащим теперь.

Вокруг Илимского острога складывались те остроги и слободы, которые образовали Илимский уезд, или Илимское воеводство. Немногочисленные и разрозненные тунгусы, населявшие лесные пространства по Илиму и Лене, не оказали сопротивления пришельцам. Да и впоследствии между тунгусами и русскими не возникало военных столкновений. Именно в этих таѐжных местах и были организованы первые русские волости, лежавшие на главном пути с Ангары на северо-восток: по р. Илиму — Нижне-Илимская и Верхне-Илимская, по р. Лене — Орленская, Усть-Кутская, Киренские и Чечуйская. Возникли они между

1631-1640 годами и в начале 40-х годов получили название волостей. При образовании в 1648 г. Илимского воеводства Чечуйская волость отошла к Якутскому острогу.

Выше Орленской волости в 1641 г. пятидесятник Мартынко Васильев строит Верхоленский Братский острожек. Но Васильев с отрядом не дошѐл «до угожих мест» и неудачно поставленный острожек около 1649 г. был перенесѐн на устье р. Куленги.

Южнее простирались лесостепные местности, занятые скотоводами-бурятами. Они, как и другие скотоводы, легко объединялись и оказали сильное сопротивление русским, не пуская их в свои «породные» земли. Верхоленский острожек и имел назначение оберегать пашенных крестьян, поселившихся по Лене и Тутуре, от этого народа, умевшего создавать хорошо организованную военную силу. В 1649 г. буряты прорвались вниз по Лене до Орленги: «приходили войною иноземцы неясачные и братцкие люди, 700 человек, под Верхоленской острог и на Тутуру и на Орленге, потому что в тое пору служилые и промышленые люди разъехались, в [В]ерхоленском остроге было служилых людей не со много. И что в полях всякого хлеба зжатого и непожатого и скотцкой корм — сено кошеное в копн[ах] все выжгли, а досталой весь хлеб потопт[али] и всякой скот: лошади и коровы и овцы отогнали». Но русские, сделав вылазку из острога, оттеснили бурят. Так доносил в Москву из Илимского острога якутский воевода Митька Францбеков.[1]

Буряты долго старались выбить русских из опорного пункта в верховьях Лены. В 1653 г. илимский воевода Оладьин сообщал, что буряты отложились, «в прошлых годех приходили войной иод твой государев Верхоленской Братцкой острожек и в пашенные волости под Тутурскую слободу... Поубивали и скот отгонивают, сена и хлеб жгли».[2] Воевода Вындомской писал: «во 168 (1660) году... в Верхоленском Братцком острошке своровали братцкие ясачные люди: шатость и измену заводили и к Верхо-

[1] Сибирский приказ. Столбец 331, часть 1, лл. 337-336, донесение попорчено. Воевода Францбеков употребляет своѐ имя в челобитье, как это было принято, в уменьшительной форме. Не всегда можно точно установить, от какого полного имени образовано уменьшительное. Например, Артюшка может означать и Артамон и Артемий, Симашка — Семѐн и Симон, Кирюшка — Кирилл, Кириан и Кирик. Другие имена вроде Жданки, Курбатки, Баженки, совсем не встречаются в полной форме и отсутствуют в современной русской речи. Многие имена писались по разному: Ивашка и Ивашко, Офонька и Афонька, Оксютка и Аксютка. Поэтому, в настоящей работе уменьшительные имена употребляются в тех случаях, когда они написаны так в документах.

Пѐтр I указал 30 декабря 1701 года, что русские с 1 января 1702 года должны «писатца целыми имянами с прозваниями своими, а полуимянами никому не писатца» (грамота из Сибирского приказа в Илимск от 21 января 1702 года. Россыпь, № 14, св. 2).

[2] Сибирский приказ. Столбец 344, часть II, лл. 263-270.

ленскому острошку приступали и острожек зжечь и казаков побить хотели».[1]

Но буряты уже были к этому времени объясачены, к воеводы преувеличивали опасность, чтобы обратить внимание Москвы на свои заслуги в деле замирения края. Дальнейшее заселение этого края шло в мирной обстановке.

В 1665 г. на левом притоке Лены — р. Илге поселяются крестьяне и возникает Знаменская, впоследствии Илгинская волость. В 1668 г. пашенные крестьяне обосновываются на другом притоке Верхней Лены — на р. Бирюльке, и там образуется Бирюльская и почти одновременно Манзурская волости. В 1670 г. заводятся пашни близ р. Уды, что повело к созданию Яндинской волости. В 1671 г. крестьяне расселяются по р. Ангаре выше и ниже устья р. Илима и таким образом расширяют Нижне-Илимскую волость. В том же году выше Яндинской волости возникает Идинская.

Затем начинается отписка волостей от Илимска. По указу царя Фѐдора Алексеевича 5 мая 1680 года от Илимска передаются в Якутск 6 волостей: Усть-Кутская, за исключением самого острога и деревень, лежащих выше устья р. Куты, Верхне-Киренская (Усть-Киренская, Криволуцкая), Орленская, Тутурская, Илгинская и Бирюльская. Эта отписка была обусловлена желанием более тесно связать Якутск с его хлебной базой. По грамоте Сибирского приказа в 1686 году отписываются от Илимска к Иркутску Верхоленская и Идинская волости.

В 1698 году заселяется местность вверх по р. Уде и там возникает в составе Илимского воеводства Ново-Удинская волость.

В 1699 году осуществляется ещѐ одна перетасовка волостей. Из Илимска к Якутску уходит Нижне-Киренская волость, а от Якутска в ведение Илимска перечисляются Тутурская, Орленская, Бирюльская и Илгинская волости, так как они «от Якуцкого гораздо удалели» (Арх. № 53, св. 4, лл. 61-71), Манзурская волость передается в Иркутское воеводство, вскоре за ней следует Бирюльская волость.

Начиная с этого времени в состав Илимского воеводства возвращаются все низовые ленские волости. По грамоте от 27 февраля 1704 года к Илимску приписываются Усть-Кутская, Нижне-Киренская, Верхне-Киренская и Криволуцкая волости, а в 1703 году — Чечуйская. По Ангаре границы воеводства также сильно расширяются: в 1705 году по грамоте из Сибирского приказа от 9 марта к Илимску присоединѐн Братский уезд (волость), а в 1710 году «по указу и за подписанием оберкоменданта князя Василия Ивановича Гагарина» от Енисейска в Илимск переходит Кежемская слобода. В конце первой четверти XVIII ве-

[1] Сибирский приказ. Столбец 586, часть 1, л. 16.

ка русские расселяются вверх по р. р. Оке и Ие, в результате чего из Братской волости выделяется Барлуцкая слобода.

На карте Илимского воеводства показаны те волости, которые вошли в его состав в начале XVIII века и остались до конца существования воеводства.

Кроме изменений состава волостей, входивших в границы Илимского воеводства, несколько раз менялось и административное подчинение самого воеводства. Вначале, т. е. с 1631 года, Илимский острог вместе с приписанными к нему селениями по верхней Лене и по Илиму образовывал нечто среднее между уездом и волостью и подчинялся якутским воеводам. С 1648 года воеводы в Илимск назначаются из Москвы, а Илимский острог становится центром самостоятельного уезда, с непосредственным подчинением Сибирскому приказу. Этот порядок просуществовал 70 лет, до 1718 года. Затем, по распоряжению сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина, Илимский и Киренский остроги передаются в ведение якутского воеводы. В то время Якутском управлял лантратор Иван Васильевич Ракитин. На основании распоряжения Гагарина Ракитин 26 мая 1718 посылает в Илимск указ о смене управителя Давыда Молчанова и его сына Дмитрия и о назначении приказчика Братского острога Филипа Антипина управителем в Илимск. Антипину, вступившему в феврале 1719 года в должность илимского управителя, Ракитин посылает указы из Якутска, не раз называя Антипина приказчиком. Последний был через год сменѐн Иваном Литвинцовым; его Ракитин также называл приказчиком. Однако вскоре и сам Ракитин за слабое ведение дела смещается с должности лантратора и уступает место Измайлову.

Передача руководства илимскими делами в Якутск быстро показала крайнее неудобство такого порядка. Указы из Москвы в Якутск шли через Илимск, а затем из Якутска возвращались вновь в Илимск, проделав лишних 3000 верст, что сильно, иногда на полгода, задерживало исполнение предписаний Сибирского приказа. Вследствие этого в 1722 году «по указу его царского величества повелено быть Илимску и с уездом под Иркуцкой правинцыей».

Название «волость» в XVII и начале XVIII столетия не было устойчивым. Очень часто вместо этого слова употреблялось слово «слобода» или «острог». Нередко встречаются выражения: Чичюйского острога Сполошенской деревни пашенный крестьянин такой-то. Слова «слобода» или «острог», без указания на принадлежащие к ним деревни, обозначали самую слободу или острог, как определѐнные населѐнные пункты. Вместо волости встречается и другое название — уезд; особенно часто говорится о Братском уезде, Чечуйском уезде и понятно — об Илимском уезде. Такая свобода словоупотребления привела к необходимости в настоящей работе вместо Илимского уезда говорить об Илимском воеводстве.

В волости было около десятка, иногда и несколько десятков деревень, а в одном случае только три населѐнных пункта. К названию селения прибавлялось слово «острог», если имелось укрепление в виде частокола с одной или несколькими башнями, или слово «слобода», если это был неукреплѐнный центр волости, или слово «деревня», если в этом населѐнном месте жили только крестьяне или другие земледельцы. Слово «деревня» одинаково ставилось и перед названием селения и после него, например в перечнях: «деревня Шестакова», если же населѐнный пункт употреблялся как определение, то слово деревня ставилось после него: «крестьянин Иван Ворыпаев Рыковской деревни». Слово «заимка» относилось или к отдельной пашне без постоянного двора или к однодворной деревне. А так как большинство деревень вначале состояло из одного двора, то часто в одном и том же документе такой населѐнный пункт назывался то заимкой, то деревней. Слово «село» не употреблялось.[1] Все деревни приписывались к какой-нибудь слободе или к острогу. Кроме обычных деревень в Илимском воеводстве имелись монастырские деревни или сами монастыри составляли поселѐнную единицу, оба последних вида населѐнных мест не входили в круг ведения местной администрации.

Таким образом, административное деление Илимского воеводства оказывается очень простым: главным центром является сам Илимск («Илимской острог» или просто «Илимской»), Ему подчинялись остроги и слободы. Далее шли деревни. Вне общего управления оказывались монастырские деревни и сами монастыри.

Данные о числе острогов, слобод, деревень и о числе жителей мужского пола, согласно списка 1723 года, приводятся в таблице 3.

Даже при беглом ознакомлении с этой таблицей обращает на себя внимание необычно малое соотношение между числом населѐнных мест и числом дворов: на 281 селение в 1723 году приходилось 956 дворов, а если отбросить, как нехарактерные, Илимский острог и монастырские деревни, то это соотношение выразится в числах 269 и 876, т. е. на одно селение придѐтся лишь 3,3 двора, в том числе дворов пашенных крестьян — 2,8.

Если сгруппировать деревни по числу дворов, то раскроется характерная особенность населѐнных мест того времени, а именно преобладание однодворных и двухдворных деревень. Группировка приведена в таблице 4. Для сопоставления в этой же таблице дана группировка селений 10 волостей Илимского воеводства по описной книге воеводы Ф.Р. Качанова 1699-1700 годов (Россыпь, № 11, св. 2)[2]. Но в последнюю обработку не во-

[1] А между тем, в Заволочье, откуда пришли илимские насельники, более древним названием было слово «село». С падением Новгорода оно быстро заменилось словом «деревня».

[2] См. также Сибирский приказ, книга 1227, лл. 1-256.

Таблица 3

Названия острогов и слобод (волостей)	Деревень и селений	Дворов		Душ мужск. пола	
		всего	в т. ч. пашенных крестьян	всего	в т. ч. пашенных крестьян
Илимский острог	1	63	—	401	—
Нижне-Илимская слобода	49	143	117	935	716
Верхне-Илимская волость	11	13	11	68	56
Усть-Кутский острог	19	55	38	408	251
Криволуцкая слобода	29	64	62	554	354
Киренский острог	13	61	55	535	375
Чечуйский острог	18	86	86	687	556
Орленская слобода	23	40	38	330	208
Тутурская слобода	19	33	30	326	204
Илгинский острог	21	68	67	889	459
Ново-Удинская слобода	3	30	30	257	168
Явдинский острог	23	59	49	622	309
Братский острог	34	193	151	1272	806
Кежемская слобода	7	31	28	196	148
Монастыри	11	17	16	391	98
Итого	281	956	778	7871	4708

Таблица 4

Дворов в деревне	1723		1700	
	число селений	% % к итогу	число селений	% % к итогу
1 двор	86	32,0	83	39,8
2 двора	76	28,2	57	27,3
3	38	14,1	24	11,5
4	23	8,6	10	4,8
5 дворов	10	3,7	9	4,3
6-7	11	4,1	13	6,2
8 - 9	10	3,7	4	1,9
10-11	4	1,5	3	1,4
12-13	6	2,2	3	1,4
14-17	1	0,4	3	1,4
18-24 двора	1	0,4	—	—
25-27 дворов	3	1,1	—	—
Итого	269	100,0	209	100,0

шли Илимский и Киренский остроги, а также семь пустых деревень.

Другими словами, однодворные деревни в 1723 году составляли ⅓ всех поселений Илимского воеводства, представляя самую многочисленную группу. Немногим меньше было число деревень с двумя дворами. Можно эти данные преобразовать в более крупные группы, тогда окажется, что мелкие деревни с 1-3 дворами составляли 74,3%, т. е. почти ¾ всех селений, «средние» деревни с 4-9 дворами — 20,1% и «крупные» деревни с 10-27 дворами только 5,6%.

Как следует из таблицы, за истекшие 23 года произошли лишь слабые изменения — число более крупных селений несколько увеличилось.

Самыми большими селениями, после Илимска, были: Братский острог — 25 дворов, погост Шаманский — 27 дворов и Ново-Удинская слобода — 25 дворов.

Хотя по отдельным волостям и наблюдаются значительные различия в смысле преобладания мелких или крупных деревень, например, в Верхне-Илимской волости деревни с 1-3 дворами

составляли 100% всех селений, а в Кирейской лишь 38,5%, однако подметить какие-либо экономические закономерности, обусловливающие эти отличия, почти невозможно. В общем, чем более развита сельскохозяйственная или промысловая деятельность волости, тем, как правило, крупнее еѐ селения.

Величина селений не есть случайный показатель, а мелкие однодворные деревни вовсе не курьѐз прошедшего времени. Средний размер селения — строго закономерная величина для конкретной эпохи и местности. Расселение мелкими однодворными деревнями позволило русским разрешить необычайно сложную задачу — быстро освоить обширные владения, превратить безымянные географические пространства в волости и уезды Русского государства, сельскохозяйственные пустыни — в земледельческие области.

Громадная и сравнительно густая сеть мелких русских селений сделала всю занятую местность непроницаемой для любого иноземного народа и позволила в ячейках между узлами сети осуществлять в дальнейшем размещение новых колонизационных отрядов крестьян.[1]

Эта форма не была предуказана сверху, правительством или воеводами, она была найдена в процессе освоения Сибири пашенными крестьянами и представляет как бы внешние контуры и костяк всего здания пашенного дела.

ОСТРОГИ И СЛОБОДЫ

Центрами управления в Илимском воеводстве являлись остроги и слободы, которые вместе «с присутствующими деревнями» образовывали волости. Первоначально остроги рубились как крепостцы, а после окончания военных действий превращались и резиденции приказчиков, этих непосредственных правительственных начальников волостей, а, следовательно, и проживающих в них пашенных крестьян. Выбор места острогов определялся стыком дорог, водных и сухопутных. Чаще всего они ставились на устьях рек или на концах междуречных волоков, командуя таким образом над значительными пространствами посредством перехватывания их главных или даже единственных путей сообщения. Выбор их местоположения оказался настолько правильным, что все остроги впоследствии превратились в волостные центры, а Илимский острог — в центр воеводства.

[1] Отмечая, как и другие исследователи, что «в древности несомненно господствовало расселение хуторами, как говорят теперь», Павлов-Сильванскнй не идѐт дальше простого утверждения, что «это одно из твердо установленных положений нашей науки» (Н.П. Павлов-Сильванский, «Феодализм и древней Руси», СПБ, 1910, стр. 146). Впрочем, и это не совсем верно. В южной Руси, где условия обороны и освоения земель были другими, чем на севере, русские расселялись крупными деревнями.

Ниже дано их краткое описание и приведены сведения о населении по списку жителей 1723 года.

Илимский острог являлся главным центром Илимского воеводства. Первоначально, в 1630 г., возникло зимовьѐ — как раз против того места, откуда уходил в гору Ленский волок и где теперь находится слобода с остатками Введенской церкви[1].

Зимовьѐ, в виду его важного поенного значения, было быстро укреплено, но превратилось в настоящий острог только в 1647 г. при приказчике Григорье Демьянове. С 1649 г. острог стал средоточием самостоятельного Илимского воеводства, и первый илимский воевода Тимофей Шушерин впервые дал описание укрепления. Острог был измерен илимским пятидесятником Ив.Сем. Сургутцким и по «перемерной росписи» имел 3-сажѐнную проезжую башню и глухую башню в 2½ саж. Длина стен острога, не считая башни, составляла 119½ сажен. Внутри укрепления находились: церковь во имя Спаса, государев двор, где жил воевода, съезжая изба, таможенная изба, хлебные житницы, соболиный и соляной амбары, дом чѐрного попа Филарета, тюрьма, аманатская старая изба и изба тюремного сторожа и воротника. Шушерин писал, что строиться негде, «потому что, государь, острог мал». На обороте сообщения помета: «Чтена, в столп»[2]. Это значило, что отписка Шушерина была прочтена царю и он приказал сдать еѐ в архив. В другом докладе этот же воевода сообщает, что Илимский острог «построил служилыми и всякими людьми, а острогу, государь, прибавил в длину по осмнатцати сажен». При этом одна из поперечных стен и проезжая башня были перенесены на новое место. Отписка поступила в Москву 22 августа 1651 г.[3].

Следующий воевода Богдан Оладьин в 1656 г. вновь описал острог, повторив то, что сообщал Шушерин. Из новых построек оказался зелейный, т. е. пороховой погреб. Оладьин построил новую съезжую избу, старую перенѐс иа место сгоревшего воеводского двора. К сообщению приложен список всех жителей Илимского острога. Всего было учтено 65 дворовых мест, в числе владельцев оказалось: служилых людей 38 (и два места пустых), сотник стрелецкий, казачий атаман, городничий, поп, подьячих 2, торговых людей — 2, промышленных людей — 2, ямских охотников — 4 и 3 пашенных крестьянина. По одному двору принадлежало: квасному откупщику, сторожу и вдове. Наконец, 5 усадебных мест было в 1656 г. под огородами[4]. Итак, Илимск был только административным центром — служи-

[1] В описании к чертежу Илимского острога 1703 г. эта слобода называется городищем.
[2] Сибирский приказ. Столбец 360, лл. 344-354.
[3] Сибирский приказ. Столбец 360, лл. 388-391.
[4] Сибирский приказ. Книга 306, лл. 76-104

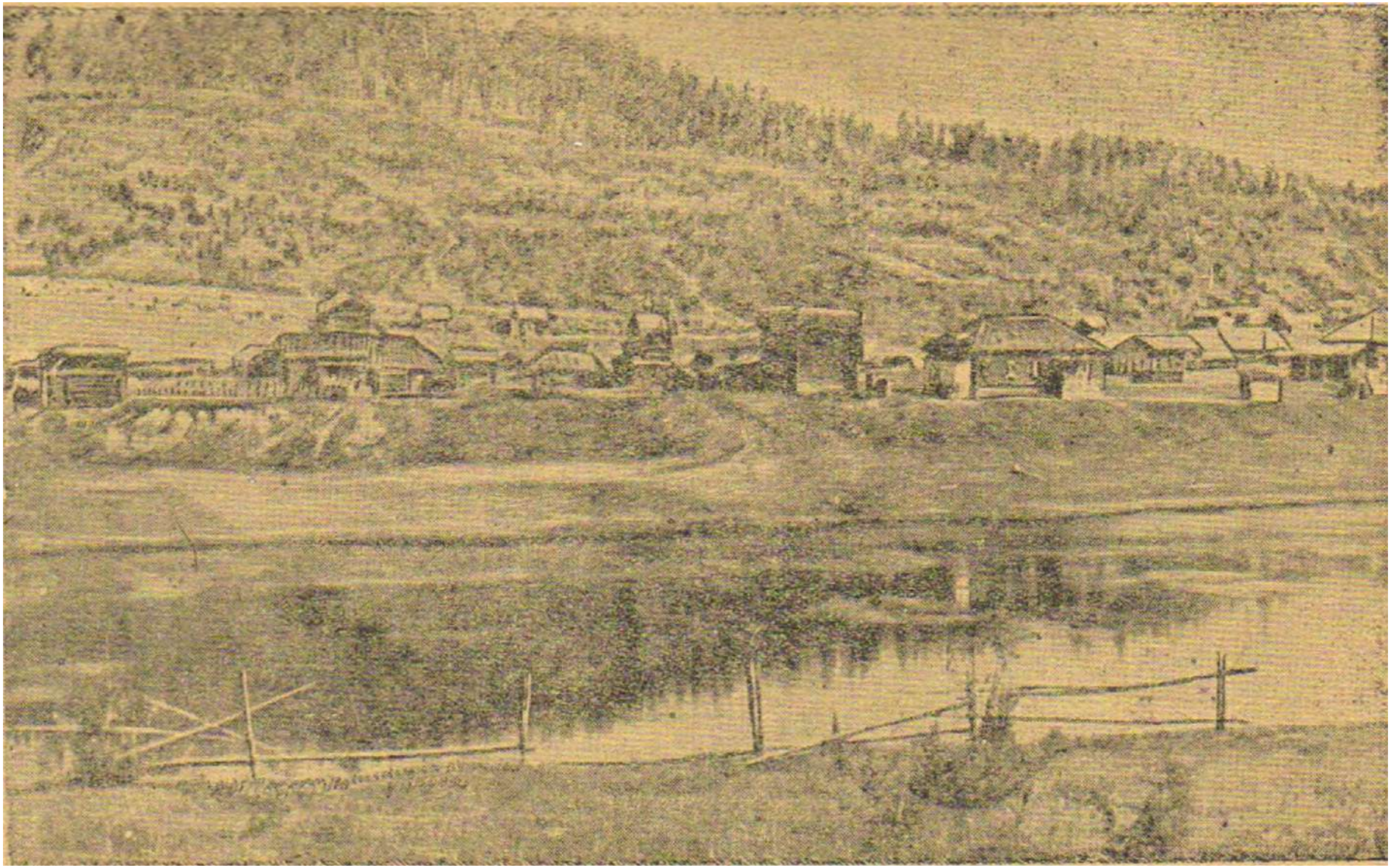
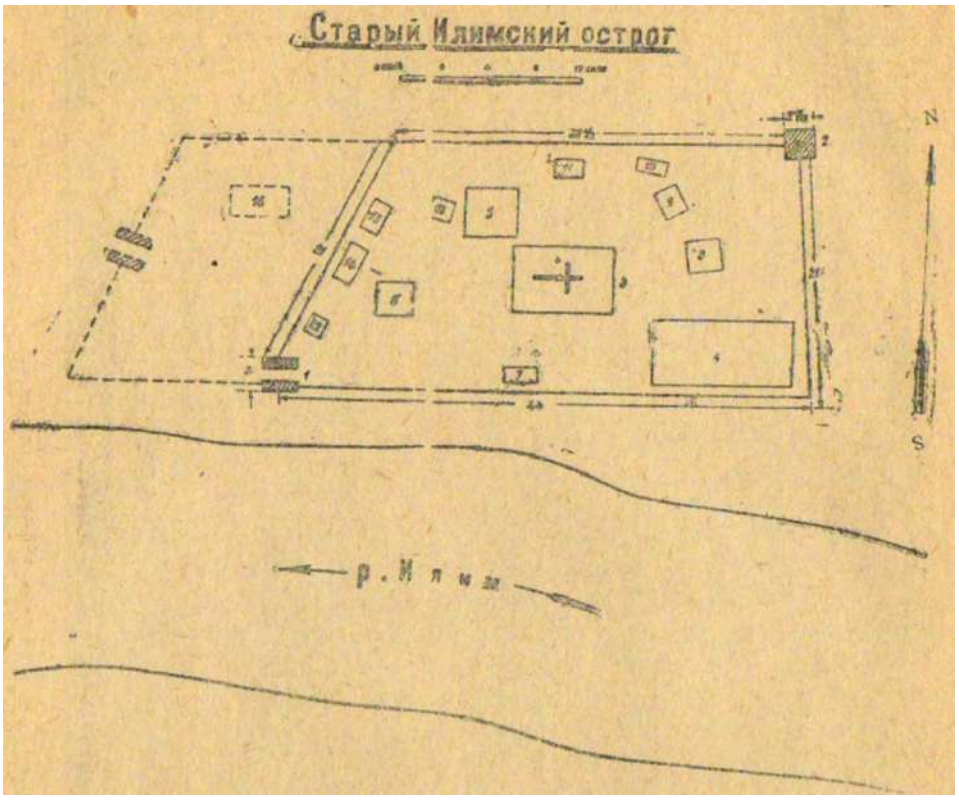


Фото 1. Центральная часть Илимска (снимок 1945 г.)

Схема №1



Расположение построек
(приблизительно)

1. Проезжая башня
2. Глухая угловая башня
3. Церковь Спасская
4. Воеводский двор
5. Съезжая изба
6. Таможенная изба
7. Амбар
8. Житница
9. Амбар для соболиной казны
10. Соляной амбар
11. Келья чѐрного попа
12. Изба воротника
13. Аманатская изба
14. Тюрьма
15. Клеть на амбаре
16. Гостин двор

Сплошными линями показаны постройки, возведѐнные до 1645 года; пунктиром — постройки 1649-1650 годов.

лые люди и примыкающие к ним группы составляли почти 80% всего населения острога. Ни крестьян, ни посадских почти не было.

После смерти воеводы Обухова в Илимске временно «на приказе» был тобольский сын боярский А. Ларионов. При нѣм, 24 июля 1666 г., весь Илимский острог сгорел. Приехавший через 3 месяца после этого новый воевода Оничков нашѣл на месте острога пепелище. «Приехал я, холоп твой, в Ылимской па пустое илимское городище», — писал он царю. От укрепления и всего, что в нѣм находилось, осталась ветхая башня и 40 сажен острожной стены. Оничкову было велено поставить новый острог. Он подверг критике место старого острога — «местишко малое, меж высокими каменными крутыми невъезжими горами, подле ручей». Острог был не только тесен, но и неудобен для защиты. А туземцы были неспокойны. Жить страшно. Опичков сообщает, что для строительства нового острога выбрал «угожее место на низ Илима реки за 655 сажен, луг не мал» (в другом документе — за 644 сажени). Была составлена смета на брѣвна и воевода «лес розвытил по жеребеем всего Илимского уезду на пашенных крестьян з десятинного тягла по развытке, не по велику; велел по зимнему пути лес выронить и вывозить па острожное место к стене». И 21 июля 1667 г. «острожное место очертил, и первую Спаскую большую башню того же числа заложил». Строили из подготовленного леса ружники, подьячие и прочие служилые люди. На постройку башен было взято деньгами с торговых и промышленных людей по 8 алтын 2 деньги, т. е. по 25 копеек с человека. Новый острог представлял деревянное (сосновое) укрепление, включавшее 8 башен, крытых двойным тесом, в том числе 3 проезжих, и стены из стоячих бревен, общей длиной в 319 сажен. Внутри острога были воздвигнуты: церковь во имя Спаса, воеводский двор, съезжая изба, соболиный амбар. В 1669 г. воевода перешѣл в новый острог. Чертѣж его был составлен подьячим илимской съезжей избы Никитой Лазаревым (который вѣл всю постройку) и послан 6 августа 1668 г. в Москву. Этот чертѣж не сохранился. В заключение Оничков сообщает, что «острожная поставка и башенное и хоромное дело было (населению) не в тягость и не в налогу и не в ызгоню», да и казне обошѣлся дѣшево[1]. Из построенного Оничковым острога сейчас осталась одна Спасская башня.

В 1670 или 1671 г. в новый острог на башни были поставлены 5 пушек, привезѣнных из Тобольска.

О пожаре острога и перенесении его на другое место в делах Илимского воеводства остался отрывок — черновик показа-

[1] Сибирский приказ. Столбец 586, часть II, лл. 224-218 (т. е. читать их нужно в обратном порядке). Другое письмо Оничкова в Москву о постройке острога см. столбец 813, лл. 61-63.

ний старожила, отставного плотника Фѐдора Воротникова. Показания эти собирались для того, чтобы ответить на запрос из Братска академика Герарда Фридриха Миллера от 21 февраля 1736 г. Миллер подписался по-немецки. Вот что показал Воротников: «Означенной первой Илимской острог построен когда и по каким указом, о том неизвестен, понеже в то время он не родился. И оной острог и обывательские домы все от воли божией згорели. И после того пожарного случая построен Илимский город ниже того острогу, например пятисотных версты з две. А в котором году означенный острог згорел, а город построен, того он не упомятует, понеже в то время был он в малых летах, а ныне ему от рождения 85 лет» (арх. №625, св.68)[1].

Острог на новом месте достраивался в 1687-1688 гг. (арх. № 35, св. 3, лл. 86-90) и представлял по этому документу деревянное сооружение общей длиной по окружности в 333 сажени[2]. К 1694 году стены между башнями, несмотря на починки, настолько обветшали, что «острог во многих местах погнил и вывалился и починить никоторыми делы невозможно». Поэтому в 202, т. е. в 1694 году стольник и воевода Григорий Грибоедов предпринял крупные работы по восстановлению острога.

Пожалуй, нелишне отметить, что в описании укрепления под словом «острог» часто подразумеваются только стены, которые представляли поставленный отвесно ряд скреплѐнных друг с другом остроконечных брѐвен, или как их называли — тынин. Башни при этом считались отдельными сооружениями. Впрочем и всѐ укрепление, т. е. стены с башнями, также называлось острогом. Наконец, это слово переносилось и на населѐнный пункт, где находилось подобное укрепление.

В упомянутом деле 1694 года перестройка Илимского острога описана так:

«А мерою новой острог против прежнего ж 333 сажени. А строен тот новой острог илимскими детьми боярскими и подьячими, да и всяких чинов служилыми людьми и ружники и оброчники и посадскими людьми по смете. Всяких чинов служилые люди ставили из готового лесу против своих денежных окладов, кому что денежного жалованья годовой оклад по розчету: рядовые казаки против окладов от своих 5 рублев на че-

[1] Эти ответы илимской канцелярии и показания Воротникова полностью сохранились в портфелях Миллера, № 481, портфель 7, дело 33, лл. 140-159.

[2] В более поздних документах показывается несколько меньшая длина стен острога. Например, в россыпи дел разрядного повытья за 1733 год (Россыпь, № 128, св. 13) имеется описание острога, произведѐнное при передаче его новому воеводе; в документе указано, что острог «оветшалой, тынины от земли подгнили, кругом мерою печатных 284 сажени один аршин три чети». В деле № 625 указана эта же величина. Но обмера острога при передаче не производилось. Длина стен в 333 сажени показывается в ряде других документов. См., например, Сибирский приказ, книга 1042, лл. 1-22, 1702 года; книга 1020, лл. 202-229, 1690 года; книга 1289, лл 1-21, 1700 года.

ловека — по полуторе сажени печатных; кому оклад больше или меньше — по тому ж по розчету, опроче тех служилых людей, которые н прошлом во 195 (1687) году посланы из Ылымска в Дауры на службу. А посадцкие ставили против рядовых казаков тож равно, а не против тягла своего».

Следовательно, постройка стен была развѐрстана между служилыми людьми и посадскими, причем в основу расчѐта был положен 5-рублѐвый казачий оклад денежного жалованья, на который при развѐрстке строительства падало l½ сажени острожных стен.

Лес покупали у жителей, сплавлявших сено по Илиму, за плотовое бревно по деньге и меньше. Деньги собирались с торговых, промышленных и гулящих людей «по их торгам и по промыслам, по самой малой статье, чтоб им не в тягость. А лес возили к горе пашенные крестьяне против тягла своего по розчету, на ком сколько по тяглу десятинные пащни, а не поровну. И в том острожном строении (всем жителям) никакие тягости не учинено.

А башни по тому острогу те ж, и вновь башен не прибавлено и не убавлено и не переставлеваны и не починиваны, только покрыты новым тесом, а тес подряжен тесать — наняты плотники перекрывать на вышеписанные деньги, которые збираны с торговых и с промышленых людей... И тот новой острог против прежняго ж четвероугольной, мерою длинных и поперешных стен 333 сажени».

На вооружении в 1694 году оставалось две медные пушки на станках, одна 2 аршина 3 вершка, весом в 16 пудов, вторая 2 аршина без 3 вершков, весом «17 пуд 20 гривенок»; к пушкам имелось 121 железное ядро. Кроме того было 24 пищали, 2 карабина, 16 пудов 14 гривенок пороху, 34 пуда 6 гривенок свинцу, копья, 8 бердышей и барабан. В остроге хранилось знамя. Обе пушки по указу из Тобольска были в 1727 году отправлены в Якутск. В Спасской башне долгое время оставались «два стана пушечных, деревянных. У тех станков по обеим сторонам петли, 8 колец, 4 крюка железных» (Россыпь дел 1733 года, № 128, св. 13).

Внутри крепости находились различные государственные постройки: 1) приказная изба, «под ней винной подвал», 2) против приказной избы казѐнный амбар, 3) подле амбара соляной казѐнный амбар, на верху его сушило, а перед сушилом перила, 4) «в остроге ж соборная церков нерукотворного образа господа и Спаса нашего Исуса Христа. У той церкви колокольня осьмиугольная, а на ней колокол великих государей жалованья, тобольской присылки, весом 5 пуд да 4 колокола церковных». В 1692 году был привезѐн ещѐ колокол из Москвы, весом 19 пудов, 5) «караульная изба, в однех стенах прирублена тюрьма», 6) «таможня да гостин двор, а на гостином дворе 3 лавки»,

7) «зелейной погреб, над ним сарай», 8) два амбара житничные, хлебные, 9) «Двор государев, что живут илимские воеводы, старого строения».

За острогом находился кружечный двор, откуда производилась продажа вина и пива.

Как следует из этого описания, Илимский острог строился местными силами, всем народом. Руководил перестройкой сын боярский Иван Никифоров сын Качин, которому был придан особый писец.

С 1706 года в Илимске появился винокуренный завод; между острогом и городищем стояла малая, а на речке Зырянке — большая государевы мельницы, за рекой находились обширные житницы, на р. Илиме причалы. Вверх и вниз от острога размещались дома его жителей, а к горе и в усадьбах располагались огороды. Кругом по горам стоял лес.

Очень подробное описание острога было произведено приказной избой в 1703 году, т. е. через 9 лет после его перестройки. Воевода Качанов 5 августа 1703 года писал в Сибирский приказ дьяку «Виниюсу с товарыщи», что посылает в Москву чертѐж и при этом ссылался на указ от 20 января 1701 года, за приписью дьяка Айтемирова: «Указал ты, великий государь, зделать в Ылимску на бумаге Илимскому одному городу и всякому строению, опричь уезду, чертеж... И за отлучением моим, холопа твоего, в Красноярской для твоих, великого государя, дел в прошлых 1701 и в 1702 годех... было не зделано».

В сборнике дел 1703 года (Россыпь, № 15, св. 2, лл. 235 — 245) имеется черновик описи Илимского острога и чертѐж, выполненный пером на 3 листах обычной бумаги того времени. Края листов несколько попорчены, но чертѐж сохранился очень хорошо. Снимок с него дается в настоящей работе В тексте — объяснении к этому чертежу говорится:

«Опись Илимскому городовому и всякому строению нынешнего 1703 году... Вначале Илимской острог, едучи из Енисейска с низу Илима реки. С приезду в острог Спаская проезжая башня — построена среди острожные стены — четыре сажени без аршина, другие стены — полу четыре сажени; до обламов 30 рядов, да обламов 8 рядов, рублена в лапу под скобель, вершена шатром с вышкою, крыта тесом, вышина башне до орла 8 сажен печатных. Снаружи за острогом часовня — у той башни на свесе,

[1] О чертеже, посланном в Москву, см. у Н.Н. Оглоблина, «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа», часть 1, М., 1895, стр. 78-79, 311-312. Сам чертѐж и описание Илимского острога хранятся в делах Сибирского приказа, книга 1372, лл. 888-900. Текст и чертѐж отличаются от экземпляра, хранящегося в Иркутске, мелкими деталями, главным образом редакционного характера. К настоящей работе приложен снимок и с иркутского экземпляра, который был до сих пор неизвестен и снимок с московского экземпляра.

часовня вершена бочкою, а на верх бочки маковица с крестом, опаяно белым железом, а бочка и маковица обита лемехом[1]. В часовне в киоте образ нерукотворного Господа нашего Исуса Христа. На киоте написаны дванадесятые празники. Сверху киота во главе — образ Знамения пресвятые Богородицы. Да на часовне в бочке написано отечество. Да в остроге у той же башни другая часовня на свесе, крыта на обе стороны. В часовне образ пресвятые Богородицы Одигитрией. Ход в часовню из острогу по лестнице. В башне ворота брусяные, створные, с калиткою».

Остов и часть крыши описанной здесь Спасской проезжей башни сохранились в Илимске до сих пор. Она никем не охраняется и распадающиеся части еѐ используются жителями на дрова. Не принято также никаких противопожарных мер, несмотря на близость деревянных домов к этому уникальному сооружению. Во всей нашей стране деревянные острожные башни сохранились только в Восточной Сибири — в Илимске, Братске, Бельске и Якутске, причѐм илимская является самой большой, самой красивой и сделанной наиболее искусно. Современный вид этой башни см. на фото 2. На передней стене башни хорошо видны пазы, в которые входили стены и крыша часовни «на свесе» (т. е. на весу) и уцелела балка, являвшаяся одним из еѐ оснований. На стене, обращенной внутрь острога, сохранились и стенки второй часовни.

В работе Ф.А. Кудрявцева «Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века» (Иркутск, 1939) имеется иллюстрация с макета худ. Н.А. Ладейщикова «Мирской совет жителей Иркутска в 1696 году». На иллюстрации изображена башня с крыльцом над воротами, которое служило как бы трибуной: на этом крыльце стоят около 10 человек, а один из них обращается к народу, собравшемуся у стены. В свете описаний, даваемых цитируемым документом, вряд ли можно считать исторически верным такое изображение башни. Более правильное изображение дано известным иркутским художником Б. Лебединским в его гравюрах, «Иркутский острог» (Иркутск 1929). Но над часовней отсутствует крест. И.И. Серебренников в работе «Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии», Иркутск, 1915 г., на стр. 11, описывая Спасскую башню, указывает: «По обеим сторонам башни устроены крытые балконы, имевшие в своѐ время оборонительное значение». В действительности эти «балконы» оказываются часовенками.

[1] Т. е. деревянной чешуѐй. Киренский окружной исправник С. В. Попов, отвечая в 1868 году на запрос секретаря Иркутского губернского статистического комитета Д.Д. Ларионова, писал: «...по местному выражению подобная покрыта называется «лемяхом» («Записки и труды Иркутского губ. статистического комитета», 1868-69, Иркутск, стр. 157).

М. Сизой[1] вообще считает, что башии в Илимске были башнями-часовнями и имели двоякое назначение — стратегическое и религиозное. Такое предположение его самого ставит в затруднительное положение: «Неизвестно, какое назначение имел нижний этаж (Спасской башни). Можно думать, что он заменял нашу прихожую» (стр. 73). Несмотря на это, он ближе всех к истине.

Н. Султанов[2] проводит аналогию с т.н. «мушараби», которые устраивались в средние века над воротами и представляли «глухой выступающий балкон, через сквозной пол которого можно было избивать вламывающегося врага» (стр. 90).

Возвращаемся к описи.

«От Спаские проезжие башни на правой стороне, к Илиму реке, до наугольные башни 12 сажен печатных. Острогу стоит 115 тынин.

Башня наугольная по край берегу Илима реки. Стены четвероугольные, мерою по 3 сажени без полуаршина; вверх до обламов 30 рядов, да обламов 10 рядов; в ней 3 моста[3], вершена шатром, с вышкою, крыта тесом. Вышина 4 сажени с аршином. (Сбоку приписано: от той наугольной башни до берегу только одна сажень с аршином. А от берегу прямо в гору — до двора служилого человека Григорея Попова 58 сажен). (Зачѐркнуто: Дмитрея Старожилова 71 сажень). От той наугольной башни вверх Илиму реки, по береговой дороге, до середние Богоявленской проезжей башни — мерою 61 сажень. Острогу стоит 648 тынин с столбами и с переклады. Башня Богоявленская среди береговые стены четвероугольная, стены по 3 сажени без полуаршина. В вышину до обламов 31 ряд, да обламов 8 рядов, рублена в лапу, вершена шатром с вышкою, покрыта тесом (сбоку приписано: вышина 4 сажени). В башне ворота проезжие, брусяные. Над вороты у той башни за острожною стеною часовня на свесе. Двери в часовню из острогу, из башни — вход[4]. Покрыта двойным тесом, на обе стороны, скатом. В часовне образ Знамения пресвятые Богородицы. А от той середние Богоявленской башни, вверх Илима реки, по береговой же дороге до верхние наугольной береговой башни — мерою 55 сажен с полусаженью. Острогу стоит 584 тынины с столбами и с переклады. В той же острожной стене (слово «стене» написано дважды) с воеводцкого двора калитка к Илиму реке, для взносу на воевоцкой двор из Ылиму реки воды.

[1] Свящ. М. Сизой, «Заштатный город Илнмск, его древние памятники и некоторые черты из его прежней церковной жизни, достойные примечания», Иркутские Епархиальные ведомости за 1883 год, №№ 4, 5, 6 (в прибавлениях), стр. 47-59, 60-75 и 77-88.

[2] Н. Султанов, «Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники древнего зодчества в Сибири», Известия Императорской археологической комиссии, вып. 24, СПБ, 1907.

[3] Т. е. три настила, образующие как бы три этажа.

[4] Такой вход-двери сохранились у Спасской башни. Двери двухстворчатые на кованных петлях.

Башня наугольная на Береговой улице, четвероугольная, мерою стены по полутрете сажени. Вверх до обламов 27 рядов, да обламов 6 рядов; вершена шатром с вышкою, покрыта тесом. (Сбоку приписано: вышина той башни 4 сажени). В ней два моста с лесницами; двери затворные. От той наугольной башни до берегу только одна сажень. (Сбоку приписано: «а от берегу до горы, прямо до двора служилого человека Дмитрея Старожилова 71 сажень». Здесь же приклейка: «Против верхной бережной башни за Илимом рекою, на берегу, на высоком месте житной двор — 2 анбара, один новой, другой старой, покрыты желобьем; мерою от башни до житного двора через Илим реку 79 сажен печатных»).

От той наугольной башни поперечные острожные стены до передние верхние Введенские проезжие башни 23 сажени. Острогу стоит 219 тынин с столбами и с переклады. Башня Введенская проезжая с воротами и с калиткою, четвероугольная, стены по 3 сажени. Вершена шатром с вышкою, покрыта тесом. (Сбоку приписано: вышина той башне с вышкою 4 сажени). У той башни за острогом[1] на свесе часовня, ход с вонную сторону по леснице. В ней образ Николая Чюдотворца, в окладе. В башне 3 моста, 2 лесницы с рундуком.

От той Введенской проезжей башни по той же поперечной стене, до верхные наугольной нагорной башни 18 сажен. Острогу стоит 200 тынин с столбами и с переклады.

Башня наугольная нагорная, четвероугольная, стены по 3 сажени без полуаршина. Вверх до обламов 25 рядов, обламов 6 рядов; вершена шатром с вышкою, покрыта тесом. (Сбоку приписано: вышина той башне 4 сажени без аршина). В ней два моста.

От той наугольной нагорной башни на низ по нагорной стене до середние башни 54 сажени. Острогу стоит 590 тынин с столбами и с переклады.

Башня средняя нагорная, четвероугольная, стены по полутретьи сажени. Вверх до обламов 31 ряд, да обламов 6 рядов; вершена шатром с вышкою, покрыта тесом. Вышина той башне 4 сажени. В башне 3 моста.

От той нагорной середней башни на низ, до нижние наугольные нагорные башни 62 сажени. Острогу стоит 435 тынин с столбами и с переклады.

Башня наугольная нижная нагорная, четвероугольная, мерою стены по полутретьи сажени. Вверх до обламов 31 ряд. да обламов 6 рядов. Вершена шатром, с вышкою, покрыта тесом. (Сбоку приписано: вышина той башне 4 сажени бес полуаршина). В башне 2 моста.

[1] Т. е. над внешними воротами.

А от той наугольной нагорной башни до Спаские проезжие башни 16 сажен с полусаженью. Острогу стоит 170 тынин с столбами и с переклады.

И всего вкруг всего острогу длинных и поперешных стен мерою 333 сажени печатных[1]. Кругом всего острогу стоит 2961 тынина с столбами и с переклады.

Вышина всему острогу во всех стенах по 2 сажени печатных».

Таково описание укрепления. Острог с толстыми, 20-30-сантиметровыми брѐвнами, поставленными стоймя и с 8 башнями, вытягивался вдоль р. Илима примерно на 124 сажени, считая в том числе и башни и, несомненно, представлял не только неприступную для туземцев крепость, но и красивое, чисто русское сооружение.

Далее в описании идѐт перечень внутренних строений, из которых до наших дней не сохранилось ни одного здания: «А в том остроге церковь во имя нерукотворного образа Господа нашего Исуса Христа, с пределы. Церковь рублена четвероугольная, стопою. К церкви прирублена трапеза; стены трапезы 6 сажен печатных. Церковные стены и с олтарями 5 сажен. Вершена церковь по каменному, на четырех бочках. На церкви 5 глав. Средняя глава и кресты опаяны белым железом.

Стоит церковь среди острогу, от горной стены 17 сажен, а от береговой стены 18 сажен бес четверти.

Колокольня рубленая, осмиугольная; вершена шатром, вышиной с крестом 15 сажен печатных. Стоит колокольня близ Богоявленской (зачѐркнуто: Знаменской) набережной средней проезжей башни, от острогу в 5 саженях, на ней 4 колокола.

Приказная изба, перед избою сени на режу, под избою мшеник. В приказной избе воевоцкое место за решеткою, да денежной и хлебной и судной столы, отгорожены. В сенях чулан. От сеней к церкви прируб (зачѐркнуто: от сеней к острожной нагорной стене прирублены два нужника).

Да идучи ис приказу против приказного крыльца, к нижной набережной острожной стене казенной соболиной анбар с перилом, покрыт тесом, от острожной стены до казенного анбару 8 сажен.

[1] Подсчѐт даѐт 302 сажени, но нужно сюда прибавить башенные стены. При этом приходится брать для наугольных башен двойную ширину стен. В таком случае общая длина стен всех башен по фасаду составит 33 сажени 1 аршин. Прибавив эту величину к протяжѐнности тынин, получим 33.5 саж. 1 арш., т. е. на 2 сажени больше, чем считала воеводская приказная изба. Кроме того, принимая во внимание, что ряды тынин примыкали к боковым, а не к наружным стенам башен, пришлось бы ещѐ увеличить периметр этого сложного многоугольника. Не имея средств для решения этой задачи, мы можем высказать два предположения: или приказная изба допустила ошибку в измерении длины укрепления, или применила особый, сложный подсчѐт, ведя его только по четыреугольнику и игнорируя выступы башенных стен.

А подле того казенного анбару казенной же анбар о двужирах[1], в верхней кладутся великого государя всякие варовые веревки и парусы и пенек, а в исподим бывает по вся годы государева продажная соль. (Сбоку написано: А подле того казенного анбару таможенная изба с сенми, стоит лицом к Спаской проезжей башне).

Подле той таможенной избы часовня, в ней написано дольное распятие Господа нашего Исуса Христа. На часовне глава обита лемехом. Крест опаян белым железом.

А по другую сторону к нагорной острожной стене от приказу анбар казенной (зачѐркнуто: стене два анбарца ветхой), где лежит: ружья и ядра и всякая железная мелочь; да угольница подле анбару, где сыплют государевы подрядные уголья. (Зачѐркнуто: да против приказной избы 20 идучи к Спаской башне).

Подвал с выходом, нового строения, з двумя выводными трубами. Мерою в подвале — длинные стены по 6 сажен, поперешные по 4 сажени печатных.

Да идучи ж к Спаской башне, на правой стороне, близ башни — караульная изба, а к ней прирублена тюрьма. Около караульной избы перила. (Далее зачѐркнут текст, повторяющий сказанное).

А против (зачѐркнуто: а подле) той караульной избы (зачѐркнуто: часовни), в угол к наугольной нижной береговой башне гостин двор, а на том гостином дворе 20 лавок[2]. Да идучи от Спаской башни на воевоцкой двор, на правой (зачѐркнуто: руке) стороне, недошед до колокольни, старой подвал, обвалился.

Да на той же стороне подле Богоявленской (зачѐркнуто: Знаменской) башни[3] анбарец (зачѐркнуто: прежняго) илимского сына боярского Герасима Учюжникова. Другой анбарец умершего подьячего Петра Лазарева.

На той же на правой стороне, идучи от церкви [в] Веденскую проезжую башню за острог, к наугольной верхной береговой (зачѐркнуто: улице) башне, государев двор, где живут воеводы. На дворе хоромного строения: 2 горницы на подклетах, на одной горнице чердак. Стоят лицом к Спаской проезжей башне (зачѐркнуто: а перед горницею сени). Промеж горницами темные сенцы; да у тех горниц передние и задние сени с крыль-

[1] Амбар в два этажа. Иногда писали — о дву житьях. Такие постройки и сейчас встречаются в северных районах Иркутской области. На фото 1 можно различить подобный амбар в левом углу; он настолько стар, что концы брѐвен обламываются под тяжестью человеческого тела. На чертеже подобный амбар показан около гостиного двора.

[2] В 1694 году там было, как, вероятно, заметил, читатель, только три лавки.

[3] Двукратная ошибка в названии Богоявленской башни — Знаменской произошла вследствие того, что в часовне над внешними воротами находилась. икона «знамения пресвятые богородицы». Кстати отметим, что над внутренними воротами находился «образ богоявления господня», так же как над внутренними воротами Введенской башни — «образ Иоанна Предтечи».

цами, а из задних сеней переход в передние сени (зачѐркнуто: а от передних сеней). (Сбоку приписано: да от тех задних сеней переход в мыльню, а та мыльная стоит к наугольной башне, на режу). А подле передних сеней клеть; подле той клети, идучи ис передних сеней, на правой стороне, столовая горница с сеньми. А подле столовой, идучи к воротам, анбарец, да у ворот конюшня (вписано неясное слово: «отстав», м. б. следует читать «на отставе», т. е. отдельно. Так и показана эта конюшня на чертеже). На том же государеве дворе, идучи на двор, на правой стороне — ворота створные, от ворот ледник, а подле ледника мшеник, а подле мшеника анбарец, сыплют в него хлеб (зачѐркнуто: давнаго строения, огнил). На том же дворе, к набережной стене, от калитки, к Богоявленской башне поваренная изба, построена вновь. Да подле той поваренной избы поварня с вышкою (сбоку приписано: а тот государев двор — давное строение) (зачѐркнуто: и кровля погнила, хоромы и кровля ветхие).

А позади государева двора, к самой набережной наугольной башне, огород.

Да по левой стороне, идучи из острогу от Спаской церкви [в] Введенскую башню, скотной воевоцкой двор, огорожен. А подле того двора, на той же стороне, в угол к наугольной горной башне, воевоцкой огород, огорожен.

За острогом с набережную сторону[1], идучи из Богоявленской проезжей башни, на левой стороне (сбоку приписано: на берегу Илима реки) государева пивная поварня, где варят илимские воеводы про свой обиход квас и пиво, да подле той поварни солодовня да баня. И то строение давных лет. (Сбоку приписано: А по другую острожную сторону, в горе, живут дворами илимские служилые люди, десятник Тимофей Кирнаев [2], рядовой Герасим Парамонов)».

На этом оканчивается описание строений, расположенных за острожными стенами или около них. Далее начинается описание улиц и дворов, раскинувшихся вдоль по р. Илиму, вверх и вниз от острога.

Улицы и дворы располагались так же, как они расположены и теперь. Территория Илимска за минувшие годы расширилась может быть только вниз по течению р. Илима, к горе, и то крайне незначительно. Поднимающаяся сразу за дорогой гора исключает возможность увеличения застроенной площади. Продолжаем передачу документа.

«От Илимского острогу на низ, от Спаские проезжие башни до жилых дворов — порозжево места 20 сажен.

[1] В подобных оборотах предлог «с» требовал винительного, а не родительного падежа.

[2] В других документах и в московском списке — Кырнаев. Фамилия встречается в Иркутской области и теперь.

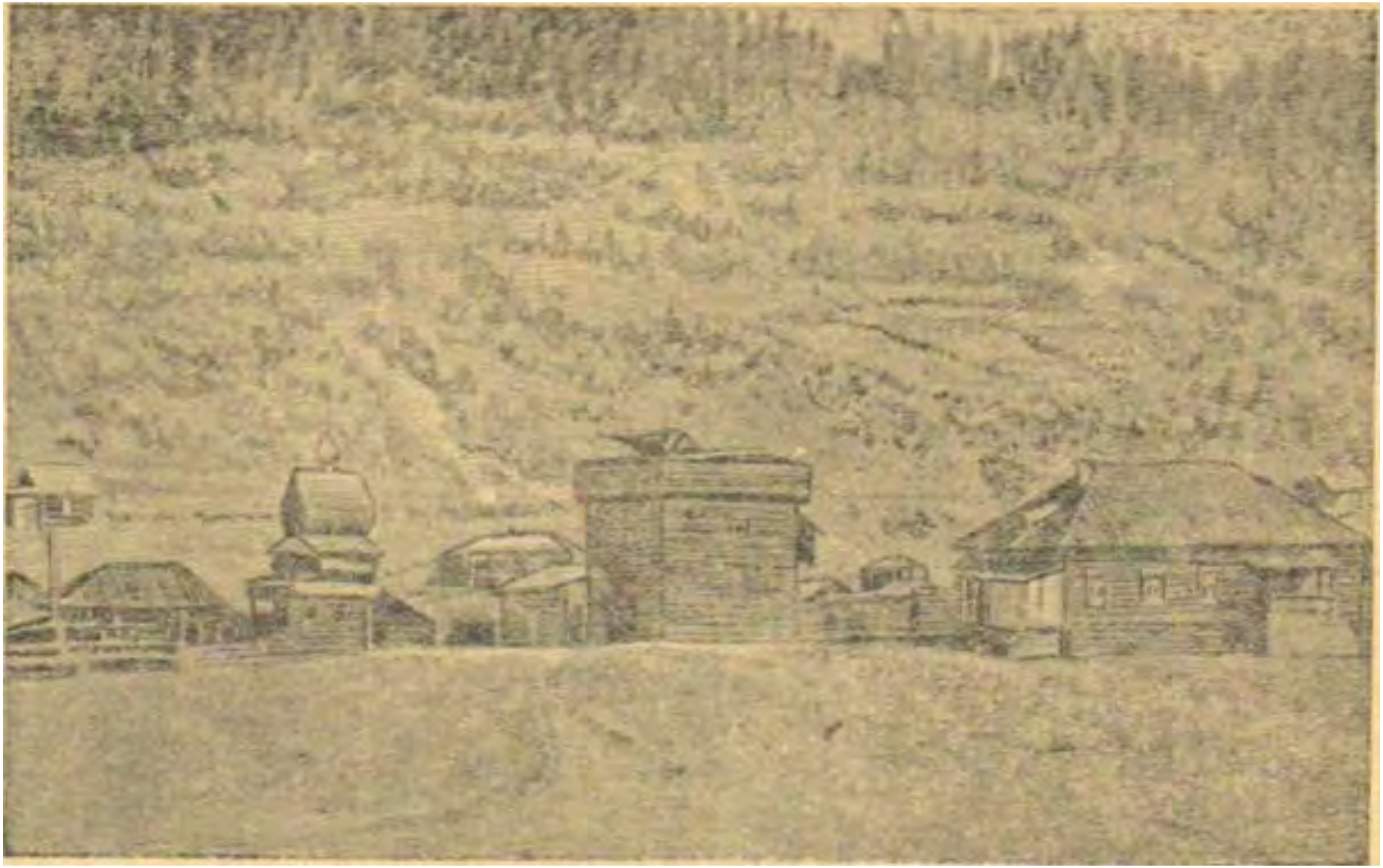


Фото 2. Спасская проезжая башня и остатки Казанской церкви XVII века в Илимске (снимок 1945 г.)

А на том порожжем месте, от Спаские проезжие башни идучи на низ, на левой стороне низменная церковь (зачѐркнуто: небольшая) Казанские пресвятые богородицы, строение илимского соборного попа Петра Максимова[1].

Подле той церкви на той же левой стороне, близ берегу Илима реки 3 лавки, одна — попа Петра, другая илимского служилого человека Тимофея Буланова, третья илимского таможенного подьячего Степана Шангина.

А по другую сторону, идучи из Спаской башни, на правой стороне (зачѐркнуто: руки) лавка Петра Котовщикова, другая — посацкого Ярофея Кожевника, лавка (сбоку приписано: посацкого Ивана Шильникова, лавка) илимского служилого человека Дмитрея Старожилова (сбоку приписано: лавка церковная). А подле тех лавок, по улице, прямо — огород илимского служилого человека Михайла Антонова.

А за теми лавками порожжее место болотное (зачѐркнуто: по той же улице, идучи на низ от Спаской башни, на правой стороне дворы).

А за теми лавками и за болотом дворы, на правой стороне, в горе.

Первой двор против наугольной горной башни (зачѐркнуто: илимского) служилого человека Тимофея Буланова. А подле ево в горе ж два двора: (зачѐркнуто: илимского) служилого человека Григорея Попова[2], да (зачѐркнуто: илимского) судового плотника Алексея Момотова. Да подле самого болота ниже тех нагорных дворов 3 двора стоят подле болота рядом: двор от наугольной башни, на низ, вдовы Фетиньи (зачѐркнуто: Любавы) Ивановы дочери; двор (зачѐркнуто: илимского) посацкого человека Елисея Мартынова; двор (зачѐркнуто: илимского) служилого человека Кирила Куниловского.

А за теми дворами переулок в нагорной стороне. *И по тому переулку (сбоку приписано: от двора Гр. Попова), вверх к нагорной стороне, прямо до самого ручья, на котором ручью на островку живет (зачѐркнуто: илимский) служилый человек Василей Чюхлин*[3], а на низ до двора (зачѐркнуто: илимского) пятидесятника казачья Дмитрея Сюсина. А от ево Дмитриева двора тот переулок, прямо от ворот к большой Проезжей улице и к Илиму реке. А по тому переулку, на низ, живут в горе, на правой стороне:

Двор вдовы (зачѐркнуто: илимского) судового плотника Степановской жены Малыгина, Марфы; двор (зачѐркнуто: илимского) судового плотника Федора Воротникова; двор посацкого чело-

[1] От этой церкви уцелел лишь остов алтаря с башенкой.

[2] На чертеже этот двор не изображен.

[3] Эта фраза относится к другой части чертежа. В действительности двор В. Чюхлина стоял, как показано на чертеже, выше острога. Вся фраза, отмеченная звездочками, должна при чтении опускаться. В книге Сибирского приказа № 1372 эта часть не опущена. Следовательно, ошибка не была замечена при переписывании черновика.

века Евсевья Симанова; двор (зачѐркнуто: илимского) пятидесятника Дмитрея Сюсина.

От Спаской проезжей башни, на низ по Илиму реке, до часовни 250 сажен, которая часовня стоит от дворов на низ Илима реки, подле самую реку — на берегу, от взвозу на правой стороне, которым взвозом подымаютца проезжие люди, едучи в Ылимск из Енисейска

Проезжая улица, а по той улице от лавок на правой стороне живут: двор (зачѐркнуто: илимского) служилого человека Михайла Антонова подле переулок, которой переулок з болота от двора Кирила Куниловского (зачѐркнуто: вышол) к той Проезжей улице; двор посацкого человека Василея Курбатова; двор пустой бывшего приказной избы подьячего Андрея Иванова, а подле двора ево переулок в гору ко двору пятидесятника Дмитрея Сюсина.

А подле переулка, на той же правой стороне, по улице: двор (зачѐркнуто: илимского) пятидесятника казачья Федора Рупышева. А подле ево двора переулок (зачѐркнуто: вышол) з горы к Проезжей улице. А тем переулком идучи в гору — двор на правой стороне (зачѐркнуто: илимского) хлебного оброчника Ивана Смирного. А на левой стороне нижной двор (зачѐркнуто: илимского) десятника казачья Данила Карсакова, а верхней двор на той же стороне (зачѐркнуто: илимского) посацкого человека Мирона Нифантьева. На той же Проезжей улице, сошед с горы, на правой стороне дворы: двор (зачѐркнуто: илимского) судового плотника Василея Садовникова; двор (зачѐркнуто: илимского) сына боярского Пимена Сташкеева з братом (зачѐркнуто: илимским служилым человеком) з Данилом Сташкеевым; двор судового плотника Бориса Облизанова; двор (зачѐркнуто: илимского) служилого человека Михайла Воронцова; двор (зачѐркнуто: илимского) посацкого человека Назара Куприянова. А подле ево Назарова двора переулок в гору, на правую сторону. А тем переулком идучи, в горе — двор на правой стороне (зачѐркнуто: илимского) таможенного головы Игнатья Барабанщикова [2].

На той же Проезжей улице, сошед з горы, идучи ж на низ, на правой стороне дворы: подле переулка наугольный двор (зачѐркнуто: илимского) приказной избы хлебного стола подьячего Кузьмы Завьялова; двор (зачѐркнуто: илимского) посацкого человека Дмитрея Ракитина; двор (зачѐркнуто: илимского) посацкого Тимофея Усьянца, владеет двором Дмитрей Ракитин; двор (зачѐркнуто: илимского) служилого человека Михаила Дунаева; двор (зачѐркнуто: илимского) служилого человека Кулакова; двор

[1] Эта фраза стоит также не на месте. Часовня показана почти в самом низу третьего листа чертежа, примерно там, откуда в настоящее время идѐт мост через р. Илим. Отсюда начинался Ангарский волок на Большую Мамырь.

[2] В московском экземпляре отсутствуют почти повсюду зачѐркнутые в черновике слова «илимского», «илимских».

посацкого человека Екима Зеновьева; двор вдовы Борисовской жены Тайшина, Каптелины; двор вдовы посацкого Леонтьевской жены Вятченина, Федоры Долганихи; двор служилого человека Прокофья Решетникова; двор посацкого человека Алексея Путилова. Подле двора место порозжее. А подле порозжего места двор служилого человека Федора Бабкина. Подле двора ево два места порозжие. А подле тех порозжих мест двор служилого человека Леонтья Корелина. А подле двора ево на низ, до часовни — места по угору[1] порозжие. А в ыных местах илимских жителей по угору огороды».

Здесь заканчивается правая сторона Проезжей улицы, если итти от острога вниз по р. Илиму до часовни, стоявшей у переезда через реку. Далее начинается описание левой стороны Проезжей улицы.

«На левой стороне, идучи из Спаской башни к часовне дворы стоят лицом к Илиму реке: двор (зачѐркнуто: илимского) соборного попа Петра Максимова; двор таможенного подьячего Степана Шангина; двор посацкого человека Мирона Кадашевцова. А подле двора ево переулок к Проезжей улице и прямо в гору — ко двору пятидесятника Дмитрея Сюсина.

А но другую сторону переулка, по берегу, на низ же, двор (зачѐркнуто: илимского) сына боярского Гарасима Учюжникова; двор прежнего подьячего Бориса Зубова (зачѐркнуто: двор илимского жителя Федора Кабакова); двор служилых людей Петра Березовского з братьями, стоит лицом к Проезжей улице, огородом к Илиму реке; двор по берегу ж илимского жителя Федора Кабакова, а подле ево двора место было пустое.

На том месте, на самом берегу поварня, где варят пиво на продажу.

А подле двора ево погреб, где бывает продажное пиво; две избы, в которых продают зимою пиво; в одной избе погреб. Одна изба ветхая. Да от другой избы, которая изба стоит к Проезжей улице, светлица, где продают государев откупной табак. А около пивных изб и светлицы переулки: один переулок пошол прямо в гору, ко двору таможенного головы Игнатья Барабанщикова[2].

А подле того кабацкого двора на низ, по берегу ж, дворы: двор бронника Ивана Кузнеца; против двора ево — ево Иванова кузница (зачѐркнуто: на самой) на край воды, на берегу; двор вдовы Ивановской жены Дунаева, Катерины[3]; двор (зачѐркнуто илимского) пятидесятника казачья Микифора Карсакова; двор сына боярского Василея Воронецкого; двор сына боярского Степана Воронецкого. А подле двора ево переулок (зачѐркнуто: вышол) от Илима реки к Проезжей улице.

[1] Это слово употребляется в Илимском крае и в наше время. Далее в тексте книги Сибирского приказа № 1372 написано: «и огороды илимских жителей». Таким образом опущены слова «порозжие» и вся последующая фраза.

[2] На чертеже этот двор обозначен — «головин».

[3] На чертеже — «Дунаихин».

А по другую сторону переулка: двор посацкого Ульяна Осипова; дворовое место служилого человека Ивана Литвинцова[1]; двор служилого Онофрея Скуратова; дворовое место судового плотника Бориса Облизанова. (Сбоку приписано: да против дворового места, край воды, на берегу, ево Борисова кузница. А подле того огороду переулок от Илима реки к Проезжей улице, против двора служилого человека Прокофья Решетникова).

А подле переулка, по берегу, на низ: дворовое место служилого человека Михаила Онтонова; двор служилого Петра Балашева; двор служилого Василея Кузнецова. Против двора ево (зачѐркнуто: на самом) край воды, на берегу, ево Васильева кузница на столбах; дворовое порожжее место[2]; двор служилого Прокофья Кузнеца, да подле двора ево кузница; двор служилого Тита Наяна; двор служилого Прохора Черемисинова; двор судового плотника Дмитрея Скуратова; огород служилого Леонтея Корелина; двор служилого Андрея Сюсина. Да подле двора ево переулок (зачѐркнуто: вышол) от Илима реки прямо в гору к Проезжей улице.

А подле переулка наугольной двор ямского подрятчика Егора Вологженина; дворовое место порожжее; двор вдовы служилого Куниловской, жены Кузнецкого, Пелагеи; два дворовые места порожжие. А подле дворовых мест — двор служилого Федора Шишелякина. (Зачѐркнуто: От берегу) от Илиму реки, от двора ево, до горы мерою 36 сажен. А подле двора ево огороды до часовни.

А от часовни на низ по Илиму реке, по берегу, огороды илимских жителей, будет их сажен на двести. А от Илимского острогу (сбоку приписано: на низ по Илиму реке) в трѐх верстах государева мельница, стоит на Зырянке речке».

Далее идѐт описание заселѐнной части, расположенной выше острога, вплоть до поворота дороги влево в горы, откуда начинался Ленский волок на Усть-Кутский острог.

«От Илимского острогу вверх по Илиму реке от Введенские проезжие башни до старого Илимского городища[3] 300 сажен. (Зачѐркнуто примечание написанное сбоку, как повторение: от против верхние бережные наугольной башни за Илимом рекою, на берегу, на высоком месте государев житной двор: два анбара с перерубами, один новой, другой старой, покрыты желобьем, мерою от башни до житного двора через реку 79 сажен печатных).

От Введенские проезжие башни вверх к ручью по Введенской улице дворы:

По берегу Илима реки на правой стороне — двор посацкого Ивана Щеглова; двор судного стола подьячего Якова Стрюкова; двор служилого Григорея Торлопова; двор служилого Ивана Ту-

[1] Это будущий илимский воевода; в 1702 г. двор ещѐ не был застроен.

[2] На чертеже не показано.

[3] Первоначальное место Илимского острога в 1630-1666 гг. Ныне это маленький посѐлок, который местными жителями называется слободою.

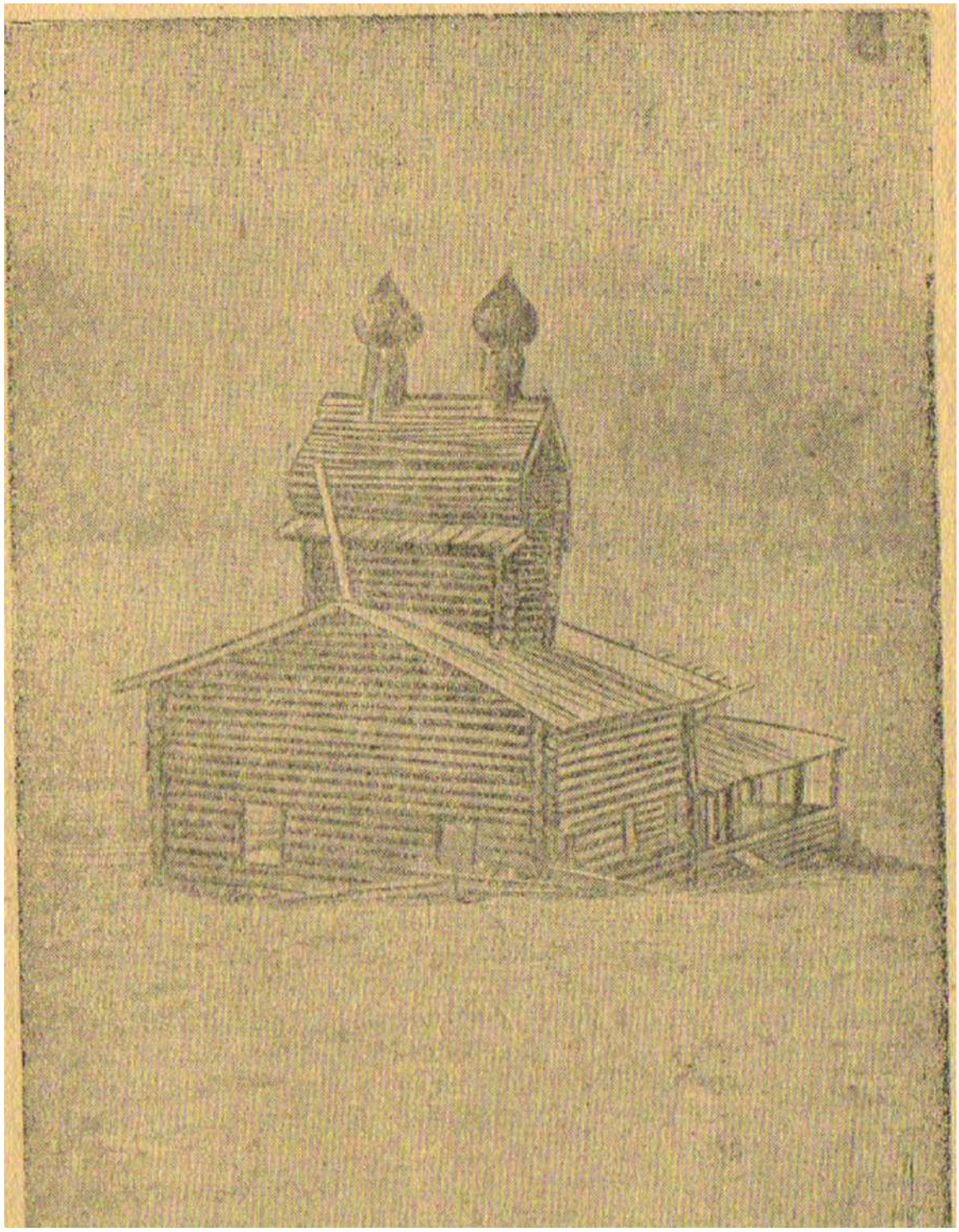


Фото 3 Введенская церковь в Илимске (снимок 1945 г.)

голукова; двор вдовы посацкого Григорьевой жены Вологженина, Натальи; двор (зачѐркнуто: илимского) десятника Василея Цыпкина; двор десятника Юды Кузнецова; двор судового плотника Ивана Филипова; двор посацкого Григорея Зырянова. А подле двора ево переулок от Илима реки к проезжей Введенской улице и прямо в гору, мимо двора городничего Ивана Брагина.

А подле переулка по берегу, вверх же, двор вдовы Михайловской жены Третьяковой, Натальи. Двор последней к ручью подьячего Петровской жены Лазарева, Марфы.

А от берегу, от Илима реки, от двора ее — до двора служилого человека Карпа Ширшикова мерою 95 сажен. А подле дворе (описка?) ее ручей, идет из гор в Ылим реку».

Затем следует описание левой стороны Введенской улицы, начиная от острога и вверх по р. Илиму.

«От Введенские ж проезжие башни, на левой стороне, против наугольной горной башни, в горе дворы: двор служилого Михаила Кирнаева[1], а подле двора переулок; двор служилого Дмитрея Старожилова. Дворы от дороги в горе, на левой стороне, идучи к ручью: судового плотника Родиона Худякова; двор служилого Филипа Судейкина; двор служилого Карпа Ширшикова (на чертеже показан у ручья).

А по другую сторону от двора Дмитрея Старожилова, вверх, идучи к ручью: пустой двор бывшего подьячего Ивана Роспутина; двор служилого Михаила Березовского. А подле двора ево переулок [2].

А подле переулка двор на углу посацкого Михаила Серебреникова. А подле двора ево переулок от горы мимо двор (зачѐркнуто: вышол из горы и пошел) городничего Ивана Брагина, к Илиму реке.

А подле переулка в горе ж, к ручью двор посацкого Агея Барабанщикова.

От проезжие ж Введенской башни по Введенской улице на левой стороне дворы, вверх по Илиму реке, к ручью: двор вдовы посацкого Терентьевской жены Котовского, Марьи[3]. А подле двора ее дворовое порожжее место[4]. Двор десятника Андрея Толстоухова; двор денежного и ясачного стола подьячево Степана Березовского; двор служилого Степана Литвинцова (видимо — отца будущего воеводы И.С. Литвинцова); дворовое место порожжее, владеет по даче подьячей Степан Березовской; двор служилого Трофима Фролова; двор городничего Ивана Брагина. А подле двора ево переулок в гору.

А подле переулка угольной двор служилого Ивана Псковитина; двор служилого Петра Котовщикова; двор отставного судового уставщика Филипа Григорьева; двор служилого Василея

[1] О нѐм уже упоминалось.
[2] Переулок на чертеже не показан.
[3] Па чертеже обозначено (неразборчиво) — «Панюшкин».
[4] На чертеже — «дьячковское».

Ширшикова; двор служилого Леонтья Котовщикова; двор служилого Дорофея Котовщикова. А подле ево двора ручей, выпал из горы и вода идет в Илим реку. Меж тех ручьев на островку двор служилого Василея Чюхлина[1].

А за ручьем, вверх по Илиму реке, по обе стороны проезжей дороги в старое городище, казачьи огороды, и по ручью вверх. А подле тех казачьих огородов, идучи в старое городище по берегу Илима реки, двор служилого человека Андрея Сенотрусова. А подле двора ево, к старому городищу идучи, вышол из горы ключ. На том ключу построена государева мельница колесчатая.

А от оной мельницы, идучи в старое городище, пусто место и камень и дорога в старое городище по угору.

Да шед по угору до старого городища по берегу Илима реки (зачѐркнуто: на левой стороне) дворы (зачѐркнуто: в начале): пустой двор служилого человека Бориса Воронцова; дворовое порожжее[2]; двор служилого Леонтея Белоногова; двор в горе служилого человека Петра Суслова; двор на берегу судового плотника Лариона Барахтенка; двор служилого Ивана Евдокимова. А подле двора ево, на берегу — огород. А подле огорода площадь.

На той площади церковь деревянная во имя Введения пресвятые Богородицы с пределом, да у той же церкви два колокола малых. А священника нет. В государские празники бывает в службе илимской соборной поп Петр Максимов.

А от той церкви вверх по Илиму реке вышол из горы ручей и вода течет в Ылим реку.

За ручьем дворы. На берегу Илима реки: двор служилого Ивана Дедюхина; двор служилого Федора Шестакова[3]. Да против церкви, за ручьем, подле Заволошной проезжей дороги[4] двор на правой стороне — служилого Семена Скуратова. А по другую сторону — на левой стороне — двор судового плотника Василья Скуратова. Да по ручью вверх, по правой стороне двор судового плотника Евсевья Дедюхина; двор посацкого Ильи Вилкина, да два двора пустых. А по ручью вверх — их казачьи огороды. И больши того в том старом городище дворов нет.

Да по волоковой дороге — по зимней да по летней — стоят две часовни да крест; в одной часовне написано распятие Господа нашего Исуса Христа, а в другой часовне крест деревянной, написаной.

А подле старого городища, вверх по Илиму реке, каменные горы — до заимки попа Петра Максимова. А против Илимского острогу, за Илимом рекою и за острожною нагорною стеною, за дворами, на низ по Илиму реке и вверх — облегли каменные горы, а на тех горах поросл лес (зачѐркнуто: густой). И Илимской ост-

[1] О нѐм было написано ранее и притом не к месту.
[2] На чертеже не показано.
[3] На чертеже подпись неразборчива.
[4] Т. е. Ленского волока.

рог подле Илима реки стоит меж тех гор на ниском месте и дворами строитца подле гору на обоих сторонах негде.

И всего в Илимском остроге на посаде и в старом городище (сбоку приписано: три церкви; зачѐркнуто: жилецких жилых дворов в в жилых дворех дворов живут) жилых 103 двора, опричь государева двора, а в них живут[1], где живут воеводы, и опричь приказной и таможенной изб и казенных анбаров и караульной избы: один человек священник; 4 человека детей боярских (зачѐркнуто: три четыре человека пятидесятников); 5 человек подьячих; три человека пятидесятников; 49 человек десятников и рядовых: один человек городничей, 48 человек десятников и рядовых служилых людей; 11 человек плотников; 17 человек посацких, в том числе таможенной голова (зачѐркнуто: 10 человек вдов); один человек бронник; один человек хлебной обротчик; один человек (зачѐркнуто: присыльной) илимской житель; 10 человек вдов».

На обороте чертежа приписано: «Сверх того 4 двора пустых, 14 порожжих мест. На гостине дворе и за острогом 28 лавок, 4 кузницы».

Итак, перед нами весь Илимский острог, растянувшийся узкой полосой по правому берегу р. Илима. В центре его укрепление, вниз по течению посад, занимающий 250 сажен, ещѐ ниже — на 200 сажен идут огороды. Вверх от укрепления — на 300 сажен частью посад, частью незанятое пространство. Ещѐ выше — городище, раскинувшееся вместе с огородами на 100-150 сажен. Всѐ протяжение береговой линии, занятое Илимским острогом, составляло примерно 2 версты.

В перечне жителей посада названы только дворохозяева. Поэтому остались вне списка те, кто жил на подворье у владельцев домов. Более полный список жителей мужского пола можно извлечь, из переписи 1723 года, охватывающей 401 человека. Из них 19 человек было детей боярских (с их сыновьями), 2 пятидесятника, 2 десятника казачьих, 6 конных казаков, 1 казак, 13 казачьих детей, 12 отставных казаков, 145 служилых людей, 30 судовых плотников, 14 отставных плотников, 94 посадских, 2 жителя без занятий, 2 промышленных человека, 25 хлебных обротчиков, 6 бобылей, 1 крестьянский сын, 1 богадельщик, 14 гулящих людей, 3 новокрещеных, 6 присыльных и 3 дворовых, т. е. крепостных.

Нужно только иметь в виду, что в этом перечне вовсе нет лиц женского пола. Кроме того, сюда не включены воевода с семьѐй и церковники.

Как описание Илимского острога 1656 и 1703 годов, так и перепись 1723 года дают полное представление о главных группах его населения. На первом месте находится группа служилых людей всех наименований, что отвечало значению Илимского ост-

[1] Слова: «а в них живут» нужно читать перед перечислением жителей.

рога, как центра управления. С большинством названных в перечне служилых людей читатель встретится ещѐ не один раз. На втором месте с конца XVII века оказываются посадские люди, что соответствовало значению Илимского острога, как торгового центра. Остальные слои населения занимали подчинѐнное место. В частности, в XVIII столетии здесь не было ни одного пашенного крестьянина. Почти все остальные жители в какой-либо мере оказывались связанными с служилыми и посадскими. Они могли работать в качестве слуг или работников у двух первых групп. Заметную долю в населении составляли судовые плотники, которые обслуживали постройку государевых судов, предназначенных для сплава грузов в Якутск.

Заметим также, что и служилые, и посадские, и плотники жили прочно, построившись своими домами и заведясь огородами. Илимское воеводство имело свои постоянные кадры служащих, работавших здесь иногда десятилетиями. Лишь воевода, отслужив свой срок, отзывался Москвой или возвращался вместе с семьей и дворовыми людьми в своѐ поместье.

Из Илимска осуществлялось непосредственное руководство Верхне-Илимской волостью, не имевшей, в отличие от других волостей, своего особого волостного центра.

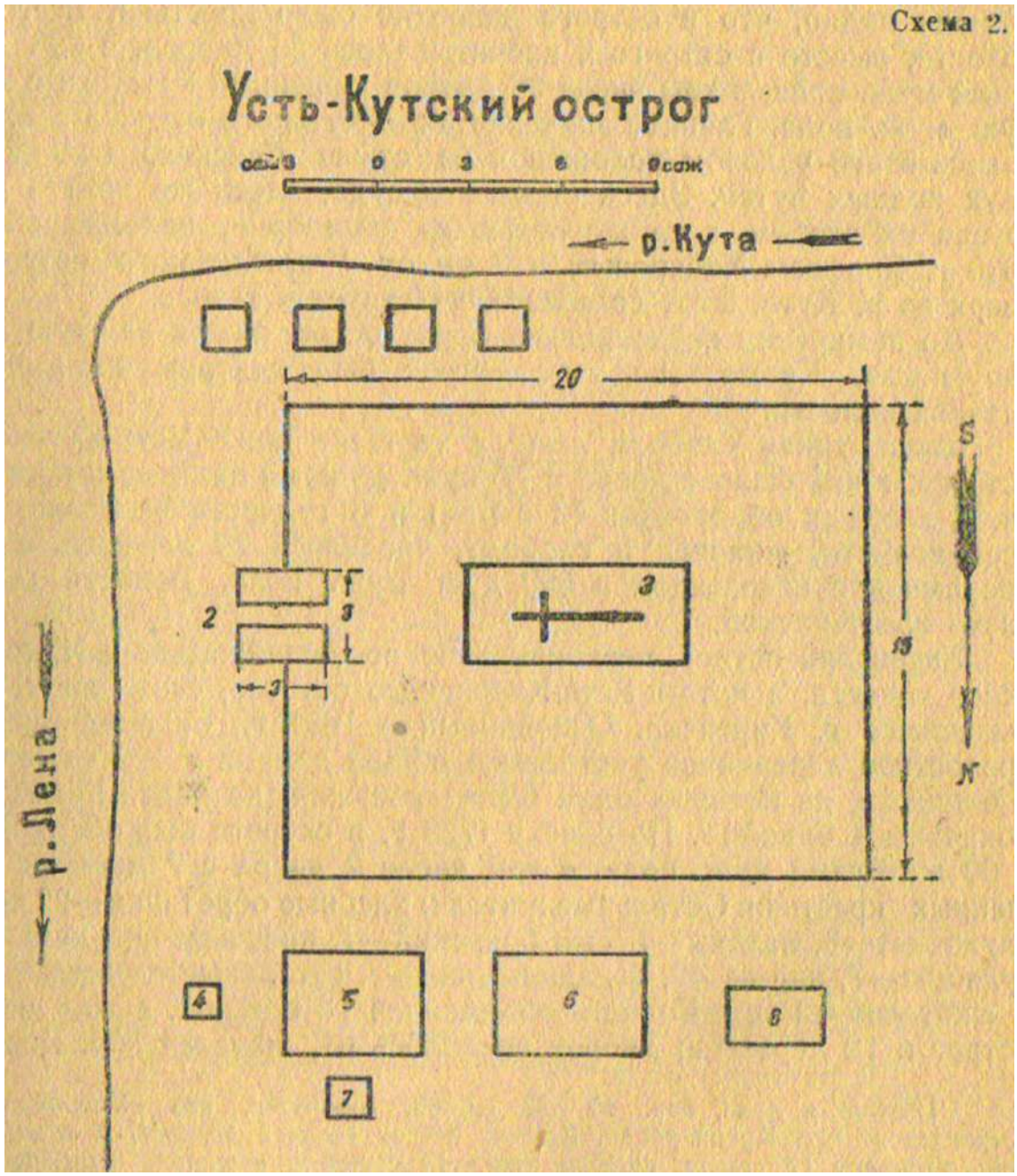
Кроме того, отсюда шло управление особой «Верхо-Илимской ясашной волостью». В начале XVIII века в верховьях р. Илима значение некоторого подсобного центра по управлению Верхней Илимской волостью приобрела деревня Кочерга, откуда вѐлся сплав хлеба в Илимск из прилегающих ангарских волостей.

Управление всеми остальными деревнями воеводства велось Илимском через остроги и слободы — центры волостей.

Ниже дано их краткое описание.

Нижне-Илимская слобода находилась на месте нынешнего районного центра — с. Нижне-Илимского, являясь главным пунктом одноимѐнной волости, в составе 49 деревень, расположенных по нижнему течению р. Илима и по Ангаре. Всех дворов в волости в 1723 году было 143, из них 117 дворов пашенных крестьян. Сама слобода представляла довольно большую деревню с 11 дворами и 41 душ. мужского пола. В числе этих душ было 22 хлебных обротчика, 3 бобыля (в двух дворах), 1 присыльный, 2 крестьянских сына, 7 служилых и 5 дворовых. Таким образом, в слободе пашенных крестьян не было. Слобода являлась также центром Нижно-Илимской ясачной волости.

Усть-Кутский острог стоял на месте теперешнего районного центра — с. Усть-Кут. Его волость простиралась по р. Куте до еѐ верховья и по р. Лене. Насчитывала она 18 деревень. Острог представлял партнѐра Илимска, замыкая восточный выход Ленского волока. На карте Ремезова острог показан с одной башней. Вся окружность укрепления составляла, вероятно, 61 сажень. Подсчѐт, сделанный илимской канцелярией в 1722 году, опреде-



Расположение построек:

1. Хлебные амбары
2. Проезжая башня
3. Церковь Спаса
4. Баня
5. Государев двор
6. Таможня
7. Амбар
8. Пивной кабак

лившей его длину в 54 сажени, содержит какую-то ошибку[1]. В остроге в 1723 году было 10 дворов и 53 души муж. пола, в том числе 10 служилых (с семьями), 3 казачьих сына, 36 судовых плотников, 1 гулящий, 1 присыльный, 1 «житель» и 1 причетник. Отсюда видно, что в остроге вовсе не было крестьян. Всего в волости, вместе с острогом, насчитывалось 55 дворов, с 393 душами муж. пола, в том числе 38 дворов пашенных крестьян с 251 душ. муж. пола. Главное значение Усть-Кутского острога заключалось в его узловом положении на стыке Ленского волока и двух водных путей. Здесь строились суда, здесь же велась нагрузка их хлебом, а также солью из солеварни, заложенной в 1639 г. Ярофеем Хабаровым в 3 км от Усть-Кутского острога, вверх по р. Куте. Этот сользавод действует и теперь.

До замирения верхоленских бурят острог играл важную военную роль. Кроме того, этот острог был центром Усольской ясачной волости.

Криволуцкая слобода лежала на Лене ниже Усть-Кутского острога, в ней было 4 двора с 17 муж. душами пашенных крестьян, 5 хлебных обротчиков (2 семьи) и 3 гулящих человека. Во всей волости, включая и слободу, числилось 29 деревень с 64 дворами и с населением в 550 душ муж. пола. Волость была чисто крестьянской.

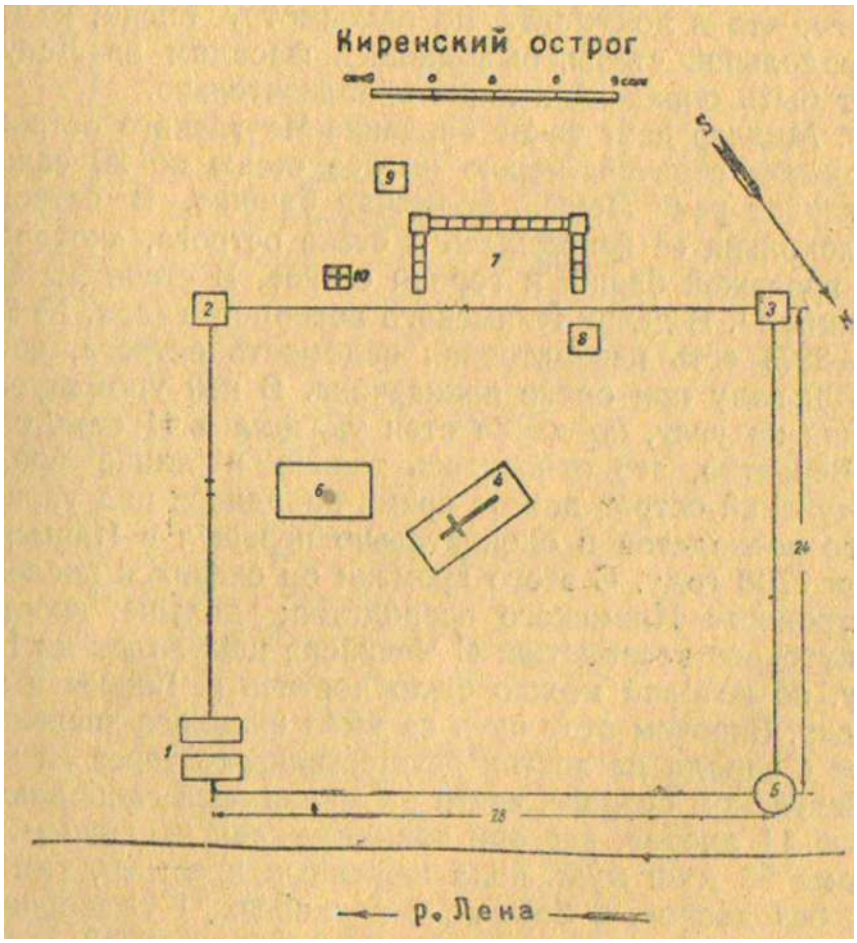
Киренский острог, первоначально носивший название Никольского погоста, а потом Усть-Киренского острога, стоял на месте нынешнего г. Киренска. Основанный в 1631 г., он представлял крепостное деревянное укрепление общей длиной в 109 сажен, с 3 башнями, из которых одна была проезжая (на карте Ремезова показаны 4 башни)[2]. По списку 1723 г. в остроге было 8 дворов с 60 жителями муж. пола, в том числе 2 двора с 7 душами пашенных крестьян. Остальные жители: хлебные обротчики — 22 чел., служилые — 8, казаки — 4, сын боярский — 1, крестьянские дети — 3, гулящие — 7, нищие — 2, богаделыцики — 3, отставные служилые — 1 и «жители» — 2 чел. Волость объединяла 13 селений, в том числе острог и 12 деревень; дворов числилось 61, жителей 506. Кирен-

[1] Именно в деле, арх. № 625, св. 68, говорится, что «Усть-Куцкой острог стоит над Кутой рекой. Кругом острог стоячей деревянной обветшалой: длиннику 17 сажен, нижняя стена 14 сажен с аршином, поперешнику от Куты 15 сажен, с горные стороны 15 сажен с аршином. Кругом всего острогу 54 сажени». Подсчѐт даѐт 61 сажень, что, вероятно, ближе к истине. Но в делах Сибирского приказа, книга 1042, л. I, показана длина в 46 сажен, упомянуты башня и на вооружении — 6 пищалей.

[2] В «Описной книге» 1699-1700 гг. указано, что в остроге 3 башни по углам, в том числе одна проезжая, над которой на свесе в киоте был образ Спаса. В остроге была церковь, колокольня которой находилась на углу острожной стены. У Г.Ф. Миллера острог описан так: «Оной острог построен на высоком берегу, четырѐхугольной, стоячей, мерою в длину на 28, в ширину на 24 сажени... От реки на левом углу проезжая башня, на левом углу старая колокольня, да с горной стороны две боевые башни». В остроге кроме церкви никаких построек не имелось. Все казѐнные строения находились вне стен, в так называемой слободе (Портфели Миллера, № 517, портфель 1, дело 23, л. 28).

ский острог стоял на слиянии двух крупных рек, являлся одним из опорных укреплѐнных пунктов и важным портом Илимского воеводства. Можно считать, что первоначальное земледелие воеводства (и Иркутской области) было заложено именно здесь — в рассмотренных волостях — по Илиму и Лене, когда Хабаров пахал под Киренским и под Усть-Кутским острогами. Кроме того, Киренский острог был центром огромной Киренской-и-Хандинской ясачной волости. Здесь находился очень богатый Троицкий монастырь, который имел крупные земледельческие вотчины.

Схема 3.



Расположение построек:

1. Проезжая башня
2. Глухая башня
3. Глухая башня
4. Церковь Спаса
5. Колокольня
6. Судная изба
7. Гостин двор
8. Старая изба
9. Таможня
10. Часовня

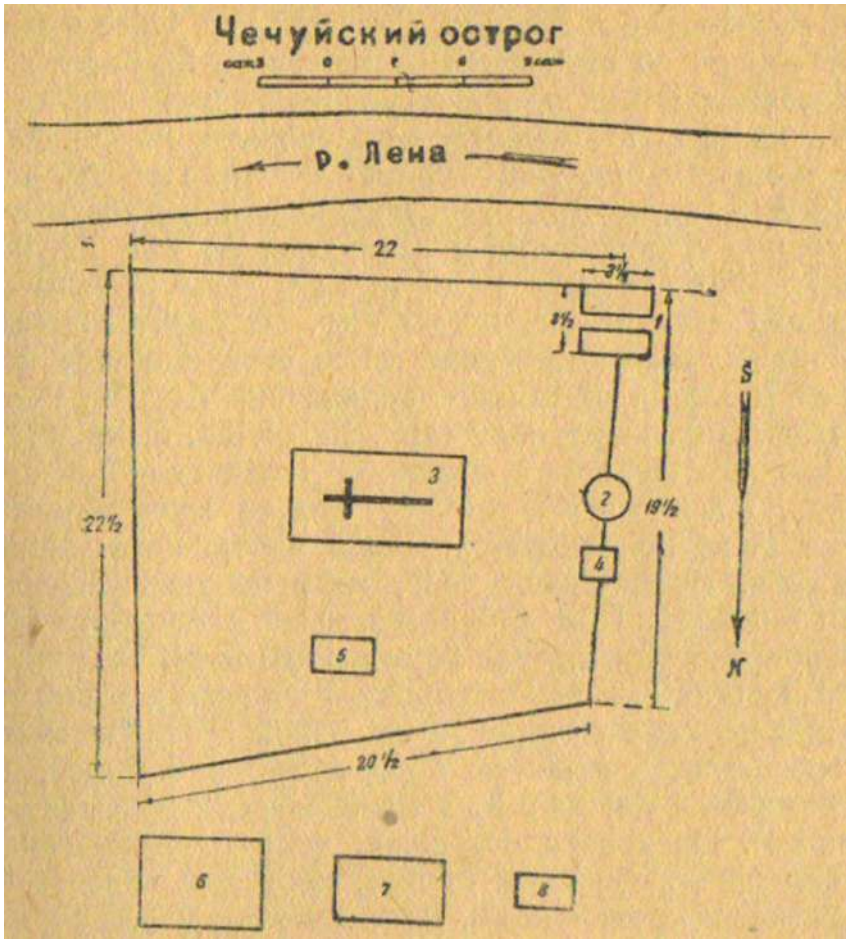
Чечуйский (писалось «Чичюйской») **острог** представлял укрепление с одной башней. Башня имела стены по 3½ сажени шириной и проезжие створные ворота, над которыми была приделана часовня. Располагалась башня на верхнем углу острожных стен, считая по течению р. Лены. Вниз по Лене шла продольная стена, около 20-22 сажен и поперечная верхняя стена — 19½ сажен. Внутри острога находилась житница, а первоначально, повидимому, и судная изба. У Ремезова Чечуйский острог изображѐн с башней в середине нагорной стены, что не соответствовало еѐ действительному положению. Общая длина острога по описи 1757 года (Россыпь, № 812, св. 98) составляла 86 сажен, но ввиду того, что в документе, по недосмотру писца, не показана длина продольной стены, выходившей фасадом на Лену, длина еѐ может быть определена лишь приблизительно.

Г.Ф. Миллер даѐт такое описание Чечуйского острога: «Четырехугольной стоячей, мерою во все стены по 20 сажен... На левом углу от реки Лены... проезжая башня». В остроге — церковь, колокольня еѐ находилась в стене острога, «которая от помянутой проезжей башни к горной стене». В стене же был церковный амбар[1]. В делах Илимского воеводства (арх. № 92, св. 9, лл. 284-287) есть передаточная ведомость острога, составленная в 1709 году при смене приказчика. В ней упомянута проезжая башня на углу, но длина стен указана в 41 саж. с полуаршином. Вероятно, это относилось только к длине продольных стен. Чечуйский острог долгое время находился под управлением Якутского воеводства и окончательно перешѐл в Илимское воеводство в 1708 году. С этого времени он оказался последним на Лене острожком Илимского воеводства; дальше простирались земли Якутского воеводства. С Чечуйска шѐл волок на Нижнюю Тунгуску, по которой можно было достичь р. Енисея и выйти к Туруханску. Впрочем этот путь не имел никакого значения и всѐ движение с запада на восток осуществлялось через Ленский волок. В Чечуйском остроге, часто называвшемся слободою, в 1723 году было 11 дворов, все они принадлежали пашенным крестьянам. Кроме 53 душ муж. пола пашенных крестьян, там жили 6 крестьян без дворов, 2 бобыля, 2 служилых, 1 подворник, 3 гулящих и 1 нищий. А всего в волости считалось 18 селений, 86 дворов и 687 душ муж. пола.

Орленская слобода (ныне Орленга) представляла в описываемое время деревню в 4 двора, в числе которых было 2 двора пашенных крестьян, один двор хлебного обротчика и один — служилого человека. Всего в слободе проживало 20 душ муж. пола, в том числе 7 пашенных крестьян, 2 бобыля, 2 служилых и 4 гулящих. В волости имелось 23 деревни, 40 дворов, 330 душ муж. пола. Здесь оседало очень много гулящих людей, очевидно промышлявших вдоль Лены. В 1723 году их насчитывалось

[1] Портфели Миллера, то же дело, л. 31 об.

Схема 4.



Расположение построек:

1. Проезжая башня
2. Колокольня
3. Церковь Воскресенская
4. Церковный амбар
5. Житница
6. Приказная изба
7. Таможня
8. Подвал

61 человек. В некоторых деревнях гулящие люди составляли до ⅓-½ всего населения. Так, в Омолоевской деревне на 5 мужских душ пашенных крестьян приходилось три гулящих человека, в д. Дядиной на 7 душ — четыре, в д. Канашановской на 6 душ — пять в д. Голых на 6 душ — восемь гулящих людей.

Тутурская слобода представляла деревню в 2 двора. Из них один принадлежал попу, другой служилому. Несомненно, что в каждом из этих дворов было по нескольку изб, так как в слободе насчитывалось 30 душ муж. пола, а всего, следовательно около 50 человек. В этих дворах жило 12 хлебных обротчиков (4 семьи), 6 бездворных крестьян, 3 человека из семьи сына боярского, 3 служилых и 6 гулящих. Всего в волости числилось 19 деревень, 33 двора, 326 душ муж. пола.

Илгинский острог, теперь с. Знаменское, имел небольшое укрепление общей мерою 104 сажени.

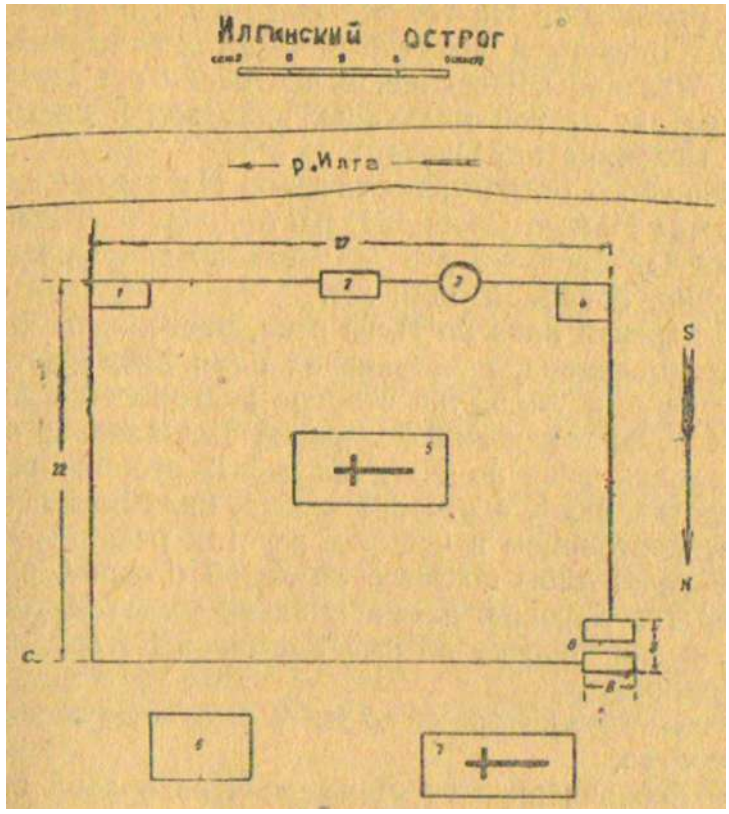
Острог располагался длинной стороной к р. Илге и представлял прямоугольник со сторонами 30 сажен на 22 сажени. В стене, выходившей лицом к р. Илге, располагались, считая сверху по течению: на углу амбар, далее колокольня, но середине стены второй и на нижнем углу — третий амбар. Проезжая башня, стены которой были по 3 сажени шириной, находилась на верхнем углу горной длинной стены (Россыпь, № 812, св. 98, 1757 год, листы 76-78). Он замыкал на р. Илге устье р. Тыпты и господствовал над дорогой на Новую Уду. На карте Ремезова его нет. Сохранилось также описание этого острожка при передаче его в марте 1706 года от старого приказчика Ив. Ив. Роспутина новому — Парф. Зах. Караулову (арх. № 74, св. 6, лл. 372-375). Были переданы: «Илгинской острожок з башнею, а в нем церковь Божия... Илгинского острожку судная изба поземая, а в ней решетка ради колодников... Перед избою сени, анбар, под анбаром жилье. Прикащичей двор, избу новую... Перед избою сени... Анбар новой... Под анбаром погреб с обрубом». За острожной нагорной стеной стояла таможенная изба. Там же продавалось вино. В 1723 г. здесь считалось 7 дворов, все они принадлежали пашенным крестьянам. Жило в них 54 души муж. пола пашенных крестьян, 5 хлебных обротчиков, 5 бобылей, 12 бездворных крестьян, 4 служилых, 3 трапезника, 2 присыльных и 35 гулящих людей. Не только острожек, часто называвшийся слободою, давал приют гулящим людям, но и вся волость была с избытком населена этим людом. Волость охватывала 21 селение, в число которых входили: Илгинский острог, две больших деревни — Усть-Илгинская и Нижняя слобода и 18 других, главным образом мелких деревень. В волости проживало 887 душ муж. пола, в том числе 459 душ пашенных крестьян. Илгинская волость представляла один из крупных земледельческих районов Илимского воеводства. На р. Типте располагались две деревни Якутского Спасского монастыря, откуда товарный хлеб сплавлялся по Илге и Лене до Якутска.

В делах Илимского воеводства за 1744 г. (Россыпь, № 364 св. 38) имеется довольно хорошее географическое описание целой волости, именно — Илгинской. Хотя этот документ принадлежит к более позднему времени, чем то, в рамках которого ведѐтся изложение предмета, однако целесообразно воспользоваться редким описанием, чтобы более полно показать, что представляла собою волость Илимского воеводства.

Документ, о котором идѐт речь, является ответом «господину геодезии обер-афицеру князь Ивану Шехонскому», составленным по его запросу Илгинской приказной, т. е. судной — по первоначальной терминологии, избой.

«Илгинской острог построен по течению Илги реки на левой стороне, на ниском месте, деревянной, об одной башне. В нем

Схема 5.



Расположение построек:

1. Амбар
2. Амбар
3. Колокольня
4. Амбар
5. Церковь Знаменская
6. Таможенная изба
7. Церковь Богоявленская
8. Проезжая башня

церковь Знамения пресвятые богородицы, деревянная. За островом церковь Богоявления господня[1]; приказная изба ветхая; прикащичей двор, один; таможенная изба ветхая, одна; казенного винокуренного завода изба, одна; поповской двор, один; посацких 2 двора, крестьянских 15 дворов. Итого 20 дворов. Построен и поселен назад тому 80 лет из города Илимска крестьянами (зачѐркнуто: выше) Илгинского острогу по течению вверх, на правой стороне (зачѐркнуто: растоянием в версте) речка Кора, течет с полуношника[2]. На ней мельница мутовчатая (зачѐркнуто: от устья растоянием в версте). По той же речке, растоянием от острогу во шти верстах казенной винокуренной завод. Построен в 724-м году компанейшиками.

[1] Об этой церкви существует солидная литература.
[2] Значит, по течению — с левой стороны.

(Сбоку приписано: На той же Илге реке, по течению вниз, в растоянии от острогу в полуторых верстах — мельница колесчатая; от той мельницы, вниз же, в растоянии в полуверсте мельница колесчатая; от той мельницы, вниз же, в растоянии в одной версте мельница колесчатая).

От Илгинского острогу, по течению Илги реки вниз, — деревня, называемая Нижна Слободка, растоянием от Илгинского острогу 6 верст (зачѐркнуто: в ней), жила 20 дворов крестьянских, кабацкой один, посацкой один же.

От той деревни вниз по Илге реке, растоянием в 8 верстах деревня Шелковникова, крестьянской один двор[1]. От той деревни по Илге реке на левой же стороне растоянием в четырех верстах, по заимшикову званию, деревня Башалкина, один двор[1]. От оной деревни вниз по Илге на левой стороне растоянием в четырех верстах ключ, а от того ключа, вниз по Илге же на левой стороне растоянием в четырех верстах речка Тилик.

От той речки вниз по Илге на левой стороне, растоянием в четырех верстах деревня, называемая по устью Илги реки Усть-Илгинская, в ней часовня во имя Знамения Богородицы. Крестьянских 10 дворов.

Выше той деревни вверх по Илге реке в двух верстах мельница колесчатая.

От той деревни вниз по Лене реке, на правой стороне, растоянием в четырех верстах речка Березовка, на ней мельница мутовчатая. От оной речки вниз по Лене на левой стороне растоянием в восьми верстах речка Шалина, по ней две мельницы мутовчатые».

Далее перечисляются деревни от Илгинского острога вверх по Илге; сообразно с таким порядком все деревни, лежавшие на левой стороне р. Илги указываются, как лежащие на правой стороне, и — наоборот.

«От Илгинского острогу вверх по Илге реке в семи верстах мельница колесчатая. От Илгинского острогу вверх по Илге реке по Коченской протоке, на правой стороне, в растоянии в 8 верстах — деревня, называемая по горе Каменной — Каменская, жилья крестьянских 3 двора.

От той деревни вверх же по Илге реке в растоянии в четырех верстах деревня, называемая по Илгинской Коченской протоке — Коченска, жилья крестьянских 8 дворов.

От той Коченской деревни вверх же по Илге реке, на левой стороне, растоянием в 8 верстах — деревня, называемая по ручью Чичеку — Чичек; жилья — крестьянской один двор.

От той деревни вверх по Илге реке, на правой стороне, растоянием во шти верстах деревня, называемая по ручью Кандакану — Кандакан; жилья — крестьянских 4 двора, посацкой один двор.

[1] Ныне такой деревни нет.

От той деревни вверх по Илге реке на правой стороне деревня, в растоянии в 8 верстах, деревня, называемая по поселению Бутыринска; жилья — крестьянских 4 двора. При той деревне по течению вверх Илги реки на правой стороне речка, называемая Кычикан, на ней мельница мутовчатая, одна.

Между Кандаканскою и Бутыринскою деревнями с левую сторону речка Берея. С той же стороны из озер исток, на нем мельница одна.

От той деревни вверх по Илге реке, на правой стороне, растоянием в четырех верстах деревня, называемая по поселению Тимофеевых; в ней жилья 3 двора. При той деревне в правую сторону речка Берея.

От той деревни вверх по Илге ж на левой стороне, растоянием в 3 верстах, деревня, называемая по заимшике Фоминых, в ней 2 двора.

От той деревни вверх по Илге с левую сторону речка Ильда, растоянием полторы версты; на ней 3 мельницы мутовчатые.

От оной же деревни Фоминой вверх по Ильде речке, на левой стороне, растоянием 6 верст деревня, называемая по речке — Ильдинска; в ней жилья — крестьянских 2 двора.

От той деревни вверх по Илге на левой стороне растоянием 6 верст деревня, называемая по заимшике Ореховская, крестьянских 2 двора[1].

Между оными деревнями, Ильдинскою и Ореховскою, на ключе мутовчатая мельница мутовчатая (так в тексте). При оной Ореховской деревне ручей, называемый Сухой.

От оной деревни вверх по Илге, на правой стороне, речка Кычей, растоянием 6 верст, на том Кычее речке деревня, назывыемая но заимшику Маркова; жилья крестьянских 2 двора; при той деревне на ключе мельница колесчатая. На Кычее речке мельница мутовчатая.

От оной Марковой деревни вверх по Кычею речке, на правой стороне растоянием две версты — заимка, называемая по Кычею речке — Кычейская, крестьянской один двор.

От Кычейской заимки, через хребет, вверх по Илге реке, на правой стороне, растоянием 5 верст — заимка, называемая по Бачаю ручью Бачайская, крестьянской один двор.

От Бачайской заимки вверх по Илге, на левой стороне, растоянием 5 верст — заимка по названию Новопашенная, крестьянский один двор[2].

От оной Новопашенной заимки вверх по Илге на левой стороне растоянием 10 верст мельница мутовчатая на ключе.

[1] Ныне такой деревни нет. Вероятно, она стала называться Суховской.

[2] Ныне такой деревни нет, хотя фамилия Новопашенный распространена здесь очень широко. Возможно, что эта заимка превратилась в современную деревню Лукинову.

От оной мельницы вверх по Илге, на левой стороне, расстояния 4 версты — заимка, называемая по заимшику Захарова, крестьянской один двор[1].

От помянутой Захаровской заимки до вершины Илги реки 120 верст».

Отсюда описываются деревни вверх от Илгинского острога по р. Тыпте. Сделанное ранее замечание о правой и левой сторонах, сохраняет силу и здесь.

«От Илгинского острогу вверх по Илге по правую сторону — до устья Тыптинского, растояния 4 версты; от устья Тыптинского — вверх по Тыпте по правую сторону — растояния 2 версты до деревни, называемой по заимшику Костентиновская; жилья — крестьянских 6 дворов.

От Костянтиновской (разное написание этой деревни допущено в подлиннике) вверх по Тыпте речке, по правую сторону, растояния 4 версты — деревня, называемая но речке Коре — Дальная Закорская, жилья крестьянских 11 дворов. Между оными — Костентнновскую и Дальною Закорскою деревнями — вверх по Тыпте, с правую сторону, вышеписанная речка Дальная Кора. На ней 2 мельницы мутовчатые.

От Дальной Закорской деревни вверх по Тыпте речке по правую сторону, растояния 3 версты речка Чюварда. От Чюварды речки вверх по Тыпте речке по правую сторону растояния 6 верст — деревня, называемая по заимшике — Черновская, жилья — крестьянских 4 двора.

От деревни Черновской вверх по Тыпте, по правую сторону, растояния до деревни, называемой по заимшику Евдокимовой, жилья крестьянских 4 двора. При оной Евдокимовой деревне, на речке Тыпте, мельница мутовчатая.

От Евдокимовой деревни вверх по Тыпте речке, по правую сторону, растояния до деревни Якуцкого Спаского монастыря 2 версты[2]. В ней часовня во имя нерукотворенного образа Господа и Спаса нашего. При той деревне на Тыпте речке мельница мутовчатая.

От той монастырской заимки вверх по Тыпте, на правой стороне, растояния 7 верст до деревни, называемой по заимшику Федоровых, жилья крестьянских 3, монастырских 2 двора.

От Федоровской деревни вверх по Тыпте, по правую сторону, растоянием 14 верст, заимка Якуцкого Спаского монастыря, называемая по речке Балыкте-Балыкта, жилья один двор. Оная речка с правую сторону»[3].

В этом описании волости ошибочно пропущена большая деревня Закорская Ближняя.

[1] Ныне такой деревни нет.

[2] Современная деревня Тыпта.

[3] В действительности — левый приток. Об обозначении сторон читатель предупреждался.

Если сопоставить названные здесь селения Илгинского острога со списками 1722-1723 годов, то окажется, что возникло 4 новых деревни — Башалкина, Кычейская, Бачайская и Захарова. Зато не названа дер. Сергеевка.

В 1722-1723 годах, без деревни Закорской Ближней, в Илгинской волости, насчитывалось 62 двора, в том числе 61 двор пашенных крестьян. По цитированному документу 1744 года общее число дворов составляло 118, в том числе крестьянских 108. Следовательно, за 20 с небольшим лет число дворов почти удвоилось.

Документ 1744 года важен не только тем, что даèт более ясное представление о целой волости и взаимном расположении (довольно точном) селений, нанизанных на речные пути, но и тем, что расширяет наши знания о происхождении названий многих деревень.

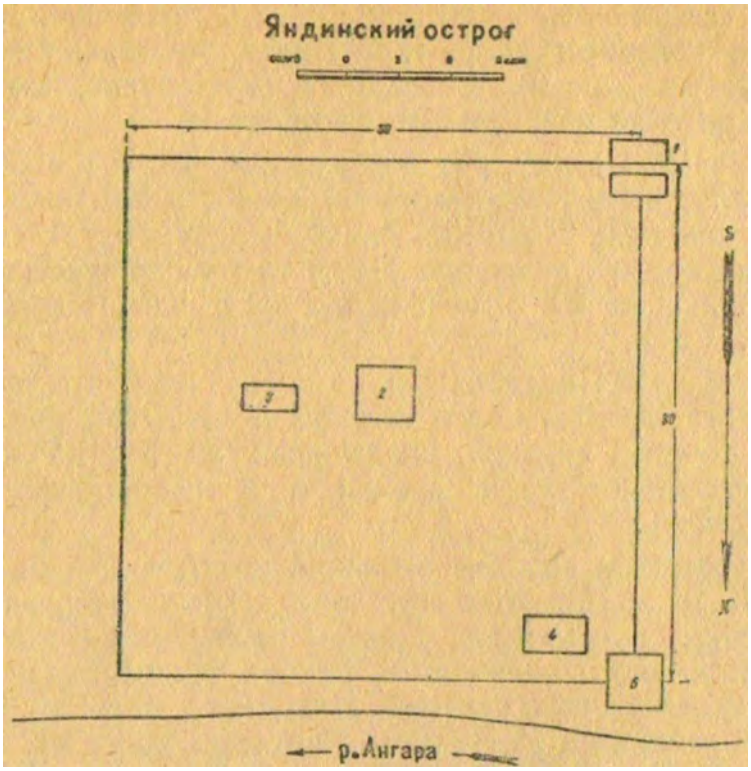
Ново-Удинская слобода возникла позднее других слобод, в конце XVII века. Первыми жителями еè были крестьяне из Западной Сибири и ссыльные, а затем переселèнные крестьяне из полостей Илимского воеводства. Вскоре эта слобода стала одним из самых крупных селений Илимского воеводства. В 1723 году в ней считалось 25 дворов, в которых жило 208 душ муж. пола (в документе, вследствие неправильного подсчèта, указана другая цифра — 218). Все дворы принадлежали пашенным крестьянам, которых числилось 138 душ муж. пола. Кроме того, в слободе жили 19 хлебных обротчиков, 20 бездворных крестьян, 1 сын боярский, 5 трапезников, 5 служилых, 1 подворник, 3 присыльных, 15 гулящих людей и 1 нищий — казачий сын. Ново-Удинская слобода объединяла самую маленькую по числу деревень волость; в ней, кроме слободы, было только 2 деревни. Поэтому сюда назначался не приказчик, а слободчик. По всей волости имелось 255 душ муж. пола, в том числе 168 пашенных крестьян.

Яндинский острог, ныне с. Янды, имел небольшое укрепление общей длиной около 120 сажен, с одной проезжей башней. В 1723 г. он представлял селение в 8 дворов, где жило 68 душ муж. пола, в том числе 40 пашенных крестьян, 7 хлебных обротчиков, 4 бобыля, 7 членов семьи сына боярского, 1 казак, 3 богадельщика, 4 крестьянских сына и 2 гулящих. В 23 селениях Яндинской волости числилось 607 душ муж. пола. Острог являлся одновременно центром Верх-Ангарской и Удинской ясачной волости.

Братский острог является столь же древним, как и Илимский. Вокруг него долго шла борьба с окинскими бурятами.

С момента своего возникновения он находился в ведении Енисейского воеводства. Но слишком большая удалèнность от Енисейска и сложность управления столь большой волостью, какой была Братская, вызвали в 1696 г. отписку его от Енисей-

Схема 6.



Расположение построек:

1. Проезжая башня
2. Погреб
3. Амбар
4. Судная изба
5. Глухая башня

ска. С этого времени и до перехода в Илимское ведомство Братский острог управлялся письменным головой, подчинявшимся непосредственно Сибирскому приказу. Указом от 18 декабря 1696 г. туда был назначен вместо Христофора Кафтырева Степан Лисовский, причѣм было сказано: «а енисейскому воеводе того Брацкого острогу ни в чем ведать не велено»[1].

Острог представлял деревянное укрепление с 2 башнями. При передаче острога Ив. Толстоуховым М. Ознобихину в 1724 г. была составлена довольно подробная опись острога. Приводим выдержки из этой описи (арх. № 141, св. 15, лл. 91-93):

«Острог мерою в четырех стенах 120 сажен[2]. Около острогу надолбы ветхие. В нагорную сторону по углам того острогу

[1] Сибирский приказ. Книга 1372, лл. 307-311. Переписку с ним см. лл. 542-558, 589-590, 739-747, 752-753. Лисовский упоминает: «А ныне по твоему, великого государя, указу Брацкой острог от Енисейска ведом особо», л. 551 об.

[2] В деле 1736 г., арх. № 625, длина острога показана в 105 сажен 2½ аршина.

2 башни на жилых избах...[1]. В решную сторону того ж острога проезжие ворота, у тех ворот запор железной. А на тех воротах построен казенный анбар, где бывает ясашная и денежная и товарная всякая казна... Около того анбару перила, забраны с трех сторон досками в косяк, покрыты тесом. А на тех перилах с двух сторон створные двери на крюках железных... В стене острожной в нутряную сторону в углу приказная изба старого строения без анбара и без сеней... В остроге 3 анбара ветхие, крыты драньем... В остроге ж 2 погреба, в том числе один с выходом, ветхой, другой зелейной, творило выкладено кирпичем... над ним покрыт сарай тесом. Две лавки с перерубами, у перерубов двери собые, без замков... По верхную сторону острога 2 прикащичьи новые избы, в том числе одна белая, другая черная, промеж ими сени с казенкою, крыты тесом в зубец, под одной кровлей... семеры дверы, 4 оконницы. На задворье баня ветхая, да анбар ветхой, крыты драньем.

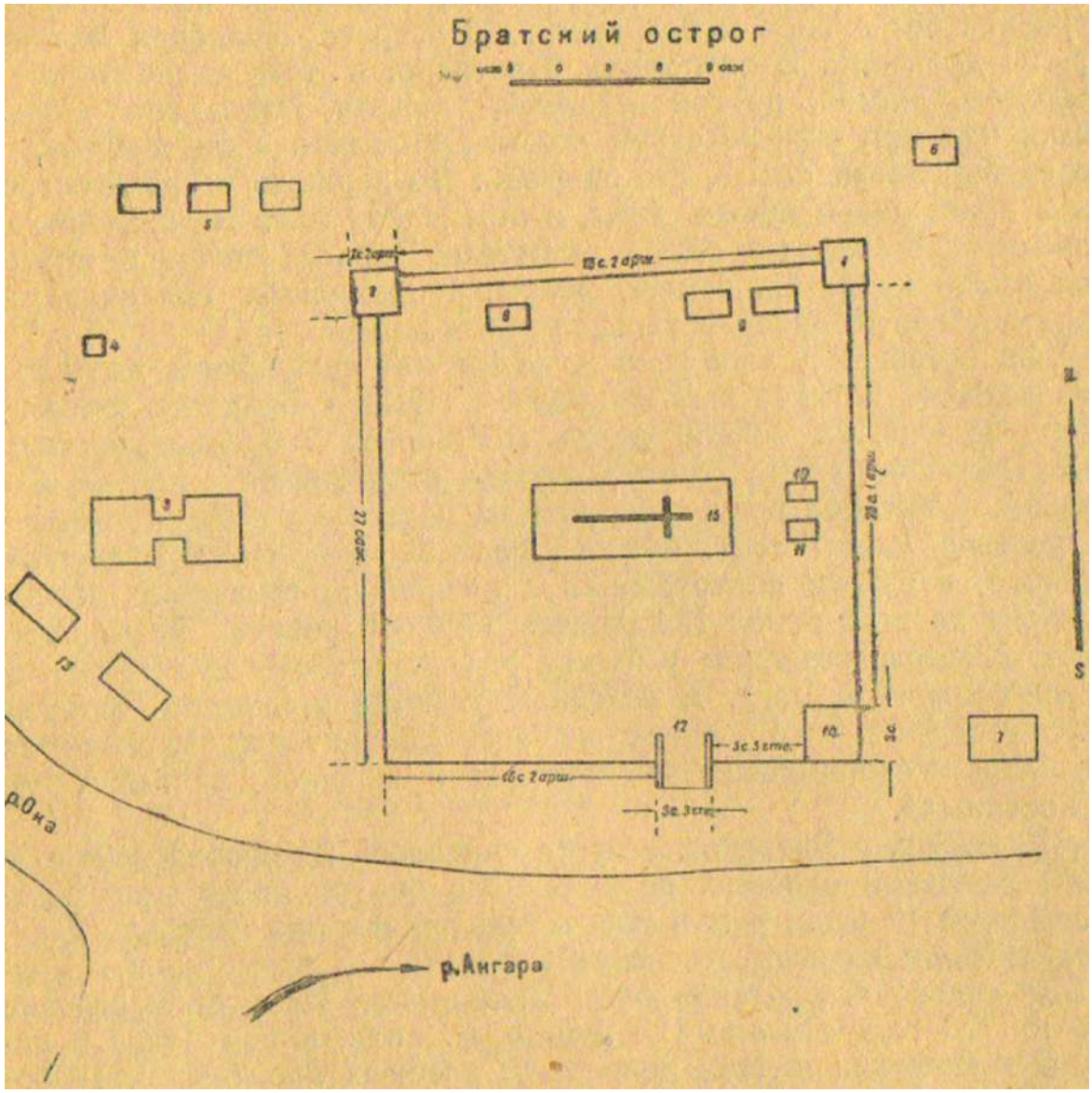
За острогом у Оки реки на угоре две государевы житницы, без замков, ветхие, крыты драньем... Выше Брацкого острогу вверх по Оке, на Черной речке государева мельница ветхая... И Брацком остроге в Нижнем посаде изба ветхая с клетью и с сеньми, в которой преж сего живали приказной избы подьячие». В россыпи дел 1769 г. имеется передаточная опись Братского острога, в общем повторяющая приведѐнную выдержку. Длина острога по этой описи 124 сажени, «кругом рогатки, весьма ветхие». Амбары, стоявшие у берега р. Оки, к этому времени были перенесены к острогу. В зелейном. погребе хранилось 2 пуда пороху. Кроме того, оставалось ещѐ 36 винтовок, из которых 11 были неисправными, 11 натрусок и 9 луков, в том числе 4 костяных[2].

В 1723 г. в Братском остроге считалось 25 дворов, как и в Ново-Удинской слободе, но население его по числу душ было и дна раза меньше, чем в последней, причѐм оно состояло главным образом из некрестьянских элементов. В этом, да и в других отношениях, Братский острог напоминал Илимск. Население его в 1723 г. достигало 125 душ муж. пола, в том числе 9 пашенных крестьян в двух дворах, 10 хлебных обротчиков, 14 бобылей, 1 бездворный крестьянин, 9 душ детей боярских, 9 детей казачьих, 39 служилых, 9 отставных служилых, 5 дворовых людей, 6 богадельщиков, 3 присыльных, 2 жителя, 6 гулящих и

Они сохранились до настоящего времени, притом довольно хорошо. Современный вид этих башен см. на фото 11 и 12.

[2] Такое же описание острога имеется в делах Сибирского приказа за 1705 год, книга 1374, лл. 4-4 об. Из оружия оставалось: пищаль длиной 2½ арш., весом 2 пуда с четыо, другая пищаль — 2½ арш., весом 2 пуда без чети, к ним имелось 280 ядер железных, каждое по ¼ фунта; кроме того — 30 пишалей ручных, 3 «санапала», мушкет, пищаль винтовальная, 30 бердышей. 14 пудов пороху, 11¾ пуда свинцу в пулях и свинках.

Схема 7.



Расположение построек:

1. Башня
2. Башня
3. Приказчичий дом
4. Баня
5. Амбары
6. Пивной кабак
7. Таможня
8. Ясачный амбар
9. Житницы
10. Погреб
11. Зелейный погреб
12. Ворота, над ними колокольня
13. Житницы
14. Приказная изба
15. Богоявленская церковь

3 нищих. Такой пѐстрый состав объясняется тем, что Братский острог долгое время был крупным административным центром далѐкого Енисейского воеводства. Да и сама волость оказывалась настолько обширной, что еѐ часто именовали уездом. И действительно, это был крупный район с 33 деревнями, в которых, включая и Братский острог, числилось 1176 душ муж. пола, т. е. больше, чем в какой-либо другой волости Илимского воеводства. Из этого числа пашенных крестьян имелось 806 душ муж. пола. Территория Братской волости простиралась вверх и вниз по Ангаре и далеко уходила по р. Оке в пределы современного Тангуйского района. Громоздкость этой волости, лежавшей на стыке двух огромных рек, сложность управления ввиду наличия многочисленных соседей бурят и широкое развитие хлебопашества, явились причинами выделения из неѐ на Оке самостоятельной Барлуцкой волости.

Братский острог, наряду с тем, что являлся центром русской земледельческой Братской волости, был также центром Верх- и Низ-Ангарской подострожной ясачной волости и центром Верх-Окинской и Ицкой (по р. Ие) ясачной волости.

Кежемская слобода объединяла небольшую волость по Тунгуске реке, т. е. по Ангаре, ниже р. Илима. В самой слободе было 10 дворов, в том числе 9 дворов пашенных крестьян с 54 душами муж. пола. Кроме того в ней жили: 7 бездворных крестьян, 1 крестьянский сын, семья пятидесятника из 3 чел., 1 богаделыцик, 1 присыльный, 1 работный и 9 гулящих. Всего в полости вместе со слободой считалось 7 деревень, 196 дворов, в том числе 148 дворов пашенных крестьян. Когда путь по Ангаре и Илиму был главной дорогой, Кежемская слобода естественно вошла в состав Илимского воеводства. С падением значения ангаро-илимского водного пути, Кежма оказалась отрезанной от иркутских земель братскими порогами и отошла в Енисейскую губернию. Ныне она образует Кежемский район Красноярского края.

Перечисленные остроги и слободы являлись центрами волостей Илимского воеводства. В них жили приказчики в особых государевых дворах. Управление осуществлялось через судные избы. Как видно из приведѐнных описаний острогов и слобод, они по большей части были незначительными деревнями, населенными, за редкими исключениями, разнородными, некрестьянскими элементами.

Все остроги и слободы располагались на реках, что позволяло быстро сообщаться как с деревнями волости, так и с Илимским острогом. Насколько удачно были выбраны тогда центры волостей показывает тот факт, что большинство из них впоследствии превратились в районные сѐла или стали крупными и важными селениями.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЁННЫХ МЕСТ ИЛИМСКОГО ВОЕВОДСТВА

Путешественникам, впервые пересекающим современную Иркутскую область, не может не броситься в глаза обилие нерусских названий: Бирюса, Алзамай, Замзор, Тайшет, Шебарта, Тулун, Куйтун, Тыреть, Залари, Кутулик и многих других станций и селений. Может сложиться мнение, что и в остальных частях этой области большинство селений носит названия местного туземного происхождения.

Посмотрим, насколько такое мнение было бы правильным в отношении поселѐнных мест Илимского воеводства. Исследование названий селений представляет значительный интерес при историческом рассмотрении вопросов освоения нового края.

В отношении наименований острогов, слобод и деревень Илимского воеводства мы располагаем исключительно богатым, почти исчерпывающим материалом, позволяющим установить происхождение названий почти каждой деревни. К сожалению, гибель многих и особенно ранних дел, не даѐт возможности установить время возникновения русских поселений с такой же точностью. Поэтому здесь и не ставится этого вопроса.

Список селений построен по острогам и слободам, или, иначе говоря, по волостям: илимским, ленским и ангарским. Порядок перечисления деревень внутри волости сохранѐн таким, как он установлен документом 1723 года. Если поселение носило название острога, слободы или погоста, то оно обязательно приводится и в списке. Слово же «деревня» опущено, что в некоторых случаях лишает древние названия их старинного, подчас выразительного колорита, оттеняющего происхождение самого названия. Например, когда раньше говорили: «деревня Шестакова», то подразумевалось, что речь идѐт о деревне, где живет крестьянин Шестаков. Наиболее яркими примерами такого слияния названий деревень с именами жителей являются поселения по Лене от Усть-Илгинской слободы до Усть-Кута. Вот несколько примеров, взятых из ревизских сказок 1722 года, где названия деревень записывались со слов крестьян и, следовательно, наиболее точно отображали первоначальные имена селений: деревня Леонтея Голова (т. е. Голого), деревня Ивана Сурова, деревня Матвея Шерстяникова, деревня Ивана Ботовского, деревня Томшнных (т. е. сыновей Томшина). В официальных документах, например в списке 1723 года, эти крестьянские названия деревень сокращались и превращались в д.д. Голых, Сурова, Шерстениковска, Ботовская, Томшиновска.

Названия деревень, при их группировке (см. табл. 5), подразделены по следующим группам:

1) Деревни, носящие чисто местные туземные названия, например, Едорма, в которых и корень слова и окончание принадлежат к языку нерусских народов, чаще всего тунгусов.

2) Деревни, остроги и слободы, названные русскими по рекам, например Илимской острог, Орленская слобода, Киренской острог, Тутурская слобода. Происхождение названий рек теряется в древней истории Сибири.

3) Деревни, остроги и слободы, названия которых являются смешанными, например, Нижно-Илимская слобода, Подволошная Игирминская, Усть-Илгинская, Мамырская Больша.

4) Деревни, получившие имя от русского насельника, потомки которого в данной деревне не сохранились, например Екимовка, Кузнецова в Тутурской слободе. Вероятно, какие-то крестьяне Екимов или Кузнецов были основателями деревни, затем выбыли из неѐ, оставив ей своѐ имя.

5) Деревни, носящие имя жителя, обычно пашенного крестьянина, являющегося или основателем или его прямым потомком.

6) Деревни, имеющие чисто русские названия, например, Мысова, Подпорожная, Сосновой Остров или деревня на Сосновом Острову, Заборская, Криволуцкая, Ключи, Новопашенная, на Святином острову.

Если произвести подсчѐт числа деревень по их названиям в соответствии с предложенной группировкой, то получаются следующие итоги, сведѐнные в таблице 5.

Таблица 5

Происхождение названий деревень	Число деревень	% %
Туземные названия	12	4,2
Названия по рекам	37	13,2
Смешанные названия	13	4,6
Названия по фамилиям (прозваниям)	22	7,8
Названия по точно известным русским фамилиям (прозваниям)	162	57,7
Чисто русские названия	35	12,5
Итого	281	100,0

Если суммировать селения последних трѐх групп, т. е. остроги, слободы и деревни с русскими названиями то их окажется 78,0 %.

Таким образом, почти все названия селений Илимского воеводства были русскими или переделанными в русские. А это соответствовало тогда и соответствует сейчас подавляющему преобладанию русского населения и почти полному отсутствию других народов на всей территории Илимского воеводства.

При построении идущего далее списка селений везде опущено слово «крестьянин» или «пашенный крестьянин», и, наоборот, никогда не опускались обозначения других общественных групп населения — боярских детей, служилых, казаков и т. п. Всматриваясь в этот список, нельзя не притти ко второму выводу почти все названия селений Илимского воеводства, происхо-

дящие от имѐн жителей, относятся только к крестьянам Следовательно, русское крестьянство в ходе освоения нового края дало свои имена населѐнным местам. В названиях деревень пашенный крестьянин оставил своѐ имя потомкам, как памятник былого.

Окончательные названия некоторых селений установились не сразу. Так деревня Невонская иногда называлась коротко «Невон» или пространно «У Невона камени», точно так же Нижне-Илимская слобода упоминается подчас под именем «Тушамская», или более полно — «Нижно-Илимская Тушамская слобода». Изредка последующие изменения приводили к искажению первоначального названия.

Может быть, нелишне отметить, что когда одному из местных работников был дан для проверки старинный список селений с просьбой пометить рядом современные названия, то он сделал следующее замечание: «Список правильный, да вот странно — кто-то написал деревни по фамилиям крестьян, которые там живут».

И действительно, если сопоставить имена жителей Илимского воеводства с названиями населѐнных мест и с фамилиями живущих в них сейчас крестьян, то обнаруживается совпадение географических и личных имѐн в очень многих случаях. В конце XVII века Литвинцов, Оглоблин, Попов, Белобородов, Прокопьев, Романов, Перстолчин, Коновалов, Пушмин, Панов, Вологженин, Макаров, Слободчиков, Заусаев, Черемных, Черных, Погодаев, Ступин, Сахаровский, Качин, Байкалов, Бубнов жили в деревнях, носивших их имя, т. е. в деревне Литвинцова, Оглоблина, Вологженина, Пушмина и т. д. Но и сейчас, в 1948 г., в этих же деревнях живут крестьяне с теми же именами.

Можно попытаться установить — сколько имѐн жителей Илимского воеводства сохранилось до наших дней. Приводим итоги сопоставления числа фамилий по ряду волостей Илимского воеводства (табл. 6).

Следовательно, с 1722 г. сохранилось почти 50 % фамилий. Но так как большинство их носителей встречается ещѐ ранее, частью до 1645 г., то возникает возможность проследить историю многих семей современных северных районов Иркутской области за 250-300 лет.

К сожалению, приходится признать, что по некоторым волостям, особенно по Киренской и Чечуйской, допущен недоучѐт числа современных фамилий, носители которых жили там 220 лет назад, поэтому вычисленный процент (47,3 %) является преуменьшѐнным. Этот процент вырос бы ещѐ больше, если бы от-

[1] Исключения крайне редки: д. Сотниковская (сотник казачий); д. Лнтвннцова (сын боярский), из этой деревни происходил один из воевод — илимский дворянин Иван Литвинцов; д. Качина (сын боярский), здесь жил Иван Никифорович Качин, исполнявший в 1697-1698 г.г. должность илимского воеводы.

Таблица 6

Волости 1723 г.	Районы 1948 г.	Число всех фамилий в 1723 г.	Из них встречается в 1948 г.	% %
Нижне-Илимская	Нижне-Илимский	68	39	57,3
Киренская	Киренский	61	21	34.4
Чечуйская	. .	86	21	24,4
Криволуцкая	. .	84	26	40,6
Орленская	Усть-Кутский и Жигаловский	37	9	24,3
Тутурская	Жигаловский	29	19	66,7
Илгинская	. .	68	34	50,0
Братская	Братский и Заярский	155	100	64,5
	Итого:	568	269	47,3

бросить некрестьянское население. Ведь наиболее устойчивым населением является крестьянство, жители же крупных поселений, служилые люди и посадские, с утерей Илимским воеводством былой административной и хозяйственной самостоятельности и с падением экономического значения самого Илимска, передвинулись в другие города. Например, в Киренском остроге в 1722 г. числилось 8 дворов, из которых сейчас встречаются лишь две фамилии. Особняком стоит Илимский острог: в 1723 г. там в 63 дворах имелось 307 душ мужского пола; пережило падение Илимска и сохранилось до наших дней лишь 8 фамилий. Предками владельцев этих фамилий были: 3 служилых человека, 2 хлебных обротчика, 1 крестьянский сын, 1 присыльный и 1 сын боярский.

Может встать вопрос, насколько устойчивы были имена жителей. К концу XVII века сложилось большинство фамилий (прозваний). Самыми неустойчивыми оказывались фамилии посадских, гулящих людей и духовенства. Так в одном списке находим — Иван Кожевник, дети его превращаются в Кожевниковых, сын священника Ивана часто впоследствии называется Ивановым, гулящий Иван Иванов сын Устюженин (т. е. из Устюга) превращается в Устюжанина и т. д. Постоянство прозваний пашенных крестьян — несомненный факт.

При сличении прозваний пашенных крестьян начала XVIII века с фамилиями современных крестьян почти не обнаруживается изменений. Однако и в изменѐнных фамилиях легко узнать первоначальное имя: Вологженин — Вологжин, Сизой — Сизых, Чермной — Черемных, Керас — Керасов — Карасов, Турнев — Гюрнев, Кулебакин — Кулебякин, Жаренков — Жарников, Немытыщев — Немытыщев, Рудой — Рудых, Бузюков — Бузиков.

Самым прочным в смысле устойчивости и постоянства оказалось хозяйство пашенных крестьян, главной силы Илимского воеводства со дня его возникновения. Хозяйственной устойчивости, прочной оседлости отвечало и постоянство имѐн.

СЕЛЕНИЯ ИЛИМСКОГО ВОЕВОДСТВА

	Дворов в 1723 г.			Год первого упоминания в документах	
Первоначальное название селения	Всего	В том числе пашенных крестьян	Происхождение названия селения		Соверменное название
1	2	3	4	5	6
Илимский острог	63	—	Река Илим	1681	с. Илимск
Нижно-Илимская слобода					
1. Нижно-Илимская Тушамская слобода	11	—	р. Илим, р. Тушама	1655	с. Нижне-Илимск
2. Литвинцова	1	—	Стенька Максимов Литвинцов и сын его дворянин Иван Литвинцов	1680	Литвинцева
3. Оглоблина	1	—	Дмитрей Семенов сын Оглоблин	1666	Оглоблина
4. Фроловская	1	—	Служ. чел. Васька Фролов	1699	Нет
5. Поповская	3	2	Симашка Григ. сын Попов	1659	Нет
6. Уфинцова	2	2	Гришка Иван. Уфинцов	1699	Уфимцева
7. Подволошная Игирминская	1	1	р. Игирма	1699	Игирма
8. Вологженина	3	2	Ивашко Павл. Вологженин	1687	Вологжина
9. Прокопьевская	3	3	Афанасий и Иван Прокопьевы	1659	Прокопьева
10. Романовская	4	4	Емельян и Андрей Романовы	1699	Романова
11. Ярска	2	2	На усть-Яры речки	1699	Ярская
12. Перетолчина	2	2	Трифанка Федоров Перетолчин	1649	Перетолчинская (1920)*

* Современные названия селений, около которых в скобках обозначен 1920 год, даны по переписи этого года.

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
13. Коновалова**)	1	1	Зинко Панкратьев Коноваловых	1677	Коновалова
14. Пушмина	3	3	Гришка Семнов сын Пушма	1670	Пушмина
15. Пановская	1	1	Ромашка Кондратьев Панов (Ивашка Пан. 1663)	1687	Панова
16. Белобородова	4	3	Гришка Полуектов Белобород	1699	Белобородова
17. Горска	1	1	«На горе»	1699	Нет
18. Макарова	5	4	Ивашко Иванов Макаров	1649	Макарова
19. Слободчикова, ранее Бутакова	2	2	Ивашко Дм. Слободчиков	1687	Нет
20. Поповская	1	1	Савка Андреев Попов	1687	Нет
21. Заусаевская	1	1	Ивашко Полуектов Заусай	1687	Заусаевская (1920)
22. Черемных	5	4	Ондрюшка Мокиев Чермной	1659	Черемнова
23. Черных, та же Игнатьева	6	6	Игнашка Тимоф. Черной	1687	Игнатьева
24. Мысова	2	2		1723	Мыс или Грекова
25. Погадаевская	7	7	Гришка Юрьев Погадаев	1645	Погодаева
26. Большая	12	12		1699	Большая деревня
27. Ступина	2	2	Савка Данилов сын Ступин	1659	Ступина

**) В описной книге 1700-1702 гг. названа деревней Зинко Панкратьева.

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
28. Балаганова, та же Мишки Усова	3	3	Мишка да Стенька Усовы	1699	Балаганова
29. Коробейникова	3	3	Мишка Харитонов Коробейников	1659	Коробейникова
30. Сахаровская	2	2	Петрушка Симонов Сахаровской	1687	Нет
31. Качина	1	—	Илимский сын боярский Иван Качин	1683	Качина
32. Тубинская, ранее Кирюшки Говорина	6	6	р. Туба, Кирюшка да Тимошка дети Говорины	1699	Туба
33. Сотниковская	4	3	Сотник Яков Анцыферов	1722	Сотникова
34. Байкалова	3	3	Трофимко Анфицеров Байкал	1645	Нет
35. Бубнова	4	2	Ивашка Сидоров Бубнов	1687	Бубнова
36. Затейская, ранее Гришки Осипова	3	3	Гришка Осипов сын Вычегжанин	1699	Зятья
37. Подпорожная	1	—	«Большой Илимской косой порог»	1699	Симахина
38. Бадарменская, на усть Бадарме речке	2	2	р. Бадарма	1687	Бадарма (Бадарминское)
39. Карапчанская	2	—	р. Карапчанка	1699	Карапчанка
40. Невонская или «У Невона камени»	3	3	р. Невонка	1687	Невон (Невонская)

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
41. Умашская или на Усть-Тушамы речки	4	4	р. Тушама	1687	Тушама (Тушамская)
42. Кеульская или у Теуля речки	2	2	р. Кеуль	1687	Кеуль (Кеульская)
43. Черных (Черная)	2	2	Ивашко Петров Черной	1687	Чернова
44. Едормка	1	1	р. Едорма	1723	Едорма (Едорминская)
45. Кацка	3	3	р. Ката	1699	Ката (Катское)
46. Воробьева	2	2	р. Воробьѐвка	1723	Воробьѐва
47. Банщикова	2	2	Трошка Елизарьев Банщиков	1687	Банщикова
48. Митюшина Острова	1	1		1723	Нет
49. Аникиева Острова	2	2	Федор Оникеев	1649	Аникинское (1920)
Верхно-Илимская слобода					
1. Кочергина, ранее Максинская	1	—	р. Кочерга	1700	Кочерга
2. Тунская	1	1	р. Туна, Алѐшка Тунской	1699	Туна
3. Тирская	1	1	Дениско Дмитриев Тирский	1687	Нет
4. Солодникова	3	3	Микифорко Афанасьев Солодко	1645	Сладкова (Солодково, 1920 г.)
5. Обакшина	1	1		1723	Абакшина (1920 г.)
6. Костянновшина	1	1		1723	Константиновский выселок (1920 г.)

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
7. Наумовская	1	1	Гаврило Наумов	1723	Наумова
8. Барахтенкова	1	1	Мих. Барахтенов	1723	Нет
9. Селезнева	1	1	Степан Селезнев	1704	Селезнѐва
10. Шестакова	1	1	Прошка Варфоломеев Шестаков	1664	Шестакова
11. Шангина	1	1	Илимский сын боярский Степан Шангин	1699	Нет
Усть-Кутцкой острог					
1. Усть-Кутцкой острог	10	—	На устье р. Куты	1631	С. Усть-Кут
2. Усольская	2	—	Солеварный завод	1639	Сользавод
3. Карповская	2	—	Ивашко Карпов	1644	Карпова
4. Тюменская	1	1	Сенька Ондреев Тюменской	1645	Нет
5. Разбойникова	2	2	Васька Разбойников	1699	Разбойникова (Ново-Ильинская)
6. Каямовская	2	2	Митька Гаврилов Каямонов	1699	Каямонова
7. Култуцкая или Максима Зырянова	2	2	Дети Зырянова	1699	Култук
8. Турукинская	2	2	р. Турука	1723	Турука (Турукское)
9. Балахонская	1	1		1723	Балахна (Балахонское)
10. Якуримская	2	2	р. Якурим	1699	Якурим (Якуримское)
11. Подымахинская	4	3	Ивашко Тимофеев Подымаха	1699	Подымахинский затон (Подымахино

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
12. Казарская	3	1	Егорко Назаров	1652	Казарки
13. Борисова	2	2	Бориска Артемьев сын Ксенов	1699	Борисова
14. Кокуйская	2	2		1723	Кокуй
15. Таюрская	3	3	Федор Ерофеев сын Таюрский	1663	Таюра
16. Деветериковская	1	1	Мишка Силин Девятерик	1699	Нет
17. Назаровская или Назаровых	6	6	Назаровы Иван, Егор, Стенька	1699	Назарово
18. Марковская	4	4	Кипрюшка Марков	1669	Маркова
19. Тирская	4	4	Фетька Нестеров Тирский	1688	Тира
Криволуцкая слобода					
1. Ульканская	4	4	р. Улькан	1699	Улькан
2. Казимеровеа	1	1	Казимеров	1705	Казимирово
3. Курвинская та ж и Красноярская	2	2	Стенька Юрьев Курва, Гришка Мих. сын Краснояр	1668	Красноярово
4. Левоновская	2	2	Михайло Левонов	1699	Леонова
5. Потаповская	4	4	Фетька Потапов (3 двора Потаповых)	1699	Потапова
6. Любавская	2	1		1723	Любавская
7. Карасовская	1	1	Климка Лаврентьев Карась	1645	Карасева
8. Парфеновская	1	1		1723	Парфеново (1920)
9. Криворотова	2	2		1723	Нет

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
10. Панская	3	3		1723	Панская
11. Балашовская	3	3	Гераська Андреев сын Балаша	1699	Балашѐва
12. Олонская, Оконншникова	1	1	Исак Олонцов, Сенька Оконишников	1699	Олонцова
13. Заборская	4	4		1723	Заборье
14. Криволуцкая	3	3	«а та деревня стоит в Кривой Луке»	1653	Кривая Лука
15. Вологдениia	2	2	Ивашка Ондреев Вологдин	1663	Вологдина (1920)
16. Лаврушинская или Лаврушка Борисова	2	2	Лаврушка Борисов	1685	Лаврушина (1920)
17. Лазаревская или Лазарька Фомина	1	1	Ивашка Лазарев	1683	Лазарева (1920)
18. Манаковская	1	1	Кирюшка Васильев Манаков	1655	Участок бригады колхоза (в 1920 г. — Монаково)
19. Чертовская	1	1	Ивашко Иванов Кудрин	1681	Чертовская
20. Кудрина	1	1	Ивашко Иванов Кудрин	1678	Кудрино
21. Кулебакина	2	2	Якушка Иванов Кулебакин	1650	Кулебякино
22. Криволуцкая, та ж и Полоротовская	6	6	Жданко Прокопьев Полорот	1650	Участок бригады колхоза, Поворотское (1920)

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
23. Кривошапкина	4	4	Гришка Вас. Кривошапкин	1645	Кривошапкина
24. Чарошникова	1	1	Ондрюшка Марков Чарошников	1668	Нет
25. Воронинска	3	2	Коземка или Кузька Воронин	1645	Воронина
26. Прокопьевска	2	2	Жданка Прокофьев	1649	Прокопьевская (1920)
27. Юксеевская	3	3	Юксеев	1700	Юксеева
28. Пахорукова	1	1	Мартынко Терентьев сын Пахорук	1659	Пахорукова (1920)
29. Рыковская	1	1	Васька Онисимов сын Рыков	1659	Усть-Киренга (?), Рыкова (1920)
Киренской острог					
1. Киренской острог	8	2	р. Киренга	1631	г. Киренск
2. Балахонская	3	3	Екимко Иванов Балахонский	1671	Нет
3. Змеинская*)	3	3		1698	Змеинова
4. Алексеевская	3	3	Ивашко Алексеев	1663	Алексеевск
5. Салтыковская	5	5	Первоначально название — Закаменская	1691	Салтыкова
6. Подкаменная	5	5	Оська Подкаменной	1650	Подкаменка

*) «Получила своѐ название от змей, которые в прежние годы, при поселении помянутой деревни около того места превеликое множество было» (Портфели Миллера, № 517, портфель 1, дело № 20, л. 29 об).

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
7. Половинкина	7	7	Рч. Половинкина	1660	Половинское (1920)
8. Подъельнишна	4	4	Межевой знак — ель*)	1683	Подъельниое
9. Микулинска	3	3	Микитка Иванов Микулин	1668	Никулина
10. Горбовска	5	5	Митрошка Иванов Горбов Данилко Иванов Горбун	1668 1659	Горбова
11. Банщиковска	4	4	Ивашко Прокопьев Банщиков	1645	Банщикова
12. Грицкая	2	2	Гришка Васильев Грицкой	1645	Нет
13. Чюгуевская	9	9	Мишка Андреев Чюгуевской	1665	Чугуева
Чичюйской острог					
1. Чичюйской острог	11	11	р. Чечуй	1642	Чечуйск
2. Гребенская	2	2		1653	Гребени
3. Кондрашинская	5	5		1723	Кондрашино
4. Зыряновска	3	3		1723	Нет
5. Вешняковска	13	13	Вешнячко Евменцев	1653	Вишняково
6. Берендиловска	5	5	Берендилка Михайлов	1653	Берендилово

*) У крестьян дд. Половинкиной и Подъельнишной в конце XVII века был спор о границах. Воевода на месте решал в 1699 г. этот спор и в описании границ записал, в частности, следующее: «… и от того межевого куста и березы прямо ж к ельнику на кедр виловатой. А пониз того кедра, к Юшкиной заимке, неподалеку стоит ель высокая и матерая. Описана та ель для признаки того кедра» (Описная книга 1699-1700 гг.)

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
7. Захаровская	2	2	Захарка Игнатьев	1653	Захарова (1920)
8. Сухневская	13	13	Алексей Сухнев	1723	Сукнѐва
9. Кобелевская	3	3		1723	Кобелево
10. Сполошенский погост	17	17		1723	Сполошино
11. Агафонова	1	1	Андрей Агафонов	1723	Нет
12. Пушинская	2	2		1723	Пущино
13. Ильиных	1	1	Степан Ильиных	1723	Ильинская
14. Дарьинска	2	2		1723	Дарьино
15. Ичерская	2	2	р. Ичера	1723	Ичера
16. Мудинска	2	2		1723	Мутина
17. Коршуновска	1	1	Степан Коршунов	1723	Коршуново
18. Наталинска	1	1		1723	Нет
Орленская слобода					
1. Синюшкина	1	1	Ивашко Дмитреев Синюшкин	1663	Синюшкино
2. Омоевска	1	1	Гришка Савин Омолойко	1633	Омолойское
3. Тюменска	1	1		1723	Тюменцево
4. Боярских	1	1	Промышленный человек Федотко Онаньин Боярский	1652	Боярское
5. Седуновка	3	3	Мишка Иванов Седунов	1699	Седунова
6. Тарасовска	2	2	Пашко Тарасов	1699	Тарасова
7. Высокова	1	1	Якушко Григорьев Высоково	1684	Высокова

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
8. Пуляевска	1	1	Ивашко Пуляев	1652	Пуляево
9. Орленская слобода	4	2	р. Орленга	1658	Орленга
10. Потохинска	1	1	Леонтей Потока	1723	Потанина (?)
11.Дуткина	2	2	Фетька Иванов Дуткин	1699	Дудкино
12. Басова	1	1	Гришка Никонов Басов	1699	Басова
13. Закобенинска	2	2	Фетька Козмин Закобеня	1699	Закобенино
14. Дядина	1	1	Васька Козмин Дядин	1699	Дядина
15. Сурова	2	2	Ивашко Тимофеев Сур	1652	Сурово
16. Томшиновска	2	2	Фетька да ондрюшка Томшины	1686	Нет
17. Старцова	2	2	Васька Гаврилов Старцов	1653	Старцева
18. Шерстениковска	2	2	Матюшка Ив. Шерстеников	1699	Шерстянникова
19. Голых	3	3	Лѐвка Никифоров Голой	1685	Головская
20. Шамановска	1	1	Якушко Андреев сын Шаман	1652	Шаманово
21. Канашановска	2	2		1723	Коношаново
22. Ботовская	2	2	Ивашка Яковлев Ботовской	1675	Боты
23. Грузновка	2	2	Федотко Микитин сын Грузной	1663	Грузновка
Тутурская слобода					
1. Жигалова	2	2	Яков Жигалов	1723	Жигалово
2. Чюпановска	2	2	Тихонко Аникиев Чупановский	1670	Чупанова

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
3. Балахонска	2	2		1723	Балахонская
4. Орлова	1	1	Васька Иванов Орлов	1645	Орловская (1920 г.)
5. Кузнецова	2	1		1723	Кузнецова
6. Тутурская слобода	2	—	р. Тутура	1656	Тутура
7. Широколобова	1	1	Игнатей Широколобов	1723	Нет
8. Головных	2	2	Данилко Игнатьев Головной	1645	Головновка
9. Рудых*)	3	3	Ивашко Ондреев сын Рудой	1663	Рудовская
10. Рудаковка	1	1	Герасим Рудаков	1723	Рудаковская
11. Воробьева**)	4	4	Мишка Дмитриев Воробей	1663	Б. Воробьева
12. Пономарева или Давыдкова	1	1	Давыдко Яковлев Пономарев	1699	Пономарева
13. Петровска	2	2	Никита Петров	1723	Петровское
14. Бутустина	1	1	Григорий Батустин	1723	Нет
15. Воробьевска	1	1	Ивашко Михайлов Воробьев	1699	М. Воробьевская
16. Коркина	1	1	Савка Коркин	1649	Нет
17. Наумовска	2	2	Козьма Наумов	1688	Наумово
18. Екимовска	1	1		1723	Якимово
19. Чиканска	2	2	р. Чикан	1723	Чикан

*) Возможно, что было 2 деревни Рудых.

**) В одном из ранних документов упоминается 3 деревни с названием Воробьева.

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
Илгинский острог					
1. Усть-Илгинская	7	6	р. Илга	1664	Усть-Илга
2. Нижная слобода	12	12		1664	Нижняя слобода
3. Илгинский острог	7	7	р. Илга	1664	Знаменка
4. Чичек	2	2	ручей Чичек	1723	Чичековская
5. Шелковникова	1	1	Промышленный человек Васька Иванов Шелковников	1699	Нет
6. Коченска	4	4	Коченская протока	1675	Кочень
7. Закорская Ближная	8	8	Сергушка Федоров Закорский	1699	Ближняя Кора
8. Фоминых	1	1	Фомка Терентьев	1698	Фоминовская (Захаровская, 1920 г.)
9. Каменная	2	2	гора Каменная	1723	Камень
10. Ильдинска	1	1	р. Ильда	1723	Ивда
11. Кандаканска	1	1	ручей Кандакан	1723	Кандакан
12. Костянтиновщина	7	7	Мишка Костянтинов	1672	Константинова
13. Тимофеева	2	2	Тимофей Дружинин	1665	Тимошино
14. Новопашенная	1	1	Алексей (?) Новопашенной	1723	Лукинова, Новопашенская (1920)
15. Бутыринска	1	1	Федька Аникиев Бутырь	1699	Бутырки
16. Ореховска	1	1		1722	Ореховская, Суховска (1920 г.)

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г. Всего	В том числе пашенных крестьян	Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
1	2	3	4	5	6
17. Маркова	2	2	Заимщик Марков	1682	Чичей, Марковская (1920 г.)
18. Закорска Дальная	3	3	р. Дальняя Кора	1723	Дальняя Закора
19. Сергеевка	1	1		1723	Пуляевская, Сергеевская (1920 г.)
20. Черных	3	3	Заимщик Чернов	1723	Черновщина
21. Евдокимова	1	1	Кирюшка большой и меньшой Евдокимовы	1699	Евдокимова
22. Федоровых	2	2	Иван, Игнатей Федоровы дети Мамруковы Сергушка Федоров	1722 1678	Федоровщина
Ново-Удинская слобода					
1. Ново-Удинская слобода	25	25	р. Уда	1698	Новая Уда
2. Бурдушная	3	3		1723	Бурдушина
3. Шипицына	4	4	Ивашко Данилов Шипицын	1698	Шипицына
Яндинский острог					
1. Яндинский острог	8	7	р. Янды	1660	Янды
2. Шипицына	2	2	Конный казак Аверкий Шипицын	1698	Шипицына
3. Костянтинова	1	1	Якимко Костянтинов	1698	Константиновка
4. Михайлова	1	1	Прохоровка Михайлов	1699	Михайловская
5. Минеева	1	1	Отставной конный казак Иван Минеев	1723	Минеева

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
6. Шиверска	3	2	Михаил Шиверской	1723	Шиверское
7. Муйска	2	1	р. Муя	1725	Усть-Муя
8. Милославска	9	8	Сенька Сергеев Милославшин	1687	Милославская
9. Ключи	4	—		1723	Н., В. И Ср. Ключи
10. Светлолобова	5	5	Алешка Светлолобов	1699	Светлолобова
11. Семеновска	1	1		1723	Семѐнова
12. Подкаменна	2	2	Ивашко Гаврилов Подкаменной	1687	Подкаменская (1920)
13. Щербакова	1	—	Фетька Васильев Щербаков	1699	Щербакова
14. Удинска, Усть-Удинска	8	8	р. Уда	1690	с. Усть-Уда
15. Шишиморова	1	1	Ивашко Еремеев Шишимора	1692	Шишиморова
16. Оносовска	1	1	Федька Оносов	1692	Аносова
17. Ярофеевска	1	1	Василий Ярофеев	1723	Нет
18. Бутакова	1	1	Григорий Бутаков	1723	Бутакова
19. Аталонска	3	3	р. Аталанская	1723	Аталанка
20. Байкалова	1	1	Пронька Трофимов Байкалов	1692	Нет
21. Горячкина	1	1	Сенька Максимов Горячкин	1699	Горячкина
22. Подволошна или Яндинская Подволошная	1	1	От слова «волок»	1699	Подволочное
23. Милославска (см. № 8) (Заимка)	1	—	Сенька Сергиев Милославшин	1692	Милославка

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
Брацкой острог*)					
1. Братцкой острог	25	2	«братцкие люди»	1631	с. Братск
2. Роспутина	2	—	Подъячий Иван Артемьев сын Роспутин	1676	Нет
3. Баяновска	3	3	р. Баян	1723	Нижний Баян
4. Громовска	8	8	р. Громы	1723	Громы
5. Суворова	3	3		1723	Суворова
6. Мокинская	2	2	р. Мока	1723	Мока
7. Мамырска Больша	4	4	р. Б. Мамырь	1723	Большая Мамырь
8. Мала Мамырь	4	4	р. М. Мамырь	1723	М. Мамырь
9. Кежемска	5	5	р. Кежма	1723	Кежма
10. Наратаевска	3	3		1723	Наратай
11. На Святином острову	2	2		1723	Святина
12. Исакова	1	—	Служилый Григий Исаков	1723	Исакова
13. Роспутина	1	—	Сын боярский Федор Роспутин	1723	Распутина
14. Филипова Острова	4	4		1723	Филиппово
15. Романова	2	2	Петр Романовых	1723	Романово
16. На Красном Яру	3	3		1723	Красный Яр
17. Долгой Луг	5	—		1723	Долголугская
18. Долоновска	18	17	р. Долоновка	1723	Долоновская
19. Большой Погост	13	13		1723	Больше-Окинское

*) Брацкой острог вошѐл в состав Илимского воеводства в начале XVIII века, поэтому список селений дается по переписи 1723 года.

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
20. Большая Када	13	8	р. Б. Када	1723	Большая Када
21. Погост Шаманской	27	25		1723	Шаманово
22. Ербинска	2	2	р. Ербь	1723	Нет
23. Кобинска	3	3	р. Кобь	1723	Кобь
24. Тангуевска	3	3	р. Тангуй	1723	Тангуй
25. Теминска	2	2	р. Тэмь	1723	Тэмь
26. Калтуцка	2	2	р. Калтук	1723	Калтук
27. Малая Када	2	2	р. Малая Када	1723	Малая Када
28. Пьяновска	7	—	Порог Пьяной	1723	Пьяново
29. Падунска	9	9	Порог Падун	1723	Падунское
30. Бурина	2	2	Сергей Бурин	1723	Бурнина
31. Московский Остров	9	9		1723	Московская
32. Ильиных	2	2		1723	Ильинское
33. Антонова Острова	3	3		1723	Антоново
34. Барлуцкая	4	4		1723	Барлук
Кежемская слобода					
1. Вихаревская*)	1	1	р. Вихорева	1723	Усть-Вихорево
2. Кежемская слобода	10	9	р. Кежма	1667	Кежма
3. Привалихина	1	1	Артемий Привалихин	1667	Привалихина
4. Пановская	9	8	Иван Панов	1667	Пановское
5. Ковинская	2	2	р. Кова	1723	Кова
6. Верхней Кежмы	7	6	р. Верхняя Кежма	1723	?
7. Сосновый Остров	1	1		1723	?

*) Возможно, что Вихоревская деревня входила в Братскую волость.

Продолжение

Первоначальное название селения	Дворов в 1723 г.		Происхождение названия селения	Год первого упоминания в документах	Соверменное название
	Всего	В том числе пашенных крестьян			
1	2	3	4	5	6
Монастырские деревни					
а) Киренского Троицкого монастыря:					
1. Деревня Троицкого монастыря	—	—		1663	в г. Киренске
2. Хабаровская	2	1	Основатель Ярофей Павлов Хабаров	1639	Хабарова
3. Сидоровская	—	—		—	Сидоровка
4. Мельница Кутолака	—	—	р. Кутолака	—	Нет
5. Марковска или Макарова	2	2		—	Маркова
6. Скобельская или Скоблевская	2	2	Приказчик Василий Скобельский или Скоблевский	1663	Скобельская
7. Кутимская	1	1	Иван Кутимской	1665	Кутима
б) Якутского Спасского монастыря:					
1. Захаровская	—	—	(см. Чечуйский острог, № 7)	1672	Захарова
2. Гребенская	1	1	(см. Чечуйский острог, № 2)	1723	Гребни
3. Деревня Спасского монастыря	—	—	(Илгинский острог)	1672	Монастырская
в) Братского Спасского монастыря:					
1. Бадинская	6	6	р. Бада	1723	Бада
2. Деревня вверх по Ангаре	3	3		1723	Монастырское

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Со времени появления русских в Ангаро-Илимо-Ленском крае пути сообщения представляли сочетание водных и волоковых дорог. Они имели двоякое значение: 1) связывая Илимский острог с другими областями страны, они приобщали глухую илимскую тайгу к громадному транзитному пути и превращали Илимск в важное путевое звено; 2) связывая Илимский острог с приписанными к нему острогами, слободами и деревнями, они создавали административное и хозяйственное целое — Илимское воеводство.

Без Ленского волока никогда бы не было Илимска, без внутренних путей — Илимского воеводства.

Реки Сибири были использованы русскими как военные дороги, на главных узлах которых можно было накапливать силы и с них переходить на следующие водные тракты. У русских оказалось три вида непреоборимого для туземцев оружия: огненный бой, водно-волоковые пути и земледелие.

Продвигая по этим путям вооружѐнные силы и закладывая на опорных рубежах остроги, русские создавали земледелие вдоль рек и обеспечивали тем самым прочный тыл для движущихся впереди отрядов. Постепенно военные дороги превращались в мирные пути.

С внешним миром Илимское воеводство связывалось исполинской магистралью, представлявшей генеральную линию движения русских на восток, как бы некую равнодействующую сил завоевателей Сибири. Эта магистраль, начинаясь за Уралом, шла затем по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби, Енисею, Ангаре, Илиму и здесь, от той точки, где стоял Илимский острог, — перекидывалась на Лену и по ней продолжалась до Ледовитого океана. Ответвления от этого пути позволяли выйти на Амур и на берег Охотского моря.

Итак, путь из Руси приводил к Илимскому острогу, запиравшему единственную дорогу на восток, к Лене.

От Илимска шѐл знаменитый Ленский волок до устья р. Муки, где было плотбище. Отсюда весной можно было спуститься по рекам Купе и Куте до устья р. Куты при впадении еѐ в Лену. Здесь стоял второй острог, запиравший восточную оконечность Ленского волока — Усть-Кутский. Здесь же снаряжались суда — барки, кочи, дощаники, каюки и плоты в далѐкое путешествие вниз по Лене до Якутского острога. Путь от Муки до Усть-Кутского острога можно было проделать и по колѐсной дороге, шедшей по левому берегу р. Куты[1].

[1] В литературе имеется много описаний пути вверх но Ангаре, по Илиму и через Ленский волок. Нельзя не назвать книгу Edgar Boulangier, «Notes de voyage ien Siberie. Le chemin de fer transsibirien et la Chine», Paris, 1891, в которой завоевание казаками Сибири обрисовано в лестных

Всякий, кто переходил с Лены на Ангару или обратно, неизбежно двигался по этой единственной дороге — по Ленскому волоку, и также неизбежно попадал в поле зрения илимских таможенных целовальников, регистрировавших провоз грузов и денег в трѐх точках: в Илимске, на устье р. Муки и на устье р. Куты. Миновать их было совершенно невозможно.

После «досмотра» груза целовальники записывали в таможенную книгу — кто прошѐл, промышленный или торговый человек, или крестьянин, какой товар у него был, на какую сумму, где куплен, есть ли проезжая грамота, оплачены ли пошлиной провозимые грузы. При этом взимались на волоке всевозможные сборы. Например, уже за самое появление на волоке взыскивалась явчая пошлина по алтыну с человека, затем указные пошлины «по осьми алтын по две деньги». С провозимого товара уплачивалась десятая часть по таможенной оценке — с рубля по гривне; если товар продавался на волоке, то взыскивалось «по осьми деньги на неделю», т. е. за торговое место по неделим. Если проезжий пользовался постоялым двором, с него взималась особая плата. В случае продажи товаров местного происхождения, так называемой «илимские покупки», взимались записные пошлины по алтыну с рубля, а за пашенных крестьян, продававших хлеб, покупатель должен был уплачивать по 2 деньги с рубля, т. е. $^{1}/_{100}$ часть стоимости. Так как взвешивание продаваемых или хранимых товаров производилось на казѐнных весах, то за эту операцию уплачивалось «весчее» по деньге с пуда. Если везли соболей, то десятый соболь шѐл в казну. Читателю может показаться, что список сборов охватывает все мыслимые объекты обложения. Нет, оказывается, не все. Если продавался скот, то с суммы продажи взыскивались с крестьян и служилых людей «порублевые» по 2 деньги с рубля, а с торговых и промышленных людей — по алтыну, т. е. в 3 раза больше. Кроме того, с купцов бралось «роговых» по алтыну с головы крупного рогатого скота, а за лошадей — «пошерстного» по алтыну с лошади. Если проезжий, торговый или промышленный человек не имел товара и не покупал ничего, то казалось бы, что он, после уплаты явчего и указанных пошлин, спокойно отправлялся дальше. Нет, ведь он мог иметь деньги. А за провоз де-

для русских выражениях. Останавливаясь на названиях ангарских порогов и рек Илимского волока, автор подчѐркивает остроумие и жизнерадостность русских казаков, которые в беспримерном завоевании действовали «как французы»: «On voit que cette conquete de la Siberie s'est fait galment, spirituellement, et, si j'ose dire, a la francaise» (p. 286-287). Сравнение это в устах француза является величайшей похвалой. Допущенные автором некоторые исторические неточности вполне простительны.

Н. Щукину, проезжавшему по Ленскому волоку около 1830 года, старик из дер. Каймоновой рассказывал, откуда произошли названия рек — Муки. Купы, Куты и Лены. Естественно, что Щукин отнѐсся к этим объяснениям критически. См. Н. Щукин «Поездка в Якутск», издание второе, СПБ 1844. стр. III+315 (первое издание вышло в 1833 году).

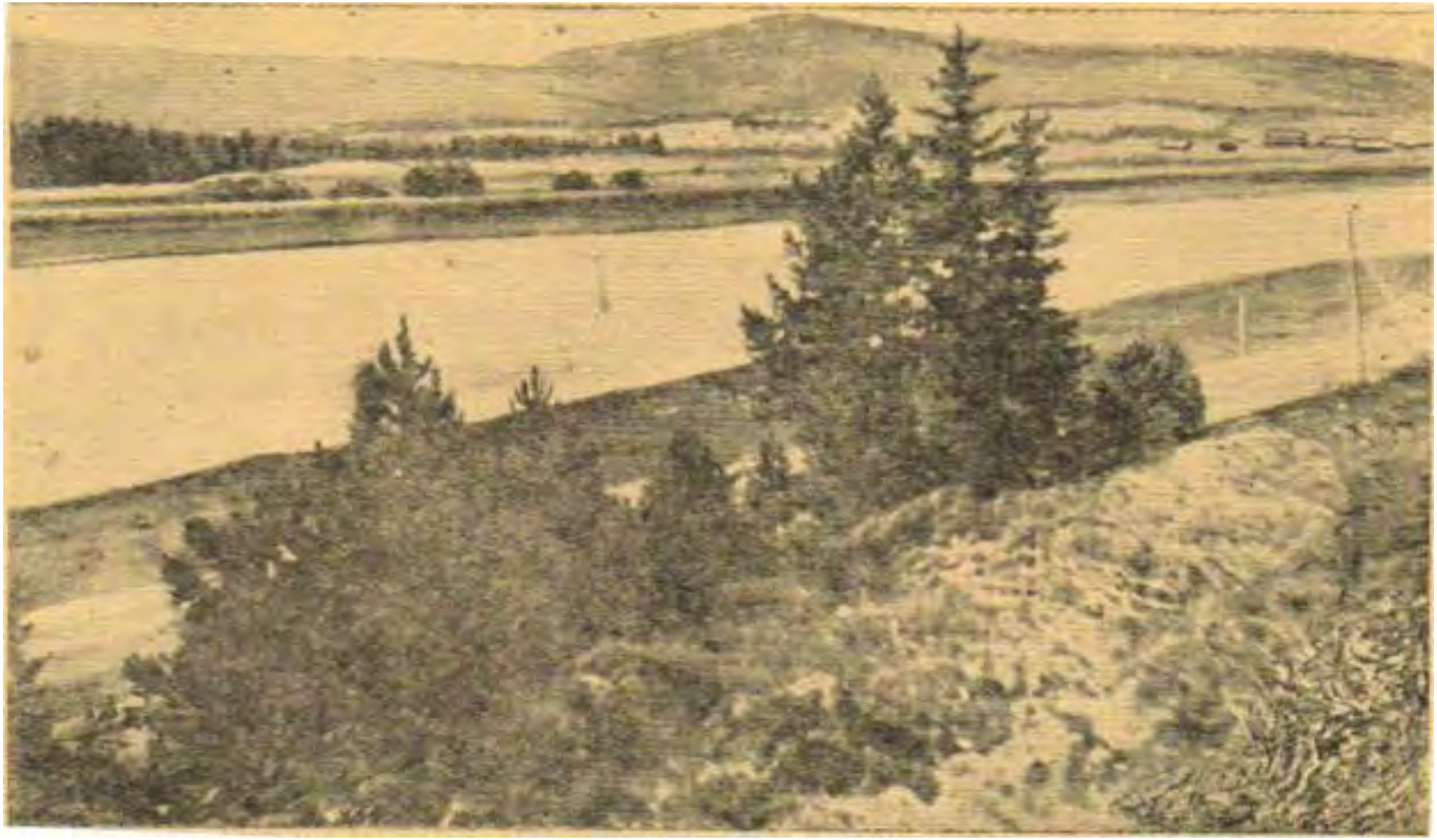


Фото 4. Река Кута близ устья; вдали постройки солеваренного завода (снимок 1945 г.)

нег взыскивалась пошлина[1]. И это не всѐ. Пока с приезжего с брали только за приезд, за явку. Но ведь имеется ещѐ отпуск. И вот за отпуск «на великую реку Лену» взималось «отъезжее» по 4 деньги печатных пошлин с человека и с рубля денег и товаров. Перечень сборов ещѐ не закончен.

Отъезжающий мог ехать на своѐм судне по Куте или по Лене. В таком случае брали «с кочей, и з барок и з дощаников п с каюков посаженной пошлины по гривне с сажени». Отъезжие брались и при проезде на Ангару «в Енисейской острог и в сибирские городы и к Русе». За хранение товаров брались «анбарные» деньги.

Эта сложная сеть таможенных сборов, накладывавшихся на промышленных и торговых людей, вызвала необходимость нести точный учѐт проезжающих через Ленский волок. А благодаря этому учѐту, отражавшемуся в таможенных книгах, можно восстановить довольно точно картину передвижки людей и товаров с Ангары па Лену и обратно.

Конечно, в учѐт движения людей не попадали такие группы населения, которые не имели отношения ни к торговле, ни к промыслам, например, пашенные крестьяне, ехавшие по своим делам, или служилые люди и церковники, передвигавшиеся по волоку в силу должностного положения.

Возьмѐм для анализа движения по волоку один из наиболее ранних документов — записей таможенных целовальников Василия Дрягина и Ивана Макарова за 1658 год. Со времени овладения русскими Ленским волоком прошло каких-нибудь 28 лет и со дня образования Илимского воеводства не более 10 лет, а уже порядки здесь сложились так, как они устанавливались в центре России.

Таможенная книга Илимского острога 1658 г. отметила 595 человек, в том числе крестьянина, принадлежавшего вологодскому архиепископу, патриаршего крестьянина, боярского крестьянина, двух архиерейских, всего 10 крестьян, которые ехали с товарами. Остальные 585 человек оказались торговыми и, главным образом, промышленными людьми. Разница между

[1] Скрыть деньги от глаза таможенного целовальника было далеко нелѐгким делом, так как в те времена не выпускалось бумажных и не чеканилось золотых денег. Почти вся масса денег представляла мелкую серебряную и медную монету. В ранних документах не сохранилось сведений о весе провозимых денег. Некоторое представление о их весе можно составить по отправленной из Илимска в Иркутск в 1778 г. денежной казне, состоявшей главным образом из подушного сбора.

Перевозилось 2194 рубля 6 копеек медных монет. Они были зашиты в 88 мешков, а мешки уложены в 13 бочек. Вес денег составлял 100 пудов. В среднем в бочку входило 6-7 мешков или 7 пудов 28 фунтов денег, на 168 руб. 77 коп. В мешок в среднем клали 1 пуд 5 фунтов на 24 рубля 93 копейки. Самыми тяжѐлыми оказались денежки. Для перевозки 125 рублей в этой монете потребовалось 5 мешков, уложенных в особую бочку; вес денежек составил 12 пудов 20 фунтов.

ними была не существенная: торговые люди вели скупку и торг, а промышленные люди, кроме того, сами добывали пушнину.

Примечателен состав промышленных людей по месту их выхода (место выхода торговых людей или не отмечалось вовсе, или отмечалось не так тщательно). Из Устюга прошло 168, из Ваги 81, из Вычегды 75, из Соли Вычегодской 28, из Усолья 20.

В меньшем числе встречаются выходцы из других частей Северной Руси: Вологды, Галича, Чердыни, Ветлуги, Вятки, Яренска, Соли Камской, Пинеги, Ярославля, Новгорода, Унжи, Колмогор, Мезени, Пежмы, Каргополя, Нижнего Новгорода и из Западной Сибири — Тюмени, Тобольска, Тары, Верхотурья. Не отмечено ни одного человека из мест, лежащих южнее названных северных городов.

Примечательно и время и направление движения этих людей. В таблице 7 приводится сводка о числе прошедших по волоку людей в 1658 г.

Таблица 7

Месяцы	Прошло по волоку человек		
	на Лену	на Ангару	всего
Октябрь	5	—	5
Ноябрь	38	3	41
Декабрь	37	—	37
Январь	75	1	76
Февраль	103	1	104
Март	18	3	21
Апрель	15	—	15
Май	62	50	112
Июнь	20	15	35
Июль	57	66	123
Август	18	8	26
Сентябрь	—		—
Итого	448	147	595

На Лену шло промышленных и торговых людей в общем в 3 раза больше, чем с Лены на Ангару. Какая-то часть этих предпринимателей оседала в бескрайних пространствах северо-востока Сибири. Часть возвращалась с пушниной в Енисейск и другие сибирские города и далее за Камень, т. е. через Урал, «к Русе». Движение на Лену было довольно равномерное в течение всего года: оно сокращалось в осенние месяцы, когда

наступала распутица и усиливалось при установлении санного пути. Часть промышленников в зимнее время рассеивалась по окружающим волостям, скупая пушнину и хлеб в Братске, Усть-Куте, Киренске, Чечуйске и Орленге. Март-апрель, время весеннего бездорожья, характерны резким понижением движения, зато май-июль вновь дают сильный рост его, так как с ледоходом на Лене открывался водный путь на северо-восток. Туда и стремились промышленники за соболем.

Другую закономерность представляет возвратная передвижка торговых и особенно промышленных людей, шедших с пушниной на Ангару: 89,1% их падает на май-июль, т. е. на время открытого водного пути.

Что же везли эти люди? На Лену шли «русские товары», хлеб и деньги. По таможенной книге Илимского острога 1680 года (арх. № 26, св. 3) привезено 32 партии товаров на сумму 5186 руб., наценки илимской таможни в пользу казны составили 2510 руб.

Наиболее распространѐнными «русскими товарами» оказались: холст хрящ — 29125 арш., холст средний — 11565 арш., сукно сермяжное 1353 арш., сукно шиптуна 509 арш., чулки вязаные 156 пар, рукавицы вареги 375 пар, крашенина 265 концов, шѐлк 32 фунта, снурки шѐлковые 140 арш., зеркала ярославские 3½ дюжины, светильни 1 пуд 24 ф., ножницы устюжские 10 шт., кафтаны бараньи 71 шт., овчины 198 шт., кожи красной юфти 144 шт., сети неводные 230 саж., прядено неводное 4 пуда, дель 60 саж., топоры 161 шт., лемехи 25, сошники 11, серпы 40, косы горбуши 15 шт., пилы малые 10 шт., замки ярославские ½ дюж., замки немецкие 2 дюж., ножи 60 шт., железцы 50 шт., сковороды 18 шт., ложки вятские 500шт., скобы подпятные 1100 шт., железо белое 210 листов, железо прутовое 2 пуда, проволока железная 2 пуда, медь зелѐная 9 пуд., медь красная 4¼ пуда, олово 2 пуда 35 ф., свинец 5 пуд., квасцы 20 гривенок (фунтов), мыло 16 косяков, бумага писчая 11½ стоп, порох 1 пуд, кремни пищальные 1800 шт., пищали-винтовки 2 шт., вино церковное 1 ведро, ягоды-изюм 30 грив., ягоды винные 1¼ пуда, мѐд 10 пудов, воск 25¼ пуда, хмель 51½ пуда, мелочи лавочной на 103 рубля 71 копейку. Кроме того, привезены кумач, тафта, пестрядь, изуфри, камка, фата, нашивки золотные, атлас, нитки шитые (для вышиванья ?), бисер, гребни роговые, мишура, кружева, полукисея, киндяки, дараги, кушаки, гайтаны шѐлковые, подбрюшники, одеяла, попоны, уклад, лейки железные, гвозди, перец, сандал, масло деревянное, золото и серебро (5 цевок).

Перечень охватывает 81 название распространѐнных тогда товаров. Кроме того, провезено денег 1165 рублей.

По таможенным книгам можно проследить также провоз хлебных запасов. Во время работы над архивом Илимского воеводства автору посчастливилось установить, что одна из тамо-

женных книг (арх. № 25, св. 2) относится к 1649 г. Этот документ оказался самым древним из всего собрания. В нѐм отмечен провоз товаров и хлеба с 1 сентября но 19 октября 158 года. Весь хлеб шѐл по енисейским проезжим грамотам, значит, в то время земледелие в Илимском воеводстве ещѐ не превратилось в товарное. Провезено муки ржаной 3666'Л пуда, по таможенной оценке по 13 алтын 2 деньги за пуд солоду разного и круп 70 пудов по 17 алтын 4 деньги, муки яшной 25 пудов, муки пшеничной 144 пуда по 26 алтын 4 деньги, муки овсяной 54 пуда по 16 алтын 4 деньги, толокна 4 пуда по 20 алтын, круп яшных и овсяных 11 пудов по 20 алтын, семени конопляного 18 пудов по 26 алтын 4 деньги, гороху 2 пуда по 1 рублю. Кроме того, провезено 85 четей (тюменских) муки ржаной весом 701 пуд с четью. Следовательно, уже тогда употреблялась 8-пудовая четверть, точнее она весила 8 пудов 9 фунтов.

Совершенно другую картину представляет провоз хлеба по таможенной книге 1658 г., т. е. через 9 лет. Главная масса хлеба перевозилась «в якуцкой отпуск» илимскими воеводами на государевых барках для выдачи хлебного жалованья якутским служилым людям, ружникам и оброчникам, однако, некоторая доля хлеба перебрасывалась туда и торговыми людьми.

В 1658 г. было увезено на Лену 3150 пудов муки ржаной, купленной в Илимске и окружающих его деревнях, 47 пудов муки пшеничной и 20 пудов муки овсяной и яшной. Партии хлеба невелики: по ржаной муке—до 50 пудов 3 партии, от 50 до 100 пудов 4 партии, от 100 до 200 пудов 5 партий и от 200 до 500 пудов 4 партии. Мука пшеничная перевозилась тремя купцами. В другие годы оптовики перебрасывали по 2000 пудов хлеба, чего в 1658 г. ещѐ не было.

Просматривая каждую покупку хлеба, перевозимого в Якутск, можно заметить, что указывалось два места его приобретения: хлебные запасы илимской покупки и ленской покупки; в одном случае встречается уточнение—за хлеб в 164-ом, т. е. в 1656 г., взята десятая государева пошлина в Орленской волости.

Отсюда можно заключить, что уже в пятидесятых годах, т. е. через 20—25 лет после появления русских на Ленском волоке, земледелие по р. Илиму, особенно по нижнему течению, и по Лене—около Усть-Кута и Орленги, а также, несомненно, и около Киренска, приобрело товарный характер. При этом пшеница, как и следует ожидать, была третьестепенной культурой, но она уже появилась в пределах Илимского воеводства. Как ни скудны данные о земледелии, отражѐнные в таможенной кни-

[1] Следует иметь в виду, что таможенные оценки провозимых товаров и хлеба не дают представления о действительной цене. Таможня считала товары по более высоким ценам, чем они продавались на тогдашнем рынке, для того, чтобы повысить размер таможенных сборов в пользу казны.

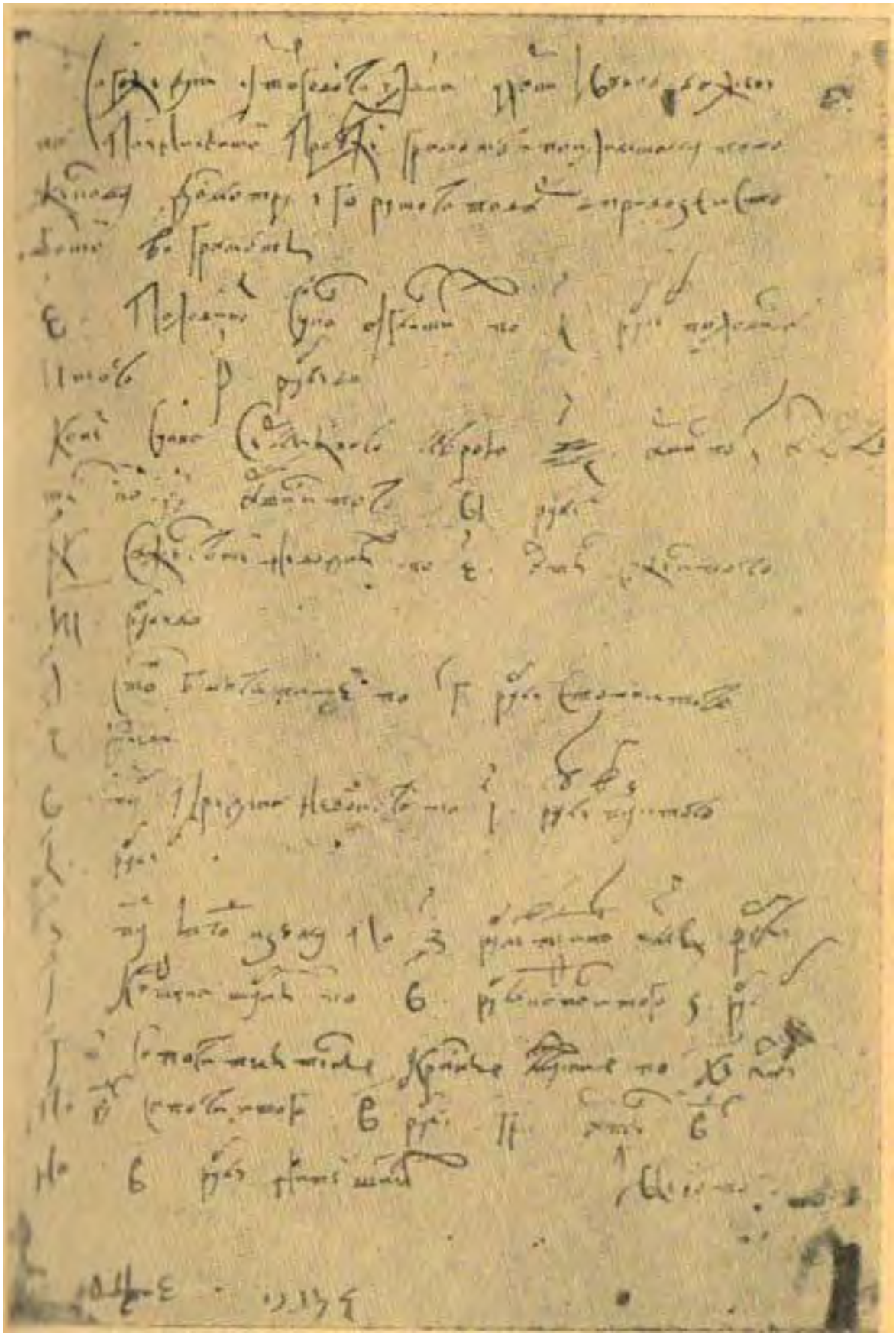


Фото 5. Страница из таможенной книги 1649 года.

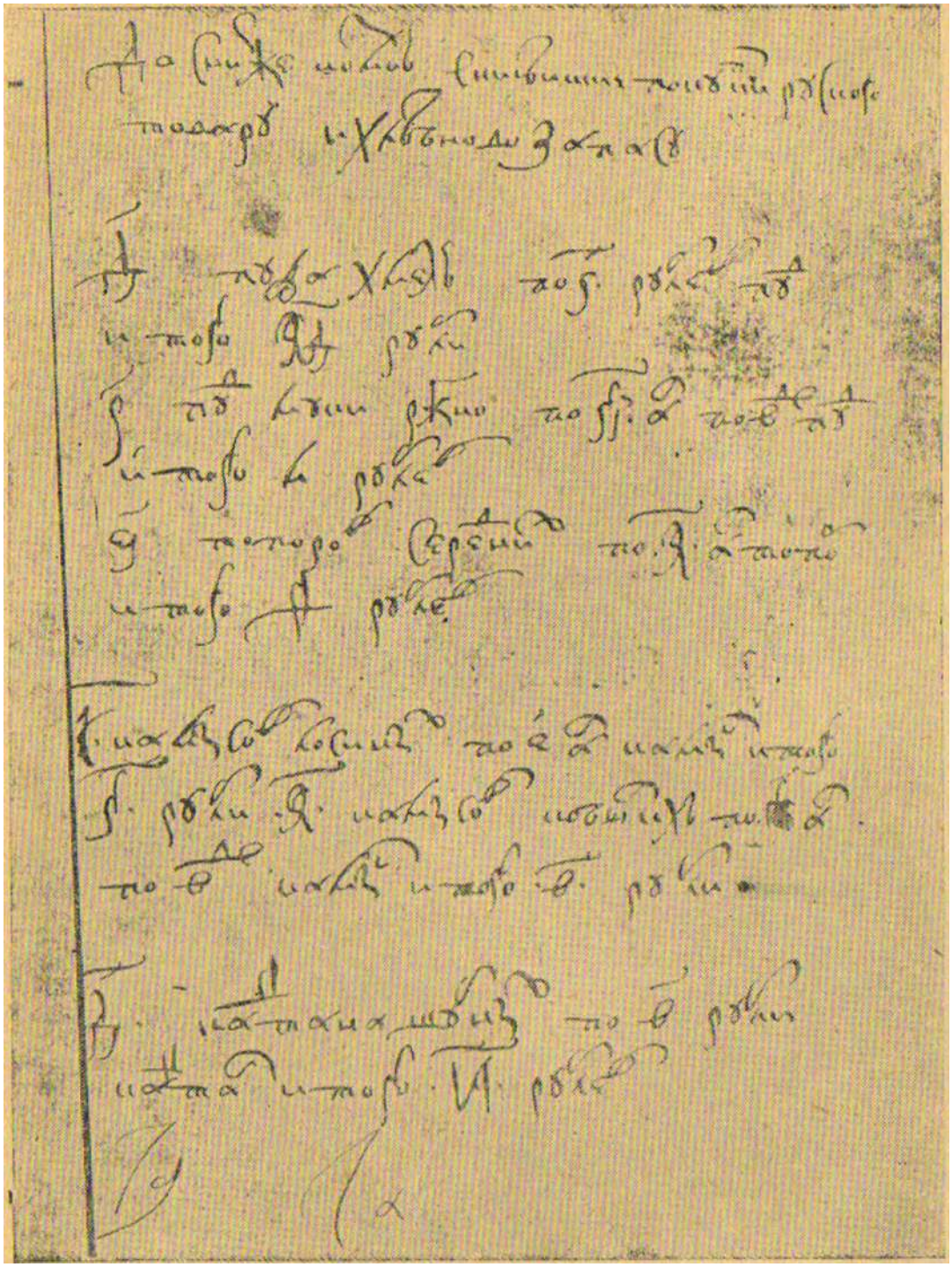


Фото 6. Страница из таможенной оценочной книги 1649 года. Написано:

«Да с ним же Козмою енисейские покупки русскому товару и хлебново запасу: 4 пуда хмелю по 6 рублев пуд, итого 24 рубли. 100 пуд муки ржаной по 13 алтын по 2 деньги пуд, итого 40 рублев. 15 топоров середних по 20 алтын топор, итого 9 рублев. (Далее “скребено” — стерта строчка о лосиных камысах). 20 камысов лосиных по 5 алтын камыс, итого 3 рубли. 20 камысов кобыльих по 3 алтына по 2 деньги камыс, итого 2 рубли. 4 кафтана шубных по 2 рубли кафтан, итого 8 рублев».

Внизу дважды написано “та”, что означает начало двух подписей таможенных целовальников.

ге 1658 г., они драгоценны тем, что с несомненной достоверностью отмечают наличие товарного земледелия и называют культуры: рожь, пшеницу, овѐс и ячмень. Мало того, на основании этой же книги можно сделать и ещѐ один вывод: земледелием занимались не только пашенные крестьяне, упоминаемые документом, но и торговые и промышленные люди. Так 1 марта 1658 г. торговый человек устюжанин показывает, что у него своей пахоты хлеба 180 пудов муки ржаной. В книге отмечен пашенный крестьянин Васька Трифонов Перетолчин: «у него ж Васьки с ево пахоты с хлебного запасу з 90 пудов, муки ржаной, з 10 пудов муки пшеничной, по оценке 10 рублѐв», взято столько-то, 25 мая торговый человек показывает таможенным целовальникам, что у него 200 пудов муки ржаной и 27 пудов муки пшеничной ленской покупки и «своей пахоты 500 пудов муки ржаной».

Эти факты, указывающие на соединение в начальном развитии русского строя на Илиме промысла и хлебопашества, согласуются с известным случаем заведения пашни на устье Куты и на Киренге знаменитым Яр. П. Хабаровым, бывшим вначале промышленным человеком.

Таможенная книга 1658 г. отмечает перевозку в Якутск 3200 пудов муки, принадлежавшей 16 лицам. Но ведь остальные 580 человек ехали не без хлеба. Сколько могли провезти они в Якутск и в Енисейск хлеба из Илимска, неизвестно. Тогда существовало правило, что если проезжий торговый или промышленный человек имеет товара, хлеба и денег меньше, чем на 20 рублей, или вовсе не имеет их (а таких немало направлялось в Якутск), то брались лишь печатные пошлины по гривне с человека. Отсюда можно сделать заключение, что значительная часть лиц, ехавших на Лену, могла беспрепятственно, не платя никаких сборов и не регистрируя своих запасов, провезти до нескольких десятков пудов хлеба. Сколько утекало по Лене хлеба такими мелкими покупками по 5-20 пудов — сказать трудно, вероятно, это количество было не менее 2-3 тысяч пудов. Хлеб же запасался только на Илиме и Лене. Просмотр других таможенных книг за 1661-1670 годы дал только один случай приезда промышленного человека в Илимск с енисейским хлебом.

Промышленные и торговые люди везли с востока на запад только пушнину и притом почти исключительно соболей. Через Илимск в 1658 г. прошло 20 тысяч соболей, остальные товары, хотя и имели отношение к пушнине, но назывались с оттенком некоторой иронии или пренебрежения: шубѐнки, т. е. соболиные шубы, соболишки и недособоли, т. е. звери весеннего боя, бобришки. Очень редко мелькает лисица красная, горностай и совсем не встречается беличьих шкурок. Это неудивительно. Соболь оценивался таможенными целовальниками в среднем по рублю. А в ясачную казну за одного соболя шло вначале 100 белок.

В рассматриваемое время Илимский острог был не только таможенным центром, где облагалась государственными сборами вся «мяхкая рухлядь» Восточной Сибири, но и торгом, где совершались большие сделки. Из 20 тысяч соболей, подвергшихся осмотру в илимской таможне, 5800 соболей оказалось илимской, киренской, чечуйской и верхоленской покупки. В самом Илимском остроге в этот год было совершено 102 сделки по покупке и перепродаже 6460 соболей. Наряду с мелкими сделками по 10-20 соболей встречаются очень крупные — одна на 470, другая на 571, третья на 890 соболей.

Илимск приносил крупный доход государству, так как с провозимых на запад соболей в государеву казну шѐл десятый соболь. Приводим образец записи из таможенной книги: «Октября в 29 день у торгового человека у Михаила Прохорова Березовского с промышленных ево с четырех сороков с десяти соболей (т. е. с 170 соболей) и с пупки и с хвосты десятые — 17 соболей с пупки и с хвосты взято. У него ж Михаила с промышленных же с трех соболей с пупки и с хвосты по оценке с трех рублев с 10 алтын десятые пошлины по гривне с рубля, итого 11 алтын взято». Техника расчѐта была простая: за полные десятки соболей брался 1 соболь, т. е. $^{1}/_{10}$часть, а с неполных десятков по оценке — гривна с рубля, т. е. опять же десятая часть, но уже не натурой, а деньгами.

Вот что представлял Ленский волок в 1658 году. Это был быстро растущий, пульсирующий путь, вокруг которого складывалась экономика Илимского воеводства, с его пашней и отгрузкой хлеба в Якутск. А Иркутск в это время почти не существовал — лишь за несколько лет до рассматриваемого времени он возник как зимовье, стоящее далеко в стороне от главного пути. Илимск на этом пути был крупным торговым, административным и сельскохозяйственным центром. Даже в 1662 г., через четверть столетия после создания Илимского острога, Иркутск называли «острошком». По времена меняются.

Из Илимского острога грузы перебрасывались круглый год, преимущественно же зимой, к устью р. Муки, при впадении еѐ в р. Купу, где было плотбище, на котором шло строительство барок, дощаников и лодок. Так как эти суда со вскрытием рек направлялись на Лену, по которой шли до Якутского острога и обратно уже не возвращались, то на плотбище велось почти беспрерывное судостроение. Здесь, на устье р. Муки, в самом Илимске и в Усть-Кутском остроге, жили государевы плотники. Усть-Кутские плотники обслуживали и «Усть-Муцкое» плотбище. На карте Ремезова около Усть-Кутского острога сделана пометка: «В Усть-Кутском живут илимские годовые (может быть правильнее сказать — судовые) плотники».

На устье р. Куты догружались суда, сплавленные с Муцкого плотбища, забирая соль и хлеб; сюда же стягивались до-

щаники, барки и плоты, направлявшиеся с верхней Лены, Тутуры Илги и Тыпты. Далее их путь лежал на Киренск, Чечуйск, где происходила ещѐ одна догрузка судов и караваны их пускались в дальний путь, откуда им не было возврата.

Ангара вверх от устья Илима была включена в сеть путей не ранее 50-х годов. Грузы из Енисейска сворачивали на Илим. Собственно в те годы Ангарой звали участок реки от Байкала до устья Илима, а далее она называлась Верхней Тунгуской. Долгое время вверх по Ангаре никаких грузов не перевозилось.

Правда, до 1706 года из Иркутска приезжали в Братск скупщики хлеба, но по жалобе илимских служилых людей воевода запретил братским крестьянам продавать хлеб и предложил попрежнему возить его в Илимск для вольной продажи. Поэтому путь по Ангаре на Иркутск служил в первое время путѐм для беглых людей в Иркутский уезд и в заморские острожки и слободы, т. е. за Байкал, а впоследствии — для адмниистративных связей.

Остальные пути имели хотя и местное, но тем не менее важное, внутреннее значение. Как сказано, магистральный путь от Ангары шѐл на Илим, т. е. примерно на 600 км севернее современной железной дороги. Но можно было от устья Илима подниматься вверх по Ангаре через знаменитые пороги. Проход через них был сопряжѐн с крупным риском, большими затратами на разгрузку судов и с значительной потерей времени. У Пьяного порога жили специальные лоцманы, «вожи», которые сопровождали суда в опасных участках пути. Из Братского острога можно было подниматься по Оке, где в Большой Окинской деревне ссыпался покупаемый государством хлеб и стояла казѐнная мельница.

С Ангары на Илим шло две сухопутные дороги: 1) от Анамырской деревни (Мамырская Больша) на Илимск вѐл Ангарский волок протяжением около 100 вѐрст. Ныне вдоль бывшего волока проложена трасса автомобильного тракта; этим путѐм пользовались часто: по нему братские пашенные крестьяне везли отсыпной хлеб в Илимск, по нему ехал Г.Ф. Миллер. На карте Ремезова этот волок обозначен пунктиром, с указанием, что «езду двое суток»; впрочем, это не совсем верно, прямого пути на Братский острог не существовало; кроме того, Ремезов сильно преуменьшил время, необходимое для переезда из Братска в Илимск, дорога эта требовала 5-6 дней пути; 2) от д. Подволошной можно было ехать на Кочергу по таѐжной дороге около 25 вѐрст и таким образом оказаться на берегу Илима. Это Яндинский волок. Он был также известен Ремезову. В настоящее время путь этот заброшен[1].

[1] Ремезов показал на р. Илиме вместо д. Кочерги д. Подволошную.

С Илима на Лену шѐл единственный путь через Илимск. Но в некоторых печатных источниках упоминается, как первоначальный путь прохождения русских на Лену, дорога по р. Игирме. Однако здесь никогда не было колѐсного пути и до последнего времени это была тропа, наполовину заваленная буреломом, которой пользовались в редких случаях местные охотники.

Многие притоки Лены использовались на большом протяжении, особенно Кута и Киренга, а также Илга, Тыпта и Тутура. Вверх по Илге и далее по Тыпте в начале XVIII века прокладывается грунтовый колѐсный путь от Усть-Илги на Новую Уду, а также от Тутурского острога на Нижнюю Слободу и далее на Новую Уду. Возможно, что существовал путь и от Тутурского острога на верховье Киренги, но прямых доказательств об этом пути не имеется.

Вдоль Лены по берегу шла грунтовая колѐсная дорога, которая зимой перемещалась на лѐд. Начинаясь от Усть-Илгинской слободы, она тянулась от заимки к заимке до Усть-Кута и далее на Киренский и Чечуйский остроги, до границ Илимского воеводства. По этой дороге шли государевы грузы и передвигались служилые люди.

С Лены на Енисей можно было попасть ещѐ одним, северным и окружным путѐм, а именно через волок от Чечуйского острога на Нижнюю Тунгуску, где теперь стоит д. Подволошная. Этот волок протяжением около 30 вѐрст, был очень тяжѐл, кроме того приводил на безлюдную реку, мало пригодную для плавания. Поэтому использовался он очень редко тунгусами и промысловиками

Из этого очерка видно, что из Илимска можно было прямым путѐм ехать на Москву. Этот путь длился 30-50 дней. На восток из Илимска можно было за тот же срок достичь крайних пределов государства — Ледовитого океана, Охотского моря и берегов Амура. На юг лежал путь по Ангаре и по Лене на Иркутск, а оттуда в заморские острожки. Пѐтр I через Сибирский приказ писал в 1699 году «в Сибирь, в Ылимской, воеводе нашему Федору Родионовичу Качанову», что по сказкам «от Иркуцкого де до Верхоленского острогу летом и зимой с возами езду три дни»[2] и предлагал закупить в Иркутске 1000 четвертей хлеба, ржи «буде дешев, доброй» и из Иркутска перевезти до Верхоленска, откуда проводить на плотах до Киренского острога «или на дощаниках или в барках, как удобнее», а из Киренского отпускать по прежним указам. Как видно, в Сибирском приказе, в Москве, 250 лет тому назад, превосходно знали наши дороги.

[1] Подробное описание этого волока есть в портфелях Миллера, № 517, портфель 1, дело 23.

[2] В действительности путь этот требовал не менее недели.

Наконец, на север лежал путь по Нижней Тунгуске, которым можно было пользоваться при нужде.

Итак, Илимск волей судеб лежал в те дни на скрещении громадных межрайонных путей. Внутри воеводства Илимск создал сеть связующих эти пути дорог, по которым можно было за несколько дней достичь самых дальних острогов и слобод, подчинѐнных воеводе. Русские достигли удивительного совершенства в деле связывания верховьев рек и притоков одних речных систем с другими.

Если спросить рядового жителя г. Иркутска, какие реки впадают в Ангару, то он вряд ли сумеет назвать более 3-5 близких к городу рек. Если попросить любого крестьянина на Илиме назвать притоки этой реки, он назовѐт их все от верховья до устья. Он не может не знать путей сообщения своего района, тем более, что по мелким речкам лежат сенокосы.

На карте Семѐна Ремезова, которой скоро исполнится 250 лет, обнаруживаются такие притоки Илима, которых напрасно искать на изданных в Иркутске картах в 1935, 1940 и 1946 годах. Ремезов наносит на свой чертѐж притоки, которые подчас вряд ли известны современным знатокам Сибири. Это и неудивительно: реки и способы их соединения были тогда стержнем экономики края. Недаром Сибирский приказ писал воеводе о таких деталях географии наших путей сообщения.

В связи с этим можно указать, что на одной исторической карте Сибири Киренский острог по недосмотру показан ниже Чечуйского, вместо р. Витима написано — р. Киренга, Купа названа Мукой. В работе М.П. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», изд. 1933 года имеется карта — Пути колонизации Сибири (XVI-XVII вв.). На ней указан никогда не существовавший путь с верховьев Лены вокруг северной оконечности Байкала на верховья Витима.

Приведѐм ещѐ один пример. Самыми крупными левыми притоками р. Илима являются Иреек Борисовский и Чора. Так они и показаны на чертеже Ремезова. Но если взять карту южной пограничной полосы Азиатской России (лист VI — Иркутск), изданную Военно-Топографическим управлением Генерального Штаба в 1908 году, то окажется, что оба названных левых притока превратились в правые. На карте Восточно-Сибирского края изданной в Иркутске в 1935 году, притоки показаны вновь как левые, но устья их оказались севернее деревень Борисовой и Абакшиной, против которых они, в действительности, впадают в р. Илим. Кроме того, отсутствует название р. Иреека.

Значение путей сообщения, и в первую очередь Ленского волока, отразилось и на названии Илимского воеводства и на воеводской печати. В книгах XVII столетия, а иногда и в начале XVIII столетия, писалось «Ленского волоку Илимского острогу такая-то книга». По окружности печати шла надпись «Земли Сибирские Ленского волоку Илимского острогу».

НАСЕЛЕНИЕ ИЛИМСКОГО ВОЕВОДСТВА

Земледелие с первых дней существования Илимского воеводства было чуть ли не единственным занятием подавляющей массы населения, отраслью, определяющей экономику воеводства. Поэтому, несмотря па довольно разнообразный состав населения, почти всѐ оно имело какое-нибудь отношение к сельскому хозяйству.

Разделение на два основных класса: 1) бояр и помещиков и 2) крестьян, столь характерное для России XVII и XVIII веков, не имеет прямого отношения к Сибири. Здесь не было бояр землевладельцев, не было и зависимых от них крепостных крестьян. Вследствие этого, при характеристике русского населения Илимского воеводства приходится пользоваться следующей группировкой: 1) служилые люди, 2) городские жители, 3) крестьяне, 4) церковники, 5) деклассированные и прочие слои.

Эти группы представляют соединение различных более дробных подразделений и не всегда могут быть резко разграничены.

Отсутствие основного деления населения на бояр (дворян) и крепостных, лично несвободных крестьян, повлекло и к тому, что здесь, в Сибири, не было сословной замкнутости и резкой разобщѐнности групп населения. Основное положение в обществе определялось не принадлежностью к сословию, а родом занятий.

Переход из одной общественной группы в другую совершался в начальные годы существования Илимского воеводства сравнительно просто и был обыденным явлением. Здесь гулящий человек, как Яр.П. Хабаров, поднимался подчас до положения сына боярского, а дети его превращались в пашенных крестьян, в хлебных обротчиков, даже в беглых, но могли остаться и служилыми людьми, всегда, впрочем, теряя звание отца. Ссыльные могли стать пашенными крестьянами, служилыми людьми или посадскими. Казаки могли стать пашенными или оброчными крестьянами. 23 августа 1723 года «по челобитью илимского служилого человека Аники Кузакова, он от пешей казачьей службы ставлен, а велено ему быть в Киренску в прежнем крестьянском тягле» (арх. № 164, св. 17, л. 160). В декабре того же года «по челобитью Усть-Кутского попа сына ево Федора Антонова сына Яскина и по приговору земского камиссара поверстан он по Усть-Кутскому в судовые плотники» (там же, л. 214). Сын илимского таможенного и кабацкого головы Яков Калашников 8 декабря 1720 г. просится в тягло. Просьба была уважена (арх. № 122, св. 13, лл. 273-274). Бывали случаи перехода крестьян в служилых людей. Воевода пишет подчинѐнному комиссару Петру Максину: «Велено тебе в Киренском остроге — для отправления всяких его императорского величества делу письма быть Киренского острогу пашенному крестьянину Лю-

биму Грицкому и отправлять тебе с ним обще неленосно». Бывали случаи встречи неграмотного комиссара, главы огромной волости, и грамотного пашенного крестьянина. Последний подписывал документ, например расписку, за неграмотного начальника: «К сей отписке велением подчиненного камисара Петра Мусина пашенный Михайло Вагин руку приложил» (арх. № 213, св. 21, л. 90). В делах воеводства встречается расписка якутского сына боярского, сопровождавшего хлеб из Илимского воеводства в Якутск, подписанная крестьянином.

Подвижность общественных групп и относительная лѐгкость перехода, особенно в первое время, были обусловлены борьбой за освоение огромных сибирских пространств сравнительно незначительным числом русских людей. Здесь на одно и то же лицо падали подчас самые разнообразные задачи. Промышленные люди, посадские и казаки в первый период поселения легко переходили от обычных занятий к походной боевой жизни. Пашенный крестьянин сеял, охотился, ловил рыбу. Служилый человек то пахал, то нѐс казачью службу, то делал плоты и сплавлял хлеб.

Новая Зауральская Русь в своѐм важном и многообразном деле освоения земель прекрасно обходилась без бояр и служилого дворянства, перегруппировывая наличных людей для решения возникавших задач и не стесняясь сословными путами.

Всѐ сказанное не означает полного смешения сословий. Основной порядок был вполне определѐнным: крестьяне пахали, служилые управляли, посадские занимались торговлей и ремѐслами, но этот общественный строй долго не уродовался сословной замкнутостью. Он формировался в значительной мере самопроизвольно, в процессе решения главной задачи — овладения Сибирью.

Казалось, что складываются иные общественные группы, совсем не похожие на первых пришельцев в Сибирь и не совсем похожие на общественные группы коренной Руси. Но государство вслед за ушедшими в новые землицы русскими людьми протягивает руку и, усиливая своѐ воздействие, накладывает на них печать феодально-крепостнического общества, постепенно превращая их в тяглое население. Оно связывает экономику всех общественных групп с своей государевой экономикой и ставит на службу ей все производительные силы общества. Отсюда проистекает регламентирование обязанностей всех слоев насления и превращение его в полусвободное население.

Первоначально при завоевании Сибири русскими главной силой являлись казаки и вольные промышленные люди. Эти землепроходцы устремились с поразительной энергией в заповедные места в поисках пушнины и серебра, они же заводили местами соляные варницы, а иногда и пашни.

Кто знает, может быть, при иных социальных условиях верхушка казаков превратилась бы в новую знать, а промыш-

ленные люди — в буржуазию или в рабовладельцев. Но государство передаѐт военное дело в руки своих воевод, и казаки превращаются в малочисленную, второразрядную группу полуслужилых, полукрестьян. Государство отбирает соляные варницы, монополизирует сбор ясака, ведѐт разведки слюды и серебра, и от многочисленной группы промышленных людей остаются жалкие единицы, влачащие своѐ существование где-то на грани между бездворными крестьянами, посадскими и гулящими людьми.

Государство объявляет все завоѐванные земли государевой землѐй, налагает на крестьян государевы поборы и повинности, переселяет новые отряды крестьян и ведѐт их всех к постепенному превращению в полусвободных государственных крестьян.

В конце рассматриваемого времени начинают исчезать гулящие люди, — эти подлинные представители вольной Сибири эпохи еѐ покорения.

Связных данных о количестве населения в Илимском воеводстве не имеется до начала XVIII века. Лишь об отдельных группах, а именно служилых людях, пашенных крестьянах, хлебных оброчниках сохранились более ранние цифровые данные, которые приводятся в других разделах этой работы.

Самым полным документом, по которому можно подсчитать общее число душ мужского пола Илимского воеводства, является список 1723 года. В нѐм не охвачены только служители церкви, туземцы и военнопленные.

Эта перепись производилась по печатному указу от 24 февраля 1722 года, когда в губернии и провинции были отправлены «генералитет и штап-афицеры» для раскладки содержания драгунских и пехотных полков на учтѐнные первой ревизией 5 млн. душ крестьян мужского пола. «Бутырского полку полковник господин князь Сонцов-Засекин» был отправлен для руководства раскладкой в Сибирскую, Вятскую и Камскую губернии. В Илимских делах часто встречаются ссылки на эту перепись-раскладку — «по свидетельству полковника князя Сонцова-Засекина». Впоследствии, при производстве второй ревизии душ муж. пола эта перепись называлась генералитетской.

Женское население учитывалось в Илимском воеводстве дважды — в 1710 году и по первым сказкам 1722 года.

Численность мужского населения Илимского воеводства по списку 1723 г. приводится в таблице 8.

Сделаем несколько кратких замечаний к этой таблице.

Служилые люди состояли на государевом жалованье, которое они получали за управленческую или, как плотники, за физическую работу. И в том и в другом случае они могли вместо хлебного жалования получить землю в определѐнном отношении к годовому окладу.

Городские жители, т. е. посадские, имели определѐнное ремесло или вели торговлю, за что уплачивали посадский оброк. Из этой среды выходили различные целовальники (по выбору

Таблица 8

Группы населения	Душ мужского пола	Удельный вес в группе	Удельный вес в общем итоге
I. Служилые люди			
Дети боярские	73	10,4	0,9
Сотники, пятидесятники и десятники казачьи	18	2,6	0,2
Рядовые казаки	116	16,6	1,5
Служилые люди	371	53,1	4,7
Судовые плотники	121	17,3	1,6
Итого	699	100,0	8,9
II. Городские жители			
Посадские	277	96,9	3,5
Жители	9	3,1	0,1
Итого	286	100,0	3,6
III. Крестьяне			
Пашенные крестьяне	4708	80,3	39,9
Бездворные крестьяне	528	9,0	6,7
Хлебные оборотчики	411	7,0	5,2
Бобыли	136	2,3	1,7
Крестьянские дети	83	1,4	1,1
Итого	5866	100,0	74,6
IV. Церковники			
Вкладчики монатсырские	222	86,7	2,8
Богадельщики и низший причт.	34	13,3	0,4
Итого	256	100,0	3,2
V. Деклассированные слои и прочие группы			
Гулящие люди	583	76.3	7,5
Работники	19	2,5	0,2
Подворники	16	2.1	0,2
Новокрещѐнные	26	3,4	0,3
Нищие	49	6,4	0,6
Дворовые	23	3,0	0,3
Присыльные	48	6,3	0,6
Итого	764	100,0	9,7
Всего	7871	—	100,0

посадских людей) — житничные, кабацкие, казѐнные, соляные и таможенные. Ссыльные, не занимавшиеся сельским хозяйством или жившие на неопределѐнный доход, относились к «жителям». Многие посадские занимались земледелием, как побочным делом.

Церковники учтены в приводимой таблице неполностью. Более подробные данные о составе монастырских жителей сообщаются в другом разделе. Вкладчики преимущественно вели монастырское сельское хозяйство и являлись работными или служилыми людьми монастырей. Богадельщики представляли выпавшее из хозяйственной машины звено, стоявшее на пороге нищенства.

Деклассированные и прочие слои представляли сборную группу осколков различных сословий и групп. Большинство из них поставляло рабочую силу, главным образом, батраков (первые 4 группы), дворовые являлись крепостными. Некоторые вели самостоятельное сельское хозяйство, постепенно переходя в разряд оброчных крестьян, как подворники, новокрещенные и присыльные.

Основой экономики Илимского воеводства являлось земледелие, главным производительным классом — крестьяне. Все остальные группы населения были связаны с этим классом и судьба их определялась экономикой крестьянина. Одновременно все слои илимского населения так или иначе занимались земледелием: крестьяне — как главным своим делом, служилые, посадские и церковники — как побочным. Прочие слои доставляли земледелию дополнительную рабочую силу.

Общее число жителей Илимского воеводства, включая и женщин, можно определить лишь приблизительно. Используя данные ревизских сказок 1722 года и принимая во внимание различные соотношения между полами для разных групп населения, можно считать, что общее население воеводства достигало 14400 человек.

Пространственное размещение главных групп населения (душ мужского пола) показано в таблице 9.

Для того, чтобы яснее показать закономерности в размещении этого населения данные таблицы 9 сведены в группы по четырѐм приречным областям (см. таблицу 10).

Центрами населения, в том числе и земледельческого, были, главным образом, области Ангары и Лены. Однако, в Илимском воеводстве был третий центр земледелия, где жило наиболее состоятельное крестьянство, а именно область рек Илги и Тутуры.

Кроме отмеченных групп населения в пределах Илимского воеводства жили ясачные люди — тунгусы и буряты, но число их было невелико.

Общего учѐта «ясашных иноземцов» никогда не производилось. В окладные ясачные сборные книги вносились только лица

Таблица 9

Остроги и слободы	Служилые люди	Посадские	Крестьяне	Церковники	Прочие	Итого
1. Илимский острог	244	98	32	1	26	401
2. Нижне-Илимская слобода	62	20	801	1	51	935
3. Верхне-Илимская слобода	10	—	56	—	2	68
4. Усть-Кутский острог	87	16	288	1	16	408
5. Криволуцкая слобода	12	5	483	5	49	554
6. Киренский острог	14	31	443	4	43	535
7. Чечуйская слобода	2	—	643	—	42	687
8. Орленская слобода	3	—	263	—	64	330
9. Тутурская слобода	8	1	277	1	39	326
10. Илгинский острог	27	2	633	4	223	889
11. Ново-Удинская слобода	6	2	222	5	22	257
12. Яндинский острог	74	15	455	5	73	622
13. Братский острог	147	96	963	6	60	1272
14. Кежемская слобода	3	—	170	1	22	196
Итого	699	286	5729	34	732	7480
15. Монастыри	—	—	137	222	32	391
Всего	699	286	5866	256	764	7871

Таблица 10

№№ таблицы 9-й	Приречные области	Всѐ население		Крестьяне	
		душ мужского пола	%% к итогу	душ мужского пола	%% к итогу
1-3	Область р. Илима	1404	18,8	889	15,5
4-8	Область р. Лены	2514	33,6	2120	37,0
9-10	Область р. Илги и Тутуры	1215	16,2	910	15,9
11-14	Область р. Ангары (с Удой и Окой)	2347	31,4	1810	31,6
	Итого	7480	100,0	5729	100,0

мужского пола старше 17 лет. Переписи «малых подростков» до 18 лет были проведены позднее исследуемого времени. Поэтому численность ясачного населения Илимского воеводства неизвестна. При передаче Качановым воеводских дел Ракитину 30 октября 1707 года (арх. № 119, св. 13) была составлена ведомость ясачных плательщиков. В ней значилось ясачных тунгусов: по Верхне-Илимской ясачной волости 51, по Нижне-Илимской ясачной волости 42, по Усольской ясачной волости 27, по Киренской и Хандинской ясачной волости 53, по ясачным волостям Братского острога «ясачных брацких людей и тунгусов с Чадомскими» — 247, тунгусов Курейского зимовья 73, итого 493 человека. Если причислить сюда женщин и подростков, то общая численность местного коренного населения составит около 2000 человек.

Бурят в пределах Илимского воеводства к концу XVII века осталось очень немного, так как окинские роды почти целиком ушли в балаганские степи или откочевали в Монголию, а верхоленские буряты сосредоточивались южнее Илимского воеводства. Таким образом, почти все буряты Предбайкалья оказались в ведении иркутских воевод.

Список 1723 года не охватывал ещѐ одну группу населения — пленных шведов. О них имеются лишь отрывочные данные. Так, в деле № 114, св. 12, лл. 140-142, в донесении таможенного головы Андрея Калашникова и ларѐшного Фѐдора Серебреникова, написанном в октябре 1719 года, есть отчѐт о расходе дрожжей и хмеля на винокурение. Калашников просит воеводу оплатить это сырьѐ, взятое у разных лиц; среди перечислений значится: «да шветцкого полону у генерала отъютанта Капифера на винные браги хмелин и дрозжей 22 ушата (по 5 ведер)». Воевода велел оплатить по 2 алтына за ведро. Так генерал блестящей шведской армии оказался связанным с кабацким делом где-то на краю спета, в неведомом Илимском воеводстве. В другом деле (арх. № 122, св. 13, л. 226) и также по случайному поводу можно установить, что пленных шведов везли от Усть-Кутского острога в Илимск, т. е. на запад. Выясняется это из челобитной Тестова: «в прошлом в 719 году, а которого числа сказать не упомню, Усть-Кутцкой прикащик... подрядил меня... вести две подводы... под шветами... а те подводы цена рубль». По этому челобитью был произведѐн опрос приказчика, который подтвердил сказанное просителем. В деле № 140, св. 15, л. 447 имеется указ из Москвы от 8 октября 1721 года, полученный в Тобольске 16 декабря, а затем через Иркутск доставленный в Илимск. Этим указом предписывается освободить шведских офицеров и солдат весною, по воде, причѐм добавлено, что желающие ехать не дожидаясь весны, могут нанять подводы; в помощь велено было выдать по 5 рублей. Тут же помещена оговорка, что такие лица, как «генерал-маэор Синицкой», содержащийся в Илимске, должны считаться не шведской службы,

а ссыльными. Наконец, в том же деле, л. 494, имеется запрос из Иркутска — отправлен ли из Илимска в Тобольск «королевского величества генерал-отъютант Канифер». Если не отправлен, то велено дать ему немедленно суда, гребцов, припасы, деньги, проводников и отправить в Тобольск. Письмо датировано 18 июля 1722 года[1].

Таковы общие данные о населении Илимского воеводства. Более подробно будет далее сказано о тех группах, которые были связаны с развитием пашенного дела.

[1] Имя Канифера встречается ещѐ в деле 1721 г. в связи с растратой казѐнных денег в сумме 300 рублей конным казаком Аверкием Шипициным, основателем Ново-Удинской слободы. Шипицину и казаку Кузьмину было поручено купить в Енисейске медь. Они при допросе не сознавались, куда израсходовали деньги и были подвергнуты пытке. Под пыткой сказали, что купили в 1719 г. на 300 рублей у шведского генерала Канифера китайских товаров - камок и китаек, без оплаты таможенным сбором, для перепродажи в Енисейске. А 300 рублей тогда означали крупную сумму, на неѐ можно было купить 3500 пудов хлеба (Россыпь, № 46, св. 5, лл. 197, об.-198).

ГЛАВА III

УПРАВЛЕНИЕ В ИЛИМСКОМ ВОЕВОДСТВЕ

Система управления завоѐванными частями Сибири выросла из военной организации. Во главе казачьих войск находился атаман, далее шли сотники, пятидесятники и десятники казачьи, а затем следовали рядовые казаки.

Для управления занятыми территориями назначались воеводы, которые, руководя военными силами, всѐ более отдавались административным и хозяйственным делам. Роль казачьих начальников с прекращением военных операций падала, и они превращались в подсобный аппарат воеводы, например, в приказчиков. Боевые рядовые казаки обычно переходили на положение служилых людей и беломестных казаков.

Заселение занятых областей, развитие земледелия, торговли и промыслов умножали доходы казны, в связи с чем возникла необходимость в создании особого рода служащих, ведающих товарной и денежной казной, так называемых целовальников.

Наконец, возникновение общесельских и общеволостных мирских интересов вызывает к жизни простейшие формы крестьянского самоуправления.

Так создаѐтся три звена управления:

1) государственное воеводское управление с постоянным аппаратом служилых людей и беломестных казаков;

2) институт доверенных лиц, или целовальников, ведавших государственными ценностями, но не обладавших административными правами;

3) мирское крестьянское самоуправление с его представителями в виде выборных старост и десятских.

Все три звена составляли единую, согласованно действующую систему под общим руководством воеводы.

Обратимся к более подробному рассмотрению этих звеньев и их роли в создании пашенного дела Илимского воеводства.

ВОЕВОДЫ

Главным руководителем во всех областях административной, финансовой, военной и судебной деятельности Илимского воеводства являлся воевода, назначавшийся Сибирским приказом из стольников или детей боярских, а иногда и из князей. Сфера деятельности воеводы была поистине всеобъемлющей. А если принять во внимание чрезвычайную централизацию в руках воеводы всех вопросов, подлежащих разрешению, огромную территориальную разбросанность подчинѐнных ему деревень, острогов и слобод, отсутствие развитого местного самоуправления и общинных порядков, которые могли бы облегчить решение многих мелких дел, то не трудно будет представить сложное положение воеводы.

Сравнительная медленность сообщения, оторванность от центрального руководства, недостаток честных, знающих и грамотных людей, трудность решения многих задач во вновь осваиваемой стране ещѐ больше осложняли местное управление.

Нужно было на месте единолично решать подавляющее большинство задач, а за ошибки царь грозил жестокой расправой.

Обязанностью илимского воеводы было руководство следующими, примерно, делами:

По общему управлению: назначение и смещение приказчиков в волостях, руководство ими и контроль за их деятельностью, наблюдение за работой целовальников и деятельностью крестьянского самоуправления, создание аппарата приказной избы, подбор исполнителей, оплата их труда.

По пашенному делу: наделение крестьян землѐй, верстание в пашню, разрешение земельных споров, организация межевания, в отдельных случаях — выдача семенных ссуд и скота, постройка судов для сплава хлеба, постройка житниц, размол зерна, погрузка и сплав хлеба в Якутск, надзор за правильностью мер и весов.

По другим областям хозяйственной деятельности: выварка соли, а в связи с этим — подбор солеваров и кузнецов, заготовка дров, погрузка соли и сплав еѐ в Якутск, торговля солью, создание винокурения и сбыт вина и пива, организация дорожного дела и ямской гоньбы.

По сборам и налогам: раскладка хлебного и денежного обложения и сбор хлеба и денег с населения, руководство сбором ясака, организация таможенного дела.

По правовой деятельности: несение судебных функций, надзор за ссыльными, наблюдение за малолетними сиротами, сыск беглых.

По военным делам: в первое время — сбор отрядов, снаряжение их и руководство военными операциями, а впоследствии — набор рекрутов.

Из этих дел главным являлось пашенное дело в широком смысле слова. На него падало около половины всех дел, вторая половина относилась к другим сферам деятельности воеводы.

Сложность функций воеводы, предельная централизация цел, разбросанность поселений на обширной территории, новизна приѐмов устроения занятых столь недавно и занимаемых вновь пространств показывают, что далеко не всякий служилый мог успешно вести воеводское дело.

В Илимском воеводстве не соблюдалось правило о назначении одновременно двух воевод, как это было, например, в Якутске. Не прилагалось к Илимскому воеводству и правило об ежегодной смене воевод.

Нельзя думать, что воевода сидел безвыходно в своей резиденции, откуда и рассылал приговоры. В делах то и дело встречаются записи словесных челобитий, принятых воеводой в различных острогах и слободах, куда он выезжал для более близкого знакомства с краем и для разрешения па месте неотложных дел. Ф.Р. Качанова, Л.Р. Ракитина и других воевод можно встретить то в Киренске, то в Илге, то в Чечуйске. Трудно сказать, который из воевод больше бывал в подведомственных ему острогах и слободах, так как никаких отчѐтов о поездках не делалось. Об этих выездах можно судить лишь по челобитным: «Перед воеводой, перед Фѐдором Родионовичем Качановым в Чечуйску в судной избе бил челом такой-то».

Пѐтр I через Сибирский приказ писал Качанову: «...и самому разъезжать, а в иные места посылать кого пригоже». Впрочем без указа воевода не имел права выезжать даже на краткое время.

Центром воеводского управления была илимская приказная изба, которая первоначально, до 80-х годов XVII столетия, называлась съезжей избой[1].

Она делилась на 3 стола или повытья: 1) хлебный и соляной стол, ведавший всем пашенным делом, 2) ясачный и денежный стол, в котором сосредоточивались дела по сбору и расходу денежной и товарной казны, и 3) судный стол, осуществлявший следственные и розыскные дела по уголовным преступлениям и по искам.

Каждый стол, т. е. отдел, состоял из двух человек — одного старого, или старшего подьячего, и одного молодого подьячего. Изредка попадаются подьячие и средней руки. Таким образом, весь состав писцов ограничивался шестью лицами. При приказной избе имелся сторож и палач.

Кроме того, в Илимском остроге была таможня, которой руководил таможенный голова, одно время, до 1694 г., назначавшийся из Енисейска, а с указанного времени выбиравшийся посадскими людьми Илимского острога. С открытием здесь в

[1] С 1717 года она получила название приказной палаты, затем приказной канцелярии, земской канцелярии, наконец, воеводской канцелярии.

1706 г. винокурения он стал называться таможенным и кабацким головою. В круг деятельности его входил надзор за откупщиками и целовальниками в острогах и слободах Илимского воеводства, организация винокурения, осмотр и оценка провозимых товаров и взыскание с них пошлин.

Сами воеводы назначались первоначально Сибирским приказом, вероятно, с одобрения и согласия царей; некоторые воеводы, но только в начале XVIII века, были присланы из Тобольска, а с образованием Иркутской провинции и с потерей Илимским воеводством связи с Москвой, т. е. с 1722 г., воеводы стали присылаться из Иркутска. Большинство из них назначалось иркутским воеводой, а некоторые были выбраны иркутскими дворянами н детьми боярскими, как, например, Астраханцев. Позднее, с 40-х годов XVIII столетия, восстанавливается порядок присылки воевод из Москвы.

Название «воевода» сохранялось со времени возникновения Илимского воеводства, с 1649 года и до 1709, т. е. в течение 60 лет. С 1709 г. они получают название «камендантов», через 11 лет появляются названия «земский камисар» и управитель. Впрочем, управитель обозначает лицо, не утверждѐнное в должности воеводы в надлежащем порядке. Затем снова появляется воевода.

Для простоты изложения в данной работе употребляется главным образом последнее наименование.

При разъездах воеводы по острогам и слободам создавалась походная воеводская канцелярия, следовавшая с воеводой, а в Илимска для решения дел, главным образом второстепенных, оставался заместитель. «Оставшему» давалась наказная память, в которой перечислялись обязанности лица, замещавшего воеводу.

Воевода Ракитин при отъезде в Братский острог 15 марта 1709 года оставил за себя Зубова, а при поездках в Киренскую, Илгинскую, Тутурскую и Ново-Удинскую волости в мае того же года оставил Степана Березовского.

В наказе Зубову предписывалось острог «от пожарного случая и от воровских всяких людей и на тюремном дворе колодников с прилежным радением беречь. И на караулах по башням и у казенного анбара велеть быть (в наказе Березовскому: «очередным») днем и ночью илимским служилым людем неотступно (Березовскому: «безотходно») против прежняго с прибавкою. И выимщиком огни и заповедное вино и табак и корчму и блядьню и, зернь и воровские неуказные карты велеть вынимать безо всякого опасения и потачки и (Березовскому: «без») поноровки. И градским всяких чинов людем не в больших делах против их челобитья им росправа чинить, воров в озороничестве и в малых делах унимать, смотря по винам чинить наказание — бить батоги; а в больших винах: в убиствах и в разбоях и в татьбах, корчемников и блядунов и всяких воровских людей сажать в тюрьму

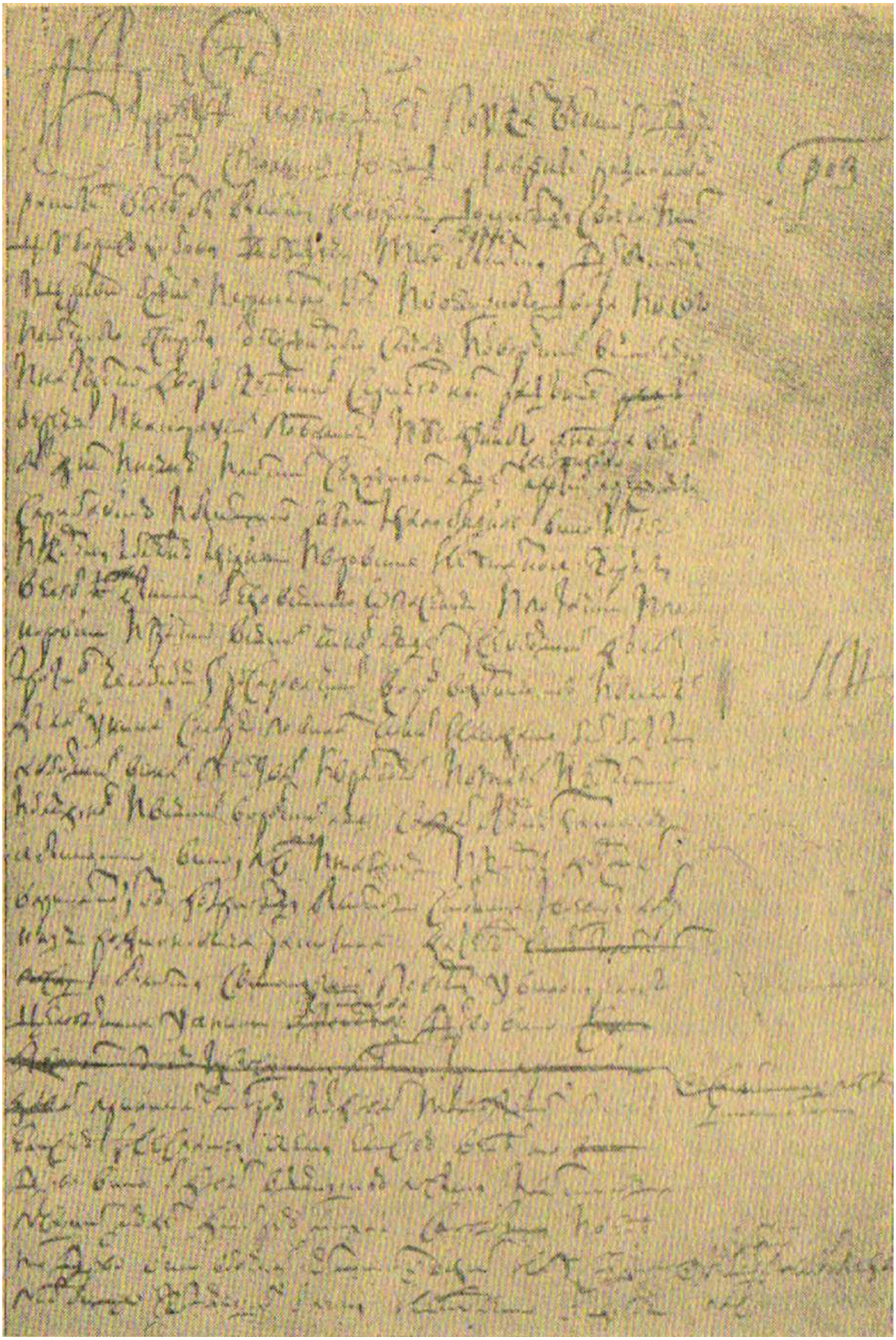


Фото. 7. Наказ воеводы Ракитина своему заместителю

з запискою. А выимошное (Березовскому: «выемное») вино и посуду и табак и карты держать в приказной избе до приезду в Ылимск стольника и воеводы Лаврентия Родионовича Ракитина». Далее предписывается принимать с винокурни государево вино мерою, а вино отправить в Якутск; привезти соль в Илимск из Усолья; предоставлять подводы едущим с государевыми делами из Москвы или из других городов; «надсматривать» над винокурными целовальниками и над караульщиками.

Важные и срочные дела заместитель должен был присылать воеводе «тотчас» (арх. № 95, св. 10, лл. 177, 201).

Как видно, наказная память касается преимущественно вопросов управления самим городом.

Существует несколько списков илимских воевод, составленных различными исследователями истории Сибири. Но при сличений всех списков оказывается, что оригинальными из них являются только списки Г. Ф. Миллера[1] и список тобольского архиерейского дома[2].

В первом документе Миллер перечисляет илимских воевод с 7158 (1650) до 1701 года, во втором — сперва называются якутские приказчики, управлявшие Илимским острогом, а с 7157 (1649) года и до 1738 года — илимские воеводы. При этом допущен пропуск с 1714 до 1737 года. Для каждого воеводы Миллер указывает год вступления на воеводскую должность и изредка делает пояснительные замечания. Оба его списка совершенно правильны, если не обращать внимания на мелкие неточности (указаны два разных года для воевод Шушерина и Челищева, причѣм в тетради 3 даны правильные даты).

Перечень илимских воевод, составленный в Тобольске, обнимает время с 1648 по 1687 год, при этом почти по каждому воеводе указаны неточные данные о времени их управления, с отклонениями от правильных дат обычно на 1-2 года. В отношении времени воеводства С.О. Оничкова допущена опечатка: показаны 1666-1667 гг., а нужно 1666-1676 гг.

Списки других авторов являются простыми заимствованиями у Миллера и притом не всегда безупречными с точки зрения их точности.

[1] Портфели Миллера, № 505, портфель 1, тетрадь 3 (на немецком языке). Здесь переименованы все воеводы, бывшие в Сибири с 1581 по 1761 г.. в том числе илимские воеводы перечислены на лл. 163, 106, 175. 178, 181. 184. Там же, в тетради 2, имеется другой список илимских воевод (на немецком языке), лл. 3 об., 4 об., 5 об., 6 об., 7 об., 8 об.

[2] «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и по всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах, и в каких городах были, и кто какой город строил, и когда, писанных в Тобольском доме Архиерейском 1791 года» (Тобольск, 1792, стр. 84).

К.Б. Газенвинкель при составлении своей книги[1] пользовался выпиской из портфелей Миллера, сделанной для него третьим лицом. Очевидно, выписка была сделана из тетради 3, а тетрадь 2 осталась для Газенвинкеля неизвестной. Так как Миллер указывал даты по старому летоисчислению, от сотворения мира, то при переводе их на современное летоисчисление необходимо знать не только год, но и месяц даты, иначе возможна ошибка на 1 год. Такие ошибки встречаются в ряде дат, приведѐнных Газенвинкелем. Кроме того, он ухудшил список Миллера, опустив воеводу Оладьина и дав ошибочное написание фамилий двух воевод: Казин и Кочанов (у Миллера: Sin boj. Jwan Katschin, Fedor Rodionow, Sin Katschanow.)[2]. В указателе эти ошибки повторены (стр. 51 и 52).

В статье И. Серебренникова[3] использованы данные Газенвинкеля с его ошибками.

Краткий и неточный список воевод есть ещѐ у Н. Щукина, в общем добросовестного исследователя[4].

В следующем списке илимских воевод время управления Илимским острогом приказчиками из Якутского острога показано по Миллеру, а время управления воеводами установлено по делам Сибирского приказа и Илимского воеводства.

Приказчики из Якутского острога:

1. **Пильников Иван**, сын боярский, 1641 год.
2. **Горемыкин Василий**, пятидесятник, 1642-1643 годы.
3. **Иванов Григорий**, казак, 1644-1646 годы.
4. **Демьянов Григорий**, сын боярский, 1647 год. При нѐм построено укрепление с двумя башнями. Собственно, с этого времени Илимск вместо зимовья стал острогом.
5. **Пильников Иван** (вторично), 1648 год.

Илимские воеводы:

1. **Шушерин Тимофей Васильевич**, первый илимский воевода; приехал в Илимск 1 сентября 1649 года, но как он писал: «ничего не заехал». Якутский воевода Францбеков, узнав, что Илимский острог уходит из его ведения, поступил «по-хозяйски» — он вывез из Илимска казну, всех служилых людей, в том числе и подьячего со всеми бумагами, снял с укрепления пушку и 30 пищалей, отправив их в Якутск, и даже успел переселить несколько крестьян из пределов возникшего Илимского воевод-

[1] К.Б. Газенвинкель. «Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в Сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века. К истории Сибири». Тобольск, 1892, стр. 58. Список илимских воевод на стр. 40-41.

[2] По техническим причинам эта ссылка печатается здесь латинским, а не готическим шрифтом.

[3] «Первоначальное заселение Иркутской губернии» в Известиях Восточно-Сибирского отдела Ими. Русск. Геогр. О-ва, том XLIV, 1915 г., Иркутск, 1915, стр. 197-224.

[4] Н. Щукин, «Поездка на реку Илим», статья в журнале Министерства Внутренних Дел, 1856, ч. XX, отд III, стр. 15-40.

ства[1]. Шушерин оказался распорядительным человеком — вызвал и допросил своих предшественников — Пильникова и Демьянова, добился перед Москвой возвращения вооружения и части крестьян, нашѐл подьячих, посадил везде своих служилых людей, привезѐнных из других сибирских городов, расширил крепостное сооружение и деятельно начал устраивать крестьян на пашню. Но он скоро умер — 12 марта 1651 года.

2. **Львов Андрей Яковлевич**, зять Шушерина, оставался временно у управления Илимским острогом до приезда нового воеводы. Некоторые исследователи считают его воеводой, каковым он в действительности не был.

3. **Оладьин Богдан Денисьевич** (писали также Аладьин), воевода, приехал в Илимский острог 24 сентября 1651 года. При нѐм продолжалось заселение волостей по Илиму и Лене.

4. **Бунаков Пѐтр Андреевич**, стряпчий и воевода. Приехал на смену Оладьину 1 октября 1656 года.

5. **Вындомской Тихон Андреевич**, воевода. Сменил своего предшественника 27 сентября 1660 года.

6. **Обухов Лаврентий Авдеевич**, воевода. При нѐм возникла Илгинская волость, где он устраивал крестьян. Видимо держался вызывающе и был убит служилыми людьми па почве мести за увоз чужой жены. Время его воеводства: 1662-1665 годы.

7. **Расторгуев Алексей Ларионович**, тобольский сын боярский. Управлял Илимским воеводством временно, до приезда воеводы на место убитого Обухова, с мая 1665 до октября 1666 года. При нѐм Илимский острог, т. е. укрепление, сгорел до основания.

8. **Оничков (или Аничков) Сила Осипович**, воевода[2]. Приехал г. Илимск 28 октября 1666 года и правил в течение 10 лет, до 1676 года, что было в те времена исключительно долгой службой. Он заново выстроил Илимский острог, расширив его в несколько раз и выбрав другое, более удобное место. Энергично вѐл поиски новых земель для поселения крестьян в верхнем течении Лены, а также в вершине р. Илима и по Ангаре.

9. **Зубов Иван Дмитриевич**, стольник и воевода. Сменил Оничкова 24 сентября 1676 года.

10. **Гагарин Иван Петрович**, князь, стольник и воевода. Приехал в Илимск в октябре 1679 года. Произвѐл большие работы

[1] Эти крестьяне, вероятно, были поселены по р. Амге. В труде «Описание земли Камчатки, сочинѐнное Степаном Крашенинниковым», том II. СПБ, 1819 этот выдающийся русский исследователь отмечает, что встретил потомков переселѐнных крестьян менее чем через 100 лет, притом совершенно объякутнвшимися, которые «не токмо пашню, но и российский язык позабыли» (стр. 447).

[2] В работе В.Д. Стрелова «Акты архивов Якутской области», том 1. Якутск, 1916, в тексте на стр. 10 и в указателе Аничков неправильно назван Анисковым, да к тому же автор считал его якутским воеводой.

по ремонту Илимского острога, поставив новые стены. Впоследствии был иркутским и нерчинским воеводой.

11. **Змеов Илья Андреевич**, стольник и воевода. Был в Илимске с 1683 по 1685 год. После сдачи дел обвинялся в злоупотреблениях, по этому вопросу вѐлся сыск, но следствие не обнаружило ничего существенного.

12. **Павлов Фѐдор Михайлович**, воевода. Управлял с 1686 по июль 1689 года.

13. **Перфирьев Иван**, енисейский сын боярский. Управлял временно, с 7 июля 1689 по 20 сентября 1689 года. Это довольно известный деятель, впоследствии иркутский воевода. Пользовался признанием населения и ценился Москвой.

14. **Пятово Еремей Ларионович**, стольник и воевода. Приехал в Илимск 20 сентября 1689 года.

15. **Грибоедов Григорий Фѐдорович**, стольник и воевода. Сменил своего предшественника 10 сентября 1691 года. Произвѐл перестройку Илимского острога.

16. **Челищев Богдан Анфиногенович**, стольник и воевода. Прибыл в Илимск 15 сентября 1694 года и сразу возбудил недовольство населения. 21 июня 1696 года мирской совет, т. е. собрание жителей Илимского острога, «отказал» Челищеву в воеводстве и впредь до назначения воеводы из Москвы выбрал управлять Илимским воеводством И.П. Качина.

17. **Качин Иван Никифорович**, илимский сын боярский — выбран населением вместо отставленного Челищева 21 июня 1696 года. В помощь ему, в качестве товарища — подьячего был избран Герасим Учюжников. Отец Ивана Качина — Никифор Качин несколько десятилетий служил в Илимском воеводстве, в частности в 1661 году перестраивал Верхоленский острог, был одним из немногих служилых людей, оставшихся в Илимске во время массового бегства казаков в 1655 году в Дауры. Иван Качин впоследствии был одним из близких помощников воеводы Качанова и оставался за него в его отсутствие. Умер в своей деревне, носящей его имя, в 1718 году.

18. **Перфирьев Евстафий (Остафий) Иванович**, сын упоминавшегося Ивана Перфирьева, иркутский сын боярский. Сибирский приказ, узнав об отстранении Челищева, предложил Ивану Перфирьеву временно, до приезда воеводы, управлять Илимским воеводством, а если он стар (или умер — Москва не знала), то в Илимск должен был ехать его сын. Иван Перфирьев в это время был выбран иркутскими жителями воеводой, поэтому в Илимск поехал Евстафий. Он прибыл 2 апреля 1697 года и произвѐл очень тщательный учѐт Челищева и Качина.

19. **Качанов Фѐдор Родионович**, воевода. Назначен Сибирским приказом летом 1698 года. Оказался знающим и деятельным воеводой. Его имя чаще имѐн других илимских воевод упоминается в литературных источниках, но нередко в искажѐнном

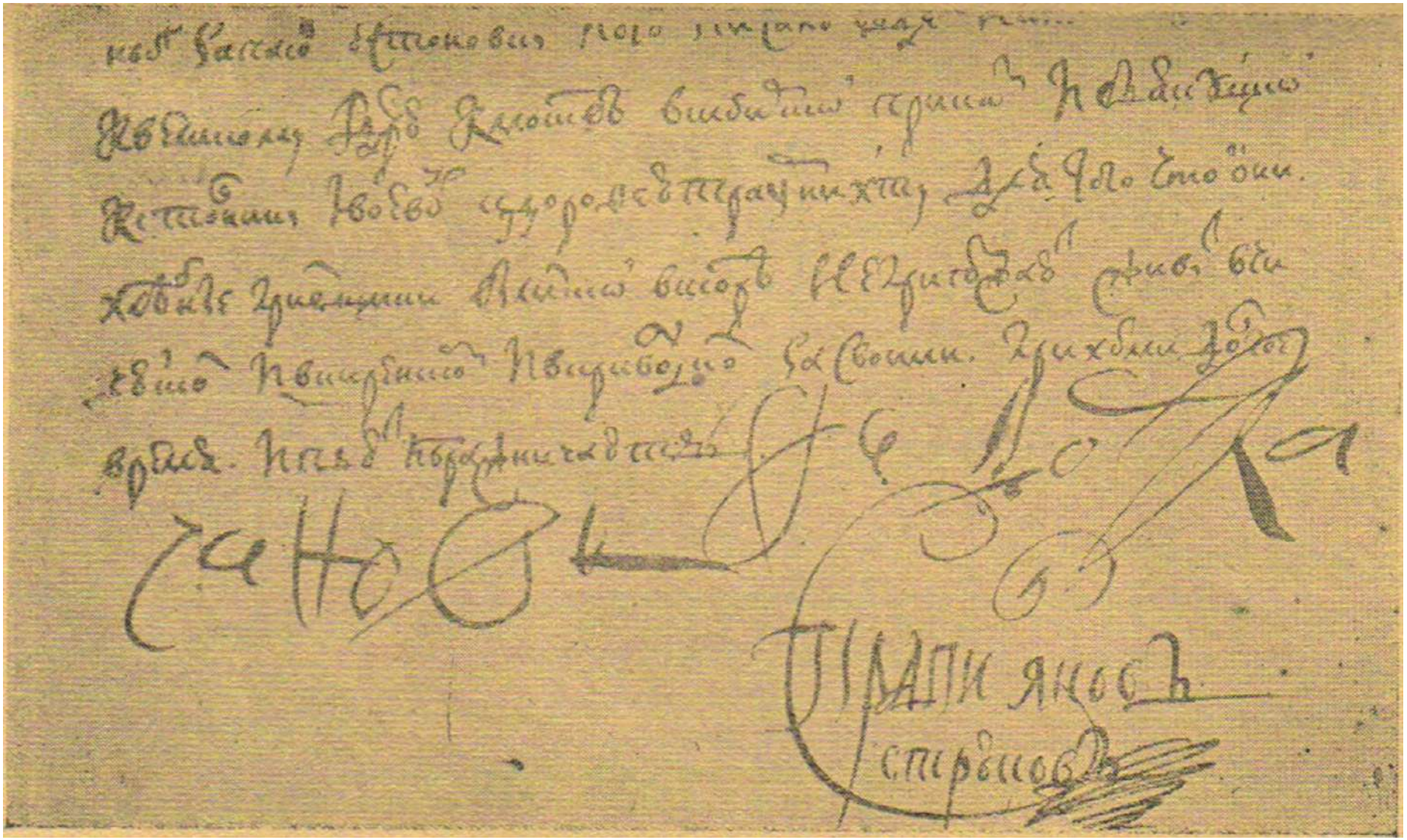


Фото. 8. Подпись воеводы Федора Качанова. Ниже подпись подьячего:
«Справил Яков Стрюков».

виде[1]. Качанов в течение 1699-1700 гг. объехал все селения Илимского воеводства, дал их описание и установил во многих случаях новые межи. Одновременно были упорядочены платежи крестьян государству. Эту «Описную книгу» впоследствии называли иногда «Межевой книгой, межевания Качанова». Кажется, он вѐл сыск по делу якутских воевод в 1694-1697 гг. Кроме того по поручению Сибирского приказа вѐл сыск по делу красноярских воевод в 1703 году.

Работа илимской приказной избы и всей администрации была серьѐзно улучшена Качановым. Его наградили 100 рублями и он удостоился похвалы Петра I. Он просил в 1707 году «переменить» его вследствие болезни глаз. Сибирский приказ колебался — отпустить ли его «или ему ж по-прежнему быть». Он был отпущен в том же году после 9-летней службы в Илимске. Выехал «к Москве» 12 февраля 1708 года.

20. **Ракитин Лаврентий Родионович**, стольник и комендант. Принял дела у Качанова 30 октября 1707 года. В течение 5 лет, с 1708 по 1713 год умело вѐл управление воеводством.

21. **Любавский Ермолай Прокопьевич**, стольник и комендант[2]. Время его управления 1714-1716 годы.

22. **Молчанов Давыд Семѐнович**, комендант, в некоторых документах — управитель. С ним вместе служил его брат Иван. Время управления — с 4 декабря 1717 г. по 15 сентября 1718 года.

23. **Антипин Филипп Михайлович**, якутский сын боярский, назначен из Иркутска, управлял с февраля 1719 года по февраль 1720 года. Был впоследствии, в 1723 году, арестован, увезен в Тобольск, причѐм было велено пожитки его продать.

24. **Литвинцев Иван Степанович**, илимский дворянин, управитель, время его управления с февраля 1720 года по сентябрь 1722 года. Был арестован в 1723 году, закован в кандалы, а имущество подверглось описи. Был вновь воеводой в 1727-1728

[1] У Л.Л. Ионина в работе «Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века» (Иркутск, 1895) на стр. 63-64 упоминается рукопись окладной книги по выдаче жалованья в 1663 году на 45 листах, «занумерованных и скреплѐнных подписью илимского воеводы Фѐдора Родионовича Казанова — предшественника воеводы Лаврентия Андреевича Обухова». Здесь допущены три ошибки: 1) Качанов назван Казановым, 2) время его воеводства отнесено на ¼ века назад. 3) неправильно названо отчество Обухова. Книга, которой пользовался А. А. Ионин, не была возвращена в библиотеку Восточно-Сибирского Отд. Русск. Геогр. О-ва и должна считаться погибшей.

В книжке А. А. Якжина «Полезные ископаемые Иркутской области и их использование» (Иркутск, 1944) на стр. 34 назван илимский воевода Фѐдор Катапов, разрешивший в 1705 году ломку слюды по Витиму. Речь, как видно, идѐт о Качанове. Напомним также, что у Газенвинкеля вместо Качанова значится Кочанов.

[2] У В.Д. Стрелова в указателе значится: «Ермолай Прокопьевич стольник и воевода якутский». В действительности же это илимский комендант (воевода) Е.П. Любавский. Недоразумение возникло потому, что в документе, перепечатанном Стреловым на 28 странице его работы фамилия Любавского не названа и Стрелов отчество его принял за фамилию.

годах, по терминологии тех лет — илимским земским комиссаром. Из семьи Литвинцовых на протяжении столетия выходили многие видные служилые люди Илимского воеводства.

25 **Астраханцов Пѐтр Фѐдорович**, иркутский дворянин, временный управитель — с сентября 1722 по февраль 1723 года. Был назначен из Иркутска. Арестовывался в 1724 году, вероятно по делу, связанному с Литвинцовым.

26 **Перфирьев Евстафий Иванович**, управлял вторично, будучи послан из Иркутска. Очевидно был назначен в Илимск, чтобы выправить положение дел, запущенных и расстроенных слабыми управителями после отъезда Ракитина. Однако был комендантом, а по некоторым документам илимским земским комиссаром, лишь несколько месяцев: вступил в управление 4 февраля 1723 года, а 24 мая того же года умер в Илимске.

27 **Соловаров Пѐтр Иванович**, иркутский сын боярский, и земский комиссар. Приехал в Илимск по назначению из Иркутска в июле 1723 года и в декабре умер в Илимске. С ним, в качестве его товарища, управлял Добрынский Иван Васильевич, в наказе которому было написано: «быть тебе у всяких дел в споможении».

28 **Лоншаков Фѐдор Григорьевич**, заморский дворянин (из-за моря Байкала) или нерчинский дворянин, земский комиссар. Назначен из Иркутска, управлял вместе с Добрынским в течение года, с начала 1724 по январь 1725 года.

29 **Татаринов Пѐтр Иванович**, земский комиссар, сменил 13 января 1725 года Лоншакова и Добрынского и управлял до 13 марта 1727 года, когда был взят в Иркутскую провинциальную канцелярию, откуда он и был назначен в Илимск.

На этом можно закончить перечень илимских воевод того времени, которое охватывается настоящей работой. После этого Илимское воеводство существовало ещѐ 50 лет.

Среди лиц, управлявших Илимским воеводством с начала его существования и до конца первой четверти XVIII века, встречались самые разнообразные типы. Наряду с опытными и добросовестными исполнителями предначертаний Москвы, много сделавшими для развития илимской пашни и укрепления русского строя на Илиме, были и тѐмные дельцы, вроде Челищева. Но большинство воевод, особенно последнего периода, являлись слабыми и бледными управителями, не оставившими почти никакого следа в крае, который был им доверен. Трое из воевод арестовывались, по, как можно судить по сохранившимся бумагам, обвинялись в маловажных служебных преступлениях, в неправильном учѐте душ, в слабом сборе хлеба и денег с населения, в неисправном ведении отчѐтности.

Русское правительство, назначая воевод с широкими полномочиями, понимало, что в случае неудачной кандидатуры, на месте могут возникнуть тяжѐлые злоупотребления и поэтому пыталось установить разносторонний контроль, иногда, как это

было свойственно тому времени, даже в унизительных формах. Подозрения правительства оправдывались в ряде случаев и это послужило основанием того, что сенсационные разоблачения отдельных лиц набросили мрачную тень на всех воевод.

Все предпринятые сыски о незаконных действиях воевод раскрывают широкое взяточничество и в виде прямого вымогательства и в виде различных, часто ненаказуемых поборов. Зависимое от воевод население нередко давало им взятки в виде приношений «в честь». Злоупотребления служебным положением подробно раскрываются документами лишь в последующие годы и будут освещены во II томе.

Служебное положение воеводы было очень выгодным. Например, Качанов 9 марта 1703 года получил своѐ жалованье за год в размере 20 рублей и взял в счѐт этих денег в таможне русских товаров, крашенин и холста по верхотурской оценке. Хлеба он получал по 100 пудов в год. Другой воевода получил 100 четвертей ржи, т. е. 800 пудов. В 1712 году Любавскому было выдано 100 ведер вина «безденежно». Имелось много побочных доходов, вроде поминочных соболей, шедших сперва воеводам, возможность пользоваться вином без наценки, бесплатным столом и т.д. На чертеже Илимского острога внутри крепости показан обширный воеводский двор со службами, рядом огород, а поодаль скотный двор. Сено воеводы косили исстари по Илиму, ниже речки Зырянки. Многие воеводы привозили с собой крепостных из России, а здесь имели возможность привлекать любое число нужных им работников.

О величине дохода воеводы можно судить по косвенным данным. Так, в Илимске в 1702 году умер стольник В.А. Поливанов, ехавший в Якутск, чтобы занять воеводскую должность. В Москве он взял в долг 1300 рублей у якутских служилых людей, которые везли 4000 рублей на выдачу жалованья.

Якутские служилые люди обратились за содействием к илимскому воеводе. Дело устроилось так: жена Поливанова отдала долг разными вещами, которые вѐз с собою еѐ муж, назначенный воеводой, а илимская приказная изба заверила всѐ это дело. У жены Поливанова было взято: 192 ведра вина горячего, «цена 768 рублев»; 53 пуда 10 гривенок хмелю, по 7 рублей пуд, всего на 372 рубля 25 алтын; 9 пудов 25 гривенок мѐду «и з деревом, а начисто 8 пуд 27 гривенок» по 4 рубля, на 34 рубля 23 алтына 2 деньги; 1450 аршин холста на 38½ рублей; 26 гривенок меди зелѐной на 7 рублей 28 алтын 2 деньги; полтретья (2½) пуда олова на 20 рублей; половинка сукна зелѐного, «шитухи алтуровой», мерою 23) аршина на 20 рублей, пуд бисеру на 16 рублей, 3 кожи красных на 3 рубля; 2 пуда воску на 20 рублей. Вино было испытано на крепость, «по опыту» выгорело в стандартной стопке, присланной из Москвы в 207 (1699) году

5 частей. Илимский воевода обо всѐм случившемся написал письмо в Якутск для оправдания служилых людей.

Набор товаров свидетельствует, что новый якутский воевода намеревался реализовать их на месте работы. Встаѐт вопрос, какую сумму составили бы наценки на этот товар. Если подсчитать итоги оценки товаров илимской таможни за 1680 год (арх. № 26, св. 3), то окажется, что по 32 привозам было предъявлено товаров на 5186 рублей 3 алтына 2 деньги. Илимская таможня наценила 2510 рублей 7 алтын, т. е. 48,4%. Продавец мог наценить ещѐ 50-100%. Значит, воевода Поливанов, избавляясь только от таможенных сборов, мог выручить около 630 рублей, что составляло до 6 тысяч современных золотых рублей[1]. Отсюда видно, что казѐнное жалованье могло составлять в доходах воеводы незаметную часть.

Усложнение государственной машины, в связи с реформами Петра I, привело к созданию в уездах дополнительных административных звеньев. В 1721 г. в Илимске появляется три главных фигуры этого нового аппарата: камерир, земский комиссар и фискал. В том же году для всех служилых людей и целовальников вводится присяга. «И к той присяге велено им подписыватца своеручно под наказанием смерти, что им, будучи (там-то)... похищенья не чинить». Илимский управитель всех лиц, касающихся к государевым делам, посылает теперь к протопопу Спасской соборной церкви с промеморией, в которой, между прочим, записывается: «И ваше священство изволь (такого-то) по чиновной книге привесть к присяге» (Россыпь, № 46, св. 5, л. 294). Не довольствуясь таким воздействием на совесть людей, прикосновенных к государевым ценностям, правительство создаѐт особую категорию лиц, так называемых фискалов, которые несли функции государственных контролѐров. Первый фискал в Илимске, бывший городничий, Иван Брагин осенью 1721 года выехал с помощником по всем острогам и слободам, причѐм о его выезде было из Илимска послано к приказчикам письмо такого содержания: фискалу вменено в обязанность «ездить в остроги и в слободы для усмотрения всяких неправд и обид от слободцких приказных людей и от целовальников (зачѐркнуто: и в кожевенных промыслах и о овцах серых и чѐрных)...[2] Велено и вам послать указ с прочетом» и как он, Брагин, «для усмотрения всяких неправд» прибудет, то вам ему помочь (Россыпь, № 46, св. 5, л. 399). Это письмо с большой

[1] Жена Поливанова оказалась энергичной женщиной. Она добилась у илимского воеводы предоставления ей подвод до Тобольска. Из Тобольска писала в Москву, откуда в сентябре 1703 года было послано распоряжение — дать ей необходимые подводы (Сибирский приказ. Книга 1372, лл. 452-454, 774-785).

[2] Зачѐркнуто о кожевнях потому, что в Илимском воеводстве кож на армию не вырабатывалось, и, следовательно, контролировать было нечего. О разведении белых овец был особый указ, в котором излагался проект ка-

силой подчѐркивает бессмысленность учреждения таких казѐнных борцов за правду, так как в нѐм предлагается приказчикам помочь фискалу раскрыть собственные их неправды. В действительности функции фискалов оказались более простыми: присутствовать при важных следствиях, принимать жалобы на воевод и приказчиков, свидетельствовать пригодность рекрутов, быть при наказаниях виновных лиц и удостоверять это своей подписью. Таким образом, ответственность воевод уменьшалась.

Пользы от подобного рода государственных контролѐров и блюстителей государственных интересов не было. Поэтому фискалы вскоре исчезают, притом в буквальном смысле слова — бесследно.

В том же 1721 году было велено в Илимске выбрать двух человек — одного в земские комиссары, другого в камериры. В г.преле этого года «илимские всяких чинов служилые люди» выбрали детей боярских: Петра Щегорина — в камериры и Петра Завьялова — в комиссары. Илимская воеводская канцелярия передала им всѐ дело о сборе денег с населения и обеспечила их тремя писчиками. Все эти лица были приведены к присяге. Так возникла в Илимске земская канцелярия.

Обязанностью земского комиссара был сбор денег и хлеба с населения и руководство выбором рекрутов, а камерир нѐс функции «понудителя», исполнителя по взысканиям.

Подчинялась земская канцелярия местному воеводе и иркутской земской конторе, над которой в Тобольске стояла рентерея. В апреле 1721 года служилыми людьми избирается рентмейстер Лев Кузнецов, в помощь ему даны 4 подьячих, сторож, ефрейтор и 6 солдат для посылок. Функция рентмейстера — приѐм и хранение денег.

При выборах илимский дворянин Иван Литвинцов дал Щегорину и Завьялову следующую инструкцию: 1) принять все дела, 2) быть в деле исправными, 3) по сбору денег и провианта надзирать над подчинѐнными комиссарами (волостными приказчиками), 4) собирать деньги и провиант исправно, 5) записывать собранное «несмятно... чтоб в том никакого смятения отнюдь не было», 6) денег и провианта без ведома воеводы не расходовать. Рентмейстеру в мае 1721 года даѐтся наказ: 1) принять рентмейстерские дела, т. е. дела бывших казѐнных целовальников, 2) быть во всѐм исправным, 3) принимать денежную казну в рентерей (казначейство).

Уже в октябре того же года Литвинцов угрожает комиссару и камериру, что если они не представят требующихся сведений солдату Бестужеву-Рюмину, то «вы будете истязаны».

занского вице-губернатора. Серых и чѐрных, как неудобных для мануфактуры, предлагалось постепенно заменить белыми. Следить за этим поручалось фискалам. Копия указа об овцах сохранилась (Россыпь, № 45, св. 5). Но в Илимском воеводстве овцеводство для мануфактур значения не имело. Поэтому в наказе Брагину этот пункт вычеркнут.

Создание особой земской канцелярии или «конторы» только запутывало систему управления излишними звеньями и надстройками, осложняя воеводское руководство сбором хлеба и денег промежуточными, эфемерными учреждениями. Это проявилось па практике в такой очевидной форме, что уже в марте 1722 года по предписанию из иркутской провинциальной канцелярии илимская земская контора или канцелярия была упразднена. (Россыпь № 46, лл. 152, 189, 231, 243, 244, 279 об., 118, 344, 375; № 50 л. 166; № 57; № 63 и № 65).

Была сделана ещѐ попытка отделить от воеводы судебные функции путѐм создания надворного суда. На посту судьи или судебного комиссара оказался тот же Пѐтр Завьялов. Надворный суд подчинялся енисейскому «вышнему надворному суду». Кроме судебных дел суду были переданы «казна с розыскных п челобитчиковых дел, поручных записей и крепостных пошлин». Создание местного суда являлось разумным делом. Но перестройка была задумана бюрократически, вплоть до создания в полостях особых должностей «подчиненных судебных камисаров». Они могли «ведать судом и росправою всякого чина людей, опричь синодальных и посадских и судить челобитчиковы чела До 5 рублев». За свою работу они взыскивали судебные пошлины — с рубля по гривне, «пересуд и правого десятка по 7 алтын по 2 деньги; на канцелярию за труды: с правого с рубля по алтыну, с виновного по гривне». Так как в волостях было но 50-100 крестьянских Дворов и судебных дел почти не возникало, то и доходы оказывались недостаточными для содержания особых судей и писчиков волостных судов. Поэтому стали совмещать должность подчинѐнного судебного комиссара с должностью приказчика, т. е. пришли к той системе, которую хотели реформировать. Только в Братской волости удержался волостной судья, да и того домохозяйка из-за шума и «домовой тесноты» постаралась выжить из своей избы (Россыпь, № 58, св. 7; № 61, св. 7, л. 106, 256-260, 261-263).

По соляным делам в марте 1725 года был выбран служилыми людьми особой соляной комиссар, илимский десятник конных казаков Василий Караулов. Он должен был осуществлять контроль за приходом и расходом соли, что раньше с таким же успехом делали соляные целовальники.

Не довольствуясь перестройкой управления в уездах и волостях и не видя улучшения в сборе денег и хлеба с населения, правительство применяет посылку солдат, наделѐнных необыкновенными полномочиями. Одни из них понуждали крестьян, «следствовали» о причинах недоимок, другие понуждали воевод и губернаторов, третьи собирали жалобы.

Так, один солдат, Барков, сидел в 1722 году в Илимске, заведя собственный штаб в так называемом съезжем дворе и производил письменные запросы у воеводы о тех делах, которые

казались ему незаконными. Например, он требовал у Литвинцова объяснений, на каком основании воевода Е. Любавский выдал жалованье служилым людям за 1716 год, несмотря на запрет.

В том же году в Сибири действовал «по указу его величества, императора и самодержца всероссийского», как уполномоченный камор-коллегии лейб-гвардии солдат Бестужев-Рюмин, целью поездки которого было — усилить поступление денежных сборов с населения и улучшить отчѐтность по ним «и в том губернаторов и вице-губернаторов и воевод и камериров понуждать непрестанно». Ему же предписывалось тех комиссаров, которые плохо собирали деньги, «возить для тех зборов по уездам под караулом». Под указом подписи: Алексей Плещеев, Василей Камынин, Иван Голохвастов, одно имя по-немецки, секлетарь Полиект Григорьев. Справа подьячего Афонасья Мещерякова (Россыпь, № 54, св. 6, л. 143, цитируется по копии, заверенной Бестужевым-Рюминым). Грозный солдат с такими полномочиями действовал на воевод как нечто из ряда вон выходящее. Недаром илимский воевода И. Литвинцов почтительно писал ему: «Всепресветлейшего державнейшего императора и самодержца всероссийского Петра Великого, отца отечества, государя всемилостивейшаго лейб-гвардии салдату Трифону Андреевичу» (Россыпь, № 50, св. 6, лл. 7-8), а в другом месте: «Благородному господину лейб-гвардии салдату Трифону Андреевичу» (Россыпь № 46, св. 5, л. 346). Уже из Нерчинска 22 октября 1722 года Бестужев-Рюмин предписывает солдату Алексею Седельникову ехать в Илимск и заставить там приготовить ведомости. «И тебе б управителя Ивана Литвинцова... понуждать и держать иод караулом, также и приказных людей держать под караулом — по которое число тех ведомостей не отправят» (арх. № 140, св. 15, л. 468). Напрасно оправдывался Литвинцов, что старые дела, с 1707 по 1720 год запущены не им, а его предшественниками, он был от воеводства отставлен и вскоре арестован с целой группой лиц.

Ещѐ один солдат, унтер-офицер Павел Козмин, узнав, что из Илимска нет ведомостей о канцелярских и таможенных сборах, потребовал в Иркутске лошадей и 5 декабря 1725 года выехал в Илимск (Россыпь, № 51, св. 7, л. 74). Он объехал все остроги и слободы Илимского воеводства и везде произвѐл тщательное расследование о причинах недоимочности крестьян (об этом излагается на стр. 442 настоящей работы).

Наконец, появляется в Илимске ещѐ один солдат, с особой целью собрать доносы на местную администрацию. В делах илимской воеводской канцелярии имеется копия указа о командировке этого солдата, написанная на развѐрнутом листе. Очевидно, документ предназначался для опубликования путѐм выставления его на городских воротах (Россыпь, № 61, св. 7, лл. 118-119). В приводимом далее тексте опущен конец, кото-

рый касался Якутска: «Указ ея величества императрицы и самодержицы всероссийской... из ылымской земской канцелярии объявляется во всенародное известие. Для того: сего 725 году июля 13 дня в присланном из Ыркутской правинцыи из земской канторы в Ылимск в земскую канцелярию указе написано: сего 725 году майя 12 дня прислан в Ыркутскую правинцыю ис тобольской земской канторы чрез ундер-афицера тобольского гварнизона Насилья Попова указ, каков ему, Попову, из оной же тобольской земской канторы дан, которым указом велено в Ыркуцкой правинцыи в городах и в дистриктах в народ публиковать при фискале, чтобы всякого чина люди подавали ему, ундер-афицеру, доношения на земских камисаров и на других зборщиков в ызлишних зборех сверх указов, також и во взятках. И ежели де кто будет на каких зборщиков подавать в зборех и во взятках доношения — и о том велено следовать в Ыркуцкой правинцыи воеводам и камерирам при оном ундер-афицере безо всякого фальшу и послабления. И в том следствии велено ему, Попову, смотреть накрепко. А что по следствию учинено будет, о том велено писать в Тоболеск немедленно. И те подлинные следствия за своими руками прислать в тобольскую земскую кантору для отсылки в государственную камор-коллегию за крепким караулом с вышепомянутым ундер-афицером».

Первая половина документа даѐт хороший образец канцелярского языка 20-х годов XVIII столетия. По существу же такого призыва к народу, следует заметить, что всякая жалоба грозила завлечь челобитчика на допрос в Иркутск, а там может быть и в Тобольск, и даже не исключалась возможность отсылки его под крепким караулом в Петербург.

Таковы изменения в системе воеводского управления и таковы меры правительства по его улучшению, предпринятые в конце первой четверти XVIII века.

Стремление Петра I упорядочить административный аппарат и усилить контроль над ним не могло уничтожить лихоимства и произвола, свойственного дворянско-крепостнической империи.

ПРИКАЗЧИКИ

Порядок первоначального воеводского управления был в полном смысле слова единовластным — распоряжения шли только от воеводы. Все жители Илимского воеводства с жалобами и заявлениями обращались только к нему. Но воеводство было слишком обширным, а нужды слишком разнообразны и один распорядитель без помощников не мог бы справиться с делами. Поэтому воеводство делилось на волости или остроги и слободы «с присудствующими деревнями» (слово «присудствующими» скорее происходит от слова «присуд», чем от «присутствие»).

Во главе волости воевода ставил приказчика или приказного. В этой системе имелось несколько уклонений от правила; так как Верхняя Илимская волость управлялась из Илимска, там не было приказчиков; в Ново-Удинской слободе с приписанными к ней двумя деревнями управлял так называемый слободчик, ничем по существу не отличавшийся от приказчика; ввиду большой близости Верхней Киренской и Криволуцкой волостей туда назначался обычно один общий приказчик.

Права и обязанности приказчика острога или слободы сильно отличались от прав и обязанностей приказчиков в помещичьих усадьбах коренной Руси. Приказчик воеводства не вмешивался в производственную жизнь крестьянина, который здесь вовсе не знал барина, барщины и барского приказчика.

В Илимском воеводстве приказчику волости или острога передоверялась часть административных функций, приѐм челобитных, выполнение «приговоров» воеводы; он был ответственен за сбор хлеба и денег с крестьян, за отправку хлеба в якутский «отпуск».

Назначался приказчик «по указу великого государя и по илимской наказной памяти», т. е. письменным распоряжением воеводы, как сам воевода назначался Сибирским приказом.

В наказной памяти подробно излагался порядок вступления в должность и очерчивался круг обязанностей приказчика. Полный текст одной из таких наказных памятей приведѐн ниже:

«Лета от Рождества Христова 1702-го августа в 30 день. По указу великого государя (полный титул царя) воевода Федор Родионович Качанов велел быть в Ылимском уезде в Ылгинской слободе у пашенных крестьян и у всяких чинов людей для росправных всяких дел до указу великого государя на приказе служилому человеку Василью Караулову меньшому, на перемену прежняго приказщика, на Федорове место Рупышева. А приехав тебе, Василью, из Ылымска в Ылгинскую слободу, ево, Федора, переменить и принять у него Илгинской острожек и судную избу со всяким строением и наказные статьи (распоряжения из Илимска) за рукою воеводы Федора Родионовича Качанова в целости, и розыскные, пошлинные всякие дела и приводные и изветные записи. И государские житницы, а в них осталой государской хлеб. И тяглых пашенных крестьян и бобылей и захребетников и старого и нового строения (т. е. устроения) всех налицо, и хто что по окладу пашет десятинные пашни и бобыли и захребетники оброчного отсыпного хлеба платят. А приняв, во всем в том с ним росписатца имянно и с тем росписным списком и с книгами и с пошлинными и с явчими деньгами выслать ево, Федора, за поруками в Ылымской. И росписной список и книги велеть ему подать и про то писать в приказную избу к воеводе Федору Родионовичу Качанову. И будучи тебе, Василью, в той Илгинской слободе на приказе, тех наказных статей в тетратех вычитать почасту. И против тех статей о

досмотре их, крестьян, в пашенном строении и в пахоте и в хлебном посеве и о росправе всяких дел памятовать, учинить все неотложно и быть во всем опасну. А в оплошку себе отнюдь не ставить, опроче хлебного выделу и молотьбы, потому что по указу великого государя и по грамоте и по общему крестьянскому челобитью велено за десятинную всей Илгинской слободы пашню имать на них, пашенных крестьянех, оброчный отсыпной хлеб. А наипаче всего о государской десятинной пашне [радеть] и бобылей и захребетников и шатунов в пашенное тягло и в оброк вновь приискать со всяким чистосердием, и за то б твое радение и прибыль государскую милость и жалованье себе восприяти. И к ним, крестьяном, и ко всяким тамошним жителям и к приезжим и к пришлым ко всяким чином добрым людем держать всякой привет и милость и береженье казати и росправу меж ими всякую чинить по самой правде, беспосульно и безволокитно. А вором отнюдь не потакати и от всякого воровства и кражи и дурна их унимати и ни в чем им не потакати. И о всем тебе чинить по наказным статьям, каковы ты примешь у него, Федора Рупышева. А буде ты против тех наказных статей о государском деле памятовать и радеть не учнешь и к пашенным крестьяном и к приезжим людем для своих взяток налоги и обиды и приметки напрасные учнешь чинить или пашенных крестьян с ясашными иноземцы в чем ссоришь или своим нерадением и недосмотром над крестьяны в государской десятинной пашне учнетца недопашка и государеву хлебу какая гибель и истеря, и за то тебе по указом великого государя быть в жестоком наказании, как о том написано в наказных статьях имянно. Воевода Федор Качанов. Писал Каземка Завьялов. Печатные пошлины против указу с Василья Караулова взяты. Приезд в Ылгинскую Знаменскую слободу Василья Караулова меньшева (срок) сентября в 15 день» (Россыпь, № 14, св. 2).

Большинство наказных памятей не столь подробно, как только что приведѐнная. В других особое внимание обращается на порядок приѐма волости или на иные вопросы, почему-либо приобретавшие важное значение. В частности, в наказе Василью Караулову записано, что вследствие перевода крестьян на отсыпной хлеб, с приказчиков снимается ответственность за выдел **и** обмолот хлеба на государевой пашне, но зато повышается ответственность за «недопашку». С этого времени одной из главных обязанностей приказчика становится полный сбор отсыпного хлеба с крестьян.

Получив наказ, приказчик отправлялся в назначенную волость, где принимал все дела и государственное имущество. При этом обязательно составлялась передаточная ведомость за подписями старого и нового приказчика, которая прилагалась при отписке (теперь сказали бы — при рапорте) нового приказчика о вступлении в управление волостью. Иногда эти ведомости были

очень краткими, а часто — очень подробными, в 10 и более страниц.

Приказчики в XVII и в начале XVIII века назначались из состава служилых людей, в первую очередь из детей боярских, сотников, пятидесятников и десятников казачьих или из рядовых казаков. Список их ограничивался небольшим кругом лиц, твѐрдо знавших порядок управления и умевших вершить дела. Но бывали случаи назначения приказчиков и из других слоѐв населения, например из обротчиков, переходивших на службу. Приказчики в 1721 году, в связи с учреждением должности земского комиссара были переименованы в подчинѐнных комиссаров. К старому названию вернулись в 1727 году.

Вследствие гибели ранних документов Илимского воеводства, не представляется возможным проследить за сменой приказчиков в XVII столетии. Это можно сделать с большой подробностью лишь начиная с 1700 года. С этого времени и по 1725 год сменилось 105 приказчиков. Из них 55 человек служили по 1 году, 30 человек по 2-3 года, 8 человек по 4-5 лет, 6 человек по 6-7 лет, 3 человека но 8-9 лет и 3 человека свыше 10 лет. Реже сменялись приказчики в 1700-1717 годах, так как выбор их ограничивался илимскими служилыми людьми, но начиная с 1718 года, когда Илимск стал подчиняться Якутску, а с 1720 года — Иркутску, в волости направляются новые лица из числа якутских и иркутских служилых людей. 50 приказчиков, управлявших волостями с 1700 до 1717 года, прослужили в общей сложности 193 года, т. е. по 3 года 10 месяцев в среднем. Следующие 55 человек пробыли «на приказе» 74 года или в среднем по 1 году 4 месяца. Значит, в последнем периоде смена совершалась почти в три раза чаще, чем в 1700-1717 годах.

Многие служилые люди в начале XVIII века как бы специализировались в должности приказчика.

Аверкий Шипицын был в 1700-1703 годах приказчиком Ново-Удинской слободы, в 1710, 1711, 1716 и 1719 годах приказчиком Яндинского острога, затем в 1721 году вновь в Ново-Удинской слободе. Яков Сенотрусов с 1702 по 1721 год пробыл на приказе, не считая перерывов, 13 лет, пока не был отставлен по просьбе крестьян. Сын его, Андрей, с 1704 по 1718 год был в течение 7 лет приказчиком 4 волостей. Другой сын, Василий, являлся подчинѐнным комиссаром Киренской и Криволуцкой волостей в 1723 году. Михаил Мишарин пробыл приказчиком 14 лет, начиная с 1704 года по 1721 год, сменив 7 волостей. В Киренской и Чечуйской волостях он «сидел» по 4 года. Его сын Афанасий был подчинѐнным комиссаром в Яндинском остроге в 1722 году. Пѐтр Березовский с 1708 по 1721 год был приказчиком в течение 11 лет, из них 3 года в Тутурской, 7 лет в Киренской и одновременно в Криволуцкой и один год в Братской волостях. Затем он был подьячим и переведен на работу в Иркутск. Его сыновья Андрей, Степан и Василий тоже были слу-

жилыми людьми и некоторое время «сидели на приказе». Из других лиц, в течение нескольких лет управлявших волостями, можно назвать Василия Воронецкого (8 лет), Степана Лисовского (5 лет в Братском остроге), Ивана Роспутина (7 лет), Герасима Учюжникова (7 лет), Михаила Дунаева (8 лет), Михаила Шангина (6 лет), Петра Завьялова (5 лет). Их имена часто встречаются в настоящей работе.

Длительное пребывание приказчика имело положительное значение в смысле большей ответственности его за ведение дел. Но это же во многих случаях приводило к особо утонченным способам обирательства крестьян.

Однако и обновление состава приказчиков из числа якутских и иркутских служилых людей и переход к ежегодной их смене не улучшили дела. Приезжавшие из других городов приказчики обычно не задерживались в Илимском воеводстве, рассматривали свою службу здесь как временную и старались извлечь больше выгод из своего служебного положения. Поэтому и последующие годы сильно увеличивается число жалоб крестьян на приказчиков.

Бывали случаи смены приказчиков по просьбам крестьян. Выборный мирской челобитчик Илгинской Знаменской слободы пашенный крестьянин Семѐн Басов в июле 1721 года доносил от имени названной волости: «С прошлого 710-го году по нынешней 721 год всего, опроче других прикащиков, в 7 лет, будучи у нас... десятник казачьей Яков Сенотрусов на приказе, учинил он нам... в те годы... в государевых денежных и хлебных поборах великие переборы и многих из нас держал на правеже и брал с нас себе поминки и бил безвинно и бес пощады своими руками напрасно». Басов указывает, что Сенотрусов с бобыльских дворов брал поборы себе, «а в зборные книги не записывал», кортомные деньги (арендную плату) за сенные покосы с трѐх бежавших крестьян взял себе. Созывал крестьян из дальних деревень и держал по неделе и дней по десяти. Если бывало челобитье, то он «с правого и виноватого только опивал вином и брал себе поминки». За рекрутов вымогал деньгами и хлебом «с кого сколько мог смучить». Часто отписей не давал. В нынешнем, т. е. в 1721 году, откупил он в Илгинской Знаменской слободе и на усть Илги квасной и пивной промысел и «держит нас, чтоб мы пили, многие дни». В заключение крестьяне просят сменить Сенотрусова (арх. № 130, св. 14, лл. 12-13).

Яков Сенотрусов был одним из старых приказчиков Илимского воеводства, его имя встречается с 1702 года, когда он управлял Бирюльской волостью. В 1704-1706 годах он был приказчиком Криволуцкой и Верхне-Киренской волостей, в 1708-1711, 1713-1715, 1718 и 1721 годах приказчиком Илгиского острога. За 13 лет опыта управления волостями Сенотрусов постиг все пути, ведущие к личному обогащению за счѐт крестьян. Всѐ сходило безнаказанно, он потерял чувство безопасности и,

наконец, вызвал противодействие крестьян, столь терпеливо сносивших его дела в течение ряда лет.

С тех пор Яков Сенотрусов уже никогда не назначался приказчиком в волости. Едва ли не самой главной причиной его смены явился пивной откуп, не совместимый по тогдашним правилам с служебной деятельностью.

Причины большинства перемещений приказчиков остаются неизвестными; обычно смена производилась в конце года, т. е. осенью, в силу установившейся традиции. Сменялись и досрочно, за провинности.

Вот как произошла, например, смена другого приказчика Илгинского острога. Дело началось со следующего документа: «Господин Филип Михайлович (Антипин, воевода), здравие твое да сохранит господь бог в державе крепости своей. Илгинской хлебный приемщик Яков Протасов — кланяюся. Во известие, милостивейшей, буди преж сего: строивали на усть Илге для сплавки хлебных запасов в Якуцк три барки. А ныне строитца две барки, а третью барку приказщик Иван Блохин отставил. И вышеписанных хлебных запасов в Якуцк плавить будет не на чем. А ежели на две барки грузить чрез меру и в плавеже будет какое замедление, и мне бы для того не быть в каком истязании. Також и хлебные государевы анбары стоят без крышки, наметаны соломою, и хлебные запасы в анбарах мокнут» (арх. № 123, св. 13, л. 134).

Итак, на приказчика поступил донос. Далее в этом документе сообщается, что и купленный хлеб в Якутский острог не отправляется.

На обороте этого письма воевода (очень малограмотно) написал: «Послать в Ылгинской острог на перемену Ивану Блохину доброго человека. И ево Блохина в чепь оковать, прислать за противность для ответстванья (вероятно «для ответствования») в Ылым[ск]. А хлеп покупной всеконечно, как возможно, веть (велеть?) отправлять весь в якуцкой отпуск».

20 апреля 1720 года с наказом в Илгинский острог уже ехал другой приказчик, Иван Корелин, а 30 апреля состоялась на месте передача дел. В передаточном документе не упоминается, был ли Блохин окован, но среди казѐнного имущества многозначительно указана «чепь железная ради колодников». Впрочем Корелин был вскоре сменен Я. Сенотрусовым. А последний, как излагалось, был отставлен по челобитью крестьян.

В помощь приказчику давался писец, «пищик», так как сам представитель государственной власти в обширной волости — приказчик — часто был неграмотен. По одному делу можно проследить, как подписывал документы илимский сын боярский Василий Воронецкий. «По его велению» Василий Новиков руку приложил к 6 документам, Степан Суриков — к шести, Михаил Кырнаев — к трѐм, по одному разу расписались ещѐ двое.

Приказчики по указу 1681 года за время нахождения «на приказе» снимались с хлебного и денежного жалованья. Таким

образом, приказчик содержался вне общего бюджета за счѐт сборов с крестьян. Очевидно, эта должность была выгодной, потому что воеводы иногда в виде меры взыскания угрожали досрочно снять приказчика с приказа. Косвенным доказательством высоких доходов этих служилых людей является лѐгкость, с какой они уплачивали штрафы.

Например, 1 июля 1726 года воевода (земский комиссар) Татаринов послал по острогам и слободам нарочного посыльщика «на их, подчиненных камисарех, коштех» доправить штраф за задержку отчѐтности «по 5 рублев на человека без всякого милосердия и послабления и отговорок». Несколько ранее один из приказчиков отказался отдать штраф посланному воеводою лицу. Тогда воевода приказал взыскать вдвое. Штраф с Ивана Буторина, первоначально определѐнный в 10 рублей, возрос до 20 рублей. Посланный Семѐн Воинов сообщил, что Буторин 10 рублей отдал, а ещѐ 10 отказался, ибо «против братии будет вчетверо». Резолюция Татаринова оказалась спокойной: «деньги принять».

Можно отметить, что жалованье служилым людям обычно составляло 5 рублей в год. Откуда приказчик мог взять на уплату штрафа значительную по тому времени сумму в 10 рублей? Конечно, только с крестьян.

То, что приказчики весьма ценили доходное место на приказе, может быть подтверждено и другим фактом.

27 сентября 1706 года в Яндинский острог поехал новый приказной Михайло Дунаев с обычной наказной памятью «на перемену» Герасиму Учюжникову. Учюжников некогда был популярен среди жителей Илимска. Он был выбран ими в помощь Качину при удалении Челищева с поста воеводы. В наказной памяти Дунаеву, как всегда были даны указания о порядке приѐма острога. В ней предписывалось принять «Яндинской острожек и судную избу и прикащичей двор со всяким строением и наказные статьи (т. е. дела с указами) и окладные книги тяглым крестьяном и обротчиком и беломестным казаком. И розыскные всякие дела и илимские указные памяти прошлых годов и нынешнего 706-го году. И государевы житницы и в них осталой государев хлеб, и что за откуп взято с удинские квасные у откупщика, у Микифора Кырнаева, перемеря в казенную осмину. И порох и свинец, перевеся. И крестьянской завод — сошники и серпы и топорные обушники и обломки (остатки «подмоги», которая в это время уже не выдавалась). И пошлинные и явчие и хоженые деньги, и тем деньгам приходные книги за ево, Герасимовой, рукою, а с тяглых крестьян и обротчиков по окладным книгам, пересмотря все налицо». При этом подчѐркивалось, что «у промеру хлеба» должны присутствовать свидетели — беломестные казаки, как лица по существу независимые от приказчика. В приѐме перечисленных дел и имущества велено расписаться.

До сих пор всѐ шло по обычному порядку. Но, приехав в Яндиийский острог, Дунаев неожиданно встретился с исключительным явлением, о чѐм он писал так: «И против того великого государя указу и илимской указной памяти прежней прикащик Герасим Учюжников учинился ослушен и в государев прикащичей двор не пустил при многих людех. И всякие гордые слова в окошко из избы от себя говорил». Пришлось Дунаеву пристраиваться у крестьян, собирать «скаски» от свидетелей и писать в Илимск (письмо обозначено 13 октября 1706 года).

Неизвестно, как был усмирѐн взбунтовавшийся приказчик, но в феврале 1707 года Дунаев уже пишет из Яндинского острога отписки воеводе как приказчик.

Что заставило Учюжникова воспротивиться распоряжению воеводы? Скорее всего желание продлить выгодную службу.

Резиденция приказчика находилась в одном из крупных населѐнных мест, в остроге или слободе, всегда расположенных на реках, приблизительно в центре волости.

Приказчик и писчик занимались в особом доме, судной избе, которую с 20-х годов XVIII столетия называли приказной избой. Сам он жил в государевом, т. е. казѐнном, прикащичьем дворе. По приѐмо-сдаточным ведомостям можно подробно узнать, что это были за строения.

При передаче Орленской слободы по указной памяти от 30 декабря 1706 года приняты: «церковь божия», «прикащичей двор», 4 государевы житницы с хлебом (158½ четвертей), баня ветхая, «ерлышной бумаги полчетверта (т. е. 3½) листа», государева хлебная мера «полуосминная ветхая, а внутре обруч ломаной».

26 января 1709 года илимский «сын боярской Василей Васильев сын Воронецкой» сменил в Чечуйском остроге илимского «пятидесятника казачья» Андрея Баженова, причѐм были приняты: «острожек..., в остроге церковь божия. За острогом прикащичей двор, судная изба с сеньми и с анбаром, и сени покрыты новым тесом. А в судной избе коробья, да ящик прежних прикащиков со всякими государевыми и челобитчиковыми делами». Кроме того, приняты вне острога — государева мельница: «в анбаре одне жернова на ходу», значит, однопоставная. «Подле мельницы изба жилая с сенцы, в которой живут мельники», наконец, в разных деревнях волости — три государевы житницы.

По росписиому списку 1719 года в Усть-Кутском остроге имелось: «государева пороха по весу 10 фунтов и с местом; 6 мушкетов, в том числе 2 без замков; парус дощанишной в обшивинах, высота 7 сажен, поперег 37 полос; 10 напарей дощанишных и барошных; в дву лагунах смолы 10 ведр; 140 сажен варовых веревок и бичев в обрывках». Кроме того, было в 700-м году сбору пеньки, «с криволуцких и усть-кутских пашен-

ных крестьян на конопад к государевым баркам и дощаникам 39 пуд 8 фунтов». Видимо, приказчик покорыстовался, так как и парусе оказалось при сдаче 34 полосы, нехватило 3 полосы мерою по 7 сажен, итого 63 аршина.

При передаче в 1720 году там же приняты: острог, судная и изба, перед избой сени, «у сеней анбар жилой с железными петлями и пробоем. У избной двери крюки и петли железные». Кроме того: погреб с подпогребником, баня, 3 амбара, в том числе два в деревнях, осмина заорлѐная и 13 напарей, больших и малых.

Из этого перечня видно, что здесь, в Усть-Кутском остроге, приказчик много занимался устройством судов; в опись включены предметы, связанные с судоходством — напарья, смола, пенька, канаты, парус. Именно здесь делались барки, составлялись плоты, в Усолье ковались скобы.

Ещѐ более подробное перечисление государственного имущества даѐт опись Киренского острога, составленная 3 июля 1720 года при смене приказчика Ивана Корякина Григорием Курбатовым:

«Хоромного строения: изба поземая, где живут прикащики, с сеньми; в ней образ нерукотворный господь бога и Спаса нашего Исуса Христа. Поля, венец и гривна серебреные. У избы двои двери на крюках железных. От избы через сени горенка, на подвале. В ней 5 окошек колодных, в них 5 оконниц, слуденые, в том числе 3 оконницы шитухи, в том числе в двух окошках в ставнях две оконницы слуденые в железе, ветхие. И горенке печь кирпишная, у печи заслон железной. Дверь на крюках железных с пробои и с цепочкой и с крюком. Двор, а кругом того двора заплот ветхой и местом пало. Перед избою через малые сени анбар, другой анбар на подвале. Хлев скоцкой, строения Тараса Лапина. Приказную избу, где бывает росправа всяких чинов людем. Сукно настольное красное, ветхое, мерою поларшина. Под избою подвал ветхой, у подвальных дверей пробои железные. Против горенки анбар на отставке, построен для поклажи мяхкой рухляди. У дверей замок задорощетой, двоесторонной с ключом».

Далее идѐт перечень принятых дел прежних приказчиков 1705 по 1720 год. Дела сохранялись в волостях подчас с удивительной тщательностью. Приѐм их вѐлся по всем правилам, с детальным просмотром. Встречаются такие замечания, которые свидетельствуют об очень внимательном приѐме, вроде следующего: «Под именами (переписной книги) открыживано, одна строка выскребена, лис[т] вырван», а ведь дело касалось документа, составленного в 1710 году, т. е. за 10 лет до момента приѐма дел.

После этого следует перечень имущества, принятого за пределами острога: лодка — в ход и к починке негодна, набойная. «В Подкаменной (деревне) дошченик под берегом, ветхой — в х

не годен, 4 дощеника на плотбище на скамьях, не конопачены, без подтоварин, дощеник на мельнице против Чугуевской деревни на берегу, в ход не годен... В Кирекском остроге житницу з замком висячим и с пробои... На Змеинской — житницу, на Алексеевской — житницу, все без замков. Осмину да полосминья за орлом с обручами железными».

За перечнем имущества следуют разделы о принятых жителях: «да я ж принял киренских посацких людей и всякого чина жителей и нижнокиренских пашенных крестьян и хлебных обротчиков всех налицо, кроме беглых и умерших, которые в сем расписном (списке) писаны ниже сего». Отмечено, что бежали один посадский человек, два пашенных крестьянина и 15 хлебных обротчиков. «Да по переписным книгам переписки Кирила Сизова з дворового числа наличных принял 80 дворов, кроме пустых».

Необходимо заметить соотношение между числом бежавших пашенных крестьян и обротчиков и принять во внимание, что общее число пашенных крестьян всегда значительно, а иногда в несколько раз превышало количество обротчиков.

10 марта 1706 года Парфѐн Караулов, которому велено быть «в Ылимском уезде в Ылгинском острожке у пашенных крестьян и у всяких чинов людей для росправных всяких дел на приказе», сменял Ивана Роспутина. Следует обычный перечень имущества и построек: «острожек с башнею, а в нем церковь божия; судная изба поземая, а в ней решетка ради колодников, 5 окошков, в том числе одно красное, сени, анбар, под анбаром жилье, изба новую[1] в приказчичьем дворе, а в избе казенка, 7 окошков, в том числе 2 окошка красные, двери на железных крюках, новый анбар, под ним погреб с обрубом. У анбара одно окно красное, другое волоковое».

Приѐм этот важен в другом отношении, в нѐм подробнее, чем в других перечислены принятые дела. Перечень последних достаточно ярко говорит о круге дел, подведомственных приказчику. Дела сдавались не как попало, а в известной системе, по времени управления острогом тем или иным приказчиком: «Дела прошлых 207 и 208 годов, сидения прежняго илгинского прикащика Василея Воронецкого» (т. е. за 1699-1700 годы): 65 илимских указных памятей о разных делах, 27 челобитен, 2 выбора на пашенных крестьян (десятских?), 4 порушных записи; изветная записка (донос), отписка из слободы приказного Дмитрея Сюсина. Далее следуют дела «сидения» следующих приказчиков.

Невозможно привести всего списка дел, так как он составляет 8 страниц убористого письма. В нѐм имеется 207 указных памятей илимской приказной избы, 38 челобитен, 37 выборов крестьянских десятских, 5 порушных записей, 25 известных записок и челобитен, 11 докладов, 5 расписок, 39 сыскных и ро-

[1] Так в подлиннике.

зыскных дел, 3 переписи, 2 досмотра и дозора, 8 допросных сказок и речей, 2 окладных книги, 3 деловых росписи (завещания) и 6 прочих дел. Всего 391 дело. Дел было, вне сомнения, значительно больше, ибо многие из них, как поручные записи и большинство челобитных, пересылались в воеводскую приказную избу.

Таков был наиболее близкий к крестьянину правительственный чиновник — приказчик и таковы были его функции. Впослествии, в том же XVIII веке, когда дела умножились и воевода не мог справиться с массой обязанностей, приказчикам были переданы некоторые судебные и почти все следственные дела, а в крупных волостях — созданы особые должности подчинѐнных судебных комиссаров.

Из приведѐнных здесь ссылок явствует, что приказчик с семьѐй жил в особом государевом или приказчичьем дворе, сам земледелием не занимался, так как долго на приказе в одном остроге не задерживался и вершил все дела в судной избе.

Пашенные крестьяне Сибири отличались от помещичьих крестьян Руси сознанием некоторой личной свободы. Они часто жаловались всем миром, иногда даже «учинялись непослушны» властям, так что приказчик мог всегда встретить серьѐзное противодействие, с чем он, несомненно, считался. Это в какой то мере ослабляло произвол местных властей.

ВЫБОР ЦЕЛОВАЛЬНИКОВ И СБОРЩИКОВ

Высшей властью в воеводстве являлся воевода, высшей административной властью в волости — приказчик. У них были канцелярские служащие, у первого подьячие, занимавшиеся в приказной избе, у вторых — «пищики» (по одному на волость), справившие дела в судных избах.

Выполнение же таких работ, как сборы хлеба, денег, ясака, таможенных пошлин и продажа вина, табаку, соли возлагалось на выборных лиц. Вообще принцип выборности в Илимском воеводстве проводился широко. Дело обычно начиналось с предложения воеводы посадским людям избрать или переизбрать целовальников. Посадские за своим поручительством выдвигали известных им лиц. Составлялся документ, подписывался всеми присутствующими и представлялся воеводе или приказчику. Выборы осуществлялись не только в отношении должностных лиц на определѐнный срок, обыкновенно на год, но и на какой-нибудь случай. Например, лиц, посылавшихся в Москву за деньгами или покупать хлеб по особым, разовым, поручениям выбирали служилые люди.

Такой порядок ставил избранных лиц под некоторый контроль выборщиков, а главное давал возможность воеводе взыскивать с последних убытки, причинѐнные государству их представителями.

Кроме того, государство избавлялось от многих расходов, создав такой бесплатный контингент выборных казначеев, кладовщиков, сборщиков, оценщиков и тому подобное.

Нужно заметить, что выборность целовальников не имеет ничего общего с самоуправлением посадских. Выборные лица были не представителями выборщиков, а агентами воеводы. Поэтому выборы и избрание являлись не правом, а скорее повинностью. Целовальники за свою работу никакого вознаграждения не получали.

Принцип принудительной выборности был усвоен, видимо, с самого начала образования воеводства, так как уже в 1649 году на Ленском волоке находились таможенные целовальники, избиравшиеся в числе двух человек[1]. В пашенных книгах 1667 года, внизу, с 17 по 46 лист идѣт подпись: «к сей — вы-де-ль-ной — и — у-мо-ло-т-ной — кни-ге — жи-ть-ни-ч-ной — це-ло-ва-ль-ии-к — Ми-ро-шка — Иль»... (на 44 и 45 листах подпись утрачена), на 46 листе: «Мирошка Ильин руку приложил». Кто такой этот Мирошка, устанавливается легко, путѣм просмотра списка крестьян Усть-Киренской Верхней волости. Это был пашенный крестьянин с государевым тяглом в 1 дес. ржи и ½ дес. ярового.

Практика взимания с пашенных крестьян выдельного хлеба неизбежно вела к выбору крестьянских представителей, житничных целовальников.

Переход к отсыпному хлебу связан с заменой крестьянских житничных целовальников выборными от посадских или служилых людей. При переводе в 1707 году усть-кутских крестьян на отсыпной хлеб было указано: «И вместо выборных крестьянских целовальников велено быть у хлебного приѣму в целовальниках из служилых или ис посадцких людей» (арх. № 48, св. 4, лл. 15, 16 и 32).

Один выборный крестьянами Криволуцкой волости житничный целовальник просил разрешения у воеводы нанять вместо себя другого крестьянина: «В нынешнем 1703-м году по выбору своей братьи, криволуцких пашенных крестьян, выбран я в хлебные житничные целовальники, и — грех ради моих — скорбен я очною болезнию... Вели, государь, в свое место мне нанять и в подмогу тое ж Криволуцкой волости пашенного крестьянина Ивана Спиридонова». Подавший это челобитье Архип Скрыпин сам подписал заявление (Россыпь, № 17, св. 2, л. 74).

Выбор остальных целовальников производился по приглашению или напоминанию воеводы. Вот пример такого документа:

«Лета 1703-го года, генваря в 2 день. По указу великого государя память илимским посадским людем Дмитрею Рокитину

[1] Около Усть-Кутского острога контроль за урожаем на государевой пашне в 1646 году осуществлял целовальник Дѣмка Пахорук (Сибирский приказ. Столбец 274, л. 285).

(следует перечень 6 лиц) и всем илимским посадцким людем. В нынешнем в 1703-м году надобно в Ылимском в приказную избу великого государя к денежной и товарной и ясачной казне, и к приему и продаже соли в целовальники два человека, для того, что одному человеку у денег и товару и у мяхкой рухляди и у приема и продажи соли быть тягосно, и во множестве всякие великого государя казне одному усмотреть невозможно. И от того в прошлых годех на целовальников многие начеты бывали. А ныне у денежной и у ясачной казны в целовальниках служит по вашему выбору Иван Назаров, а к тому надобно выбрать в целовальники одного человека. И как к вам ся намять придет и вам бы к нынешнему 1703-му году в Ылимском, в приказную избу, к приему и к отдаче государевы товарные казны и соли и к пропаже пенных (взятых в пеню) животов в целовальники выбрать промеж себя из посацких людей одного человека доброго, кому бы в той великого государя казне мочно верить. А выбрав написать на него выбор, и тот выбор за своими руками подать в Ылимском в приказной избе воеводе Федору Родионовичу Качанову. Такову подлинную память Ульян Осипов принял, по его велению илимской житель Прокопей Витецкий руку приложил» (Россыпь, № 20, св. 2, лл. 17 об.-18).

В октябре того же года воевода предлагает переизбрать 10 целовальников[1], в том числе двух в илимской приказной избе (упоминавшегося Назарова и Евсея Зырянова); по одному человеку: в илимской таможне, в Илимске на кружечном дворе к пивной продаже, в Усолье — к соляному приѐму и продаже, на Усть-Кутской заставе — в таможню; в Илгинском острожке — в таможню и к соляной продаже, в Бирюльской слободе — в таможню, в Яндинском острожке — в таможню, в Киренском острожке — к соляному приѐму и продаже.

В других наказах воевода советует выбирать «из лутчих людей... добрых и животом прожиточных и не пьяниц», а при выборе ясачных сборщиков: «добрых, буде возможно грамотных и не пьяниц».

Изредка о необходимости смены таможенных целовальников напоминал в челобитье таможенный и кабацкий голова.

Выбор 10 целовальников, о которых только что говорилось, можно найти в другом деле (арх. № 61, св. 5, лл. 25-27 об). «Выбор», т. е. по современному, протокол, начинается с указания — по какому поводу он совершается, затем перечисляются присутствующие посадские люди[2] и далее указывается, кто выбран. «А служить им выборным целовальникам у вышеписанных великого государя дел за нашим выбором; во всяких зборех ве-

[1] В 1695 г. по выбору служило в целовальниках 12 посадских, в 1697 г. — 7, в 1700 г. — 9, в т. ч. один был таможенным головой.

[2] Иногда упоминается 40-50 присутствующих, с указанием имени, отчества. фамилия и звания.

ликому государю радеть и прибыли искать и великого государя зборные казны не истерять и зборною великого государя казною не корыстоватца и над зборною великого государя казною никакие хитрости и порухи не учинить». Выбор заканчивается указанием, что за «истери» отвечают и выборщики, затем следуют подписи. Для всякого случая указывается, кто писал выбор (так сказать, секретарь собрания).

Выбранным целовальникам или ясашным сборщикам или посыльщикам воевода давал обычно обстоятельный наказ — что надлежит делать и как вести себя. Выбранные были подотчѐтны только воеводе.

С открытием в Илимске винокуренного завода появились целовальники и там. Воевода предписывает им «над винокурными и работными людьми смотреть, чтоб они вина не пили и не крали и не корыстовались». Кроме того, целовальники были обязаны смотреть за винокуренными хлебными приѐмщиками, принимали б хлеб у казѐнных целовальников «с роспискою», далее, смотреть за солодовщиком, за бочкерѐм. Наблюдать, чтоб посуду чистили, чтоб вино сдавалось под расписки, а дрова принимались оговорѐнного в соглашении с подрядчиками размера (арх. № 98, св. 10, л. 157).

Н.Н. Оглоблин на стр. 225 части 1-й своего труда «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» говорит о целовальниках следующее: «Как известно, с конца XVII века появляются в Сибирских городах «выборные казѐнные целовальники», избиравшиеся посадскими людьми главным образом из своей же среды (иногда из служилых людей) и назначавшиеся для ведения всех операций по хранению, приходу и расходу денежной, товарной, хлебной, ясачной и прочей «государевой казны», под руководством и контролем воевод. Это крайне симпатичное и целесообразное привлечение общественных элементов к контролю над государевой казной было вызвано, очевидно, массой злоупотреблений прежних непосредственных хранителей казны — воевод и подьячих съезжих, приказных изб и палат».

По этой выдержке можно сделать следующие замечания:

1. Выборные целовальники появились не с конца XVII, а с начала XVII века и ранее; в частности на Илиме они были ещѐ до создания Илимского воеводства.

2. Выражение «казенные целовальники» относилось не ко всем целовальникам, а только к тем из них, которые ведали казной, безразлично — денежной или товарной. Лица, ведавшие хлебными запасами, назывались житничными целовальниками, солью — соляными, вином, табаком и таможенными сборами — таможенными целовальниками. Последних Оглоблин опустил, а они были важнейшими представителями института целовальников. Глава их в воеводстве назывался таможенным и кабацким головой.

3. Выборов целовальников посадскими из служилых людей никогда не бывало. Выборы служилых людей на какие-нибудь

должности или для выполнения отдельных поручений производились самими служилыми людьми.

4. Воеводы и их подьячие никогда не являлись хранителями государевых ценностей, значит, появление целовальников не могло быть обусловлено злоупотреблениями на этой почве «прежних непосредственных хранителей казны — воевод и подьячих». Например, учитывая в 1660 году воеводу Бунакова, новый воевода Вындомский обнаружил недостачу 889 пудов 10 гривенок муки ржаной и 174 пудов 25 гривенок ржи и ячменя. Но недостача не была взыскана с Бунакова, потому, что «те, твои, великого государя, начетные хлебные запасы... были у волостных выборных житничных целовальников и у служилых людей» Когда Гагарин учитывал воеводу Зубова, то обнаружил недостачу 51¾ четверти хлеба. «И те хлебные запасы по книгам и по «ему счетному списку в начет на стольника и воеводу, на Ивана Зубова, не написаны, потому что были те хлебные запасы у илимских служилых людей и волостных житничных целовальников и возьмутца те доимочные хлебные запасы мимо воеводы Ивана Зубова на служилых людех и на... целовальниках во 180 и во 181 годех»[2].

Нет сомнения, что изъятие из функций воевод и подьячих обязанностей по хранению ценностей уменьшало возможности злоупотреблений.

5. Съезжие, приказные избы и палаты — это различные названия для одного и того же учреждения, именно для воеводской канцелярии, принятые в разное время, причѐм название «приказная палата» было введено чуть ли не через столетие после прихода русских в Восточную Сибирь, в 1717 году, когда давным-давно действовал институт целовальников.

Пожалуй, наиболее заметное изменение в институте целовальников заключалось в замене крестьянских житничных целовальников целовальниками из посадских и служилых людей.

Введение денежных сборов требовало работы многочисленных сборщиков. Правительство нашло выход не в учреждении новых казѐнных должностей, а в создании особого института выборных крестьянских сборщиков или окладчиков. В 1716 году было велено крестьянам «обложитца самим. И выбрать всем ввопче с совету окладчиков и привесть их к вере, чтоб они, окладчики, оклад учинили по семьям и по пожитком по самой правде» (Россыпь, № 36, св. 4). Но повсеместное распространение такие окладчики-сборщики получили в Илимском воеводстве лишь с 1721 года. На волость выбиралось по 2 сборщика «из лутчих людей, не воров и не бражников, людей добрых и прожиточных». Эти выборные лица раскладывали налоги по дворам, затем собирали их и сдавали в Илимск вместе с отчѐтом.

[1] Сибирский приказ. Столбец 586, часть 1, лл. 209-213, впрочем нумерация перепутана.

[2] Сибирский приказ. Книга 691, лл. 193 об.-197.

ПОРЯДОК ПРОХОЖДЕНИЯ ДЕЛ

Централизация управления в руках воеводы неизбежно привела к весьма развитому делопроизводству и к системе строгой документации всех дел приказной избы. По этим документам новый воевода мог с большой точностью учесть своего предшественника и расписаться с ним в приѐме и сдаче дел. По этим документам можно было обревизовать деятельность любого служилого человека, проследить за движением ценностей или установить контроль за выполнением обязанностей каждым крестьянином.

Бывали случаи, когда проверка деятельности давно сдавших дела лиц, в связи с возникшими у руководителей воеводства подозрениями, производилась вновь за много лет. Например, по каким-то причинам было решено проверить соляных целовальников. Для этой цели были вытребованы соляные книги и все относящиеся к ним документы за время с 1705 по 1734 год! К проверке было привлечено 16 илимских, 21 усольских целовальников и 8 усольских приказчиков, касавшихся к соляным делам за это время.

Целесообразно показать с необходимой подробностью, как действовала система документации в Илимском воеводстве. Рассмотрим для примера отвод земли пашенному крестьянину.

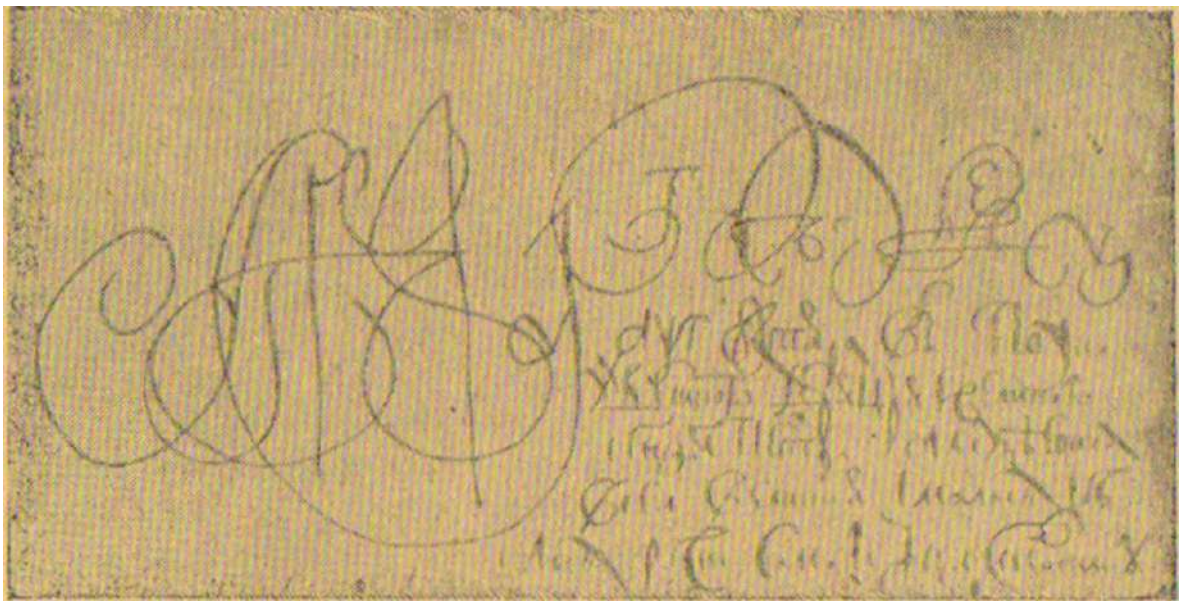


Фото 9. Образец начала грамоты. Первая строка читается так: „Лета 1703-го, октября в... день. По указу..."

Земля считалась государевой. Никто не имел права пахать еѐ бесплатно; каждый, получающий право пахать землю или косить на ней сено, должен был или платить в казну хлебом или служить с пашни. Значит, нужно было иметь документ, удостоверяющий право пользователя.

Каждое дело о наделении землей обязательно начиналось с заявления — челобитной. Челобитная представляла краткий документ, излагающий суть просьбы, например: 1) Крестьянин или гулящий человек, или обротчик такой-то «обыскал» новую заложную землю, которая «ни у кого не в отводе и не в отдаче», следовательно, — пустая, «порозжая». Челобитчик просит дать эту землю ему за такой-то оброк или за такое-то количество отсыпного хлеба. Иногда в челобитной указываются границы или местонахождение этой новой земли. 2) Обротчик, гулящий или крестьянский сын заявляет, что он «ни в какой чин не приверстан», а есть у таких-то крестьян лишняя пашня и он просит отдать эту землю ему. 3) Сын крестьянский сообщает, что умер отец, пахавший там-то столько-то государевой пашни за такой- то размер платежа. Просит велеть — быть ему в отцовском тягле. 4) Престарелый пашенный крестьянин просит на его место поверстать сына или сыновей. Если у престарелого челобитчика детей не было, то он просил разрешения передать тягло какому-нибудь лицу, обычно обротчику, гулящему, промышленному человеку или крестьянскому сыну; в этом случае лицо, принимающее землю от ослабевшего крестьянина, подписывается вместе с подателем челобитной.

Таких челобитных сохранилось в илимских делах несколько тысяч. Берѐм наудачу челобитную пашенного крестьянина Нижне-Илимской слободы Кирила Кирилова сына Ступина, помеченную 20 февраля 1706 года: «...пахал я десятинные пашни ½ десятины ржаные, ярового тож, а ныне я престарел и одряхлел и робить не могу». Просит переложить тягло на непривѐрстанных женатых сыновей: «Микиту, Афонасия и Леонтея». Но один из сыновей, Афанасий, не довольствуется достающейся ему долей отцовской пашни, так как «той тяглою землею малым числом з женою и з детьми кормится мне нечем», поэтому он просит дать ему дополнительно участок из «порозжей» земли, за что будет платить оброк. Одновременно второй сын Леонтий просит дополнительной земли из лишних площадей других крестьян: «а есть у суседей моих, у нижно-илимских пашенных крестьян, у Павла Бубнова, у Офонасея Усова, порозжая непашенная земля по Илиму реке, вниз пловучи, на левой стороне, снизу от летнего зъему от дороги, которою с лугу на бор подымаются. И от пашенной земли Афонасея Усова вверх до межи, до Сухова ручья и по нижную сторону Сухого (орфография подлинника) ручья неразпаханной лужок и сенной покос и береговая веретея для розчистки под пашню; и по Сухому ручью вверх для розчистки ж лесную поросль под сенной покос. И та земля лежит впусте». Эту землю сын Ступина просит отдать за оброк по четверти с четвериком ржи на год, начиная с 1707-го года. Челобитная заканчивается ещѐ одним правовым условием, опущение которого влекло бы дополнительные обязанности: «А ямщины б мне с той

оброчной земли не платить и подвод не гонять и зделей не делать».

Итак, налицо сложная челобитная отца и двух сыновей. Тягло отца передаѐтся детям вместе с лежащими на нѐм точно определѐнными обязанностями крестьянина к государству и миру — платѐж отсыпного хлеба и выполнение мирских «потуг». Дополнительная земля, о которой просят дети Ступина, как «залишечная», свободна от обязательств по отношению к миру и плата за неѐ выражается в особой форме — в виде оброка, размер которого зависит от соглашения сторон, т. е. крестьянина и государства. Величина отсыпного хлеба является для каждой волости совершенно определѐнной, например, за десятину тягла 8 четей ржи, а величина оброка зависит не только от размера, но и от доходности участка и поэтому устанавливается соглашением.

Челобитные подобного рода писались чаще всего площадным подьячим за определѐнную государством плату. За право письма этот подьячий платил денежный годовой оброк, иногда определявшийся путѐм торга. Но писали челобитья и подьячие приказной избы или писчики судной, т. е. волостной избы.

Челобитная подавалась лично воеводе или приказчику волости, последний пересылал еѐ в Илимск под отпиской, т. е. с сопроводительным письмом; впрочем последнее соблюдалось не всегда. Челобитная обычно пересылалась с попутчиком.

Получив заявление воевода разбирался в нѐм по существу. Если дело оказывалось ясным, то в день его поступления воевода ставил на нѐм помету, т. е. клал резолюцию: «Выписать». Это означало, что хлебный стол воеводской приказной избы должен дать все имеющиеся в Илимске справки, относящиеся к данному делу. Но часто оказывалось невозможным решить дело на основании одного заявления. Могло случиться, что на один и тот же участок земли имелось два просителя; или не было уверенности, что просимая земля действительно «порожжая»; или воеводе могло показаться, что величина оброчного платежа, о котором написано челобитчиком, не отвечает ценности земли. Тогда воевода делал помету: «Дозрить», т. е. осмотреть участок земли.

Если дело могло обойтись без осмотра участка, как в случае передачи тягла отца своему сыну, и воевода пометил: «выписать», то приказная изба производила выписи из архива. Они делались на самой челобитной ниже пометы воеводы, а если нехватало места, то продолжались на дополнительных листах. Справки могли быть краткими, на полстраницы, иногда же очень подробными, на 10-20 страницах, в зависимости от сложности дела и наличия материалов в приказной избе. Если необходимых сведений приказная изба дать не могла, то писалось, что таких- то дел нет и «справится не по чему».

В частности, по челобитью Ступина приказная изба дала следующую справку: по переписной книге 207-го, т. е. 1699 года

в Нижне-Илимской слободе вниз по Илиму на правой стороне на лугу находится Большая деревня, в ней 8 дворов, в том числе двор Ступина. Ступин снял в 195-м (1687) году с Осея и Лариона Жмуровых их тягло. Далее описываются межи просимого участка, упоминается Ушамский луг, Красный Яр и указываются межевые знаки: «...до заграненой лиственицы, а на той лиственице затесы по обе стороны...; до заграненой сосны, на той сосне на обоих сторонах грани». Таким образом илимская приказная изба могла по этому делу дать справки о праве владения землѐй, сославшись на документы, составленные 7-10 лет назад и точно описала грани земельного участка, упоминавшегося в челобитной.

Такие справки иногда восходят за 10-20 лет и подчас поражают обстоятельностью и точностью. Выписки подписывались лицом, их составившим, например: «Справил Андрей Березовской», «Справил Яков Стрюков».

Видимо, эти выписки читались воеводе. Он тут же выносил приговор, который записывался вслед за справкой. Если места нехватало, прибавлялся лист. Всѐ дело получало таким образом вид одного документа, в котором сосредоточивались все стадии разрешения вопроса.

По приведѐнному челобитью воевода, «слушая сей выписки, приговорил»: отца Ступина из книг выписать, тягло переложить на детей, по ⅛ десятине на каждого, просимые «порозжие земли досмотреть» и послать в Тушамскую слободу приказчику Степану Воронецкому память, т. е. указание о досмотре этих земель, для чего ему надлежало взять четырѐх пашенных крестьян в качестве понятых.

Как видно, воевода не поверил сыновьям Ступина, что земли, которые они просили дать им за оброк, были свободными. Значит, пока дело было решено наполовину: воевода согласился перечислить тягло старика на его детей, но не решил вопроса о передаче «порозжих» земель.

Следующий шаг, ведущий к завершению дела, — память приказчику или служилому человеку, если приказчик мог оказаться (заинтересованным лицом в решении вопроса. Память представляет инструкцию, иногда очень подробную, но обычно на 2-3 страницах. В ней излагается кратко всѐ дело: тогда-то подана челобитная, о том-то; по помете воеводы выписано то-то; по приговору воеводы надлежит выполнить то-то, срок такой-то. Получив память, приказчик или служилый человек приглашает понятых, пашенных крестьян, не заинтересованных в решении спора в пользу одной из сторон. Если в данной деревне все крестьяне заинтересованы в решении в пользу одной из сторон, так что нет уверенности в беспристрастности их мнения, приказчик приглашает крестьян соседней деревни. Все эти лица в сопровождении сторон едут на поля и на месте выясняют всѐ необходимое.

Допустим, что требуется проверить, нет ли «залишечных» земель и сенных покосов; в этом случае может быть сделан обмер земель или же произведена глазомерная оценка, если, конечно, некоторая неточность еѐ не затруднит решения данного вопроса. В присутствии же понятых производится опрос крестьян, на земли которых претендует челобитчик, согласны ли они поступиться излишними землями. Результаты осмотра записываются в особый документ, так называемый — «доезд». В нѐм указывается, кто, когда и но чьему поручению производил осмотр, оценку или обмер земли, кто был допрошен и что показал. К доезду прикладывали руки все участники его. За неграмотных «по их велению» расписывался кто-нибудь из грамотных крестьян, гулящих, посадских или низшие церковники — дьячки, пономари. Не было принято, чтобы за неграмотных крестьян расписывались служилые люди и вообще заинтересованные лица. Если крестьянин, за которого расписался по его просьбе другой человек, отрицал, что просил приложить руку, то назначалось следствие. Вызывался тот, кто подписывал, производился допрос обоих, устраивались очные ставки, вызывались свидетели. За ложные показания били «батоги», т. е. батогами.

Доезд представлялся под отпиской приказчика воеводе, который опять его «слушал» и выносил новый приговор — удовлетворить челобитчика или отказать ему.

В том деле, которым иллюстрируется изложение хода дел, в результате опроса тушамских крестьян, выяснилось, что они не желают поступиться своими «залишечными», т. е. лишними против тягла или иначе говоря — против размера государевой пашни, землями и что они «наддали полосмины ржи». Вместо 1 четверти 1 четверика (9 пудов), как предлагал платить Леонтий Ступин, они соглашались платить 1¼ четверти и 1 четверик, т. е. 11 пудов ржи в год.

На основании этого воевода оставил их «залишечные» земли за ними и отказал Леонтию Ступину. Так как вместо одного двора теперь появилось два двора Ступиных, то воевода определил окончательно так: каждому сыну дать по полчетверти десятины, т. е. по ⅛ десятины отцовского тягла, с платежом хлеба в государеву казну: Миките 2 чети без полуосмины, да вновь прибавочного полосмины, всего 16 пудов ржи; Афонасею и Леонтью — две чети без полуосмины да прибавочного полторы осмины, всего 20 пудов (арх. № 74, св. 6, лл. 88-96). Всѐ дело заняло 16 страниц.

Решив окончательно возникшее дело, воевода оформляет это в виде приговора. На основании приговора воеводы приказная изба составляет память приказчику, как надлежит ему поступить: отвести землю челобитчику, брать отныне хлеб не с отца, а с сыновей, принимать дополнительный оброк с тушамских крестьян, согласно их заявления, собрать с новых дворов поручные записи.

Если «на пашню строится» новый крестьянин, в соответствии его челобитной, то на него берѐтся поручная запись, которая приказчиком пересылается в приказную избу.

Крестьянских поручных или порушных записей сохранилось очень много, несколько тысяч. Содержание их очень однообразно. Приводим полный текст одного из этих крестьянских документов:

«1706-го году майя в 22 день Криволуцкой слободы пашенный крестьянин Василей Яковлев сын Кулебакин да Нижно-Киренской слободы пашенный крестьянин Максим Ярофеев сын Хабаров да Верхо-Киренской слободы пашенный крестьянин Фирс Иванов сын Москвитин поручились есми (чаще — есмы, реже — есмя) в Усть-Киренскую в судную избу по Нижно-Киренских пашенных крестьянех — по Флоре Иванове сыне Москвитине да по Игнатье Максимове сыне Киселеве в том, что за нашею порукою им, Флору и Игнатью, на Балахонском лугу пахать великого государя десятинную пашню, полдесятины, что здал им, Флору и Игнатью, Федор Ощепков. И с той пашни великого государя окладной отсыпной хлеб платить против окладу и всякие мирские потуги платить же с 1707-го году и впредь по вся годы беспереводно с мирскими людьми. А из Нижно-Киренской слободы, з Балахонской деревни им, Флору и Игнатыо, никуда не сотти и не збежать. А буде они, Флор и Игнатей, без государева указу тое вышеписанной пашни полудесятины пахать не учнут или окладного отсыпного хлеба в государеву казну платить и всяких мирских потугов против тягла тянуть не станут или збежат — и против вышеписанного с той их пашни, с полудесятииы, вместо их, Флора и Игнатья, окладной отсыпной хлеб в государеву казну платить и всякие мирские потуги против тягла тянуть нам, порутчикам. В том и поручную сию дали. Поручную сию по велению Максима Хабарова, Василья Кулебакина, Фирса Москвитина писал в Усть-Киренском Осип Елисеев сын Чюпров.

Василей Яковлев сын Кулебакин ручался и руку приложил.

К сей поручной записи вместо Максима Хабарова, Фирса Иванова Москвитина, по их общему велению Никита Литвинов руку приложил» (арх. № 74, л. 478).

За письмо поручной по указу взята гривна, «да за излишной столбец, кроме настоящего, шесть денег взято».

Большинство других поручных записей написано менее подробно, иногда поручителем является одно лицо.

В другой поручной, написанной 12 июля 1707 года, в Ново-Удинской слободе, записано: «...быть ему в Ново-Удинской слободе в пашне, в четверте десятины ржаной и яровой и платить ему, Василью, за нашею порукою в государеву казну с той пашни с нынешнего 707-го году по 3 четверти ржи на год безоброчно.[1] И никуды ему ис той пашни не сотти и не збежать и той пашни впусте не покинуть и того тягла не постановить и зернью

[1] Обычно — «без доимки».

и карты не играть и никаким воровством не воровать и не пить и не бражничать. А буде он...» Последние условия о зерни, картах и вине в дальнейших годах не встречаются (то же дело, л. 295).

Поручители обязывались в случае бегства крестьянина нести его повинности по отношению к государству и миру. Часто писалось и так: «а буде он... из пашни... куды сойдет или збежит... и на нас порутчиках пеня. А пени—что великий государь укажет».

Лицу, вновь посаженному на пашню, выдавалась так называемая «даиая» или «владенной указ». Содержание «даной» представляет изложение всего дела наделения крестьянина землѐй, т. е. что он подал челобитную, что на ней были такие-то выписи и что был вынесен такой-то приговор воеводы.

«Даная» являлась бесспорным актом и с момента еѐ выдачи никто не имел права нарушать границ отвода. Часто эти границы обходились межевщиками, ставившими межевые знаки. Такие «даные» являлись доказательными документами в течение многих десятков лет.

Наиболее ранняя «даная», времѐн первого илимского воеводы Т. Шушерина, дошла до нас в копии (арх. № 260, св. 29, л. 67). Так как копия делалась спустя 100 лет, около 1765 года, то язык «даной» оказался модернизированным, а местами искажѐнным. Ниже дан полный текст этой «даной».

«Лета 7158-го (1650) году марта в 11 день. Бьет челом государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всея России (вероятно, в подлиннике было: всеа Росии), а в Ылымском остроге в съезжей избе воеводе Тимофею Васильевичю Шушерину подал[и] челобитную промышленные (должно быть: промышленные) люди Костька Ермолин, Микитка Яковлев, чтоб их государь пожаловал, велел бы им быть в своей государеве пашне и велел бы им дать на великой реке Лене земли под пашню повыше Орленги, с верхнего (должно быть: с верхного) конца от Сарафаново зимовья речка и от той речки внис по Лене, по обе стороны Лены и пониж[е] Спиридоново зимовья — первый наволок, и пониже того наволока — исток. А те наволоки все лежат впусте. И по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руссии указу и по приказу воеводы Тимофея Васильевича Шушерина, данной (вероятно: даны) Костьке и Микитке, нат тем волоком под [д]воры и под гумна и под огороды земли, по десятине человеку: в длину по восьмидесят сажен, а поперек по сороку сажен. И на тех им местах (должно быть: местех) дворы и гумна поставить и огороды роспахать. А пашни им пахать на тех наволоках: в поле по пяти десятин, а в дву потому ж, а сена им косить на тех же лугах по 200 копен на год — изо льготы на два годы, с нынешняго 158 году да до 180 (должно быть: 160) году. А как им, Костьке и Микитке, те льготные годы отойдут — и им, после тех льготных лет на тех наволоках пахать на государя пашни по десятине. А на себя им пахать сверх того по 4 деся-

тины свободных, без десятого снопа инных (какое-то искажение, вероятно было: «против иных») пашенных крестьян. А что будет сверх того спашут на себя пашни десяти[н] — и с той им пахоты платить в государеву казну, что государь укажет. А под скотинные выпуски отгородить им на тех же наволоках непахотных мест, смотря по своей мочи и по скоту. И на подмогу и[м], Костьке и Микитке, дано из государевой казны на лошадь и на пашенной завод по десяти рублев денег, по двои сошники да по два серпа, по два топора, по две косы. Да семена и на емена хлеба по пяти чети ржи, по чети ячменю, по три чети овса (четверопудных). Ко подлиной данной государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руссии печать земли Сибирские, Ленского волоку, Илимского острогу воевода Тимофей Васильевич Шушерин приложил.

Подленую даную крестьянин Яков Дядин принял, ево прозьбою Мирон Дядин росписался».

В этом же деле имеется копия памяти воеводы Оладьина служилому человеку Антипке Григорьеву Сорокину об отводе примышленному человеку Сеньке Мазолину по Лене «от Сарафанной речки до устья Зеленьбы речки на пустом месте, на Ленском, на покрайках, обе стороны Лены реки с островками и за островками — и с рыбными ловлями и под сенные покосы и под двор и под гумно и под огород». Сорокину поручалось выехать на указанные места «и приехав дозрить тое земли: порозжие ли те места, и по дозору обыскать ленскими тутошными окольными жильцы, пашенными крестьяны, не в даче ли у кого те пахотные места на покрайках». При отводе учинить межи и грани загранить. «И владеть ему тою землею и пахать на государя... по вся годы бесперeводно в самых лутчих местах с великим радением и неоплошно... А льготы ему, Сеньке, дано по государеву указу па пять годов для лесной росчиски со 161-го (1652), сентября с первого числа да по 166 год, сентября по тож число. И в те льготные годы ему, Сеньке, на той заимке хлебной пашне роспахать (на государя 1 десятину, на себя 4 десятины) и сенные покосы и скотинной выпуск росчистить и двор себе на тех местах (должно быть — местех) построить». Сеньке в подмогу было выдано из казны: 10 рублей на лошадь, 2 сошника, 2 топора, 2 косы, 2 серпа, 5 четвертей ржи, 3 четверти овса и четверть ячменя. Подлинник этой памяти был отдан Сеньке вместо «даной, впредь для владенья» (лл. 68-69 об.).

Подобная «даная», посланная 10 января 1653 года в виде памяти приказчику, была выдана новопашенному крестьянину Якуньке Канонову (лл. 69 об.-71). В этом же деле имеется несколько десятков копий с аналогичных документов, относящихся к позднейшему времени.

Одна старинная «даная», именно 1662 года, сохранилась в делах 1736 года при заявлении крестьянина деревни Мамырской

Юды Кроминина. В то время его «за малолетством» не включили в раскладку подушных дворов. «А ныне я на возрасте и желаю эту землю взять с 1737 году одну осмуху». Приложенная им к заявлению подлинная «даная» очень своеобразна и как исключительно редкий документ приводится здесь полностью (арх. № 677, св. 71, л. 84):

«Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу и государю, благоверному царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии и государю, благоверному царевичю и великому князю Симиону Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии бьет челом, великие государи, сирота ваш Нижного Брацкого острогу пашенный крестьянин Васька Павлов Кроминка. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец и государь, благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии и государь, благоверный царевич и великий князь Феодор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии и государь, благоверный царевич и великий князь Симион Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии, помилуйте меня, великие государи, сироту своего. Есть по Ангаре реке, вверх идучи, на левой руке Анамырь река, а на той реке Анамыре выше Смородины деревни въверх до Видиму по обе стороны Ангары — пашни. А той пахотой, великие государи, преж сего владел Иван Рожков. И ноне та пашня лежит впусте и нихто ей на владеет. И впредь бы той пашне, великие государи, вашей впусте не быть и в зароне. Пожалуйте меня, сироту своего, великие государи, той пашней и пот сенные покосы и пот скотинный выпуск и по[д] двор и под огород. И впредь бы мне, сироте вашему, вашей, великих государей, пашни не отбыть. Царь, государь и государи благоверные [царе]вичи, смилуйтеся, пожалуйте».

Документ имеет вид столбца. На обороте остались следы множества складок, образовавшихся вследствие сгибов. Там же остался едва различимый текст, который не удалось прочитать целиком: «170-го (1662)... (неразб.) по сей челобитной енисейской сын боярской Роспута Стефанов... (неразб.) по Ангаре реке збеглого пашенного крестьянина Рошкова в Смородиной деревне по Анамыре реке и по обе стороны — Ваське Кромине государева пашня пахать и своя пашня пахать и распашною землею ево Рошко[ва] и землею владеть. К сей подписной челобитной приказной человек, сын боярской Роспута Стефанов печать свою приложил».

От печати на «даной» остались прорези в бумаге и пятна.

Одна из ранних сохранившихся отводных относится к 1661 году. Крестьянский двор, получивший еѐ, владел землями свыше 100 лет, но в 1767 г. представители этого двора «за не-

имением у нас конной силы и за всеконечною своею скудостию» передали часть земли другому крестьянину. «Отводная» 1661 г. была возвращена в илимскую воеводскую канцелярию, вместо чего новому владельцу земли выдаѐтся другой документ — владенной указ. Всѐ дело сохранилось и таким образом удалось извлечь из россыпи дел хлебного повытья 1767 года подлинный документ 1661 года.

Вот его содержание:

«Лета 7170-го (1661) году октября в 20 день по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и государя, благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии, память воеводы Тихона Андреевича Вындомского Верхоленского острогу приказному человеку, сыну боярскому Никифору Козмину Качину, велено в Тутурской волости, промеж Леною и Тутурою реками, в мысу великого государя земли и луг — лежат де впусте — и по челобитью промышленного человека Мишки Дмитриева сына Воробья, и государи б ево, Мишку, пожаловали — велели ево, Мишку, на том месте, построить в пашню великого государя в тягло, в полудесятину. И велено ему, Мишке, тот луг отвести под пашню и под сенные покосы и под скотинной выпуск и под [д]вор и под огород Мишке Воробью со льготою. А льготы ему, Мишке, дано для роспаши великого государя десятинной пашни на два годы: на нынешной на 169-й (1661) да на 170-й год. И после льготных годов ему, Мишке, пахать на великого государя полдесятины ржи да четь десятины яровые. А пахать ему, Мишке, вверх по реке по Тутуре вместо тог[о] лугу, которой луг блиско Тутурские деревни, в мысу прож (промеж?) реками, и тот де луг отдан в мир под скотинной выпуск и под сенные покосы. А пахать ему, Мишке, на тех лугах, которые луги пахали преж сего Тутурски[е] пашенные крестьяна Семейка Иванов, Данила Иванов Зверевы, по обе стороны Тутуры реки. А межи тем лугам — е нижного конца, от Скопина Гнезда вверх до Келеру (Келору или Келоры?) реки со всеми згодьи (угодьи) и с рыбными ловли. А на себя пашню пахать ему, Мишке, полдесятины в ноле, а в ту потому же — свободных, без десятые[1]. А что сверх тех свободных десятин в лишке на себя пашни спашет — и с тое лишечной пахоты ему, Мишке, платить великого государя в казну по выделу молоченым хлебом. Да сенных покосов на 200 копен, да под скотинной выпу[ск] ис паханых мест на 2 десятины. А у дозору и у досмотру были Тутурск[ой] волости пашенные крестьяне: Семен Ондреев, Семен Иванов Козанец (т. е. Казанец), Иван Оксентьев Чермной, Михайло Данилов Головной, Данило Яков-

[1] Т. е. без уплаты десятой части урожая.

лев, Борис Иванов, Василей Иванов Орлов, Матвей Семенов сын Тотари[н?], Игнатей Иванов», «...жил», «...жил»[1].

Документ составлен в волости, с рядом ошибок и пропусков, необычных для письма приказной избы. Некоторые слова трудно прочитать. Внешне документ построен по типу свитка, со склейками. На обороте, по склейкам написано: «К сей отводной Илимского острогу сын боярской Никифорко Качин[2] отвел под пашню земли, их пашенных крестьян — по сказке, на порозжей земле и руку прило...[3].

К сей отводной вместо пашенных крестьян, кои[х] в сей отводной имены писаны, по их велению Семейка Козанец (впрочем подпись неразборчива) руку при...»[4].

Несмотря на многие ошибки документа, неясное изложение дела и отрывочность его (он, без сомнения, был частью целой серии связанных между собою бумаг), приведѐнная отводная запись представляет большую ценность.

Отводная писалась через 12 лет после образования Илимского воеводства и, очевидно, отображает первоначальный порядок наделения землѐй крестьян.

По документу можно установить следующее:

1) На пашню садился промышленный человек, переходя из слоя, близкого к гулящим людям, в состояние пашенного крестьянина; 2) просимая им земля, на передачу которой был согласен воевода Вындомский, надо полагать, оказалась занятой тутурскими крестьянами, вследствие чего приказной человек, т. е. приказчик Качин отвѐл челобитчику порозжие земли бежавших или умерших крестьян — вверх по р. Тутуре, около современного села Чиканского; 3) вследствие того, что участок земли, о котором просил Воробей, оказался спорным, к делу — в качестве понятых — были привлечены местные пашенные крестьяне; 4) челобитчику были выделены все угодия, которые делали его сразу пашенным крестьянином: пашня, сенокос, выгон и усадьба с огородом, а также рыбные ловли; 5) за отведѐнную землю Воробей должен был пахать ¾ десятины государевой пашни, весь урожай с которой шѐл в казну. Если на отведѐнной ему пахотной земле он стал бы пахать на себя больше 1½ десятин, то обязывался сдавать $^{1}/_{10}$ часть урожая в виде выдельного десятинного хлеба; 6) в первые два года пользования землѐй он освобождался от обязанности пахать на государя.

Повидимому, в наделении землѐй Воробья, приказной человек несколько отошѐл от принятых тогда норм, а именно: во-первых, установил необычно малое соотношение между госуда-

[1] Это концы подписей, начало которых на обороте документа.

[2] Отец Ивана Никифоровича Качина, исправлявшего воеводскую должность в 1696 году и долгое время выполнявшего многие важные дела в Илимском воеводстве.

[3] Конец подписи помещен сразу за текстом отводной.

[4] То же.

ревой и свободной пашней, равное 1:2, тогда как обычное соотношение составляло 1:4; во-вторых, дал льготный срок меньше обычного: два года вместо четырѐх, причѐм не предусматривалось подмоги.

Объяснить эти отклонения очень трудно; вероятно, они были обусловлены индивидуальными причинами, например, сравнительно высокой обеспеченностью челобитчика, а может быть — противодействием мира, в среду которых приходил извне чужой человек.

Но, может быть, эти отклонения обусловливались крупным наделом — к пашне было дано около 20 десятин сенокосов и 2 десятины выгона.

Имя Воробья встречается до конца XVII века, причѐм он в 1699 году пахал ½ десятины ржаной и ½ десятины яровой, уже ничем не отличаясь от тутурских пашенных крестьян и неся равные с ними платежи.

Его сыновья широко расселились по р. Лене и отчасти по р. Тутуре в пределах Тутурской волости, но уже назывались Воробьѐвыми. Видимо они явились основателями двух деревень Воробьѐвых, существующих до настоящего времени.

Такие «даные» встречаются в Илимском архиве очень часто, но обычно в виде копий, так как подлинники выдавались крестьянам. В начале XVIII века за выдачу даной взыскивалась особая плата в размере 25 алтын. В случае еѐ утери приказная изба выдавала копию за особую плату. Судные волостные избы, за редким исключением, прав выдачи «даных» не имели.

Итак, документация наделения землѐй и движение земельных дел проходили следующие стадии: 1) челобитная; 2) помета воеводы; 3) выписка приказной избы; 4) приговор воеводы; 5) доезд (если требовалось); 6) память приказчику; 7) даная; 8) поручная.

Таких дел сохранились многие сотни. Часто они собраны в особые для каждого года книги хлебного повытья, иногда по 500 листов. В деятельности воевод земельные дела занимали одно из самых видных мест и отнимали у них большую часть их служебного времени.

На основании наделения крестьянина землѐй у него возникали точно определѐнные платѐжные обязательства к государству.

Документация и порядок прохождения дел, связанных с платежом крестьянином отсыпного хлеба, осуществлялись в следующем порядке.

Имя крестьянина, получившего землю и обязанного платить отсыпным хлебом, или имя хлебного обротчика, обязанного платить хлебный оброк, заносилось в «окладную десятинного и оброчного хлеба» книгу. Обычно на челобитных, по которым закончены все стадии илимского земельного делопроизводства, только что описанного можно встретить отметку: «в окладной

книга справлен». Окладная книга представляет список всех крестьян Илимского воеводства, записанных по волостям.

Первоначально крестьяне пахали государеву десятину, сбор с которой поступал в казну. Поэтому окладные книги этого периода отмечают только размер государевой пашни, не содержа данных о количестве сдаваемого в государеву казну выдельного хлеба.

Вот пример такой окладной книги:

«Книга окладная великих государей десятинной пашне имянная пашенным крестьяном Илимского острогу и уезду волостей 195-го (1687) году при стольнике и воеводе при Илье Андреевиче Змеове — сколько в Ылимском уезде в волостях прежняго строения пашенных крестьян в пашне, хто что по окладу десятинные пашни пашет и кто ис пашни выбыл и в те выбылые места построен и хто за десятинную пашню великих государей в казну платит годовой оброк отсыпным хлебом, и по скольку им, пашенным крестьяном, против того десятинного тягла дано пахать на себя свободных десятин — и то писано в сей окладной книге особь статьями.

Верхная Илимская волость, а в ней пашенные крестьяне по окладу десятинные пашни пашут: по десятине ржи, по десятине яровой. А против того дано им на себя пахать свободных по четыре десятины ржи. А которые пашут по полудесятине ржи, яровой тож — и тем дано по две десятины ржи. А за тем с лишние их крестьянские пахоты вместо прибавочного тягла емлется с них пятой сноп.

Деревня Шестачковская, а в ней пашенный крестьянин Прошка Варфоломиев сын Шестаков, по окладу пашни пашет десятину ржи, десятину ярового» (арх. № 33, св. 3, начало дела).

По этому трафарету идѣт список всех крестьян. Если произошли какие-нибудь изменения, например раздел двора, то это отмечается в самой окладной книге. Внимательно изучая такие отметки, можно восстановить многие подробности жизни почти каждого двора.

С переходом в начале XVIII века на отсыпной хлеб, в окладных книгах стали интересоваться главным образом размером платежа. Несмотря на то, что таких книг сохранилось 5-6, лишь у одной есть начало:

«Книга окладная десятинной пашне всего Илимского уезду острогам и слободам и пашенным крестьяном и обротчиком имянная. Сколько во всем в Ылимском уезде в острогах и в слободах прежняго и нового строения по окладу за десятинное тягло и с лишних пашенных земель и с сенных покосов пашенные крестьяне и крестьянские дети и обротчики платят отсыпным хлебом — и коликое число четвертей, о сем значит в сен окладной книге ниже сего имянно.

Верхо-Илимская слобода. Михайло Макаров сын Барахтенов с четверти десятины ржаные, яровые тож платить две четверти бес полуосмины ржи» (арх. № 106, св. 11, начало дела).

И так идѣт перечень всех крестьян и обротчиков Илимского воеводства. Впрочем, данная книга не имеет конца.

Каждое лицо, внесѣнное в эту книгу, было когда-то построено в пашню по челобитью; на каждого крестьянина, следовательно, в приказной избе хранилось дело наподобие рассмотренного выше. Конечно, бывали и ошибки. Так как крестьянин точно знал размер платежа хлеба, что было записано и в его челобитной и в «даной», то практически оказывалось невозможным предъявить больший размер платежа, чем значилось в окладной книге, без риска встретиться с протестом. Если вкрадывались ошибки, то они по хранившимся делам могли быть исправлены. Пашенные крестьяне Орленской слободы Алексей и Кирило Чийных в 1727 году подали челобитье воеводе, что на них сверх их окладного десятинного тягла наложено 3 чети ржи, «а об оном отсыпном хлебе в Ылимской земской канцелярии (т. е. в приказной избе) никакого от нас прошения (слово Петровской эпохи) и никогды не бывало». Воевода велел своим подьячим дать справку; в выписке значится, что эти 3 чети написаны рукой подьячего Григория Торлопова «и признатно, что оной подьячей Торлопов состроил то собою». Воевода велел оброк с челобитчиков снять и наложить его на тех, кто был действительно им обложен (Россыпь, № 71, св. 8, лл. 217-220).

Воеводская приказная изба ежегодно, перед началом сбора хлеба, делала выписку из окладных книг для приказчика каждой волости, где указывала поимѣнно всех крестьян и размер платежа. Все такие выписи или росписи погибли, за исключением одной. Гибель объясняется очень просто — волостные архивы не сохранились. Лишь случайно одна из росписей вернулась в илимскую приказную избу, вследствие чего избегла участи себе подобных. Начало еѣ: «1721-го году. Роспись илгинским пашенным крестьянем и обротчиком, с кого имяны с крестьян и с обротчиков в Ылгинской Знаменской слободе на Усть Илги реки в государевы житницы собрать илгинскому приказчику Якову Сенотрусову з десятинного их тягла десятинного и оброчного хлеба в государеву заорленую осмину под гребло, впредь на будущей 722 год. А с кого имяны и то писано ниже сего. Максим Трифонов сын Чайкин [с] сыном Петром з десятины 12 четвертей ржи» (арх. № 136, св. 14).

Всего список охватывает 78 пашенных крестьян, 11 хлебных обротчиков и 45 обротчиков, плативших поголовный оброк. В росписи 12 листов, против имѣн некоторых лиц сделаны для приказчика различные пояснительные приписки, чтобы не было недоразумений, например: «с сутяжной земли», с «Чечековского лугу», «с залишечной земли но розделу», «вместо Данила Чекотеева», «что женился в Ылгинску у Широколобова на дочери».

Приказчик, получив роспись и указания к ней, объявляет крестьянам, кто, сколько, когда и куда должен сдать хлеб. Но самому ему права приѐма хлеба не дано, это поставило бы крестьян в прямую материальную зависимость от их ближайшего правительственного чиновника. Хлеб принимает житничный целовальник. До начала XVIII столетия эти целовальники выбирались крестьянами, а с этого времени — посадскими. При житничном целовальнике в дни приѐма находился писчик судной избы. Поступающий хлеб записывался в сборные хлебные книги. Образец такой книги приводится в другом месте настоящей работы. Черновая книга обычно оставлялась у житничного целовальника, как оправдательный, доказательный или справочный документ, а беловая книга направлялась в Илимск, где сверялась с отчѐтом приказчика и с окладными книгами.

Книги эти рассматривались воеводами как первичные документы, на основании которых производился сводный учѐт.

Могли ли быть злоупотребления с этими книгами? Понятно могли. Арена для злоупотреблений была безгранична. Однако известной защитой крестьянина в таком случае могли служить так называемые отписи, т. е. квитанции, которые писал писчик при приѐме хлеба. Отписи заверялись приказчиком. Покажем на примере, как пригодились однажды крестьянам эти отписи.

12 апреля 1720 года приказчик Илгинского острога Иван Блохин, получивший наказ собрать «доимки» с пашенных крестьян, сообщил, что он не может в ряде случаев выполнить этого поручения. В частности, он ссылается на 5 крестьян, включѐнных илимской приказной избой в список недоимщиков, которые предъявляли ему отписи в приѐме от них хлеба бывшими приказчиками Яковом Сенотрусовым и Петром Щегориным. Судьба всяких квитанций известна — их берегут некоторое время, а затем выбрасывают. Поэтому нельзя ожидать, чтобы они оказались в делах Илимского воеводства. Но тут произошѐл несколько необычный случай: по книгам крестьяне числятся в недоимщиках и в то же время на руках у них квитанции. И Блохин пересылает в илимскую приказную избу 5 отписей, засаленных и измазанных. Носили их, может быть, в шапках, в карманах, за пазухой. Благодаря случаю можно привести этот редкий документ: «1717-го году марта в... день. Илгинской приказной Петр Щегорин взял в казну великого государя на нынешней 717-й с ылгинского пашенного у Семена Григорьева сына Воронина с полудесятины 6 четвертей ржи, да с оброчной пашенной земли оброчного хлеба четверть с четвериком ржи взято же. В том ему сию и отпись дал. Отпись писал Карп Ярыгин». На обороте подпись: «Петр Щегорин».

17 мая воевода Иван Литвинцов велел, сыскав Щегорина: «Расспросить в том, вышеписанного крестьянина в государеву казну хлеб он брал ли и такую отпись за своею рукою ему дал ли. И буде тот хлеб брал, в приемные свои хлебные книги зачем

не записывал. И куда тот хлеб девал — в государевы ль житницы принимал или сам тем хлебом корыстуетца». В июле Щегорин в допросе заявил, что расписку дал по записке писчика, а почему хлеб не записан в книги, не знает.

Таким образом пять крестьян, сохранив отписи, помогли раскрыть злоупотребление и защитили себя от вторичного взыскания налога.

Поступивший в государевы житницы хлеб расходовался только по распоряжению воеводы: отправлялся в Якутский острог, выдавался в виде хлебного жалованья служилым людям или крестьянам в семенную ссуду, шѐл на винокурение и прочие расходы.

Если хлеб отправляется в Якутск, то в приѐме его якутские приѐмщики дают расписку приказчику, который прилагает еѐ к отчѐту за истекший год. Весь остальной расход также подтверждается расписками.

Поступившие в приказную избу отчѐты приказчиков сводятся в общую книгу и воеводе выписывают содержание еѐ в краткий обзор, «в доклад воеводе». На основании этого воевода пишет доклад в Москву, в Сибирский приказ, и сопровождает его предположениями на следующий год, так называемой пометой.

Вся документация по хлебу представляется на основании сказанного в следующем виде: 1) окладная книга; 2) роспись крестьянам; 3) хлебная приѐмная книга; 4) отписи; 5) расписки якутских приѐмщиков или илимских служилых людей; 6) отчѐт приказчика; 7) сводный доклад воеводе; 8) доклад в Сибирский приказ с пометой на следующий год.

Заканчивая рассмотрение системы документации и порядка прохождения дел в Илимском воеводстве, необходимо притти к выводу, что возможности злоупотреблений не были здесь более широкими, чем в каких-нибудь других условиях в последующие времена. Система документации государевых ценностей была достаточно совершенной, по крайней мере, с формальной стороны к ней трудно предъявить сколько-нибудь обоснованные претензии. Она преследовала чисто деловую цель — защитить имущественные интересы государства. Но поскольку пашенный крестьянин был главным плательщиком в государеву казну, государство стремилось и ему предоставить возможно полную защиту его прав и интересов от незаконных посягательств правительственной агентуры.

Всѐ это не исключало, понятно, ни злоупотреблений, ни несправедливостей. Последним содействовала поголовная неграмотность крестьян и почти полная невозможность одному лицу жаловаться на воевод. Жалобы не всегда были под силу даже целым крестьянским коллективам, так как обычно по жалобам нужно было ехать в Москву, а позднее — в Иркутск. В решении

земельных споров воевода легко становился на сторону сильного. Но нельзя забывать, что он во многих случаях остерегался затрагивать мир, так как жалобы коллектива крестьян на воеводу всегда приводили к производству сыска.

СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ ХЛЕБА И ПАШНИ

В Илимском воеводстве при исчислении количества хлеба и площади пашен употреблялись общие для всего государства меры.

Для обозначения количества зерна применялась в качестве основной единицы меры четверть или четь. Последнее название однозвучно с четью десятины и их легко смешать. Четь, как единица веса или, вернее, объѐма, равнялась первоначально 4 пудам а затем с 80-х годов XVII века — 8 пудам. Однако соотношение между объѐмом и весом у различных хлебов и даже у одного вида хлеба, вследствие разной натуры, влажности и сорности, колебалось, поэтому в случае необходимости мера объѐма — четь или четверть взвешивалась для разных хлебов и по этому весу производился перерасчѐт в восьмипудную четверть. Доли этой основной единицы составляли: ½ чети — осмина, ¼ чети — полосмины, ⅛ чети — четверик, $^1/_{16}$ чети — полчетверика, $^1/_{32}$ чети — полполчетверика и т.д., для самых малых объѐмных величин употреблялся ещѐ малый четверик, равный $^1/_{80}$ чети. Однако, единиц менее половины малого четверика при измерении хлеба в документах Илимского воеводства не встречается. Сложные дроби обозначались описательными комбинациями указанных мер.

Когда-то четь десятины была больше той величины, которая обозначалась этим словом в XVII и в начале XVIII века и соответствовала площади, на которую высевалась объѐмная четверть семян. Во времена Илимского воеводства эта связь площади с нормой высева была забыта.

Для весового измерения других тел, например соли, железа и меди чети, осмины и четверики никогда не применялись. Здесь их заменяли пуды и гривенки, т. е. фунты, а в более мелких измерениях — золотники.

Как сказано, четверть и еѐ половина — осмина, представляли единицы объѐма. Поэтому при значительной массе собираемого и отправляемого хлеба всякая неточность могла привести или к крупным недоразумениям или к серьѐзным злоупотреблениям. Одно из таких недоразумений возникло в мае 1706 года при отгрузке хлеба из Усть-Илгинской слободы на барки для сплава в Якутск, когда усть-илгинский приказчик Сенотрусов пользовал-

[1] Точнее, она равнялась 4 пудам 23½ фунтам ржи.

ся старой, ветхой, давно не выверявшейся объѐмной нолуосминой.

Сенотрусов пишет по этому поводу воеводе, что он отдал 100 четвертей ржи якутскому хлебному приѐмщику Устину Воинову «на государевы барки, а те барки поплавил он, Устин, не в грузу (т. е. не с полной нагрузкой), а повидимому знать то, что те барки еще подняли [бы] четвертей ста з два. А для того он, Устин, больши хлеба не примал — та де государева мера мала, и прошал у меня с верхами (т. е. насыпать меру с верхом), а я ему, Устину, с верхами не дал, для того, что я примал у пашенных крестьян под гребло (т. е. сравнивал верх хлеба в полосмине греблом или лопаточкой вровень с краями полуосмины)».

11 мая якутский хлебный приѐмщик, сын боярский Устин Воинов был по этому поводу допрошен в Киренске. Он указал, что ему в Якутске было велено принимать осминами, а не полуосминами, «а та де полуосмина давных лет и скудна».

На основании этого допроса воевода Качанов 26 мая, «сей скаски слушав, приговорил: в Киренску и во всех слободах государевы меры осмины измерить с присланною илимскою верчею (т. е. проверочной) мерою, которая прислана из Енисейска в Ылимск с енисейскими хлебными запасы и тех слобод прикащиком с пашенными крестьяны и хто с теми прикащики у извериванья (при проверке) мер будут крестьяны — о том у прикащиков за руками росписи».

Так началась проверка осмины. Образец правильной меры был послан в слободы и остроги для публичной выверки употреблявшихся на местах мер. Приводим выписку из документа, которая показывает, как осуществлялась проверка и какие результаты она дала:

«Лета 1706-го году, майя в 26 день по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца, илимский пятидесятник казачей Андрей Михайлов сын Баженов в Киренску государеву прежнюю меру осмину с присланною из Ылимска верчею заорленою (клеймѐную орлом) мерою изверивал Нижно-Киренской слободы с крестьянским старостою с Константином Артемьевым, да с десяцкими — с Борисом Черепановым, с Ываном Юрьевым, с Фадеем Чермного, да с пашенными крестьяны — с Тимофеем да с Осеем Пахоруковыми, с Трифаном Рыданным, з Зиновьем Патрикеевым, с Василием Горбуновым, с Кирилом Шехирем, с Лукою Братановым, с Любимом Грицким, с Елисеем Прокопьевым, з Борисом Онаньиным, с Василием Черепановым, с Гаврилом Мартемьяновым. И по его де Андрееву с пашенными крестьяны извериваныо киренская прежняя мера осмина, присланной из Ылимска верчей меры, было в четверти — доброво хлеба больше девяти нуд, а плохова девять пуд. И против верчей та прежняя осмина зделана верна. В том я, Андрей, сию и роспись на-

писал. Роспись писал усть-киренской писчик Осип Елисеев, Андрей Баженов руку приложил».

Внизу написано: «И того ж числа в Киренску извериваная осмина по краям и в ней (т. е. внутри осмины) по бокам и по дну заорлена».

Такие же проверки, при довольно многочисленных свидетелях, были произведены и в других слободах. Так, криволуцкий приказчик, упомянутый выше Яков Сенотрусов, произвѐл проверку в присутствии 20 свидетелей. В четверти оказалось доброго хлеба больше 10 пудов, плохого больше 9 пудов. Старая мера оказалась верной[1].

Проверялось и качество принимаемого хлеба, поэтому различался хлеб добрый, средний и плохой. 4 марта 1710 года хлебные приѐмщики в Илимске жаловались воеводе, что крестьянин Братского острога Дм. Невидимов привѐз «пропитого на пиве государева хлебного запасу» 55 пудов 30 гривенок муки прошлого года, потому что «прошлогодняя мука бела, а нынешнего году мука красна». Образец муки, так называемый «опыт», был принесѐн в приказную избу. Невидимов был допрошен и сознался, что молол свой хлеб, который он пропил (30 пудов ржи), на Окинской государевой мельнице, сбора нынешнего года — «севогодной». Воевода Ракитин велел впредь зяблого хлеба не принимать или отмечать, какой принимается хлеб — «прошлогодной или сегогодной».

Пашня измерялась десятинами в казѐнную меру, т. е. в 3200 кв. сажен. Это можно подтвердить показаниями крестьян об их хозяйстве при производстве переписи в 1673 году. Среди других аналогичных показаний имеется и такое: «А мерою (в подлиннике — мерю) государевы десятины они, пашенные крестьяня, пашут длиннику (в подлиннике — длинку) по 80 сажени трехаршинных, а поперешнику но сороку сажен»[2]. При необходимости пользоваться долями десятины употреблялись описательные термины. Простые обозначения: полудесятина, четверть или четь десятины, полчети или осмуха десятины. Сложные обозначения: десятина без чети (¾), четь с полчетыо (⅜), четь с полчетью с полполчетью ($^{7}/_{16}$) и т.д. В Киренской волости часто встречаются дроби с знаменателем кратным трѐм: треть, две трети и сложные образования их. Площади менее $^{1}/_{32}$ десятины чаще всего не обозначались, и эти величины отбрасывались. Но в отдельных случаях, которые можно встретить в Братской волости, переходили к саженям. Например, 2 сажени обозначало, видимо, прямоугольник длиной в 80, а шириной в 2 сажени, т. е. $^{1}/_{20}$ десятины.

[1] Большой вес четверти показывает, что взят был хлеб чистый и высокой натуры.

[2] Сибирский приказ. Киига 580.

Для измерения величины сенокосов и выгонов десятины почти не применялись. Эти угодья отводились на-глаз и, видимо, никогда но мерились. Величина сенокоса определялась не площадью, а числом копѐн. В среднем можно считать, что с 1 десятины накашивалось 10 копѐн сена, т. е. около 60 пудов. Иногда, особенно в первое время, при отводе земель площадь сенокосов устанавливалась в определѐнном соотношении к размеру государевой пашни, точнее — к размеру ржаного поля. Например, на ржаную десятину давалась площадь луга, с которой накашивалось 10 копѐн сена. Впоследствии это правило не выдерживалось и на 1 десятину пашни (не посева) приходилось в среднем 1½-3 десятины сенокосов.

ГЛАВА IV

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСТВА

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И МИР

Пашенные крестьяне имели свою администрацию, своѐ самоуправление. Так как жившие в деревнях другие слои сельского населения, включая оброчников, подворников, крестьянских детей, промышленных, служилых, гулящих людей и, конечно, присыльных, не наделялись землѐй и не несли мирских повинностей, вроде ямской гоньбы, то они не включались в состав лиц, выбиравших сельскую администрацию. Таким образом крестьянское самоуправление оказывалось, по существу, самоуправлением пашенных крестьян.

Это самоуправление вызывалось к жизни двумя причинами: 1) необходимостью создать посредствующее звено между государственным управлением и крестьянским миром и 2) потребностью крестьян в защите общемирских интересов.

Отсюда проистекает двойственность функций крестьянских выборных представителей. С одной стороны, сельские десятские и волостные старосты как бы дополняли воеводскую власть, являясь низшей агентурой еѐ, с другой стороны, те же десятские и старосты выступали представителями крестьян в качестве их челобитчиков. Правда, в последнем случае крестьяне часто усиливали своих постоянных представителей выбором особых мирских челобитчиков.

Десятские избирались по одному на крупную или на 2-3 мелких смежных деревни. В однодворных деревнях, лежавших далеко от других поселений, обязанности десятского выполнял глава двора. Десятский отвечал за порядок в своѐм десятке, за проживание в деревне подозрительных лиц, за всякие оповещения крестьян, следил за очередью дворов при несении подводной гоньбы, выступал свидетелем или понятым при описях имущества, при доездах приказчиков по межеванию земель или при выделах пятинного хлеба. Но в случае нужды он использовался крестьянами, как выразитель их требований.

Когда были учреждены десятские в Илимском воеводстве, установить не удалось. Первые упоминания о них встречаются с

1660 года. Очевидно, опыт их деятельности оказался удачным, так как в 1706 году правительство Петра I дало подробные указания об обязанностях десятских и расширило круг дел, поручаемых выборным от крестьян представителям. Это означало усиление не крестьянского самоуправления, а правительственной администрации.

10 июня 1706 года илимская воеводская приказная изба рассылает памяти в остроги и слободы, излагая на основании указов из Сибирского приказа обязанности десятских. Одна такая память в Усть-Кутский острог, приказчику Михаилу Мишарину имеется в россыпи дел за 1706 год (№ 24, св. 3). В ней говорится, что в грамотах на имя илимского воеводы «великий государь указал устроить в слободах и в деревнях десятников... И выбирать ис крестьян в десяцкие людей добрых, пожиточных и семьянистых».

Обязанности десятского очерчены в этом наказе так:

1) «Чтоб всякой десятник в своем десятке жилецких и прихожих всяких людей ведал и пересматривал почасту. И чтоб у всякого десятника люди были все в ведомости». Если крестьянину случится куда-нибудь ехать, то он должен сказываться десятнику, причѐм о причинах длительного отсутствия крестьян, например в течение 5-6 дней, десятник должен расспрашивать уезжавшего.

2) Десятский должен извещать приказчика «буде явитца в слободах кто в чем воровству приличен». Укрывателям воров указ грозил таким же наказанием, как и вору, с отпиской имущества на государя. Об этом было велено объявить населению через бирючей (глашатаев). «Да того велено смотреть накрепко, чтоб от прежних и от нынешних ссыльных людей Илимского уезду по острошкам и в слободах никакова воровства, заговору и шатости и бестрашного самовольства не было. А буде подлинно какое злое умышление учнет от них начинатца, или такие воры добрым и старинным людем будут чинить тягости и налоги и обиды напрасные и тем людем велено со всякою жесточью чинить наказанье нещадное, чтоб и достальные, усмотря того, были страшны и каждый бы принелся за роботу, а зла вчинать опасались». В отношении неисправимых воеводам было предписано, чтоб «на них навесть страх — двух или трех — самых пущих завотчиков, справясь с прежними указы и с Уложением, велено казнить смертию — за городом повесить».

3) Да «воевоцкою потачкою и прикащиков крестьяне многой хлеб на вино пережигают и на нивах пропивают напрасно и впредь для недороду не оставляют». Следовательно, десятскому нужно было смотреть, чтоб вина не курили и пив лишних не варили. «А когда господь бог даст хлебу род и крестьянем в то время велено на пиво себе по четверти с явкою сварить. А осталой хлеб для недостатку велено им, крестьяном, беречь».

4) «И чтоб меж ими, пашенными крестьяны, никакой ссоры и драк и напрасной продажи (?) друг на друга не было. А всякому велено бить челом великому государю, а в Усть-Кутцкой слободе подавать челобитье по самой правде. А не бив челом собою управлятца и друг друга насильством грабить отнюдь им не велено».

5) Велено сказать пашенным крестьянам: «чтоб они на заимках своих кругом поль и поскотин и насеяных своих хлебов и сенных покосов и около поставленных сен и хлебных кладей остожья и огороды и межники и воденики[1] городили добрые и старые починивали безо всякого ослушания, чтоб меж ими, крестьяны, в худых огородах и в остожьях хлебу и сенным покосам от скота потравы и истери не было, и в том не ссорились». За потраву нѐс ответственность тот крестьянин, чей участок изгороди оказывался неисправным. Кроме того, в государеву казну бралось по рублю. Если десятский не известит о плохих изгородях, то «вместо кнута нагово бить батоги нещадно» и взыскивать в казну пени рубль. Эта же мера предписывалась и в отношении ослушных крестьян.

6) «И у каждого б крестьянина на проезжих дорогах ворота поставлены для проезду добрые».

7) «Велено сказать всем пашенным крестьяном: буде кому прилучитца по указу ехать на подводах — и пашенные б гоняли подводы по очереди от деревни до деревни... и в той бы подводной гоньбе меж себя жили безсорно». С виновных крестьян взыскивать по алтыну на версту «и отдавать челобитчикам безо всякие волокиты».

8) Десятские должны были следить, чтоб никто из русских не ходил на соболиный промысел на заповедные реки («заказ учинить под смертною казнью»), а именно на Лену, Олѐкму, Алдан, Витим, Маю, Юдому, Ючюру (Учур) и Толтору.

9) Если в деревне кто-нибудь женится «ис пришлых или ис крестьянских детей, или брат от брата женатой отделитца — и тому десятнику... о тех людех подавать за руками росписи вскоре». Эти правила десятские должны были «всем пашенным крестьяном вычесть вслух, чтоб они после неведением не отимались». Списки крестьян и приведѐнная память должны были передаваться при смене десятника его преемнику под расписку.

Весь наказ — память пересыпан угрозами. В частности в нѐм предусмотрено в отношении ослушника: «а животы ево и всякой завод и скот взяты будут на великого государя. И сослан будет в ыную слободу з женою и з детьми на вечное житье».

Старосты, насколько можно судить по делам воеводства, избирались на год волостным сходом. Функции их были те же, что и десятских, но лишь в большем масштабе. Волости Илимского

[1] Изгородь, спускающаяся в реку.

воеводства, в отличие от волостей Заволочья, являлись чисто административными единицами, не имевшими никакой связи с волостными общинами. Поэтому старосты, а также волостное самоуправление, не имели здесь и ничтожной доли того значения, которое было у них в поморских, двинских и в других чѐрных волостях Предуралья. Были даже случаи, когда исправно исполнявшие свои обязанности десятские делали излишним выборы старост. Можно точно установить, что в Усть-Кутской волости старост не было, да по существу ничего неизвестно и о старостах большинства волостей. Наиболее активными старосты были в Чечуйской волости.

Ни староста, ни десятский никогда не вмешивались в земельные отношения между крестьянином и государством, так как это было исключительно компетенцией воевод. В силу этой же причины крестьянские представители не отвечали и за исправность платежа государству натуральных и денежных налогов.

Десятские избирались на крестьянском сходе или на мирском совете ежегодно. Об этом можно судить по росписи дел, принятых 10 марта 1706 года новым приказчиком Илгинской слободы Парфѐном Карауловым от старого приказчика Ивана Роспутина. В росписи, в числе принятых дел указываются: 1) «Семь выборов в тетратях же на десяцких крестьянских — дела прошлых 1700 и 1701 годов, сидения прежнего прикащика Федора Рупышева», 2) «Семь выборов на десятников крестьянских — дело прошлых 1703 года, марта с 13 числа и 1704-го и 1705-го и 1706-го годов, марта по 18 число, сидения прошлого прикащика Ивана Роспутина» (это один из нередких случаев трѐхлетнего «сидения» приказчика в одной волости), 3) «Семь выборов на десяцких крестьянских», 4) «706-го году семь выборов на десятников крестьянских».

Отсюда вытекает, что выборы десятских происходили ежегодно. В то время к Илгинскому острогу было приписано 20 деревень, в том числе 9 однодворных и 4 двухдворных. В мелких деревнях, как видно, десятских не избирали.

Та же опись позволяет объяснить, почему до нас почти совершенно не дошло ранних крестьянских выборов или, как говорят теперь, протоколов. Они передавались в судные избы волостей, не доходили до илимской приказной избы и погибли вместе со всеми другими волостными делами.

Крестьянский выбор за 1721 год приводится ниже (Россыпь, № 14, св. 2):

«1721-го году генваря в 1 день по указу великого государя и по илимской указной памяти илгинские пашенные крестьяне первого Знаменского десятку: Максим Чайкин, Андрей Солоницын, Стефан Южаков, Стефан Поляков, Максим Мандрыгин, Федор Баев, Иван Хабаров, Яков Мальцев с товарыщи, изобрали мы меж собою из своей братии пашенного же крестьянина Леонтея Захарова в свой десяток в десятские на перемену прежнему

нашему десятнику Ивану Карпову Арзамазову. И быть ему, Леонтью, по нашему выбору в нашем Знаменском десятке десятником с нынешнего 721-го году генваря с 1 числа впредь до 722- го году генваря же до 1 числа. И по указу великого государя и по прежней илимской указной памяти прошлого 700-го году чинить в нашем первом, первом (так в тексте) десятке меж нами пашенными самую правду, а другу не дружить, а недругу но мстить ни в каком деле. В том мы, пашенные крестьяне, в Ылгинску в судную избу приказному Якову Сенотрусову сей выбор подали. Выбор писал по их велению Карп Ярыгин. Федор Сенотрусов руку приложил. Стефан Поляков руку приложил».

Десятские и старосты не всегда годились в защитники крестьянских прав, особенно если требовалось выезжать по мирским делам в дальнюю дорогу. Для того, чтобы отстаивать общественные интересы требуются люди особых качеств. Вот почему крестьяне во всех важных случаях прибегали к выбору мирских челобитчиков. Сохранился один наказ или посыльная такому крестьянскому уполномоченному илгичских пашенных крестьян от 1 августа 1701 года (Россыпь, № 15, св. 2, лл. 264-265): «Илгинские слободы выборные десяцкие Василей Грузин, Варфоломей Залесов, Семен Мусорин, Василей Бузюков, Тимофей Дружинин, Кирило Шелопугин и рядовые крестьяне (идут имена 24 человек) и все илгинские пашенные крестьяне в нынешнем 1701 году августа в 1 день излюбили и выбрали меж себя Илгинской же слободы пашенного крестьянина Алексея Родионова сына Безносого в мирские Челобитчики. Ехать бы ему, Алексею, по нашему мирскому выбору и по нашей зарушной посыльной в Ылимской острог для нашего всякого мирского челобитья... о всяких наших мирских делах и нужах, которые нужды (так в подлиннике) бывают у нас... со всяким радением... Ему и руки прикладывать вместо нас всех, а в челобитных писатца мирским челобитчиком... А нам... после ничем не спорить и не лживить... не отпиратца. А буде какая от мирских дел в Ылимску будет денежная и хлебная и скотинная издержка в поклонение (пусть читатель сам подберѐт соответствующее современное слово), или кому за письмо — и те издержки нам... всем пашенным крестьяном окупать свобча... А живучи в Ылимском для нашего челобитья и мирских дел ничево напрасно не держать и не терять и, оставя мирское дело, за своими прихотьми не ходить». Подписали наказ поп Иван и крестьянин Василий Ожегов.

В делах Илимского воеводства сохранилось немало мирских челобитных, часть которых подписана от имени всех пашенных крестьян деревни или волости, а часть — мирскими челобитчиками. В декабре 1726 года братские пашенные крестьяне в заявлении воеводе указали, что сдавать им хлеб в Илимск неудобно: «А Брацкой уезд от Илимска города расстоянием пятисотных есть дальные деревни ста по четыре верст и больши, а из ближних небольшое число деревень растоянием пятисотных же верст по

сту по восьмидесят по пяти и больши. Також имеется в том пути с Ангары реки до Илимска города волок, нежилое место, лесное, растоянием 185 верст». Крестьяне просили разрешить сдавать хлеб в Братске. Челобитную подписал «Брацкого острогу выборной пашенной крестьянин Иван Жидовкин». Воевода удовлетворил крестьянскую просьбу и сообщил об этом в Сибирский приказ.

Особенно много заявлений от всего мира подавали пашенные крестьяне Чечуйской волости. Часть этих заявлений приводится в настоящей работе. У крестьян этой волости были даже свои грамотеи; так один выбор писал за крестьян всей волости пашенный крестьянин Сукнѐвской деревни Афанасий Решетников. И почерк, и орфография, и слог письма этого крестьянина вполне удовлетворительны.

В конце рассматриваемого времени крестьяне выбирали рекрутов, а также мирских раскладчиков и сборщиков.

В общем, крестьянское самоуправление касалось, по существу, лишь вопросов урегулирования повинностей. Но воевода вынужден был считаться с мнением крестьянского мира, т. е. коллективными решениями крестьян подчинѐнных ему волостей. Были случаи, когда решения воевод отменялись Москвой по ходатайствам волостей. Мир защищал одних приказчиков и добивался смены других.

Приведѐм в подтверждение сказанного примеры.

В 1720 году среди приказчиков Илимского воеводства появляется Григорий Курбатов; в течение трѐх лет он сменяет волость за волостью и очевидно быстро постигает нехитрые приѐмы вымогательства.

12 июня 1724 года из Илимска в Криволуцкую судную избу поступает указ о производстве допросов «но челобитью Криволуцкой слободы пашенных крестьян, а выборного Фадея Ярыгина, в обидах и в разорении прежнего подчиненного камисара Григория Курбатова».

В показаниях мирского старосты Гаврила Татаринова сказано: «В прошлом де в 723-м году после Ильина дни... Курбатов собрал пашенных крестьян в Полоротовскую деревню... править (якобы по указу) на пашенных крестьянех штрафу 5 рублев и держал де нас две недели... взял деньги да коня, ценою в 5 рублев..., а указу не объявил... Учинил нам недопашку и в сенной поставке великую остановку. А в страдное де время после Успеньева дни... собрал де нас он же, Курбатов,... и держал де нас, пашенных крестьян, 3 недели и в съеме хлеба учинил до им великое раззорение, и оттого мы посулили зачесть ему, Курбатову, 100 пуд ржи... взял записку в неволю». Затем староста, в данном случае, как видно, принявший на себя роль мирского защитника, рассказал о сборе с крестьян 2 рублей 31 алтына каких-то денег и о незаконном вмешательстве Курбатова в выборы крестьянами двух рекрутов.

Окончания этого дела нет, но, по всей видимости, Курбатов оправдался или в силу неопытности крестьян или в силу заступничества сверху. Курбатов после этого появляется как приказ- пик Чечуйской волости. А она в то время была самой неспокойной волостью с наиболее ярким развитием крестьянской самодеятельности. Нужно полагать, что Курбатов, зная это и учитывая прежние жалобы на него криволуцких крестьян, вначале держался осторожно. Но уже в 1726 году на него поступает общемирская жалоба. Чечуйские крестьяне, видимо, учли опыт неудачной челобитной криволуцких крестьян и послали свои жалобы непосредственно в Иркутск.

И вот, 2 марта 1727 года из Илимска в Чечуйский острог едет илимский сын боярский Фѐдор Литвинцов с наказом, в котором записано, что по предложению иркутской провинциальной канцелярии «велено Чечюйского острогу подчиненного камисара Григория Курбатова в наглых ево к Чечюйским и Сполошного Лугу крестьяном непомерных нападках и раззорениях исследовать самою сущею правдою, при фискале». При этом велено Курбатова срочно выслать в Иркутск с нарочным, на его коште. «А приехав в Чечуйск ево переменить того же числа, а определить из достойных на ево место кого из обывателей до указу ея императорского величества. А переменя того ж числа в том остроге всякого чина людей з барабанным боем публиковать указом (вписано: и вычитать) инструкцию. И выставить на градских воротах лист, в котором предъявить — ежели кто от него, Курбатова, имел какую обиду и разорение (зачѐркнуто: и не малые, не разб.) он, Курбатов, брал с кого какие взятки, и те бы люди объявляли на него, Курбатова, доношениями, часа не промедля, безо всякой опасности, сущею правдою, без ызлишества».

В поданном челобитье старост, десятского и крестьян Курбатов обвинялся в вымогательстве: 1) 8 рублей за заверку важного для крестьян документа, 2) 4 рублей за письмо об устроении ямщины, которое он всѐ-таки не послал, 3) 150 пудов ржи за составление хлебной ведомости, 4) 2 рублен за составление ведомости о новопоселѐнных крестьянах.

Заявители были опрошены и подтвердили свои обвинения, допрошен был и Курбатов, совершенно отрицавший свою вину. При производстве этого следствия на него было подано ещѐ 4 челобитных. Курбатов отпирался. Допросы были пересланы в Иркутск.

Казалось, крестьяне добились своей цели. Но неожиданно для них Курбатов в конце того же месяца получает из Иркутска полномочия управлять той же Чечуйской волостью, где только что велось следствие об его злоупотреблениях. Видимо там, в Иркутске, у Курбатова имелась сильная рука. 24 марта 1727 года Григорий Курбатов является в Чечуйский острог, подаѐт подчинѐнному комиссару, т. е. приказчику волости, Василию Сенотрусову, послушный указ и читает при собравшихся крестьянах и

служилых людях в земской (т. е. в судной) избе указ о своѐм назначении.

По иркутские друзья и Курбатов не доучли, что имели дело с дружным и настойчивым крестьянским миром, уже имевшим хороший опыт совместного выступления.

Как писал Курбатов — «Выслушав ея императорского величества указ оные крестьяне в той земской избе скрычали неоднократно, вельми громко, что де мы Курбатова в подчиненые камисары в Чечюйской не пустим и нам де он, Курбатов, в подчинение камисары не надобно... А имянно громко крычали (названо 10 имѐн) и все Чечюйской волости пашенные крестьяне».

Началось дело о непослушании указу ея императорского величества, было допрошено несколько десятков лиц. Большинство из допрошенных крестьян подтвердило, что «выслушав... однократно говорили тихо, а не громко... в такую силу — опасаясь от него к себе прежних обид и налог, о чем в прежних обидах и раззорениях на оного Курбатова послано было доношение в Ыркуцк, против которого, в приезд ево подчиненым, имелось следствие». Все силы лица, ведшего дознание, были направлены только на то, чтобы доказать, что крестьяне «громко крычали» против указа.

Второе объѐмистое дело с показаниями, очными ставками и отписками направляется в начале июля в Иркутск.

Но то лицо, которое требовало в начале марта производства дознания над Курбатовым, продолжало требовать материалы, высылки Курбатова в Иркутск и угрожало илимскому воеводе штрафом. Какое-то, видимо, другое лицо поддерживало Курбатова.

Наконец, из Иркутска поступает категорическое требование — выслать туда Курбатова и заявителей для окончания дознания. Илимский воевода срочно шлѐт «салдата Тобольского гварнизона» П. Гаркунова в Чечюйский острог, чтобы привезти главных доносителей — Семѐна Старцева, Саву Богомолова, Екима Мельникова и спешно высылает Курбатова в Иркутск в сопровождении служилого человека. Однако солдат привѐз в Илимск только Старцева, Богомолов уехал на рыбалку, а Мельников «остался за объятием скорби».

Но чечуйские пашенные крестьяне решили не упускать случая и выбрали «ответствовать» за Богомолова Григория Лузгина, в чѐм и дали ему «выбор за своими руками». Лузгин, прибыв в Илимск, подал воеводе челобитную, прося отправить его вместе с Старцевым.

Может быть неожиданное появление добровольца смутило воеводу, который собирался отправить доносителей под охраной. Теперь положение изменилось, и воевода решил отобрать от чечуйских ответчиков подписки, что они сами явятся в Иркутск к 24 сентября. Но так как было уже 15 сентября, то воевода вы-

даѐт крестьянам подорожную. Копия этой подорожной сохранилась.

Получилось нечто курьѐзное: «По указу ея императорского величества самодержицы всероссийской и протчая и протчая и протчая. Отпущены из Ылимска в Ыркутской город Чечюйского острогу пашенные крестьяне Семен Старцев, Григорий Лузгиных». Крестьяне могли ехать с удобствами, мир оплачивал расходы за своих ходатаев.

Так Курбатов не попал вторично на место подчинѐнного комиссара.

Приведѐм ещѐ пример умелого действия крестьян целым миром.

Налоговое законодательство в конце царствования Петра I было настолько сложно, что вряд ли во всей России нашѐлся бы человек, твѐрдо и безупречно разбиравшийся во всей паутине налогов, особенно в применении их в отдельных местностях страны. Крестьяне Илимского воеводства с момента создания его платили хлебом, затем были введены денежные сборы. В других местах России в отношении государственных крестьян действовала иная система обложения.

Как известно, у крестьян имелись свои грамотеи. Где-то крестьяне Яндинского острога вычитали из одного указа Петра, изданного в 1724 году: «Кто сверх подушных денег что станет брать лишнее, то... за оное преступление учинена будет смертная казнь или сосланы будут вечно на галеры с наказанием и вырыванием ноздрей и лишением всего имения». Крестьяне истолковали этот указ в таком смысле: мы платим подушные, но с нас ещѐ берут хлеб, значит поступают против указа. Возможно, что они объяснили это лично илимскому воеводе Петру Татаринову, который во всѐм действовал по инструкциям из Иркутска. Яндинские крестьяне посылают в Иркутск выборного челобитчика пашенного крестьянина Павла Москалева и в заявлении ссылаются на приведѐнное выше место из указа Петра I.

В Иркутске согласились с доводами крестьян. Значит, нужно было вернуть взятое сверх подушных сборов. Но хлеб вернуть нельзя, так как он сплавлен в Якутск, подушные сборы вернуть нельзя, так как они высланы в Москву. Тогда иркутская провинциальная земская контора находит следующий выход — она предлагает Татаринову вернуть за взятый хлеб деньгами из местных сборов, главным образом от продажи вина.

Это, вероятно, неповторимый в истории налогов случай. Воевода предлагает таможенному голове дать справку — по какой цене покупалась в Илимске рожь на винное курение. Голова отвечает, что рожь покупалась по 7 и 8 копеек пуд. Далее воевода требует справку из приказной избы — сколько было взято в государеву казну хлеба с яндинских крестьян и быстро получает требующиеся сведения. Далее производится подсчѐт суммы, и воевода Татаринов велит выдать крестьянскому челобитчику Павлу

Москалѐву «деньгами за каждой пуд по настоящей средней цене... по осми копеек».

Трудно представить радость яндниских крестьян, дождавшихся своего уполномоченного с деньгами. Всѐ дело было решено быстро — челобитная в Иркутске подана 22 июня 1726 года, деньги в Илимске получены 28 июля (арх. № 213, св. 21, лл. 8-12).

Естественно, что крестьяне других волостей быстро узнали об успехе их яндинских собратий. На следующем листе того же дела можно прочитать: «Доносят Илгинского острогу выборные пашенные крестьяне Леонтий Захаров, Яков Прохоров, Максим Трифонов и все пашенные крестьяне». Нетрудно догадаться о чѐм они могли «доносить». Затем поступает письмо орленских пашенных крестьян, подписанное выборным пашенным крестьянином Григорием Тюмениным. Вслед за этим на воеводском столе оказывается челобитная из Тутурской слободы «за руками выборных пашенных крестьян» Егора Маркова и Фѐдора Орлова.

Приказная изба даѐт справку за справкой: илгинским за 3094 пуда причитается 247 руб. 52 кои., орленским за 1387 пудов — 110 руб. 96 коп., тутурским за 1219 пудов — 97 руб. 52 коп. Всего 456 руб., что равняется, примерно, 5000 золотых рублей начала XX века.

Воевода колеблется — почему можно вернуть деньги лишь яндинским крестьянам, а другим — нельзя, и пишет — выдать. В приговоре упоминает жестокую угрозу Петра I о смертной казни, о галерах, о вырывании ноздрей. Обосновав таким образом свои действия, воевода требует, чтобы крестьяне в получении денег выдали расписку — вернуть деньги в казну, если о том последует указ.

18 сентября выдаются деньги, крестьянские уполномоченные расписываются, что вернут их, если означенная казна впредь будет на илимской воеводской канцелярии (то же дело, лл. 13-24).

Деньги воеводской канцелярии были исчерпаны. Тогда поступают коллективные заявления крестьян Усть-Кутской, Ново-Удинской, Криволуцкой волостей — зачесть им взятый в 1725 году хлеб в счѐт денежных сборов следующего года (лл. 222-223).

Коллективные челобитные крестьян не одной волости, но целой группы волостей не были каким-то выходящим из ряда вон событием. Реки давали удобные пути не только правительственным, но и крестьянским представителям. Пользуясь Леной, крестьяне нескольких волостей могли поддерживать между собой постоянную связь.

По указу 1680 года шесть ленских волостей были отписаны из Илимского воеводства в Якутское, что с экономической да и административной стороны несомненно представляло ошибку. Неудобства такой отписки проявлялись в разных формах. В частности, крестьянам отписанных волостей пришлось гонять

подводы «на 2 острога». Чтобы избавиться от лишних перевозок крестьяне шести волостей выбрали пашенного крестьянина Исачку Маркова челобитчиком по этому делу. Появляется пространная и хорошо обоснованная челобитная, вызвавшая довольно большую переписку[1]. В этой челобитной крестьяне напоминают условия подводной гоньбы, существовавшие с 1665 года. В частности, они дают хороший отзыв бывшему воеводе Оладьину: «Дрова к нему шли небольшие, також и зделья были малые и за Ленской волок не ездил и на Киренской погост не плавал». Но другие воеводы, по их мнению, стали злоупотреблять разъездами без дела. Крестьяне, указав в этой челобитной, что в 1682 году их волости отошли (по указу 1680 г.) к Якутску, отметили: «А Киренской погост и Нижная Киренская волость до Чечуйского острожку илимский стольник и воевода князь Иван Петрович Гагарин... к Якутцкому городу не отдал для ради своего воеводкого приезду»[2]. Посылаемые в Нижнюю Киренскую волость приказчики из Илимска «чинят нам всякие убытки и налоги многие... сажают в колоду и в железа в работную пору». Чтобы избежать лишних разъездов воевод и притеснений илимских приказчиков, крестьяне решили просить об отписке от Илимска к Якутску Нижней Киренской волости. Далее они просят понизить им плату на ямскую гоньбу с 4 до 2 рублей на тяглую десятину. Они также жалуются, что илимские воеводы берут на поделку судов по 1 пуду пеньки, по 12 аршин холста, по 1 ведру смолы и по 10 гривенок лык таловых с тяглой десятины. «А в Ылимском, государь, остроге тому розходу нет».

Крестьяне в челобитной напоминали: «И вы, великие государи... послали на нашу прежнюю челобитную... грамоту с прочетом в Якутцкой». Якутский воевода П. Зиновьев копии грамоты разослал по волостям, а подлинную грамоту отдал в мир «с роспискою» пашенным крестьянам. В 1686 году по той же мирской челобитной была послана грамота в Илимск с мирским челобитчиком Исачкой. Он передал грамоту пашенным крестьянам, которые доставили еѐ илимскому воеводе Фѐдору Павлову. В грамоте ему предлагалось удовлетворить требования крестьян в отношении снижения сборов на ямскую гоньбу, отмены возки дров, сбора лучины и других «зделей». Вероятно в грамоте, которая излагала крестьянские заявления, воевода прочитал обидные для своего ранга замечания и поэтому никаких распоряжений по грамоте не сделал.

Челобитье заканчивается просьбой отписать Киренский острожек от Илимска, не велеть илимским воеводам приезжать туда, отменить сбор пеньки, холста и смолы, «потому что в Ылимском остроге на тот пенек и холст и смолу росходу нет».

[1] Сибирский приказ. Столбец 1545, лл. 1-39, 1694 год.

[2] В действительности по указу 1680 года эта волость не отписывалась.

сократить плату за ямщину, отменить перевозку на крестьянских лошадях 1000 пудов соли, разрешить крестьянам при исполнении подводной гоньбы косить сено по рр. Илиму, Муке и Купе и послать им о том грамоту «с прочетом».

Во втором челобитье пашенных крестьян трѐх ленских волостей «за руками» их представителей — Логинка Ефремова и Архипки Скрыпина написано: «жалоба де им, Илимского острогу на воевод» в том, что они берут с них лишние деньги «и они ж воеводы ездят неведомо по какому указу и... емлют подводы». Затем они жалуются на воеводу Фѐдора Павлова: «И во 197 (1689) году по указу великих государей и по грамоте были у них выбраны выборные люди и посланы в Ылимской для отказу, чтоб им в Ылимской двор зделей не делать; и в Ылимском воевода Фѐдор Павлов выборных людей на правеже бил и в тюрьму сажал».

По первой челобитной был начат сыск о незаконных разъездах воеводы Змеова. Сыск было поручено произвести енисейскому воеводе. В 1687 году енисейский воевода Ст. Собакин прислал результаты сыска. При сыске Змеова не раз спрашивали — по какому указу он ездил в Киренск. Змеов отвечал, что так как есть указ, которым ему поручается наблюдение над Киренском и в том числе над таможенными сборами, то он и ездил, чтобы выполнить свои обязанности. Тогда его вновь спрашивали — есть ли у него указ, что именно ему поручается ехать в Киренск. Такого указа Змеов не имел. Тут же выяснилось, что ему было подано 92 подводы. В отношении оплаты за ямскую гоньбу Собакин произвѐл сложный и достаточно обоснованный расчѐт, своего рода калькуляцию. Он подсчитал число действительно нужных подвод на все пункты — до устья р. Муки, до Усть-Кутского острога, до Якурима реки, учѐл цену подвод зимой и летом — «с летней тележной подводы, с верховой подводы, со вьюшные», сделал два вычисления стоимости всех требующихся подвод — одно по низшим, другое по высшим ценам и пришѐл к заключению, что с крестьян брали лишних 156 рублей 10 алтын, не считая подвод под воеводу Змеова, стоимость затрат на которые Собакин определил в 80-95 рублей. Затем он установил число тяглых десятин тех волостей, которые гоняли здесь подводы и вычислил, что на десятину должно падать по 2 рубля 31 алтыну 3 деньги (с крестьян собирали 4 рубля).

Когда в Сибирском приказе собрались все документы по этому делу и там стали составлять выписку для думного дьяка, то мирской челобитчик, видимо потратив много труда на объяснение географии волостей и в том числе Нижней Киренской, прибег к карте: «Да челобитчик же Исачко Марков подал к сей выписке ленским волостям чертеж, а в чертеже пишет»... В чертеже он «писал» реки, слободы и деревни. На обороте чертежа, по склейкам двух листов «к сему чертежу челобитъшик Исачко Марков руку приложил».

3 февраля 1694 года боярин князь Ив. Бор. Репнин «сей выписки слушав, приказал послать великих государей грамоты... велеть ямские деньги имать... по 2 рубли, зделей не делать». Если же илимские пашенные крестьяне не захотят (брать деньги с ленских крестьян), то пусть якутские пашенные крестьяне ямскую гоньбу «гоняют собою, опричь илимских крестьян...» (документ обрывается).

Приложенный Исачком Марковым чертѐж представляет два склеенных листа писчей бумаги, общим размером 61х40 см, на котором в общем совершенно верно, если отвлечься от несоблюдения масштаба, изображено всѐ Предбайкалье. По этому крестьянскому чертежу подьячие и дьяк Сибирского приказа легко могли убедиться в том, что Нижняя Кирѐнская волость оставлена в Илимском воеводстве нелогично, поскольку вверх и вниз от неѐ лежали волости Якутского воеводства.

Заканчивая очерк крестьянского самоуправления и общемирских действий крестьян, можно сделать вывод, что крестьянское самоуправление являлось одним из звеньев общего управления Илимского воеводства и действовало не только согласно с ним, но и в известной зависимости от него. В тех случаях, когда возникали противоречия между системой государственного, т. е. воеводского управления и крестьянским миром, исход столкновения зависел от многих местных условий и в том числе от степени стойкости крестьян и тактики их мирских челобитчиков.

В XVII веке происходили многие народные волнения и восстания против феодально-крепостнического гнѐта. Наиболее крупными из них были крестьянские войны под предводительством Ивана Болотникова и Степана Разина.

В Сибири народные движения не принимали таких размеров, как в Европейской части России, но и здесь происходили выступления крестьян, посадских и казаков против социального гнѐта и произвола управителей. Известны происходившие в конце XVII века народные волнения: в Бирюльской слободе, Красноярске, Илимске, Братском остроге, Иркутске и в Забайкалье. Здесь рассматриваются те из них, которые относятся к Илимскому воеводству.

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Отстранение бирюльскими крестьянами приказчика Халетского

Дело о «бунте» бирюльских пашенных крестьян в 1691-1692 годах излагается по столбцам Якутского воеводства XVII века, №№ 27, 28 и 37, которые хранятся в Иркутске.

Волнения в Бирюльской волости отличаются резкими формами действия их участников. В те годы Бирюльская и Тутурская

полости входили в состав Якутского воеводства и являлись его отдалѐннейшими слободами на Лене: Бирюльку отделяло от Якутского острога более 2000 вѐрст. Это сильно осложняло руководство волостью и приводило к усилению значения приказчика, управлявшего обеими волостями.

В 1689 году якутский воевода Пѐтр Зиновьев назначил приказчиком Тутурской и Бирюльской волостей казачьего десятника Ивана Потапова. В следующем году Зиновьев, производя ежегодную смену приказчиков, назначил туда казачьего пятидесятника Павла Халетского. В 1691 году новый якутский воевода князь Иван Михайлович Гагарин вновь вернул к приказчичьим делам Бирюльской и Тутурской волостей Ивана Потапова, не вскоре, не дожидаясь окончания года, его сменил, назначив Халетского приказчиком во второй раз. Потапов был очень недоволен, считал свою преждевременную смену необоснованной и стал следить за действиями Халетского. Последний держался полновластным хозяином волости и торопился извлечь из своего положения все выгоды, опираясь на своих друзей и притесняя сторонников Потапова.

Удобной ареной для вымогательства оказался выдел хлеба. Как раз подошла осень и Халетский вместе с выдельщиком, назначенным из Якутска, казаком Фѐдором Букой, производил выдел и обмолот хлеба на государевых десятинах, которые пахали крестьяне. Халетский при этом старался обнаружить у своих недругов «залишечные» посевы, с которых надлежало взыскивать сверх десятинного выдела пятинный хлеб. Он якобы обнаружил у пашенного крестьянина Мишки Дунаева две скрытых от обложения клади сжатого и заскирдованного хлеба по 1500 снопов, что составляло сбор примерно с 6 десятин. Такие же, может быть не существовавшие, излишки посева Халетский обнаружил у другого крестьянина, Васьки Седова. На допросе по расследованию «бунта» Мишка Дунаев показал: «... у него де, Мишки, сверх отводной земли на залишечной земле севу не было и Павел Халетцкой двух кладей по тысяче по пятисот снопов в кладе не нахаживал. И у товарищей ево, у Васьки Седово с товарыщи, которые писаны в отписке Павла Халетцкого, на залишечной земле севу не было. И скаски Павел у него, Мишки, и у товарищей не спрашивал. И выделять было ему сверх отводных десятин нечево».

Был ли в действительности обнаружен укрытый от обложения посев или всѐ это являлось выдумкой Халетского, установить невозможно. Приказчик решил, во всяком случае, получить с Мишки Дунаева взятку, «и не стерпя муки от Павла Халетцкого он, Мишка, посулил ему, Павлу, рогатую скотину — быка». Халетский 10 октября 1691 года посылает за быком целую группу своих людей: дворового человека Обрашку Яковлева, казака Вахрушку Ситникова, двух гуляющих людей — Тимошку Сажина и Федьку Чюприка.

На первом лице этого отряда следует несколько остановиться. Обрашка Яковлев числился гулящим, т. е. вольным человеком и жил во дворе Халетского. «А... по воли ль он, Обрашко, ему, Павлу, во двор дался или поневоле, про то он, Мишка (Дунаев) не ведает. А слышил де он, Мишка, от него, Обрашка, что Павел Халетцкой держал ево в колоде, намучил на него, Обрашка, дворовую кабалу». Вольный человек оказался крепостным бирюльского приказчика, который использует его для вымогательства. Обрашка Яковлев избирает сложный путь к своему освобождению. Вероятно, он тайно предупредил врагов Халетского о времени, которое было назначено для изъятия быка у Мишки Дунаева.

«А как де по скотину к нему, Мишке, пришли от Павла — Вахрушко и Обрашко с промышлеными людьми — и в то де время Бирюльские волости пашенные крестьяне были у него, Мишки, в избе все вскопе для совету — итти им к государеве судной избе и прикащику Павлу Халетцкому от приказу отказать для того, что он, Павел, чинил им великие налоги и обиды и нападки. И по- шед де от него, Мишки, к судной избе, от приказу прикащику Павлу отказали не бунтом и не бранью. И у него, Мишки, в избе говорили пашенные крестьяне и он. Мишка, — Обрашке и Вахрушку с товарищи: ныне де они, пашенные крестьяне, Павлу Халетцкому хлеба и скота и никакова живота давать не будут. И мал де он, Павел, у них хлеб и скот, муча в колоде. И пришед к судной избе ему, Павлу, говорили: великих де государей они, пашенные крестьяне, подсудны, а ему, Павлу, не подсудны. И слушать де ево, Павла, ни в чем не будут».

По показаниям Федьки Буки события развернулись так: «И пришел де он, Федька (Бука) к приказному к Павлу Халетцкому поклонитца. А около де двора стоят все Бирюльской волости пашенные крестьяне з дубьем и он де, Федька, прошел в сени и в ызбу, а пашенные крестьяне, стояв на дворе крычали и говорили невежливо и бранили и от приказу отказывали: — мы де тебе не подсудны, выдь де из государева двора вон и из волости. — И он де, Павел, сел от них, пашенных крестьян, в осаду. И он де, Федька, был с ним же. Павлом, в осаде. И не отходя от [д]вора лазили на сенную кровлю и кровлю ломали, попадали в сени. А иные ходили вечером по домам и пришли к ноче з бердышми и ночыо клали огни и государев двор зажигали... И опасаючись де их... приходу принес он, Павел, из анбару ружье, две пищали да пару пистолет да два лука. И принеся ружье роздал им, Федьке с товарыщи. Ему, Федьке, дал пищаль, а Обрашке лук, Вахрушку Ситникову пистоль, Федьке Чюприку пищаль, гулящему человеку Тимошке Сажину лук... А сам он, Павел, взял пистоль. И чистя пистолет казак Вахрушко ненарошным делом спустил курок в ызбе, а не за окно. И пашенные крестьяне послыша (неразборчиво) чолк пистолетной, к государевой избе приступали, в окна поленьем били и жердьем совали. И ево де, Федьку, и гуля-

щего человека Федьку де Чюприка и Обрашку и Вахрушку из избы выпрашивали. И Обрашка де вышел х конем. И пашенные крестьяне ево, Обрашку, взяли и коней вывели из двора. И которые кони были на поле и рогатой скот — пашенные де крестьяне коней ево, Павловых, и рогатой скот загнали. И весь скот рогатой и кони с поля и который выгнали из двора, по себе розделили. И на Обрашку де записку выпрашивали. И Павел де им, пашенным крестьяном (крепостную запись) выдал окном».

Итак, крестьяне выручили Мишку Дунаева, загнали бывшего приказчика в государев двор с немногими его защитниками, освободили Обрашку Яковлева и получили крепостную запись, которой он закрепил себя Халетскому. Затем был произведѐн раздел имущества Халетского. По росписи «погрableных животов», составленной Халетским, у него было взято 900 горностаев, 20 соболей ленских, 40 пупков собольих, 3 красных лисицы, 10 коней, 10 голов крупного рогатого скота, «хлеба вынесли 100 пуд, десять мешков», 3 хомута со шлеями «и с наметками, три узды — по железу серебром насеканы». Приговором крестьян приказчиком волости был назначен Иван Потапов. По его показаниям «был Павел Халетцкой на приказе недолгое время и чинил пашенным крестьяном налоги и обиды, и нападки многие. И пашенные крестьяне ему, Павлу, от приказу отказали и подали ему, Ивану (Потапову), челобитную за руками, чтоб быть на приказе в Бирюльской волосте ему, Ивану, по прежнему наказу. А они де, пашенные, Павлу Халетцкому, под суд не идут... И он, Иван, по их челобитью был на приказе и промеж ими всякую росправу чинил». О событиях около государевой избы он, якобы, ничего не знал, «потому — был де он, Иван, в церкви у заутрени».

Через 3 дня крестьяне вновь собрались у осаждѐнного государева двора и стали «выпрашивать» Федьку Буку. Вот как об этом рассказывает сам Федька: «Да с ними же с пашенными крестьяны приходил поп Матвей Микулин и их, пашенных крестьян, уговаривал. И вошедь в ызбу, ево, Федьку, из ызбы к ним. пашенным крестьяном, он, поп, вызвал. И он де, Федька, обмывся и переменясь платьем, боясь смертного часу, [по] попову вызову с ним, попом, вместе к пашенным крестьяном вышел и пашенные крестьяне ничем ево не вредили и к Павлу Халетцкому ходить не велели и из волости ево вон выслали».

То, что крестьяне мирно отпустили казака Федьку Буку, показывает, что он, производя у них выдел хлеба, не участвовал в вымогательствах Халетского. Жил он во время дальнейших событий «в Качиковой деревне», т. е. в Качуге.

Видя бесполезность сопротивления и потеряв часть сторонников, Халетский передал дела Ивану Потапову. Крестьяне удовлетворились исходом столкновения. Лишь Потапов, действовавший всѐ время за кулисами, продолжал мстить своим недругам. Да небольшая группа крестьян во главе с Васькой Седовым долго ещѐ не успокаивалась. Ночью 10 февраля 1692 года Васька

Седов с сыновьями и товарищами ворвались к Халетскому и по словам последнего «сорвали крест сребряной с финифтом под золотом, из зепи выняли в мешечке 6 рублев денег, шапку унесли соболью, верх на шапке вишневой. У жены моей сорвали поцепку да 3 креста под золотом, да треух соболий унесли. На треухе верх — камка лазоревая».

В другом челобитье, повествуя об этом же нападении 10 февраля, он подчѐркивает свои мучения: «меня, холопа вашего, с постели здернули и поленом [били на смер]ть, руку и ногу правую перешибли и хребет [во многи]х местах збили и животишко мое по[грабили]».

Видимо после этого Халетский считал, что его больше трогать не будут и осмелился 22 февраля выехать для гульбы. Но Васька Седов с детьми и теми же товарищами, хорошо вооружѐнные, нагнали Халетского, «из саней выхватили и руки назад заломили и связали и за волосы меня, холопа вашего, к пролубе водили, и в воду посадить хотели и женишко мое из саней выбросили и били и всячески бранили неподобною бранию и с меня, холопа вашего, крест и перстни оборвали и оружие из саней пограбили». Так писал в челобитной Халетский, прося «про тот бунт и мятеж и про мое разорение, холопа вашего, розыскать. И чтобы ваша, великих государей (Иоанна и Петра), от бунту и самовольства и от их бунтовщиков, вотчина не разорилась».

Встречается в его челобитьях и следующая формулировка: «И ваша, великих государей, вотчина разоряетца, и пашня пустует от того их бунту. И ис тое волости промышленые и гулящые в разные городы розошлись и розбрелись врознь (написано — вразнь)».

В челобитьях Халетский подчѐркивает политическую сторону происшедшего, своѐ изгнание объясняет бунтом и мятежом против властей, намекает на возможность разорения государевой вотчины и при упоминании имени одного из крестьян, своих врагов, — Стеньки Синькова не забывает добавить «что называетца Разиным».

Иван Потапов, говоря его словами, «всякую росправу чинил». Следующий перечень дел составлен из его отрицательных ответов на вопросы следствия.

Он «не» знал о смещении крестьянами Халетского, пока ему не принесли «выбор». Он «не» бивал своими руками Василия Андреева, обвинявшегося в переводе ясачного платежа в другую волость. Он «не» велел его бить батогами и сажать в колоду. Он «не» бранивал никакой браныо Халетского и «не» бесчестивал и «не» имывал у него шубу овчинную мерлушчатую, под китайкою и опояску шѐлковую и с ножем и платка безинного. Он «не» советывал «наединке» бирюльским крестьянам отстранить Халетского. И сына Сенки Рыкова, Ларьку, он «не» бивал своими руками. Он «не» смучивал у крестьянина Васьки Чангукова лошади да 30 пудов ржи и двух кабал. А держал в колоде этого

крестьянина по челобитью ясачного иноземца, а как его зовут «не» знает. Вина курить Брагину «не» веливал. И с Симашкой Даниловым «не» перепивался, а его и других вином поил «в честь» и т.д.

В марте того же года на Ивана Потапова поступает ряд челобитий: крестьянина Сеньки Рыкова в избиении его сына; крестьянина Пронькина Голого на деятельного сторонника Потапова, на казака Злыгостева, уличѐнного в воровстве; промышленного человека Левки Михайлова, который опознал свой крест на Потапове; крестьянина Стефана Александрова на избиение его и сына Васькой Седовым; пономаря Мишки Никитина в избиении его Васькой Седовым; крестьянского сына Андрея Степанова на Ваську Седова, пришедшего к нему с оружием и взявшего ларец с деньгами и мехами; Герасима Иванова на Ваську Седова: «били насмерть, хребет сбили, в колоду садили, взяли 27 алтын» и так далее.

Вскоре Халетский умирает. Дело о его насильственной смене заглохло. Но на жене его женится один из бирюльских деятелей того времени, Александр Никитин, и, приехав в Якутск в 1698 году, узнаѐт там двух лиц, когда-то деливших «животы» Халетского. Никитин считает себя наследником его имущества и просит якутского воеводу допросить их. Просьба удовлетворяется, их допрашивают, но ничего определѐнного не узнают. Там же Никитин находит гулящего Обрашку Яковлева, бывшего крепостного Халетского. Просит привлечь к следствию и его. Но в это время Бирюльская волость переходит в ведение Илимска. Никитин дважды в 1699 и 1700 годах, безрезультатно ездит в Илимск и, наконец, сам попадается в незаконной продаже табака.

Якутские воеводы просят Качанова повести следствие, но Бирюльская волость переходит в ведение Иркутска, вместе с чем тонут следы всего дела, начавшегося в 1691 году.

О дальнейшей судьбе участников описанного эпизода можно сказать лишь очень немногое. Халетский, как упоминалось, умер, Потапов исчез из Бирюльки и, кажется, занялся коммерческими делами, поразъехались и другие служилые люди, но имена большинства крестьян встречаются в последующие годы, в частности, в ведомости по сбору поворотных денег за 1706 год, т. е. 13 лет спустя, называются: Михаил Дунаев, Ларион и Семѐн Рыковы, Прокопий Голый и Степан Синьков, которому Халетский без всяких оснований приписывал грозное имя Степана Разина. Видимо бежала семья Седых, бежал также Иван Синьков (арх. № 76, св. 6, лл. 156-158; арх. № 78, св. 7, лл. 111-115).

1706 год является последним годом, за который в бумагах Илимского воеводства сохранились дела Бирюльской волости, отписанной вскоре к Иркутску. Поэтому лишь по случайному поводу и через много лет, а именно в 1736 году, упоминается Бирюльская волость. Крестьянин этой волости Зуев утерял «данную» на землю и Верхоленская канцелярия Иркутского уезда просила

Илимск дать справку из старых земельных дел. Илимская воеводская канцелярия отметила, что в 1684-1685 годах илимским и якутским воеводами была отведена земля Синькову, что в 1701 году она запустела и что пашня «збеглого пашенного крестьянина Ивана Михайлова сына Синькова» закреплена за Зуевым.

Переписка о судьбе земли одного из участников бирюльских событий является последним отзвуком этого дела.

СМЕНА ИЛИМСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ВОЕВОДЫ ЧЕЛИЩЕВА

15 сентября 1694 года в Илимский острог приехал новый воевода, стольник Богдан Анфиногенович Челищев. Уже первые шаги его вызвали у илимских жителей тревогу.

Похоже на то, что сменяя своего предшественника, воеводу Грибоедова, Челищев потребовал с него взятку, за что, вероятно, обещал отпустить его без начѐта. В делах Сибирского приказа есть черновой отрывок чьего-то донесения на Челищева: «и сентября с 15 числа — майя по 16 число (Челищев) с ним (Грибоедовым) ни в чем не росписывается и, исполняя де прежнюю недружбу, всякие ему напрасные нападки и нестерпимое раззорение чинит и бранит и бесчестит и з двора никуды пущать не велит», далее сообщается, что Челищев держит Грибоедова в тюрьме, а семья последнего сидит голодом[1].

Вскоре в Сибирский приказ приходят из Илимска одна челобитная за другой. Таможенный голова Пѐтр Соловаров, один из будущих илимских воевод, жалуется, что Богдан Челищев, приехав в Илимск, «в таможенные дела стал вступатца и пошлины терять для своей бездельной корысти». П. Соловаров, по указу 1688 года, был выбран в Енисейске и послан в Илимск и поэтому не мог смещаться местным воеводой. Когда же Соловаров указал Челищеву на неправильность его действий, последний Соловарова «отставил, бил и увечил и кнутом стращал» (л. 49). Тут же есть отрывочек челобитья посадских людей Илимского острога, которые поддерживали жалобу Соловарова (л. 51). Сибирский приказ посылает грамоту думному дьяку Полянскому — разобрать эту жалобу. Вместо Соловарова Челищев без согласия посадских людей назначил таможенным головой Степана Пежемского, что, разумеется, не обошлось без взятки. Степан Пежемский вскоре убедился в ненадѐжности длительного сотрудничества с своим патроном. В допросе, по поручению думного дьяка

[1] Сибирский приказ. Столбец 1139, л. 44. В этом столбце сосредоточены основные материалы по делу Челищева. Жалоба воеводы Грибоедова на Челищева, что он «не росписывается с ним», мучит его, притесняет его людей, вследствие чего «людишки мои разбежались», а также челобитье Сибирскому приказу Петрушки Акинфиева, человека Грибоедова, о побоище, устроенном Челищевым, с просьбой оказать помощь его господину, случайно подшиты к одному из дел Илимского воеводства (Россыпь, № 9, св. 1, лл. 451, 452).

Данилы Леонтьевича Полянского, который тогда вѣл сыск в Енисейске, Степан Пежемский, подделываясь под общий тон, заявил, что «в таможенные де дела и в пошлинной сбор вступался и всяких чинов людей из Ылимского отпускал и ярлыки им давал стольник и воевода Богдан Челищев... И куды тое зборную казну девал, про то ему, Степану, неведомо. А иные де торговые и всяких чинов люди для ево Богдановых налог ездить в Ылимской не смели, а иные и не торговали». Челищев изъял у посадского Митьки Рокитина часть собранных таможенных денег и «вымучил» какую-то расписку у Степана Пежемского и «бил батоги на-смерть» (арх. № 37, св. 3, 1698 год). В январе 1096 года в Москву по поручению Челищева привозили казну и отписки илимские служилые люди, в том числе и Степан Пежемский. Последний был допрошен в Сибирском приказе и заявил, что Челищев вступается в таможенные дела, что поставил его, Пежемского, в таможенные головы без выбора посадскими людьми и заканчивает показания просьбой: «Вели, государь, голов не менять и не вступатца» (указанное дело Сибирского приказа, лл. 62-63). Возможно, что Ст. Пежемский, незаконно став таможенным головой, заметал следы и под видом жалоб на Челищева, добивался согласия Сибирского приказа на оставление его, Пежемского, в этой должности.

Более решительно и искренне действовали в Москве другие илимские служилые люди, приехавшие вместе с Степаном Пежемским. Они 20 января 1696 года подали в Сибирский приказ следующее заявление: «...бьют челом сибиряке, Илимского острогу мирские выборные челобитчики, служилые люди Гришка Пежемской (брат Степана) и Июткa Кузнецов. В нынешнем, государь, 204-м (1696) году били челом мы, холопи твои, и подавали челобитную на илимского воеводу стольника Богдана Челищева в налогах и обидах и во всяком разорении и по твоему великого государя указу, а по нашему челобитью велено про него, Богдана, сыскать сыщику (т. е. Полянскому). И за нынешним нашим челобитьем под началом быть у него, Богдана, нам невозможно. Уведав, замучит и погубит и разорит нас всех до конца... Вели, государь, ево, Богдана, в Ылимску переменить. А в Ылымском вели, государь, до приезду нового воеводы... быть тамошних сибирских городов и нас, холопей и сирот твоих, ведать сыну боярскому, ис которого города ты, великий государь, укажешь» (л. 165). На обороте помета: «204 февраля в 28 день (1696 год): взять к делу и выписать».

Как вытекает из последней челобитной, она была не первой коллективной жалобой илимских жителей. В том же деле есть еще несколько челобитий служилых и посадских людей на Челищева (лл. 165-167, 180-181, 248-258).

Челищев, пользуясь властью, не только притеснял местных жителей, но и наносил ущерб казне. Кроме вмешательства в таможенные дела и незаконных сборов с купцов, так что они избе-

тали торговать в Илимске, Челищев присвоил 30 вѐдер конфискованного вина у киренского попа Данилова, которое отправил с своим человеком в Якутский острог для продажи.

Сибирский приказ довольно скоро решил сменить Челищева и ещѐ 25 марта 1695 года, т. е. всего через 5 месяцев после его приезда в Илимск, намечал послать туда воеводой Семѐна Языкова. Но назначение Языкова почему-то не состоялось.

Получив заявление Гр. Пежемского и Ю. Кузнецова и собрав другие справки о положении в Илимске, Сибирский приказ направляет 10 июня 1696 года письмо Челищеву следующего содержания: «,..[стольни]ку нашему и воеводе Богдану Анфиногеновичу Челищеву. В нынешнем 204-м (1696) году писал ты к нам, великому государю, и прислал к Москве с отписки и с сметными и пометными списки и с нашею, великого государя, ясачною и десятинного соболиного казною илимских служилых выборных людей — десятника Гришку Пежемского да казака Июдку Кузнецова за выбором мирских людей. И генваря 20 дня били челом нам, великому государю, те присланные, Гришка Пежемской и Июдка Кузнецов, а в заручной их челобитной написано: ...И будучи де ты в Ылимску им и иным градским жителям обиды и налоги и тесноты и многие взятки чинил и всякими бездельными нападки нападал, и многие взятки берешь. И тем де их многих разорил без остатку. И многие дела делаешь, преслушав наш, великого государя, указ и грамоты и наказ, каков тебе дан из Сибирского приказу за дьячьею приписыо. И впредь им от твоих налог и обид и напрасных больших взятков в Ылимску при тебе жить невозможно. И нам, великому государю, пожаловати бы их: за такие от тебя к ним разорения и напрасные обиды и налоги велеть из Ылимска тебя переменить, а на твое место послать иного воеводу. И в том про тебя в тех твоих обидах и взятках розыскать всякими сыски; и по розыску наш, великого государя, указ учинить, чтоб им от твоих наглых обид и разоренья з женами и детьми в конец без остатку не разоритца и из Ылимска врознь не розбрестись. И по нашему, великого государя имянному указу велено быть в сибирских городех думному нашему дьяку Данилу Полянскому. И наказ ему из Сибирского приказу дан. И против того их, илимских служилых людей, челобитья ему, думному нашему дьяку Данилу Полянскому, велено про тебя в Ылимску розыскать. И на твое место в Ылимску быть иркутцкому отставному сыну боярскому Ивану Перфирьеву. А буде он, Иван, умер [или] престарел и за старостью в Ылимску быть [ему] невозможно — и вместо ево, Ивана, на пе[ремену тебе]...» (Россыпь, № 7, св. 1, копии указов в Илимск, л. 1, документ без начала и конца).

В утерянной части этого указа говорилось, что вместо Ивана Перфирьева, если он умер или одряхлел, в Илимске должен принять воеводские дела его сын — Перфирий. Отцу или сыну предлагалось воеводу Челищева счесть, «а без счету из Илим-

ска не отпускать» и расследовать дело по жалобам илимских служилых людей.

По илимские служилые и посадские люди не стали дожидаться приезда Перфирьева и решили немедленно убрать самодура, взяточника и притеснителя Богдана Челищева.

Несмотря на то, что в подготовке к удалению Челищева участвовали десятки людей, часть которых с особыми письмами поехала по волостям для получения там поддержки в случае сопротивления Челищева, весь заговор остался для него тайной.

21 июня 1696 года служилые и посадские люди вместе с представителями крестьян вынесли и поставили «середи города» знамя, забили в барабаны и приставили караул ко двору воеводы Богдана Челищева. Собравшиеся вокруг знамени участники этого выступления приняли решение об отстранении Челищева от воеводской должности и выбрали для управления Илимским воеводством местного сына боярского Ивана Никифорова сына Качина, а в помощь ему «старого подьячего ясачного и денежного стола Герасима Симанова сына Учюжникова».

Этот акт был оформлен следующим «выбором», т. е. протоколом:

«Лета 7204 (1696) июня в 21 день Илимского острогу дети боярские Пимин Сташкеев, Степан да Василей [дети] Воронецкого, подьячие: Борис Зубов, Андрей Учюжников, Петр Лазарев, Иван Зубов, таможенной голова Степан Пежемской, подьячей Степан Шангин, городничей Иван Брагин, пятидесятники (идут имена 5 человек), десятники казачьи (имена 8 человек, в том числе Ивашко Литвинцов), рядовые казаки (имена 102 или 103 человек; документ здесь порван), посацкие люди (имена 59 человек, в том числе Ондрюшка Ядрихинской), пашенные крестьяне (имена 17 человек) да все илимские служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне, посоветав меж собою, что в нынешнем в 204-м году июня в 7 день в Ылимском остроге извещал войское (?) и ламское (?) служилый человек Абакумко Облизанов... и мы все, выслушав ево, Абакумков, извет и не стерпя ево, Богдановых, обид и налог и напрасного разорения, ему, стольнику и воеводе Богдану Анфиногеновичу Челищеву, в Ылимском в приказной избе от всяких великих государей дел и от воеводства до указу великих государей отказали. И по совету ж своему, разсмотря и излюбя, все вместе, безо всякого перекословия выбрали в Ылимском илимских же жителей — сына боярского Ивана Никифорова сына Качина да подьячего Герасима Симанова сына Учюжникова в Ылимском, в приказную избу для... приказных дел и для всякие [росп]равы». Выбранным предлагалось принять все дела по управлению Илимским воеводством. «И будучи им, выборным людем, всяким великих государей делом радеть неоплошно», в частности собирать деньги, хлеб и ясак, вести суд и бить кнутом «с ведома, призвав илимских градских лутчих людей». При этом всякое наказание «записывать имянно»... «Нам ни в чем

их (выборных) не порочить. А хто в чем их станет порочить или сей наш выбор разорит и ему учинить наказание в войске... И нам, всяких чинов служилым и посацким людем и пашенным крестьяном в напрасную обиду и в налогу их (выборных) не давать, для того, что мы по совету своему выбрали их излюбя, поневоле (т. е. против их воли). И сей выбор в войске служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне слушали. А слушав нихто ни в чем сего выбору не порочил. И, приложа вышеписанные всяких чинов люди к сему выбору руки и призвав их, выборных людей, в приказную избу, сей выбор им в приказной избе отдали. А выбор писал по велению вышеписанных всяких чинов людей илимской же казак Мишка Васильев сын Березовского сего ж выше[писанно]го числа» (то же дело, лл. 335-342).

Решение было необычайно единодушное, в «выборе» названо 201 или 202 человека. Остается неясным, о каком «государевом деле» Челищева говорил Облизанов. Он, видимо, служил в войске за Байкалом и, оказавшись в Илимске, ускорил своим обвинением выступление илимцев против воеводы. Степан Пежемский поспевал всюду — получал от Челищева должность таможенного головы, жаловался в Москве и свергал Челищева в Илимске. Многие имена, записанные в «выборе» встретятся ещѐ впоследствии.

Иван Качин и Герасим Учюжников, оказавшиеся у власти, быстро закончили порученное им народом дело, они отобрали у Челищева печать Илимского острога, городские ключи, все дела и казну и задержали его самого с семьѐй в Илимске для отчѐта. Видимо, некоторые из обиженных Челищевым лиц, поделили часть его имущества в погашение своих убытков.

В июне 1696 года две важных бумаги двигались в противоположных направлениях: одна, приведѐнный выше указ из Москвы от 10 июня, направлялась в Иркутск на имя Ивана Перфирьева о том, чтобы он сменил Челищева; вторая — сообщение илимских служилых людей о смене Челищева и об установлении ими выборного управления, шла из Илимска в Москву.

Почти одновременно иркутские жители выбирают Ивана Перфирьева воеводой вместо умершего в дороге воеводы Семѐна Полтева. Таким образом, у Ивана Перфирьева оказалось два назначения, одно из Москвы о принятии воеводских дел в Илимске, второе — по выбору иркутских жителей, о принятии воеводских дел в Иркутске.

Иван Перфирьев решил остаться в Иркутске «за конечною древнею старостью, да и для того, что взят поневоле (по выбору) иркуцких всяких чинов жителей к нашим государевым делам». Поэтому в марте 1697 года в Илимск выезжает его сын Остафий, куда он прибыл 2 апреля. Здесь ему сообщили, что Богдану Челищеву «отказали от наших государевых и ото всяких градских дел» и до государева указа выбраны «для всяких росправ-

ных дел» Качин и Учюжников. Таким образом, в течение 9½ месяцев Илимск управлялся выборными людьми.

Остафий Перфирьев призвал в приказную избу выборных и бывшего воеводу Челищева. Грамоту из Сибирского приказа о назначении его отца или его самого «велел вычесть всем людем вслух». Выборные вручили Остафью печать, городские ключи и «выбор за руками, по чему они были в Ылимску у наших государевых дел». Челищев тоже подал Перфирью «скаску», в которой он сообщал, что ни ключей, ни печати, ни казны у него нет, «потому что в прошлом в 204-м году в июне месяце в Ылимску, пришедь в приказную избу (зачѐркнуто — с невежеством) илимские служилые люди — сын боярской Пимин Сташкеев да подьячей Герасим Учюжников с товарищи да таможенной голова Степан Пежемской да пятидесятники и струговые плотники с невежеством ему, Богдану, отказали и ис приказной избы выслали (зачѐркнуто — с невежеством). И после ево в приказной избе сидели сын боярской Иван Качин да подьячей Герасим Учюжников».

Итак, всѐ, что мог передать бывший воевода Остафью, заключалось в изложенной сказке.

Тут же он сообщил, что у него нет и воеводского наказа из Москвы, который был отобран у него разбойниками в 1696 году, незадолго до его смены. Он, по его словам (Россыпь № 24, св. 3, лл. 427-430), ездил в Киренский острожек «по обещанию своему поклонитца и, быв в Киренском, [плы]л дощаником в Ылимской. И недошед [Кри]вой Луки пошол пеш. И как де он [оди]н в лес вошол и ево, Богдана, воровские люди, поймав, били и грабили, а грабежем взяли по цене на сто на десять рублев. И ограбя ево, бив, покинули в лесу... и бороду и на голове волосы обрезали». Впоследствии Челищев жаловался на Качанова в Сибирском приказе, что тот слабо вѐл сыск по этому делу, что он отпустил пойманных воров, «взяв с них великие взятки». Наглость Челищева дошла до того, что он требовал «безчестье и увечье велеть доправить» на Качанове.

Ездил Челищев в Киренск не на богомолье, как он объяснял, а поживиться около таможенных дел и для присвоения 30 ведер вина у киренского попа.

Местные жители при опросе их Перфирьевым, подтвердили, что они отказали Челищеву от дел и выбрали для управления Камина и Учюжникова.

Обо всѐм Остафий Перфирьев написал в Сибирский приказ, приложив сказки и выборных и Челищева.

Получив сообщение о событиях в Илимске, Сибирский приказ поручает думному дьяку Полянскому расследовать это дело.

В грамоте на его имя предлагается «про Богдана Челищева сыскать накрепко, также и про то сыскивать велено накрепко ж — для чего они, илимские всякого чина люди, ему, Богдану, не бив челом нам, великому государю, от воеводства отказали, чего

преж сего не бывало. И то они учинили самовольно, нашему великого государя указу противно».[1]

Итак, Челищев остался в Илимске, ожидая сыска Полянского. По городам Сибири было послано распоряжение о задержке Челищева, если он самовольно оставит Илимский острог. Остафий Перфирьев в это время производил тщательный учѐт прихода и расхода ценностей за время воеводства Челищева — денег, пушнины, товарной казны и судовых снастей. На первом листе этого учѐта есть пометка Сибирского приказа: «206-го (1693) года генваря в 15 день таков счетный список прислан из Ылимска с ылимским казаком с Тимошкою Булановым. Высмотря, изверить, а неисправные статьи выписать в доклад»[2].

Вслед за этим Перфирьев учѐл и «...выборных илимских — сына боярского Ивана Качина с товарыщи, 204-го году июня с 21 числа да нынешнего сего году апреля по 2 число, по свой в Ылимск приезд». Следует тщательный учѐт ясачной и таможенной соболиной казны и прочей мягкой рухляди, хлебного запаса и соли; далее — по «судным и сыскным делам (считан Качин) — в денежной казне, и по книгам и по столпам — в судах и в судовых верховых варовых припасех и в зборном новом и в парусном старом холсте и в пеньке и в смоле и во всяких мелких судовых снастях». Этот учѐт, доведѐнный до 1 сентября 1695 года, составляет серию из пяти книг. Далее идут книги учѐта с 1 сентября 1695 года: соболиные, хлебные, денежные и соляные[3]. Учѐт этот является образцом тогдашнего ревизионного дела. Хлебные книги — умолотная и ужинная — охватывают поимѐнно всех крестьян, что является редкостью в учѐтах подобного рода. Весь учѐт Челищева и Качина занимает 674 страницы! Он показал, что ведение книг в Илимском воеводстве было удовлетворительным, а обнаруженные нехватки ценностей падали на целовальников. Выборные же власти отчитались во всѐм безупречно.

При производстве учѐта Остафий Перфирьев принял у выборных по описи: острог, иконы, постройки, товары, столпы по столам (денежного, хлебного, ясачного столов) илимской приказной избы[4]. После окончания учѐта были составлены пометы, окладные книги на выдачу жалования, книга оброчная посадских людей, окладная книга десятинной пашни и т. д. Всѐ это заняло ещѐ 1242 страницы! Видимо, Остафий Перфирьев был крупным знатоком тогдашнего воеводского управления и делопроизводства. Может быть, он пользовался советами своего отца. Не даром о нѐм вспомнили в Сибирском приказе, поручив управлять Илим-

[1] Излагается по столбцу 1139. Наказ Полянскому не имеет конца. Читать его нужно в следующем порядке: лл. 140, 138, 137, 134, 135, 133, 132, 131, 139; отписки из Илимска и Иркутска, лл. 142-145; челобитье Челищева, лл. 146-148; извет на Челищева, л. 171, без конца; челобитье илимских служилых людей, что «не стерпя — отказали», л. 335.

[2] Сибирский приказ. Книга 1109, лл. 235-326.

[3] Сибирский приказ. Книга 1109, лл. 327-571.

[4] Сибирский приказ. Книга 1179, лл. 32-70.

ским воеводством в сложной обстановке, созданной Челшцевым и последующими выборами воеводских властей, «чего преж сего не бывало».

Перфирьев быстро разобрался в людях, которые являлись главными персонажами только что минувших событий. Осторожный Качин не потерял своего положения, Учюжников скоро сошѐл со сцены как деятель Илимского воеводства, другие остались на старых местах. Стоит остановиться на Степане Пежемском. Его главной целью было сохранить своѐ головство в таможенных делах. Он твѐрдо расчитывал на это, так как в Сибирском приказе хранились донесения на Челищева, среди которых были листы с подписью Степана Пежемского. В день удаления Челищева он был в первых рядах недовольных и участвовал в изгнании Челищева из приказной избы. Было естественно, что Сибирский приказ в грамоте от 14 апреля 1697 года сообщил Остафыо Перфирьеву: «велено быть в Ылимску в таможенных и заставных головах илимскому жителю Степану Пежемскому». Но Перфирьев сумел отклонить это назначение. Он писал в Сибирский приказ, что посадские отказались дать выбор Степану Пежемскому, так как он был головой у Челищева без их согласия, «накупаючись у стольника и воеводы у Богдана Челищева... явился в воровстве». Остафий Перфирьев на основании этого пишет: «велел я до твоего (государева) указу выбрать, кого посацкие люди похотят». Челобитную посацких людей он прилагает к своей отписке. В Сибирском приказе посчитались с Перфирьевым; об этом говорит помета на его письме: «выписать из таможенных книг Стеньки Пежемского бытия на илимском головстве. А илимских приезжих служилых людей допросить про все ево Стенькины злые поступки и про накуп у Богдана Челищева подлинно и записать»[1]. О Пежемских в настоящей работе будет упомянуто ещѐ не один раз.

Через 1½ года временного управления Илимским острогом, Остафий Перфирьев был сменѐн воеводой Качановым. О назначении последнего сохранился обрывок грамоты, доставленной в Илимск 22 сентября 1698 года Пимином Сташкеевым, одним из главных деятелей, принимавших участие в смещении Челищева. В грамоте на имя Остафия Перфирьева говорилось: «В 206-м (1698) году по нашему, великого государя, указу велено быть на нашей, великого государя, службе в Сибири, в Ылимском воеводстве из московских дворян Федору Родионову сыну Качанову, прежнего воеводы на Богданово место Челищева. А Илимской острог и острожные ключи и по городу наряд и всякую нашу, великого государя, казну принять ему у тебя. И во всем тебя велено ему счесть, а что на тебя взочтено [будет]...» (Россыпь,; № 7, св. 1, копии грамот 1696-1698 гг., л. 81 об., конца грамоты нет).

[1] Сибирский приказ. Столбец 1139, лл. 1-6, Челобитная посадских людей, лл. 10-12.

В Илимск уже приехал новый воевода, а дело Челищева не было решено. Думный дьяк Полянский сидел в Енисейске и успел допросить лишь несколько человек, в том числе Пимина Сташкеева. Хотя последний едва ли не был главарѐм всего движения против Челищева, он на допросе 30 мая 1699 года показал: «с товарыщи приходили ль и знамя выносили ль и среди города ставили ль и в барабаны били ль и ко двору ево Богданову караул приставливали ль... он не знает».

Полянский сознавал, что без приезда в Илимск ему не распутать клубка дел, вследствие чего он просил Москву поручить сыск Качанову. Илимские служилые люди обратились в Сибирский приказ с подобной же просьбой: «и нам, великому государю, пожаловати б их, илимских служилых людей, — велеть, в Ылимску у розыскного дела ведать и по розыску дела вершить тебе, Федору (Качанову), а ему б, думному нашему дьяку Данилу Полянскому, в Ылимском (зачѐркнуто: «не быть») не ездить. И мы, великий государь, указали про илимского воеводу, про Богдана Челищева, сыскать в Ылимском тебе, Федору»

Качанов, занятый другими делами (двухлетняя поездка по деревням воеводства, отъезд по поручению Москвы в Красноярск), сыска о Челищеве, видимо, не вѐл.

Возможно, что он не хотел поднимать старое дело, требовавшее привлечения к допросам всех илимских служилых людей и многих других лиц, с которыми ему нужно было работать, а не ссориться, да и дело потеряло остроту. Поэтому он ограничился описью оставшегося имущества Челищева и отпустил его из Илимска. Видимо, Челищев за 3 года пребывания в Илимске не у дел прожился. Качанов велел вещи вернуть Челищеву «для того, что в тех ево животах по переписке явилось платье ево и жены ево, помарано, и чтоб от него, Богдана, в том на илимских жителей поклепу не было». Челищева ещѐ задержали в Верхотурье, куда он прибыл в декабре 1700 года и где имелся старый указ о его задержании. Но Челищев предъявил проезжую грамоту из Илимска и ему дали 15 подвод, на которых он с женой, детьми и своими людьми направился в Москву. Здесь же, в Верхотурье, проверили груз, провозимый Челищевым, обнаружили 22 мужских кафтана, 6 женских шуб, 5 телогреек и другую одежду. Некоторые шубы были дорогими, собольими и песцовыми. В Москве Челищев занялся сочинением челобитий о своих обидах, причѐм старался подчеркнуть политическое значение «бунта». Повсюду имелись его заявления: у Качанова, у Полянского, которому он оставил челобитье при проезде через Енисейск, в Сибирском приказе. В одном из них, написанном в 1704 году, он пишет: «И илимские жители забунтовали и воровские письма писали и память в уезд для высылки уездных людей под знамя посылали», в другом он клевещет на илимских жителей, что они у

[1] Сибирский приказ. Столбец 1139, л. 302 и др. См. также Россыпь, № 10, св. 1, дело 1699 года.

него хлеб отняли и варили из него пиво, которое делили по росписи, что выносили приговор сажать его в воду и что по поводу его удаления стреляли из пушек. Жаловался и на то, что «бунтовщики» никому не разрешали продавать ему хлеб.

Сибирский приказ по этому челобитью запросил в 1705 году Качанова о ходе сыска (Россыпь, № 22, св. 3). Видимо, в 1707 году следствие в Сибирском приказе заканчивается, при чѣм было «велено на илимцах в ыск прежнего илимского воеводы Богдана Челищева... доправить денег 600 рублев, печатных пошлин и за воск 4 рубли 12 алтын 4 деньги» (Россыпь, № 31. св. 4, сама грамота в делах Илимского воеводства не сохранилась). Челищев в это время был в Якутске и туда направлялись деньги, взыскиваемые с илимских жителей по его иску. Сбор денег вѣлся «по розвытке», т. е. развѣрстке, по 20-30 рублей с тех посадских и служилых людей, «которые в 204-м году, отказав в Ылимску воеводе Богдану Челищеву от воеводства, к градскому выбору руки прикладывали, но которому выбору в Ылимску были судейками илимцы Иван Качин, Герасим Учюжников». Но вначале сбор денег шѣл медленно. 25 января 1709 года при проезде через Илимск стольника князя Василия Ивановича Гагарина, которому было «велено... быть для всяких наших государевых дел во всей Сибири», илимские посадские люди подали челобитную на съезжем дворе о том, чтобы в платѣж были включены дети беглых и умерших отцов, участвовавших в смене Челищева. Гагарин 4 февраля дал согласие на эту просьбу посадских (арх. № 95, св. 10, лл. 168-169).

Фото. 10. Брацкого острогу дела

Переписка о доправке денег в пользу Челищева рассеяна по многим делам (например, арх. № 100, св. 10, л. 10; Россыпь, №14, св. 2, л. 2 и № 30, св. 4) и тянулась до 1713 года, когда с начала событий минуло почти 20 лет. Ещѣ в одном деле упоминается, что было велено «на илимских детях боярских и на служилых и на посацких людех, которых зарушную челобитную на него, Богдана, писали, доправить в нашу, великого государя, казну в Ылимском денег две тысячи рублев». Илимские жители стояли при взыскании этих денег на правеже (грамота из Сибирского приказа от 16 марта 1710 года, без начала. Россыпь, № 28, св. 3).

Вероятно, 2000 рублей было общей платой за вольность илимских жителей и «за обиды» воеводе. Из этой суммы 600 рублей должны были внести посадские, а остальное — служилые люди.

Наказание пало не на подлинного виновника, а на пострадавших от него жителей Илимского острога.

СМЕЩЕНИЕ БРАТСКИМИ ЖИТЕЛЯМИ ПРИКАЗЧИКА КАФТЫРЕВА

Смещение приказчика Братского острога Кафтырева и произведѐнный по этому поводу сыск излагаются по копии дел, хранящихся в Иркутске в составе илимского архива. Дела представляют книгу, написанную почти целиком одним, довольно хорошим почерком, пронумерованную с 2 по 763 лист. Нумерация эта более позднего происхождения и с большим числом ошибок: пропущены цифры нумерации на 21 листе, дважды пронумерованы одной цифрой 14 листов и 9 листов не занумерованы вовсе. Кроме того, утерян первый лист, утрачены листы 403-405, нет конца дела, который состоял, вероятно, из двух листов. После 45-го листа, судя по сшивке, недостаѐт двух листов, а нумерация идѐт беспрерывно. Значит, эти листы были утеряны до того, как занумеровывалось дело. Если учесть отмеченные ошибки и утери, то можно подсчитать, что всѐ дело состояло из 772 листов, исписанных с обеих сторон, что даѐт 1544 страницы текста. Написание слов и ссылки в цитатах в последующем изложении даются по этому делу (Россыпь, № 9. св. 1).

Поздней осенью 1694 года к Братскому острогу поднимался вверх по Ангаре дощаник, вышедший летом из Енисейска. Это ехали на годовую службу енисейские казаки в дальний Братский острог. Тут же находился человек с нерусским именем «писменной голова» Христофор Юрьевич Кафтырев, назначенный из Енисейска приказчиком Братской волости. У Шаманского порога ценный груз с дощаника обнесли по берегу, и тут казаки заметили у Кафтырева и у его четырѐх крепостных или наѐмных людей несколько никогда ими не виданных ящиков и коробок. Один сундук был окован железными прутьями, кроме того имелся красный ящик китайской работы, «коробьи и коробьи лубяные». Человек Кафтырева Пѐтр перенѐс по берегу две белых коробки, окованных в трѐх местах, остальные несли по коробке.

В Братский острог приехали «в заморозе», т. е. в рекостав. С первых же дней после вступления в должность Кафтырев разослал служилых людей по деревням для «выимки», т. е. для изъятия у жителей табаку. Вскоре на приказчичий двор стал поступать хлеб, лошади, коровы и другое добро. Прошло несколь-

ко более года управления Кафтыревым Братской волостью и за это время пострадали десятки крестьян, посадских и служилых людей. Находясь за 1000 с лишним вѐрст от Енисейска, Кафтырев считал, что он оказался вне контроля, создал из полутора десятка присланных с ним казаков нечто вроде шайки и занялся широким вымогательством. Его люди подбрасывали крестьянам табак, затем шли с обыском и «находили» его у намеченной жертвы. Накладывая лишнюю пашню на крестьян, он убавлял еѐ за взятки. Для пополнения доходов, он завѐл две винокурни, одну на Дунаевой речке, другую в старом остроге на Винном ручье и посылал в деревни своих казаков для распродажи вина. Жульническим путѐм он завладел хлебными запасами Братской Спасской пустыни. Он косил на себя покосы братских «ясачных иноземцов», злоупотреблял правом назначения подвод. Большое место в его деятельности занимали дела, связанные с «блудным воровством». Видимо, крестьяне пытались протестовать, тогда он оставил их в страдную пору вырубать «пустой» лес, от Братского острога вверх по р. Оке. Терпеть Кафтырева больше было нельзя.

Крестьяне Братской волости ежегодно съезжались в Братский острог к 6 января, ко дню их престольного праздника. Обычно совершалось богослужение, варилось пиво и устраивались скромные народные торжества. В это же время переизбирались старосты и целовальники. В 1696 году крестьяне съехались к этому дню как обычно и решили использовать съезд для насильственного отстранения Кафтырева.

Под предлогом смены пономаря, воровавшего церковные свечи, крестьяне, посадские и служилые люди призвали 7 января 1696 года в трапезу, где у них происходили собрания, попа местной Богоявленской церкви Ивана Григорьева. Он, гулявший вместе с Кафтыревым, явился в трапезу и, выслушав крестьян, иступил с ними в ссору. Он пытался избить одного из крестьян. Его оттолкнули и, по его словам, сбили с него скуфью и шапку. Он пошѐл за помощью и вернулся с Кафтыревым. Приказчик начал избивать первых попавшихся ему на глаза крестьян, но его удалили. Вслед за тем к нему «в хоромы» явились 6 представителей от собравшихся в трапезе жителей и заявили: «прислали их мирские люди и велели ему отказать, что [б] судом и росправою их не ведать». Они добавили, что на него будет послан» челобитная в Енисейск (лл. 510-513).

Братские жители понимали, с каким ловким и беспощадным зверем они имели дело. Поэтому ими принимается ряд мер, чтобы завершить дело, начатое 7 января 1696 года. Тактика их поистине вызывает изумление.

На следующий день после удаления Кафтырева, т. е. 8 января, они для ведения «государевых дел» выбрали десятника казачьего Митьку Кирилова и рядового казака Данилку Терентьева. В церковной трапезе составлялся выбор и готовилась пространная челобитная. Для приказной работы был при-

глашѐн подьячий Григорий Матвеев. Эти лица повели борьбу с Кафтыревым в самом остроге. В день смены Кафтырева к его «хоромам», т. е. к приказчичьему двору был приставлен караул из нескольких человек, на выездах из острога и по дорогам были учреждены заставы, имевшие задание задерживать всех и в особенности людей Кафтырева. По деревням и улусам было разослано указание, чтобы никого с отписками Кафтырева в Енисейск не пропускать.

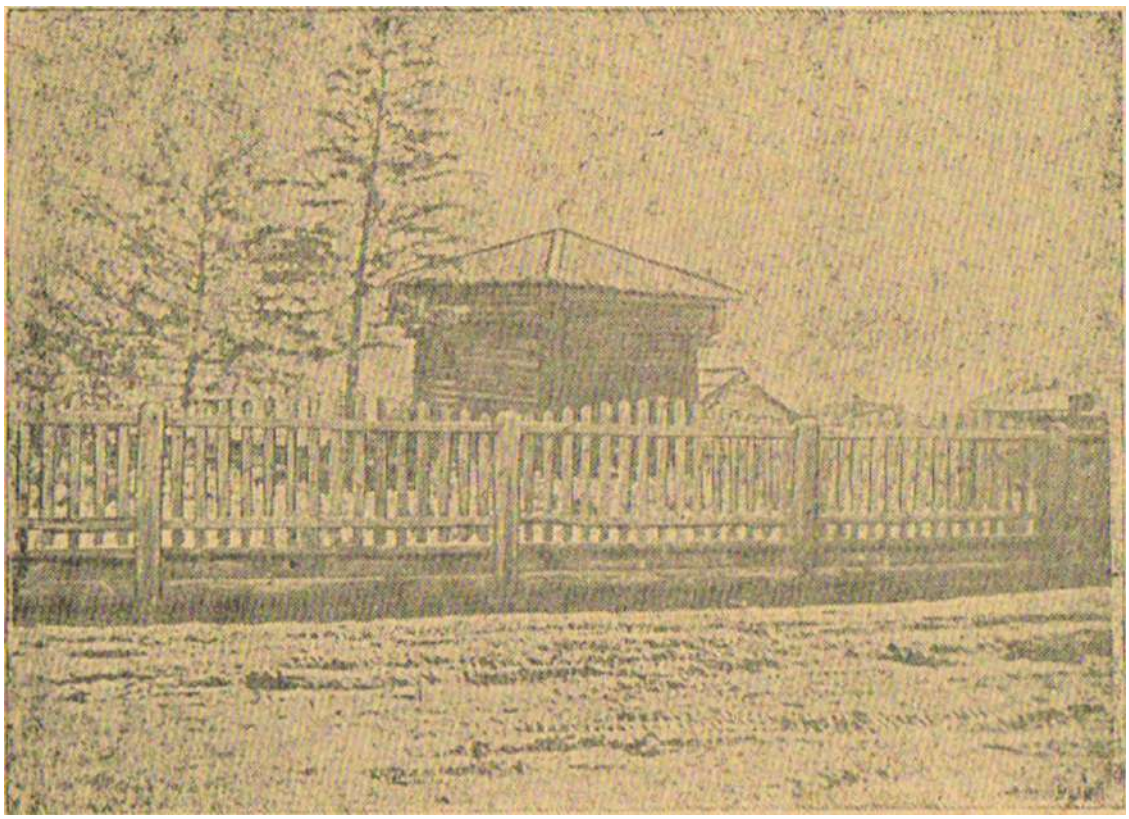


Фото 11. Западная башня Братского острога (снимок 1946 г.)

Через несколько дней караул у двора Кафтырева заметил подозрительный огонь и дым, шедший из трубы. По пеплу можно было угадать, что жгли бумагу. Караульные донесли об этом Кирилову и было решено перевести Кафтырева в другое место. Он было противился, но его уговорил бывший тут случайно сын боярский Елагин. Кафтырсву отвели постоялый двор, беспрерывно охраняемый. Было установлено, что ни самому Кафтырсву ни его имуществу никто не должен был наносить вреда.

Но у Кафтырева остались свои люди, 16 человек. Кирилов и Терентьев сделали попытку ослабить этот отряд и каким-то образом сумели «отбить» четырѐх человек. Не исключено, что они и сами изменили Кафтыреву. За ними ушло ещѐ несколько человек.

Обо всѐм случившемся надлежало сообщить енисейскому воеводе и при этом выдержать два условия: 1) сообщение должно было быть бесспорным и тщательно оформленным докумен-

том, подлежащим в дальнейшем отправке в Москву; 2) сообщение необходимо было доставить в Енисейск раньше, чем могло притти туда донесение Кафтырева.

Составление челобитной потребовало, вероятно, около трѐх недель, так как нужно было опросить десятки людей, не пропустить в челобитной важных фактов и в то же время не внести в неѐ непроверенных миром заявлений, которые Кафтырев мог бы использовать против челобитчиков. Было очень важно подкрепить заявления крестьян, служилых и посадских людей челобитьями «ясачных иноземцов» и монахов Спасской пустыни, что для воеводы и Сибирского приказа имело бы значительный вес. Значит, требовалось для составления и отправки челобитной задержать в Братске, по крайней мере, на месяц каждого человека Кафтырева.

Кафтырев в это время не сидел без дела. Он уничтожил часть опасных для него бумаг, сжѐг ненужные «коробьи», которые были привезены на дощанике, надѐжно упаковал с помощью двух казаков окованный сундук, организовал наблюдение за «бунтовщиками» и сел писать донесения о бунте в Братском остроге. Он составил две челобитных, в которых очень правдоподобно изобразил мятеж против власти царя.

Затем Кафтыревым изготовляется серия челобитных от своего имени и от имени верных ему казаков. Кафтырев выдвигал казаков в качестве челобитчиков, так что клевета, которую он вставлял их писать, приобретала вид правды.

Казаки писали, что «бунтовщики... ходят в Братцком остроге и по улицам и становятца кругами и кличют друг друга атаманами-молодцами... А нас... призывают к себе в бунт и мы..., не хотя вам, великим государем, изменить и бунту заводить, к ним, бунтовщикам, не пристали». Они просят унять бунтовщиков «чтоб от того их бунтовства вашей, великих государей, вотчине и нам... вконец не разоритца» (лл. 31-32). В другом челобитье эти же казаки выдвигают обвинение с политическим остриѐм, будто бы «Гришка Безсонов звал их в поход на Соетцкую (сойотскую?) землю вымыслом своим и говорил нам: «атаманы де казаки, пойдемте в поход...» Велите ево, Гришку, с единомысленники и з бунтовщики взять в Енисейск и... на выручку послать свой, великих государей, указ и служилых людей» (лл. 32-33).

Поп Иван Григорьев сочиняет свою челобитную, сообщая всѐ, с начала событий. Она содержит перечень главных действующих лиц и жалобу о побоях его, попа (л. 33).

Кафтырев сам и 12 казаков сообщают ещѐ о начале событий, жалуются, что их осадили, хотят «поморить голодом и водной жаждею. А довали нам, холопям вашим, уделом (пайком) для роди пропитания в третей день ковригу хлеба» и угрожают убийством. Кафтырев и его казаки называют Митьку Кирилова, Гришку Матвеева, Гришку Безсонова, Данилку Терентьева, Кирилку Наумова, Агапитка Дмитриева, Ваську Бухарова,

Ивашку Тупицу, Лѐвку Карачевца — главными бунтовщиками (лл. 33 об.-35).

Следующее челобитье Кафтырева обогащается новой инсинуацией — он обвиняет одного из своих противников Гришку Безсонова, того, который якобы звал казаков в Соетцкую (или Соецкую) землю, в том, что он «оторговывал» одного тунгуса и заменил чѐрную лисицу, предназначенную в казну, двумя плохими соболями. «Да они ж бунтовщики, Митько Кирилов с товарыщем своим з Данилкою Терентьевым, облыгаютца вашим, великих государей, указом — пишутца в паметех и в проезжих и в подорожных и в ерлыках и во всяких ваших, великих государей, делах, бутто они сидят в Брацком по вашему, великих государей, указу. А подьячей Гришка Матвеев взял у меня, холопа вашего, росписные списки, в чем росписался я с Яковом Елагиным» (предшественник Кафтырева) (л. 37).

Кафтырев сделал несколько попыток доставить эти документы в Енисейск раньше того, как братские жители закончат составление своих челобитий. Он обильно снабдил двух казаков деньгами и дал им указания, как миновать заставы «бунтовщиков» и что им делать в Енисейске.

Крестьяне, посадские и служилые люди, закончив сбор материалов, писали в челобитной енисейскому воеводе Римскому-Корсакову, что «на ево Христофорово место выбрали мы, холопи и сироты ваши, до вашего, великих государей, указу — для всяких ваших, великих государей, дел, енисейских: десятника Дмитрея Кирилова, рядового (казака) Данила Терентьева».

В этой челобитной (лл. 11-14) описывались главные злодейства Кафтырева, а подробный перечень их они изложили в особой «обидной росписи» (лл. 15-20). Одновременно были составлены челобитные монахов Братской Спасской пустыни (лл. 20-21) и «ясачных иноземцов» (лл. 21-22).

Крестьяне, посадские и служилые люди писали: «Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем. Бьют челом холопи и сироты ваши: енисейские казаки,. Брацкого острогу жители — Фетька Иконник, Гришка Безсонов (13 человек), посацкие люди — Кирилко Наумов, Агапитко Дмитреев (13 человек), пашенные — Ивашко Сутырин, Васька Бухаров (85 человек). Жалоба, великие государи, нам, холопям и сиротам вашим, Брацкого острогу на приказного на енисейского письмянного голову на Христофора Юрьевича Кафтырева. В нынешнем, великие государи, в 204-м и в прошлом, в 203-м годех, будучи он, Христофор, в Брацком на приказе, емлет с нас, холопей и сирот ваших, сильно, напатками своими из-за гроз и из-за мучения. И последние наши, холопей и сирот ваших, статченка — деньгами, коньми и рогатым скотом — и последнего нас... разорил до конца, стакався Брацкого ж острогу Богоявленской церкви с попом Иваном Григорьевым да с ворами, с

енисейскими казаками, с Сенькой Пополутовым, с Костькой Борисовым, с Ывашком Костоусовым, с Ывашком Ездоковым, с Ывашком Калгою... И мучит он, Христофор, в колоде и емлет себе из-за того мучения и из-за кнута большие взятки... Ходит насильно в домишка наши... и насильничает женишек и детишек наших блудным воровством. Да он же, Христофор, загнав нас... в острог и бив батоги, велел рубить в страдное время пустой лес... и мучил у той лесной рубки неделю из большево ж себе нас взятку». Они жалуются на отягощение их дальними разъездами в страдное время. «И от тово ево Христофорова разоренья разорились мы, сироты ваши, вконец. И от тово ево Христофорова розоренья, нам, холопям вашим (т. е. служилым людям) вашей, великих государей, службы служить нечем, а нам, сиротам вашим (т. е. крестьянам) вашей, великих государей, десятинной пашни пахать впредь будет не на чем и оброку платить нечем. Да он же... без вашего... указу дал наших... иркуцкого воеводы стольника Афонасья Савелова под жену и под людей 30 подвод до Яндинского острогу из заморозу (рекостава) з Долгово порогу». Они сообщают, что от побоев умерли: бывший подьячий Фѐдор Вачевский и человек Кафтырева гулящий Петрушка Голма. «А кому нам, холопям и сиротам вашим, от него, Христофора, разоренье было и с ково с нас, холопей и сирот ваших, напатками и из-за гроз и из-за мученья и за подметной табак выимками он, Христофор, взял по ложной чмутке (доносу) воров Сеньки Пополутова с товарыщи — и тому всему... под сею нашею... челобитною роспись».

Челобитную за себя и за других подписали: Федька Иконник, Мишка Иванов, Ивашко Ермолин и дьячѐк Васька Алексеев. Из них первый был служилым человеком, третий — пашенным крестьянином. Мишка Иванов и дьячок в числе челобитчиков не были.

В «обидной росписи» перечислено 55 всяких преступлений Кафтырева, совершѐнных в отношении 3 казаков, 4 посадских, 45 пашенных крестьян, казачьего брата и 2 крестьянских жѐн. Взято у населения 68 рублей, 4 портища камки, 1265 пудов ржи, 150 пудов муки, пал 1 конь, отобрано 12 коней, 7 быков, 9 коров, присвоено 2 пуда масла коровьего, 100 копѐн сена. Кафтырев заставил бесплатно смолоть 3800 пудов хлеба и т.д. (л. 310 об.). Сюда не вошли многочисленные жалобы на насилие над женщинами.

Узнав о смене Кафтырева, приехали в Братск жившие близ острога «ясачные иноземцы» и, видимо, по предложению крестьян подали выборным властям челобитную на Кафтырева. Челобитье было написано от имени 27 человек, которые жаловались, что Кафтырев брал у них лошадей для подводной гоньбы, выкосил их сенокосы, заставил сметать 150 копѐн. У 6 человек было взято: 5 быков, 1 корова, 2 коня, да пало в дальней гоньбе 2 коня.

Возникают вопросы о том, кто такие были «ясачные иноземцы» и какое участие приняли они в смене Кафтырева.

По какому-то странному недосмотру в исторической литературе утвердилось мнение, что это были только буряты, «братские мужики», объединившиеся с русскими для совместной борьбы. В документах по делу Кафтырева употребляется неопределѐнное название «ясачные иноземцы» или «братские ясачные иноземцы», но внимательное изучение дела показывает, что среди этих иноземцев многие являлись тунгусами. Например, в показаниях, данных семью «братскими людьми» енисейскому сыну боярскому Алексею Галкину, они про посылку на Барлуцкую заставу заявили: «и жили они, ясачные тунгусы, 2 недели и помирали голодною смертию и ели траву» (л. 125 об.). Там же указано, что лошадь пала у «ясачного тунгуса» Асанайка, в другом месте сказано: «Асанайка, тот же и Сокуйко» (л. 586). Или: «они, брацкие ясачные тунгусы, в Брацкой острог без совету и зву (зову) брацких жителей приезжали, видя ево, Христофорово, многое себе мучение и разорение» (л. 125 об.). Кафтырев отобрал жеребца «у княжца у Сидойка Нарекаева» (л. 123 об.), в других местах он записан — Садойко Нарекаев (л. 21, л. 586 об.). Это был тунгусский князец Урякин-Качемарского рода. Всего из 27 человек, подписавших челобитье, было допрошено 22 человека. Из них 9 назвали себя тунгусами, 7 человек были тунгусами по словам их сородичей, об остальных шести говорится просто «ясачные иноземцы». На следствии все они подписались знаменами, изображавшими лук со стрелой, т. е. обычным знаком тунгусов. Нужно также иметь в виду, что во всѐм деле ни разу не употребляется слов: «братский мужик», как обычно говорили о бурятах, или «ясачный мужик», а тем более «ясачный крестьянин».

Буряты кочевали южнее, по степным местам Окинского края и у Балаганска. Около Братского острога оставался тогда только один их улус.

Другой вопрос — о степени участия «ясачных иноземцев» в смене Кафтырева также нужно решить в ином смысле, чем это делалось до сих пор. Выше приведено их показание, что они приехали без зова братских жителей. На допросе в декабре 1703 года 9 человек Икинатского рода рассказали, что они жили в улусах, в 4 верстах от Братского острога и о ходе событий не знали. «А послыша... они де в то время приехали в Брацкой острог и написали на него, Христофора». Челобитье они вручили выбранным людям на мирском совете, Василию Бухарову с товарищами, так как своих челобитчиков послать не могли, «за малолюдством» (л. 585 об.). «Ясачные иноземцы» не участвовали в выборах ни нового правления, ни челобитчиков.

Ни в одном из сотен допросов русских, бурят и тунгусов ни словом не упоминается об участии «ясачных людей» в выборах, наоборот, они сами указывают, что приезжали после выборов и вручали челобитные лицам, выбранным братскими жителями,

т. е. казаками, крестьянами и посадскими. «Ясачные иноземцы» оказались лойяльными в отношении русских «бунтовщиков», и последние охотно бы зачислили их в свои, более активные, ряды.

Кафтырев ни в одном из своих 25 челобитий и 5 допросов ни разу не жалуется на «ясачных иноземцев». Но он и его сторонники пытались обвинять братских жителей, что они подговаривали «ясачных иноземцев» «к бунту». К чести тунгусов и бурят нужно сказать, что они при двухкратных допросах — и 1696 и 1703 годах — показали одно и то же и не отступили от своих обвинений, изложенных в первом челобитье. Кроме того, они откликнулись в начале событий на призыв братских жителей, которые, вероятно, известили их обо всѐм и просили составить челобитную. Это челобитье является, понятно, активным участием местного туземного населения в событиях 1696 года. Уже одно это было достаточно ценным для братских жителей.

Одновременно с челобитьями братских жителей и ясачных людей составляется ещѐ одно челобитье — монахов Братской Спасской пустыни. Бывший строитель, казначей и 4 вкладчика жалуются, что во время приезда Кафтырева в 1695 году он бил строителя Ваську Болдакова, вкладчика Омелька Мохова и назначил самовольно строителем чѐрного попа Иосифа. Напоив нового строителя, Кафтырев купил у него 1000 пудов ржи. Полученные за рожь деньги были строителем пропиты. Там же Кафтырев избил вкладчика Фѐдора Вачевского, который умер на другой день.

Для подачи челобитий и для ведения главной борьбы — вне Братского острога, в первую очередь в Енисейске, нужно было выбрать осторожных, стойких и опытных людей. В протоколе выбора казаки, посадские и пашенные крестьяне записали: «Выбрали есми меж себя выборных людей: посацкого Ивана Тупицу, пашенных — Василья Бухарова, Леонтья Карачевца... ехать из Брацкого в Енисейск, а в Енисейску бить челом... подать нашу мирскую челобитную... И им, Ивану, Василью и Леонтью... исцом стоять. А что им, Ивану с товарыщи, на подмог денег мирских дано... деньги те держать и до Енисейска подводы наймовать... Деньги не истерять, а пить и ясть им... ис тех же наших мирских денег, по кое время они... за нашим челобитьем будут жить» (лл. 162, 163, 167, 168).

Мирские челобитчики получили на руки деньги, «выбор» и три челобитья — от всех жителей, от ясачных людей и от Спасского монастыря и направились в Енисейск.

14 февраля 1696 года мирские челобитчики, опередив Кафтырева, подали челобитья и «обидную роспись» енисейскому воеводе Михаилу Римскому-Корсакову (писали — Карсаков). Они были немедленно допрошены в приказной избе и рассказали о всѐм происшедшем (лл. 22-23). Вскоре в Братский острог едет для расследования «бунта» енисейский сын боярский Алексей Галкин с подробным наказом: «всяких чинов людьми, братски-

ми жители и ясачными иноземцы... розыскать. А допрашивать... по святей Христове непорочной евангельской заповеди господни, еже ей-ей вправду, а ясачных иноземцов по их иноземской шерти (присяге, клятве), всякого человека порознь, вправду ж». Ему было велено остаться в Братском остроге на приказе «и чинить росправу... по указу великих государей и по наказам и по енисейским указным памятям... и делать ему, Алексею, всякие великих государей дела, применяяся к прежним примерам, как ему, Алексею, бог вразумит». Он должен был принять от выборных острог и все дела и «росписными списки розменятца». Ему поручалось «счесть» Кафтырева и выборных, после чего выслать «счетной список» и препроводить в Енисейск Кафтырева, Кирилова и Терентьева. «Печать царства Сибирского города Енисейска стольник и воевода Михайло Игнатьевич Римский-Карсаков приложил» (лл. 23 об.-27 об.).

Челобитные, доставленные представителями из Братского острога, вместе с отпиской Римского-Корсакова, направляются в Москву. Мирские челобитчики решили, что им, всем троим, нечего делать в Енисейске, поэтому Бухаров и Тупица просили у воеводы разрешения вернуться в Братский острог. Воевода потребовал «порутчиков». Казалось бы, что неизвестным «бунтовщикам» трудно было бы найти людей, которые поручились бы за них. Но, очевидно, челобитчики являлись энергичными лицами и, может быть, своими рассказами сумели возбудить сочувствие незнакомых людей. За них в Енисейске поручился 31 человек! Среди поручителей трое были дети боярские, двое пятидесятники, один десятник, 23 рядовые казаки и двое плотники. В поручной, писанной «на площади» 27 февраля 1696 года, значились несколько торжественные слова: «за нашей порукой из Енисейска отпущены в Брацкой острог..., а вместо их (мирских челобитчиков) и вместо их голов — наши порутчиковы головы» (л. 27, об,-29).

С приездом Галкина в Братский острог там оказалось три деятельных стороны и, трудно сказать, какая из них была деятельнее: Галкин, Кафтырев или мир.

Кафтырев, так и не сумевший связаться с Енисейском, получил свободу действия. 25 мая он пишет в Енисейск, что «умедлил для того, что бунтовшики Митько Кирилов с товарыщи, учинили заставы». Письмо подано «пашенным крестьянином» Дмитрием Назимовым (л. 29). В другом челобитье он сообщает, что посылал ещѐ в январе казака Ивашку Калгу и Федьку Бородина с челобитьем «о бунтовстве» и с «изветом» казѐнного целовальника Проньки Ловцова, у которого «бунтовщики» отняли ключи от государевой казны. Но казаки вернулись, так как попали на заставу, которая отняла отписки и 80 рублей денег, данные им на дорогу (лл. 29 об.-31).

Вот чем объясняется, что имеющиеся в делах челобитья казаков, написанные ими в Братском остроге, не подписаны —

они были копиями. Подлинники остались у «бунтовщиков». После текста этих копий кто-то, проверявший дело, приписал: «А подлинная челобитная не помечена и рука не приложена».

Если бы Кирилов и Терентьев не поймали гонцов Кафтырева и мир запоздал бы со своим челобитьем в Енисейск, то все приведѐнные челобитья Кафтырева и его людей, достигнув Енисейска, создали бы полную картину бунта и измены. Всѐ движение в Братске было бы расценено на основании донесений Кафтырева как политическое и противогосударственное. Мир, в сущности, уже выиграл дважды: сумел сместить Кафтырева и первым сообщить о случившемся, подкрепив челобитье убедительной «обидной росписью».

Алексей Галкин, как уполномоченный Римского-Корсакова и как новый приказчик, действовал с большой энергией и добросовестностью. Приняв острог и дела, он с апреля по июнь успел произвести допросы 180 человек посадских, служилых, крестьян и ясачных иноземцев всей волости или, как тогда говорили, уезда. Настала пора весенних и летних полевых работ, но Галкин вѐл сыск без перерыва. И крестьяне съезжались по его вызовам из самых дальних деревень, чтобы выполнить свою общемирскую обязанность — дать показания. Копия сыска Галкина занимает 137 страниц. Сам он, видимо, был неграмотен, так как за сына боярского расписывался тот же дьячок Васька Алексеев, который прикладывал руку «за бунтовщиков».

Сыск Галкина подтвердил полностью обоснованность жалоб служилых, посадских, крестьян, монахов и ясачных людей. Много было раскрыто и новых насилий. Например, посадские рассказали, что Кафтырев «по чмутке (доносу) попа Ивана Григорьева бил в трапезе казака Ивана Хромцова да пашенных — Ваську Бухарова, Ивашка Попова, Ваську Ильина. Ивашку Ильина садил в колоду, а поп Иван Григорьев в приказной избе в колоде ево, Ваську, бил своими руками до крови» (л. 58 об.). Пашенные крестьяне рассказали Галкину, как Кафтырев вымогал у них взятки угрозой набавить пашню. Пашенный крестьянин Окинской деревни Якушко Ермолин добавил к основному показанию, что «накладывал де Христофор Кафтырев на него, Якушка, и на братей ево великих государей десятинную пашню и из-за того пристрастия взял с него, Якушка, корову» (л. 86). С крестьянина Святиной деревни Васьки Калмыка Кафтырев вместо прибавки пашни взял корову, 100 пудов ржи и 3 рубля. В той же деревне у Панфилки Козмина взял корову (лл. 98-100).

Некоторые крестьяне, не затронутые набегами Кафтырева, отвечали, что «не ведают», а кого Христофор бил «и про то в розыску сами они, битые люди, скажут» (лл. 52 об., 54-55 об.).

Галкин отослал Кирилова в Енисейск сопровождать ясачную казну, а Терентьев остался «за болезнью» в Братске. Подьячего

Матвеева Галкин заменил другим. 3 июля 1696 года Галкин выслал сыск в Енисейск. Туда же выехал недовольный сыском Кафтырев.

Так выполнил поручение Алексей Галкин. Его сыск стал с тех пор основным документом, вокруг которого шло дальнейшее следствие. Для крестьян, казаков и посадских сыск Галкина являлся официальным подтверждением их «обидной росписи». Это была третья победа мира.

Борьба переносится в Енисейск. Там у воеводы Римского-Корсакова были не только документы о преступлениях Кафтырева, но и документы о бунте, измене и насилиях «бунтовщиков». Там был и ловкий крючкотвор, богач и авантюрист Кафтырев. Нужно было туда послать и мирских челобитчиков, чтобы поддерживать обвинение и не дать запутать всѐ дело, а может быть, предотвратить сговор Кафтырева с воеводой. Из старых мирских челобитчиков остался только Василий Бухаров. Но мир находит в своей среде человека, как бы рождѐнного для защиты мирских интересов — казака Григория Дмитриевича Микляева, который уже упоминался раньше и впредь будет выступать под именем Гришки Безсонова. В этом человеке как бы олицетворился мирской вожак — выдержанный и решительный, без колебаний и без устали преследующий достижение поставленной цели. Отныне он становится главным, а по существу единственным руководителем крестьянской защиты и самым опасным врагом Кафтырева.

6 сентября 1696 года енисейская приказная изба принимает к делу следующее челобитье Кафтырева: он был послан в Братский острог по государеву указу и учинил казне прибыль. Он хотел, согласно указа, наложить пашню на захребетников и пересмотреть тягло крестьян. Но они устроили бунт, отстранили его от государевых дел и приставили к нему «свои воровские караулы». А в это время ездили с табаком оторговывать туземцев, выменивая «лутчих зверей», отняли у целовальника ключи от хлебной, денежной, зелейной и соболиной казны. Чтобы замести следы своих преступлений, бунтовщики из книг «прежние и нынешние приводы и изветы выдрали и сожгли для того, чтоб воровство их по запискам было неявно». Бунтовщики «ходили по улицам великим собранием, станицами и кругами и мне, холопу твоему, судом и росправою ведать себя не дали и учинились сильны... Да они ж, воры и бунтовщики к воровскому своему собранию и к бунтовству многих брацких ясачных иноземцов к себе призывали. И ясашные иноземцы, памятуя твою, великого государя, к себе милость, а у вышеписанных воров видя и слыша такое на меня, холопа твоего, бунтовство, не пристали. А иных немногих ясашных иноземцов они, воры, одолжа своим воровским заповедным шаром и табаком, по неволе, на меня, холопа твоего, к затейному (хитроумному) и ложному своему напрасному поклепному челобитью призвали, и руки и знамена

прикладывать им по неволе велели»[1]. Они сумели, продолжает Кафтырев, обойти воеводу, так как «по челобитью их, воров, прислал в Брацкой острог сыщик, енисейской сын боярской Алексей Галкин. А велено ему, Алексею, про... бунт розыскагь... вправду. И приехав он, Алексей, в Брацкой, стакався с вышеписанными ворами, с воровским атаманом Митькою Кириловым и с товарыщи и про воровство их сыскивал неделом. И во всем дружа и норовя, для своих бездельных корыстей, в сыску чинил поноровку... Сыскивал и допрашивал в великой пост... а к тем сыскным речам прикладывали руки после Троицына дни» (лл. 126-129, в том числе два листа за номером 128).

Кафтырев и в Енисейске не сидел сложа руки. Он произвѐл тщательный анализ всех дел и в особенности «обидной росписи» и сыска Галкина и решил запутать челобитчиков в большом материале. 30 сентября он подаѐт челобитную, в которой повторяет свои прежние заявления, опорочивает следствие Галкина, который сыскивал «дружа и норовя им, ворам» и просит дать челобитчиками очные ставки (лл. 130 об.-131).

Перед мирскими челобитчиками встал вопрос — как ответить на это требование Кафтырева. Они понимали, что если им отказаться от очных ставок, то Кафтырев использует это как доказательство своей правоты; если они пойдут на очные ставки, то Кафтырев может вокруг каждого из 180 показаний начать бесконечные споры, которые потребуют и новых вызовов свидетелей и новых челобитий. Значит, сыск начнѐтся заново.

Когда челобитчиков вызвали в приказную избу, то они — Митька Кирилов, Гришка Безсонов, Васька Бухаров и Ивашка Тупица, бывший выборный глава волости, служилый, крестьянин и посадский, заявили: «челобитьем де своим и обидной росписью и сыском Алексея Галкина против государева указу и Соборного Уложения правы и виноваты быть хотят». Это означало, что они отказываются от встречи с Кафтыревым и держатся трѐх документов — челобитья, обидной росписи и сыска Галкина. Этих документов достаточно, чтобы решить, правы они или нет (л. 132).

Кафтырев вновь, в тот же день, подаѐт челобитье, в котором отмечает, что челобитчики отказались от очной ставки с ним. Но они его назвали в своем первом челобитье человекоубийцею. Требуется узнать — на каком основании построено это обвинение. Пусть мирские представители приведут доказательства этого обвинения, иначе их самих за клевету нужно привлечь к ответственности (л. 132 об.-134).

Вновь перед Безсоновым и его товарищами была поставлена хитроумная задача: если они не ответят на такое требование Кафтырева, то это может быть истолковано, как их слабость в

[1] А.П. Окладников в работе «Очерки из истории западных бурят-монголов», Лнгр., 1937, на 163 странице цитируя это место из челобитья Кафтырева, опускает, заменяя точками всю вторую фразу и следующее далее начало третьей фразы: «А иных немногих ясашных иноземцов они, воры». Такое цитирование изменило смысл заявления Кафтырева.

доказательствах обвинения и их, в самом деле, привлекут к ответственности за клевету; если они будут предъявлять доказательства, то начнѐтся новый сыск, специально по этому вопросу и очные ставки с Кафтыревым станут неизбежными.

Челобитная Кафтырева была «брацким жителям чтена». И они нашли такой ответ: «Челобитьем своим и обидною росписью и сыском Алексея Галкина против государеву указу, Соборного Уложения правы и виноваты быть хотят» (л. 134).

Тогда Кафтырев через три дня, 2 октября, пишет ещѐ одну челобитную. В ней он вновь констатирует, что просил очную ставку и «они, воры, ведая свою вину и неправду, со мной, холопом твоим, в очную ставку не пошли». Но в челобитьях братских жителей с обидной росписью и в сыске Галкина есть «несходство». Например, в первой челобитной говорится, что я, Кафтырев, разорял всех, а в челобитной, поданной мирскими представителями указывается, что разорял только крестьян. А о посадских не упомянуто. Как это понимать? Не написано, кто видел убийство, которое я, Кафтырев, якобы совершил. Это противоречит Уложению, которое требует единства и согласованности показаний в судебных делах. К челобитью Кафтырев прилагает выписки о несходстве двух обвинительных документов, т. е. обидной росписи и сыска Галкина. Они были сопоставлены тонким знатоком крючкотворства и являются шедевром искусства подобного рода. Кафтырев подметил всѐ: и важные и второстепенные расхождения; например, в обидной росписи сказано: «У Алешки Агапитова взял пуд масла и 1½ рубли денег», а в сыске: «пуд масла, 1½ рубли, да сильно навалил склянку вина (т. е. заставил насильно купить у Кафтырева вино), взял денег алтын». Чему верить? В сыске, указывает он, нет некоторых имѐн. Перечень несходств и противоречий охватывает 57 случаев, что занимает 24 страницы (лл. 134-146, один лист не занумерован).

Мирские челобитчики не только отмалчивались. Они, следя за ходом дела, решили сами подать в конце сентября челобитную. Напоминая, что братские жители, строитель с братией и ясачные иноземцы подали челобитные, которые расследовал Галкин, они просили: «вели, великий государь, нас отпустить и на[ше] мирское челобитье и сыск выслать из Енисейска с нами, холопями и сиротами твоими к Москве, чтоб нам... за тем делом волочась в Енисейску, от него, вора Христофора, в конец разореным не быть и твоей, великого государя службы и тягл своих и податей не отбыть и домишками не разоритца и врозь не разбрестись» (слова «розоренье» и «разоритца» даются везде по написанию их в документах). В этом челобитье мирские представители правильно раскрывают маневры Кафтырева и находят в отношении его крепкие бичующие слова: «Гонитель и разоритель и поругатель мирской и насильно-сквернослудник и душегубец и винокур и вянопродавец Христофор, умысля с ворами с крас-

ноярскими беглецами, написав составные челобитные и подает, хотя опорочить повальной сыск и сыщика, и бьет челом об очных ставках, чтоб ему, Христофору, воровство свое укрыть, а нас, холопей и сирот твоих, за тем делом волоча и до остатку розорил». В этом же челобитье подобные выражения повторяются в другой форме: «...били челом... на гонителя и разорителя крестьянских домов (к этому выражению и придрался Кафтырев, указав, что о посадских мирские челобитчики почему-то умолчали) и на мучителя мирского и на душегубца и насильством сквернoблудника и винокура и винопродавца» (лл. 129 об.-130).

Кафтырев тем временем готовил новый выпад против мирских челобитчиков и, вероятно, безустанно собирал необходимые ему для этого данные. 16 декабря того же 1696 года он направляет воеводе Римскому-Корсакову челобитье, в котором как бы в ответ на только что приведѐнное заявление мирских челобитчиков, сообщает о них порочащие сведения. По справкам Кафтырева, Гришка Безсонов и Митька Кирилов на основании чужих ложных слов оклеветали сына боярского Фѐдора Клепикова «и за то они, воры, приговорены и биты батоги». Кроме того, Гришка Безсонов покупал чѐрную лисицу, предназначавшуюся к сдаче в казну. Мирской челобитчик Васька Бухаров «сослан в Сибирь в Брацкой в пашню за многое воровство». Ивашка Тупица «ведомой вор и разбойник и становщик воровским людем... на Москве явился во многих разбоях и пытан и приговорен был к смерти и сидел в покаянной. И вместо смерти дан ему живот и послан в Сибирь в пашню. И он... в Тобольску явился в воровстве, крал церковь... крал [у] дьяка Михайла Витязева, да подводил для смертного убойства воров, Ваську Воробья... Пытан и посажен был в покаянную и приговорен к смерти ж. И ис Тобольска сослан в Брацкой в пашню». Все эти воры «стакались», лгут и Галкин вѐл ложный сыск. Далее Кафтырев раскрывает один факт: когда он сидел в осаде, «бунтовщики» подослали к нему сына боярского Якова Елагина, который убедил его подчиниться требованиям мира и выйти из двора. Кафтырев «убоялся» угроз и вышел. «И они, воры, взяв меня... привели... в церковь, а за мной, холопом твоим, воры и бунтовщики шли з дубьем и велели... целовать образ всемилостивого Спаса на том, что мне их, воров, слушать во всем и на них не бить челом. И я... за страхом смертного убийства образ Спасов целовал». Воры тоже целовали образ — не трогать моих людей, но били их (лл. 147-150). Подобное же челобитье, в расширенном виде, было подано вслед за цитированным (лл. 151-158).

Таков новый приѐм Кафтырева — запачкать мирских челобитчиков. Цель приѐма простая — или совсем избавиться от настойчивых представителей мира или создать у следователей настороженное отношение к ним.

Челобитчики ответили на эти доносы очень просто и тактично, как и всѐ, что они делали — они попросили воеводу ускорить, следствие (л. 159).

В это время, в феврале 1697 года, приходят две грамоты из Москвы. В первой предлагалось всѐ дело передать в Москву, по второй поручалось расследовать его новому иркутскому воеводе Семѐну Полтеву. В наказе ему предлагалось допросить Кафтырева «и в чем учинитца спор, велено дать с челобитчики очные ставки. И с очных ставок в тех ево делах, в чем учнет запираться, велено розыскать Брацкого острогу всякого чина людьми накрепко. И буде по розыску и по роспросным ево речам вина ево, Христофорова, в том явится, велено за то ево бить кнутьем нещадно и сослать ево на Лену в казачью службу. А животы ево все переписать с понятыми и взять на нас, великого государя, чтоб впредь неповадно было приказщиком так воровать и всякого чина людем обид и налог и изгони и грабежу и розоренья и бесчесного руганья чинить. И ис тех ево животов отдать тем людем, у кого что насильно и нападками имал. А кого обесчестил и бил напрасно и тем людем велено дать за бесчестье и за увечье по Уложению. А буде он животы свои ухоронил — и ево о том пытать нещадно» (цитируется по именному указу на имя Полянского, лл. 3 об.-7). Первая грамота — о высылке дела в Москву, таким образом, силы не имела. Итак, Сибирский приказ ответил на челобитье братских жителей ровно через год.

Очерченная Москвой программа действий и рекомендованная ею мера наказания отвечала желаниям братских челобитчиков. Римский-Корсаков готовился отправить все дела о Кафтыреве в Иркутск, но приходит известие о смерти Полтева. Мирские челобитчики, предчувствуя, что пройдѐт много времени, пока Сибирский приказ поручит кому-нибудь вести следствие, 4-го марта 1697 года подали Римскому-Корсакову заявление с просьбой отпустить их временно домой, в Братск. Римский-Корсаков требует, чтобы челобитчики нашли поручителей. И вновь лица, которых только что Кафтырев характеризовал как отъявленных разбойников, находят 23 поручителя.

Казалось бы, что челобитчики могут ехать. Но Кафтырев подаѐт челобитье воеводе, в котором ставит препятствие к их выезду.

Он напоминает, что челобитчики просили в сентябре 1696 года отпустить их в Москву, а теперь просят отпустить их в Братск. Значит, это хитрость воров. «Я убытчусь многое время и разоряюсь вконец, и помираю голодною смертью». Кормовых денег мне, Христофору, давать не велено. Прошу братских челобитчиков не отпускать домой, а допросить — почему они не едут в Москву (лл. 164-165).

И воевода 11 марта 1697 года вызывает на допрос всех четырѐх братских челобитчиков. Они ответили так просто и убедительно, что невозможно было их задержать: едут в Братск, потому что Полтев умер, а в Москву нет вызова (л. 165).

И десятник казачий Митька Кирилов, глава движения, рядовой казак Гришка Безсонов, посадский Ивашка Тупицын и па-

шенный крестьянин Васька Бухаров, не потерпев ни одного поражения от коварного и ловкого Кафтырева, уезжают в Братск. Кто знает, с каким чувством отпускал их воевода?

Как бы вдогонку им Кафтырев является 21 апреля с новым челобитьем: «А ведомо», что «воровской атаман» Митька Кирилов с товарищами поехали уговаривать братских жителей подавать. новые заявления. Он просит не верить им, так как «они всенародные возмутители, в Братском в бунту и в воровских своих затейных делах явились первые воры» (л. 162 и один лист без номера).

Смерть Полтева и смена воеводы в Енисейске приостановила следствие на полгода. 20 августа 1697 года Сибирский приказ поручает ведение сыска, до приезда в Енисейск думного дьяка Полянского, новому енисейскому воеводе Богдану Даниловичу Глебову (лл. 183-184).

Но лишь в 1698 году возобновляется в Енисейске течение дела, причѣм теперь, в отличие от предыдущего года, ведутся многочисленные допросы обеих сторон.

19 августа 1698 года впервые с начала событий допрашивается Христофор Кафтырев. Почти на все обвинения, изложенные в челобитьях братских жителей, он при допросе ответил отрицательно. На вопросы: подмѣтывал ли табак, блудил ли, бил ли Вачевского, учил ли показывать о покупке чѣрной лисицы, мучил ли крестьян в железах, «приступал ли к блудному воровству», строил ли винокурню, заставлял ли покупать у него вино, держал ли «девок для блудного воровства», — он отвечал: не веливал, не хаживал, не бивал, не чинивал, не бивывал, не угроживал, не научивал, не приступывал, не смучивал, не имывал, не страивал, не заставливал, не держивал, не посылывал и т. д.

Лишь на вопрос о числе взятых у иноземцев подвод он показал, что «не упомнит». На вопрос, зачем заставлял рубить пустой лес в страдную пору, он ответил, что «лесом поросло по самые надолбы» (т. е. укрепления) и что необходимо было очистить место ввиду угрозы «от приходу неприятельских воинских людей», но, дескать, рубили лес после страдного времени (лл. 184 об.-192 об.).

Допрос главного помощника Кафтырева казака Пополутова 24 июля 1698 года дал очень немногое. Он сказал, что стачки с Кафтыревым не было, табак не подмѣтывал, девок к Кафтыреву не приваживал и действовал по его письменным распоряжениям. К делу приложено несколько писем Кафтырева Пополутову. В одном из них предписывалось: «Выслать с Наратаева острова Доронкина сына да ему ж (Пополутову) привесть коня, из двух лутеево (лучшего?), которые есть у него; да сани заказные, что заказывал делать; да у Митьки Кривого сани. Да взять у Огородникова сани. Да коня, что есть у тебя, привести ко мне в острог... Да тебе ж ехать до Грому (дер. Громы), приказать Филиповым детям, которую лошадь мне сулили, чтоб привели к Николину дни» (лл. 194 об.-195).

Допрос двух других помощников Кафтырева — Ивашки Костоусова и Костьки Борисова, произведѐнный 8 июля 1698 года, ничего не дал. Оба утверждали, что «розоренья Христофор никому не чинил».

Далее Глебов допросил ещѐ 10 человек; из них четыре казака, поддерживавшие ранее Кафтырева, теперь показали кое-что против него, главным образом о его винокурне, где курилось вино работными людьми. Глава братского движения Дмитрий Кирилов подтвердил старые показания и отрицал своѐ участие в подмене чѐрной лисицы. Челобитчики Григорий Безсонов и Василий Бухаров отвечали по 7 челобитьям, направленным против них, они рассказали о том, как был сменѐн Кафтырев. Отрицали, что перехватили казака Калгу с отписками Кафтырева, «в круги не становились, атаманами-молодцами не назывались», на «соецкую» землю никого «не зывали», Кафтырева не осаждали, голодом не морили («не моривали») (лл. 197-202).

В общем Глебов вѐл сыск вяло и больше пытался расследовать виновность челобитчиков «в бунте», чем установить преступления Кафтырева.

13 марта 1699 года, приехавшие по именному указу в Енисейск думный дьяк Данила Леонтьевич Полянский и дьяк Данило Берестов, потребовали от воеводы Глебова передачи им всех дел о Кафтыреве. В грамоте из Сибирского приказа от 21 марта 1698 года на имя Полянского и Берестова, поступившей в Енисейск 27 января 1699 года, кратко излагается история сыска о Кафтыреве и сообщается, что в Нерчинске у работника Кафтырева Анички Брянского отобрано китайских товаров на 3245 рублей 25 алтын 4 деньги. Кафтырев просил вернуть ему эти пожитки, так как ему жалованья давать не велено. Указ заканчивается требованием розыскать всѐ без пощады и узнать «какой он, Христофор, породы и как в наше, великого государя, Московское государство въехал и в Посольском приказе записался ли и в котором году. И в Сибирь сперва с кем и каким Чином поехал. И отчего и где он, Христофор, такие большие животы нажил. И о том ево велели роспросить с подкреплением» (лл. 3 об.-7). В той же грамоте упоминается, что «брацкие жители Гришка Безсонов, Васька Бухаров (мирские челобитчики) с товарыщи от наших, великого государя, дел ему, Христофору, отказали и били челом (последние три слова повторены дважды), нам, великому государю, а ему Михайлу (Римскому-Корсакову), за руками брацких жителей всяких чинов людей, они, Гришка Безсонов с товарыщи подали челобитную о розыску в ево, Христофоровых, к ним обидах». Грамота, как видно, противопоставляет двух лиц — Кафтырева и Безсонова, которым отныне было суждено стать главными фигурами последующего сыска.

Полянский и Берестов допрашивают Кафтырева. Он сказал: «породою де он цареградец, а отец ево, Христофоров, Юрей (написано — Юрья) Кафтырев служил в Мутянской земле в полковниках у конных тарабаров… А он, Христофор, похотя служить

великому государю, выехал к Москве на его государево имя во 192-м (1684) году з гречены, купецкими людьми в кораване... И тот де ево въезд в Посольском приказе записан. И после де того въезду был он, Христофор, в Сибири, в Даурах з боярином Федором Алексеевичем Головиным. А в чин ни в какой в то время он, Христофор, был не написан. И как де он з боярином Федором Алексеевичем из Сибири к Москве вышел и по указу великого государя, по выезду ево ис Царя-Града к Москве и по породе ево, по свидетельству [и] по допросам гречан учителей Ианикия и Софрония да переводчика Николая Спохвария да дохтура Якова Пилярия, в разряде написан он, Христофор, в чин — в стряпчие по передней (царя). И учинено ему государево жалованье — корму по две гривны на день». В 1694 году Сибирский приказ назначает его письменным головой в Енисейск. По дороге в Сибирь он покупает горностаев и белок, с которыми отправляет в Нерчинск своего крепостного Петрушку Колмыка и наѐмного работника, жителя Братского острога, Анику Брянского. Им же были даны «серьги изумрудные да каменье изумрудные ж в перснях и в серьгах же, з зерны бурмицкими для продажи, чтоб ему, Христофору, было чем впредь прокормитца». Люди Кафтырева «ходили в Китай и в Китаях де у того ево отпускного товару учинилась прибыль». Там были проданы горностаи по «тридцати по осми и по сороку рублев (за сотню), а белки — тысячу по семидесят и осмидесят рублев»[1]. Крепостной Петрушка в дороге исчез, его «потеряли» сотоварищи и, видимо, кое-что присвоили из доходов его господина. До поездки в Сибирь «люди ево торговали ж и на ярманки — на Макарьевскую и на Свинскую (?)» (лл. 8-9).

Так начался сыск Полянского, во время которого развернулась борьба Кафтырева против мирских челобитчиков. Одновременно Полянский собирает все рассеянные по разным городам дела о Кафтыреве: из Енисейска доставляются допросы, произведѐнные Глебовым, поступают дела о сыске в Балаганском остроге, из Иркутска воевода Николев присылает допросы о насилиях над женщиной, уехавшей туда из Братска. Мирские челобитчики были дома, они должны были вернуться в Енисейск «на великое заговенье».

13 марта 1699 года поступает челобитье Кафтырева с предупреждением — не верить «бунтовщикам», в тот же день Пополутов требует очных ставок с мирскими челобитчиками. На следующий день Кафтырев подаѐт два заявления; 27 марта он же просит привлечь мирских челобитчиков к ответственности за клевету. 27 июня 1699 года Кафтырев подаѐт Полянскому донос с чрезвычайно важным обвинением в «недостойных речах» Бессонова, со ссылкой на Пополутова. Глухо высказанное обвинение

[1] На месте шкурка белки стоила 1-2 копейки, шкурка горностая 3-4 копейки. Значит, Кафтырев перепродавал пушнину в 8-10 раз дороже. Особенно выгодным оказались сделки по горностаям.

было довольно искусно превращено впоследствии Кафтыревым и его сторонниками в центральный вопрос сыска. Оно отодвинуло все остальные вопросы на второй план. Но Пополутов, которому Кафтырев передал мяч этой гнусной игры, был в отъезде, в Бельском остроге. Пока его вызывали Полянский допросил бывшего целовальника Проньку Ловцова о том, как «бунтовщики» отобрали у него ключи и как ходили без указа в государевы амбары. Ловцов, видя, что следствие клонится не в пользу Кафтырева, попытался защищать братских жителей. Он сказал, что они только взяли ключи, но в амбар не ходили и на амбарах оставалась печать Кафтырева до приезда Галкина. Тогда Кафтырев предъявил старое челобитье Ловцова, в котором было сказано, что «воры и бунтовщики» отобрали у него ключи и с ними ходили в амбар (лл. 226-228). Это был первый успех Кафтырева. Тут же он подаѐт Полянскому перечень «несходств» в обвинительных материалах против него (лл. 228-236).

Сенька Пополутов возвращается в Енисейск и 1 декабря 1699 года на допросе раскрывает ход, изобретѐнный Кафтыревым. Рассказывая о событиях в Братске, он показал: «Они ж, Гришка Безсонов с товарыщи, приходили к хоромам на рундук с выговором ему, Христофору, и невежеством. И он де, Христофор, к ним, к Гришке с товарыщи, выходил и говорил им, чтоб они от бунта унялися и бунтовать перестали. И в то время вышел из них, братцких жителей, один — Гришка Безсонов, говорил ему, Христофору, непристойные слова: как де мир встанет, так де и царь ужаснет, а ты де, Христофор, говоришь с нами» (лл. 239 об.-242).

Полянский придал этому показанию важное политическое значение и немедленно вызвал на допрос других сторонников Кафтырева. В Братск, где приказчиком вместо Галкина был Степан Лисовский, направляется требование о высылке в Енисейск казаков — Калги и Родьки Терпуга. Лисовский сообщил, что Калга находится в Иркутске, куда он сплавлял хлеб из Братска, а Терпуг лежит при смерти. Он обещал выслать Терпуга «как обможетца, а Ивашко Калга... как на дощаниках на весне припловет». В это время допрашивают казаков Ивашку Костоусова, который повторил обычную клевету на братских жителей и Костьку Борисова, подтвердившего показания Пополутова (лл. 244 об.-247). 24 января 1700 года допрашивались двое: казак Богдашка Данилов, который оказался достаточно честным и, повторив свои прежние показания против «бунтовщиков», сказал: «А из них де брацких жителей он, Гришка (Безсонов), один не выступывал и никаких непристойных слов... не говаривал» (лл. 247 об.-249); ссыльный человек Васька Мураевской, а в других документах — Муравской, полностью подтвердил показания Пополутова о непристойных словах (лл. 249 об.-251). Казак Петрушка Чюрмаев сказал всѐ то, что требовалось Кафтыревым — непристойные слова он, якобы, слыхал (л. 253 об.-255).

21 февраля 1700 года ничего не подозревавший Григорий Безсонов возвращается к сроку, который был записан в последней поручной, данной ему и его товарищам 16 сентября 1699 года енисейскими жителями. Он сообщил Полянскому о своѐм приезде, «а Митька Кирилов, Васька Бухаров за болезнью остались». Безсонову предстояла борьба в одиночку. 28 февраля его вызывают на допрос. Он заявил, что слов: «как де мир встанет...» не говаривал и тем «поклепали ево, Гришку, напрасно» (л. 258 об.-261). Выслушав его, Полянский и Берестов велели собрать по нѐм «поручную запись в том, что ставитца (становиться) ему, Гришке, в Енисейску на съезжем дворе перед думным дьяком... Полянским да перед дьяком... Берестовым по вся дни. И до указу великого государя и до вершения сего розыскного дела из Енисейска никуды не съехать и не збежать». Итак, народный челобитчик через четыре года защиты мирских дел стал подследственным лицом.

4 марта 1700 года приходит ответ от «великого господина» преосвященного Игнатия, митрополита сибирского и тобольского на запрос Полянского. Думный дьяк просил допросить попа Ивана Васильева, служившего в Маковском остроге. Поп был допрошен «на сафейском дворе по священству и по евангельской заповеди» и показал, что во время событий в Братском остроге он «был не в попех», но про Безсонова показал: «непристойные слова, такие, как де мир встанет, так и царь ужаснет, говорил, то он слышал». (Запрос Полянского, лл. 257 об.-258; ответ митрополита, лл. 261 об.-263).

Полянский, возможно по указанию Кафтырева, решил допросить Безсонова, почему он выступает один. Разве выбирали одного, а не троих? На допросе Григорий Безсонов сказал, что выбор дан на двоих и находится у него на руках и что Бухаров не приехал по болезни. Он предъявил следующий выбор братских людей за руками 7 казаков, 10 посадских и 25 пашенных крестьян, в числе которых были староста мирской Иван Софронов и староста церковный Тимофей Ульянов: «В нынешнем в 207 (1699) году выбрали мы меж себя и излюбили человека добра, не вора и не бражника, енисейского казака, братцкого жителя Григорья Дмитриева сына Микляева. И по сему нашему выбору быть ему, Григорью, в Енисейску з брацким ж крестьянином с Васильем Бухаровым по прежнему и по сему выборам за нашим мирским делом на Христофора Кафтырева в челобитчиках. И до вершения того дела из Енисейска ему, Григорыо, никуда не сотти и не сбежать и в том никакой хитрости не учинить. А буде он, Григорей, за нашим мирским делом в челобитчиках... стоять не будет... и то мирское челобитье постановит — и вместо ево Григорьевы головы — наши выборных людей головы. А издержка держать за тем мирским делом против прежнего выбору... и та издержка писать в издержную роспись имянно... Лета 7207-го майя в 28 день».

К этому выбору приложило руки необычайно большое число лиц: Гаранька Садовников, Гришка Безсонов, Федька Иконник, Ивашко Микляев, енисеец Аничка Назимов, Фетька Филипов, Алѐшка Фѐдоров, Ивашка Ермолин, Афонька Пономарѐв, Фетька Алексеев, Мишка Иванов, Офонька Кирилов и обязательный «богоявленской дьячек» Васька Алексеев. Вообще среди подписавшихся было много посторонних (лл. 264 об.-267).

Опираясь на выбор и доказав своѐ право выступать от имени мира, Безсонов на основе тщательного знакомства с следственным материалом, переходит в наступление. В челобитной от 13 марта 1700 года он требует допросить ряд свидетелей и прилагает правильно подобранный список лиц, подлежащих вызову, и подготавливает ряд вопросов.

И перед Полянским проходит ряд лиц, как бы направляемых рукой мирского защитника. 21 марта допрашивается сын боярский Яков Елагин (Ялагин). Он передал слова «бунтовщиков», сказанные в январские дни, что они «Христофора до смерти не убьют и животов ево грабить не станут». Удостоверяет, что они в государевы житницы не ходили, и там исправляет ложь целовальника Ловцова и подтверждает его последнее показание. Другой сын боярский Семѐн Карпов и казак Федька Бородин в тот же день защищают на допросе братских жителей.

Привлекают и Кафтырева к допросу по поводу жульнической покупки хлеба в Братской пустыне. Он признаѐт, что купил 1000 пудов по алтыну. Хлеб послал в Енисейск, «а сколько — не упомнит», там продан, «а почем — не помнит».

Безсонов как-то сумел приобрести ещѐ одного свидетеля, приказчика крупного иркутского купца Ушакова — Ивашку Потапова (не бывший ли это приказчик Бирюльской волости, один из участников событий 1692 года?). Потапов в 1696 году был в Братском остроге, откуда направлялся с караваном в Китай. Он показал, что один из купцов приобретал у Кафтырева лошадей и рогатый скот. Удалось к допросу привлечь ещѐ одного случайного свидетеля, торгового человека Устьянских волостей Микитку Зензинова. Он был в Анамырской деревне (ныне Б. Мамырь) в тот момент, когда денщик Кафтырева Ивашка Ездоков насильно уводил спрятавшуюся от него дочь того крестьянина, у которого останавливался свидетель. Это были ценные сообщения посторонних и не заинтересованных людей, к тому же купцов, которым не было смысла лгать в пользу каких-то крестьян (последние показания, лл. 285-288).

Для раскрытия тайных пружин хлебной спекуляции Кафтырева Безсонов привлекает упоминавшегося ранее «крестьянина» Митьку Назимова, который ездил в 1695 году в Братск покупать хлеб. Кафтырев дал ему 60 рублей, чтобы он купил хлеб ещѐ и для него с целью перепродажи в Енисейске. Случайно Назимов оказался очевидцем того, как Кафтырев бил своего работника гулящего человека Петра Гульму (в другом месте — Гольма), умершего неделю спустя. Назимов в общей сложности реа-

лизовал в Енисейске 660 пудов хлеба, принадлежавшего Кафтыреву, «по 3 алтына и по гривне». Пошлин не платил. Уже после отстранения Кафтырева Назимов, по его указанию, взял 400 пудов хлеба у крестьянина Кадинской деревни, причѣм расчѣты за этот хлеб с Кафтыревым было условлено произвести в Енисейске! Отсюда становились ясными лживые жалобы Кафтырева, что он умирает с голоду. Грек торговал даже тогда, когда падал! Еще одна сделка на 1000 пудов была совершена с помощью Назимова. Каким-то путѣм удалось изъять у Назимова несколько важных «грамоток», т. е. писем Кафтырева. В одной из них тогда ещѣ грозный Христофор писал «крестьянину» Назимову: «Благодетелю моему и другу Дмитрию Гавриловича Христофорко Кафтырев челом бьет. Здравствуй, приятель мой, на множество лет со всем своим праведным домом. Прикажи ко мне писать о своем здоровье, а я здравие слышати желаю... Послал я к тебе, благодетелю моему, тысячю пуд хлеба, надеясь на твое приятельство, как рекся ты мне преж сего учинить всякое споможение... А я за твое приятельство плательщик. Пожалуй, Дмитрий Гаврилович, поклонись от меня Михаилу Семеновичю, а челом бью ему тридцатью пудами хлебом — на пиво да двумя пудами круп грешневой... А естли... услышишь, естли будет в Китай отпуск и ты залесь (достань?) мне горностаев тысячи 2-3, а белок тысячю-другую». На «лице» грамотки: «Засим Христофорка Кафтырев стократно челом бью. Пожалуй, Дмитрей Гаврилович, буде мне быти другой год [в] Братиком быть — и ты пожалуй — «говори подьячему Априлкову (Апринкову?), что б щал (обещал?) ко мне Брацком». Тут же роспись того, что заказывалось купить Кафтыреву: «30 рондуг самых добрых, 2 пуда пороху самово доброво, 6 мехов бельих, череви бельи, 100 песцов, мамонтовой кости пуд или два, доброй» (лл. 292 об.-293).

Типичное письмо коммерсанта и, пожалуй, не только XVII века.

Эта «грамотка» приоткрывает завесу над многими тайнами: почему не взята была поручная по Пополутове и по другим слугам Кафтырева, почему в следственном деле не оказалось некоторых допросов, откуда черпал Кафтырев порочащие сведения о мирских челобитчиках?

Ещѣ 3 грамотки были из Иркутска, от Николая Грека, который адресовал их: «государю моему, брату, Христофору Юрьевичю».

Показания Назимова дали возможность вызвать двух свидетелей, которые бросили на чашу весов несколько крупиц правды. Посадский Васька Водовозов рассказал, как он вѣз хлеб Кафтырева Назимову; отставной казак Васька Поротов плавил хлеб из Братска в Енисейск: «150 пуд ржи воеводе Михаилу Римскому-Карсакову да в Рождественской девичь монастырь на милостыню 30 пуд да для богадельные избы богадельщиком по 10 пуд в богаделыпо» (лл. 295 об.-296).

Эти разоблачения были четвѐртым успехом братских «бунтовщиков». Но судьба ещѐ раз порвала нить следствия: дьяку Полянскому было велено ехать в Тобольск и сыск приостановился.

По некоторым указаниям в делах можно догадываться, что мирской челобитчик Безсонов с согласия братских жителей обратился в Сибирский приказ с просьбой передать ведение сыска илимскому воеводе Фѐдору Родионовичу Качанову. Почему «бунтовщики» оказали это доверие Качанову, сказать трудно. Может быть, они знали о его красноярском сыске. Кафтырев был этим очень недоволен и просил Сибирский приказ не передавать дела в Илимск и обвинял во всѐм хитрых братских челобитчиков: «Он, выборной челобитчик (Безсонов) и все братцкие жители... хотя меня в конец раззорить и голодною смертию поморить, переносами теми своими поклепными челобитными из города в ыной город, и хотя покрыть свои многие неправды, послали они челобитную к Москве, чтобы то их поклепное челобитье и все подлинные дела взять из Енисейска в Ылимск и меня выслать в Ылимской к воеводе Федору Родионовичу Качанову для очной ставки» (л. 406 об.).

Сибирский приказ согласился с предложением Безсонова, и воеводе Качанову 12 октября 1700 года поступает грамота, чтобы он, Фѐдор, принял все дела. Ему предлагалось «розыскать подлинно, в правду, без всякого пристрастия, никому ни в чем не норовя и ни на кого не посягая».

Качанову, как он впоследствии докладывал, «Христофора и людей его, пока розыск вершится (в Красноярске) велено держать мне, холопу твоему, в Енисейску или в Ылимску или где по моему, холопа твоего, рассмотрению прилично, за крепким караулом». Напоминался приговор князя Репнина о битье Кафтырева «кнутьем» и ссылке на Лену, если он окажется виновным.

Качалов задержался в Красноярске до 1702 года. Когда он принял дела о Кафтыреве и просмотрел их, то обнаружил немало дефектов: некоторые дела оказались только в копиях, но было допрошено очень много лиц, причастных к делу, одних людей уже не было в живых, другие разъехались без поручных записей, многие бумаги подписывал енисейский казак Иван Ездоков, который за «составные дела и за подписку казнен смертью в Енисейске». Не сказались ли на качестве предшествующих сысков слоновая кость и подарки «самые добрые»?

Начинается сыск Качанова. Воевода собирает оставшиеся материалы у Лисовского, в октябре 1702 года переводит Кафтырева в Илимск, производит в январе — марте 1703 года допросы ряда лиц, посылает в Братский острог распоряжение — никого из причастных к делу никуда не отпускать, составляет полный список тех, кто не был допрошен и выезжает в Братский острог. Там он извлекает из приказной избы челобитные, которые подавались во время управления Кафтырева, и производит допро-

сы всех лиц, кто был в той или иной мере связан с событиями 1696 года. В декабре 1703 года вся работа подошла к концу. Всего им было допрошено 232 человека, т. е. больше, чем всеми следователями вместе взятыми за 4 года следствия. Многие были опрошены по нескольку раз. Допрошено: посадских людей — 21, ясачных людей — 17, служилых — 30, пашенных крестьян — 142, женщин — 7, попов и вкладчиков — 6, прочих — 9.

Но всѐ-таки в сыске оставалось много пробелов, оказалось невозможным найти Пополутова и многих других важных участников. За давностью лет некоторые показывали противоположное тому, что они говорили 7 лет перед этим. Другие забыли старые обиды и отвечали уклончиво. Но с несомненностью выявилось, что братских жителей нельзя было обвинять в бунте и что Кафтырев оказался виновным во всѐм том, на что жаловались братские жители, монахи и ясачные люди. Оставалось неустановленным — говорил ли Безсонов «непристойные слова». Из всех свидетелей, настаивавших на прежних показаниях о «непристойных словах», оставался только Константин Борисов.

И Качанов, чтобы установить истину, по обычаю того времени прибег к пытке (лл. 669 об.-671).

«1704 году майя в 18 день в Ылимском, в застенке, енисейскому служилому человеку Григорию Безсонову с енисейским служилым человеком с Костянтином Борисовым в непристойных словах дана очная ставка. А на очной ставке Костянтин Борисов говорил: «...Григорей Безсонов говорил ему, Христофору, непристойные слова: Как де мир голкнет, так де и царь умолкнет...»

«А Григорей Безсонов на очной ставке, выслушав ево, Костянтиновы речи, говорил: ...а никаких де непристойных слов и таких — как де мир голкнет... он, Григорей, Христофору Кафтыреву не говаривал. Тем де ево, Григорья, он, Костянтин с товарыщи клеплют напрасно». Да и сам Христофор сказал, что он таких слов не. слыхал. На допросе у Полянского, продолжает Безсонов, казак Богдан Данилов сказывал: «поучал де ево Христофор Кафтырев на него, Григорья, говорить непристойные слова и давал де ему, Богдану, оттого полтину денег. И он де, Богдан, у него, Христофора, полтины не взял». Григорий Безсонов просил Полянского записать эти слова Богдана Данилова и дать ему очную ставку. Полянский не сделал ни того ни другого. Так говорил в застенке Безсонов.

«И после очной ставки Костянтин Борисов в тех непристойных и переменных (афоризм о царе и мире имел два варианта) словах пытан».

«А с пытки он говорил: подлинно де Григорей Безсонов... такие слова говорил: как де мир голкнет...»

«А на пытке дано ему, Костянтину, девять ударов».

«Того ж числа Григорей Безсонов в непристойных словах пытан, в том что он, Григорей... такие слова говорил ли».

«А с пытки он, Григорей, говорил: таких де непристойных слов... он не говаривал. Тем де ево, Григорья, он, Костянтин, клеплет напрасно, стакався воровски».

«А на пытке дано ему, Григорью, одиннадцать ударов».

«И в переменных непристойных словах Костянтин Борисов пытан вдругорядь»...

«А с пытки говорит те ж речи... а таких де слов, что написано в допросе ево, бутто говорил Григорей Безсонов: как мир восстанет, так и царь ужаснет, он, Костянтин, от него, Григорья Безсонова, не слыхал... А как записано в допросе его, того он не ведает, потому что грамоте не знает»...

«А на пытке дано ему пять ударов».

Не всякий выдерживал пытку. Часто, будучи приведѐнным в застенок, человек не решался встать на пытку и говорил то, что от него требовалось следствием.

Через 4 дня после пытки, 22 мая, Григорий Безсонов возобновляет борьбу. Он подает воеводе Качанову челобитье и рассказывает, что за люди стакались с Кафтыревым в его преступлениях против братских жителей и в его интригах на следствии: «Иван Ездоков... явился в составных письмах (ложных доносах) подпищиком на красноярцов и на илимцов и иных городов и на братцких жителей. И по розыску он, Иван, за то ево воровство казнен смертию. И то ево воровство по тому розыску (Полянского) ведомо на Москве в Сибирском приказе. А Семен Пополутов в прошлых годех при иркуцком воеводе... Кислянском за убивство и за разбой пытан многажды и казнен: отсечены левой руки два пальца и отрезаны уши... Он же Семен явился в Кежемской деревни в часовенной краже». Пополутов посылался Христофором «в Балаганской острожек лазущиком с ложными отписки и з грамотки. И по ево подводу он, Христофор, в Балаганском Василья Чемесова и Михайла Нитника с товарищи пограбил... А Петр Чюрмаев у него ж, Христофора, зерщик и пропоец... А Иван Самойлов жил у него, Христофора, и стакався с ним... и в Енисейску он, Иван, резал ножем трех человек... И после того отбывая (избегая наказания) затейных дел и воровских своих причин, он, Иван, бежал в Тоболеск и поставлен в попи[1]. А Василей Муравской, ссыльной человек, жил в Брацком у него, Христофора, и бежал в Тоболеск, и в Тобольску бит кнутом и заорлен и прислан в Енисейск». И вот, аргументирует Безсонов, опираясь, на этих людей Христофор, «спустя многое время» пустил в ход поклѐпное заявление о непристойных словах. И в этой выдумке, продолжает Безсонов, они путались сами: Христофор приписал мне, Безсонову, слова: «Как де мир востанет (в других местах — встанет), так де царь ужаснет». В Илимске Христофор уже говорил, что от меня непристойных слов не слыхал. На очной ставке в застенке Кон-

[1] Это тот поп, показания которого прислал Полянскому преосвященный Игнатий.

стантин Борисов сказал, что я, Безсонов, говорил другие слова: «Как де мир голкнет, так де и царь умолкнет». Безсонов просит разыскать упомянутых им друзей Кафтырева. Видимо, он готов был на очных ставках с ними итти в застенок на пытку (лл. 672-673).

Поведение Безсонова на пытке было пятой и последней последней братских жителей.

Говорил ли в действительности Безсонов «непристойные слова»? Нет, не говорил и не должен был говорить. Весь ход восьмилетнего следствия характеризует Безсонова, как очень выдержанного и стойкого борца. Ему нельзя было рисковать мирским делом и среди сборища друзей Кафтырева выходить и на рундук с таким заявлением. Эта сжатая, в народном духе выраженная формулировка о царе и мире, несомненно родилась в недрах недовольных масс. Но еѐ можно было употребить в своем кругу, а не среди врагов. Примечательно и то, что Кафтырев пустил в ход выдумку о выступлении Безсонова спустя три года с лишним после событий в Братском остроге. Невероятно, чтобы Кафтырев не использовал такого промаха Безсонова сразу после событий 7 января 1696 года, когда «письмянной голова» сплетал целую систему политических обвинений против «бунтовщиков». Пустил эту выдумку Кафтырев очень обдуманно, не желая рисковать ничем, кроме спин своих друзей. В челобитье Полянскому 27 июня 1699 года он заявил, что о непристойных словах знает Пополутов, которого он и предлагал допросить. В 1703 году в Илимске он сказал, что сам этих слов о царе и мире не слыхал.

Вся сцена выхода Кафтырева к «бунтовщикам» с увещеванием, в ответ на которое Безсонов якобы сказал «непристойные слова», несомненно вымышлена. Выдумал еѐ Кафтырев или кто-нибудь из его шайки. Кафтырев с начала волнений находился под бдительным караулом братских жителей и если бы даже имел возможность выступить с речью перед «бунтовщиками», то вряд ли рискнул бы этим воспользоваться. Ему скорее ответили бы не словами, а дубьѐм. Кафтырев был трус, он мог, обътый страхом, сидеть запершись в «хоромах», вокруг которых стояла народная стража, он мог малодушно целовать икону и лицемерно клясться, что ничего не предпримет против «бунтовщиков», но он не мог осмелиться выйти «с увещеваниями» к |народу, который только что сбросил его, как вампира. Если же сцена с выступлениями Кафтырева и Безсонова произошла бы в действительности, то представляется совершенно невероятным, чтобы Кафтырев не слыхал ответа Безсонова.

За выдумку поплатился Безсонов и друг Кафтырева — Борисов. Последний на пытке не мог отступить, так как пример казнѐнного за политическую клевету Ездокова был свеж в его памяти.

Сыск был кончен. Так как он вѐлся по делу енисейского служилого человека, а Братский острог не находился тогда в

ведении Илимска, то Качанов 28 июля 1704 года направляет Кафтырева с итогами следствия в распоряжение енисейского воеводы Глебова. Но последний не принял Кафтырева, ссылаясь на то, что у него нет на это указа из Москвы, что все поручители разъехались и отослал его обратно в Илимск. При этом он, по словам Кафтырева, избил его. Илимским служилым людям, Ширшикову и Черемисину, бесцельно сопровождавшим Кафтырева, надоело всѐ это дело, сам Кафтырев вел себя вызывающе, выкрал у них документы и они по дороге видимо побили его и, может быть, поживились частью его имущества.

Качанов в феврале 1705 года направляет Кафтырева и всѐ дело в Сибирский приказ. Там, в Москве, Кафтырев продолжает писать челобитные на братских жителей, требует возвращения конфискованного имущества, настаивает на высылке в Москву Аники Брянского для допроса и жалуется на Качанова. что тот не произвѐл расследования но поводу «разорения и мучения», которые причинили ему енисейский воевода Глебов и конвоиры по пути из Енисейска в Илимск.

Сибирский приказ в 1706 году делает замечание Качанову за то, что он не допросил Ширшикова и Черемисина, требует высылки Брянского для допроса в Москву и приказывает взять поручную по Григорие Микляеве.

Аника Брянской 6 марта 1707 года высылается в Москву, о поручной по Григорие Микляеве Качанов даѐт указ в Братский острог, ввиду того, что в Илимске Микляева никто не знал. Поручная 2 апреля, за подписями 15 человек, отсылается в Илимск (арх. № 81, св. 8, лл. 14, 22, 23, 25).

Требование Кафтырева о поручной было последним его выстрелом в долгой борьбе с мирским челобитчиком. Далее теряются все следы этого дела.

Был ли наказан в Москве Кафтырев? Материалы следствия не дают оснований ответить на этот вопрос в утвердительном смысле. Конец доклада Качанова утерян, и выводы его изсыска остаются неизвестными. Возможно, что в Москве действовали друзья Кафтырева, в первую очередь влиятельные греки, и он избежал наказания.

По одному из дел (арх. № 53, св. 4, л. 119) можно установить, что казачий десятник Дмитрий Кирилов, казаки Григорий Микляев, Евдоким Фалилеев и другие были в феврале 1706 года в Москве, вероятно, для сопровождения казны. Там они 10 февраля подали челобитье о выдаче им соляного жалованья, которого они не получали со времени отписки Братского острога от Енисейска, т. е. с 1702 года. Сибирский приказ дал 26 февраля указание Илимску о выдаче им соли за минувшие годы.

Григорий Микляев и Дмитрий Кирилов в 1706 году ещѐ были на государевой службе в Братске и пахали там за хлебное жалованье. Но в 1708 году за хлебное жалование пахал сын его, Григория Микляева, рядовой казак Иван Григорьев сын Микляев (арх. № 88, св. 9). Кстати, у Григория Микляева по

списку 1708 года были сыновья: Иван 30 лет, Иван 12 лет, Семѐн 8 лет («хром») и внук Иван 2 лет.

Отставленного Алексеем Галкиным от подьячества «у бунтовщиков» Григория Матвеева можно было встретить в 1706 году вновь в приказной избе Братского острога в качестве подьячего. Но уже 2 марта 1707 года он был, по его просьбе, освобождѐн от работы, так как «писать не может... за скорбию руки ево». Он должен был ехать в Илимск «для очиски», т. е. для сдачи дел, но чувствуя, что над ним будет вечно тяготеть обвинение в том, что он «явился в письме составных писем» по делу Кафтырева, заблаговременно выслал семью в Иркутск и затем сам бежал туда с дороги из Братска в Илимск.

Так неясно заканчивается всѐ дело о борьбе жителей Братского острога со своим мучителем.

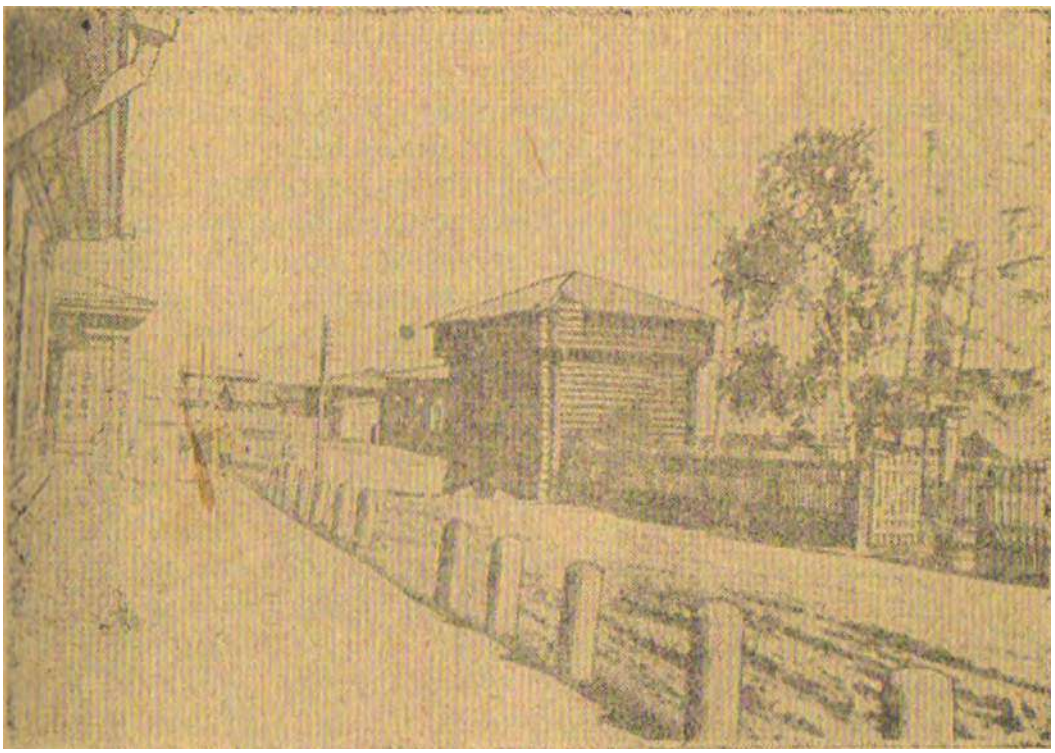


Фото 12. Восточная башня Братского острога (снимок 1946 г.)

Народные волнения имеют громадное познавательное значение. Они представляют как бы кристаллы истории народа, которые зарождаются в спокойной аморфной среде и в резком свете внезапно показывают такие черты и качества народа, которые невидимы в «нормальные» дни его жизни. Они отображают и общественное и хозяйственное бытие народа и его думы.

События, почти одновременно возникшие на Лене, Илиме и Ангаре, представляют часть цепи сигналов, загоравшихся в разных концах Сибири и говоривших о тяжелой жизни трудового люда. Волнения народа, «бунты» — показатель его бесправия.

Волнения были закономерны, а поводы к ним — «случайны». Поведение народа в описанных движениях поражает выдержкой, согласованностью действий и особой стихийной тактикой. Это проявлялось с ещѐ большей силой, если у народа был руководитель и в то же время исполнитель его воли. Защита своих прав в одиночку тогда, в XVII веке, была почти невозможна. Требовалась сила коллектива и народные волнения являлись показателем этой силы. Воеводам и приказчикам долго помнились события, в которых масса и в особенности еѐ главная часть — крестьянство, оказывалась победителем в столкновении с их предшественниками. Народ доказал, что не только может сбрасывать своих мучителей, но и методично преследовать их, пока они не разоблачат себя до конца и не будут обезврежены.

Описанные волнения были в полном смысле стихийными. Общественное сознание крестьян еще не поднималось дальше протестов против местных управителей. Крестьянство в этих волнениях ещѐ не понимало, что оно выступает против системы крепостнического государства, против класса дворян, управлявших страною. Но оно уже чувствовало силу объединения и недвусмысленно выразило это в афоризме о царе и мире.

В Сибири, где не было помещичьего землевладения и помещиков, народные волнения имели свои особенности. Сибирские крестьяне, посадские и рядовые служилые люди выступали прежде всего против произвола местных агентов крепостнического государства.

Вместе с тем народные волнения в Сибири носили общие черты, типичные для крестьянских движений крепостнической эпохи. Выражая стихийный протест и борьбу против социального гнета, крестьянские волнения и восстания были разрозненны, не имели единой организующей и руководящей силы. Выступая против воевод крестьяне еще надеялись на «доброго» царя.

Сущность крестьянских восстаний феодально-крепостнической эпохи четко характеризована И.В. Сталиным:

«Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачѐв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетѐнных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнѐта».

Отмечая значение крестьянских восстаний, расшатывавших крепостнический режим, характеризуя причины их поражений, И.В. Сталин указывает, что «крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачѐве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего» царя».

ГЛАВА V

ЭКОНОМИКА И ТЕХНИКА КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ПАШЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ И ХЛЕБНЫЕ ОБРОТЧИКИ

Основным признаком пашенного крестьянина является наличие земли, двора и семьи. Земля выделялась двору, в котором жила семья, в размере, необходимом для пропитания, для обеспечения государевых повинностей и в пределах трудовых и тягловых возможностей хозяйства. Земля являлась сложным феноменом, в котором скрещивались личные, общественные и семейно-бытовые интересы крестьянина, она выступала и как предмет труда, и как объект государственного обложения и как главный источник доходов семьи. Двор являлся непременным признаком пашенного крестьянина. В нѐм размещалась семья его самого и подворники, т. е. рабочая сила; здесь сосредоточивался тяглый и пользовательный скот, хранились запасы, налаживались орудия труда. Двор позволял самостоятельно решать все производственные задачи, поэтому он ставился нередко обособленно, образуя заимку или однодворную деревню. Пашенный крестьянин часто говорил — «моя деревня» вместо — «мой двор». Только работоспособная, полная семья — с мужчинами, женщинами, подростками и детьми могла ставить двор — деревню и в течение многих лет обрабатывать землю и нести тягло.

Опорой экономики Илимского воеводства и русской государственности был пашенный крестьянин. Вокруг него складывались остальные группы населения воеводства, которых он снабжал хлебом и другими произведениями сельского хозяйства. Он нѐс бремя государственных, воеводских, мирских и церковных тягот, утверждая русскую культуру, язык, обычаи и веру на дальнем востоке тогдашней Руси. Он был зачинателем земледелия, впервые ставя опыт по возделыванию стародавних культур в горно-таѐжном крае и в этом отношении является нашим учителем.

В илимском, да и вообще в сибирском пашенном крестьянине, с большой силой проявились главные черты народа, пред-

ставителем которого он здесь был — его бесстрашие и сметливость, упорство и любовь к труду, умение работать в необычайной обстановке и устанавливать правильные и мирные связи с подчинѐнными народами, сохраняя свою национальную самобытность.

Именно крестьяне составляли основное ядро населения Илимского воеводства, несмотря на крайне тяжѐлые естественно-исторические условия для сельскохозяйственного освоения Ангаро-Илимо-Ленского края.

Расселяясь по обширным пространствам северного Предбайкалья, пашенный крестьянин сам или по указанию воеводы подыскивал угожее место, получал согласие воеводы и передвигался сюда с семьѐй, скотом, парой сошников, топором и косой. Где-нибудь на берегу реки или речки ставился двор, поднимался залог, подчищалась тайга, отгораживалась поскотина. Крестьянин ставил двор, делал соху, бороны, заводил лодку и сети, стремясь в первый же год посеять хлеб, коноплю, завести огороды. Земля, лес и река были естественной обстановкой его хозяйственной деятельности, объектами его труда.

Так возникала деревня в составе одного — двух дворов, которая по имени поселыцика получала и своѐ название. Если окрестные угодья позволяли поселиться другим крестьянам, то к возникшему двору приселялись новые дворы. Создавались двух — трѐхдворные деревни, существовавшие так десятилетиями.

Несмотря на то, что с первой сошной борозды, а может быть, с первого удара топора в тайге, у поселыцика возникали многие обязательства — несение государева тягла, гоньба подвод, платѐж мирских сборов, пашенный крестьянин в большей мере, чем помещичий крестьянин сохранял хозяйственную свободу, личную независимость и сознание своего общественного положения.

Само название или «чин» пашенного крестьянина звучало с достоинством, отмежѐвывая носителя его от боярских крестьян, помещичьих крестьян, архиерейских крестьян, патриарших крестьян, монастырских крестьян предуральской Руси.

Конечно и здесь проявлялось — и чем дальше, тем сильнее — принижающее человека давление крепостнической Руси. Но все исследователи крестьянства отмечали более свободное положение государственных крестьян по сравнению с помещичьими крестьянами. Черносошные волости северной Руси были менее угнетены и более обеспечены, чем крестьяне центральных областей страны. Сибирский крестьянин, вне сомнения, жил в более человеческих условиях, чем крестьянин, принадлежавший какому-нибудь помещику или помещице.

Можно к этому добавить, что слово «мужик» никогда не прилагалось к пашенным крестьянам Илимского воеводства. Это слово употреблялось невероятно редко и встречается лишь в приложении к бурятам: «брацкой мужик Бартахай».

Укажем, наконец, что слово «пашенный» не сопрягалось названиями других групп крестьянства. Говорили: хлебный обротчик, крестьянский сын, не прилагая эпитета «пашенный». Даже потеряв своѐ положение и опустившись до уровня подворника, пашенный крестьянин нередко сохранял тень былого состояния и именовался: отставной пашенный крестьянин, прежней пашенный крестьянин или короче — «прежней пашенной».

Можно лишь в общих чертах указать, из каких слоев населения создавались, а затем пополнялись кадры пашенных крестьян.

Основная часть их происходила из элементов, добровольно осевших на пашню, из так называемых промышленных и гулящих людей, которые уходили из центральных областей Руси, преимущественно из еѐ северных уездов, где не было помещичьего хозяйства и откуда уйти было проще, чем из других районов. Кроме того, через эти волости шѐл путь на восток, который естественно притягивал недовольных людей и давал им возможность перебираться в более свободную Сибирь. В первую очередь прочно оседал на пашню в Сибири тот, кто имел опыт в земледелии, кто сам был крестьянином. Воеводы охотнее всего помогали таким выходцам с Руси, особенно женатым, обзаводиться крестьянским хозяйством, и Сибирский приказ давал многочисленные указания о приверстании на пашню в первую очередь из таких элементов. Шушерин писал: «велено мне... называти на твою государеву пашню во крестьяне вольных гулящих людей ис подмоги и изо льготы» и сообщал в Сибирский приказ, что он устроил из промышленных и вольных гулящих людей в 1643 году 24 человека. В 1652 и 1653 годах было устроено «новоприборных» крестьян 41 человек. В 1655 году, вместо бежавших в Дауры крестьян, преимущественно из ссыльных людей, были повѐрстаны в крестьяне 3 человека «из службы», т. е. служилые люди и 5 промышленных и гулящих людей. В те же годы воеводой Оладьиным посажено на пашню 32 человека, в том числе 9 из промышленных и вольных гулящих людей, 2 служилых человека, 3 крестьянских и казачьих сына.

В 1668 году, при создании земледелия на р. Бирюльке, на пашню осели 9 человек из «вольных людей» и 7 ссыльных крестьян.

В 1673 году «посажены на льготу» 15 человек. При объезде деревень Илимского воеводства в 1699-1700 годах воевода Качанов устроил на пашню около 10 человек. Таких примеров можно привести ещѐ очень много.

Вторым источником пополнения крестьян являлись ссыльные, в первую очередь ссыльные крестьяне. В большинстве случаев это не были преступники, опасные для общества. Ехали они с жѐнами и детьми, целыми семьями, иногда целыми деревнями. Таковы ссыльные черкасы, попавшие в 1642 году в Енисейск в числе нескольких сот человек, часть которых была устроена в крестьянство на Лене. Таковы крестьяне Верхотур-

ского уезда, первоначальные засельщики Ново-Удинской слободы.

Эти две группы — гулящие люди и ссыльные крестьяне имели большое значение в образовании илимского крестьянства в первые десятилетия существования Илимского воеводства. Впоследствии, к концу XVII века, когда ослабла помощь правительства при устроении на пашню, гулящим и присыльным людям оседать стало очень трудно и они становились обычно работниками у пашенных крестьян. Главная часть новых крестьянских дворов с этого времени образуется путѐм выдела из крестьянских хозяйств, ставших в известной мере старожильческими.

Прочно устроившиеся пашенные крестьяне не оставались однородной группой. Часть из них, и не малая, вела трудную жизнь малообеспеченных людей. Некоторая часть, пользуясь сравнительно умеренным обложением, свободой от помещичьей эксплоатации и лѐгкой возможностью найма батраков и «строшных работных людей», образовала зажиточную часть илимской деревни, основу будущего кулачества. Подробнее об этом явлении будет сказано при анализе хозяйства пашенных крестьян.

Садившиеся на пашню вольные и присыльные люди в первые годы заселения Илимского края вели однотипное хозяйство, несли равное тягло, пользовались одинаковыми правами и получали общее название пашенных крестьян. Но с течением времени в этой однообразной среде проявляются признаки неоднородности. Одни ведут крупное, другие мелкое хозяйство и, в некотором соответствии с этим, у одних дворов увеличивается, у других уменьшается размер государевой пашни. Незаметно, сперва как бы в виде исключения или отклонения от правила, меняются и формы обязательств отдельных крестьян в отношении к государству. А вслед за этим появляются и новые термины, да и самое название «пашенный крестьянин» приобретает большую определѐнность.

Ещѐ в списке крестьян, устроенных на пашню в 1641-1651 годах, идут неразличимые Ивашки, Фомки, Якуньки, Андрюшки и т. п.

Но уже в списке 1659 года появляется три вдовьих двора. Затем начинают встречаться бобыли и крестьянские дети. Если они не могли пахать, то превращались в подворников или гулящих людей, а тягло их передавалось другим пашенным крестьянам. Некоторые из таких слабых дворов, не имея сил нести полное тягло, резко уменьшали запашки, иногда отказываясь от надела и платили хлебный оброк. Так появились оброчные крестьяне или хлебные обротчики. В число хлебных обротчиков стали попадать и другие слабые в хозяйственном отношении слои илимского населения, у которых не было возможности стать пашенными крестьянами. К тому же правительственная помощь в устройстве на пашню к концу XVII века сильно сократилась. С этого времени крестьянские дети, бобыли, присыльные

и гулящие люди, новокрещенные и им подобные группы усиленно «изброчивались» воеводами, делались хлебными обротчиками.

Таким хлебным обротчикам предоставлялось право пахать свободные земли, например, пашни бежавших или ослабевших крестьян. Хлебные обротчики представляли группу маломощных крестьян, не получивших земли в постоянное пользование, полухозяев-полуработников с неустойчивым имущественным положением. Значит, это был промежуточный переходный слой сельских жителей, стоявших между пашенными крестьянами и бестяглыми элементами деревни. Этот слой пополнялся не только из неимущих элементов населения Илимского воеводства, но и из ослабевших хозяйств пашенных крестьян, посадских, служилых и казаков.

В свою очередь, обротчики, или оброчные крестьяне, не представляли вполне устойчивой группы сельских жителей. Часть из них при благоприятных условиях переходила в пашенные крестьяне, оформляя это через воевод и получая «даную» на землю вместе с пашенным тяглом, другая часть опускалась ниже, пополняя ряды подворников, работных людей и нищих.

Хлебные обротчики оказывались самым неустойчивым звеном илимской деревни, они давали наибольшее число беглых и в трудные годы почти целиком становились недоимщиками. Часто незначительные затруднения, легко переносимые пашенными крестьянами, ломали слабое хозяйство хлебного обротчика, без надежды на восстановление.

С начала XVIII века воеводы стали усиленно зачислять в число обротчиков всех тех, кто не нѐс тягла, в том числе присыльных и гулящих людей. Но редкий из них пахал в действительности, подавляющая часть зарабатывала хлеб и для пропитания и для сдачи государству посредством продажи своей рабочей силы. Вследствие этого появилась необходимость отличать хлебных обротчиков, имевших пашни, и поголовных обротчиков, которые пашни не имели. Огульное зачисление бобылей, крестьянских детей, присыльных и гулящих в обротчики привело к сильному росту их числа.

В таблице 11 показано число хлебных и поголовных обротчиков и их удельный вес в крестьянском населении Илимского воеводства.

Число обротчиков в последней таблице дано: для 1695, 1967, 1700 и 1702 гг. без волостей, отходивших к Якутскому воеводству, для 1699 года с включением этих волостей, а по 1710 и позднейшим годам — для всех волостей Илимского воеводства, включая Братскую и Кежемскую.

Как видно из таблицы, удельный вес обротчиков менее чем за 30 лет с нескольких процентов поднялся до ⅓ части сельского населения Илимского воеводства.

Хлебных обротчиков, пахавших пашню и плативших за неѐ рожью, в 1723 году было 89 человек, поголовных обротчиков,

которые не имели пашни даже в уменьшенном размере и лишь иногда пользовались покосами, числилось 327 человек, крестьянских и казачьих детей 25 человек.

Таблица 11

Годы	Обротчиков	% обротчиков
1695	6	2,4
1697	7	2,7
1699	93	12,2
1700	63	15,6
1702	74	15,3
1710	210	17,4
1715	350	24,2
1723	411	32,3

Группировку обротчиков по социальному происхождению показать очень трудно, так как под этим термином обезличивались самые разнородные слои. Но для 1699 года удалось построить следующую таблицу (12):

Таблица 12

Состав обротчиков	Человек	% к итогу
Хлебные обротчики	38	40,9
Бывшие пашенные крестьяне	8	8,6
Крестьянские дети	7	7,5
Казачьи дети	3	3,2
Бобыли	4	4,3
Жители и промышленные люди	2	2,2
Служилые люди (отставные)	2	2,2
Вкладчики	2	2,1
Новокрещенные	3	3,2
Присыльные	10	10,8
Гулящие люди	12	12,9
Отставной солевар, кузнец	2	2,1
Итого	93	100,0

Перечень групп, из которых образовался сложный и пѐстрый состав обротчиков, даѐт представление о них, как о перекидном, промежуточном слое между пашенными крестьянами и деклассированными элементами.

Вся пѐстрая группа хлебных и поголовных обротчиков хотя и являлась сельским населением, но не может быть отнесена к крестьянству без крупных оговорок. Лишь хлебные обротчики, пахавшие на свободных клочках, могут считаться крестьянской беднотой. Остальные категории являлись чаще всего батраками, не имевшими ни надела, ни средств производства.

Обротчики не участвовали в мирских делах пашенных крестьян, не несли подводной гоньбы и не избирали представителей крестьянского мира. Это была не только обездоленная, но и в подлинном смысле слова безмолвная часть илимской деревни.

ЗАСЕЛЕНИЕ ПАШЕННЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ АНГАРО-ИЛИМО-ЛЕНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Пашенное дело на Ангаро-Илимо-Ленском междуречье возникло сразу, как только там появились русские. Но сведения о начале его развития крайне скудны.

Одним из первых землепашцев оказался, как это известно из литературных источников, Ярофей Павлович Хабаров. Около 1639 года он завѐл пашни вблизи устья реки Куты, вероятно, в той местности, которая изображена на фотоснимке 4. В одном из челобитий на имя царя он писал: «в прошлых, государь, годех для прежних государей и для твоей государеве прибыли проведал я, холоп твой, на великой реке на Лене соляные промыслы и пашни. А проведав, государь, пашни и варницы устроил». За это было велено выдать Хабарову 500 рублей. «Да воевода Петр Петрович (Головин) про твой государев обиход взял у меня хлеба — ржи на 3 тысячи рублев». Хабаров жалуется, что он «от Дмитрея Зиновьева изувечен и меж двор скитаюся и за бедностию голодом помираю». Он просил приверстать его в службу и пожаловать. Далее следует перечень заслуг Хабарова, начиная с Даурского похода 1648 года, а на обороте сделана помета: «163 (1655) года июня в 5 день государь пожаловал, велел службы ево выписать»[1].

Запашка была, видимо, значительная, так как Хабаров ссудил воеводу не одной тысячей пудов ржи. Но уже в 1641 году якутский воевода Пѐтр Головин, знавший крайнюю нужду государства в хлебе, приехав на Ленский волок в Илимский острог, «взял на государя», т. е. отобрал эти пашни у «старого опытовщика у Ярафейка Хабарова» и посадил на неѐ 5 якутских служилых людей — Исачка Максимова, Михалку Костянтинова, Семейку Родионова, Марчка Микитина и Ондрюшку Кирилова

[1] Сибирский приказ. Столбец 344, часть I, 1655 год, лл. 77-80.

«из найму на урочные годы», на 3 года. Эти служилые люди были обязаны пахать по 3 десятины на человека, т. е. всего 15 десятин. Из казны им было выдано по 2 лошади, по 2 сошника, по 2 серпа, по 2 косы и по 2 хомута[1].

Из государевой же казны выдавались и семена. Весь сбор с этой пашни шѐл в казну. Кроме того, каждый служилый человек должен был возить по 940 пудов грузов от Илимска до устья р. Муки.

За свою работу они получали по 20 рублей в год. Кроме того им выдавалось жалованье — одному 5 рублей, остальным по 4¼ рубля деньгами, по 3½ четверти ржи, по 4 четверти овса и по 1⅓ пуда соли. Сверх этой оплаты они могли «насеять (в этом слове в документе допущена описка) без десятово снопа — на человека по 2 пуда ржи». Это условие нужно понимать так: каждый имел право сеять на себя по 2 пуда ржи, т. е. около ⅓-¼ десятины, без уплаты $^1/_{10}$ части урожая. Если же служилый человек сеял больше этой величины, то за излишек своей пашни он должен был вносить в государеву казну десятый сноп, т. е. $^1/_{10}$ часть урожая.

Воевода Шушерин, сообщая в 1650 году об изложенном в Москву, указал, что урочные годы прошли и служилые люди просят их отпустить. Лошадей, данных им в своѐ время, теперь почти не осталось, сошники и прочий инвентарь «у них придержались и все де они пашут своим заводом». Кроме того служилые люди требовали плату за подводную гоньбу.

Воевода, боясь отпустить служилых людей, просил указаний и, между прочим, прибавил: «в пашню, государь, охотников мало».

Ответ Москвы, помеченный 30 августа 1651 года, получил, воевода Оладьин, так как Шушерин к этому времени умер: служилых людей не отпускать, велеть им быть на пашне, денег за провоз не давать, если можно, то уменьшить им плату[2].

Как видно, Сибирский приказ считал такой способ получения хлеба выгодным, тем более, что, если верить сообщению, посланному в Москву в 1647 году якутскими воеводами Василием Пушкиным и Кириллом Супоневым, урожаи на этой пашне были хорошие. Вот приведѐнные ими цифры: в 1644 году ушло на 15 десятин 75 пудов ржи, «ужато» в 1645 году по умолотным книгам целовальника Дѐмки Пахорука 15818 снопов, вымолочено 2228 пудов 20 гривенок[3]. Таким образом с десятины был получен урожай в 149 пудов или сам 29,7! С одного снопа намолочено 5,6 фунта. Такие сборы, особенно близ Усть-Кутского острога, встречались чрезвычайно редко.

Наоборот, служилые люди были недовольны заключѐнным соглашением. Не без причины просили они отпустить их с пашни.

[1] В действительности, на хомуты и гужи выдавалось кожей. Делать же «пашенный завод» служилые люди должны были сами.

[2] Сибирский приказ. Столбец 360, лл. 259-275.

[3] Сибирский приказ Столбец 274, лл. 285.

Одни из них, Марчко Микитин, бил челом в 1647 году о своих нуждах. Он сообщал, что сеял ежегодно по три десятины и намолачивал с них по 400 пудов и больше, возил грузы за волок, одним воеводам дал около 30 подвод — «А преж сего, государь, дорога зимная конная но Лене не бывала, потому что место пустое». Он же собирал ясак и «суды» делал. «А на твою государеву пашню на всякой год наймовал по 2 человека срошных. А найму давал опроче хлеба, по 20 рублев на лето человеку, а хлебных запасов покупал на них по 20-ти ж пуд человеку». Он жалуется что «должал и обсиротал великими кабальными неоткупными долгами, потому что на Лене люди дорогие и хлеб дорогой». Микитин сообщает также, что в 1646 году он распахал сверх государевой пашни «непаханой пустой земли на собя вновь», но воевода Пушкин не дал ему льготных лет и уже с первого хлеба взыскал в казну десятую часть урожая — 50 пудов ржи (там же, лл. 357-359). Это челобитье попало в Москву, по нему была сделана подробная выпись из дел Сибирского приказа, но конца дела нет, да и самая выпись по склейкам сильно попорчена (лл. 360-363).

Второе хозяйство илимского «слободчика». Ив.Никон. Сверчкова, упоминаемое в литературе[1], и вовсе не имело никакого значения в развитии илимской пашни. В списках крестьян, поселѐнных с 1645 по 1652 год числится «в пашне торговой человек Ивашко Никонов Сверчков», но уже в следующем году в росписи заимок отмечено, что за торгового человека пашет Фомка Абрамов на бывшей Сверчковской заимке. В списках 1655 года здесь нет и Фомки. В 1667 году его имя встречается среди усть-киренских крестьян. Местность, где пахал Сверчков, находится несколько ниже устья р. Кутолаки, она долго называлась Сверчковским лугом; с 1690 года там была мельница Киренского монастыря. В настоящее время на устье р. Кутолаки находится дер. Лужки, вероятно, получившая своѐ название от Сверчковского луга.

Приведѐнные материалы проливают свет на многие важные вопросы начального развития земледелия в тех краях. В особенности следует отметить два обстоятельства: 1) так называемые слободчики не играли существенной роли в развитии земледелия в Илимском крае, как это имело место в воеводствах Тобольского разряда. Хабаров оказался в этом смысле одиночкой и пахал на устье р. Куты не более 3 лет, перенеся ненадолго своѐ внимание на местности в устье р. Киренги, 2) государство сделало попытку создать в подлинном смысле слова государеву пашню, обрабатываемую служилыми людьми. Но это был единственный случай, притом не очень долговременный. Последние сведения о государевой пашне «у Соли» встречаются в 1650 году, пос-

[1] С.В. Бахрушин. «Сибирские слободчики» (из истории колонизации Сибири). Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. Том II, М., 1926, стр. 127-138.

ло этой даты она исчезает навсегда. Исачку Максимова и Ондрюшку Родионова не удаѐтся обнаружить ни в одном из последующих документов. Но в списках пашенных крестьян можно отыскать Мишку (Михалку) Костянтинова в Усть-Кутской волости в 1653 (по двум спискам), в 1659 и в 1663 годах. Марчко Микитин также оказался крестьянином и имя его обнаруживается в той же волости до 1663 года, когда он стал ямским охотником. Наконец, Ондрюшка Кирилов тоже превратился в пашенного крестьянина, но исчез после 1653 года.

Следовательно, государева пашня, в собственном смысле слова, перестала существовать около 1651 года.

Дальнейшее развитие земледелия в Илимском крае приняло форму крестьянского хозяйства. Государева пашня, как особое хозяйство, исчезло. Она преобразовалась в некоторую долю пашни крестьянина, рассеявшись по всему пространству Илимского воеводства; она шла за каждой крестьянской сохой в течение всего XVII столетия, связывая свою величину с собственной крестьянской пашней в соотношении 1:4. Еще позднее, в XVIII столетии, ей было суждено превратиться в номинальную площадь, в некоторую условную единицу, по которой определялась величина хлебных платежей крестьянина государству.

Когда в 1672 году тобольский сын боярский Афанасий Ушаков по поручению Сибирского приказа и тобольского воеводы производил проверку постановки пашенного дела в Илимском воеводстве, он обратил внимание и на отсутствие здесь особой государевой пашни. В своѐм докладе о результатах осмотра государевых и крестьянских пашен он констатировал: «...в Ылимском остроге и в уездных острожках и волостях государевы десятинные пашни пашенные крестьяне пашут в своих собинных полях всяк порознь»[1].

Объясняя Сибирскому приказу причины ликвидации государевой пашни, как особого хозяйства, воевода С.О. Оничков в 1676 году писал: «А блиско острогов и сел и слобод, особо от крестьянских и служилых и посацких людей пашен, великого государя пашни поль против иных городов учинить негде никоторыми делы, потому что у острогов и у сел и у слобод пространных пашенных мест нет, а пашенные крестьяне селены по Илиму и по Лене и по сторонным рекам, у рек по берегам и по лушкам. А на горах пашенных мест нет, потому что горы каменные и места худые и леса неугожие. В розни между деревнями езду верст по 5-ти и по 10-ти и по 20-ти и по 30-ти и по 40-ку и больщи»[2].

[1] Сибирский приказ. Книга 580, л. 364.

[2] Сибирский приказ. Книга 633, лл. 192-197. Переписку 1627 года об особой государевой пашне около Кузнецкого острога см. в Русской Исторической Библиотеке, том VIII, СПБ, 1884, стр. 471. Возможно, что в Западной Сибири государева пашня иногда сводилась в одно место. Об этом есть сведения в книге В.И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII-начале XVIII веков». М., 1946.

Но отбирая землю у Хабарова и создавая там государев хозяйство, вся продукция которого шла в казну, воеводы понимали, что это — экстраординарная мера, способная дать очень немного хлеба в новом пустынном крае. Необходимо было иметь повсеместное, устойчивое и дешèвое производство хлеба. Подобную задачу правительство решало в Западной Сибири, опираясь на пашенных крестьян. Оно уже имело большой опыт по организации земледелия от Верхотурья до Енисейска. И методы и опыт по созданию там пашни надлежало перенести и в Илимский край. Метод заселения занятых областей заключался в поддержке крестьян, казаков и гулящих людей, оседавших на пашню по своему почину и в переводе людей на новые места из другие частей Сибири. Но прежде чем начать такой перевод требовались знать — где и сколько людей можно устроить на пашню. Каждому воеводе вменялось в непременную обязанность срочно определить места заселения и их поселенческую èмкость, «высмотреть угожие места под пашню». Поэтому вскоре после овладения краем начинаются поиски пригодных для земледелия мест. Вначале внимание воевод останавливается на среднем течении р. Илима, на местностях вниз по Лене от Усть-Кутского острога до Тунгусского волока (будущая Чечуйская волость) и вверх по этой же реке до Верхоленского Братского острожка. Якутский воевода П. Головин уже в 1641 году устраивает на пашню около Чечуйского острога первых пашенных крестьян. Якутские воеводы В. Пушкин и К. Супонев при проезде в 1645 году «высмотрели» на р. Илиме, «не дошедь до волоку дня за 2 или за полтретья, против Тушамы речки по обе стороны 3 елани. На одной... по смете на ней чистой пашенной земли десятин со 100 и больше, а на двух еланях будет десятин по 50. А меж ими, государь,... пашенные земли десятин по 10, а на иных по 15 и по 20 и по 30. И на тех, государь, на всех еланех пашенных крестьян посадить мочно человек с 50 и больши»[1].

Речь здесь идет о местности около современного с. Нижне-Илимского, примерно от Большой Деревни до Заусаевой. «Высмотр» земель выше Усть-Кутского острога был начат, как только русские овладели этой частью края. В одной из дьяческих помет на отписке якутских воевод было сказано: «Писать на Лену к воеводам, велеть Верхоленской острожек по их высмотру перенесть в угожее место и пашенных крестьян на пашни строить, где б земля была добра и к пространству и ко всяким угодьям и где б не чаять приходу братцких воинских людей». Верхоленский пятидесятник Курбатка Иванов по этому поводу дал свои соображения о возможности заселения берегов р. Лены от Верхоленского до Усть-Кутского острога, т. е. на протяжении 250 верст. Он считал, что от Верхоленска до р. Тутуры можно поселить более 200 пашенных крестьян, по Тутуре и ниже еè устья, по Лене «пашенных мест смечено на 1½ тысячи десятин и сенных по-

[1] Сибирский приказ. Столбец 274, л. 284.

косов на 10 тысяч копен». Следовательно, считая по 30 десятин на человека, можно поселить 50 пашенных крестьян. Еще ниже, от р. Илги до р. Бичи, было найдено пашенных мест на 150 десятин, до р. Бота и р. Чигапты — 150, до р. Аталанги — 70, до рр. Орленги и Купты — 300, до р. Чилимжи — 100 десятин[1]. Все притоки р. Лены здесь названы верно, только вместо Чигапты теперь пишут Чичикта, а вместо Купты — Кухта.

Таков первый цикл поисков пашенных земель. В поле изысканий были включены берега рек Илима и Лены, именно на тех частях, по которым проходили важнейшие пути русских воинских сил. Общее протяжение их, считая от устья Илима до Илимского острога и от Верхоленского до Чечуйского острожка (или несколько ниже) составляло около 1000 вѐрст.

Вскоре началось переселение на эти места ссыльных черкас, которые, в числе 78 человек, не считая членов их семей, были присланы в Енисейск в 1643 году. Из них 11 человек было отправлено на Лену в следующем году. Ещѐ 20 ссыльных с семьями, всего 77 чел. (в списке поименовано 59 чел.) взяли с собой воеводы В. Пушкин и К. Супонев, направлявшиеся в Якутск. Среди них из Курмыша было 10 чел., в том числе вдова Опроксинья с двумя детьми, из Свияжска — 20, из Чебоксар — 4, из Козьмо-Демьянска — 7, из Царѐва Шангурина — 11 и яранских — 7 чел. Им был выдан на дорогу хлеб «тобольской присылки»: по 1½ пуда муки на месяц взрослым от 16 лет и старше, по ½ пуда детям от 2 до 15 лет, «а которые к году и двух лет — быть за тем же месячным кормом». Кроме того было выдано крупы по ½ пуда на человека и по 3 рубля денег на семью.

Для первоначального хозяйственного обзаведения воеводы взяли из Енисейска сошники, топоры, косы-горбуши и серпы. С собой повезли и семена: 120 четей (480 пуд.) овса, 75 четей ячменя[2]. В донесении Сибирскому приказу В. Пушкин и К. Супонев подробно объясняют, как было осуществлено переселение и первоначальное устройство этих 20 семей. Из них 10 семей было поручено устроить Курбатке Иванову у р. Куленги и 10 — «на Тунгуском Чичюйском волоку против пашенного Панфилка Яковлева, выше и ниже того... волоку в трех местех». На каждую семью было выдано по 2 сошника, по 5 серпов, по 3 косы-горбуши и, вероятно, по 2 топора. Кроме привезѐнных из Енисейска семян, па месте устройства было дано на 60 десятин ржи (20 государевых и 40 крестьянских) по 5 пудов на десятину. На чечуйском же волоке удалось изыскать ещѐ 5 четвертей ячменя, взятых «из крестьянской пахоты». Достали и лошадей, «купя на Ленском Илимском волоку погромных брацких лошадей (т. е. отбитых в военных столкновениях у бурят)... по лошаде человеку да по хомуту». Сверх того нашли 2 «пометных» лошади, т. е.

Сибирский приказ. Столбец 274, лл. 285, 287-289. Письмо Курбатки Иванова, видимо, без конца.

[2] Сибирский приказ. Столбец 274, лл. 401-411.

брошенных бурятами при отступлении, и купили 18 лошадей (по 10, 12 и 15 руб.) у служилых и посадских людей, израсходовав на это 228 рублей. «А велели, государь, тем черкасом пахать и посеять озимью рожь ко 155-му (1647) году. А как, аж даст бог, во 155-году приспеет весна — и велели, государь, мы, холопы твои, тем черкасом под яровой хлеб подымать землю с весны рано». При этом было установлено задание по посеву: овса 60 десятин, в том числе государевых 20, ячменя 40 десятин, в том числе государевых 20. Следовательно, всего озимых и яровых предположено было посеять 160 десятин, в т.ч. государевых 60[1]. Впрочем, этот первый план переселения был выполнен не целиком, часть ссыльных задержалась в Енисейске, за что енисейские воеводы получили выговор из Москвы.

С приездом в Илимск первого воеводы Тимофея Шушерина, устроение на пашню в Илимском крае пошло более усиленно. По отчѐту Шушерина за время с 2 сентября 1649 года по 10 июня 1650 года он приверстал в крестьяне 41 человека, т. е. 41 семью: на Ленском волоке, в том числе по Куте и Купе — 5, вниз по Илиму, считая от Илимского острога — 15, вверх по Илиму — 2, по Тутуре — 7 и по Лене — 12 человек. Из них — 12 ссыльных, 5 черкас и 24 промышленных и гулящих людей. Всем этим новоприбранным крестьянам, безразлично — ссыльным или вольным было выдано: по 1 лошади (или взамен — деньгами от 7 до 12 рублей), по 2 сошника, 2 топора, 2 косы, 2 серпа, по хомуту и узде. На семена было отпущено из государевых житниц: 19 человекам по 10 пудов ржи, остальным по 5 четвертей (20 пудов), кроме того всем — по 3 четверти овса и по одной — ячменя. Продовольственного «еменного» хлеба ссыльные получили ещѐ в Енисейске на два года — по 1½ пуда на месяц главе семьи и по 1 пуду на месяц каждому члену семьи старше 10 лет. Вольным людям продовольственный хлеб был выдан на месте — по 1½ пуда человеку на месяц, до нового урожая. Подмога была бесплатной и безвозвратной.

Поселившиеся освобождались на 2 года от несения государевых повинностей, после чего каждый из них обязан был пахать 1 ржаную десятину государевой пашни[2].

Пока Шушерин устраивал новых крестьян, якутский воевода Францбеков вывез в 1649 году 6 ссыльных черкас, посаженных на пашню в тех местах по Лене, которые отходили от Якутска к Илимску. Шушерин сообщил об этом в Москву. 30 августа 1651 года Сибирский приказ предложил якутскому воеводе вернуть этих людей в Илимск. Но возврат их, кажется, не был осуществлѐн.

Итоги первого периода создания земледелия в Илимском воеводстве подведены в «Росписи Ленского волоку Илимского острогу посацким людем и пашенным крестьяном и ссыльным чер-

[1] Сибирский приказ. Столбец 274, лл. 374-379.
[2] Сибирский приказ. Столбец 360, лл. 492-513.

касом», в котором перечислены по волостям все крестьяне, поселѐнные при якустком воеводе В. Пушкине и при илимском воеводе Т. Шушерине[1]. Данные этой росписи приведены в таблице 13.

Таблица 13

Название волостей	Всего пашенных крестьян, дворов	Из них бежало
1 По Илиму реке	34	—
2. В Усть-Кутской волости, пашенные крестьяне	9	—
3. Вверх по Лене реке, в Орленской волости	9	1
4. По Верхоленскому, Братскому острожку, в Тутурской волости, пашенные крестьяне, ссыльные черкасы	17	3
5. Вниз по Лене ж реке, в Усть-Киренской волости да по Чичуйской Тунгусской волок, пашенные крестьяне и ссыльные черкасы	52	1
Всего	121	5

Для того, чтобы дать представление о первоначальных названиях волостей, они в таблице приведены по подлиннику.

Кроме того, два пашенных крестьянина «в татином деле посажены за пристава».

В той же росписи названы поимѐнно «новоприборные пашенные крестьяне», которые были «прибраны» в государеву десятинную пашню в 1652 и 1653 годах воеводой Б. Оладьиным. В этом дополнительном списке имеется ещѐ 41 человек. Оладьин селил крестьян в тех же местах, по Илиму и Лене «и по иным сторонным рекам». Видимо, при этом пришлось селить и в местах, где требовалась расчистка земли из-под леса. Поэтому было увеличено число льготных лет: «А льготы давано против (т. е. — по) государеву указу года по два и по три и больши для дальних и новорозчистных пашенных мест и дворовой селитьбы».

Было бы весьма важно установить, насколько прочно обосновались эти первые хлебопашцы. Меньше всего в списках последующих лет встречается имѐн тех ссыльных черкас, которые были устроены при воеводе Пушкине. Из них в 1653 году жили на Лене Савка Фѐдоров, Игнашка Тимофеев, Омелька Степанов, в 1673 году ещѐ встречаются Ондрюшка Юрьев,

[1] Сибирский приказ. Столбец 586, ч. II, лл. 382-375, 376, 374-372. Нумерация листов перепутана, поэтому их нужно читать в указанном здесь порядке.

Ондрюшка Васильев (оба в Киренской волости) и Федька Яковлев, поселѐнный в 1641 году. Часть черкас была увезена в Якутское воеводство, вероятно в Пеледуй или на Витим, а может быть, и на Амгу, часть умерла или бежала. Других нельзя найти, может быть, потому, что у них появились новые прозвания. Многие фамилии встречаются во всех последующих списках, вплоть до конца исследуемого времени, т. е. до 1725 года. Таковы — Перетолчин, Игнатьев, Солодков, Погадаев, Зарубин,. Усом, Жмуров — по илимским волостям; Костянтинов, Тюменской — по Усть-Кутской волости; Шайдур — по Орленской; Головной — по Тутурской; Карасов, Юрьев, Трофимов, Кривошапкин, Воронин, Москвитин, Грицкой, Банщик, Рыданной и др. по ленским нижним волостям. Конечно, при этом приходится следить за отчеством крестьянина и его местожительством, иначе могут быть. случайные совпадения фамилий. Например, в списке 1651 года в Усть-Киренской волости назван Климка Карась, в 1667 году там же — Климка Лаврентьев Керась, в 1721 году в деревнях Панской и Потаповской жили Фѐдор и Савастьян Клементьевы Карасовы. Ясно, что здесь говорится об одной семье.

Одновременно с заселением вдоль Илима и Лены шло приискание земель и устройство пашен около Братского острога. Енисейский воевода А. Пашков, в ответ на предложение Сибирского приказа от 13 июня 1652 года о подыскании пашенных мест вблизи этого острога, писал: «И в Брацкой, государь, острог из вольных из гулящих людей в пашенные крестьяне селитца мало... селить неково; охочих, государь, людей нет. А пашенные, государь, угожие места выше Брацково острогу большие и земли самые добрые. И на тех, государь, местех мочно твоих государевых пашенных крестьян поселить семей с 500 и больши». Он спрашивает, не послать ли туда служилых людей на пашню за хлебное жалованье[1]. Но заселение здесь Ангары шло обычным порядком, без привлечения служилых людей.

Возвращаемся к воеводе Оладьину. В октябре 1653 года из Енисейска в Илимск была направлена новая партия ссыльных в числе 51 человека, из них 4 по дороге бежало, а один «судом нижним утонул». Оладьин отослал в Якутск 24 чел., а остальных 22 чел. устроил на пашню. Впрочем, в приложенном списке названо 23 чел. Имена некоторых из них постоянно встречаются в делах Илимского воеводства. Тут же Оладьин поднимает очень важный вопрос, разрешить который пришлось уже его преемникам. Он пишет: «В Ылымском уезде и по Илиму и по великой реке Лене и по иным займищем тво(е)й государевы пашни устроить мочно бы, государь, — хлеба напахать на Якутцкой и на Илимской остроги сполна, без енисейские присылки»[2].

[1] Сибирский приказ. Столбец 403, лл. 16-17.
[2] Сибирский приказ. Столбец 344, часть II, лл. 238-247.

С расширением пашни и по мере выхода крестьян из льготы увеличивался приток местного хлеба в государеву казну. Однако его было недостаточно для покрытия государственных потребностей двух воеводств — Якутского и Илимского. Увеличить размер хлебных поступлений можно было не только при- верстанием новых крестьян, но и повышением их обложения. Поэтому, по поручению Сибирского приказа, Оладьин пересматривает обязанности каждого крестьянина. Первоначально пашенный крестьянин должен был пахать на государя одну десятину ржи. Теперь, в 1652 году, к этой десятине прибавляется полдесятины яровых. Там же, где яровых сеяли мало, с новой площади обложения взыскивали рожью. В табл. 14 в сводном виде показано число пашенных крестьян по волостям и количество десятин государевой пашни. Основанием для составления таблицы послужила «Книга имянная окладная пашенным крестьяном и ссыльным черкасом», составленная около 1656 года[1]. В ней отдельно поименованы крестьяне, построенные в пашню до 1652 года при воеводах Головине, Пушкине и Шушерине, и отдельно — построенные в пашню в 1652-1656 годах при воеводе Оладьине. Размеры государева тягла по яровым десятинам установлены для всех крестьян Оладьиным.

Таблица 14

Волости	До 1652 года			С 1652 до 1656 года		
	пашенных крестьян	тягла, десятин		пашенных крестьян	тягла, десятин	
		ржи	ярового		ржи	ярового
Верхне-Илимская	5	5	2½	—	—	—
Нижне-Илимская	30	30	15	11	11	5½
Усть-Кутская	9	16	4½	4	4	2
Усть-Киренская	54	51	25	12	13	6½
Орленская	8	8	4	11	11	5½
Тутурская	15	14½	7¼	8	8	4
Итого	121	124½	58¼	46	47	23½

Так как многие повѐрстанные Оладьиным в пашню крестьяне ко времени составления отчѐта не вышли из льготных лет, остановимся на пашне 1652 года. Вместо 15 десятин государевой пашни, которая была на устье р. Куты в 1641 году, теперь имелось 182¾ дес., с которых можно было получать ежегодно около 7000 пудов товарного хлеба, при потребности Якутского и Илимского воеводств около 12000-13000 пудов.

[1] Сибирский приказ. Книга 306, лл. 105-163.

В последующие несколько лет число пашенных крестьян и площадь тяглых государевых десятин возрастали очень медленно. Государство уже не всегда берѐт на себя расходы по полному обеспечению новосѐлов, ограничиваясь частичной поддержкой и сохранением льготных лет.

В следующей таблице 15 объединены показатели двух документов — окладных книг пашенных крестьян за 1658 и 1663 годы[1].

Таблица 15

Волости	1658 год			1663 год		
	пашенных крестьян	государевых десятин		пашенных крестьян	государевых десятин	
		ржи	ярового		ржи	ярового
Верхне-Илимская	5	5	2½	5	5	2½
Нижне-Илимская	35	35	1½	36	38	20¾
Усть-Кутская	11	16½	5¼	11	14½	3
Усть-Киренская	57	56'½	27½	57	64	30¼
Орленская	17	17	8½	19	19	9½
Тутурская	15	15	7½	17	16½	8
Итого	140	145	68¾	145	157	74

Эта государева пашня в среднем давала около 8000-8500 пудов товарного хлеба. Задача полного покрытия внутренних потребностей в хлебе из местной пашни таким образом ещѐ не была разрешена. Более того, расширение пашни замедлилось и число пашенных крестьян почти не увеличивалось.

В этих условиях производится второй цикл «высмотров» удобной для пашни земли. Их предпринимают илимские воеводы — Лаврентий Обухов и Сила Оничков (или Аничков).

Несколько подчѐркивая свои старания, Л. Обухов сообщает в 1665 году в Сибирский приказ:[2] «А в Ылимском, государь, уезде сыскал я, холоп твой, пашенных угожих мест по великой реке Лене и по Илге и по Киренге и по Тыпте и по Бирюльке и по иным сторонным речкам, что мочно построить пашенных крестьян семей 200 и больши». На поселение такого количества крестьян, по его мнению, требовалось 2000 рублей. Но таких денег в Илимске не было. Несомненно, что действительные расходы превысили бы названную сумму раза в три. В том же сообщении Обухов настаивает на отписке от Якутского воеводства Чечуйской волости, которая, по его мнению,

[1] Сибирский приказ. Книга 420, лл. 1-21 и книга 691, лл. 132-143.

[2] Сибирский приказ. Столбец 586, часть II, лл. 259-264, но их нужно читать в обратной нумерации.

«очень далека от Якутского острога, поэтому «многие винные курени и браги в Чичюйском живут». Он напоминает, что такая грамота о приписке Чечуйского волока (в данном случае — волости) была послана его предшественнику, илимскому воеводе П. Бунакову, но якутский воевода М. Лодыженский сообщил, что ему такой грамоты не прислано.

Нельзя не признать размах поисков Обухова очень широким. Перечисленные им притоки Лены (Тыпта — приток Илги) находятся в противоположных частях этого края. Главное внимание было обращено на р. Илгу. Еѐ осматривал по поручению воеводы казачий атаман Богдан Черепанов. Удалось там поселить 38 семей из тех крестьян, которые были сосланы в Илимск на пашню. Обухов подчѐркивает, что раньше таких людей воеводы «садили в посад» и облагали оброком по полуполтине. А он устроил их на пашню, пополнение же посадских людей произвѐл из тех промышленных людей, которые женились на казачьих дочерях. Обухов пытается найти внутри воеводства годных к поселению на пашню людей, ссылаясь на то, что ранее поселѐнные крестьяне «размножились», во дворе подчас живѐт по 4 семьи; кроме того есть половники у пашенных крестьян, которые пашут на них хлеб исполу, «а тебе, великому государю, в казну ничего не платят и никакова изделья не делают. А которые, государь, земли выпашки и те земли они пускают в залог, а принимают себе в те же десятины землю вновь. А на выпаханные места навозов не возят и в том себе легости получают... А в Ылимском остроге пашенные крестьяне против руских пашенных тяглых крестьян в малых окладах; денежных и иных никаких доходов, опричь десятинной земли, в твою, великого государя, казну ничево с них не идет». Здесь — целая программа по усилению тягот крестьян, якобы живущих «в легости».

Как бы то ни было, но в это время возникает новая волость — Знаменская или, как еѐ потом стали называть, — Илгинская.

После убийства Обухова поиски земель вѐл и достаточно энергично его преемник — воевода Оничков. В 1668 году он «обыскал вверх по Лене реке, по сторонной Бирюльке речке угожие пашенные добрые яланпые места». Здесь были поселены 7 семей ссыльных пашенных крестьян и 9 семей из «вольных», женатых людей. Воевода дал им «хлебной подмог и пашенной завод и, покупя лошадей, построил их в десятинную пашню». Одного ссыльного в пашню не построили, ибо он был вдов, без жены — «одинакому человеку в пашне быть нельзя». Поселѐнные ссыльные и вольные люди получили льготы на 2-3 года. Воевода ещѐ раз подчѐркивает, что холостым дать ссуду и подмогу не посмел, потому что «без жен холостые в пашне непрочны будут и с пашен бегают». Наконец, он обращает внимание Сибирского приказа на то, что в Илимске присыльных

людей с жѐнами нет, и что некого строить в пашню. К его отписке приложена роспись новопашенных крестьян, с указанием размера тягла: ссыльные будут пахать на государя после льготных лет по ½ дес. ржи и по ¼ дес. яровых, новоприборные из вольных людей по 1 дес. ржи и по ½ дес. яровых, за исключением трѐх, которым тягло уменьшено вдвое[1].

Среди поселѐнных Оничковым людей один был новокрещен, а двое известны по литературе — это Стенька Александров (ссыльный) и Мишка Костянтинов сын Синьков (из вольных) — будущие участники местного крестьянского бунта.

Так было положено начало ещѐ одной волости — Бирюльской.

Другой дальний поиск пашенных земель, предпринятый в следующие два года, касался вершины р. Илима и р. Ангары, выше Братской волости, входившей тогда в Енисейское воеводство.

Сперва сам воевода, а затем, по его поручению, пятидесятник казачий Игнашка Бутаков с группой товарищей разведали местности по Илиму около речки Туны и берег Ангары вверх от будущего Яндинского волока до Идинского острожка. Значит, осмотру подверглась местность на 350-400 вѐрст.

Оничков, сообщая о найденных землях в Москву, просил выслать в Илимск семей 70 пашенных крестьян, «чтобы такие засобные (способные к самостоятельной хозяйственной деятельности) люди скорее за пашни принялись и невдолге хлеба на илимские и на ленские росходы напахали. Да наперед сего в пришлых годех в Ылимском и в уезде енисейскими сведенцами, засобными крестьяны, твои, великого государя, пашни завелися и крестьяне окоренилися и пашни пороспространились»[2].

Одновременно началось заселение пашенными крестьянами берега Ангары около речек Янд и на устье р. Уды. Этим было положено начало созданию в составе Илимского воеводства ещѐ одной волости — Яндинской. Несколько человек было устроено в 1671 году на Ангаре выше устья р. Илима, «на Тунгуске рече». Следовательно, пределы Нижне-Илимской волости расширились.

Итоги второго периода в расширении пашни по всем, в том числе и по новым волостям, приведены в таблице 16. Здесь же показана Чечуйская волость Якутского воеводства, которая имела однотипное хозяйство с волостями Илимского воеводства и впоследствии всѐ время делила их судьбу. В основу цифр 1671 года положена перепись Афанасия Ушакова, произведѐнная в 1672 году. Для того, чтобы можно было показать изменение числа дворов пашенных крестьян и размера государевой пашни, в таблице приведены данные 1652 года.

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 22-26.
[2] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 47-52.

Таблица 15

Волости	1652 год			1672 год		
	пашенных крестьян	десятин ревой ржи	государевой пашни яровых	пашенных крестьян	десятин ревой ржи	государевой пашни яровых
Верхне-Илимская	5	5	2½	7	7	3½
Нижне-Илимская	30	30	15	57	46¼	23
Усть-Кутская	9	16	4½	14	14½	5
Киренскиеволости	54	51	25	83	71½	32¼
Орленская	8	8	4	18	19	9½
Тутурская	15	14½	7¼	15	15	7½
Илгинская	—	—	—	27	25½	12¾
Бирюльская	—	—	—	16	11	5½
Идинск. острожка	—	—	—	10	10	5
Яндинская	—	—	—	17	17	8½
Итого	121	124½	58¼	264	236¾	112½
Чечуйская волость Якутского воеводства	15	15	—	55	43	21⅞

В данные 1672 года включены и те пашенные крестьяне, которые ещѐ были в трѐхлетней льготе.

Дна слова о Чечуйской волости. Она, как видно, заселялась сильнее всех других волостей и крестьяне там пахали не только ржаные десятины, но и яровые полудесятины. Следовательно, эта волость испытала всю тяжесть общей политики государства в отношении регулирования повинностей всего Ангаро-Илимо-Ленского края.

Средний сбор товарного хлеба в Илимском воеводстве мог теперь достигать 12000-13000 пудов. Но для полного покрытия потребностей всѐ ещѐ несколько недоставало.

Дальнейшее увеличение пашни после вторичного расширения границ земледелия Илимского воеводства пошло по старым путям: 1) приверстанием в пашню вольных и ссыльных людей; преобладание вольных поселенцев дало возможность сократить расходы по оказанию государственной помощи вновь устраивающимся крестьянам; воеводы теперь часто ограничиваются предоставлением им только льготы; 2) увеличением обязательств пашенных крестьян по государевой пашне.

В 1674 году в Илимск поступила новая партия ссыльных в числе 12 чел. Они были поселены выше каменных островов в Яндинской волости и «на новоприискной на Уде реке». Им бы

ли выданы деньги «на лошадиную покупку и хлебной подмог и пашенной завод сполна». Льготы они получили на 4 года, после чего должны были пахать по 1½ десятины ржи и яри[1].

В том же деле имеется документ о присылке из Тобольска по приказу Москвы 200 рублей денег для выдачи в ссуду. Деньги было велено давать только присыльным пашенным крестьянам, с рассрочкой на несколько лет, «чтобы пашенным крестьяном в Ылимском оскорбления не было и пашнею б и заводом завестися» (лл. 179-180). Это была сравнительно редкая форма помощи. Можно отметить более ранний случай такой ссуды, когда крестьянин, получив 10 рублей из казны, был обязан пахать вторую ржаную десятину. Крестьянин жаловался в 1650 году (он пахал на Тутуре с 1648 года) и просил с него снять эту вторую десятину. Сибирский приказ велел воеводе разобраться и если крестьянин одинок, то взыскать деньги, если семейный, то пусть пашет[2]. Как было решено на месте, — неизвестно, ибо в последующих делах имя этого челобитчика не встречается, но с тех пор в Тутурской волости не было ни одного крестьянина с таким большим тяглом.

В документах этого времени очень часто встречаются отписки с указанием, что воевода «призвал из вольных и из промышленных и из гулящих людей; и у пашенных крестьян сыскав братью и племянников и захребетников и приимышев описав; из присыльных людей — построил с судою и с подмогою и со льготою». В других случаях упоминается только льгота, примем еѐ предоставляли иногда до 5 лет.

Второй путь увеличения хлебных поступлений в государеву казну, посредством повышенного обложения крестьян, был вновь применѐн в 1676 году, т. е. через 24 года после первого увеличения площади тягла. Сибирский приказ давно смотрел с сомнением на то, что илимские и якутские крестьяне «недопахивали против тобольских и томских пашенных крестьян». 2 августа 1676 года из Москвы в Илимск направляется решительное требование, чтобы яровое тягло в Илимске «против ржаного (было) ровно, чтоб великого государя десятинная пашня во всех трех полях против иных городов потому ж была ровна... А буде в Илимском уезде в которых местех яровое не родитца или родитца, да плох — и в тех местех велено за яровые десятины пахать и сеять крестьяном рожью, тож число против яровых десятин».

Воевода С. Оничков, которому пришлось осуществлять это увеличение тягла, прекрасно понимал невозможность заведения трѐхпольного хозяйства в Илимском крае, с равенством озимого и ярового клина. Поэтому была произведена номинальная при-

[1] Сибирский приказ. Книга 813, л. 163.
[2] Сибирский приказ. Столбец 360, лл. 281-283.

бавка, которая влекла увеличение действительного платежа хлебом[1].

На первый взгляд кажется, что удвоение тягла против 1649 года (была 1 дес. ржи, теперь — 1 дес. ржи и 1 дес. яри) влечѐт удвоение платежей для каждого крестьянина. На самом же деле увеличение тягла могло повысить тяжесть обложения одних дворов в 2-3 раза, зато для других оно означало относительное снижение размера платежа. Механизм этого явления будет рассмотрен в разделе «Выдельной и отсыпной хлеб».

Оничков отнѐсся к своей задаче с совершенной серьѐзностью — он рассмотрел возможность прибавки тягла каждому крестьянину отдельно. В упомянутом документе все крестьяне названы поимѐнно. Чтобы дать представление о большой работе, которая потребовалась при составлении этого перерасчѐта, приведѐм начало записи по Верхней Илимской волости: «Деревня, а в ней пашенный крестьянин Шестачко Филипов сын Куницын. Старого тягла 1½ десятины ржи и яри, да вновь тягло наложено ½ десятины яровые пахать. Заимка Ивашка Филипова сына Куницына; ныне владеет сын ево Ивашков — Данилко. Тягла...» и т. д.

Варианты прибавок весьма различны. Например, по Нижней Илимской волости тягло на 1 двор было увеличено так (см. табл. 17):

Таблица 17

Группы	Число дворов	Стар., тягло, дес. на двор		Прибавлено, дес. на двор	
		ржи	яровых	ржи	яровых
1	26	1	½	—	½
2	11	½	¼	—	¼
3	1	1	½	—	
4	1	—	—	⅛	⅛
5	1	½	¼	¼	½
6	1	1	½	¼	½
7	1	1	½	½	1
8	1	¾	1¼	½	1
9	1	1	½	—	—
Итого по всем дворам[2]	44	36¾	19¼	1⅝	18⅞

[1] Сибирский приказ. Книга 633, лл. 192-252.

[2] В итогах число десятин выведено путѐм суммирования произведений площади тягла на число дворов.

Номер 3 — служилый человек пашет за хлебное жалование, тягла не прибавлено; номер 4 — «пахал из выдельного снопа»; номер 7 — значительная прибавка, «потому, что по дозору лишная земля у него, Савки, сыскалась»; номер 9 — не прибавлено, ни как «водою топит».

По всем 44 дворам старого и прибавочного тягла оказалось: ржи 38⅜ дес., яровых 38⅛ дес. По всем волостям, включая и образующуюся волость на р. Уде, было 294 пашенных крестьянина с тяглом, считая и прибавочное: ржи 255¾, яровых 252¼ дес. На 1 двор до прибавки тягла приходилось 1,32 десятины, после прибавки 1,73 десятины. Следовательно, прибавка яровых десятин повлекла увеличение всего тягла на 31%, в том числе по Нижне-Илимской волости — на 36,6%.

С прибавкой тягла государство могло рассчитывать получить, с илимской государевой пашни 18000-20000 пудов хлеба.

С этого времени сильно уменьшается государственная помощь новопашенным крестьянам. Например, по книге 1684-1687 годов (арх. № 33, св. 3) отмечены лишь единичные случаи подмоги:

«192 (1684) года в 26 день при стольнике и воеводе, при Павле Андреевиче Змеове, построен по челобитью с подмогой и со льготою по Тунгуске реке ниже Зеленбы речки вновь на лишную землю Ивашко Петров сын Чернов; тягла на нем полдесятки ржи, ярового тож, а льготы ему дано со 193-го года впредь на четыре года».

В 195-м году Мишке Васильеву сыну Муращу дана в Тушамском погосте дополнительная земля «по его челобитью по дозору отводчиков... И на ту ево новую пашню подможные деньги и хлеб и пашенный завод великих государей из казны выдано, а льготы ему дано против иных крестьян со 196-го году впредь на 4 года».

Выражение «против» даѐт указание, что льгота на 4 года была ещѐ обычным сроком.

По той же книге в Яндинской волости построен на выморную, т. е. выморочную заимку, из промышленных людей Андрюшка Иванов сын Тобольской с той же льготой. «Тягла после льготы учнет пахать полдесятины ржи, ярового тож».

В Манзурской волости построен в пашню со льготою на 4 года крестьянский сын М. Е. Черкашенин.

Вот все случаи, отмеченные в названной книге.

Прибавка тягла и рост поступления хлеба в государеву казну не только позволили уменьшить помощь новопашенным крестьянам, но и отказаться от привоза енисейского хлеба.

Но тут в жизни Илимского воеводства произошли крупные перемены: по ходатайству приехавших в Москву якутских служилых людей шесть волостей Илимского воеводства в 1680 году отписываются к Якутску. Это — Усть-Кутская (отписана не

целиком), Верхняя Усть-Киренская, она же Криволуцкая, Орденская, Тутурская, Илгинская и Бирюльская. Таким образом, все ленские волости, за исключением Нижней Усть-Киренской, из ведения Илимска были изъяты. Уходит Верхоленский острог, а затем Бирюльская и Идинская волости в Иркутское воеводство, наконец и последняя волость на Лене — Нижняя Усть-Киренская переходит в подчинение Якутска. Таким образом под Илимским «присудом» остаются только Верхняя и Нижняя Илимские волости и Новая Яндинская волость. Однако задача, которую так долго разрешали в границах Илимского воеводства, именно расширение пашни и снабжение хлебом Якутска, остаѐтся. Увеличивается число пашенных крестьян и несколько растут площади пашни. Вот относящиеся сюда цифры (таблица 18):

Таблица 18

Волости	Число пашенных крестьян				Десятин тягла, ржи			
	1672	1687	1697	1700	1672	1687	1697	1700
Верхне-Илимская	7	10	16	18	7	7½	6½	5½
Ннжне-Илимская	57	70	109	122	46¼	53	52¾	52⅜
Яндинская	17	48	55	67	17	30½	22¼	23
Итого	81	128	180	207	70¼	91	81½	80⅞

В это же время начинается третий цикл поисков новых земель, именно по р. Уде, выше еѐ устья, заселѐнного после «досмотра» Оничкова.

Ещѐ при воеводе Григории Грибоедове илимские служилые люди и десятник казачий Григорий Пежемский и казак Юда Кузнецов объявили в Сибирском приказе, что ими отыскана угожая для пашни земля по р. Уде и еѐ притоку Талкиче. Для заселения вновь приисканных мест в ноябре 1698 года туда направляются из Илимска 16 семей беглых пашенных крестьян и двое одиночек, переведѐнные Тобольском в Илимск из Верхо-турского уезда. Илимскому казачьему пятидесятнику Ивану Распутину и конному казаку Аверкию Шипицыну велено было устроить этих крестьян на пашню по р. Уде, выше освоенных и заселѐнных мест. «И о том пашенном строении и о селительстве тех переведенцов на пашни в наказной памяти Ивану Роспутину, Аверьяну Шипицыну написано, чтоб им тем переведенцам во льготные годы до пахоты государевого хлеба совершенно дворами своими построиться и лошадьми и рогатым скотом завестись и пашни на себя пространно роспахать и хлеба

наготовить без нужды» (Россыпь, № 18, св. 2). Ещѐ прежде Роспутин и Шипицын сообщили, что они высмотрели на 18 семей еланную и пашенную землю и сенные покосы.

В делах разрядного повытья (арх. № 2047, св. 199, лл.253-267) сохранилась подлинная наказная память, которая была дана воеводой Ф.Р. Качановым 11 ноября 1698 года казачьему пятидесятнику Ивану Роспутину и конному казаку Аверкию Шипицыну.

Воевода сообщает, что из Тобольска сослано в Илимск 18 семей и 3 человека холостых беглых верхотурских крестьян. «А велено их построить на пашню в Ылимском уезде в можем месте по Уде реке и по Талкиче речке... По той... Уде и по Талкиче речке до вершины Уды прилегли земли добрые, яланные, к пашне угодные, и сенных покосов и лесов много и рыбных ловель и звериных угодей довольно. А ясачные люди около тех мест не живут, а ясачных зверей в тех местех не промышляют. И в тех местех крестьян на пашню поселить мочно со сто человек». Качалов предлагает Роспутину и Шипицыну принять сосланных крестьян «и выслать их из Ылимского в Яндинскую волость, в деревни к тамошним удинским крестьянин. И нынешние зимы заставить их у крестьян всякую работу из найма работать». Далее воевода поручает им, если ему самому ехать для устроения крестьян будет «не в случай», взять «на весне с собою яндинских заобычных самых добрых людей и с ними... высмотрить накрепко, будут ли те места к хлебородству угодны и прочны». Далее в наказе предлагается выбрать место для острога и слободы, а также для государевой пашни. «И вам бы велеть им, крестьяном, на весне для их жительства на дворы лес готовить по своей мочи... семьянистым людем велеть работать своею силою, а несемьянистым и убогим в работе друг другу помогать». Государеву пашню было предложено отвести в трѐх полях, «измеря в десятины, отделить и отмежевать особо». Остальные земли отдать крестьянам «мерою, по иху прошению и смотря по людем и по семьям — кому на сколько десятин дать пристоит, чтоб всякому человеку было занять в мочь и в силу. И те пашенные поля и сенные покосы велеть им чистить, а лес подкруживать, пенье и колодье жечь комуждо свое поле». На текущий год предлагалось посеять на землях яндинских крестьян, а к будущему году посеять уже на своих полях, «чтоб они про свои домашные росходы хлебом позавелись без займов. А земли б пахали и боронили намяхко, как и протчие крестьяне работают... И впредь идущие — и в другой и в третей и в четвертой годы потому ж вставить их, крестьян, на дворовое свое пространное и лутчее строение и на пашенные труды прилежати со всяким усердием... А ленивых отнюдь не щадити и к трудам принуждати с великим прещением. А наказание им чинить — бить батоги почасту, чтоб они были в том во всем вам опасны».

Роспутин и Шипицын обязаны были сообщить, сколько земли они отвели крестьянам, «особо или кому с кем ввопче, и где и в каких урочищах... И то все описать особо в строенную пашенную книгу подлинно. И те их пашни отмежевать и отграничить особо ж, чтоб в том спору и никакие вражды меж ими отнюдь не было, или о том учинить по тамошнему расмотрению, как бы было пристойно и впредь прочно и стоятельно. А буде из них которые крестьяне учнут жить леносно и пашенному всякому строению и хлебной пахоте и скотинному заводу радеть и пристоить не учнут, а учнут отбывать и огурятца или в чем вам учнут чинитца ослушны, и таким... чинить им наказание по их винностям, — бить батоги нещадно для того, чтоб ни в ком леносного жития и никакие дурости и воровства отнюдь не было». Если «буде какие ясачные иноземцы... учнут заезжать на те удинские пашенные займища... и тем иноземцом говорить добровольно, чтоб они у тех пашенных крестьян, ничего не покастили и ничем их не разоряли, лошадей и всякого скота у них не крали и скотом хлебов не травили, а жили б с ними бессорно... Да и самим им, крестьяном, заказать потому ж накрепко, чтоб они с теми ясачными иноземцы никакие ссоры и задору не чинили и никаких зверей у них, опроче лошадей, не покупали».

Наказная память заканчивается угрозами — если Роспутин и Шипицын не исполнят того, что им предписывается, то они будут наказаны. Далее следует роспись прибывших в Илимск верхотурских крестьян.

Приведѐнный документ выдержан в крепостническом тоне, в то же время он не содержит никаких прямых указаний о льготах и подмоге, что ещѐ так недавно составляло непременную часть подобных наказов.

Сосланные крестьяне стали устраиваться. В марте 1700 года поступает донесение от Шипицына, назначенного слободчиком нового селения, что он пригнал в Новую Слободу, на Уду, 6 лошадей и роздал их переведенцам «с письменными добрыми поруки». Лошади были: серая большая, цена 8 рублей, серая малая — 6, соловая — 7, рыжая старая — 3 (пала в следующем году), белая хромая — 5 и рыжая с лысиной во лбу — 10 рублей. Скромный размер «подмоги» виден особенно хорошо, если принять во внимание качество коней: из шести два были непригодными.

Как бы то ни было, на реке Уде возникает три поселения, переведенцы построились и завели пашни. Слободчик Шипицын в августе 1702 года уже мог в своей отписке указать о каждом из поселившихся крестьян, как они устроились на новом месте. Например, о первом из них — Иване Подкорытове сообщается, что «двором построился, и хлеба родилось 5 десятин ржи, ярового тож. Впредь спахано к 1703-му году 8 десятин под рожь. А сын у него Еремей, женатой». О других написано

почти то же: хлеба уродилось столько-то, вспахано столько-то, избу выстроил, на амбар лесу выронил. Всего к этому времени построились дворами 15 хозяйств, двое завели избы, 4 выронили лес на амбары, посеяно и убрано 37¼ дес. ржи и 41 дес. ярового, вспахано к 1703 году 37¼ дес.

В 1702 году сюда приселили 14 ссыльных, затем стали переводить на пашню крестьян из других волостей Илимского воеводства. Так началась жизнь новой слободы. Не сразу получила она своѐ постоянное имя, еѐ называли и Новопостроенная слобода и Новая Удинская слобода и Новая Верхо-Удинская слобода и просто Новая слобода, пока не утвердилось название — Ново-Удинская слобода; теперь еѐ называют ещѐ короче Новая Уда[1].

Вскоре же после поселения сбежал Иван Трубин, «а лошадь которая ему дана была и та де лошадь отдана брату ево сродному — Калине Трубину с росписко́ю», — писал Шипицын. Вместе с отпиской Шипицын прислал челобитье Калины Трубина и «мунгальской породы новокрещена» Фѐдора Абросимова сына Фарносова (в других документах Фаркосова), которые просили десятинное государево тягло бежавшего Ивана Трубина отдать Фарносову. Новопоселѐнные крестьяне дали поручную запись, этому мунгалу. «И в Новой Слободе он, Федор, двором построился, хлеба родилось 3 десятины без четверти ржи, 3 десятины ярового, впредь вспахано 3 десятины без четверти под рожь». Факт этот заслуживает внимания[2].

Далеко не все из переведенцев закрепились на новом месте. Фѐдор Глазунов бежал сразу после поселения, остался его сын, Фѐдор же. Но и он бежал в следующие годы. Братья Макушины, они же и Кружаловы, умерли в 1700 году, на их место были определены двое присыльных, Пѐтр Тяжелой и Иван Петровых, которые через несколько лет бежали. В разное время до 1722 года бежали Афанасий Шайдур, Сергей Худорошков с зятем, Емельян Пермяков. Всѐ это были главным образом малосемейные крестьяне. Причины бегства объяснить трудно; вероятно, бежали те, кто потерпел хозяйственные неудачи, а тут подоспело обложение, льготы кончились.

Слабое звено новой деревни не выдержало и искало выхода в бегстве. Упомянутым тут двум присыльным была дана немалая поддержка, им передали имущество умерших Макушиных «с росписко́ю: кобыла з жеребенком и с хомутом и с уздою, сошники с сохою да топор, избные срубы. А по отписке Аверкия Шипицына та де кобыла у них, Петра, Ивана, в смольную яму пала и згорела. Да им же Петру Чежолому да Ивану Петрову отдано их же Васильева и Федорова (Макушиных) насеянного хлеба 2 десятины ржи... в умолоте родилось того хле-

[1] Место ссылки И.В. Сталина в 1903 году.

[2] Воевода согласился с челобитьем Фарносова и приписал: «А Калину Трубина из Новой Слободы никуды не отпущать».

ба 195 пуд ржи. И тот хлеб отдан с роспискою им же, Петру Чежолому да Ивану Петрову. И ис того числа взято у них в государеву казну заемного кабального хлеба за них, Василья и Федора Макушиных, займу 207-го (1699) году, 2 четверти ржи».

У другого беглеца пал государев конь (арх. № 74, св. 6, л. 283; документ сильно испорчен): «1706-го году майя в 2 день бил челом и извещал великому государю словесно, а в Ново-Удинской слободе в судной избе перед слободчиком илимским сыном боярским Василием Воронецким Ново-Удинской слободы пашенный крестьянин Афанасей Шайдуров в том, что был дан мне государев конь серой, ради конной скудости. И волей божией пропал вышеписанного числа». Воронецкий послал осмотреть труп коня. Вот что сообщили ему пашенные крестьяне [Подко]рытов и выборной десятник Сергей Худоро[шков]: «... (место вырвано) конь сивой пропал и раны на нем [ника]кой на нем нет и в теле был».

В 1703 году кончился льготный срок и новопоселѐнные крестьяне стали платить, пока в уменьшенном по сравнению с старожилами размере, отсыпным хлебом, а ссыльные — оброчным хлебом. В письме на имя слободчика воевода 8 марта 1703 года велел «у тех переведенцов взять скаску за их руками, куды им тот хлеб будет возить ближе — в Яндинскую ли слободу или за Яндинской волок, на верх Илима реки».

24 марта в судной избе Ново-Удинской слободы на крестьянском собрании было решено возить хлеб не в Яндинский острог и не на верх Илима реки, как указывал воевода, а на р. Илгу. Вот их сказка: «В Верхне-Удинской Новой слободе в судной избе перед Андреем (Аверкием?) Шипицыным переведенцы и новопашенные крестьяне (названо 5 имѐн) и все пашенные крестьяне... сказали: за Яндинской волок, на верх Илима реки, государева отсыпного хлеба, за дальностию и за скудостью лошадей и по дороге лошадиных кормов, возить нам невмочь, потому что за Ангарской волок путь далек и своими конскими кормами на многие дни завести невозможно. А в Знаменскую де слободу[1] за Илгинской новой волок дорога добра[2] и возить от нас из Новые Слободы государев хлеб ближе и вмочь, и своими конскими кормами завестися можно, и по Илгинским деревням конскими кормами бывает не скудно».

В том же месяце крестьяне повезли хлеб, «опроче» Калины Трубина, который всѐ-таки сбежал.

В первые годы величина платежа была очень умеренной: один крестьянин платил 2½ четв. ржи (а впоследствии 9 четв.), трое по 2 четв. (впоследствии по 7 и 9 четв.), трое по 1½ четв., один 1¼ и остальные 10 крестьян по 1 четв. (впоследствии по 3-4 четв.).

[1] Илгинский острог.

[2] Ныне это участок Тыреть-Жигаловского тракта.

Ново-Удинская слобода быстро населилась и стала одной из крупных деревень с значительным земледелием. Вскоре после еѐ основания туда потянулись крестьяне из малоземельных таѐжных мест. Например, в 1706 году воевода разрешил девяти крестьянам Яндинской и Верхне-Илимской волостей по их челобитьям переселиться в Ново-Удинскую слободу. Каждое такое переселение порождало целое дело: челобитье крестьянина, помету воеводы, выписку приказной избы, приговор воеводы, память приказчику, поручную запись (например, арх. № 74, лл. 235-265).

Вместе с деревнями Бурдушной и Шипицыной Ново-Удинская слобода составила новую волость. В книге «Десятинному и оброчному хлебному сбору с крестьян Илимских волостей 1722 года» (арх. № 148, св. 15) встречаются те, которые явились основателями Ново-Удинской слободы: Подкорытов, Бобров, Худорошков, Чусовитин, Пыжьянов, Фарносов (мунгал), Ногины, Глухой или Глухих и Еговцев. Из сосланных сюда в 1702 году 14 человек через 20 лет можно встретить 10 человек,из них трое превратились в пашенных крестьян, прочие остались хлебными обротчиками.

Отметим попутно, что при устроении верхотурских крестьян изредка мелькает слово «собинная» пашня, занесѐнное из Тобольска. Местными крестьянами это слово не употреблялось, поэтому оно не встречается в делах, составленных илимской приказной избой.

Время заселения новой волости совпало с возвращением в Илимское воеводство всех волостей, отписанных к Якутскому воеводству в 1680 году. Более того, от Якутска перешла к Илимску и Чечуйская волость. Приписка к Илимскому воеводству Братской, а затем и Кежемской волостей Енисейского воеводства завершила образование огромного по территории Илимского воеводства. Вместе с тем окончательно был решѐн вопрос о бесперебойном и полном снабжении Якутского и Илимского воеводств хлебом, получаемым с илимской пашни, и об отказе завоза хлеба енисейской пахоты.

Количественные итоги создания илимской пашни за время с 1652 года по 1722 год показаны в таблице 19. В ней даны цифры по двум показателям — по числу пашенных крестьян и по площади ржаных десятин государевой пашни. Итоги подсчитаны только по тем волостям, которые в начале XVIII века вошли в состав Илимского воеводства и не отписывались от него до конца его существования. По Манзурской, Бирюльской и Идинской волостям приведены цифры лишь за те годы, когда эти полости являлись составной частью Илимского воеводства.

По Чечуйской волости за 1699 год поставлены приблизительные цифры. По Манзурской волости данные относятся к 1687 году.

Таблица 19

Волости	Число пашенных крестьян				Тягла, ржаных десятин			
	1652	1672	1699	1722	1652	1672	1699	1723
Верхне-Илимская	5	7	10	11	5	7	7	3¾
Нижне-Илимская	30	57	94	120	30	46¼	55¼	42⅞
Усть-Кутская	9	14	28	43	16	14½	15½	15½
Криволуцкая	54	83	69	88	51	71½	32½	35¾
Киренская			64	80			34½	36⅞
Чечуйская	15	55	90	117	15	43	50	59⅛
Орленская	8	18	28	38	8	19	18	18⅞
Тутурская	15	15	27	30	14½	15	13¼	13½
Илгинская	—	27	52	07	—	25½	34½	36¾
Ново-Удинская	—	1—		40	—	—	—	и[1] J
Яндинская	—	U	03	1 49	—	17	25[1]/	20',J
Братская			(128	198 1			([47]	49[1]:,
	Неизвестно			|	Неизвестно		)	
			1	37 >			8[1] ч	lU'/J
Итого	130	203	070	j 924	139[1]/»	258[3]/4	341	300'i'J
Манзурская	—	__	10	—	—	—	8'/«	-
Бирюльская	—	10	42	—	—	11	17'/ч	-
Идинская	—	10	—	—	—	10		-

Обращает внимание медленный рост государевой пашни сравнении с ростом числа пашенных крестьян. С 1699 года по 1723 год крестьянское население увеличилось более чем на ⅓, в то же время размеры пашни почти не изменились (увеличение на 5,7%). Причиной этого неравномерного изменения двух сопряженных показателей является раздел дворов и дробление тягла. Нужно еще иметь в виду, что начиная с 1676 года за одной государевой десятиной стояло 8, а по отдельным волостям даже 12 десятин крестьянских посевов.

Поиски удобных для земледелия мест не раз производили и по верхнему течению Илима. Последний раз известия о имеющихся там удобных землях относятся к концу XVII века. Пахавший около дер. Шестаковой крестьянин Юшка Шестаков сообщил Качанову, что недалеко от его заимки по Чѐрной реке, впадающей слева в Илим, по правой стороне «прилегли луги и над теми лугами в услоне еланные места. А по другой стороне той речки прилегла гарь великая, и на

той елане березник и листвяг матерой. И тот де луг и елани и гарь под пашню и под сенные покосы и скотинной выпуск х крестьянскому селительству угодны... А будет ли на тех местех от морозов хлеб уходить или нет, про то он, Юшка, не знает, потому что де опыту не бывало. А от Илима реки те луги и елани и гарь — как прямая дорога, розчистить будет верст с двенадцать». Предполагалось, что тут можно поселить 5 крестьян с тяглом по ¼ десятины. Но, видимо, Юшка был прав и хлеб вымерзал. До сих пор притоки Илима лежат вне земледельческой зоны.

Такова история заселения пашенными крестьянами Ангаро-Илимо-Ленского междуречья за 75 лет.

«Строилась» пашня, «ковались пашенные заводы» и, как следствие развития пашенного дела, возникали деревни и волости. Илимская пашня породила Илимское воеводство.

ХОЗЯЙСТВО ПАШЕННЫХ КРЕСТЬЯН

В 1720-1722 годах производилась перепись населения, так называемая первая ревизия. По Илимскому воеводству сохранились лишь обрывки этой ценнейшей для познания пашенного дела переписи. Всего удалось собрать из разных дел и россыпи документов 7 отрывочных частей переписи, которые и легли в основу исследования пашни в первой четверти XVIII века.

В то время Илимское воеводство состояло из 14 волостей, т. е. острогов и слобод, уцелевшие же материалы относятся лишь к 7 из них, а именно — к Усть-Кутскому, Илгинскому и Братскому острогам, к Орленской, Тутурской, Ново-Удинской и Кежемской слободам и содержат данные по 341 двору. Полостью сохранились материалы только по Илгинской волости.

При обработке данных этой переписи нами были исключены те дворы, по которым переписчики не собрали требовавшихся сведений, например, не указали количества высеваемого и собираемого хлеба, вследствие чего невозможно установить размера посева. Дворы хлебных обротчиков исключены во всех случаях, когда не показан размер высева хлеба или отсутствуют другие важные данные.

Всего был исключен 61 двор, в том числе все дворы лиц, которые не занимались сельским хозяйством, т. е. служилых, церковников, вдов, пивных откупщиков и бобылей.

Таким образом остались данные по 280 дворам пашенных крестьян и хлебных обротчиков, что дало возможность подвергнуть оставшийся однородный материал довольно детальной обработке (в отдельных случаях в группировки включен 281 двор).

Таблица 19

	По сказкам 1722 года	По ведомости 1723 года	1722 год в % к 1723 г.
Всех дворов	341	1144	29,8
В том числе пашенных крестьян	280	778	30,0

В таблице 20 сопоставлено число дворов, по которым уцелели данные переписи 1720-1722 годов, с ведомостью 1723 года, включающей все дворы Илимского воеводства.

Значит, сохранившиеся материалы первой ревизии касаются более чем ⅓ дворов пашенных крестьян всего Илимского воеводства и потому значение этих материалов трудно переоценить, тем более, что по каждому двору даны подробные сведения о всех главных сторонах сельскохозяйственной деятельности крестьянина.

Может возникнуть вопрос о достоверности данных первой ревизии или ревизских сказок 1722 года. Кстати, ни то ни другое название тогда не употреблялось; говорили проще — переписные данные. Конечно, крестьянин старался преуменьшить своѐ благосостояние. Но система обложения крестьян тогда не основывалась на доходности двора. Поэтому реальной выгоды от уменьшения своих доходов не проистекало. Кроме того, показания крестьян об урожае и высеве семян довольно тщательно контролировались местными приказчиками и крестьянской администрацией. Сами крестьяне следили за размерами посева у соседей, так как при увеличении запашки сверх окладных десятин находились охотники взять эту «залишечную землю» себе. Сведения об урожаях и высеве семян на десятину отчасти можно проконтролировать, пользуясь показаниями таких хозяйств, которые не затрагивались обложением и не имели причин скрывать или уменьшать своѐ имущество. Такими хозяйствами являлись дворы священников и монастырские вотчины. По уровню техники, по сельскохозяйственным приѐмам и по продуктивности своего земледелия эти хозяйства ничем не отличались от хозяйств пашенных крестьян. При сличении показаний монастырей и священников с показаниями крестьян не удаѐтся обнаружить какой-нибудь разницы в урожайности у всех этих хозяйств. Наконец, есть ещѐ один путь проверки правильности ревизских сказок, это построение балансов хлеба и других продуктов по каждому хозяйству. Показания переписи дают возможность строить более или менее вероятные балансы хлеба и на основании их даже проверять правильность данных, сообщавшихся крестьянами переписчикам о своѐм хозяйстве.

В общем, считаясь с неизбежной неточностью учѐтов подобного рода, нельзя не оценить данных этой работы, как весьма удовлетворительных и достаточно правдивых.

Перепись проводилась по определѐнной схеме. Ввиду того, ни она в печати не освещалась, приводим для образца целиком одно показание двора по деревне Коченской Илгинского острога, довольно типичное для большинства сказок.

«Во дворе пашенные крестьяне Корнилей, Степан, Данило, Терентей Игнатовы дети Стреловы. Сказались — Корнилей 32, Степан 30, Данило 28, Терентей 13 лет. У них брат Иван девяти, увечной, сестра Пелагея 17 лет. У Корнилея жена Наталья 22 лет, у него сын Матвей 2 лет, дочь Федора к году. У Степана жена Овдотья 23 лет, у него дочери — Ксения 3 лет, Овдотья [к] году. У Данилы жена Липа 20 лет. У них на подворье: хлебной обротчик Прокопей Трофимов Байкалов, сказался и штидесяти пяти лет; яренчанин, гулящей человек Василей Сидоров Шашовых, сказался 50 лет; яренчанин же, гулящей человек Федор Матвеев Сидоровых, сказался штидесяти лет.

В другом дворе пашенные крестьяне Гаврило, Михайло, Иван, Иев Ивановы дети Дроздовы. Сказались — Гаврило 31 году, Михайло 30, Иван 29 лет, Иев 28 лет. У них брат хлебной обротчик Василей 18 лет. У них отец, отставной пашенный крестьянин Иван Ефимов, сказался семидесят лет, у него жена Улита штидесяти лет, у не[го] ж дочь Анна 15 лет. У них на подворье: еренчанин гулящей человек Федор Осипов Белобородых, слепой, сказался 80 лет, Семен Григорьев Воронин, ска- шлся 75 лет. У Гаврила Дроздовых (писец допустил пропуск, и теперь дописывает) жена Устинья 29 лет, у него дети — сын Григорей 3 лет, дочери: Татьяна пяти, Домника 4 лет. У Ивана жена Дарья 20 лет. У Василья жена Татьяна 27 лет, у него сын Данило дву лет.

Оные пашенные крестьяне — Корнилей Стрелов з братьями и Гаврило Дроздов з братьями ж — пашут великого государя десятиной пашни десятину; в том числе Корнилей з братьями прежнего владения давных лет четь десятины отца своего Игнатья Стрелова, а другую четь десятины сняли оне у прежняго илгинского пашенного крестьянина у Семена Воронина в прошлом 711-м году, а Гаврило Дроздов полдесятины прежнего дивных лет владения брата своего Ивана Дроздова. А в Ылимску в приказной палате в отцовское тягло имена их в окладные книги справлены в 721-м году при бытности илимского дворянина Ивана Литвинцова.

А на той пашне, на десятине, сеют оне в год ржаного хлеба 120 пуд[1], а в год родитца у них восьм сот ржи, ярового хлеба родитца — овса и ячмени — пудов шездесят, а пшеницы, ярицы, гороху оне не сеют, семени конопленого родитца пудов шесть.

Сена ставят оне сот с шесть копен волоковых.

Скота рогатого имеют у себя 9 коров, пятеро телят, 3 коня на 3 кобылы, 3 жеребенка.

[1] Десятина государевой пашни соответствовала 8-12 десятинам посева.

Две бани, один невод малой, бредник, одиннадцати сажен. Рыбу ловят оне времянем, про себя, мелкую: хайрюзы и ельцы. Мельница малая, мутовчатая, в прошлых годех вешнею водою снесло. А иных заводов и промыслов у них нет.

А в продаже у них год в продажи (так в подлиннике) хлеба для государевых денежных поборов бывает пудов девяносто. А рогатого скота в продаже у них не бывает.

А з десятинной пашни платят оне в государеву казну отсыпного хлеба 12 четвертей ржи, да с оброчной Инягдинской земли и з сенных покосов 3 чети с полуосминою ржи.

Денежных окладных податей платили оне з двух дворов: поворотных денег 27 алтын 2 деньги, з дву бань оброчных 10 алтын, с мельницы мутовчатой оброку гривну, с рыбной ловли 2 алтына повсягодно. Да по указом великого государя неокладных на 721-й год всякие денежные поборы платили оне против своей братьи пашенных крестьян сполна без доимки. Всего платили оне денежных окладных и неокладных поборов 5 рублев 23 алтына 5 денег.

А за домашним росходом в остатке у них хлеба и сена из году в год не бывает и питаютца де оне домашнею своею пахотою хлебом с нуждою.

А междворной подводной гоньбы, ценою на десятину, бывает у них в год на рубль, а на счет доплачивают оне за подводную ж гоньбу орленским крестьяном по 7 рублев по 30 алтын на год. Да ямских денег платят оне в Ылимск наемным ямщиком за подводную ж гоньбу рублев по 8 на год.

Вышеписанной хлебной оброчник Василей Дроздов оброчного отсыпного хлеба в государеву казну платит вопче с Инягдинской земли вместе з братьями своими.

А вышеписанные гулящие люди преж сего платили в государеву казну денежные полтинные и рублевые оброки, а ныне де на них не спрашивают, а промыслов и заводов никаких за ни[ми] нет.

А оные пашенные крестьяне Гаврило Дроздов з братьями и Корнилей Стрелов з братьями ж иных заводов и промыслов никаких за собою не имеют.

А ежели в сей своей скаске ложно сказали или что утаили — и за то нам что великий государь укажет, чему мы достойны будем. К сей скаске вместо Корнила, Степана, Данила Стреловых, Гаврила Дроздовых, по их велению Степан Поляков руку приложил».

Такова типичная сказка, одна из 341, сохранившихся до наших дней. Впрочем, сохранились не только сказки, сохранились и потомки упоминаемых здесь Стреловых и Дроздовых, живущие ныне в Жигаловском районе.

Подписал эту сказку сосед, пашенный крестьянин Поляков.

Может быть, уместно будет прибавить к характеристике семьи Дроздовых, что незадолго до описываемого времени, а

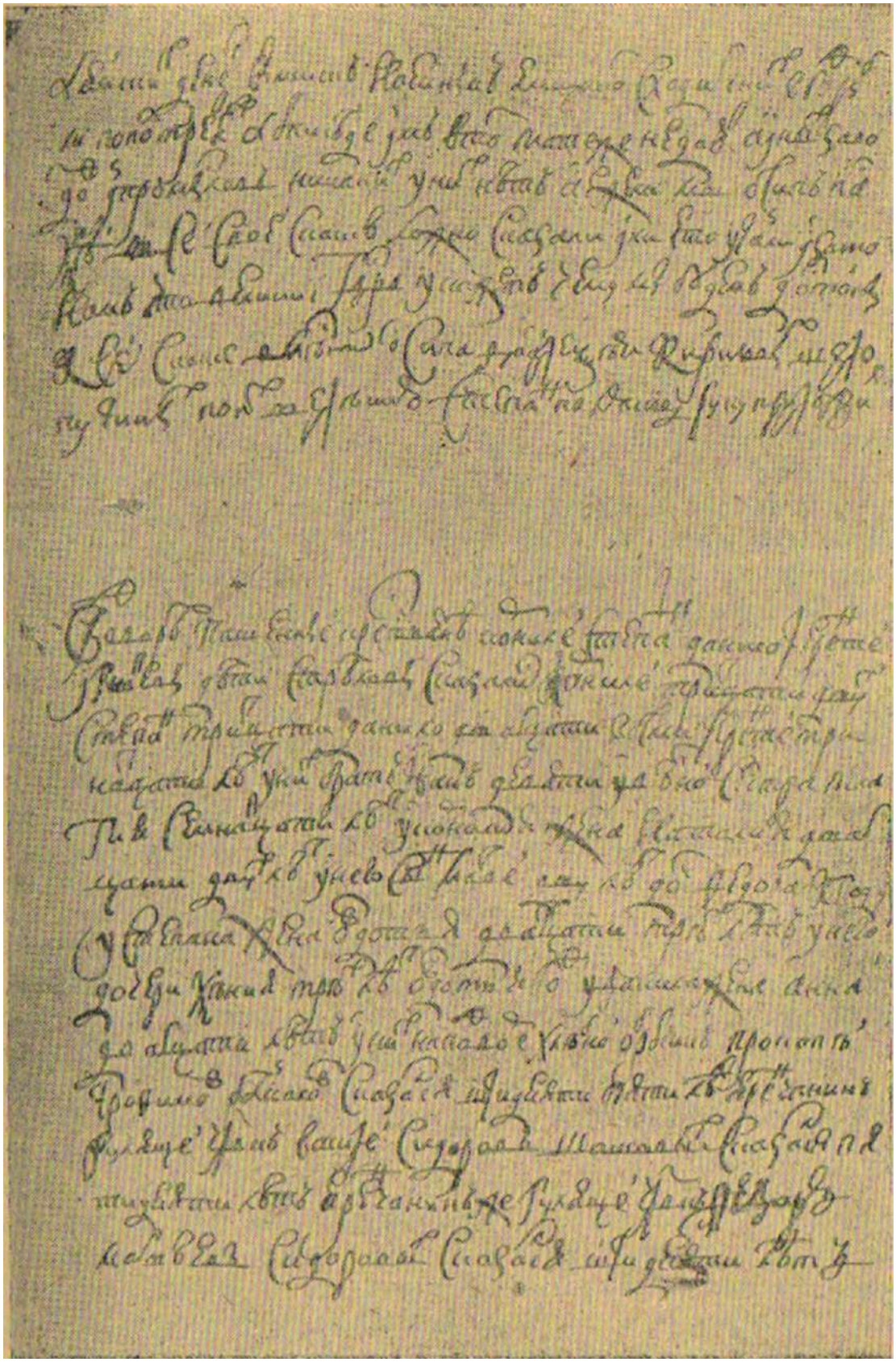


Фото 13. Ревизские сказки 1720-1722 гг.
Конец сказки Осипа и Алексея Шелопугиных и начало сказки Стреловых. Полный текст сказки Стреловых см. на стр. 261-202

именно в 1720 году глава этой семьи Иван Ефимов Дроздов, писал воеводе: «жил я... 48 годов в твоей великого государя пашне, в полудесятине, в Илгинской слободе и в Коченской деревне и пахал тож число». Далее он указывает, что платил отсыпной и оброчный хлеб безоброчно, а ныне остарел и что есть у него сыновья в возрасте — Михайло да Гаврило да Иев Ивановы дети Дроздовы. На них он просил перевести его пашню (арх. № 123, л. 105). Итак, хозяйство Дроздовых существовало с 1672 года, а может быть и с более ранних лет.

Сводные показатели переписи по волостям, т. е. по острогам и слободам с приписанными к ним деревнями приводим в таблице 21 (стр. 265).

В число членов семьи включены все лица как родственники, так и другие сочлены, например пасынки и «вскормленики». В составе посторонних показаны лица, живущие на подворье у пашенного крестьянина, часто в другом доме того же двора, т. е. гулящие люди, оброчники, отставные казаки, бобыли, нищие, присыльные, богадельщики и прочие. Государева пашня приведена согласно прямых показаний крестьян и выверена по окладным хлебным книгам. Посевная площадь вычислена по показаниям пашенных крестьян о высеве хлеба в пудах. При расчѐте приняты нормы высева: для ржи 10 пудов на десятину, по яровым зерновым — 15 пудов, по гороху 10 пудов и по конопле 10 пудов. Установление норм дело очень сложное, так как размер высева колеблется в довольно широких пределах, но в массе все индивидуальные отклонения сводятся к устойчивым средним величинам. Сбор зерновых, гороха и конопли определѐн путѐм прямого подсчѐта показаний крестьян. Лошади и крупный рогатый скот сведены в две группы по каждому виду скота: взрослых и молодняка. При этом в молодняк включены и нетели и «подроски». Более дробной группировки дать невозможно. Во всех материалах переписи ни одним словом не упоминается о других видах животных. Конечно, это не значит, что у крестьян Илимского воеводства не имелось свиней и овец. Но количество последних, несомненно, было невелико. Об этом можно отчасти судить по тому, что в современном Нижне-Илимском районе в колхозах имелось на 1 января 1941 года 3700 лошадей, 3926 голов крупного рогатого скота и только 745 овец. В делах Илимской воеводской приказной избы и в делах судных изб острогов и слобод овцы и свиньи упоминаются очень редко, например, в заявлениях о потравах или в описях имущества. Сбор сена всегда показывался в копнах. С десятины суходольных покосов собиралось около 10 копѐн или приблизительно 60 пудов сена. Эти величины использованы нами при последующих расчѐтах. Оборот по хлебу во всех случаях показан в пудах. Для этого пришлось старые меры зернового хлеба, сдаваемого государству в объѐмных единицах, т. е. в четвертях, осми-

Таблица 21

Показатели	Единица измерения	Усть-Кутский острог	Орленленская слобода	Тутурская слобода	Илгинский острог	Ново-Удинская слобода	Братский острог	Кежемская слобода	Итого
1. Дворов	единиц	37	36	27	94	36	45	5	280
в них									
членов семьи	чел.	400	405	384	1051	341	423	46	3050
посторонних	-	19	100	59	349	59	42	16	644
2. Государева пашня	десятин	12	17¾	13½	37¾	10⅛	10½	2⅛	103¾
3. Посевная площадь	-	91,37	110,48	99,95	517,04	115,79	123,11	16,99	1074,73
4. Сбор зерновых	пудов	3261	4165	6592	34052	7440	9246	850	65606
гороха	-	84	2	22	45½	—	—	6	159½
конопли	-	83½	80½	64½	236	40	45	9	558½
5. Скота:									
лошадей взрослых	голов	122	116	89	308	84	125	15	859
молодняка	-	58	52	56	209	40	75	11	501
коров и быков	-	181	166	140	431	98	114	17	1147
молодняка крупн. рог. скота	-	121	95	81	376	112	117	25	827
6. Сбор сена	копѐн	6110	9450	5310	18145	3350	4830	1000	48195
7. Оборот по хлебу:									
а) продажа	пудов	—	—	70	4925	1340	500	—	6835
б) покупка		1740	3160	290	60	—	—	—	5250
в) сдача государству		763	1308	1037	4055	1048	1100	168	9479

нах и четвериках, перевести в пуды, исходя из соотношения — четь (четверть) = 8 пудам.

Конечно, все эти величины и нормы являются лишь относительно точными, но без них невозможно представить характера хозяйства илимских пашенных крестьян. Неточности расчѐтов вовсе не колеблют основных выводов, которые вытекают из анализа исследуемых величин.

СОСТАВ ДВОРА ПАШЕННОГО КРЕСТЬЯНИНА

Средние размеры крестьянского двора по числу членов семей, согласно сказок 1722 года, показаны в таблице 22.

Таблица 22

Состав двора	Усть-Кутский острог	Ортепская слобода	Тутурская слобода	Илгинский острог	Ново-Удин. слобода	Братский острог	Кежемская слобода	Среднее
Членов семьи пашенных крестьян	10,8	11,2	14,2	11,2	9,5	9,4	9,2	10,9
Посторонних	0,5	2,8	2,2	3,7	1,6	0,9	3,2	2,3
Итого	11,3	14,0	16,4	14,9	11,1	10,3	12,4	13,2

Средний размер крестьянской семьи по этим 7 волостям составлял 11 человек. Это был тот обычный семейный коллектив, который обеспечивал трудное дело крестьянствования в Илимской таѐжной, мало пригодной для земледелия области. Мелкие по количеству членов дворы постоянно рисковали оказаться в затруднении, а смерть главы семьи, при отсутствии взрослых детей, неизменно вела двор к упадку и нередко доводила членов его до нищенства. Спасение в этом случае было одно — в новом выходе замуж вдовы умершего крестьянина. Впрочем, отчасти имелся ещѐ один путь для создания устойчивого положения, это — объединение нескольких слабых дворов в одно хозяйство на началах складства.

Число членов семьи крестьянских дворов колебалось в весьма широких пределах. В таблице 23 дана группировка дворов по числу членов семей.

Итак, основная часть дворов, а именно 54,3% относится к трѐм группам из одиннадцати, имеющим в составе семьи от 7 до 12 человек, Очень крупные семьи, в 17-20 и более человек, встречаются только в ленских волостях, напротив в ангарских

Таблица 23

Число членов семьи в дворе	Число дворов	%% к итогу	Число членов семьи в дворе	Число дворов	%% к итогу
2	2	0,7	13—14	32	11,4
1—4	14	5,0	15—16	18	6,4
5—6	28	10,0	17—18	14	5,0
7—8	45	16,1	10—20	8	2,9
9—10	62	22,1	Более 20	12	4,3
11—12	45	16,1			
			Итого	280	100,0

волостях столь крупных семей нет. Причину такого различия установить очень трудно. В отношении Ново-Удинской слободы, впрочем, можно отметить, что туда в последние 2 десятилетия направлялось много новопашенных крестьян из других волостей, так называемые «переведенцы» из обротчиков, детей пашенных крестьян и даже гулящих и промышленных людей, главным образом маломощные хозяйства, а значит и малосемейные. В отношении Братского острога это объяснение неприложимо. Здесь, возможно, проявлялось действие другого обстоятельства. Братская волость, или уезд, как еѐ часто называли, имела много открытых лесо-степных угодий, разработка которых была сравнительно лѐгкой и не требовала больших усилий.

Как видно из приведѐнной группировки, очень крупные дворы с числом членов семьи более 17 человек, составляли свыше 12%. Самые крупные семьи по 20 человек и более часто уже не представляли одной семьи и во главе еѐ не всегда стоял один родоначальник. Семья Стариковых в Ново-Удинской слободе состояла из 21 чел., отец 88 лет был ещѐ жив, семья Епифана Антипина в д. Зыряновой Усть-Кутского острога состояла также из 21 чел., семья Оксамитовых в Тутурской слободе имела во главе пятерых Еремеевичей, объединявших 27 человек, семья Гурья Евдокимова с сыном состояла из 31 чел., семья Шамановых в Орленской слободе, во главе которой стояло два брата, насчитывала 33 человека и семья Захаровых в Илгинском остроге, являвшаяся в сущности сборной семьѐй, возглавлялась тремя внуками и достигала 34 чел.

Причинами, заставлявшими крестьян Илимского воеводства держаться в больших семьях, превосходивших в два раза современную среднюю крестьянскую семью, нужно считать, во-первых, трудности разработки пашни мелким коллективом, во-вто-

рых, налоговую политику государства — господствовало обложение двора (до введения Петром I подушных окладов), вследствие чего было целесообразно не дробить двора и не нести, таким образом, дополнительного податного обложения.

В целях выяснения возрастного состава крестьянской семьи были обработаны данные по 62 дворам Усть-Кутского и Илгинского острогов, которые охватывают 626 человек. Сводка этой обработки приведена в таблице 24.

Таблица 24

	До 10 лет	11—15 лет	16—60 лет	Старше 60 лет	Итого
Число человек	240	81	268	37	626
%%	38,3	12,9	42,8	6,0	100,0
Человек на 1 двор	3,9	1,3	4,3	0,6	10,1

Мужчины и женщины в составе семьи пашенного крестьянина составляют равные по численности доли. Это говорит о преодолении когда-то бывших серьѐзных затруднений в образовании нормальной семьи. Число детей до 10 лет также составляет величину, характерную для нормальной, развивающейся семьи. Наконец, наличие в семье более чем 4 работников показывает, что семья эта была сильна и в хозяйственном смысле. Особо выделена группа подростков от 11 до 15 лет, которая, без сомнения, была участницей в земледельческих работах, выполняя менее трудные поручения. Подростки при наличии в семье взрослых работников имеют в хозяйстве важное значение. Если принять это во внимание, то окажется, что средняя крестьянская семья могла выставить в поле более 5½ работников. Это рабочее ядро семьи являлось основой еѐ хотя бы относительного благосостояния.

Такая полная семья позволяла пашенному крестьянину твѐрдо вести хозяйство и быть опорой и новой экономики занятого края и главной силой Русского государства в этой далѐкой таѐжной окраине. Без взрослого мужчины двор оскудевал; вдова шла с детьми питаться христовым именем и земля «лежала впусте». Без домохозяйки пашенный крестьянин становился бобылѐм, а если не было взрослых сыновей, то он сдавал пашню другому. Без подростков двор рано или поздно хирел; крестьянин-одиночка не справлялся со срочными полевыми работами, не мог нести государевых и мирских повинностей и «за скудостью» переходил обычно на положение обротчика. Без детей у пашенного крестьянина не было перспектив.

Без семьи, двора и пашни не могло быть пашенного крестьянина. Без семьи, хотя бы с двором, крестьянин — бобыль. Без двора, хотя бы и с семьѐй, крестьянин — подворник. Без земли, хотя бы и с семьѐй, — обротчик. Без семьи, двора и земли — «работный человек», т. е. батрак или нищий.

СКЛАДНИЧЕСТВО

Слабые семьи с недостаточным инвентарѐм могли сливать свои усилия, а часто и средства производства и землю и вести сообща, «обче» своѐ хозяйство. Такие объединения исследователями сибирского крестьянства не отмечены, однако имеются доказательства существования таких союзов семей. Это не артель, так как здесь нельзя обнаружить долевого участия в распределении труда и продукта. Это складство, или складничество, в более развитых формах приводящее к слиянию двух или более семей в одно хозяйственное целое — в составную семью. У северно-русского крестьянина давно был такой опыт[1]. Отчасти такие хозяйства напоминают задругу южных славян, отличаясь, от неѐ отсутствием единовластного главы и наличием части раздельного имущества. Придя в суровый Ангаро-Илимо-Ленский край, крестьянин поневоле, под давлением тяжѐлых условий, соединял свои усилия с односельчанами, иногда в простейшей, иногда в более сложной форме — в виде совместной обработки земли и нераздельного несения тягла и, наконец, в форме совершенного слияния в одно хозяйственное целое с общим скотом, инвентарѐм и землѐй. Такие семьи могли жить в разных домах, числясь самостоятельными дворами. К сожалению, имеются только следы крестьянского складства, полное содержание которого раскрыть невозможно.

По ревизским сказкам 1722 года можно выделить такие складнические дворы в деревнях Ореховской, Тимофеевской, Бутыриных, Кондаковской, Выборовых, Констентиновской и Коченской Илгинского острога, в Ново-Удинской слободе и в д. Кадинской Братского острога.

Приведѐнная ранее сказка может служить примером такого складнического хозяйства двух семей: 1) семьи Стреловых, из которой перепись называет пашенными крестьянами Корнилея, Степана, Данила и Терентья, как равноправных сочленов двора и 2) семьи Дроздовых, в которой пашенными крестьянами названы Гаврило, Михайло, Иван и Иев. Ни в первой, ни во второй семье нет одного главы и там и здесь главными членами являются братья. Государева пашня названа ими вместе для обоих дворов — десятина, впрочем тут же поясняется, из каких слагаемых она составлялась, а также указывается юридическое основание владения ею. На этой сложенной земле, как видно, производится общий посев и осуществляется общая уборка сенокосов. Общими оказывается скот, невод и мельница. Поэтому сообща они платят в государеву казну хлебные и денежные платежи и сообща несут мирские повинности по ямской гоньбе.

[1] См., например, глубокие и оригинальные работы по этому вопросу у Александры Ефименко — «Исследования народной жизни», М., 1884.

Таблица 25

Деревни	Пашенные крестьяне	Дворов в деревне	В складническом хозяйстве		Государева пашня, десятин	Посев, десятин	Скот		Ставят сена, копен	Оборот хлеба, пудов			Имеют	
			дворов	членов семьи			лошади	крупн. рогат. скот		продажа	покупка	сдача государству	бань	мельниц
Ореховская	Шелапугин, Власов	2	2	9; 4	⅛; ⅛	5,52	7	9	300	—	—	24	1	—
Тимофеевская	Дружинин, Дружин	4	2	15; 9	¾	8,44	15	32	400	100	—	88	1	1
	Кряжев, Емельянов	—	2	8; 4	¼	3,50	5	8	150	—	—	32	1	—
Бутыриных	Три семьи Бутыриных	3	3	5; 13; 19	3¼	9,05	15	16	400	—	—	80	1	1
Кандаканская	Новопашенный, Беляев	4	2	8; 5	½	6,05	7	15	250	60	—	48	2	1
	Голышев, Выборов	—	2	7; 10	½	5,05	6	8	300	60	—	48	—	—
Выборовых	Канин, Выборов	2	2	6; 11	½	4,05	7	13	300	—	—	56	1	—
Констентиновская	Две семьи О л ф е р о в ы х	7	2	7; 5	½	9,63	15	18	450	100	—	48	1	—
Коченская	Мамруков, К р а с н ы х	7	2	9; 9	½; ⅛	9,25	14	22	250	—	—	76	2	—
	Стрелов, Дроздов	—	2	13; 15	½; ½	14,05	12	14	600	90	—	126	2	1
	Итого Илгинского острога .	29	21	191	8⅛	74,59	103	155	3400	410	—	626	12	4
Ново-Удинская слобода	Ногин, Антипин	32	2	10; 9	½	5,50	5	13	200	100	—	48	2	—
	Худорошко, Б а н щ и к о в	—	2	7; 3	7/12	3,94	4	8	260	100	—	56	1	1
	Вологженин, Б е з н о с о в	—	2	7; 10	1	8,87	9	19	300	—	—	96	2	—
	Бобровых, Бобров	—	3	12; 7; 10	1	12,03	10	18	300	70	—	96	3	—
	Ожегов и д р у г и е	—	4	9; 7; 15; 14	1	12,90	18	39	400	100	—	96	3	1
	Глухов, П о д к о р ы т о в	—	2	16; 11	1	10,20	12	16	270	60	—	192	2	—
	Безносов и другие	—	3	14; 21; 3	1⅛	11,27	8; 5	10; 14	200; 200	180	—	108	3	—
	Затрутин и другие	—	5	5; 6; 9; 21; 5	1½	13,87	12	19	400	100	—	144	4	—
	Кокорин и д р у г и е	—	3	6; 9; 6	⅝	5,67	5	6	180	—	—	44	2	—
	Итого Ново-Удинской слободы	32	26	252	8⅓	84,25	88	162	2710	710	—	880	22	2
Кадинская	Сутырин и другие	8	4	110; 8; 8; 18	по ¼	14,4				200	—	128	4	2

Характерны многосемейность дворов и наличие подворников. В одной семье ещѐ жив отец и назван он неспроста отставным пашенным крестьянином, ибо крестьянствование походило в то время на службу. На подворье встречаются и хлебный оборотчик и гулящие люди, пришедшие с Руси («яренченин» — из города Яренска) и два древних старика нищих. При внимательном чтении этой сказки обращает на себя внимание совпадение имени нищего Семѐна Григорьева Воронина и имени прежнего Илгинского пашенного крестьянина Семѐна Воронина, у которого в 1711 году Стреловы сняли пашню. Чтобы окончательно убедиться, был ли нищий 1722 года пашенным крестьянином за 11 лет до этого, необходимо поискать в более ранних книгах Семѐна Григорьева Воронина. Вот книга пашенных крестьян по деревням Илимского уезда 1699 года, т. е. за 23 года до описываемого времени (арх. № 41, св. 3). В ней среди крестьян Илгинской волости обнаруживается пашенный крестьянин Сенька Григорьев Воронин, тягла на нѐм четь десятины ржи, четь десятины ярового. Значит, оказавшись без семьи и став стариком, Воронин живѐт нищим на подворье у тех, кто пашет его землю. Такова участь бессемейного или малосемейного крестьянина в те годы.

Рассмотрев на примере одного складнического хозяйства основные черты этого своеобразного крестьянского объединения, можно перейти к общему обозрению складства, поскольку это возможно сделать на основе илимского архива. Выборки по хозяйствам с общим имуществом и общими повинностями приведены в таблице 25.

В таблице некоторые хозяйства ради сбережения места указаны только по первой фамилии, число членов двора обозначено порознь для каждой семьи и отделено точкой с запятой от членов других семей; там, где размер государевой пашни в сказках приведѐн отдельно для каждого двора, они выписаны порознь и отделены точкой с запятой; то же сделано и в отношении скота раздельного пользования. Посевная площадь вычислена по величине высева семян; размер сдачи десятинного хлеба пересчитан в пуды, причѐм четверть принята в восьмипудную меру.

В складническом хозяйстве Бобровых и Боброва принимает участие и двор вдовы Фѐдора Безносова, семья которой состоит из 10 человек. Это один из очень редких случаев, когда женщина остаѐтся во главе двора и является пашенным крестьянином. В составе семьи Боброва и Бобровых (это два брата, носящих по каким-то соображениям разнящиеся фамилии) был ещѐ жив их отец Никифор Давыдов Бобров, отошедший ко времени переписи от дел, так как ему было 100 лет. Заселение Ново-Удинской слободы было произведено в конце XVII века путѐм перевода крестьян из Тобольска и Бобров был одним из так называемых переведенцев.

В д. Бутыриной считалось 3 двора, а всѐ население состояло из 27 чел. И все три двора возглавлялись тремя братьями — Матвеем, Никифором и Гаврилом Фѐдоровыми, т. е. Фѐдоровичами, Бутыриными. В сказке записано, между прочим, об этой по существу одной семье: «А в продаже у них хлеба и скота не бывает и за домашним росходом в остатке у них хлеба и сена из году в год не бывает же, потому что у них деревня немалая, и хлебом де оне своею пахотою из году в год питаютца с нуждею».

В приведѐнном перечне, включающем 51 двор, посев показан в раздельном пользовании у 3 дворов, скот разделѐн у 7 дворов, заготовка сена ведѐтся каждым двором в 5 случаях.

Если вычислить средние величины из таблицы 25, то получаются следующие показатели на 1 двор складнический и на 1 двор первичный:

Таблица 26

Показатели	Илгинский острог		Ново-Удинск. слобода	
	на складническое хозяйство	на 1 двор	на складническое хозяйство	на 1 двор
Дворов на 1 складническое хозяйство	2,1	—	2,9	—
Членов семьи	19,1	9,1	28,0	9,7
Государевой пашни, десятин	0,81	0,39	0,92	0,32
Посев, десятин	7.4	3,6	9,4	3,2
Лошадей, голов	10,3	4,9	9,8	3,4
Крупного рогатого скота	15,5	7,4	18,0	6,2
Заготовка сена, копѐн	340	162	296	103
Продажа хлеба, пудов	41	19,5	79	27
Поставка хлеба государству, пудов	63	30	98	34

Укрупнение хозяйств привело к полному обеспечению их своим хлебом: ни одно хозяйство не покупало хлеба, наоборот почти все они продавали его.

В последующих материалах складнические хозяйства почти не встречаются. Воеводы интересовались выполнением обязанностей каждой семьѐй и вся хозяйственная переписка отражает только жизнь двора-семьи. Лишь изредка, и то в очень неясных формах, проскальзывает общность владений нескольких дворов. Таковы показания о мельницах, которыми владели «сопча», «вопче» или «в вопче» несколько дворов. Таковы приговоры воеводы, наделявшего 2-3 двора общими покосами и выгонами — «вопче», «споваль». Пахотная же земля, по которой

определялись индивидуальные повинности двора, не выделялась в общее владение. Если несколько крестьян и складывали еѐ в одно хозяйство, воевод это не касалось и учѐт тягла вѐлся попрежнему.

Поэтому во всех документах каждая семья записывалась отдельно. Складничество было частным крестьянским делом и никакими правами юридического лица не пользовалось. Лишь случайно в списках крестьян могли появляться отметки, указывающие на какую-то общность их хозяйства. Например, в списках пашенных крестьян 1655-1656 года по Нижне-Илимской волости записаны Олѐшка Данилов и Онисим Онкудинов с одним тяглом. Оба сбежали в Дауры. Там же жили Кузька Яковлев Устюжанин да Нечайко Фѐдоров Устюжанин и также вместе бежали в Дауры.

В списках крестьян Тутурской волости 1663 года Семейко Ондреев сын Черкашенин да Мишка Дмитриев сын Воробей были в одном тягле. В Усть-Киренской полости в одном тягле оказались Назарко Тихонов сын Вычегжанин да Серѐжка Иванов; одно тягло несли Стенька Юрьев сын Черкашенин да Офонька Никонов. Можно по списку 1663 года отметить ещѐ два таких случая. В первом из них обозначено раздельное тягло, но два крестьянина записаны в одном хозяйстве. Слово «да», которое употреблено здесь для показания связи двух крестьян, взято из подлинников.

Имеется ещѐ один документ, бросающий слабый свет на излагаемый вопрос.

По «Описной книге» 1699-1700 годов по Лене выше Киренского острога в 12 деревнях было 66 дворов. Из них 43 двора имели одного хозяина, в двух дворах жило 4 крестьянина, которые несли раздельное тягло, 3 двора являлись складническими, в них жило 6 пашенных крестьян с нераздельным тяглом, 9 дворов представляли самостоятельные хозяйства, но несли общее тягло, эту группу можно рассматривать как складническую, которой семьи проживали в разных дворах; 4 двора принадлежали малолетним, беглым или умершим хозяевам. Наконец, в дворах жили обротчики.

Вот и всѐ, что можно извлечь из дел Илимского воеводства о крестьянском складничестве. Оно началось, вероятно, с первых лет жизни крестьянства в Илимском крае и просуществовал до начала второго десятилетия XVIII века. Главный удар, который был нанесѐн складничеству — введение подушного обложения.

ОПИСАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА

В делах Илимского воеводства изредка встречаются описи имущества пашенных крестьян, составленные, главным образом, по случаю бегства хозяев, для сохранения от расхищения

оставшегося двора. Описей имущества крестьян для продажи в погашение недоимок не встречается. Но бывали случаи продажи имущества служилых или посадских людей с целью взыскания задолженности государству.

В 1706 году из Ново-Удинской слободы бежал Пѐтр Тежѐлов. Порутчики в числе 5 человек просили передать им тягло бежавшего и имущество Тежѐлова: избу без амбара, кобылу, корову с телѐнком, 15 пудов ржи, 5 пудов овса, насеянной озими 1¾ десятины. Из сельскохозяйственного инвентаря упомянуты сошники, коса, три серпа. Роспись «статков», т. е. оставшегося имущества второго беглеца, «пищика» той же слободы, от 4 сентября 1706 года: «Изба да хлебной анбар, один серп да коса. Выжетава хлеба: ржи десяти[на], а щетом 500 снопов, насеяной ярицы без четверти десятина, а щетом 300 снопов».

В том же году крестьянин Артемий Солодков передавал своѐ хозяйство в Верхне-Илимской волости племяннику и в челобитье на имя воеводы писал: «И даю ему с тем тяглом двор свой со всем дворовым и огородным строением и с овином и со всяким деревенским заводом, чем я владел и насеяной свой хлеб, да лошадь шерстью темносерая, корова добрая, две овцы, 20 пуд отсыпного хлеба, 2 серпа, косу, сошники, лодку, рубль денег». Воевода согласился с передачей тягла и двора и разрешил Солодкову переселиться в Ново-Удинскую слободу.

Хотя эти описи и неполны, однако дают хорошее представление о слабом, необеспеченном дворе. Эти описи не содержат оценки имущества, так как ставят целью сохранение его.

Опись имущества братского посадского человека Агапита Дмитриева[1], бывшего целовальником по продаже вина, даѐт представление о среднем, достаточном дворе. По донесению таможенного и кабацкого головы Елисея Степанова в апреле 1714 года за «доимку», т. е. за долг, в сумме 155 рублей, образовавшуюся вследствие злоупотреблений, была произведена оценка имущества Дмитриева. Такие оценочные описи всегда производили посторонние и незаинтересованные лица, например, посадские люди или пашенные крестьяне, которые могли установить «настоящую» цену. Приказчики и служилые люди к таким описям не допускались.

В опись попало следующее имущество: двор с сенями, амбаром и дворовым строением, цена 10 рублей, «святых икон, два образа Спасителевых, цена 5 алтын», три лошади, стоимостью — одна 3½, другая 3, третья 2 рубля, 2 жеребѐнка, цена 20 алтын, 6 коров — 6 рублей, 3 нетели — 40 алтын, 3 бычка — 40 алтын, 20 овец — 3 рубля, хлебного запаса 100 пудов, цена 4 рубля. Вся оценка этого, сравнительно, обеспеченного хозяйства составила 34 рубля 65 коп. Двор был куплен за 11 рублей

[1] Это один из деятельных участников братских событии 1696 года.

10 алтын местным священником Иваном Григорьевым, активным противником братских «бунтовщиков».

Другой случай описи имущества с его оценкой относится к двору умершего мельника — откупщика Степана Малыгина. По наказной памяти воеводы, 8 посадских людей произвели в январе 1703 года опись этого двора, причѐм в оценочной росписи было сказано: «Двор ево, Степанов, со всем дворовым строением, цена двору три рубли с полтиною; корову черную, цена рубль с полтиною, в том сию роспись подали». Через несколько дней, 19 января «принес в приказную избу илимской служилый человек Кирило Куниловской 5 рублев денег, и чтоб ему Кирилу тем двором и коровою за те деньги владеть без выкупу». Деньги пошли в зачѐт недоимки.

Наиболее подробная опись имущества относится к двору зажиточного крестьянина Бубнова, по неясным причинам бежавшего в Якутск. Хозяйство его находилось на Воронинской заимке в Криволуцкой волости.

Постройки: «жилая изба на подклете, перед избою сени с забором, перед сеньми анбар о трех житьях, скотцкой двор на отставке (т. е. отдельно), два анбара хлебные да баня, анбар да кожевня на повосте».

Скот: «три коня работных, жеребец неработной; кобыла з жеребенком, кобылкою ж; рогатого скота большого и малого 32 скотины». При повторной поверочной описи оказалось 30 «скотин», в том числе 12 коров (4 больших — шерстью красные, 5 шерстью сивые, 1 бурая, 2 белобокие красные), 2 пороза больших, красных, лбы белые, 3 нетели шерстью пѐстрые, 2 нетели шерстью красные, лбы белые, 2 бычка малые, 9 малых подтѐлков, 3 борова, 4 свиньи, 34 овцы больших и малых. Всего, таким образом, имелось скота 79 голов. Кроме того, поступило сообщение, что укрыто ещѐ 3 лошади.

Упоминания о свиньях встречаются довольно редко. Впрочем это говорит не о слабом развитии свиноводства, а лишь о том, что по официальным учѐтам регистрировался только крупный скот. Подтверждением того, что свиноводство было развито, служат цены на свежее скотское и свиное мясо с 1724 по 1730 год: цены в Илимском остроге за пуд скотского мяса колебались от 34 до 48 копеек, а свиного от 32 до 56 копеек.

Сельскохозяйственные орудия и инвентарь: «Двои ральники (в другой описи — двои сошники), 6 кос, 12 серпов, 5 топоров, 6 хомутов конских со шлеями, шлея конская строченая, 4 узды конские ж».

Прочий инвентарь: 2 котла медные пивоварные, ветхие, 3 меденика, котѐл «варчей», весом 11 гривенок, в том числе дуга и уши железные, таз «меди зеленые»; 3 блюда оловянные, одна «тарель» оловянная; «котел же варчей» медный, весом 5 фунтов, пищаль — винтовка подержанная, невод «да сети в

столбу»[1] (в другом месте — в столбе); терпуг, трезуб, 2 «сверлока», 2 «скобели», тесла, 2 долота, 2 пешни, 2 безмена, 5 замков висячих у анбаров, один замок «задорожчатый», 3 кади, 3 ушата, 3 бочки, в том числе одна дубовая, 2 поварѐнки, 2 сковороды и неизбежные крюки дверные железные.

Припасы и сельскохозяйственное сырьѐ: 6 пудов муки ржаной, 4 пуда муки пшеничной, 3 пуда муки «яшной», 2 пуда крупы «яшной», 10 туш бараньего мяса (по другой описи оставалось 18 овец), пуд «с четью масла коровья», 2 пуда 2 гривенки шерсти бараньей, 27 фунтов хмеля, 5 гривенок мыла простого. «Сухова хлебного запасу, например (т. е. примерно, приблизительно) 10 пуд пшеницы, 10 пуд ячмени, 50 пуд овса, 4 пуда гороху». Да в кладях 300 суслонов ржи, 140 ярицы, 100 пшеницы, 460 ячменя, 300 овса. «Да насеяного хлеба впредь к 707-му году на Воронинской и Балахонской заимках например 3½ десятины ржи». Большинство припасов, видимо, хранилось в амбарах насыпью, так как в описи указаны только 8 мешков холщѐвых, подержанных.

Одежда: медведно (шкура), одеяло песцовое ветхое, 18 овчин, «портище камки, цвет черной», мерою 8 аршин, фата шѐлковая подержанная, «три чети аршина желтые камки», рукавицы «холотные», шиты шѐлком по атласу вишнѐвому; рукавицы белые, крыты красным сукном, «наушки лапчатые собольи», 4 лоскута «сукна яренти», 3 полотенца холщѐвых, больших, по концам вшиты кружева, два «плата», один кисейный, другой китайчатый белый, по концам кружева, 3 рубахи холщѐвые женские, новые, добрые, шубка белья хребтовая под зелѐною камкою, 3 «пугвицы» серебряные под золотом, сарафан «кумашный» красный, поношен, 2 кокошника камчатые красные, один с золотым галунцом.

Перед нами встаѐт крепкий зажиточный дом, где занимались не только земледелием, но и разными промыслами, вплоть до выделки кож, так как в описи значится 61 сырая коровья кожа.

Несмотря на обширный перечень всяких предметов, он не был исчерпывающим. Часть ценных вещей, видимо, присвоили его работник и племянник, а часть, вероятно, была пропущена. Не названо ни телег, ни саней, не упоминается о лодках, о мужской рабочей одежде и обуви и о многих сельскохозяйственных предметах.

Следующий документ — завещание отца по разделу имущества между сыновьями. Можно предположить, что подобные документы были тогда редкими. Среди многих тысяч дел встретилось только одно это завещание (и то без начала), нигде не делается и ссылок на такие документы. Как можно установить из последующего, это завещание или деловую запись дал пашен-

[1] Т. е. в пае, в совместном пользовании с другими владельцами.

ный крестьянин Нижне-Илимской слободы Кирило сын Ступин (арх. № 74, св. 6, лл. 86-87):

«...Кирилов сын Ступин поделил есми при себе детей своих: сына своего большого Максима да Петра Кириловых Ступина. Наделяю их, Максима и Петра божиим милосердием и Спасом и пречистою богородицею и благословением своим. Да я ж даю им, Максиму и Петру, во всем своем житье и в дворовом строении и во всяком крестьянском заводе третью доль всего прожитка своего в скоте и в животе и в черне и в беле и в хлебе и в посуде всякой — медной и деревянной и железной и в коровах и в лошадях и в овцах и свиней и кур[1] и во всяком скоте всего дал им, Максиму и Петру, третьюю ж доль. И всякой лопоти[2] и прожитку своего третья ж доль. А которую десятинную пашню снял я, Кирило, у пашенного, у Василья Срютного, четь десятины земли и сенных покосов, и тою пашнею и сенными покосы благословил я, Кирило, детей своих, Максима и Петра. Да я ж, Кирило, дал им, Максиму и Петру, сенной покос, которой покос на Тубе у пашенных крестьян у Микифора Жмурова да у Павла Жмурова ж. Да я ж, Кирило, даю им, Максиму и Петру, старую избу за новым двором, с овечьим двором и з хлевами. Да я ж дал в онной анбар на сарае. Да я ж, Кирило, дал им, Максиму и Петру, в поле сенные покосы и хлебные остожья третью долю. А что у меня в земли насеяно ржи к нынешнему 702-му году и господь бог уродит и им, Максиму и Петру, в том насеянном во ржаном хлебе третья ж доль. А с поля снимать и жать тот хлеб всем вопче и умолотить тот хлеб и делить с лопаты на 6 паев. Да я ж, Кирило, дал им, Максиму и Петру, пай в бане и в овине, ту ж третью доль».

Почему отец выделил двум сыновьям третью долю и велел делить хлеб на 6 частей, отчасти можно установить из конца того же документа и из других бумаг. У Ступина было 6 сыновей.

Завещание даѐт представление о дворе среднего, достаточного илимского крестьянина.

В приведѐнных описях нашло отражение резкое имущественное неравенство различных слоѐв илимского крестьянства. Имущественное неравенство является предпосылкой и следствием социального неравенства и условием эксплоатации человека человеком. За крупным посевом и за большим поголовьем скота обычно скрывается наѐмный работник, не имеющий своих средств труда. Помещичье землевладение и крепостные отношения в Руси тормозили развитие класса кулаков. В Сибири этого ограничения не было.

[1] В одной из оценок имущества 1717 года встречается: «две курицы да петух, цена 5 копеек». Это всѐ, что известно о птицеводстве в илимских деревнях того времени.

[2] Сибирское слово, до сих пор широко распространѐнное в деревнях. Лопоть — одежда.

РАЗМЕР КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРИМЕНЕНИЕ НАЁМНОГО ТРУДА

При анализе хозяйственной деятельности пашенного крестьянина неизбежно возникает вопрос о классовом расслоении крестьянства и, в частности, о применении в сельском хозяйстве наѐмной рабочей силы.

Основой крестьянского хозяйства являлся личный труд его членов. Это вовсе не препятствовало привлечению в то же хозяйство и постороннего труда. Отсутствие помещичьего землевладения и крепостной зависимости крестьян от землевладельца позволяло пашенному крестьянину вести хозяйство в более свободных условиях, чем в коренной Руси. Сибирский крестьянин мог беспрепятственно покупать рабочую силу, так же как гулящий человек или вообще неимущий мог без сословных ограничений продавать свою рабочую силу.

Первой сплошной переписью населения, «опричь ясачных», по которой можно было бы составить связное представление о размерах применения наѐмной и несвободной рабочей силы в сельском хозяйстве, является перепись 1710 года. По от неѐ осталось лишь 38 листов, в которых оказались записанными 2227 человек (Россыпь, № 28, св. 3, лл. 75-112). Не сохранилось ни начала, ни конца этого документа. Однако ссылки на пего встречаются в делах воеводства довольно часто[1].

Чтобы читатель мог судить о характере этого документа, приводим из него первую запись, по образцу которой построена вся перепись: «Во дворе пашенной Онтипа Яковлев Пуляев (по другим книгам легко узнать, что такой крестьянин жил в дер. Пуляевской, Орленской слободы) двадцати лет, жена ево Матрона девятнадцати лет, бездетны. Племянник ево Герасим 5 лет, братья ево сродные Иван Леонтьев 18-ти лет, Иван 15-ти, Иван 9-ти лет. Мать их, вдова Анастасия 50-ти лет, Иванова жена Ирина 18-ти лет, бездетны. Сестра их Агриппина 11-ти лет. Работной их гулящей человек Филип Кунгурец 40 лет. Хлебной обротчик Матвей Иванов Созонов 30-ти лет. Крестьянской сын Никита Назаров 30-ти лет».

Итак, во дворе О.Я. Пуляева проживало 9 человек его семьи и 3 подворников, в том числе один работник.

Указания о работниках, свободных и несвободных, даются в таких выражениях: «Работные ево промышленные люди», «Работной ево гулящей человек», «Промышленной работной их человек», «Крепостной их работной человек, новокрещен 15 лет», «Крепостной работной ево человек», «Присыльный работной ево

[1] По одной из таких ссылок (Россыпь № 14) можно установить, что перепись была проведена илимским сыном боярским Степаном Шангиным и сотником Кирилом Сизовым и отправлена в Москву 1 апреля 1711 года.

человек», «Крепостная баба Матрона 40 лет; девка Васса 50 лет» и т. д.

Кроме работников па подворье жили представители различных, чаще всего малообеспеченных слоев илимского населения, именно — промышленные люди, бездворные хлебные обротчики, гулящие люди, казачьи и крестьянские жѐны, бобыли и бездворные пашенные крестьяне. Вполне вероятно, что некоторая часть этих подворников или постояльцев (встречается изредка и это слово) оплачивала личным трудом право на пристанище.

Всего учтено этого люда, т. е. работников и подворников, у крестьян, служилых людей и попов 274 чел. с 77 членами семей. Распределение их по социальным группам приведено в таблице 27.

Таблица 27

Социальные группы подворников	Работники	Подворники	Итого
Промышленные люди	59	76	135
Гулящие люди	21	40	61
Крепостные	17	—	17
Работные	6	—	5
Присыльные	1	4	5
Казачьи и крестьянские дети и жѐны	—	10	10
Судовые плотники	—	1	1
Хлебные обротчики	—	33	33
Бездворные пашенные крестьяне	—	4	4
Неизвестные	—	3	3
Итого	103	171	274

Членов семей насчитывалось: у 17 крепостных — 13 чел., у 4 ссыльных — 2 чел., у 33 хлебных обротчиков — 49 чел. и у 4 пашенных крестьян 13 чел. Остальные uруппы работников и подворников семьи не имели.

Главную часть работников и подворников образовывали промышленные и гулящие люди, именно 71,5%.

Покажем теперь, как распределялись все подворники по группам дворохозяев (табл. 28).

В таблицу 28 не включены монастырские крестьяне, посельщики и вкладчики. Из переписи уцелели данные лишь по двум деревням Якутского Спасского монастыря. Там проживали: монах Варлам, 70 лет, посельщик Егорей Савин, 65 лет, 12 вкладчиков с 18 членами семей и 8 работников — «работные их мона

Таблица 28

Дворохозяева	Дворов				Человек				
	всего	В том числе			членов семей хозяев	работников	подворников	членов семей у работников и подворников	итого подворников и работников
		без работников	с работниками	только с подворниками					
1. Пашепиые крестьяне	201	98	50	53	1550	87	155	75	317
2. Хлебные обротчики и бобыли	14	8	—	6	79	1	4	—	5
3. Приказчики	5	1	4	—	36	10	8	1	19
4. Посадские	6	6	—	—	45	—	—	—	—
5. Казаки	7	6	—	1	81	—	1	1	2
6. Попы	4	1	2	1	20	5	3	—	8
Итого	237	120	56	61	1811	103	171	77	351

стырские гулящие люди». Здесь же было три двора монастырских пашенных крестьян (23 чел.), у которых жили 1 гулящий и 1 работный человек.

Как видно из приведѐнных материалов, эксплоатация человека человеком в Илимском воеводстве не была редким или случайным явлением. 50 крестьянских дворов из 201 пользовались трудом наѐмных или подневольных людей. Кроме того, нет уверенности, что в 53 крестьянских дворах, где жили подворники, не было применения наѐмной рабочей силы.

Из 50 отмеченных дворов пашенных крестьян 28 дворов имели по 1 работнику; 13 — по 2 работника, 6 — по 3 работника, один двор держал 4 работников, один — 5 работников и один — 6 работников. В числе этих работников имелось 6 крепостных.

У приказчиков было 2 работника и 8 крепостных, у попов 3 работника из промышленных и гулящих людей и 2 крепостных.

При изучении переписи 1710 года представлялось чрезвычайно важным произвести группировку хозяйств пашенных крестьян по величине посева и поголовья скота с целью выяснить связь размера производства со степенью применения наѐмной рабочей силы. По ближайшими годами, когда отмечались размеры посева, были 1699 и 1722. Следовательно, промежутки между переписью 1710 года и названными годами составляли 11-12 лет, а в сумме 23 года, разумеется, за это время в жизни

почти каждого двора произошли серьѐзные изменения, которые исключили возможность проследить искомую зависимость. Кроме того, сама перепись 1710 года дошла до нас не полностью.

Из 50 дворов пашенных крестьян, имевших наѐмных работников в 1710 году, удалось отыскать в ревизских сказках 1722 года 23 двора. Но лишь немногие из них вели теперь крупное хозяйство. Например, Д.Я. Пономарев из Усть-Илги сеял в 1722 году (сеял уже его сын) 15½ десятин зерновых, имел 30 голов скота, продавал 300 пудов хлеба и продолжал пользоваться наѐмной рабочей силой. Сын П.Т. Чайкина в Илгиском остроге сеял в 1722 году 16½ дес., держал 17 голов скота, продавал 100 пудов хлеба, имел 9 подворников, часть которых, несомненно, использовалась в его хозяйстве.

Если сличить перепись 1710 года с книгой 1721 года по Илгинскому острогу (арх. № 149), в которой отмечен наѐм рабочей силы, то окажется, что из 25 пашенных крестьян этой волости, нанимавших батраков в 1710 году, 6 хозяйств продолжали пользоваться наѐмным трудом и 11 лет спустя.

Как только что было отмечено, 23 двора, нанимавшие работников в 1710 году, записаны в ревизских сказках 1722 года. Средний размер хозяйства этих 23 дворов превышает средний уровень всех учтѐнных в 1722 году крестьянских хозяйств. Вот соответствующие цифры: средний посев хлебов в 23 хозяйствах на 1 двор составляет 5,9 десятины (среднее по 288 хозяйствам — 3,6 дес.), количество скота на 1 двор — 14,7 голов (11,9 голов), заготовка сена на двор — 239 копѐн (170 копѐн), сбор хлеба на двор 373 пуда (227 пудов), продажа хлеба 49 пудов (21 пуд). В скобках показаны средние показатели по 288 дворам, согласно ревизским сказкам 1722 года.

Разумеется, эти сопоставления имеют слабую доказательную силу. Они говорят лишь о некоторой устойчивости найма рабочей силы крупными хозяйствами. Но вряд ли целесообразно пренебрегать и этими слабыми указаниями, тем более, что они согласуются с общей цепью доказательств о неоднородном составе пашенного крестьянства и о наличии в нѐм эксплоататорского слоя.

Обратимся к другому документу, в котором отражѐн наѐм рабочей силы, к книге пашенных крестьян Илгинского острога 1721 года (арх. № 149, св. 16, лл. 1-24; впрочем, начало еѐ утрачено). В книге записаны показания 88 крестьянских дворов о размере окладных десятин, о площади посева озимых и яровых хлебов, о количестве высеваемых семян, о размерах урожая, о найме или отпуске рабочей силы, а по 17 хозяйствам — данные об остатках хлеба.

В отношении найма рабочей силы отдельные пашенные крестьяне показали, что несут расход хлебом: «за изжень (жнитво) поставчикам», «строшным (сроковым рабочим) за работу и которые сено косят и за изжень и за молотьбу», «а работным лю-

дем за сроки и за работу (т. е. за повременную и сдельную работу) и которые сено косят и за изжень и за молотьбу», «работникам» или «работнику» и «молотяге».

Ответы свидетельствуют о резком преобладании найма сроковых рабочих, привлекаемых на время страды. Именно этим обстоятельством можно объяснить чрезвычайно высокий процент дворов, применявших наѐмный труд. По переписи 1710 года и по ревизским сказкам 1722 года, в которых отражался наѐм только постоянных рабочих, этот процент в несколько раз ниже.

Нельзя не обратить внимания на удивительную устойчивость терминов для обозначения сроковой работы.

В.И. Ленин в своѐм исследовании «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» приводит таблицу найма батраков и подѐнщиков по Красноуфимскому уезду со следующей группировкой: сроковые, на косьбу, на жатву, на молотьбу. При этом он делает замечание о найме подѐнщиков, как о форме найма, более типичной для земледелия. (В.И. Ленин. Сочинения. Издание 2-е, том XII, стр. 252).

Другая, меньшая часть пашенных крестьян показала, что хозяйственные расходы «откупает работою своею», т. е. продаѐт рабочую силу, а один крестьянин ответил, что побирается «христовым имянем».

Если подвести итоги, то окажется, что из 87 хозяйств прибегают к найму рабочей силы 58 хозяйств или 66,7%, продают рабочую силу 6 хозяйств или 6,9%, не нанимают и не нанимаются 23 хозяйства или 26,4%.

Излагаемый документ даѐт редкую возможность произвести группировку хозяйств пашенных крестьян по величине посева и по признаку найма рабочей силы. Эта группировка приведена в таблице 29.

Итак, чем крупнее хозяйство пашенного крестьянина, тем чаще применяется труд батрака или подѐнщика. К сожалению,

Таблица 29

Посев десятин	Всего дворов	Нанимают рабочих			Не нанимают		
		дворов	их посев	% от всех дворов	дворов	их посев	% от всех дворов
1-2	4	2	4	50,0	2	4	50,0
2,1-5	45	28	103½	62,2	17	58½	37,8
5,1-10	32	23	169	71,9	9	70	28,1
Более 10	6	5	79	83,3	1	12	16,7
Итого	87	58	355½	66,7	29	144½	33,3

нет возможности установить число наѐмных рабочих, а также выделить постоянных и сроковых рабочих.

Переходим к документу, отразившему с наибольшей полнотой хозяйственную деятельность пашенного крестьянина — к ревизским сказкам 1722 года.

При группировке данных этого документа наибольшую трудность представляет установление числа дворов, так как оно часто не совпадает с числом хозяйств. При некоторых группировках это не имеет значения. Например, двор с двумя складническими хозяйствами, сеющими 8 десятин, можно отнести в группу хозяйств с посевом от 2 до 5 десятин и считать его за два двора. Но если в таком складническом дворе имеется один наѐмный рабочий, то невозможно решить — к какому из двух хозяйств отнести этого рабочего.

В основу анализа крестьянского хозяйства, отображѐнного ревизскими сказками, положена группировка по величине посева, так как земледелие являлось главной сферой производства пашенного крестьянина. Выделены следующие группы: 1-2 десятины посева, т. е. мелкие хозяйства; 2,1-5 дес. посева, т. е. средние хозяйства; 5,1-10 дес. посева — крупные хозяйства и свыше 10 дес. посева — очень крупные хозяйства. Всего вошло в обработку 288 хозяйств.

Кроме этой основной группировки была произведена обработка тех же материалов по признаку применения наѐмной рабочей силы и по величине семьи. Результаты двух последних группировок использованы в данной работе лишь частично.

Другое затруднение заключалось в неясности положения подворников. Часть из них являлась рабочей силой дворохозяина, а часть постояльцами.

Затруднений не возникает, если в документе прямо указывается, что такое-то лицо — работник. Например, «У него в работе присыльной человек», «На подворье зять его — обротчик с женой и в работе гулящей человек» (дер. Бурдушная). «У него в сроке устюжанин, гулящей человек 24 лет» (дер. Шипицыных). «У него в сроке енисеец» (дер. Выборовых). «У него в работе важенин», т. е. из г. Ваги (Ново-Удинская слобода). «Работник красноярец» (дер. Фѐдоровых). «У него ж в работе живут гулящие люди: города Верхотурья Перевалов, 43 лет, из Тобольска — Артамон, 51 года» (дер. Якуримовская) и тому подобное.

Но в других случаях только отмечается, что такой-то человек живѐт у пашенного крестьянина. Поэтому при группировке данных переписи 1722 года в число работников включены лица, о которых прямо говорится, что они «в сроке» или «в работе», а также гулящие люди и ссыльные рабочего возраста. Все остальные отнесены к подворникам — дальние родственники хозяина, обротчики, бездворные крестьяне, отставные казаки, судовые плотники, монастырские вкладчики и нищие. Ещѐ раз

оговариваемся, что среди подворников несомненно была какая-то часть рабочей силы дворохозяина.

Итоги группировок по размеру посевной площади сведены в таблице 30.

Можно добавить, что первая группа пашенных крестьян имела 15 мельниц, вторая — 31 мельницу и 1 кузницу, третья — 12 мельниц, 1 кузницу и 1 кожевенную избу, четвѐртая — 1 кузницу.

Для того, чтобы легче анализировать приведѐнные цифры, в таблице 31 вычислен удельный вес всех четырѐх групп по каждому показателю.

Мелкие хозяйства составляли почти ¼ всех хозяйств, но имели меньший состав семьи и подворников, сеяли $^1/_{10}$, скота имели около $^1/_7$, продавали хлеба $^1/_{25}$ часть, зато покупали свыше ¼ хлеба от общих величин соответствующих показателей.

Средние хозяйства оказывались наиболее многочисленной группой и почти по всем показателям удерживали своѐ среднее положение. Только по продаже хлеба они опускались значительно ниже среднего уровня. Это были наименее товарные хозяйства илимской деревни.

Крупные хозяйства по числу семей занимали третье место, ни размерам хозяйства — второе место, а по продаже хлеба превосходили все другие группы, взятые порознь. Зато они очень мало покупали хлеба.

Самые крупные хозяйства составляли примерно $^1/_{60}$, они во многом походили на предыдущую группу, отличаясь от неѐ главным образом более развитым зерновым производством, им принадлежала $^1/_{14}$ часть посевов зерновых культур, они давали $^1/_9$ часть всего рыночного хлеба.

В таблице 32 вычислены средние показатели на одно хозяйство по каждой из четырех групп. Этот приѐм анализа помогает легче составить представление о среднем размере исследуемых хозяйств.

Средние размеры хозяйств второй группы оказались в подлинном смысле слова средними. Некоторые отклонения наблюдаются только по покупке и продаже хлеба, что уже отмечалось ранее.

Пожалуй, показательнее всего сопоставить размеры крайних групп, т. е. первой и четвѐртой. По числу членов семей и подворников последняя группа превосходит первую в два раза, по размерам посева почти в 10 раз, а по обязательствам к государству (государева пашня и сдача хлеба) только в 3½ раза. Значит, крупные хозяйства находились в более льготном положении, чем мелкие. Крупное хозяйство продавало хлеба в 40 раз больше, чем мелкое. Не мешает отметить, что последняя группа нанимала работников только в два раза больше, чем первая. Преимущества крупного хозяйства проистекали не только от большей эксплоатации наѐмного труда, но (главным обра-

Таблица 30

Группы пашенных крестьян с посевом, дес.	Дворов	Семей	Человек			Государевых десятин	Посева хлебов, десятин	Лошадей	Крупного рогатого скота	Заготовки сена, копен	Оборот по хлебу, пудов			
			членов семей	подворников	работников						Валовой сбор	Сдача государству	продажа	Покупка
1-2	66	67	542	113	31	15⅞	100,4	188	312	6680	6047	1324	230	1450
2,1-5	166	170	1792	344	93	57½	542,7	814	1214	28260	35556	5291	2320	3300
5,1-10	44	46	635	153	37	27	320,9	309	464	11840	20058	2775	2775	500
Более 10	5	5	84	18	5	3⅞	76,1	41	74	1800	3610	342	700	—
Итого	281	288	3053	628	166	104¼	1040,1	1352	2064	48580	65271	9447	6025	5250

Таблица 31

Группы пашенных крестьян с посевом, дес.	Семей	Человек			Государевых десятин	Посева хлебов, десятин	Лошадей	Крупного рогатого скота	Заготовки сена, копен	Оборот по хлебу, пудов			
		членов семей	подворников	работников						Валовой сбор	Сдача государству	Продажа	покупка
1-2	23,3	17,8	18,0	18,7	15,2	9,7	13,9	15,1	13,7	9,3	14,0	3,8	27,6
2,1-5	59,0	58,7	54,8	56,0	55,2	52,1	60,0	58,8	58,4	54,5	56,1	38,5	62,9
5,1-10	16,0	20,8	24,4	22,3	25,9	30,9	22,8	22,5	24,2	30,7	26,3	46,1	9,5
Более 10	1,7	2,7	2,8	3,0	3,7	7,3	3,3	3,6	3,7	5,5	3,6	11,6	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 32

Группы пашенных крестьян с посевом, дес.	Человек			Государевых десятин	Посева хлебов, десятин	Лошадей	Крупного рогатого скота	Заготовки сена, копен	Оборот по хлебу, пудов			
	членов семей	подворников	работников						Валовой сбор	Сдача государству	Продажа	покупка
1-2	8,1	1,7	0,5	0,24	1,56	2,8	4,7	100	90	19,7	3,5	35
2,1-5	10,5	2,0	0,55	0,34	3,2	4,8	7,2	167	209	31,2	13,7	19
5,1-10	13,8	3,3	0,8	0,59	7,0	6,7	10,8	257	435	54,4	59,7	11
Более 10	16,8	3,6	1,0	0,78	15,2	8,1	14,8	360	722	68,8	140,0	—
Итого	10,6	2,2	0,58	0,36	3,6	4,7	7,2	170	227	32,8	21	18

зом) и от большего состава семьи, этой основной рабочей силы хозяйства пашенного крестьянина.

В первой группе средняя семья состояла из 8,1 человека, do второй — из 10,5, в третьей — из 13,8 и в четвѐртой — из 16,8 человека. Значит, по своим трудовым возможностям крупные хозяйства превосходили мелкие в два раза. Поэтому многосемейные дворы могли легче создавать крупное производство и скорее переходить на этой основе к привлечению наѐмной рабочей силы. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» отмечает: «Мы видим, что состоятельные дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие. Но тем не менее они употребляют несравненно больше наемного труда. Семейная кооперация» служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию» (В.И. Ленин. Сочинения. Издание 2-е, том XII, стр. 253).

Существенная разница в размерах семьи мелких и крупных хозяйств вызывает необходимость в использовании ещѐ одного способа анализа. Может случиться, что в крупном хозяйстве с большой семьѐй на 1 душу будет приходиться меньше средств производства и меньше предметов потребления, чем в мелком хозяйстве с небольшой семьѐй.

Значит, требуется сопоставить различные категории хозяйств по объѐму производства и по обеспеченности средствами труда на 1 душу или, что удобнее, на 100 душ. В таблице 33 приведены такие показатели на 100 душ, причѐм к членам семьи прибавлены работники. Остальные подворники при этом в расчѐт не приняты.

Пересчѐт основных показателей на душу населения несколько сгладил разницу между различными категориями хозяйств, особенно по обеспеченности их рабочим и пользовательным скотом. Но по размеру производства, по количеству валовой и товарной продукции различие остаѐтся очень резким. А в целом закономерное повышение мощности хозяйства при переходе от мелкого производства к крупному проявляется достаточно рельефно. Это тем более примечательно, что все хозяйства по технике производства были совершенно однотипными, т. е. они пользовались одинаковым инвентарѐм и применяли одни и те же агрономические приѐмы. Возможно, конечно, что у богатых дворов был лучший скот и более исправный инвентарь.

Чтобы покончить с группировкой по размеру посева, остаѐтся рассмотреть некоторые соотношения между приведѐнными показателями. В таблице 34 вычислены: средняя урожайность зерновых, % товарности хозяйств разного типа, размер посева на 1 лошадь, количество крупного рогатого скота на 1 десятину посева и заготовка сена на 1 голову скота.

Таблица 33

Группы пашенных крестьян с посевом, дес.	Посевы хлебов , дес.	Лошадей	Крупного рогатого скота	Заготовка сена, копен	Оборот по хлебу, пудов			
					Валовой сбор	Сдача государству	продажи	покупки
1-2	17,5	32,8	54,5	1170	1050	28,8	40	253
2,1-5	28,8	43,2	64,4	1500	1890	35,1	123	181
5,1-10	47,8	46,0	69,0	1760	2980	46,4	413	75
Более 10	85,5	46,0	83,0	2020	4050	48,0	785	—
Итого	32,3	42,0	64,2	1520	2030	36,9	187	163

Таблица 34

Группы пашенных крестьян с посевом, дес.	Урожай хлебов		% товарности			Посева десятин на 1 лошадь	Крупного рогатого скота на десятину	Сена на 1 голову скота, пудов
	Пудов с десятины	«сам»	Сдача государству	продажа	итого			
1-2	60,2	4,8	21,9	3,8	25,7	0,53	3,1	80
2,1-5	65,5	5,7	14,9	6,5	21,4	0,66	2,2	83
5,1-10	62,5	5,9	12,4	13,9	26,3	1,04	1,4	92
Более 10	47,4	4,6	9,5	19,4	28,9	1,86	0,97	94
Среднее	62,5	5,6	14,5	9,2	23,7	0,77	2,0	85

Средний сбор хлебов, т. е. ржи, пшеницы, ярицы, овса и ячменя, следует признать удовлетворительным, он равен примерно 10 ц/га. Но являются непонятными причины более низких урожаев в крупных хозяйствах. Хотя эти хозяйства сеяли больше яровых хлебов, чем мелкие хозяйства (а яровые давали меньшие урожаи по сравнению с озимыми), но это лишь в незначительной степени влияло на средние сборы. Остаѐтся допустить, что крупные дворы вставали на путь ведения экстенсивного производства, с более односторонним хозяйством, в котором преобладало зерновое направление. Сказанное отчасти подтверждается меньшей обеспеченностью посевной площади этих дворов тяглой силой и серьѐзным уменьшением количества крупного рогатого скота на единицу посевной площади. Возможно, что крупные хозяйства в своѐм стремлении производить больше хлеба, в том числе товарного, переходили ту грань, которая отделяет более рациональное возделывание земли от хищнического использования еѐ. За счѐт некоторой потери в высоте урожая достигается выигрыш в количестве производимого хлеба и в экономии средств производства, в первую очередь — в тяглой силе.

Кроме того, нужно иметь в виду, что с увеличением размеров хозяйства вообще происходит уменьшение средств производства на единицу площади, что вытекает из общего экономического закона о преимуществах крупного производства. Ленин, анализируя работу Г.В. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», замечает: «Естественно также, что величина расхода на производство земледельческих продуктов понижается (на единицу продукта) по мере увеличения размеров хозяйства» (В.И. Ленин. Сочинения. Издание 2-е, том III, стр. 46).

Товарность зернового хозяйства для тех времѐн нужно считать высокой: 23,7% производимого хлеба уходило на сторону Но при анализе товарности чрезвычайно важно учесть фискальную роль государства. Тяжесть государственных платежей ложилась на слабые хозяйства с вдвое большей силой, чем на обеспеченные дворы. Недаром мелкие хозяйства покупали хлеба столько, сколько сдавали его государству. Почти в таком же положении оказывались и средние хозяйства с посевом от 2,1 до 5 десятин на двор (на семью). Как видно из таблицы 34, слагаемые товарности в мелких и крупных хозяйствах распределяются в обратном порядке.

Коснѐмся результатов второй группировки — по признаку найма рабочей силы. Все хозяйства при этом были разделены на 3 группы: 1) хозяйства с применением найма; 2) хозяйства, имеющие подворников; 3) хозяйства, в которых имелись только члены семьи дворохозяина. Разбор итогов этой группировки можно было бы провести с теми же приѐмами анализа и по тем же показателям, как это сделано в отношении группировки по размерам посевной площади. Но так как результаты обеих груп-

пировок в общем совпадают, то оказывается достаточным остановиться лишь на окончательной сводке итогов второй группировки.

При этом автор прибег к следующему способу обработки относительных величин: сперва были вычислены удельные веса каждой из трѐх групп хозяйств по всем показателям ревизских сказок (т. е. по размеру семьи, по числу подворников и работников, по государевой пашне, по посеву, скоту и т.д.). Затем в качестве основы был принят удельный вес хозяйств по числу членов семьи и по этой основе исчислялись отклонения удельных весов всех прочих показателей. Таким образом, для всех показателей был установлен коэфициент отклонения их удельных весов от удельного веса членов семьи и выражен в процентах. Разумеется, в зависимости от целей анализа за основу можно брать любой другой показатель, например, удельные веса посевной площади или количества скота

В таблице 35 приведены результаты расчѐта по указанному методу.

Таблица 35

Группы пашенных крестьян по найму рабочих	Удельный вес по числу членов семьи	Показатели отклонения удельного веса									
		Члены семьи	подверни ки	работники	государева пашня	посев хлебоз	лошади	крупн. рог. скот	заготовка сена	сдача хлеба	продажа хлеба
1. Хозяйства с наемной рабочей силой	36,1	100,0	168	275	112	120	112	118	117	117	150
2. Хозяйства с подворниками	25,7	100,0	150	2[2]	100	92	95	90	99	94	83
3. Хозяйства только с членами семьи	38,2	100,0	1,6	0	90	86	92	90	85	88	65

Следовательно, 36,1% крестьянского населения было связано с наймом рабочей силы. Если принять названную величину за 100, то все остальные измерители хозяйства этой группы выразятся в числах больших 100. Например, показатель по посеву — 120 означает, что удельный вес посева этих дворов был на 20% больше, чем удельный вес этих же дворов по величине семьи. Показатели: 120 по посеву, 150 — по продаже хлеба, 112 по государевой пашне означают, что хозяйства этой группы,

[1] Этот коэфициент можно назвать показателем отклонения удельного веса.

[2] Один работник оказался в многосемейном складническом дворе, который по совокупности всех остальных признаков оказалось целесообразным включить во 2-ю группу.

сравнительно с величиной их семей, вели земледелие в более крупных размерах, в ещѐ большей степени продавали хлеб, но несли уменьшенное тягло.

Хозяйства с подворниками имели удельный вес по числу членов семьи — 25,7%, почти не нанимали работников к осуществляли производство в несколько меньших размерах, чем следовало бы ожидать, судя по числу душ в этих хозяйствах.

Хозяйства, в которых имелись только члены семьи дворохозяина, составляли по числу душ 38,2% и вели производство в ещѐ более суженных размерах, чем предшествующая группа. Особенно низкой оказывается товарность этих хозяйств, что и выражено показателем отклонения удельного веса, равного в данном случае 65.

Заметим, что крепостные, принадлежавшие пашенным крестьянам, никакого производственного значения не имели и использовались для мелких домашних работ и услуг. Это были преимущественно новокрещенные туземцы, чаше всего женщины и дети. Крепостные оказались случайным и временным явлением в развитии местного крестьянского хозяйства и полностью исчезли со второго десятилетия XVIII века. К тому же правительство относилось отрицательно к закрепощению туземцев Сибири.

В документах, содержащих данные о найме рабочей силы, почти не упоминается об условиях найма. Вероятно, главной частью оплаты были пища, одежда и кров, которые работник получал в семье хозяина.

Впрочем, можно напомнить, что посадские по крепостным записям 1711 года платили годовым работникам по 5 рублей. Из жалобы работника, крестьянского сына Василия Петрова сына Кыргызова на своего хозяина, киренского пашенного крестьянина Порфирия Максимова сына Брянского, у которого Кыргызов жил «в строшной работе» выявляется, что «ряжено» было 5 рублей 10 алтын за время «с Троицына дни до Филипова заговенья», т. е. с весны до середины ноября. Зимой работник был не нужен (Россыпь, № 17, св. 2, л. 66). Питался такой работник у хозяина. Государство платило гулящим людям за работу на устройстве мельницы по гривне в день. Монастырь выплачивал в первой четверти XVIII века мужчинам по 10-11 копеек за подѐнщину, женщинам 6-10 копеек, подросткам по 2 копейки. Но питание подѐнщик от государства или монастыря не получал.

В книгах крепостных записей наряду с регистрацией поручительств и договоров по подводной гоньбе отражались всякие имущественные сделки, например разделы дворов, завещания, покупка и продажа дворов, а также покупка дворовых людей и договоры найма рабочей силы.

Для примера ниже выписаны из книги крепостных записей Братского острога за 1715 год некоторые сделки, показываю-

шие порядок закрепощения людей и найма рабочей силы (арх. № 104, св. 11).

«1 января писана запись енисейцу, гулящему человеку Борису Соколову, что нанялся он в строшную работу у Василея Кузнеца с Филипова заговенья 1714 до Филипова заговенья нынешняго 1715 году. Найму по ряде взял 7 рублев».

«4 февраля писана купчая Брацкого острогу ясачному человеку, новокрещену Борису Иванову в том, что продал он, Борис, пашенному крестьянину Ивану Ермолину сестру свою родную, иноземку Шалтуну. Взял за нея 10 скотин».

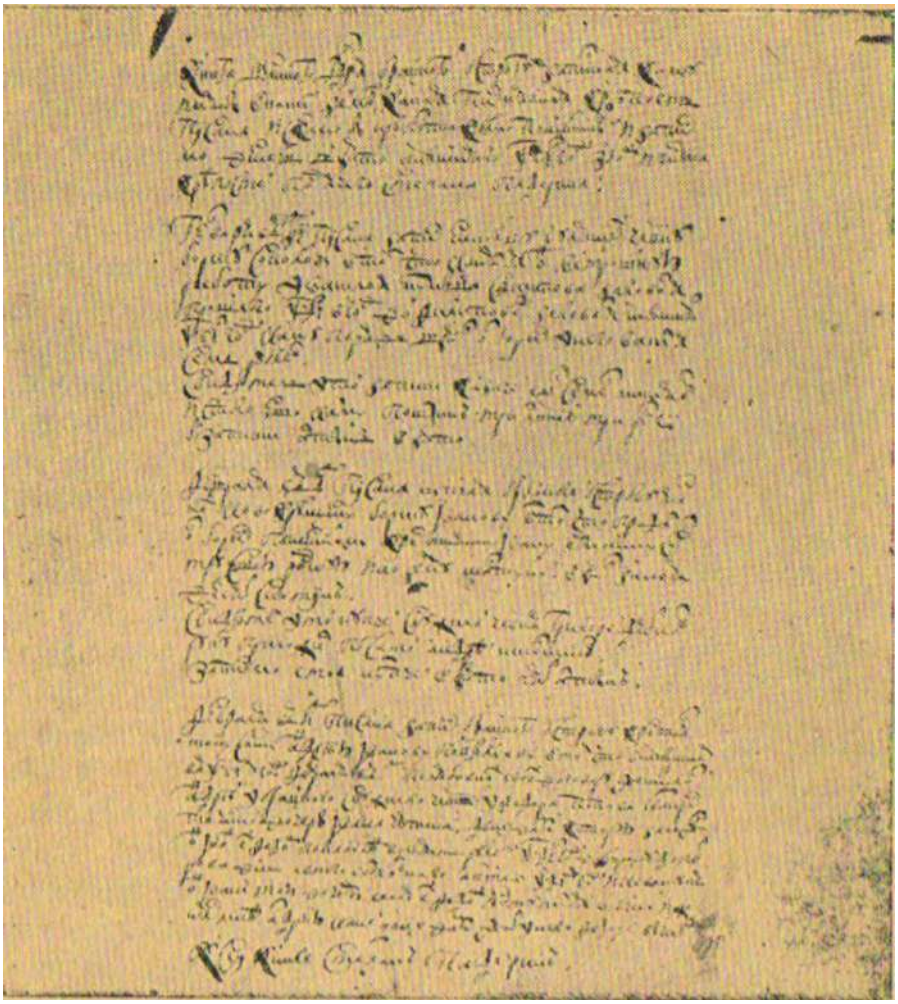


Фото 14. Начало крепостной книги Братского острога, 1715 год

«8 февраля писана запись Брацкого острогу крестьянскому сыну Андрею Иванову Поцелуеву в том, что в нынешнем в 715-м году февраля в ...день, по любовному своему договору женитца он, Андрей, у брацкого служилого человека у Федора Попова на крестьянской дочере Ивана Чюпина, девице Дарье, которую заложил он, Иван, ему, Федору, по кабале в 10 рублех 714-го году до сроку — до Петрова дни святого верховного апостола 714 ж году. И не выкупя он, Иван, тою дочерью своею ему,

Федору, поступился вечно. И женясь мне, Андрею, на сей девице Дарье, жить у него, Федора, вечно ж. А ему, Федору, тянуть за него Андрея, тягло — осмину десятины с отсыпным хлебом и с подводною гоньбою вечно ж».

«30 октября писана запись новокрещену Борису Иванову[1] в том, что нанялся он в строшную работу у пашенного у Микифора Трофимова октября с 26 числа 715-го году до октября ж по 1 число 716-го году. Найму рядил взять 4 рубли с полтиною».

В подобной же книге Илгинского острога за 1709 год записано 66 случаев найма рабочей силы (арх. № 95, св. 10. лл. 76-84, нумерация славянская). Наниматели — пашеннын крестьяне, один — монастырский поселыцик. Последний нанял 8 человек. Нанимающиеся — промышленные, т. е. гулящие люди. Срок найма или годичный или с начала года до октября. В записях обусловлена следующая оплата: по 3 рубля 5 случаев, по 4 рубля — 22, по 5 рублей — 17, по 6 рублей — 13, по 7 рублей — 1, по 8 рублей — 3, по 10 рублей — 1 случай. Один нанялся за 80 пудов ржи, ценою 4 рубля, трое получали оплату по 100 пудов ржи, исходя из цены — 5 рублей за 100 пудов. Значит, пуд ржи в договорах оценивался в 5 копеек.

Таковы данные о применении наѐмного и несвободного труда в крестьянском хозяйстве Илимского воеводства. Происходило формирование буржуазных отношений в крестьянстве, процесс, который в условиях образующегося хлебного рынка неизбежно подвѐл к открытым воротам зажиточные крестьянские дворы, откуда начинался путь превращения их в кулацкие хозяйства.

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Крестьянское землепользование в Илимском воеводстве покоилось на очень простой основе: двор получал в бессрочное пользование все необходимые для ведения хозяйства угодия, в соответствии с трудовыми возможностями семьи.

Техника измерения и межевания земель заключалась в следующем. Для производства работ уполномочивался какой-нибудь служилый человек, очень часто приказчик. Взяв с собой понятых — пашенных крестьян, не заинтересованных в решении дела в пользу какой-нибудь стороны, уполномоченный в присутствии сторон производил «доезд», т. е. осмотр участка, а если требовалось, то и измерение с установкой межевых знаков. Земля промеривалась верѐвкой, саженями. На углах участка пахотной или сенокосной земли ставились столбы, причѐм в ответственных случаях в выкопанную для столба яму засыпался уголь. На столбе делались затѐсы, дававшие направление грани или ставился крест, верх столба стѐсывался и получался меже

[1] См. запись о нѐм от 4 февраля.

вой знак, «заграненный крыжьем». Если вместо столба можно было использовать какой-нибудь другой предмет, например пень, камень, дерево, то грани устанавливались по ним. Пользовались для описания участка и межами соседей и кустами (берèзы, таловый куст, черемуха), изгородями, рекой, бором или горой, как опорными пунктами межевания.

Однажды сам воевода производил межевание крестьянских земель. Это был Качанов. Во время объезда всех деревень воеводства в 1699-1700 годах он произвèл отвод земель, восстанавливал старые грани и межевал заново в десятках селений. В случае спорного дела при межевании и установке межевых знаков должны были присутствовать все заинтересованные крестьяне, имена которых заносились в описную книгу.

В 1649 или 1650 году в дер. Переголчиных, Нижне-Илимской слободы, были установлены грани при поселении там пашенных крестьян. Видимо, много лет никаких споров между ними не возникало и грани были забыты. Когда около 1693 года начались споры, стали искать и нашли старые грани. С приездом Качанова в эту деревню были восстановлены прежние межи. Вот как записано об этом деле в «Описной книге» 1699-1700 годов: «...сыскали (Панкратьев и Перетолчин) подлинные прямые грани в лесу, которой ельник словет колок... А на нижном конце Васькина и Стенькина поля — старая грань на лиственице: вырублены 2 креста; один крест к реке Илиму, а другой крест к черному лесу, через поле. А от того колка и от лиственицы, к бору прямо, были березы и пенье березовое есть и лежачая межевая береза, а на ней две тесины. А от того, прямо в бор, старая грань на сосне и та сосна с одну сторону была подрублена и от ветру повалилась. А на пню и ныне знать старые вырубленые 2 креста: один крест к колку и к загранêной лиственице, а другой крест прямо к бору. И на тех старых загранêных лиственицах и на сосновом загранêном пню учинены новые грани и кресты. А старые грани не порчены — впредь для спору. А от колка и от загранêные лиственицы, прямо к бору, через поле к загранêному сосновому пню земля отмежевана и по межеванью борозда проведена»[1].

Приведèм ещè примеры межевания — и мелких участков, когда выбор межевых знаков ограничен и более крупных, при обходе границ которых можно широко пользоваться естественными рубежами.

26 мая 1709 года пашенный крестьянин Верхне-Киренской слободы П.Ив. Овчинников, пахавший в Юксеевской деревне, жаловался на своего соседа Ив.Ив. Пахорукова большего, что последний «перепахал пахотной моей отводной земли. И с меж колья перенес он, Иван, самосильно в мою пахотную землю, мерою: поперешника 4 сажени, длиннику 20 сажен, да овошного

[1] Сибирский приказ. Книга 1227, л. 147 об.

огороду: длиннику 18 сажен, поперешника 4 сажени». Воевода на этой челобитной сделал надпись: «сыскать и допросить».

4 июня того же года И. Пахоруков был «сыскан» и в допросе сказал, что он землю соседа не перепахивал. Тогда воевода, видя, что дело запутывается, дал наказ приказчику Щегорину — «дозрить» землю у всех крестьян этой деревни. П. Щегорин пригласил из дер. Полоротовской четырѐх пашенных крестьян и с ними выехал в дер. Юксеевскую. Там они осмотрели перепаханную землю, расспросили соседей и установили, сколько чужой земли пахал самовольно Пахоруков. А так как разграничение земли было неточное, не соответствовавшее тяглу, то приказчик и понятые произвели замеры пашен и покосов и отмежевали крестьянам «по тяглом их, по жеребьям», т. е. по жребью в соответствии с величиною тягла. В результате доезда была составлена «межевая роспись», подписанная всеми пятью мерщиками. К росписи приложены показания юксеевских крестьян о нарушении Пахоруковым земельных прав Овчинникова. Вот начало этой межевой росписи:

«Роспись пахотной земле и полосам и сенным покосам. В верхном поле, с нижново конца от изгороди по верхному концу полосы, от заграненого столба, а с нижного конца — от заграненые сосны по обоим концам полосы Фирса Москвитина, мерою длиннику к реке 35 сажен с полсаженью, поперешника 42 сажени.

А от вышеписанного столба к горе, подле изгородь, полоса Прохора Аксамитова до заграненого столба, а от того столба подле гору и подле изгородь, мерою длиннику 42 сажени, поперешнику у вышеписанной полосе Фирса Москвитина к реке — 35 сажен.

А от Прохоровой полосы и подле ево Фирсовой полосы другая ево Фирсова полоса, вверх же, мерою: длиннику 82 сажени, поперешнику 37 сажен. На меже — на нижном конце — пень лиственичной, на верхном конце — на меже — сосновой пень, загранены крыжьем.

А подле той ево Фирсовой другой полосы, вверх ж, полоса Богдана Чарошникова, мерою: длиннику 70 сажен, поперешника 16 сажен с аршином. На нижном конце — на меже — столб, загранен, на верхном конце заграненая береза».

Такое описание дано и для всех остальных пахотных участков, далее идут описания границ покосов.

Конец этого спорного дела оказался мирным. Овчинников и Пахоруков помирились, причѐм земля, самовольно распаханная Пахоруковым, осталась за ним, за что он обязался оплатить расходы и пошлины и выдать Овчинникову 2 рубля с полтиною. В обоюдном заявлении воеводе они просили записать их мировую челобитную. При этом Овчинников обязался «перепаханную землю по нем, по Иване, впредь не спрашивать и великому ца-

рю не бить челом и не отыскивать и друг друга в том ни в чем не убытчить» (арх. № 92, св. 9, листы 244-245).

Большие землеотводные работы были проведены в 1703 году в Бирюльской слободе. По доезду Дмитрия Сюсина, приказчика этой слободы, «со старожилы и бирюльскими пашенными крестьяны», в числе 4 человек и с челобитчиками, он производил в апреле 1703 года отграничение земель нескольким просителям. В доезде, посланном на утверждение воеводы, записано, что земля отведена Вахрамею Яковлеву, «межи учиня на вершине ключа, на камени, прямо; на дву лиственицах крыжи натесаны и с полуденную и с сиверную сторону, а от тех лиственниц прямо в гору; за бирюльскою большою проезжею дорогою в гору, на мысу на одинакой большой лиственице на одной скверной стороне загранено 3 рубежа да крыж; а от тое лиственицы прямо к Бирюльской слободе до лиственицы, на которой лиственице загранено крыж». Такое же описание сделано и для другого участка.

Несколько позднее на этих же землях происходил новый доезд Ив. Роспутиа, так как воевода заподозрил неправильности в доезде Дм. Сюсина. Роспутин 20 мая произвѐл новые обходы границ и подробно, пополосно описал межи. В его доезде встречается выражение «до темного лесу». Там же он ссылается на чертѐж. Ссылка эта не единична, и в другом месте того же дела записано — «в отводе и в чертеже».

Описания были настолько обстоятельны и межевые знаки так ясны, что споров о границах по причине их неопределѐнности не возникало. Некоторые участки нетрудно было бы по этим описаниям отмежевать сейчас, в XX столетии, восстановив былые грани. Как образец такого описания приведѐм из того же дела 1703 года доезд В. Воронецкого в Илгинской слободе: «От Коченские межи до березового колка на низ подле Кочень до лиственишного колку, а от лиственишного колку на лиственишный пень, а от пня прямо на уское озерко — на верхную изголовь, а от того озерка на другое такое же озерко — на нижнюю изголовь, а от озерков прямо столпом поперег лугу к Илге реке на поперешную протоку, которая протока промеж большими островами, а против тое поперешные протоки за рекою Илги реки высокой частой листвяг».

Несомненно, местные жители легко узнают описываемый участок.

Наделение крестьян землѐй производилось воеводой или по его поручению приказчиком индивидуально для каждого двора, что оформлялось «даной». Такой порядок применялся и к одно-дворным и к многодворным деревням. Общим оказывался в последнем случае только выгон при самой деревне. Пашни и сенокосы находились в постоянном и личном пользовании[1]. Если в

[1] Впрочем, сенокосы иногда выделялись нескольким дворам «вопче», см., например, Сибирский приказ, книга 319, лл. 148-154, опись заимок Чечуйского волока 1653 года.

деревню поселялся новый двор, то никаких переделов земли не производилось, а выделялся свободный участок «порозжей земли». Но могло случиться, что пригодных к распашке свободных земель в данном селении не оказывалось, тогда селящийся обычно становился не пашенным крестьянином, а обротчиком. Он мог пользоваться свободными землями соседей, по соглашению с ними, или теми клочками, которые не входили в надел крестьян и не образовывали полноценного надела. Обротчик получал лишь право пользоваться выгоном своей деревни. Впрочем, обротчик мог претендовать на отрезку земли у того крестьянина, площадь земли которого не соответствовала размеру тягла и являлась «залишечной». Однако и в этом случае отрезались не мягкие обработанные пашни, а лишние «заложные» земли и сенные покосы.

Размеры надела в десятинах никогда не указывались. По ряду косвенных показателей можно считать, что на двор давалось около 8-12 десятин пашни, 15-20 покоса, 1-2 выгона и ½-1 десятина усадьбы. Такой надел обусловливался обработкой 1 десятины государевой пашни или платежом 8-12 четвертей ржи в государеву казну. При меньших наделах соответственно уменьшался и платèж. Если пашенный крестьянин строился на отведѐнной ему земле один со своей семьѐй и создавал таким образом однодворную деревню, то порядок использования угодий зависел только от него самого. Ни воевода, ни приказчик, ни мир не вмешивались и его хозяйственные и агрономические дела и предоставляли ему право пенять на самого себя, если он допускал ошибки в использовании земли.

Другое дело, когда крестьянин имел соседей. В этом случае возникали многие вопросы о совместном использовании выгонов, о разделе сенокосов, о правильном распределении некоторых пахотных участков как по размеру площади, так и по качеству и по расположению их. В большинстве случаев эти вопросы разрешались полюбовно, однако нередко требовалось вмешательство воеводы.

По «Описной книге» 1699-1700 годов можно достаточно ясно восстановить основы крестьянского землепользования. О чугуевских крестьянах воевода в этой книге отметил: «И те вышеписанные пашенные крестьяне (6 дворов) и обротчик в той Чюгуевской деревне пашни пашут пополосно, а дворами живут подле озеро. Да у них же, пашенных крестьян, над тою ж Чюгуевской деревне на горе, прямо — гарь, и на той гаре пашут они пополосно... А сена оне, крестьяне, на той своей земле ставят по тяглу: в лугах, по полям меж пахотных мест и подле озер и болот и подле Лены реки, по берегам». Границы землепользования были здесь установлены в 1678 году и при проезде воеводы возобновлены по просьбе крестьян. При этом вновь копались ямы, в которые были всыпаны «уголья».

В следующих двух деревнях, выше по р. Лене — в Грицковой и Банщиковой «пашенные крестьяне пашут пашни в полях смежно и пополосно. И сена косят меж пахотных мест и подле Лену реку, по берегам. А спору и челобитья об межах Грицковы и Банщиковы деревень у пашенных крестьян никакова не бывало.»[1] В следующей деревне, Горбовской, крестьяне пользовались землями по раздельной записи 166-го (1658) года: «И те вышеписанные Горбовские деревни пашенные крестьяне пашни пашут в лугах смежно, пополосно. И сена ставят на тех же лугах, меж пашен, около озер и болот и подле Лену, по берегу».

В Микулинской деревне порядок землепользования не вызывал спора со времени его установления, т. е. с 1658 года.

Зато в нижележащих деревнях — Подъельнишной, Половинной (или Половинкиной) и Подкаменной возник спор о границах, установленных в 1683 году. Воевода учинил здесь новые межи. Но между крестьянами однодеревенцами согласие не нарушалось. «А пашут они, крестьяне, в Подъельнишной деревне пашню в лугах смежно, пополосно. И сена косят в лугах же меж пахотных полос и по логам и подле озера и подле Лену реку, по берегам». То же записано и о деревнях Половинной и Подкаменной, только добавлено, что косят около кустов.

Воевода и здесь восстановил старые межи. «И по тем межам вновь выкопаны ямы и уголья всыпаны. И по тому межевому месту им, половинным и подкаменным крестьяном, велено поставить огород межевой, плотной — пополам... чтоб от скота хлебу протравы и истери и меж ими впредь спору и челобитья не было». При размежевании земель присутствовали все дворохозяева обеих деревень. «Да у них же, Подкаменные деревни крестьян, против их дворов, прямо за Леною рекою, пахотной и сенной лужек. А владеют они тем лушком, и пашни на том лушке пашут и сена ставят по отводной прошлого 158 (1649 или 1650) году. А отведен тот лужек к прежней их Подкаменной деревне в прибавку. А поскотпнного выпуску у той Подкаменной деревни малое число. И по полюбовной записи 199 (1691) году они, крестьяне, скот свой на Закаменскую деревню к пашенным крестьянам в поскотину пущают вместе. И огороды они, подкаменные крестьяне, з закаменскими крестьяны круг поскотины городят по той записи пополам. И скот в той закаменной поскотине ходит у них вопче».

Далее следует деревня Алексеевская, где в 1699 году считалось 5 дворов. «А пашут они, крестьяне, тое Алексеевскую заимку[2] в полях и по островам смежно и пополосно. И сена косят на тех же лугах и по островам меж пахотных мест и по логам и подле Лену, по берегам. И скотинной выпуск от тех их дворов огорожен в тех же полях и в суземье, в бор».

[1] В книге Сибирского приказа за № 1227, лл. 1-256, имеется полный текст этой переписи, с незначительными отклонениями в редакции слов и фраз.

[2] В книге про крестьян деревни, состоящей из 5 дворов, сказано, что они пашут «тое Алексеевскую заимку». Вероятно, первоначально, до 1663 г. эти земли принадлежали какому-то Алексееву или Алексею.

Приведѐнные выдержки из «Описной книги» дают возможность судить о многих важных сторонах крестьянского землепользования: 1) о разделе земель между деревнями по отводным записям, которые выдавались воеводами, а также по полюбовным соглашениям самих пашенных крестьян; 2) об использовании пашни «смежно», когда надел крестьянина находился в одном месте и смежествовал с такими же наделами соседей, и «пополосно», когда пашня делилась между крестьянами черезполосно, с таким расчѐтом, чтобы каждый имел доли в различных по качеству участках; 3) об огораживании поскотин, представлявших выгоны общего пользования всех односельчан или даже крестьян двух соседних деревень; 4) о расположении сенокосов; 5) об использовании гарей.

В то же время документ даѐт лишь общее, притом неполное представление о других сторонах землепользования и опускает многие важные детали.

Наиболее полно и подробно вопросы землепользования отражены в деле 1703 года (Россыпь, № 18, св. 2). Оно имеет внизу славянскую нумерацию листов с 51 по 189 и охватывает Ново-Удинскую, Яндинскую, Орленскую, Илгинскую и Бирюльскую волости. Очевидно, утерянные первые 50 листов содержали дела Илимских и части Ленских волостей.

Примером того, как возникали споры и как они решались воеводой, может служить челобитье Пяткова и Попова. В 1667 году им была отведена земля в д. Закорской. В 1670 году крестьянин Пыпа снял у Пяткова часть тягла, в 1691 году Безносов снял у них другую часть тягла, а жил до этого времени, с 1665 года, в Усть-Илге, на пашне. В 1701 году Безносову и Пыпе отводится лишняя земля, оказавшаяся у Пяткова и Попова. В челобитье 1703 года оба последние крестьянина сообщают, что «в прошлых годех пахали мы, сироты твои, с ними — Алексеем и Григорьем (т. е. с Безносовым и Пыпой) тое землю полюбовно и пополосно» и что в 1701 году у них отрезали излишки неправильно. В заключение они просят, чтоб «тое прежнюю общею нашею распаханною и заложною землею и... сенными покосы... розделить (с Безносовым и Пыпой) пополам и пополосно». После разбора дела воевода поручил приказчику Илгинской слободы Ивану Роспутину взять понятых и разделить землю «пополам на 2 пая: челобитчиком — Семену Пяткову и Осипу Дмитриеву (Попову) — половину, а прежним челобитчиком — Алексею Безносому и Григорью Пыпе — другая половина».

29 мая 1703 года Иван Роспутин, взяв 5 пашенных крестьян в качестве понятых, разделил в присутствии сторон «их залишечную добрую и плохую, заложную и залежи и роспаши и сенные покосы, розделя им пополам, на два пая». В доезде Роспутина подробно обозначено, как осуществился раздел:

Первая полоса пахотной земли — А. Безносова и Гр. Пыпы; идѐт описание граней — «по Бойдону каменю» и т. д.

Вторая полоса пахотной земли — С. Пяткова и Ос. Попова; идѐт описание границ — «пень с суком» и т.д.

Третья полоса заложной земли — А. Безносова и Гр. Пыпы; «на развиловатую заграненую березу»...

Четвѐртая полоса заложной земли — С. Пяткова и Ос. Попова; идѐт описание граней.

Пятая полоса распаханой земли — С. Пяткова и Ос. Попова; «до заграненые лиственицы и до затеей»...

Шестая полоса распаханой земли — А. Безносова и Гр. Пыпы, «до розлогу, по розлогу вверх в гору»...

Кроме того, вниз по р. Тыпте «по любовному ж их договору им же розделено»:

Первая полоса залежи и заложной земли — А. Безносова, Гр. Пыпы.

Вторая полоса «заложной ж земли» — С. Пяткова и Ос. Попова.

Третья полоса распаханой и заложной земли — А. Безносова и Гр. Пыпы.

Четвѐртая полоса (не указано какой земли) — С. Пяткова и Ос. Попова.

Все границы этих полос в доезде подробно описаны.

Сенокосы также были разделены на 2 пая и границы их описаны. При этом было указано, что «по любовному своему договору будут оне косить (эти сенные покосы, разделѐнные на 2 пая) переменяючись погодно».

Доезд подписали все участники его.

В этом споре, закончившемся, как почти все земельные дела того времени, соглашением сторон, обращает на себя внимание факт совместного пользования землѐй двумя дворами. Вполне возможно, что хозяйства Пяткова и Попова были складническими. Проследить судьбу их не удалось, так как в 1722 году, по которому имеется полный список крестьян, имя Попова отсутствует. Исчез к этому времени и Пыпа.

Другое земельное дело касается исключительно «залишечных» земель, о которых просит целый крестьянский коллектив. 2 июля 1703 года 11 пашенных крестьян Нижней Слободы сообщают, что отцам их была отведена земля в 1665 году и что «даная» на эту землю хранилась в церковной казне, где и сгорела при пожаре церкви. Они просят восстановить документ и кроме того передать им другие земли, за которые они будут платить оброк: «да в нашей отводной земле (т. е. в границах, отведѐнных им в 1665 году угодий) обыскалась пахотная земля по гарям... по дороге... по Илге реке». Кроме того, приказчиком было обнаружено 3 десятины «залишечных» сенокосов. Эти сенокосы крестьяне также просили передать им за оброк. В заявлении сказано: «А по полюбовному... договору и по зарушной скаске... те залишечные сенные покосы по паям делить им промежу собою невозможно для того, что на тех... покосах трава родитца местами и погодно». Поэтому они предполагают делить эти по-

косы «погодно, смотря по траве, — по паям и косить по розделу безсорно. А лишную пашенную землю они не розделили для того, что не успели, а делить они будут потому ж впредь — по паям и безсорно».

Ввиду ясности всего дела оно было решено воеводой в один день. Белая даная, т. е. подлинник нового документа, взамен сгоревшего была выдана представителю крестьян Винокурову (лл. 102-106).

Случалось и так, что пашенные крестьяне, имевшие полный надел, подыскивали новую угожую землю для пахоты или для сенокоса. Если на неѐ не было соискателей, то воевода передавал еѐ крестьянам как оброчную землю. Но нередко на такие земли находилось несколько охотников, имевших равные права. Задача разрешалась в этом случае путѐм предоставления лишних земель в качестве оброчных двум или нескольким крестьянам. Последние сами делили между собою оброчный участок и платили соразмерно доле каждого определѐнную величину оброка в виде ржи. При этом раздел пашни, а особенно сенокосов, мог производиться ежегодно, смотря по качеству травы. Должно заметить, что «залишечные» земли, отдававшиеся за оброк, не включались в площадь постоянного надела и могли передаваться другим соискателям, если последние «наддавали» к положенному на землю оброчному платежу обычно 1-2 четверти ржи в год.

Возникавшие между крестьянами земельные споры чаще всего касались именно этих залишечных земель, распоряжение которыми всегда оставалось за воеводой.

Группа крестьян просила передать им залишечные покосы и приисканные для расчистки земли: «Вели той залишечной землей и где около тех мест вновь под пашню земли и под сенные покосы приищем и розчистим, и с новыми розчистными логами и гари... владеть нам, сиротам твоим, всем вместе вопче и делить по тяглом и пополосно». За это они обязывались платить оброк. Воевода согласился с просьбой крестьян. Для отвода и раздела земли был произведѐн 30 мая 1703 года доезд, т. е. выезд на место приказчика с понятыми и челобитчиками.

При осмотре оказалось: «У нашенного крестьянина Прохора Маркова насеяно рожью к 1703 году... ¾ десятины, у него ж розчищено и спахано заложной земли впредь [к] 1704-му году ¾ десятины. У пашенного крестьянина Семена Аникиева Попкова росчищено и спахано заложенной земли впредь [к] 1704-му году ¾ десятины. У Василея Ожегова спахано и посеяно было в прошлом 1701-м году ржаного хлеба ¾ десятины... да вновь росчищено и спахано заложной земли впредь к 1704-му году десятина. У новопашенного, у Якова Емельянова сына Козлова, розчищено и спахано заложной земли впредь к 1704-му году ¾ десятины ржаные».

Крестьяне в полюбовном соглашении записали, что залишечные сенокосы будут делить «погодно, смотря по траве», а пахотную землю разделят «безспорно» (лл. 142-145).

Остальные дела и споры этого, крайне интересного сборника начинались и заканчивались примерно так же, как и приведѐнные дела. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы о. так называемой отъезжей пашне и пашне наездом. По этим терминам и по содержанию, которое скрывается за ними, в литературе шла длительная дискуссия.

Первое дело, лл. 92-99, заключается в следующем. Пашенный крестьянин Ю.Ст. Мельник пахал в д. Константиновской и, кроме того, имел пашню в Знаменской слободе (расстояние между этими селениями 7-8 верст). Он в челобитной пишет: «И ему де, Юрью, на два двора жить некем и работных людей на ту отъезжую пашню за скудостью наймовать нечем». Так как он «остарел», а дети малы, то просит пашню в Знаменской слободе передать его зятю, промышленному человеку. Вскоре Ю. Мельник умирает и воевода передаѐт отъезжую пашню его зятю, а вторую пашню оставляет за детьми Мельника.

Второе дело (л. 185) касается просьбы бирюльского крестьянина, получившего в 1801 году землю «против четвертущика» (т. е. ¼ десятины тяглой земли), но недовольного тем, что сенокосы ему даны далеко от пашни. Он требует выдела сенокосов из лугов бирюльских крестьян. Последние были опрошены и заявили, что «на том месте у них, крестьян, лутчие покосы и сена ставитца де много, копен сот по шти и по семи. И того места ему, Григорью (челобитчику), на четверть будет много. А вповаль де они, крестьяне, ево, Григорья, к себе в покосы, в поскотину, в доль призывали. А он де, Григорей... отводные земли... для дального растояния не взял, потому что де от Бирюльской слободы та ево земля удалена будет верст с семь, и наездом де из Бирюльской слободы тое отводные новые пашни пахать ему, Григорью, невозможно».

В «Онисной книге» упоминаются отъезжие пашни пашенного крестьянина Григория Пушмина на р. Игирме, притоке Илима. «А пашет он тое пашню наездом, а ездит через гору с ылимские своей заимки».

Как следует заключить из этих выдержек, отъезжая пашня и пашня наездом обозначали в Илимском воеводстве одно и то же, а именно отдалѐнные поля, которые можно было обрабатывать посредством особых, очевидно, кратковременных выездов. Обрабатывать отдалѐнные пашни было под силу лишь богатым и многосемейным дворам.

Таковы главные основы крестьянского землепользования в Илимском воеводстве до начала XVIII века. Пашенный крестьянин получал в качестве надельных земель все виды сельскохозяйственных угодий в бессрочное пользование двора. Лишь выгоны были общими, все остальные угодья находились в индивидуальном пользовании и не подвергались переделам. Впрочем, некоторые дворы могли складывать свои хозяйства и нести общие обязанности перед государством и миром.

Переделам или добровольным разделам подвергались только так называемые залишечные земли.

За право пользования надельными землями крестьянин нѐс тягло, за пользование «залишечными» — уплачивал оброк. В соответствии с этим, выдельной или отсыпной хлеб всегда выступал как индивидуальный платѐж, а оброчный хлеб мог принимать форму коллективного платежа.

СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Под системой земледелия нужно понимать способ использования сельскохозяйственных угодий и в первую очередь пашни. Порядок использования земель не является произвольным, не приходит извне, а складывается закономерно под воздействием трѐх факторов: природных условий для сельскохозяйственного производства, уровня земледельческой техники и общественных поземельных отношений.

Ко времени зарождения на Илиме пашенного дела в коренной Руси прочно сложилась трѐхпольная система земледелия, в рамках которой осуществлялось производство как крестьянских, так и помещичьих хозяйств.

Общественные отношения и техника земледелия Руси к этому времени уже приобрели ту неподвижность, которой так хорошо отвечает трѐхполье. Ленин называет трехполье консервативнейшей системой земледелия (Сочинения. Издание 2-е, том II, стр. 434).

Крестьянская экономика Сибири в это время находилась в движении, в некотором переходном состоянии, значит, система земледелия должна была быть более свободной, переходной. Поэтому трудно допустить, чтобы в Илимском воеводстве трѐхполье стало ведущей системой земледелия.

Трѐхполье предполагает непосредственное вмешательство земельной общины в порядок использования пашни каждым крестьянином. Но в Илимском воеводстве в рассматриваемое время земельной общины не существовало. Трѐхпольная система покоится на регулировании миром выпаса скота на жниве, на толоке и на озимях. А это — одна из причин перехода к позднему пару и принудительному севообороту. В Илимском воеводстве выпас скота осуществлялся на особых скотских выпусках, поэтому возможно было поднимать ранний и даже чѐрный пар и избежать принудительной смены чередуемых культур. Трѐхпольная система предполагает поравнение земельных наделов по трудовым возможностям двора, отсюда делается необходимостью поравнительное землепользование с периодическими переделами. В Илимском воеводстве каждый крестьянин пахал «сам собою», как говорится в одном документе, или изредка объединял свои силы в складническом хозяйстве, поэтому отпадал принцип поравнения и связанные с этим переделы. Трѐхполье требует равенства ози-

мого и ярового клина, но в Илимском воеводстве не существовало и этого условия.

Таким образом, нужно притти к отрицанию трѐхполья, как законченной системы земледелия Илимского воеводства, и выражения, встречающиеся в пашенных книгах: «посева в поле столько-то, а в дву потому ж», рассматривать как традиционную форму письма, занесѐнную сюда подьячими. Трѐхполье здесь могло встречаться как технический, частный случай, подчинѐнный другой системе хозяйства.

Уже одно соотношение между яровыми и озимыми, равное 1:4,5, говорит о невозможности построения обычного трѐхпольного севооборота, т. е. схемы: пар-озимь-ярь. Невозможно при этих соотношениях и иное построение трѐхполья, впоследствии зародившегося в Киренском уезде, именно: пар-ярь-ярь, как невозможно и трѐхполье типа: пар-озимь-озимь, имевшее место в Германии средних веков. Последняя комбинация не осуществима в широтах Илимска по климатическим условиям, вследствие совпадения времени посева и уборки озимых. Наконец, можно указать, что 34 хозяйства из 280 имели в посеве лишь озимую рожь и коноплю. Полеводство таких хозяйств могло строиться только в форме двухполья, причѐм конопля, разумеется, размещалась вне полевого севооборота. Значит, ни одни из вариантов трѐхполья, как основной системы полеводства, не был возможен в Илимском воеводстве XVII и начала XVIII века.

Остаѐтся единственный путь для основного чередования — это двухполье вида: пар-зерновые. При этом зерновое поле неизбежно превращалось в сборное. Эта система не исключает того, что на отдельных участках по озимым могли итти и яровые. В таком случае основное чередование: пар-озимь могло пополняться чередованием пар-озимь-ярь или даже пар-ярь-ярь. К этому выводу можно притти и другим путѐм: под озимь необходимо выбирать участки с более лѐгкими почвенными разностями и обязательно с ровным и достаточно глубоким снежным покровом, не выдуваемым ветрами в течение всей зимы, а для пшеницы и ячменя — более тяжѐлые суглинки на открытых местах. А эту задачу можно успешнее решить, имея основной посев в двух участках: I) пар-озимь и 2) пар-яровое или пар-ярь-ярь. Если условия увлажнения и характер почв позволяли возделывать озимые и яровые на одном участке, то в озимом клине размещались и яровые посевы.

Можно приблизительно представить возможное соотношение между размерами пашни в двух-и трѐхпольном севообороте, если допустить, что продовольственные хлеба, т. е. рожь озимая, пшеница и ярица размещались по пару, а кормовые, т. е. ячмень и «вес, а также горох — по жнивью. Можно сделать и другое предположение, именно, что ячмень, как это вероятно, и было в действительности, шѐл по пару вместе с продовольственными хлебами. Расчѐты по обоим вариантам приведены в таблице 36. Пло-

щади посева, взятые из ревизских сказок 1722 года по 7 волостям, округлены до целых десятин.

Итак, судя по структуре посевов, двухполье занимало ¾, а скорее всего — $^5/_6$ всей пашни. В системе трѐхпольного севооборота не могло быть более $^1/_6$-$^1/_4$ пашни. Поэтому удельный вес пара должен был быть высоким, близким к половине обрабатываемой земли.

К сожалению, не имеется материалов для такого же расчѐта по остальным волостям Илимского воеводства, но можно предположить, что в Киренской и особенно в Чечунской волостях, судя по заготовкам хлеба, доля трѐхполья поднималась над средним уровнем. Что же касается других волостей, то там не были никаких новых обстоятельств, которые отклоняли бы серьѐзном соотношения между двух-и трѐхпольным хозяйствами от средних величин, вычисленных выше.

Таблица 35

Севообороты	Первый вариант				Второй вариант			
	десятин			Удельный вес севооборотов, %	десятин			Удельный вес севооборотов, %
	пар	посев	Итого пашни		пар	посев	Итого пашни	
Двухполье	729	729	1458	74,9	837	837	1874	83,7
Трѐхполье	103	326	489	25,1	109	218	327	1
Итого	892	1055	1947	100,0	946	1055	2001	100,01
Удельный вес пара и посева, % .	45,8	54,2	100,0	—	47,3		100,0	— 1

Однако, говоря о трѐхполье в Илимском крае, не должно упускать из виду, что оно являлось здесь чисто техническим приѐмом возделывания, но не системой земледелия, какой оно выступало в средней России. Системой земледелия Илимского воеводства было двухполье с начатками трѐхпольного чередования на отдельных участках.

В связи со сказанным возникает вопрос о переложной системе земледелия. Материалы Илимского воеводства не дают основания для заключения о наличии переложной или залежной, или лядинной системы. Переложная система с еѐ разновидностями может возникнуть при условии лѐгкости освоения новых пашенных земель. Но залесенная горная местность ставила непреодолимые препятствия для быстрого освоения больших площадей, и допускала лишь медленное внедрение в тайгу земледельца, дорожившего каждым отвоѐванным клочком пашни. Оставленное

несколько лет поле неминуемо заселялось древесной порослью. Лес не неподвижен. С силой стихии он беспрестанно обсеменяет лоскутки пашни, и горе земледельцу, если он не тронет порослевых или семенных насаждений леса на его полях. Тайга быстро залечивает раны, нанесѐнные ей топором и сохой хлебопашца. Если еѐ жгут, гибнет лес, но ещѐ не возникает пашня. Пройдѐт несколько лет, и тайга продвинет на гари новые насаждения, может быть только других лесных сообществ, а через несколько десятилетий восстановит тяжѐлую хвойную растительность. Ещѐ и теперь по Ангаре и по Илиму можно встретить яркие картины успешного наступления леса на пашни. Лес наступает концентрически, сжимая осветлѐнное место вначале старыми деревьями, затем кольцом 20-30-летних деревьев, посылая вперѐд самую юную поросль. Поэтому приѐмы переложной системы, столь оправдывающей себя в степи, нельзя переносить на горно-таѐжную местность.

Освобождѐнные от леса суглинки при двухполье могли давать десятки сборов хлеба без серьѐзного истощения; они совсем не похожи на лѐгкие боровые почвы из-под сосны.

Вот почему система земледелия Илимского воеводства не могла основываться на залежи. Всякая освоенная земля навсегда, если еѐ не забрасывали, включалась в двухпольное чередование. Размеры пашни лишь медленно пополнялись новыми ресурсами, какими были лесные пространства.

Двухполье оказывалось удобной системой и при включении в пашню новых площадей. На них устанавливалось простое чередование и не требовалось перестраивать структуры посева, что неизбежно при всякой другой системе полеводства.

Двухпольное хозяйство предопределяет в значительной степени и агротехнику. В основе еѐ лежит однократное использование пара. А пар позволяет вести успешную борьбу с сорняками и постепенно углублять пахотный слой. Илимские земледельцы не знали злейших своих врагов — осота и овсюга. Осот проник в эти места не более 100 лет тому, назад, а овсюг — на нашей памяти, около 30-х годов текущего столетия

В отношении пашни встречаются выражения, оттеняющие различные категории пахотоспособных площадей. Например, кроме общераспространѐнного и чаще всего употребляемого термина «пахотная земля», употреблялись слова: 1) распаханная земля или роспаши, т. е. площадь, находящаяся в обработке, под посевом и паром; 2) заложная земля или залог, очевидно залежь в современном значении; 3) залежи, вероятно обозначавшее дол-

[1] Осотом у нас называют и Cirsium arvense L., и C. serratuloides Fled. и Sonchus arvensis L., и S. oleraceus L. Здесь, понятно, речь идѐт о первом из них, как наиболее тягостном сорняке. Что касается Avlena fatua L., то он не был отмечен ни одним из исследователей флоры Предбайкалья, пока не стал бичом полей и особенно в северных районах Иркутской области. Не был упомянут он ни Я. Прейном, ни Криштофовичем, ни Дробовым, ни Ганешиным, ни Боровиковым, исследовавшими флору бывшей Иркутской губернии.

госрочную залежь или целину. Например, в одном из наказов приказчику предлагается разделить «тое землю добрую и плохую и заложную и залежи и роспаши». Странно, что слово пар совсем не встречается в крестьянских делах. Видимо, этот термин покрывался более широким обозначением «роспашь» или «паханая земля».

Очень редко, и то только в ранних документах, говорится об облогах или обложных землях. Слово облог, вероятно, было занесено из западных уездов Руси и, насколько можно судить по языку документов, крестьянами Илимского воеводства не употреблялось. Оно означало целины, заросшие мелким лесом и близко подходило к залежи.

В книге Чечуйского волока 1653 года, при описании земель вновь посаженных на пашню крестьян, сказано: «А отмерено им, двум человеком, добрые обложные земли от Малафейкова двора, вниз по Лене реке, 12 десятин, да по другую сторону Малафейкова двора, вверх по Лене реке обложной и переложной 10 десятин. Да лесом поросло, середние земли, 7 десятин. И обоего 54 десятины с полудесятиною»[1].

Всего на Чечуйском волоке 25 дворам на 15 государевых десятин (часть крестьян в 1653 году к распашке ещѐ не приступила) было выделено 449¼ десятины, в том числе имелось собственного посева крестьян 88½ десятины, паханой земли (видимо, пар) 79½ десятины, перелогу (залежь) — 47 десятин, обложной земли (удобной для расчистки под распашку) — 137 десятин и «лесом поросло» — 82¼ десятины. Сюда не включены паханая земля и неосвоенные площади на заимке «прозвище. Гребень».

Пашня могла располагаться среди леса, на естественных осветлѐнных полянах или, как тогда говорили, на еланях[2] — «сланная земля». На открытых пространствах лежали «пахотные лужки». Слово луг в те времена обозначало всякое открытое низинное пространство, независимо от способа хозяйственного использования его — под пашню или под сенокос. Этим оно отличается от современного значения слова «луг», прилагаемого только к сенокосу и реже — к пастбищу. Далее пашня могла занимать лесные гари, если этому не препятствовали плохие почвенные условия или сложный рельеф. Гари были упомянуты в «Описной книге», когда речь шла о Чугуевской деревне. Вообще о гарях в делах Илимского воеводства говорится очень часто, конечно, в связи с использованием их под пашни, реже — под сенокосы. Лесные гари являлись важнейшим источником увеличения сельскохозяйственной площади. Пригодные для земледельческого освоения гари нужно было предварительно расчищать от пней, корней и лесного хлама. В выписке приказной избы по коллективному челобитью крестьян Нижней Слободы Илгинской волости, между прочим, говорится, что по тутурской дороге «непахотной земли —

[1] Сибирский приказ. Книга 319, лл. 148-154.

[2] Слово, широко распространѐнное в лесных местностях Сибири и в настоящее время.

на правой стороне лог и гарь — розчистные земли... Да сверх того, заложной земли на том же разлоге и гаре будет под пашню десятин з девять... Логи и гари вновь почали розчищать». В даной, т. е. в отводном акте, по этому делу предписывается крестьянам эти земли «под пашню розчищать» (Россыпь, № 18, св. 2, лл. 102-106).

Два замечания о словоупотреблении в этой выдержке: «Непахотная» земля означает пахотоспособную непаханную землю, разлог — лог, или как теперь говорят в некоторых местностях Сибири — распадок.

Освоение лесных площадей под пашню производилось и посредством расчистки леса, с предварительным очерчиванием, т. е. окольцовыванием стволов деревьев.

Конечно, в первую очередь осваивались открытые места, но их было не так много. Для дальнейшего расширения, а во многих случаях и для первоначального поселения, приходилось расчищать под пашни, реже — под сенокосы, площади из-под леса. В делах Илимского воеводства упоминания об освоении лесных пространств под сельскохозяйственные угодия встречаются довольно часто и как о самом обыденном явлении. Предпринимая эту тяжѐлую работу, требующую от 100 до 200 дней труда на одну десятину, крестьянин должен был предварительно строго отнестись к выбору участка, который он собирался чистить. Надлежало оценить пригодность данной почвы для посева, глубину будущего пахотного слоя, расположение по высоте над уровнем долины и степень освещѐнности солнцем. Вовлечение в обработку новых площадей по необходимости происходило медленно и работа растягивалась на 3-5-10 лет.

«Описная книга» Качанова представляет своего рода сводку сведений о расчистке леса крестьянами. В дер. Закаменной «розчищают боровое место», в дер. Зыряновой крестьяне пашут в поле «и розчищают лесное место», в дер. Дѐмки Васильева «лесное место под пашню розчищают», в дер. Рыковой пашут «по еланям в лесных диких местех, розчищая пополосно». Ивашка Аверкиев в своей однодворной деревне «пашет... в диких же лесных местех, розчищая пополосно». Таким же способом осваивал земли и Киренский Троицкий монастырь: «...А от того Троицкого монастыря, от ограды, росчищено под пашню боровое лесное пещаное место к Никольской Киренской слободе, по обе стороны монастырской дороги... десятин на 20... Да в мысу ж вычищено по[д] скотинной выпуск около болот и озерок непахотные земли, десятины на три.., 4 островка лесные, и те лесные островка розчищая, косят сена на монастырской обиход». Поп Михаил Данилов (о его судьбе будет сказано позднее) в Киренской слободе, на гаре «пашет боровое песщаное лесное место, и вновь — х Киренге реке — под пашню росчищает». В деревне Андрюшки Чарошника киренские посадские люди выпросили половину острога «на роспашку под скотинной выпуск». В 1695 году Киренский монастырь «обыскал» у Чарошника лишний остров, Чарошник от-

ступился: «земля залишечная и ему де та земля не надобно и впредь в ту землю вступатца и бить челом он, Андрюшка, не будет». Эта земля была отдана строителю Иосифу с братией «владеть вечно и розчищать для сенных покосов». В Илимском остроге «над Нижним Илимским посадом, в горе, в услоне, за отводными огородными местами... отдано под пашню на росчистку боровое лесное место из оброку... илимскому посацкому человеку Екимку Микифорову». Даны подробные межи этого места общей площадью в 27 десятин. Микифоров должен был платить оброка с 1701 до 1711 года по 1 четв., ас 1711 года по 1 ½ четв. ржи, «потому что он, Якимко, те поросли ныне розчищает под пашню вновь». Но Якимко ошибся, он не был крестьянином и опрометчиво взялся не за свое дело. Места, о которых говорится в «Описной книге» и до сих пор под лесом. Там, впрочем, есть несколько освоенных клочков, часть которых снова заросла сосняком.

Можно упомянуть ещѐ хлебного обротчика Карпушку Арзамазова, деревня которого стояла на левом высоком берегу р. Илима. Он «пашет пашню в еланном месте и розчищает под пашню и под сенные покосы дубровое сланное лесное место вверх по Яре».

Значит, все, кто занимался земледелием, пашенные крестьяне, хлебные обротчики, посадские, монастыри и духовенство прибегали к расчистке новых площадей под сельскохозяйственное их использование. Это был громадный труд, неизвестный в лесостепной части Иркутской области и в большинстве районов Западной Сибири.

Выбрав место поселения на берегу реки или еѐ притока, вблизи от естественных сланных, т. е. осветлѐнных мест, пашенный крестьянин начинал в известном порядке осваивать близлежащие угодия.

Под пашню выбирались преимущественно южные или юго-восточные склоны, чаще всего в полугоре. Спускаться к самой подошве препятствовали ранние осенние и поздние весенние заморозки. Подниматься на вершины холмов или увалов оказывалось нецелесообразным вследствие усложнения обработки па высоких и более крутых частях рельефа, а также вследствие уменьшения пахотного горизонта и большей бедности органическими веществами повышенных элементов местности. Не сразу, конечно, был найден этот принцип выбора пашни, многие поплатились за то, что не прислушивались к безмолвному, но убедительному голосу природы. Но, ухватившись за елань в таком месте, крестьянин уже не отступал, а внедрялся в тайгу, медленно и методично отодвигая фронт леса.

В цитированном деле по челобитью Пяткова и Попова их заявление подкрепляется следующим аргументом: «А у нас, сирот твоих, на заимке пашенная земля осталась самая плохая и подле ключей и в низких подморинных местех, а им, Алексею и Григорью, отведена земля самая добрая горная и яланная».

Правильная оценка орографии при выборе пашни являлась своего рода пробным камнем сельскохозяйственной грамотности земледельца и входила непременной частью в неписанный агрономический кодекс илимского пашенного крестьянина. Этот опыт крестьянина следует учитывать и сейчас, особенно при выборе севооборотов для колхозов горно-таѐжной зоны. Различное место положение пашни на местности может в ряде случаев явиться основанием для введения в колхозе двух полевых севооборотов.

Можно привести много доказательств того, что в Илимском воеводстве больше всего ценили суглинки, особенно на склонах среди леса, так называемые лесные и нагорные елани. Но, вследствие недостатка их и трудности очистки площадей от леса, в ряде волостей, особенно по Лене, ниже Усть-Кутского острога, крестьяне расселялись на прибрежных луговых землях. Вот какую оценку таким землям даѐт воевода Оладьин:[1]

Усть-Кутская волость: «на каменных горах яланных и дубровных пашенных земель нет» (л. 213 об.). Верхняя Киренская волость: «пашенной земли мало и та земля боровая и песчаная и нехлебородная, а прибавить земли не откуд[а] (л. 219 об.)... земля луговая, наволочная, середняя» (л. 222 об.). Нижняя Усть-Киренская волость: «а в той деревне (Чугуевской) пашенная луговая плохая земля, меж пашенною землею озера и кочевник» (л. 224). «В той Гритцкинской деревне луговая наволочная пашня, плохая земля. И вешнею большею водою топит и тальником врастает» (л. 225). «А пашенная земля в той деревне (Пермяковской) луговая ж, плохая, с озерами, и тальником заростает, и кочевник» (л. 226). «Деревня на Половинной речке, луговая земля» (л. 226 об.). «А пашенная земля в той деревне (Подкаменной) плохая и низменная, водой топит и наносным льдом насаживает и озера заходили» (л. 228 об.). «А земля в той деревне (Закаменной) плохая, луговая», (л. 229). В дер. Москвитинской «земля луговая, а не еланная». По р. Киренге «луговая, плохая земля; и пешнею большею водою топит; и болота и кочевники по логам; и таловые кусты выростали; и пашенные земли мало; и еланных и дубровных и нагорных пашенных мест нет». Во всей этой оценке, преувеличенно подчѐркивающей плохое качество низинных луговых пашен, нельзя не расслышать голоса пашенного крестьянина, мнение которого невольно отражал воевода, объясняя Москве трудности земледельческого освоения горно-таѐжного края.

Понятно, одно местоположение участка не определяет ещѐ полностью всех его сельскохозяйственных качеств. Часто приходится на опыте подтверждать предварительную оценку земли. Такие опыты ставились и пашенными крестьянами Илимского воеводства. Сошлѐмся на челобитную илгинских пашенных крестьян Васьки Ожѐгова и выборного от пашенных крестьян чело-

[1] Сибирский приказ. Книга 633. Написание слов «заростает», иногда «зарастает», так же, как «розчищает» и «росчищает» дано по подлиннику.

битчика, пашенного же крестьянина Дѐмки Иванова (Россыпь, № 18, лл. 142-145). В частности они пишут, что «едучи по дороге бором на Тутуру по правой стороне логи и гари в лесных местех. И те логи и гари мы, сироты твои, с нынешнего 1702-го году почали вново для пашни розчищать и розчистили по четверти и по осмухе и по полосмухе десятины. И посеять на тех местех хотим мы, сироты твои, ржаного хлеба впредь для опыту». Могло случиться, что расчищенная земля для посева зерновых, именно для озимой ржи, оказалась бы непригодной. Тогда эти участки пошли бы под посев других культур, например овса и ячменя, или стали бы использоваться как сенокосные угодья.

Справедливо рассматривать всю сельскохозяйственную деятельность пашенных крестьян Илимского воеводства (и не только Илимского), как беспрерывный опыт, из которого выросли основы местной агротехники.

Надо полагать, что среди пашенных крестьян встречались подлинные знатоки земледельческого искусства. Их добрым советом могли пользоваться не только соседи-крестьяне, но и воеводы. Когда Сила Осипович Оничков, один из дельных илимских воевод, выискивал новые земли для поселения пашенных крестьян, он послал для осмотра и оценки сельскохозяйственной пригодности новых земель, как теперь бы выразились, комиссию и ввел в еѐ состав в качестве советника опытного пашенного крестьянина. Вот выдержки из его сообщения, доставленного в Москву 13 января 1672 года илимским казаком Кирюшкой Кирнаевым[1]: «Обыскал я, холоп твой, пашенные угожие луговые и нагорные елапные земли добрые... в вершине реки Илима и по сторонной речке Туне и за Ангарским верхным волоком, переехав с вершины реки Илима Ангарского волоку через хребет на реку Ангару[2], езду — за полднища и менып... обыскал... из диких пустых мест, лежат те земли впусте... между ангарскими речками двумя Яндами и на усть реки Уды и до реки Осы... и для дозору и сметы тех новых пашенных земель... по моему... приказу ездили с наказною памятью... пятидесятник Игнашка Бутаков с товарыщи да Нижные Илимские волости пашенный крестьянин, которому пашенные земли знать в обычай, Давыдко Петров». Пятидесятник «с товарыщи» и крестьянин ездили в названное места и «не меря в десятины, сметили... и мне доезду своево и по смете дозорную роспись подали за своими руками». В дозорной было записано, что на луговых землях и по нагорным еланям можно построить в пашню по Илиму и Туне больше 20 семей и за Ангарским волоком, вверх по Ангаре, до Идинского острожка — больше 50 семей.

Это, можно сказать, предистория нескольких селений Иркутской области, в том числе и с. Усть-Уды.

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 47-52.

[2] От современной дер. Кочерги на дер. Подволошную.

Применялось ли тогда удобрение полей? Вероятно, применяюсь, но не везде.

Сибирский приказ неоднократно указывал на необходимость унавоживания полей, в первую очередь государевой пашни. В грамоте 2 августа 1676 года предлагалось илимскому воеводе: «А в которых местех великого государя десятинная пашня выпахалась и хлеб родитца плох и на тое выпаханную великого государя пашню велено возить пашенным крестьяном навозы». Воевода Оничков отвечал: «А навозов земля не принимает, потому что навоз в земле и через год лежит, а не перегнивает». Но тут же, противореча сам себе, он признаѐтся: «а по досмотру в дачах у крестьян земли плохи и тундряные, не таковы, как русские и сибирские земли. А на новых заложных землях родитца доброво хлеба по два и по три. А после того на тех полях хлеб станет родитца плох и травян, потому что земли годы в четыре выпахиваютца»[1].

Крестьяне учли это обстоятельство и повели свое хозяйство по двухпольной системе, применяя в отдельных местах навозное удобрение.

Любопытный совет илимскому воеводе даѐт Пѐтр I в одной из очень немногих сохранившихся копий грамот: «А которые десятинные пашни выпахались, велеть, хотя в Сибири необычно, отнакож — изиавозить и приложить всякой промысл, и для большего собрания хлеба по верному и тщательному воевоцкому радению, присмотря, чтоб вместо овса по низменным пристойным местам севу б прибавить ячменного». Грамота заканчивается наставлением: «А сю нашу, великого государя, грамоту для частого прочитания и впредь для иных воевод велеть записать в приказной избе в тетрадь». Грамота датирована 14 декабря 1700 г. (арх. № 28, св. 3, лл. 391-392).

Имеются и другие, правда слабые, доказательства применения навоза, как удобрения.

Так Гурей Евдокимов из Илгинской волости в сказках 1720-1722 года упоминает, что «у них конопляники из году в год одне, без перемены». А это возможно лишь при их удобрении навозом.

По «Описной книге» Качанова Киренский монастырь в конце XVII века расчищал под пашню лесные участки: «И на росчищеное место возят навоз». В делах Киренского монастыри встречаются следующие записи в расходной книге казначеев Никифора Бельца и Ивана Попова за 1752 год: 21 июня — выдано четырѐм ребятам: возили назѐм в монастырь, «по 15 ден», каждом по 2 копейки — 1 рубль 20 коп.; 2 июля выдано П. Криворотову: разгребал назѐм на пашне, за 15 дней — 45 коп.; 6 июля выдано шестерым парням: возили назѐм на Хабаровскую заимку, 80 дѐн по 2 коп. — 1 рубль 60 коп.[2].

Эти записи говорят о крупных работах по унавоживанию полей. Обязанностью ребят являлась только возка навоза, а раз-

[1] Сибирский приказ. Книга 633, лл. 192-197.

[2] Фонд № 482, опись № 1, дело 15, св. 4.

брасывание его вели другие рабочие. Только по двум записям выплачено за 140 подѐнщин. Возможно, что каждый парень вѐл две подводы. Так как навоз от монастыря и Хабаровской заимки находился в очень близком расстоянии, не более 3-4 вѐрст, то за день можно было сделать 4-5 оборотов. Значит, свезено было на поля не менее 1000 возов.

Обратим внимание на время оплаты — конец июня, начало июля. Отсчитаем назад 15-20 дней, чтобы определить, когда начались работы, получим первую половину июня, т. е. по новому стилю середину, конец июня. А в это время навоз можно возить только на пары. Значит, шло удобрение паров, видимо, перед второй вспашкой.

Монастырское хозяйство ни по уровню техники ни по приѐмам земледелия не отличалось от крестьянского хозяйства. Только последнее не вело никаких записей и не могло оставить нам сведений о своей агротехнике.

Известно, что крестьяне северных районов Иркутской губернии в конце XIX века широко пользовались удобрением нолей, особенно в Киренской и в Братской волостях. Крестьяне других, более южных волостей Иркутской губернии, навоза почти не употребляли.

Трудно сказать, как велась обработка почвы. Судя по описям имущества, употреблялась только соха с двумя сошниками, примерно того вида, который описан Лосевым Так как пахались главным образом пары, то подъѐм их должен был итти всѐ лето, вплоть до уборки. Часто встречаются выражения: «а напахано им к предбудущему году столько-то десятин». Кроме деревянных борон никаких орудий по обработке вспаханного поля не употреблялось.

Озимь сеяли между 1 и 20 августа по современному стилю, яровые — между 5 и 20 мая. Рожь сеяли прошлогодними, а не сыромолотными семенами. Очищали семена, бросая их лопатами тонким слоем на току, используя разный удельный вес и различную парусность семян и примесей. О наличии решѐт для сортирования семян сведений не имеется. Известна тщательность, с которой крестьянин готовил семена.

Установление правильных норм высева семян является одним из сложных вопросов агротехники, так как эти нормы зависят не только от рода и качества семян, но и от многих, чаще всего локальных, факторов: времени, способа и глубины заделки семян, влажности почвы, высоты местности и еѐ географической широты, а также от цели возделывания данной культуры. Можно сказать, что до настоящего времени для большинства культур ещѐ нет научно обоснованных порайонных норм высева. Илим-

[1] Лосев. «Краткое описание земледелия Иркутской губернии», сочинение Иркутского Губернского землемера и члена Вольного Экономического общества, надворного советника Лосева в 1811 году. «Труды Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», 1813, в Санктпетербурге, ч. LXV, стр. 101-126. Здесь же дан чертѐж иркутской сохи.

ский крестьянин долгое время искал наиболее целесообразных норм высева в условиях горно-таёжной местности. Если проследить за количеством семян, высевавшихся на десятину в первые 70-80 лет существования илимской пашни, то нетрудно подметить два явления: 1) превышение норм высева яровых зерновых культур примерно в два раза по сравнению с нормами по озимой ржи, и медленное уменьшение этого соотношения ко второй четверти XVIII века; 2) переход от очень низких норм, особенно по озими, к очень высоким нормам высева.

Трудно сказать, что заставило илимского пашенного крестьянина проделать эту эволюцию с нормами высева: ухудшение качества посевного материала или усиление засорѐнности полей, или переход к более ранним срокам сева. Возможно, что действовали все три причины. Во всяком случае нельзя пройти мимо столь интересного опыта, тем более, что местные особенности были учтены илимским крестьянином совершенно верно, так как и до сих пор нормы высева в северных районах Иркутской области значительно выше, чем в лесостепной части еѐ и превосходят, примерно, в два раза нормы, принятые в степных местностях Западной Сибири.

Когда ссыльные черкасы в 1643-1644 годах переезжали из Енисейска в Илимск, то они взяли 2 четверти овса на десятину, т. е. по 8 пудов. По приезде на место черкасы получили по 5 пудов ржи на деесятину. Эта же норма — 5 пудов ржи применялась с 1641 года на государевой пашне близ Усть-Кутского острога. Видимо, крестьяне начали переоценивать эти нормы уже с конца 40-х годов XVII века, так как воевода Шушерин сообщал в Москву, что крестьяне, «сметя по тамошнему», сеют на заложную землю по четверти с осминою ржи, а на мякотную по 2 четверти. Овса уже высевали местами по 4 четверти, т. е. около 16 пудов на десятину. В объяснениях к смете по хлебу на 1656 год есть ссылка, что крестьяне в Усть-Кутском остроге распахали новые добрые земли и высевали на десятину по 2½ чети четверопудных, т. е. по 11 пудов, а в Илимских волостях по 2½ и 3 чети, т. е. по 11-13½ пудов на десятину.

Если проследить по хлебным сметам за выдачей семян из государевых житниц на тяглые десятины, то подтвердится та же

Таблица 37

Годы	Выдача семян на государеву десятину, пудов	
	ржи	яровых
1657	5,2	10,8
1658	6,5	12,7
1663	5.5	—
1677	5,6	12,5
1691	7,4	11,9

тенденция повышения норм высева. Следовательно, крестьянский опыт был воспринят и воеводами. В таблице 37 даны результаты расчѐта норм высева из смет, причѐм четверопудная четверть по ржи принята равной 4 пудам 23½ гривенкам, а по яровым — 4 пудам.

В 1699 году при переводе крестьян, сеявших по Тунгуске, т. е. по Ангаре ниже устья р. Илима, с выдельного на отсыпной хлеб, воевода Качанов указывал, что при этом будет достигнута экономия в государевых семенах в размере 8 четей полутора осмин с четвериком и с полчетвериком. Эти семена, в количестве 71½ пудов ржи, выдавались на 10 десятин. Значит, в это время норма выдачи на десятину составляла 7,2 пуда.

В первой четверти XVIII века нормы высева ещѐ увеличились. По показаниям крестьян Илгинской волости можно вычислить, что они в 1721 году высевали на десятину ржи 11 пудов и на десятину яровых 18 пудов. Около этих величин, но несколько ниже их, и установились крестьянские нормы. Они повышались для старых выпаханных пашен и понижались для чистых залежных земель.

Хлеб убирали серпами, видимо, крюков ещѐ не знали. Сжатый хлеб вязался в снопы, ставился в суслоны и обмолачивался на месте или в деревне. Здесь были гумна и овины для сушки, а рядом располагались скотные дворы, нередко крытые.

Такова система полеводства и связанная с нею агротехника. Правильный выбор местоположения пашни, высокий удельный вес пара, чистое от сорняков поле, хорошая очистка семян и местами навозное удобрение обеспечивали получение высоких урожаев, если не случалось непредвиденных погодных осложнений.

Под сенокосы назначались открытые северные склоны, главным образом их первая треть, но основные сенокосы располагались по долинам рек, речек и ручьѐв. Значит, возникала возможность создания отдалѐнных покосов, так как по речкам можно было сплавлять сено летом, а зимой перевозить по льду. Отсюда удивительное знакомство местных жителей с самыми мелкими речками и ручьями.

Оценка качества участка производилась не только в отношении пашни, но и в отношении сенокосов. В приведѐнных выдержках из «Описной книги» 1699-1700 годов хорошо показаны различные виды сенокосных площадей: по лугам между пашен, около болот и озѐр, на островах и по берегам р. Лены. В других делах упоминаются сенокосы по болотам, меж кочек. Но чаще всего отмечается, что сено косят по речкам и ручьям. Это относится главным образом к местностям, лежащим в долинах р. Илима, верхнего течения рек Лены и Ангары, где местность более изрезана.

Приблизительно соотношение между площадями пашни и сенокоса, как отмечалось, составляло по отводам 1:1. Но судя по ревизским сказкам, оно было значительно больше, что скорее

согласуется со структурой хозяйства пашенного крестьянина, чем надельные нормы. По сохранившимся частям сказок 1722 года посев без конопли составлял 1054 десятины, кроме того должно было иметься пара не менее 900 десятин. Значит, вся пашня равнялась округлѐнно 2000 десятин. Сбор сена по тем же материалам достигал 48700 копѐн, что соответствует 4800-4900 десятин сенокосной площади.

Следовательно, соотношение между пашней и сенокосами составляло 1:2,4. Это свидетельствует об очень крупном удельном весе животноводства. Иначе и не могло быть. Тяжѐлый груд в тайге связан с огромными затратами не только людской, по и конской силы.

Последующее развитие сельского хозяйства северных районов повело к резкому изменению приведѐнного соотношения В 1941 году в колхозах оно выражалось пропорцией 1:0,4, т. е. передвижка сопровождалась 6-кратным уменьшением доли сенокосов. Стремление расширить пашню часто приводило к неоправданной распашке лугов. Впрочем нельзя считать правильным для нашего времени то соотношение, которое было 250 лет тому назад.

Сено косили косами, видимо, главным образом косами-горбушами. Они завозились с Руси, но большей частью изготовлялись на месте. Сено металось в стога величиной по 30-40 копѐн, т. е. на 3-4 десятины при среднем сборе ставился стог сена. Размер стога можно установить на основании спора о сенных покосах между бирюльскими пашенными крестьянами и верхоленскими бурятами в 1708 году. В деле сохранился черновик письма в Москву, в котором излагалась суть дела и испрашивалось разрешение вопроса. Там упомянуто, что у Лариона Рыкова взяли 3 стога, числом 94 копны и 13 стогов, числом 466 копен. Таким образом в первом случае средний стог равнялся 31 копне, во втором 36.

Понятно, на мелких изолированных сенокосных участках ставились меньшие стога. Вообще мерой измерения стог не являлся и счѐт всегда вѐлся на копны. В делах Илимского воеводства почти всегда копны называются волоковыми. Это слово в современных северных районах совершенно забыто. Местные жители объясняют, что оно может происходить от слова волокуша. Но скорее всего оно происходит от слова волок, которое, по Далю, в Ярославской губернии имело значение низменности, поѐмного луга. Это вполне согласуется и с тем, что первые насельники происходили из северно-русских областей, в том числе и из Ярославской и с тем, что сенокосы располагались по берегам текучих вод. Качество такого сена очень неодинаково. Так, по речкам, например, по р. Казачьей (обозначенной и у Ремезова) господствует типичная высокотравная растительность из семейства сложноцветных и осоковых, с небольшими примесями злаковых. Напротив, по р. Илиму на притеррасовых поймах встречаются прекрасные разнотравные луга с значительной примесью бобовых и злаковых трав луговой и степной формации.

Выгоны были третьим звеном сельскохозяйственных угодий, образующих связное целое. В отличие от пашен и сенокосов, находившихся в единоличном пользовании двора по так называемым «даным» воеводы, скотские выпуски были угодиями совместного пользования жителей той или иной многодворной деревни. Это не значило, что распорядителем их являлся мир. Воевода при выдаче «даной» всегда указывал порядок использования выгона. Если это была однодворная деревня, то вопрос решался просто — двору выделялся и выгон. Если в деревню приселялся новый крестьянин, то воевода указывал, что этот крестьянин получает право пользования скотским выпуском «споваль», т. е. сообща с другими крестьянами.

Дворохозяева, имевшие скот, огораживали выгон общей для деревни поскотиной. Это делало содержание скота более безопасным и дешèвым и предохраняло близлежащие посевы от потрав. О существовании изгородей-поскотин часто можно узнать из дел о потравах. Например, в Усть-Кутском остроге в 1703 году был потравлен хлеб в суслонах скотом, прошедшим на поля через неисправную городьбу около воды. Изгородь, опускавшаяся с берега в реку, называлась воденикóм. «И горожен воденик з берегу в реку недалеко», — жалуется челобитчик, у которого пострадал хлеб, — «в 4 жерди, а как он, Иван (ответчик), послыша от него Григорья (истца) челобитья, тот воденик догораживал, в прясла по одной жерде прибавил и в реке две скамьи поставил». Дело кончилось довольно неожиданно: по заявлению пошли осматривать поскотину и обнаружили, что она неисправна как раз у челобитчика. Пришлось последнему совместно с Иваном по поводу мира писать «его императорскому величеству» мировую челобитную (Россыпь, № 14, св. 2).

В «Описной книге» 1699-1700 годов наиболее полно отражено это огораживание общих выгонов. Например, крестьянам деревень Половинской и Подкаменной было велено поставить огород «межевой, плотной, пополам», так как выгоны их граничили. Дер. Подкаменная находилась рядом ещè с одной деревней — Закаменной, крестьяне обеих деревень владели общим выгоном и «круг поскотины городят... пополам». В дер. Алексеевской «скотинной выпуск от тех их дворов огорожен в тех же полях, и в суземье, в бор». Такие же поскотины упоминаются и в деревнях Змеинской, Микольской, Балахонской, Хабаровской, Криволуцкой и некоторых других. В Илимске, где не было крестьян, городили его жители «посаженно, от скота». В дер. Пановой крестьянам было «велено... всем вместе ввопче по тяглом и по розвытку... огородить огородом добрым под скотинной свой выпуск» новое место. «На выезде поставить им вместе ввопче ворота добрые, чтоб скоту проход и травежу не было». Старый чистый выгон воевода предложил им пахать (лл. 149).

Прошло 25 лет и крестьяне дер. Подкаменной не стали выполнять условий об огораживании общими силами выгона совместного пользования с дер. Закаменной (эта деревня с начала

XVIII века стала называться Салтыковской и сохранила такое название до настоящего времени).

Тогда салтыковцы решили "не пускать скот соседей в общую поскотину. Крестьяне дер. Закаменной в 1725 году подали жалобу. Воевода приговорил: «велеть владеть поскотинным выпуском против прежнего — пополам, и скот пускать вопче и огороды городить каждой деревне по паям» (арх. № 213, св. 21, лл. 176-180).

Поскотина могла быть и государственной; так, выгон около Усольского солеваренного завода имел свою поскотину, в пределах которой пасся скот жителей и проезжих людей, за что взималась плата деньгами или «варнишными» дровами на солеваренный завод. Из ответа илимской приказной избы, написанного в октябре 1709 года, узнаѐм, что за 3 лошади надлежало взять поскотинных денег 15 алтын, «с 2 теленков годовых 4 деньги, с 5 коров да с нетели 20 алтын, с теленков селетков (т. е. рождения сего лета) 3 деньги, с дву коров 6 денег». Видимо, при этом было учтено и время пребывания животных в поскотине.

Огороды встречались в каждой деревне. На чертеже Илимского острога огороды показаны в 34 участках, в том числе два внутри острожного укрепления. Кроме того, усадебные участки в значительной мере также использовались под огороды. Всех огороженных усадеб на чертеже можно насчитать 114.

В 1656 году был произведѐн обмер всех дворов Илимского острога. Тогда их было 65. Средний размер усадьбы составлял 85 кв. сажен. 13 дворов имели огороды вне своей усадьбы — «отхожие» огороды; их средняя площадь составляла 65 кв. сажен или около 246 кв. метров. Мелких усадеб, до 50 кв. сажен, насчитывалось 21; средних, от 51 до 100 кв. сажен — 24; крупных, от 101 до 150 кв. сажен — 14 и очень крупных, свыше 150 кв. сажен — 6 дворов. Эти подсчѐты сделаны на основании перечня дворов, в котором указаны длина и ширина каждой усадьбы

Отвод огородов производился одновременно со всем землеустройством крестьянина, например, в 1701 году апреля в 16 день «дано ему на Тушамском повоете под двор и под огород ис порожних мест земли против ево братей обротчиков; и в Тушамскую поскотину скот ему пущать споваль с тушамскими жители». Таких решений в делах воеводства встречается многие десятки, если не сотни.

Ранее приводились выдержки из одного дела, связанного с самовольной перепашкой в Верхне-Киренской слободе «овошного огороду, длиннику 18 сажен, поперешника 4 сажени», ответчик возражал, заявляя, что «пашут пашню всякой крестьянин против своего тягла пополосно, и развычена де та земля по тяглом издавна, полюбовно. И владеет де он своею пахотой и огородцами». Итак встречается три равнозначных названия — огороды, огородцы, овошные огороды.

[1] Сибирский приказ. Книга 306, лл. 76-104.

Все огороды имели чисто потребительское назначение. Совершенно не встречается ни сведений о заготовке и продаже овощей, ни цен на них. Государство не облагало крестьян никакими овощными поставками. На огородах возделывалась главным образом капуста. Это можно установить на основании заявлений о потравах. Другие овощи имели меньшее распространение.

В россыпи дел позднейших лет, за 1745 год, имеется ведомость об Илимском городе, из которой можно пополнить перечень овощных растений, несомненно возделывавшихся с начала прихода русских на Илим. «Огородных овощей, как в городе Илнмску, так и в уезде, родитца: капуста, ретька, свекла, морковь, репа, лу1с, чеснок, огурцы, тыква, горох, бобы, семя коноп- леное—и то родится не по вся ж годы, и то по малому числу. А более никаких овощей не бывает» (Россыпь, № 387, св. 41).

Возделывание таких теплолюбивых культур, как огурцы и тыква, а также выгонка капустной рассады требовали введения навозных гряд и устройства рассадников (ящик на столбах), наподобие тех, которые встречались у крестьян Сибири до недавнего времени. При огородах возделывалась и конопля. Как капуста, так и конопля требуют навозного удобрения. О применении его в земледелии уже говорилось.

Размеры приусадебного посева в среднем составляли около 0,15-0,20 десятины на двор, считая 0,07 десятины конопли (20,4 десятины на 280 дворов по сказкам 1720-1722 годов) и около 0,05-0,1 десятины овощных посевов.

Такова система земледелия Илимского края. Она строилась в форме сочетания полевого, лугового и приусадебного хозяйства в соответствии с потребностями двора и с его трудовыми и тягловыми ресурсами. Главной частью крестьянского хозяйства являлась пашня с двухпольным делением. Залежи имели вспомогательное значение. Эта переходная система в тех условиях оказывалась наиболее целесообразной формой земледельческого производства.

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ

Прямых данных о количестве посева, особенно яровых хлебов, по Илимскому воеводству почти нет. Показания крестьян о размерах запашки встречаются как очень редкое исключение. Можно твѐрдо предположить, что илимская приказная изба никогда не знала действительных площадей посева. Она и не интересовалась установить их. Стекавшиеся в Илимск в изобилии данные о пашенных крестьянах отражали полностью лишь те отношения, которые складывались между крестьянством и государством. А заключались эти отношения в несении крестьянством определѐнных повинностей и платежей.

Поэтому мы, как и воеводская приказная изба, располагаем сведениями о числе крестьянских дворов, о размерах государева

десятинного тягла, о количестве высеваемых семян и эпизодическими отчѐтами приказных людей о выдельном хлебе и о связанных с последним опытных умолотах. Понятно, что современный исследователь окажется в более трудном положении по сравнению с приказной избой, если он пожелает установить площадь запашки, так как много документов исчезло безвозвратно и нет возможности проверить на месте правильность предпринимаемых расчѐтов.

Пользуясь сохранившимися материалами можно лишь приблизительно и неполно вычислить вероятную величину посева.

Земледелием занимались пашенные крестьяне, обротчики, служилые люди, в том числе беломестные казаки, пахавшие земли за государево хлебное жалованье, прочие жители, например, посадские и промышленные люди, имевшие незначительные присевки, обычно на землях пашенных крестьян, монастыри и церкви.

Установление посевной площади этих категорий посевщиков связано с затруднениями различной степени и требует поэтому особых каждый раз приѐмов расчѐта.

Казалось бы, что зная размер государевой пашни и соотношение между ней и крестьянской пашней можно легко вычислить посевные площади у пашенных крестьян. На самом же деле такой расчѐт обычно не даѐт правильного результата вследствие того, что одни крестьяне могли пахать сверх окладов, другие, наоборот, сеяли меньше той площади, пахать которую они имели право по установленному для них тяглу.

Поэтому в расчѐты посевной площади приходится вносить поправки. Но и они, в свою очередь, несут в себе некоторые погрешности, избавиться от которых нет возможности. Особенно трудно установить площадь посева яровых культур, так как их сеяли значительно меньше, чем допускалось установленной для крестьян тягловой пашней, вследствие чего платѐж выдельным или отсыпным хлебом вместо яровых часто производился рожью.

В последующих расчѐтах величины посевной площади опорными документами будут служить: перепись пашенных крестьян, произведѐнная тобольским сыном боярским Афанасием Ушаковым в 1672 году[1] и ревизские сказки 1720-1722 годов (арх. № 121, св. 13, № 131, св. 14, № 149, св. 16, № 152, св. 16).

Технику расчѐта площади крестьянских посевов можно показать на определении размеров пашни за 1652 год, т. е. за время, когда впервые появляются цифры по государевой пашне у крестьян. Так как пашенный крестьянин за одну государеву десятину имел право пахать на себя 4 десятины, то в идеальном случае посев в 1652 году составлял бы в десятинах величину, рассчитанную в таблице 38.

Но некоторые крестьяне сеяли больше, чем допускало соотношение 1:4, установленное между государевыми и крестьян-

[1] Сибирский приказ. Книга 580, лл. 364-500.

Таблица 38

Волости	Государева пашня		Крестьянская пашня		Итого		Всего десятин
	рожь	яровые	рожь	яровые	рожь	яровые	
Верхне-Илимская	5	2½	20	10	25	12½	37½
Нижне-Илимская	30	15	120	60	150	75	225
Усть-Кутская	16	4½	64	18	80	22½	102½
Орленская	51	25	204	100	255	125	380
Киренские	8	4	32	16	40	20	60
Тутурская	14½	7¼	58	29	72½	36¼	108¾
Чечуйская	15	7½	60	30	75	37½	112½
Итого	139½	65¾	558	263	697½	328¾	1026¼

скими десятинами. За такой лишний посев крестьянин платил одну десятую часть урожая выдельным хлебом. Площадь, с которой выделялся сноповой десятинный хлеб, никогда не указывалась. Значит, еѐ нужно вычислить. Сделать это можно лишь в том случае, если имеется количество выделенного хлеба и известна урожайность. По смете на 1653 год было взято выдель- ного хлеба: ржи 3794 пуда, ячменя 1092 пуда, овса 168 пудов и пшеницы 124 пуда, всего яровых 1384 пуда.

В помете на 1653 год на основе отчѐтных данных за предыдущий год предусматривалась урожайность озимых в размере 65,5 пуда, яровых 76,7 пуда с десятины. Следовательно, 3794 пуда ржи при данной урожайности и при изъятии $^{1}/_{10}$ части сбора хлеба могли получиться с 580 десятин, а 1384 пуда яровых с 180 десятин. Значит, сверх свободных от обложения десятин крестьяне сеяли 760 десятин.

Но хозяйственно слабые крестьяне сеяли меньше, чем они могли сеять в соответствии с возложенным на них тяглом. Величину этого посева можно определить лишь очень приблизительно, так как учѐта его никогда не велось. По опросу крестьян Ушаковым в 1672 году можно вычислить, что недосев составлял тогда 13,9% к площади, которую имели право пахать крестьяне без платежа 10-м снопом. Если применить этот процент к расчѐтной площади озимых и яровых 1652 года, то получится 143 десятины.

Вероятная площадь посева у пашенных крестьян в 1652 году составит в десятинах:

1) Расчѐтная площадь посева ржи и яровых по таблице 1026¼
2) Посев сверх свободных десятин ржи и яровых 760
3) Недосев у слабых хозяйств 143

Таблица 39

Волости	Дворов пашенных крестьян	Государевы десятины			Крестьянский посев			Всего		
		ржи	яро-вых	итого	ржи	яро-вых	итого	ржи	яро-вых	итого
Верхне-Илимская	6	6	3	9	27¼	11¾	39	33¼	14¾	48
Нижне-Илимская	50	41¾	20¾	62½	310	152	462	351¾	172¾	524½
Киренские	82	71	32	103	316¾	200¾	517½	387¾	232¾	620½
Усть-Кутская	14	14½	5	19½	64¼	30¾	95	78¾	35¾	114½
Орленская	18	19	9½	28½	96	20¼	116¼	115	29¾	144¾
Илгинская	26	24½	12¼	36¾	144¾	29¼	174	169¼	41½	210¾
Тутурская	15	15	7½	22½	64	14½	78½	79	22	101
Бирюльская	15	10½	5¼	15¾	46	10½	56½	56½	15¾	72¼
Индинская	10	10	5	15	17¾	6	23¾	27¾	11	38¾
Чечуйская	55	43	21⅞	64⅞	155½	95¼	250¾	198½	117⅛	315⅝
Итого	291	255¼	122⅛	377⅜	1242¼	571	1813¼	1497½	693⅛	2190⅝

Значит, путѐм расчетов можно всю площадь озимых и яровых у крестьян в 1652 году определить в размере 1643¼ десятины или округлѐнно в 1500-1700 десятин.

Для 1672 года, как отмечалось, имеется необычайно редкая возможность подсчитать посев по прямым показаниям крестьян.

В таблице 39 приведена сводка этих показаний.

Эта площадь в 2191 десятину была, может быть, несколько меньше действительной величины, так как те крестьяне, которые сеяли сверх свободных десятин и подвергались в результате этого дополнительному обложению, были заинтересованы в укрытии части своих посевов.

Середина XVII столетия была временем сильного роста площади посевов. Опрос Ушакова производился осенью 1672 года, когда озимь на 1673 год уже была посеяна. Еѐ было учтено у крестьян 1352⅞ десятины, т. е. на 110⅝ десятины больше предшествующего года. Кроме того, в том же году стали сеять крестьяне вновь образующейся Яндинской волости и к 1673 году у них уже было 26 десятин ржи. Может быть, первые успехи в развитии илимской пашни толкнули многих крестьян на экстенсивное увеличение запашек, без учѐта особенностей сельскохозяйственного производства в новых местах.

Третья четверть XVII века была отмечена серьѐзными недородами, которые заставили крестьянина усовершенствовать свою агротехнику и относиться более осторожно к расширению посевов. К тому же лучшие земли были быстро разобраны и в дальнейшем рост посевных площадей, особенно в старых волостях, шѐл медленнее.

К концу XVII века, в 1699 году, размер крестьянских посевов Илимского воеводства можно приблизительно определить в 3000-3200 десятин.

Наиболее разносторонним документом, отражающим состояние основных вопросов сельского хозяйства, являются сказки 1720-1722 годов. Они дают возможность судить не только об общих размерах посевной площади, но и о посевах по культурам.

На основании показаний крестьян о размерах высева семян можно с большим приближением к действительной величине вычислить посевные площади. Ошибки при таких расчѐтах вряд ли будут больше 10-15%. Результаты с такими погрешностями должны считаться для расчѐтов подобного рода удовлетворительными.

В некоторых случаях, например при определении структуры посевов, такие погрешности, поскольку они носят общий характер, и вовсе не окажут существенного влияния на результаты расчѐтов. Наконец, можно корректировать получаемые цифры сопоставлением их с многими другими показателями.

При определении посевной площади использованы указанные ранее размеры высева семян на одну десятину. Расчѐты эти сделаны по 280 дворам, в среднем по 4-5 культурам на двор

или примерно в 1100-1200 случаях. Полученные таким образом площади посева у каждого пашенного крестьянина сводились в поселѐнные данные, а затем и в поволостные. Результаты расчѐтов приводятся в таблице 40 по острогам и слободам, т. е. по волостям, в десятинах:

Таблица 40

Культуры	Усть-Кутский острог	Орленская слобода	Тутурская слобода	Илгинский острог	Ново-Удинская слоб.	Братский острог	Кежемская слобода	Итого
Рожь озимая	53,7	89,5	93,0	437,8	48,4	83,07	9,5	814,97
Пшеница	3,86	0,8	0,6	11,57	8,53	10,62	—	35,98
Ярица	—	—	—	0,2	31,48	5,22	3,6	40,5
Ячмень	9,72	0,86	0,33	24,51	6,86	10,05	1,74	54,07
Овес	18,49	16,17	3,27	34,26	18,67	12,0	1,6	104,46
Горох	2,5	0,1	0,6	0,95	—	—	0,2	4,35
Конопля	3,1	3,05	2,15	7,75	1,85	2,15	0,35	20,4
Итого	91,37	110,48	99,95	517,04	115,79	123,11	16,99	1074,73

Принимая во внимание соотношения между размером тяглых десятин, количеством отсыпного хлеба и имеющимися данными о высеве семян, можно с некоторой удовлетворительной точностью установить величину посева у пашенных крестьян на отведѐнных им землях. Кроме того, по окладным хлебным книгам можно определить площадь посева на так называемых залишечных пашнях, считая, что в среднем с 1 десятины взыскиваюсь около 1 четверти ржи. По такому же способу допустимо определить посев и у хлебных обротчиков.

Крестьянские посевы в 1720-1722 годах по полостям Илимского воеводства в десятинах указаны в таблице 41.

Кроме того, у служилых людей, как это будет выяснено позднее, посевы составляли около 300-330 десятин, у посадских людей около 100 десятин, в монастырях и у монастырских половников около 500 десятин.

Следовательно, размер всего посева Илимского воеводства и начале XVIII века достигал 5000-5200 десятин.

Так как господствовала двухпольная система хозяйства, вся пашня составляла около 10000 десятин.

Если крестьянские посевы сгруппировать по главным речным зонам, то выявятся основные сельскохозяйственные центры Илимского воеводства (таблица 42).

Таблица 41

Волости	Пашенные крестьяне			хлебные об-ротчики	всего, десятин
	на отведённых землях	на залишечных	итого		
1 Верхне-Илимская	32	—	32	5	37
2 Нижне-Илимская	356	75	431	10	441
3 Усть-Кутская	134	11	145	30	175
4 Криволуцкая	270	46	316	7	323
5 Верхне-Киренская					
6 Нижне-Киренская	238	87	325	4	329
7 Чечуйская	480	7	487	—	487
8 Орленская	168	14	182	14	196
9 Тутурская	115	55	170	17	187
10 Илгинская	414	103	517	66	583
11 Ново-Удинская	224	—	224	17	241
12 Яндинская	303	14	317	37	354
13 Братская	515	—	515	26	541
14 Кежемская	86	—	86	—	86
Итого	3335	412	3747	233	3980
15 Бирюльская (до 1700 г.)	216	39	255	23	278
Всего	3551	451	4002	256	4258

Таблица 42

№№ волостей по предшествующей таблице	Приречные области	Десятин посева	Удельный вес в %%
1-2	Область р. Илима	478	12,0
3-8	Область р. Лены	1510	37,9
9-10	Область рек Илги и Тутуры	770	19,4
11-14	Область р. Ангары (с Удой и Окой)	1222	30,7
Итого		3980	100,0

Удельный вес различных хозяйств в посевных площадях составлял: пашенные крестьяне 77,2%, хлебные обротчики — 4,9%, служилые люди — 6,4%, посадские — 1,9% и монастыри — 9,6%.

Земледелие Илимского воеводства и всей современной Иркутской области, зародившееся в 30-40 годах XVII столетия на Илиме и по средней Лене, за протекшие 80 лет переместилось в новые районы — вверх по Лене, включая Манзурскую и Бирюльскую слободы, по притокам Лены, в особенности по р. Илге, затем вверх по Ангаре до р. Уды и по Уде, а также вверх по р. Оке.

Состав растений и их удельные веса в посевной площади по сказкам 1720-1722 годов приведены в таблице 43.

Таблица 43

Культуры	Десятин	Удельный вес в % %
Рожь озимая	814,97	75,8
Пшеница	35,98	3,3
Ярица	40,50	3,8
Ячмень	54,07	5,1
Овес	104,46	9,7
Горох	4,35	0,4
Конопля	20,40	1,9
Итого	1074,73	100,0

В 1672 году озимь занимала 68,4%, яровые хлеба 31,6%. Приблизительное представление об удельном весе зерновых культур дают также выдельные книги по изъятию 10-го или 5-го снопа. В следующей таблице 44 удельные веса культур вычислены по количеству заготовленного десятинного или пятинного хлеба.

Расчѣт по выдельному хлебу посевных площадей не даѣтся за последующие годы, так как в 90-х годах XVII века выдел шѣл только по яровым, а в начале XVIII века — только по озимым или касался незначительных присевок у некрестьянского населения.

Таблица 44

Годы	Рожь	Ячмень	Овѣс	Пшеница	Итого
1653	73,3	21,1	3,2	2,4	100,0
1657	81,8	11,3	5,3	1,6	100,0
1677	83,0	14,0	1,8	1,2	100,0

Понятно, озимая рожь не во всех волостях занимала столь значительное место. В таблице 45 вычислены удельные веса культур в %% за 1672 и 1722 годы. Гибель значительной части ревизских сказок обусловливает пустые места в этой таблице по 1722 году.

Таблица 45

Волости	1672 год			1722 год							
	рожь	яровые	итого	рожь	пшеница	ярица	ячмень	овѐс	горох	конопля	итого
1. Верхне-Илимская	69,3	30,7	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Нижне-Илимская	67,1	32,9	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
3. Киренские	62,5	37,5	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
4. Усть-Кутская	68,8	31,2	100,0	58,8	4,2	—	10,7	20,2	2,7	3,4	100,0
5. Орленская	79,4	20,6	100,0	81,0	0,7	—	0,8	14,6	0,1	2,8	100,0
6. Тутурская	78,2	21,8	100,0	93,0	0,6	—	0,3	3,3	0,6	2,2	100,0
7. Илгинская	80,2	19,8	100,0	84,7	2,3	—	4,7	6,6	0,2	1,5	100,0
8. Ново-Удинская	—	—	—	41,8	7,3	27,2	6,0	16,1	—	1,6	100,0
9. Бирюльская	78,2	21,8	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Идинская	71,6	28,4	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Чечуйская	62,9	37,1	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Братская	—	—	—	67,5	8,6	4,2	8,2	0,7	—	1,8	100,0
13. Кежемская	—	—	—	55,9	—	21,2	10,2	9,4	1,2	2,1	100,0
Итого	68,4	31,6	100,0	75,8	3,3	3,8	5,1	9,7	0,4	1,9	100,0

Использование относительных величин в виде процентов даѐт достаточно чѐткое представление о характере земледелия, но вместе с тем не позволяет судить о распространѐнности отдельных растений. Чтобы пополнить разбор этого вопроса, ниже приводятся выборки о частоте встречаемости возделываемых растений и расчѐты средних посевов на двор. Целесообразно предложить этот способ при анализе посевных площадей, как дающий более углублѐнное представление о внутреннем строении явления.

В приводимой далее таблице 46 показано число дворов пашенных крестьян по волостям, т. е. по острогам и слободам «с присутствующими деревнями», сеявших ту или другую культуру.

Ввиду того, что нет ни одного двора, не возделывавшем озимой ржи, в таблице опущено число всех дворов в волостях. Пашенный крестьянин не мог не сеять озими потому, что эта был не только главный его хлеб, но и потому, что он являлся

почти единственным платежным средством в расчетах с государевой казной.

Из первой части таблицы видно, что наиболее распространѐнной культурой после озимой ржи является конопля, затем следовали: овѐс, ячмень, пшеница, горох, а на последнем месте была ярица.

Таблица 46

Волости	Рожь	Пшеница	Ярица	Ячмень	Овѐс	Горох	Конопля
Усть-Кутская	37	14	—	30	36	22	36
Орленская	36	3	—	4	35	1	34
Тутурская	27	6	—	3	13	6	26
Илгинская	100	36	1	64	83	9	88
Ново-Удинская	36	20	4	25	36	23	28
Братская	45	34	10	38	38	—	35
Кежемская	5	—	5	5	3	2	4
Итого	286	113	20	169	244	63	251
Посева, десятин	814,97	35,98	40,5	54,07	104,46	4,35	20,4
Среднее А	2,85	—	2,03	0,32	0,43	0,07	0,08
Среднее Б	2,85	0,13	0,14	0,19	0,36	0,01	0,07
Отношение Б к А	1,00	0,40	0,07	0,59	0,85	0,22	0,88

Но второй части таблицы приводятся относительные величины:

1) Среднее А вычислено как средний посев в десятинах на двор по числу дворов, действительно имевших соответствующую культуру. Из этих средних вытекает, что самым крупным посевом в хозяйстве была озимая рожь. Далее следует, что хотя число хозяйств, возделывавших ярицу, было невелико, всего 20 дворов, однако, средний посев ярицы в них составлял значительную величину — 2,03 дес. на двор. Пшеницу сеяли 113 дворов и средний размер посевов еѐ в этих дворах равнялся 0,32 дес. Конопли на двор, возделывавший еѐ, приходилось 0,08 дес.;
2) Среднее Б вычислено на все дворы названных 7 волостей, независимо от того, сеяли ли они данную культуру или нет. Этим приѐмом всегда и пользуются при анализе посева, падающего на 1 двор. Сумма этих величин составит средний посев на двор всех вместе взятых культур. В данном случае он равен 3,75 дес.;
3) для сопоставления обоих средних дано их соотношение. Оно может быть вычислено и другим способом — делением числа хозяйств, сеющих данную культуру, на число всех хозяйств. Этот

показатель можно назвать показателем встречаемости. Для ржи он равен 1,0, что говорит о том, что из 100 дворов все 100 сеяли озимую рожь. Пшеницу сеяло 40 дворов из 100, ярицу только 7 дворов, а коноплю 88 дворов.

В посевах Илимского воеводства преобладала озимая рожь. Кажется, что в. этом факте нет ничего нового. Конечно, если следить за ходом развития русского и в том числе сибирского земледелия в XVII и XVIII столетиях, то ничего неожиданного в приведѐнных цифрах нет, кроме разве того, что для Восточной Сибири впервые появляются количественные выражения известного процесса. Но если сопоставить удельные веса культур по волостям с современной структурой посевных площадей в северных районах Иркутской области, то обнаруживается поразительное явление — чрезвычайное падение роли озимых посевов — ниже границ, допускаемых культурным земледелием. В колхозах Иркутской области озимые составляли в 1941-1945 годах около 25%, а в Нижне-Илимском районе, отвечающем Верхне-Илимской и Нижне-Илимской волостям XVII и XVIII столетий, только 4-5%, в Киренском районе 3-5%.

Такое снижение роли озимых в северных районах современной Иркутской области нужно считать неправильным. Однако разбор этого вопроса выходит за пределы настоящей работы. Здесь можно только вкратце заметить, что при таком низком удельном весе озимых нельзя построить хороших севооборотов и переходных схем к ним. Северные районы Иркутской области уже поплатились за одностороннее направление своего зернового хозяйства необычайным развитием овсюга, пырея и осота.

На второе место почти по всем волостям выходил овѐс.

Особенно крупное значение овѐс приобрѐл там, где проходила сухопутная дорога по Лене — в Усть-Кутском остроге — 20,2%, в Орленской слободе — 14,0%, а также в Новой Уде — 16,1%, лежавшей на дороге, по которой шло серьѐзное грузовое, в том числе хлебное движение на устье Илги для сплава в Якутск. В остальных волостях овѐс хотя и был второй культурой по размерам посева, однако он не составлял и 10% от общей площади. В конце XVII и в начале XVIII столетня в пределы Илимского воеводства начинает внедряться ярица, пока только на Ангаре, причѐм в Ново-Удинской слободе она выходит на второе место после озимой ржи и составляет там 27,2% посева; большое значение приобретает она и в Кежемской слободе, и, наконец, некоторое, незначительное пока, в Братском остроге. Третьей культурой являлся ячмень, впрочем, заметную долю посевов занимал он только в Усть-Кутской (10,7%) волости и в приангарских селениях.

На развитие этих культур — озимой и яровой ржи, овса и ячменя — несомненно серьѐзное влияние оказывал и порядок платежа в государеву казну отсыпного и оброчного хлеба. Повсеместно в житницы принималась только рожь, в виде исключения принимались овѐс и ячмень в северных ленских воло-

стях, причѣм овѐс принимался «вполы», т. е. в половину веса ржи. Отсюда проистекала невыгодность перевозки овса на значительные расстояния, вследствие чего овѐс имел главным образом местное значение.

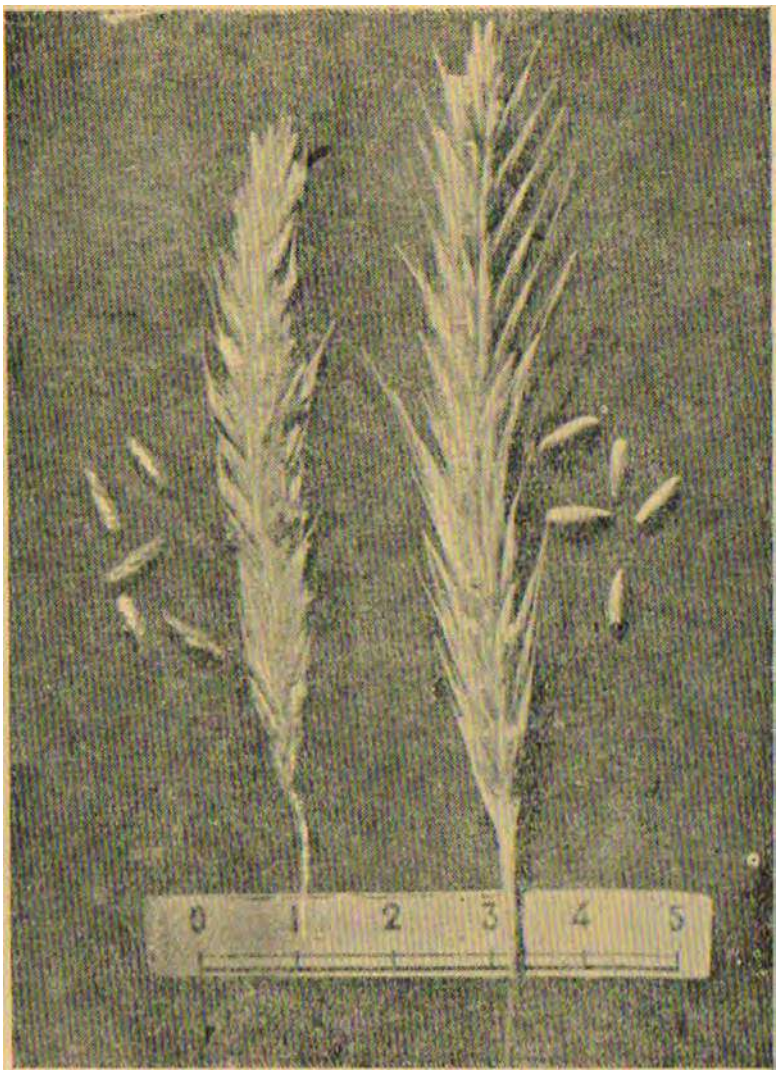


Фото 15
Налево колос ржи с извлечѐнными из пего зѐрнами, обнаруженный в деле хлебного повытья 1755 г. (арх. №2132, св. 212, между 4 и 5 листами). Справа, для сравнения, помещѐн типичный колос Тулунской зеленозѐрной ржи, распространенного в Иркутской области в настоящее время сорта. Снимок сделан в естественную величину

Пшеница высевалась в очень скромных размерах, несколько больше по Ангаре (7-8%) и меньше по Лене (1-4%). Причину слабого развития посева этого растения нужно искать в его требовательности к почве, теплу и влаге. Занесѐнная из открытых пространств в сплошь залесенную Илимскую область, пшеница

долгое время давала пониженные урожаи, а иногда и вовсе погибала. Вследствие этого крестьяне сеяли еѐ только для себя в очень небольших размерах, используя еѐ изредка в праздничные дни и для улучшения пищи детей. Кстати можно отметить, что служилые люди на присевках охотно возделывали пшеницу[1].

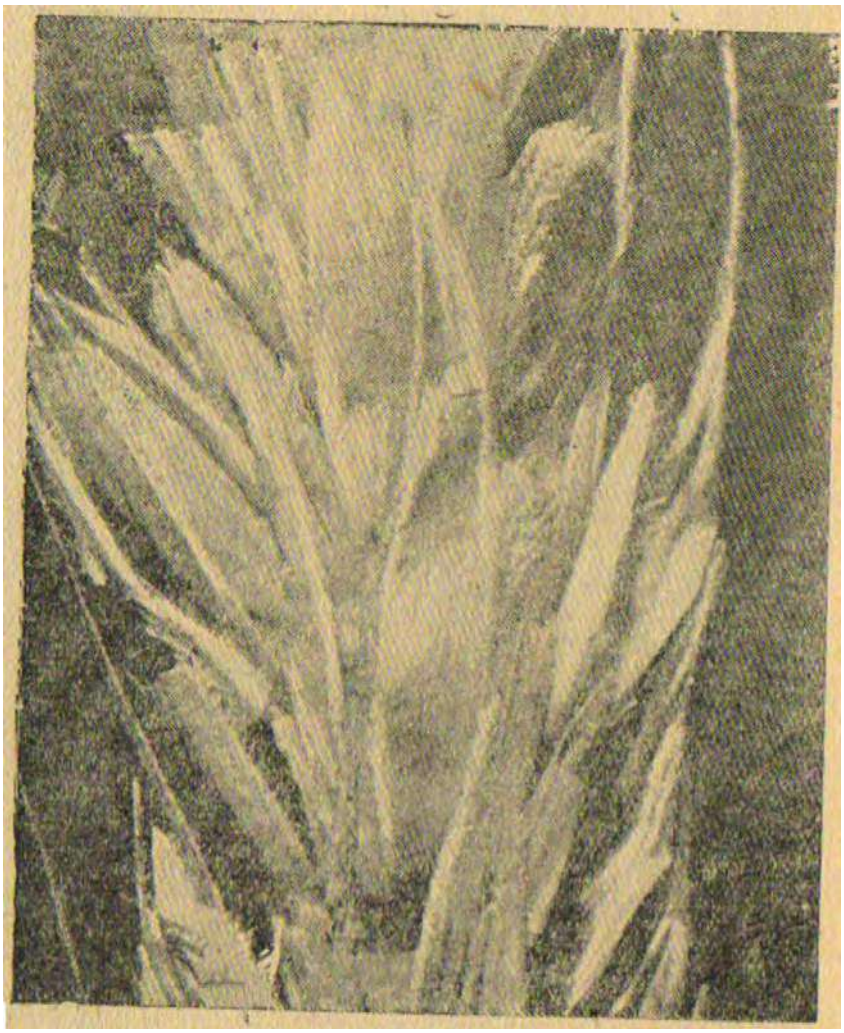


Фото 16
Часть колоса ржи из дела 1755 г. (увеличено)

Горох был распространѐн довольно широко. И сейчас, через 200-300 лет, северные районы Иркутской области в больших размерах, чем южные, ценят эту культуру. Правда, горох на севере низкого качества, там отсутствуют хорошие продовольственные сорта[2].

[1] Судя по всем имеющимся данным, сеяли только яровую мягкую пшеницу Triticum vulgare var. ferrugineum. Именно эта стародавняя разновидность впервые была подвергнута селекции и первый сорт, родоначальником которого она является, — известная Тулунская 81/4 или Балаганка.

[2] До сих пор там возделывают главным образом Pisum arvense L.

Последняя культура, встречающаяся в сказках 1722 года — конопля. Для неѐ характерно очень равномерное и повсеместное распространение. Возделывалась она почти каждым крестьянским хозяйством. Цель культуры конопли двоякая: первое — получить семена на масло, поэтому при показаниях об урожае всегда упоминается, какое количество пудов семени конопляного собрало хозяйство; второе — получить волокно для верѐвок и прядения.

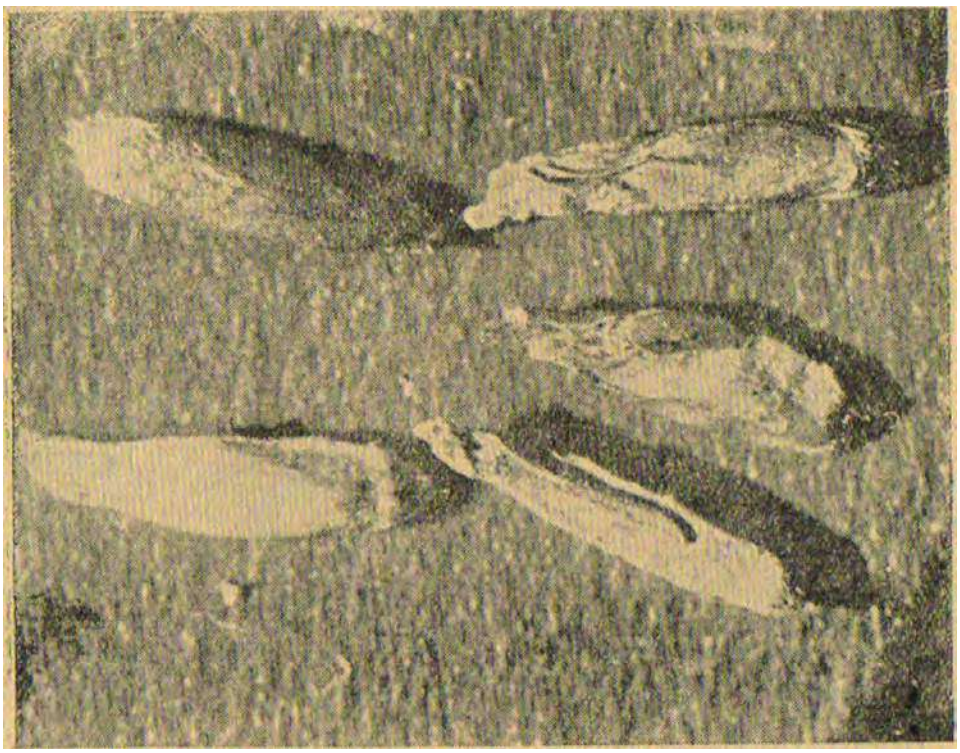


Фото 17
Зѐрна ржи, извлечѐнные из колоса, найденного в деле 1755 г. (увеличено)

К сожалению, не удалось обнаружить в делах Илимского воеводства данных о посевах льна. Всѐ же лѐн сеяли именно на низовьях р. Илима и на Ангаре, близ устья Илима. Однако, перепись 1722 года по Нижне-Илимской слободе погибла.

Основанием для предположения о возделывании льна является «Книга окладная десятинной пашне» 1691 года (арх. № 34, св. 3), составленная при стольнике и воеводе Григории Фѐдоровиче Грибоедове.

Берѐм Нижне-Илимскую волость: «а в ней пашенные крестьяне платят великих государей в казну на парусы по 12 аршин холста, да спуску варовых верѐвок по 20 гривенок пенька и по полведра смолы з десятины на год». Обложению подвергались только основные государевы десятины, а с накладных десятин ещѐ по распоряжению воеводы Еремея Пятово сбор перечисленных предметов не производился, так как это дополнительное тяг-

ло (накладные десятины), по объяснению книги, было наложено воеводой Силой Оничковым в 1676 году без ссуды и без подмоги.

Первым по списку крестьян этой волости идѐт Ондрюшка Григорьев сын Попов меньшой, «тягла на нем десятина. 200-го (1691 или 1692) году взял зборщик Стенька Литвинцов на 200-й год 12 аршин холста, полпуда пенька, полведра смолы. На 196-й год — полведра смолы, 20 гривенок пенька. На 199 год — 20 гривенок пенька, полведра смолы. 201-го году взял зборщик Сава Яковлев на 201 год ½ ведра смолы. 201-го году взял зборщик Герасимко Парамонов на 197-й год ведро смолы, на 198-й год — ½ ведра смолы. 202-го году взял зборщик Сава Яковлев на 202-й год 11 аршин холста, полпуда пенька, полведра смолы».

По Ангаре, Илиму и Лене в те годы шло много государевых и частных судов; судоходство это потом упало, и на Илиме сейчас можно встретить только лодки. Впрочем, в 1945 году пытались наладить движение на большой лодке с автомобильным двигателем. По Ангаре, ниже устья р. Илима, судоходство также исчезло.

Но в те годы этот водный путь был очень оживлѐнным. Для судов «на парусы», на снасти и осмолку требовалось много холста, пеньки и смолы. Обязали крестьян поставлять эти предметы, разложив нужное количество на тяглые десятины. Обложению такого рода подвергались не все волости. В Нижне-Илимской волости, лежавшей по Ангаре, от Кежмы до устья р. Илима и по последнему до Илимского острога, тогда жило 83 пашенных крестьянина, с тяглом в 52 десятины (около 400 десятин посева). С этих дворов в 1691 году было взято 513 аршин холста, 19⅛ пуда пеньки и 22 ведра смолы. Примерно 10 дворов не платили, так как часть из них была «во льготе».

Во второй волости — Яндинской, лежавшей по Ангаре, выше Братской волости, жило 53 крестьянина с тяглом в 23¼ десятины (впрочем точный подсчѐт затрудняется множеством оговорок); они внесли в том же году 48 аршин холста (10 дворов), 6 пудов 25 гривенок пеньки и 11⅛ ведра смолы. Как видно, холстом платили далеко не все крестьяне этой волости; очевидно, посевы льна были не у каждого. В этих случаях допускалась замена холста денежным платежом, по алтыну за аршин, по 10 алтын 4 деньги за пуд пеньки.

Несмотря на давно прошедшие времена, можно с достаточной точностью установить, где жили крестьяне, заплатившие за тягло холстом. Выявлено, что лѐн сеяли вокруг Нижне-Илимской слободы и по Ангаре, выше устья р. Илима.

Так как книга 1691 года сохранилась частично, нет возможности установить аналогичных обязательств крестьян по другим волостям. Но та же книга свидетельствует, что по Верхней Илимской волости таких сборов не производили «для того, что в прошлом во 199-м году илимский воевода стольник Еремей Пятово по их крестьянскому челобитью и по выписке приговорил: для мно-

гие подводные гоньбы холста и пенька и смолы с них не збирать и оттого збору учинил их свободных». В книге сохранились данные по Нижней Усть-Киренской волости, по не указано, что крестьяне вносили лѐн, пеньку, смолу. Объяснить это можно так: хлеб из Нижне-Илимской волости для сплава в Якутск пришлось бы вести через волок, а Нижняя Усть-Киренская волость лежала на прямой водной магистрали, поэтому оказывалось целесообразным поставку материалов для судостроения возложить на отдалѐнные от Лены волости, а хлеб собирать с ленских волостей.

Предположение, что по Илиму и Ангаре сеяли лѐн, эту древнейшую русскую культуру, не является неожиданным. Ведь Илимск расположен на широте Москвы, почвы его плодородны, и он относится к местности с достаточным увлажнением. Насельники илимских волостей пришли из мест, где льноводство было непременным занятием каждого крестьянина. Наоборот, не странно ли было бы полагать, что, придя на Илим, русские крестьяне оставили эту культуру.

Неожиданным это предположение является по другим причинам. В современных районах Иркутской области, входивших некогда в состав Илимского воеводства, нет ни одного гектара льна. Культура льна была настолько забыта, что в 1911 году известному агроному В.Е. Писареву потребовалась поездка в Енисейскую губернию для ознакомления с опытом местных льноводов и для внедрения льна в пределах Иркутской губернии.

Впрочем, лѐн на севере сеяли долго, но он почему-то не обращал на себя ничьего внимания. Ещѐ в 1928 году в Нижне-Илимском, Киренском и Усть-Кутском районах сеялось 12 га льна, в 1929 году в первом районе — 10 га, в 1930 году — 15 га, в остальных он исчез. А теперь не сеют льна и в Нижне-Илимском районе. Постепенно крестьяне забывают, что ещѐ в недавнем прошлом их отцы выращивали превосходный лѐн. Старики, живущие сейчас в Нижне-Илимском и в Братском районах, хвалят лѐн, который выращивался лет 50 тому назад чуть не каждым двором по Ангаре, ниже современного Заярска и в низовьях Илима. Повсеместно в избах встречались кросна. Если в хозяйстве было несколько мужчин, то каждый сеял для своей жены особую делянку на лугах, которые «раздирались» для этой цели. В памяти стариков сохранился и сорняк «шишка», судя по описаниям — Cuscuta epilinum Weihe, ныне исчезнувший вместе со льном.

Нужно полагать, что льноводство в северных районах Иркутской области заброшено напрасно. Следовало бы принять меры к его возрождению.

Таковы данные о посевных площадях и о структуре полевых культур в Илимском воеводстве. В целом состав растений был очень однообразным. Полностью отсутствовали гречиха и просо. Никаких кормовых растений в то время не выращивалось.

При построении сельского хозяйства в современных северных районах Иркутской области следует учесть и положительные и отрицательные стороны старинного местного земледелия. Оно не может служить нам образцом, но изучение его предостерегает нас от ряда ошибок, из преодоления которых некогда рождался опыт илимского пашенного крестьянина.

УРОЖАЙНОСТЬ

Суровые природные условия Ангаро-Илимо-Ленского края для сельскохозяйственного производства сильно осложняли развитие илимской пашни. Земледелец вскоре убедился, какие своеобразные требования предъявляет к нему здесь природа и всѐ-таки даже после длительного опыта хлебопашества он не раз сталкивался с неожиданными осложнениями, которые губили плоды его труда. Дела тех дней хранят многочисленные свидетельства о крупных потерях и больших неудачах пашенного крестьянина.

Пашенные крестьяне Братского острога так жаловались в Москву на свои беды: «Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Росии бьют челом сироты твои государевы, дальные твоей государевы вотчины, Сибирские земли. Енисейского уезду, пашенные крестьянишка, которые остались от потопу и от мору — выборные земские старостишка Сергушка Сотников, Данилка Яковлев и все твои государевы сироты». Они просили помощи после наводнения и мора, которые постигли их «во 157-м (1649) году волей божией за умножение грех ради наших»[1].

В одной из ранних книг с илимскими делами[2] уже содержится ряд показаний о плохом урожае: «...хлеб родился плох» (л. 19), «на полуторых десятинах яровых хлеб морозом убило и к нынешнему ко 165-му (1657) году не родилось ничево» (л. 21). На 14 десятинах «яровой хлеб не дошел, с весны де засуха была, а под осень иньями убило» (л. 41). В Орленской волости недосеяли яровых «потому, что государевых яровых схожих семян не было» (л. 61 об.).

В 1659 году в Орленге опять не засеяли государевы яровые десятины, «потому что яровых семян в казне не было и занять было не у кого. А старые великого государя яровые семена перевелись»[3]. В том же году, в объяснениях к смете хлебным запасам отмечается: «А яровые десятины в Тутурской волости не сеютца, потому что яровой хлеб не родитца» (там же, л. 249 об.). По р. Илиму также был неурожай, «потому что с весны ветрами выдувало и морозами корень вытянуло, а осенью

[1] Сибирский приказ. Столбец 403, л. 255.

[2] Сибирский приказ. Книга 395 с делами 1656-1657 г.г.; по описи ошибочно поставлен 1667 год.

[3] Сибирский приказ. Книга 420, л. 92 об.

снегом десятины запали; и те десятины не под снегу выгребая, жали; и в умолоте хлеб был плох» (л. 51 об.). В других местах «саранча ячмень и овес выела» (л. 53), «к нынешнему ко 167-му (1659) году хлеб не дошел, снегом запал» (л. 54). В Верхоленском острожке хлеб с крестьян взят не полностью «за недородом и за скудостью». В Усть-Киренских волостях: «хлеб родился плох; на дву десятинах с четью десятиною посещением божиим градом убило; на двух десятинах без дождей яровой хлеб засох; на четырех десятинах без чети десятины снегом запало» (л. 69 об.).

Значит, гибель хлебов в этом году отмечалась во всех волостях, хотя и не на всей площади. Особенно ненадѐжными оказывались яровые. Причин неурожаев указано много: и весенняя засуха, и заморозки, и раннее выпадение снега, и град, и саранча, т. е. кобылка.

Серьѐзный недород отмечен во многих волостях в 1663 году. О причинах слабого поступления хлеба в казну был произведѐн большой сыск. Воевода Обухов велел опросить кроме крестьян ещѐ и попов, вероятно как более беспристрастных наблюдателей. Вопрос был поставлен так: «...великого государя на десятинах и крестьянские пахоты хлеб отчего не родился — вешнею большею водою вытопило и льдом выдрало или морозом побило или недозором пашенных крестьян приказщиков, пашенные крестьяне пахали худо».

О неурожае в Киренских волостях в 1668 году приказчик Терѐшка Пашков писал так: «на твоих, великого государя, 17-ти десятинах с полудесятиною ржи не родилось ничево, потому что де весною ветрами выдуло и морозом вызяб и з запору вешнею большею застойною водою вытопило. А на достальных твоих, великого государя, десятинах и на крестьянской пахоте ржаной и яровой хлеб родился плох, травою урос»[1].

По учѐту крестьянских посевов в 1673 году были запрошены пашенные крестьяне многих волостей. В Илимском остроге «волостные все пашенные крестьяне сказали... а в умолоте бывает з государевых десятин: ржи по 70 и по 60 и по 50 пудов з десятины, а овса и ячмени потому же. А на выпаханых землях в умолоте бывает по 20 и по 15 пуд ржи з десятины, а овса и ячмени потому же... А по Лене реке почасту бывает хлебу недород, для того, что подле Лены реку на лугах запорными льдами хлеб выдирает и вешнею водою топит и от морозов позябает. И з десятин бывает в те годы ржи и ярового пуд по шти и по пяти в умолоте. А в Ылгинской и в Тутурской волостях на государевых десятинах и на их крестьянских собинных заимках яровой хлеб родитца плох по вся годы — от морозов позябает... Илимского ж присуду на Ангаре реке нового Идгинского острожку пашенные крестьяня сказали: ... а в умолоте государевых десятин бывает: ржи по сту пуд з десятины, а с ыных де-

[1] Сибирский приказ. Столбец 586, часть 1, л. 182.

сятин по 90 и по 80 пуд ржи з десятины, а ярового по 50 и по сороку пуд овса и ячмени з десятины. То их крестьянские и скаски». О недородах в 1669-1671 годах показали и служилые люди, вынужденные покупать дорогой хлеб[1]. Пашенные крестьяне Чечуйской волости указали урожаи на государевых десятинах по 40, 50, 60 пудов, а на выпаханных землях по 10 и 15 пудов ржи и ячменя (то же дело, лл. 470-500).

Воевода Оничков, давая объяснения Москве о недосылке хлеба в Якутск, писал: «к нынешнему ко 183-му (1675) году божиею праведною волею в Ылимском уезде хлеб градом било. И в нынешнем же, государь, во 183-м году сентября в 20 день снег нал и с осени зиму всю и до весны под снегом хлеб лежал и осыпался. А на весне, государь, лежалой хлеб жали и молотили и в умолоте перед прошлыми годами вполы и меньши было»[2].

Приведѐнная здесь дата — 20 сентября, соответствует 30 сентября по современному календарю. Следовательно, в 1675 году в Илимском воеводстве уборка хлебов по каким-то причинам сильно запоздала. Может быть, осень была очень дождливой, после чего 30 сентября по современному стилю установился постоянный снежный покров. Можно догадываться, что этот урок, данный природой, надолго запомнился илимскому земледельцу.

Волости, расположенные по Лене, не один раз страдали от подъѐма воды. Кроме отмеченных случаев можно назвать 1675 год, когда в Нижней Киренской волости был недород, так как хлеб «водою топило и льдом насадило и подо льдом рожь выпрела». Одно из сильных наводнений произошло в 1678 году. Льдом рек Лены и Киренги «воду звело и луги и поля и крестьянские дворы и житницы потопило». Бедствие было очень серьѐзным, и крестьяне просили о помощи. Воевода И.Д. Зубов выезжал на место, чтобы убедиться в силе наводнения. «А по досмотру в Нижно-Киренской волосте и вверх по Киренге реке вытопило твоих, великого государя, 38 десятин ржаных, да крестьянские пахоты 349 десятин с полудесятиною ржи, и льдом выдрало и водой вынесло все без остатку. И крестьянские дворы и лошади и рогатой большей и мелкой скот потопило и многих рознесло и разорило до конца. И стали бес пашен». Когда же были посеяны яровые «и те десятины другою коренною водою вытопило». В этом году был громадный недосев, так как многие поля оказались занесѐнными песком и илом. Природа не пощадила и высоких мест, которые не были затоплены. В ленских и в других волостях «после снегу морозами корень из земли у хлеба вытянуло, а на которых крестьянских десятинах хлеб от морозов и от ветров остоялся и тот хлеб идет плох». Крестьянам был выдан в ссуду тот хлеб, который уцелел в государевых житницах, но он был подмочен и заплесневел.

[1] Сибирский приказ. Книга 580, л. 469.
[2] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 134-136.

Поэтому погашение ссуды происходило «вполы». Кроме того, воевода освободил крестьян Киренских волостей от счѐтов по подводной гоньбе. Получив это донесение Сибирский приказ наложил равнодушную помету: «в столп»[1].

Жалобы на ранние инеи, на весенние засухи, морозы, наводнения, кобылку и т.д. встречаются и во все последующие годы. В разделе «Недоимки» в настоящей работе приведены данные о причинах недоимочности крестьян. Из 656 недоимочных пашенных крестьян 269 человек, т. е. 41%, основной причиной задолженности государству показали недород.

Пожалуй, главной причиной неурожаев были ранние заморозки осенью и поздние заморозки весной. Особенно страдали от них те деревни, пашни которых находились в низких местах. В 1726 году крестьяне Усть-Кутского острога давали показание о сборе хлебов за 1721-1725 годы. Главной причиной неурожаев они считали, «что волей божиею хлеб вызябал», но за этой фатальной фразой у крестьян скрывалось более глубокое понимание причин их неудач. Они резюмировали их так: «а в вышепоказанных годех хлеб ржаной и яровой у нас, крестьян, вызябал потому, что десятинная пашня на нисменных местех» (Россыпь, № 66, св. 7, лл. 168-173).

Приведѐнные выдержки из дел Илимского воеводства и Сибирского приказа показывают, в каких сложных условиях приходилось действовать крестьянину, чтобы получить от земли вознаграждение за свой труд. Вмешательство внешних сил, действие которых было неожиданным, не раз опрокидывало все расчѐты и крестьянина, и стоявших у его житницы целовальников, приказчиков и воевод.

Определение величины урожая за минувшие годы является трудной задачей, которую не всегда можно удовлетворительно разрешить. Материалы, содержащие сведения о величине сбора хлеба, крайне неоднородны и неполны, часто случайны и не всегда дают достоверные результаты. Для расчѐта размеров урожайности можно воспользоваться: 1) отдельными показаниями крестьян и воевод; 2) сметными и пометными списками по хлебу; 3) выдельными — ужинными и умолотными книгами, 4) некоторыми переписями.

Отдельные случайные показания крестьян и воевод о величине урожая уже приводились в этой книге. Так, воевода Пушкин сообщал о сборе 149 пудов ржи с десятины государевой пашни, Марчко Микитин намолачивал в 1641-1647 годах по 133 пуда ржи с десятины. Крестьяне в 1673 году показывали в Илимске, что в умолоте с государевых десятин бывает по 50-70 пудов хлеба, а на выпаханных землях по 15-20 пудов; крестьяне Идинского острога приводили другие цифры: 80-90 пудов ржи и 40-50 пудов яровых, крестьяне Чечуйского острога

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, сообщение воеводы — лл. 212-215 , челобитье киренских крестьян, лл. 216-220.

назвали, как обычную величину урожая, 40-60 пудов с десятины ржи и ячменя, а на выпаханных землях 10-15 пудов. Как видно, пределы, в которых колебалась величина сбора хлеба, были очень широкими, что, несомненно, и наблюдалось в действительности.

Сметные и пометные списки по хлебным запасам тоже, конечно, отражают действительность, но обработка их очень тяжела и иногда приводит к неясным результатам. Наиболее достоверные данные содержатся в самых ранних сметах, когда расчѐты велись только по ржаным десятинам и только по ржи. Сметы после 1658 года осложняются заменой при сдаче яровых рожью и неопределѐнностью действительного посева яровых культур. В то же время сметы и пометы касаются лишь государевой пашни и совсем не отражают положения собственной крестьянской запашки. С переходом на отсыпной хлеб исчезают и эти расчѐты. С такими оговорками можно привести результаты подсчѐтов по некоторым сметам и пометам. Хотя последние и составлялись очень примитивно, на основании данных предыдущего года, но этот недостаток при изучении урожайности превращается в достоинство; кроме того, положительной стороной помет является их простота по сравнению со сметами.

В таблице 47 показаны средние урожаи в пудах с десятины по пометам (предположениям) и по сметам (фактическим сборам) отдельно по ржи и отдельно по всем вместе яровым хлебам. В документах яровые культуры обычно показывались общим числом.

Таблица 47

Г о д ы	Пометы		Сметы	
	ржи	яровых	ржи	яровых
1653	65,5	76,7	55,8	57,4
1656	—	—	56,7	29,6
1657	—	—	61,3	32,9
1658	61,9	48,8	26,1	29,5
1677	28,0	18,0	32,8	20,6
1691	—	—	27,7	8,3
1696	—	—	23,6	6,6
1700	29,6	—	45,8	—

Урожайность яровых за 1691 и 1696 годы в действительности была выше, так как в смете отражена сдача яровых, а не сбор их. Вместо какой-то части яровых, подлежавших сдаче, в действительности поступила рожь.

Таблица, несмотря на отмеченный недостаток, даѐт хорошее представление и о величине сборов с десятины и некоторую динамику их. Очевидно, что в первые годы урожаи были выше,

чем в последующие, но затем они вновь несколько поднялись. Период 70-90 годов XVII столетия был в сельскохозяйственном отношении очень тяжѐлым.

Ужинные и умолотные книги, составлявшиеся при выделе, могли бы пополнить ценными данными приведѐнные расчѐты. Но их сохранилось очень мало. В архиве Илимского воеводства имеется только серия книг за 1667-1668 годы по Усть-Киренской Верхней волости (арх. № 6, св. 1, лл. 1-46). Они написаны одним, притом хорошим, почерком, составляют связное целое и сшиты в одну тетрадь, содержащую 46 листов. В серию входят: 1) книга расходная выдельному и десятинному хлебу 1667 года; 2) книга расходная выдельному, десятинному и оброчному хлебу 1668 года; 3) посевная книга по выдаче семян крестьянам на посев 1667 года; 4) книга ужинная и умолотная десятинному, выдельному и оброчному хлебу 1667 года; 5) добавление к предшествующей книге — о сборе хлеба с крестьян за ямские съѐмные десятины.

Истлели и погибли углы у 1-8, 9-15, 44-45 листов, а у остальных сильно пожелтели и иструхли, как видно из приложенного фото 18.

Вследствие большой важности книг Усть-Киренской Верхней волости для изучения пашенного дела середины XVII века, возникла необходимость в восстановлении погибшего текста.

Путѐм сличения имѐн, цифр и общего содержания всех книг удалось восстановить многие данные в погибшем тексте. Например, если в одной книге уцелело имя крестьянина, то по другой книге можно установить размер его посева. Так как посев и выдача семян являются величинами, связанными посредством нормы высева, вернее — нормы ссуды на десятину, то оказывается возможным восстановить величину посева в одной книге, если в другой уцелели данные о выдаче семян, и наоборот. Аналогичная связь между площадью посева и размером сбора за ямские десятины придавала большую надѐжность результатам восстановления текста.

Было также использовано однообразие текстов. Например, если перед именем сохранилась буква «н» или даже часть этой буквы, то можно без колебаний полагать, что в тексте было написано — «пашенный крестьянин». Так как на семена выдавались только рожь и овѐс, причѐм названия культур при указании их количества ставились в родительном падеже, то достаточно иметь одну букву, чтобы определить название культуры. Ввиду того, что соотношение между озимыми и яровыми везде равнялось 1:0,5, достаточно иметь любую часть слов «полудесятины» или «яровые» или «ржаные», чтобы восстановить эти слова вместе с величиной посева.

Был применѐн ещѐ один способ восстановления цифр. Заключался он в том, что все написания слов: «пять», «десять», и т. д. были скопированы; при этом обнаружилось, что длина их варьировала очень слабо. Значит, оказалось возможным решить

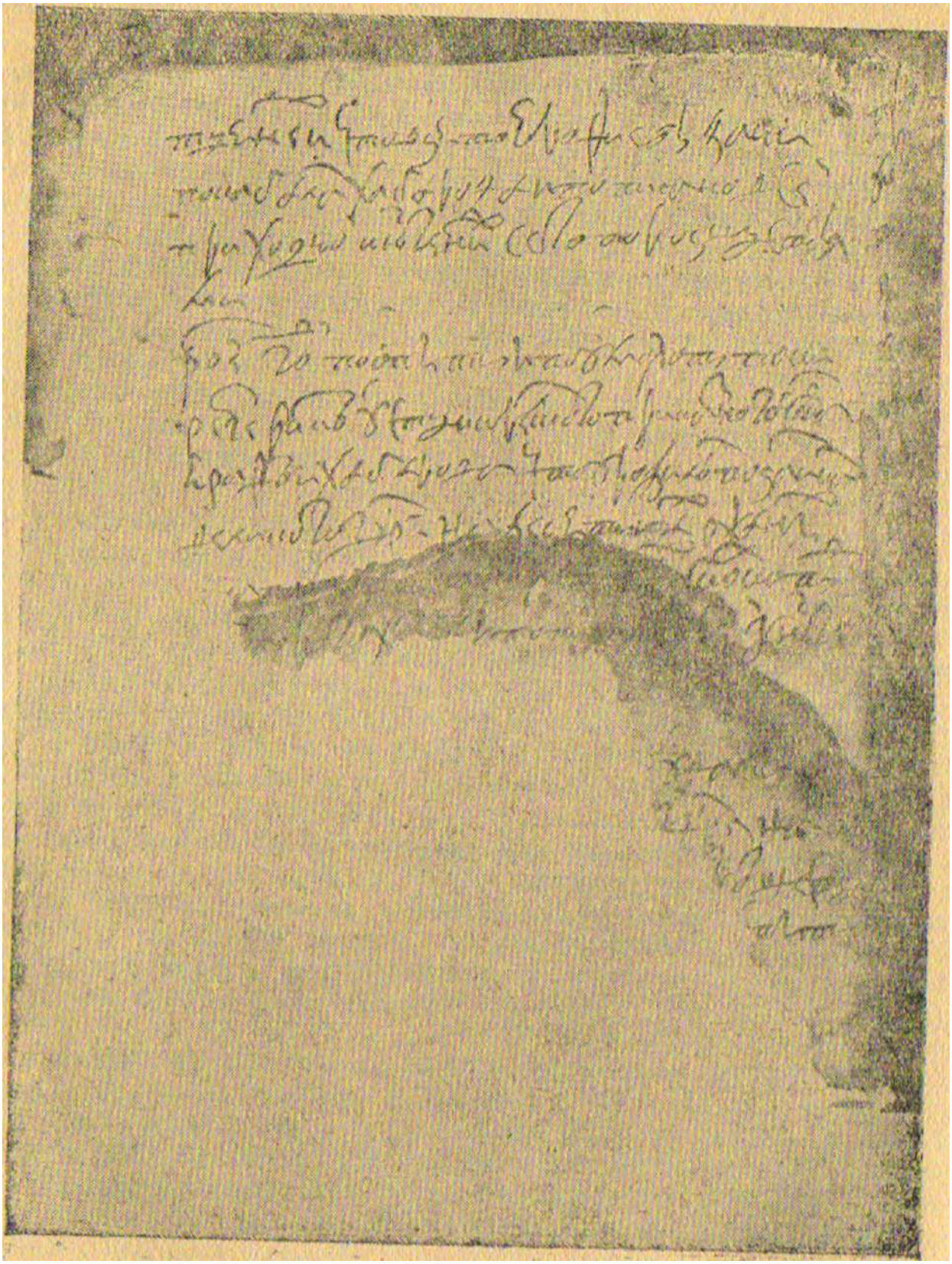


Фото 18. Лист из книги 1667 г.

Текст к фото 18[1]

тьянех и что взято Ярофиевы дачи
по кабалам Хабарова и то писано в сей
приходной книге ниже сего порознь статьями

175-го году по опыту и по умолоту по Ки-
ренге рике Усть-Киренского приказного человека
Ярафея Хабарова что уродилось по заимкам
великого царя на десятинах ржаных
[и] на полудесятинах яровых сколько пуд
[ко] торого хлеба [и то] писано в сей книге
[ниже сего порознь статьям] и
[у пашенного крестьянина] у Васьки
[Рыкова уродилось великого] царя на
[десятине ржаной пять] сот шесть
[снопов ржи а по умолоту и по о] пыту

[1] Книга приходная выдельному и дееятипному хлебу Усть-Киренской Верхней волости 1667 г., арх. № 6, св. I, об. Снимок начинается со слова (крес)тьяиах, первый слог которого написан на предыдущей странице книги Погибший текст показан в квадратных скобках.

некоторые задачи чисто графически. Этот способ был удобным ещѐ и потому, что цифры в книгах писались только словами

Большинство восстановленных мест проверяется двумя-тремя параллельными способами. При этом, понятно, нельзя восстановить описок и ошибок писца.

Воспользуемся данными книг 1667 года для вычисления средней урожайности.

29 пашенных крестьян волости засевали 42¾ дес. государевой пашни. Для выдела хлеба в государеву казну были назначены: приказчик Иван Решетник, илимские служилые люди Ганька Торлопов и Овдейка Басов и житничный целовальник Мирошка Ильин.

Результаты их выдела сведены в таблицу 48.

Таблица 48

Показатели	Единица измерения	Рожь	Ячмень	Овѐс	Итого
1. Государева пашня	десятин	29	8¼	5½	42¾
2. Нажато снопов	штук	16612	4660	5054	26326
3. Намолочено хлеба	пудов	1357¼	160	472¾	1990
4. Намолот с 1 снопа	фунтов	3,27	1,37	3,74	3,02
5. Снопов на десятину	штук	573	565	919	616
6. Сбор хлеба с 1 десятины	пудов	46,8	19,4	85,9	46,5

Итак, самой урожайной культурой в этом году оказался овѐс, затем шла озимая рожь. Характерны очень резкие колебания урожайности по отдельным дворам волости. Так, посев ржи у пашенного крестьянина Ондрюшки Сергеева, и государев и свой, погиб. У многих крестьян был получен па государевой пашне очень низкий урожай, например, у Климки Кераса родилось с десятины 19 пудов ржи, у Ивашки Соколова 15 пудов, у Гришки Захарова 15 пудов, а у Сеньки Тварогова только 5 пудов. Но некоторые крестьяне получили высокий урожай ржи, например Козѐмка Воронин 74 пуда, Томилка Власов 82 пуда, Мирошка Ильин 80 пудов, Микитка Макаров 92 пуда, Офонька Никонов 96½ пудов, Пашка Красноштанов 80 пудов. Особенно хорошие сборы овса с десятины установлены у Фомки Аврамова — 167 пудов, у Ивашки Алексеева 108 пудов, у Максимки Брянского 110 пудов и у Баженко Юхлая (первый туземец-пахарь) 156 пудов. На ячмень был плохой урожай, только Сенька Тварогов собрал 40 пудов с десятины да Стенька Курва 63 пуда, остальные не собирали и 25 пудов, а большинство 15-20 пудов с десятины.

У крестьян этой волости присевали на свободных к-млях 'I промышленный человек, 1 вкладчик и 1 половник монастыря. Эти лица обязаны были сдать в казну $^{1}/_{10}$ часть урожая. «Ужато» у них 9809 снопов, что соответствует, примерно, 18-19 десятинам. Средний намолот с 1 снопа показан в таблице 49.

Таблица 49

Культуры	Всего „ужато" снопов	Намолочено с $^{1}/_{10}$ части, пудов и фунтов	Намолочено с 1 снопа фунтов
Рожь озимая	3137	32 п. 5 ф.	4,09
Ячмень	1702	13 п. 5 ф.	3,08
Овѐс	1241	11 п. 15 ф.	3,67
Пшеница	3729	29 п. 10 ф.	3,14
Итого	9809	85 п 35 ф.	3,5

Анализ одной ужинной росписи, по Бирюльской и Тутурской волостям за 1692 год, был сделан А.А. Иониным на 118 стр. его книги[1]. Этот анализ можно проверить, так как документ, на который ссылается Ионин, сохранился (Столбцы XVII века, хранящиеся в Иркутске, столбец 27). Цифры приведены им правильно (есть незначительная разница в числе снопов). Но Ионин считает, что выделялись ржаные и яровые снопы, в то время как в действительности за яровые в этих волостях выделялось рожью. Кроме того, Ионин берѐт высокую урожайность — 10 фунтов со снопа. Конец документа утерян, поэтому из 20-22 пашенных крестьян Тутурской слободы в списке осталось только 11 чел., отсутствует также умолотная роспись, вследствие чего документ теряет большую часть своей ценности.

Другие выдельные книги относятся к началу XVIII века и касаются главным образом некрестьянского населения.

О выделе по Братской волости за 1705 год говорится: «Всего по сим умолотным книгам за руками житничных целовальников умолочено в Братцком уезде во всех ангарских и окинских деревнях десятинного хлеба»: ржи 300 четвертей, овса 444 четверти. Площадь государевой пашни составляла 49⅝ десятин. Значит, с одной десятины было «умолочено» почти 15 четвертей или 120 пудов. Цифры эти вызывают серьѐзное сомнение в их правильности.

[1] А.А. Ионин. «Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века». Приложение к тому XXVI, №№ 1, 2 и 3 «Известий ВСОИРГО», Иркутск, 1895

В том же году производился выдел в Нижне-Илимской слободе у 18 служилых, гулящих, промышленных и посадских людей (арх. № 74, св. 6, лл. 23-26). Результаты выдела и обмолота приведены ниже.

Таблица 50

Показатели	Единица измерения	Озимая рожь	Ячмень	Овёс	Пшеница	Ярица	Итого
1. Выделено снопов	штук	120	20	66	151	467	824
2. Намолочено зерна	пудов	12	1½	9½	6½	$36^{4}/_{5}$	$66^{1}/_{3}$
3. Умолот с 1 снопа	фунтов	4	3	5,7	1,7	3,2	3,2

Выдел по Яндинской волости у 16 человек служилых, посадских, гулящих, казаков и казачьих детей (лл. 159-168) дал следующие результаты: обмолочено 4305 снопов, получено с 1 снопа 4,6 фунта ржи, 3,1 — пшеницы и 4,8 — ярицы.

В 1708 году производился выдел у 3 служилых и посадских людей Братского острога. Из них заслуживает внимания только выдел в Малой Каде у братьев Микляевых[1], имевших присевок в 3½ дес. Нажато было 2450 снопов ржи, значит, по 700 снопов с десятины, выделено 490 снопов, из сотницы намолочено четь с четвериком, т. е. 9 пудов, с одного снопа 3,6 фунта, а в пересчѐте на десятину — 63 пуда (арх. № 92, св. 9, лл. 296-301).

В 1709 году у 6 промышленных людей и одного присыльного в Ново-Удинской слободе выделено 585 снопов, средний умолот с одного снопа: по ярице 3,6 фунта, но пшенице — 2,9 фунта (арх. № 93, св. 9, лл. 85-86).

Последние выделы, может быть, интересны только тем, что дают представление о слабом развитии земледелия у некрестьянского населения Илимского воеводства в начале XVIII столетия.

Наконец, хороший материал для выяснения урожайности представляют некоторые переписи.

В 1721 году была произведена перепись пашенных крестьян Илгинской волости (арх. № 149, св. 16), по которой можно установить размер урожая на основании показаний самих крестьян. Это, пожалуй, единственный документ, в котором записаны посевные площади и дана их урожайность. Но, к сожалению, он касается лишь одной волости и не расчленяет яровых по культурам.

В таблице 51 приведена обработка показаний 86 дворов об их посевах в 1719 и 1720 годах.

[1] Один из них, Григорий Микляев, являлся мирским челобитчиком по делу Кафтырева и действовал под именем Гришки Безсонова.

Таблица 51

Показатели	Единица измерения	Рожь	Яровые	Итого
Посевная площадь	десятин	434½	56½	491
Валовой сбор зерна	пудов	34310	2802	37112
Высев семян	„	4765	1019	5784
Урожай с десятины	„	79,0	49,6	75,6
Урожай „сам"	—	7,2	2,75	6,4

Обращает внимание значительное превышение урожая озимой ржи над яровыми. Это одна из причин слабого развития яровых культур в Илимском воеводстве в те годы.

25 хозяйств из 86 получали в среднем за два года по 100 и более пудов озимой ржи с десятины. Самые высокие сборы были у Гурья Евдокимова, Ивана Евдокимова, Ивана Сураковских (160-170 пудов), в складническом дворе Выборовых (160 пудов), у Петра Пономарёва (147 пудов). В пересчёте на современные меры 100-пудовый урожай с десятины соответствует 11,3 ц/га.

Наиболее полные материалы по урожайности находятся в переписи 1722 года. Результаты обработки 280 ответов на вопросы о величине высева и урожая 5 зерновых культур: озимой ржи, пшеницы, ярицы, ячменя и овса приведены в таблице 52.

Таблица 52

Остроги и слободы	Высев пудов	Сбор пудов	Урожай „сам"
Усть-Кутский острог	1018	3261	3,2
Орленская слобода	1163	4165	3,6
Тутурская слобода	993	6592	6,6
Илгинский острог	5437	34052	6,3
Ново-Удинская слобода	1467	7440	5,1
Братский острог	1399	9246	6,6
Кежемская слобода	199	850	4,3
Итого	11676	65606	5,6

Соотношение высева к сбору, равное 1:5,6, говорит о высоких урожаях и о достаточно производительном земледелии. При высеве в настоящее время около 1,6 ц зерна на гектар и при сборе сам 5,6 величина урожая составила бы около 9 ц с гектара.

Для более полной оценки полученных результатов о продуктивности земледелия нужно принять во внимание, что эти данные относятся не к одному 1722 году, а к ряду лет, так как крестьяне показывали урожай, прибавляя «по вся годы» и что у крестьянина не было оснований преувеличивать свои доходы, а, напротив, имелись причины их преуменьшать.

Можно по данным о величине высева, исходя из определѐнной нормы на единицу площади, вычислить вероятный размер посева в десятинах и таким образом получить в руки средство определения среднего урожая с десятины.

На основании таких расчѐтов построена таблица 53, в которой урожай показан в пудах с десятины.

Таблица 53

Культуры	Усть-Кутская	Орленская	Тутурская	Илгинская	Ново-Удинская	Братская	Кежемская	Среднее
Рожь озимая	37,5	39,4	68,6	59,8	69,0	79,1	52,6	65,3
Пшеница	43,0	37,5	75,0	59,2	30,1	69,2	—	53,3
Ярица	—	—	—	100,0	82,2	65,1	61,1	77,1
Ячмень	41,6	54,3	69,7	42,5	40,8	71,1	37,4	48,2
Овѐс	36,6	34,8	44,0	40,1	52,2	79,2	40,6	44,5
Среднее по зерновым	38,0	38,8	67,8	65,8	65,3	76,4	51,7	61,0
Горох	33,0	20,0	36,7	—	—	—	30,0	38,9
Конопли (семя)	26,9	26,4	30,0	30,0	21,6	20,9	25,7	27,4

На первом месте по урожайности оказалась яровая рожь, тогда ещѐ очень мало распространѐнная. В еѐ высокой урожайности коренится тот успех, который она получила в последующие годы в Ангаро-Ленском крае. Ныне еѐ спешат вытеснить отовсюду, несмотря на многие еѐ достоинства. На втором месте была озимая рожь, можно сказать, общероссийский хлеб того времени. Пшеница занимала уже среднее по урожайности место; к этому времени, за 70-80 лет возделывания еѐ, крестьянин уже научился выбирать «пшеничные» земли, те прекрасные суглинки, которые составляют в настоящие дни основу возделывания еѐ в Иркутской области.

Дать группировку хозяйств по степени урожайности довольно трудно, так как по многим дворам имеются лишь общие сведения о сборе яровых, без расчленения на отдельные культуры. Кроме того, наличие складнических хозяйств сильно осложняет расчѐты. Но можно сказать, что высокие урожаи, более чем по 100 пудов с десятины в то время не были редкостью. Из

переписных материалов выделено 204 хозяйства, среди которых можно отобрать те дворы, где был достигнут урожаи отдельных культур более 100 пудов с десятины. По озимой ржи это будет соответствовать сбору сам-10 и больше, а по яровым сам-6,7 и выше. По озимой ржи урожай свыше 100 пудов собирался в 30 хозяйствах, т. е. в 14,8% общего их числа, причѐм в деревнях по Тыпте (деревни Широковских, Евдокимовых и Фѐдорова) отмечен урожай ржи в 164 пуда, в Ново-Удинской слободе в одном случае было получено 120 пудов, в Усть-Илге — 150 пудов, в дер. Жигаловой 153 пуда с десятины.

По пшенице таких случаев высоких урожаев четыре: в Илгинском остроге, дер. Закорской Ближней, в дер. Жигаловой и в дер. Тангуйской. По ярице можно отметить в Ново-Удинской слободе 5 случаев сбора свыше 100 пудов, в том числе 2 случая — 149 и 150 пудов с десятины. По ячменю 4 случая — в Илгинском остроге, по Илге, в дер. Марковой Усть-Кутской волости и в дер. Большой Кадинской Братского острога. По овсу имелось лишь два случая — по Илге и в Усть-Илге.

Возможно, что число хозяйств с очень высоким урожаем было больше, чем отмечено; не исключено также, что в старое время встречались ещѐ большие урожаи, так как крестьянин опасался показывать свои успехи. Хотя обложение крестьян и не ставилось в зависимость от дохода двора, однако всякие дополнительные местные повинности, воеводские и мирские, часто возлагались на более «пожиточных» и «семьянистых» крестьян.

Конечно, вместе с высокими урожаями встречались и очень низкие. Можно назвать ряд деревень, особенно Усть-Кутского острога, в которых урожаи колебались в пределах 30-40 пудов с десятины. Стопудовых сборов, например, не отмечено в дер. Безносовке (7 дворов), в мелких деревнях по р. Илге — Дремзина, Марковская, Ореховская, в мелких деревнях — заимках по Тунгуске, т. е. по Ангаре, ниже устья р. Илима, в Орленской слободе, в деревнях около Усть-Кута, в частности в довольно крупной шестидворной дер. Назаровке.

В дополнение к сказанному об урожае у крестьян можно бы сослаться на хозяйство, которое относилось безразлично ко всяким порядкам обложения, так как они миновали его. Имеется в виду деревня Якутского Спасского монастыря. По показаниям этого хозяйства сбор ржи там составлял 3000 пудов, по 100 пудов с десятины. Это ещѐ раз подтверждает, что высокие урожаи тогда встречались почти повсеместно. В Илимском воеводстве было ещѐ два крупных хозяйства — Киренского монастыря и Спасской пустыни (Братского монастыря). Но данные о первом монастыре за исследуемое время отсутствуют, а по Спасской пустыне обычным сбором, видимо, был урожай около 60 пудов с десятины.

Не всегда крестьяне раскрывали подьячим тайники своего хозяйства. Они уже постигали простую истину, что всякие учѐты посева, урожая и имущества влекут дополнительные обло-

жения. Поэтому в более поздние времена крестьянские сказки становятся менее интересными.

В октябре 1726 года илимская воеводская канцелярия в несколько торжественном тоне запросила Тушамскую слободу: «Сколько в котором городе и дистрикте наличного правианта с пахоты ея императорского величества десятин пашни прошлых 724 и 725 годов было в умолоте ржи и овса». Крестьяне, давая сказки, упоминали, что за утаѐнные или неправильные сведения еѐ величество может указать учинить им смертную казнь. И 123 крестьянина Нижне-Илимской волости показали, что весь сбор ржи составил у них 8128 пудов, овса 1388 пудов. В действительности там засевалось около 500 десятин и средний сбор хлеба составлял приблизительно 30000 пудов. Несообразность этих сказок можно показать на многих примерах. Иван Прокопьев заявил, что сбор ржи у него составляет 80 пудов, овса 16 пудов и что продаѐт он 60 пудов, Макаров указал, что собирает 48 пудов ржи и овса, а продаѐт 80 пудов, Куклнн будто бы намолотил 96 пудов, а продал 100 пудов.

Другая несообразность: Онучин и 3 его односельчанина несли тягло в размере 2 десятин и показали, что собирают 224 пуда хлеба, а Ступин при тягле в ½ десятины (в 4 раза меньше первых) показал, что собирал хлеба 520 пудов (в 2 с лишним раза больше первых).

Ответ крестьян Кежемской слободы на тот же запрос Илимска можно считать виртуозным.

Первый крестьянин, Иван Брюханов, указав величину сбора ржи, заявил, что «овса в тех годех не родилось», следующий крестьянин повторил то же самое, и такой ответ повторялся 16 раз. Возможно, что подьячий или переписчик, заметив крайнюю странность стереотипных ответов, указал на это крестьянам. Тогда следующий, 17-й крестьянин, совсем не назвал величины собранной ржи и ответ его был записан так: «Ржи и овса было малое число». Вслед за ним все следующие крестьяне, 10 человек, повторили его ответ. Ведомость получилась оригинальной — у первых крестьян рожь родилась и названы цифры, но овса не было, у последующих крестьян не названо ни одной цифры.

После показаний каждого крестьянина для порядка было записано: «А ежели я, Артемей (или другой), сказал что ложно или утаил, и за то б указала ея императорское величество смертную казнь». Подписана эта «статистика» тоже оригинально: за каждого крестьянина, кроме двух, расписался «поп Григорей Иванов», причѐм в 23 случаях он назвал себя попом, а в 24-м для разнообразия — священником. К двум сказкам местный дьячок Михайло Качин руку приложил (арх. № 213, св 21, лл. 63-68).

Видимо, без всяких поправок Илимск отправил ведомость в Иркутск, так как сведения о городах и дистриктах запрашивались оттуда.

Основой экономики зернового хозяйства в Илимском крае являлась озимая рожь. Поэтому в течение XVII века илимский пашенный крестьянин искал таких приѐмов агротехники, применяя которые можно было в условиях таѐжной местности не только поднять до удовлетворительной высоты сборы озимой ржи, но и сделать их устойчивыми. Падение урожаев озимой ржи, отмеченное для середины XVII века, было преодолено. Конечно, и по яровым хлебам илимский крестьянин в той массовой экспериментальной работе, которую он вѐл, уже постиг основы их агротехники. Но яровые хлеба, особенно пшеница, ещѐ не приобрели того решающего значения, которое они получили позднее, и поэтому успехи в их возделывании были пока скромными.

БАЛАНС ХЛЕБА У ПАШЕННЫХ КРЕСТЬЯН

На основании сказок 1722 года можно сделать попытку построить согласованный, внутренне связанный приход и расход хлеба у крестьян. Для этого сказки дают следующие опорные показатели: 1) число едоков; 2) поголовье скота; 3) высев хлеба; 4) сбор хлеба; 5) покупку и продажу хлеба и 6) сдачу зерна государству.

Следовательно, недостающими звеньями баланса являются расход хлеба на продовольствие и расход хлеба скоту. Для похозяйственных балансов приняты следующие годовые нормы расхода хлеба: на 1 едока без различия возраста 12 пудов и на рабочую лошадь 15 пудов. Построенные балансы дают возможность судить о структуре прихода и расхода хлеба, в частности о товарности земледелия и, кроме того, позволяют в известной мере проверить справедливость показаний крестьян о своѐм хозяйстве.

Общие результаты расчѐтов, проделанных по каждому крестьянскому хозяйству в пудах, показаны в таблице 54.

Общий дефицит баланса — 6457 пудов или 9,7% к собственному производству. Урожай по сказкам крестьян за 1720-1722 годы был в целом удовлетворительным, около 63 пудов с десятины. Однако и в этом случае илимское крестьянство, даже при скромных нормах потребления и низкой обеспеченности животных кормами, имеет дефицитный баланс хлеба.

Как следует из таблицы, почти половина всего расхода, именно 48,2% шло на продовольственные цели. На внутрихозяйственные нужды, т. е. на семена и корма потреблялось около ⅓, точнее 31,7% и отчуждалось из крестьянских хозяйств 20,1% от количества израсходованного хлеба.

Таким образом, распределение произведѐнного хлеба свидетельствует о типе среднего и мелкого крестьянского хозяйства, в котором 80% продуктов потребляется внутри этого хозяйства.

Приведѐнные цифры представляют собою итоги обработки показаний 288 хозяйств, следовательно, дают представление

Таблица 54

Статьи баланса зерна	Пудов	Удельный вес в %%
I. Приход		
Поступление от урожая Покупка	65271 5250	92,6 7,4
Итого	70521	100,0
II. Расход		
На продовольствие На семена На корма Сдача государству Продажа	37069 11552 12885 9447 6025	48,2 15,0 16,7 12,3 7,8
Итого	76978	100,0
II. Разницы		
Излишек у одних хозяйств Дефицит у других хозяйств	7457 13914	— —

только об общих закономерностях, о средних значениях изучаемого явления. Вследствие этого возникает необходимость раскрыть средние величины и показать в особой группировке, с какими результатами выходили различные но мощности хозяйства пашенных крестьян. Об этой необходимости говорят, в частности, вынесенные, как заключительная часть баланса, статьи излишка и дефицита хлеба у различных хозяйств.

В таблице 55 приведена группировка крестьянских хозяйств по размеру посевной площади и вычислены по каждой группе все статьи баланса (в пудах).

Эти данные пополняют анализ хлебного баланса разрезом по социальным группам. Для удобства обозрения приведѐнных цифр в таблице 56 даны относительные величины в виде процентов, причѐм излишек и дефицит хлеба по каждой группе взаимно зачтены и величина их процентирована к количеству произведѐнного хлеба.

Из приходной части балансов хорошо видно, что чем крупнее хозяйство, тем меньше оно покупает хлеба. В расходной части проявляется достаточно отчѐтливо понижение расхода на продовольствие по мере увеличения размера хозяйства и одно-

Таблица 55

Группы по посеву, дес.	Приход			Расход						Разинцы	
	урожай	покупка	итого	продовольствие	семена	корма	сдача государству	продажа	итого	излишек	дефицит
До 2	6047	1450	7497	6538	1250	1800	1324	230	11142	184	3829
2,1-5	35556	3300	38856	22500	6094	7755	5291	2320	43960	3571	8675
5,1-10	20058	500	20558	7027	3417	2940	2490	2775	18649	3319	1410
Более 10	3610	—	3610	1064	791	390	342	700	3227	383	—
Итого	65271	5250	70521	37069	11552	12885	9447	6025	76978	13914	13914

Таблица 56

Группа по посеву, дес.	Приход			Расход						Разницы	
	урожай	покупка	итого	продовольствие	семена	корма	сдача государству	продажа	итого	излишек	девицип
До 2	80,7	19,3	100,0	58,7	11,2	16,1	12,0	2,0	100,0	—	60,3
2,1-5	91,5	8,5	100,0	51,2	13,9	17,6	12,0	5,3	100,0	—	14,4
5,1-10	97,6	2,4	100,0	37,7	18,3	15,8	13,3	14,0	100,0	9,5	—
Более 10	100,0	—	100,0	31,1	24,5	12,1	10,6	21,7	100,0	10,4	—
Итого	92,6	7,4	100,0	48,2	15,0	16,7	12,3	7,8	100,0	9,7	18,1

временно — повышение производственных затрат и рыночной продажи. Что касается сдачи государству, то она несколько выше но мелким хозяйствам, чем по самым крупным. Кроме того, нужно учесть, что первые хозяйства при этом отрывали хлеб от своих насущных нужд, в то время как крупные хозяйства имели излишки хлеба. То, что мелкое хозяйство несло гораздо более тяжѐлые повинности перед государством, чем крупное, можно выразить в следующих численных измерителях: 1-ая группа сдавала государству 21,9% своего урожая, 2-ая группа — 14,9%, 3-я группа — 12,5% и 4-ая группа — 9,5%.

Зажиточные крестьяне нередко преуменьшали свои хлебные ресурсы. Это можно показать путѐм похозяйственных расчѐтов. Обнаруживаются такие хозяйства, которые, имея явные излишки

хлеба, при даче сказок показывали, что они хлеб покупают. Например, хозяйство Тупицыных по р. Тыпте имело около 170 пудов излишка, а при опросе показало покупку 60 пудов; в хозяйстве Василия Дядина (Орленга) имелся излишек около 210 пудов, а показана покупка 300 пудов хлеба. В хозяйстве Семѐна Грязнухина, в Орленге, излишек был около 100 пудов, показано покупки 150 пудов, в дер. Жигаловой в хозяйстве детей Нечаевских излишек составлял 140 пудов, показано приобретение 100 пудов.

Как бы то ни было, несомненно то, что в большинстве маломощных хозяйств с хлебом были серьѐзные затруднения. На это указывают и многочисленные заявления крестьян, что «питаются они с нуждою». Из 66 хозяйств с посевом до 2 десятин 50 хозяйств имели дефицитный баланс хлеба.

Пищевые ресурсы, конечно, пополнялись и из других источников: немного сеялось гороха, почти все занимались коноплеводством, что давало растительное масло; повсеместно имелись небольшие огороды.

Немало пищевых продуктов получалось от животноводства. От 1100 коров, вероятно, могло поступать молока до 15 пудов на душу и до 1,5 пуда мяса в год.

Наконец, имелись некоторые неземледельческие заработки: извоз, продажа сена, охота и рыболовство.

С помощью всех этих средств — земледелия, животноводства, продажи сена, охоты, рыболовства и других промыслов — большинство крестьян могло сводить концы с концами. Немногие поднимались до уровня зажиточного крестьянина.

ЦЕНЫ НА ХЛЕБ

Свести в легко обозримую таблицу рассеянные данные о ценах па хлеб не удалось. Так как межрайонного хлебного рынка ещѐ не существовало, то колебания цен на хлеб отражали в очень сильной степени высоту местного урожая зерна.

В Енисейске в 1645 году цены за пуд ржи колебались от 10 копеек (начало зимы) до 15 копеек (конец зимы), но весной того же года рожь можно было купить по 14 копеек. В 1647 году в Якутске рожь покупалась по 35-60 копеек за пуд, а в 1648 году по 33-34 копейки. В 1653 году в Илимске хлеб покупался по 15 алтын за четверть, т. е. по 11 копеек за пуд, а в 1654 году по 10 копеек. В 1658 году пуд ржаной муки в Илимске стоит 15, а рожь 10 копеек. Вследствие неурожаев в 1669-1671 годах цены на муку увеличиваются до 60-70 копеек, даже пуд овса или ячменя расценивался по 30-40 копеек. Но уже в 1672-1673 годах эти цены снизились до 20 копеек по ржи и до 15 копеек по овсу и ячменю. В то же время в Чечуйской волости рожь продавалась: в 1671 году по 40 копеек, овѐс и ячмень по 25 копеек, а в 1672 году соответственно по 20 и 12 копеек. В Якутске цена пуда муки поднялась в 1671 году до

одного рубля, а в 1672 году упала до 30 копеек. В 1695 году илимцы продали в Енисейске овѐс по 1 копейке за пуд. В 1703 году служилый человек Сюсин, по поручению илимского воеводы, покупал в верховьях Лены большую партию ржи по 8 копеек за пуд. В 1711 году в Илимске пуд ржаной муки покупался по 6-7 копеек, в том же году крестьяне рассчитывались со своими ямскими подрядчиками хлебом, исходя из цены 5 копеек пуд. По данным илимской воеводской канцелярии пуд «ржи доброй» стоил в разное время года: 1724 год — 8-15 копеек; 1725 — 10-17 копеек; 1726 — 10-17 копеек; 1727 — 8-9 копеек; 1728 — 8-9 копеек; 1729 — 9-10 копеек; 1730 — 9-15 копеек.

Не все эти данные достоверны. Часть цен взята из челобитных служилых людей, которые жаловались на своѐ тяжѐлое положение и в доказательство приводили преувеличенные цены. Таможни в Илимском и в Киренском острогах в середине XVII века оценивали пуд провозимой в Якутск ржаной муки по 40 копеек. Но это была цена не рынка, а государства, стремившегося взять больше пошлин в виде «десятой деньги». На винокурение в 1706-1720 годах обычно покупали рожь по 7-8 копеек пуд.

В конце XVII века из Братского острога в отдельные годы возили хлеб в Иркутск и в Енисейск. На месте приобретения хлеб стоил от 6 до 7 копеек за пуд, в Енисейске продавался по 9-10 копеек. За сплав хлеба из Братска до Енисейска «торговые люди давали найму» по 10 денег с пуда, т. е. по 5 копеек. Следовательно, в нормальных условиях хлеб вниз по Ангаре сплавлять было невыгодно.

Взвешивая все имеющиеся, большей частью случайные, данные о ценах на хлеб, можно сделать лишь общие выводы: 1) резкие колебания цен по отдельным годам говорят об отсутствии постоянных межрайонных хлеботорговых операций; 2) цены на хлеб выше всего поднимались в первые годы заселения Илимского края и были тогда наиболее неустойчивыми; 3) некоторая стабилизация цен установилась лишь в конце XVII и в начале XVIII столетий и колебалась в глубинных деревнях около 8 копеек за пуд немолотой ржи; 4) начиная с 20 годов XVIII столетия отмечается медленное, но беспрерывное повышение хлебных цен, связанное, вероятно, с падением покупательной силы денег.

ЖИВОТНОВОДСТВО И ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ КОРМАМИ

Размеры и направление животноводства находились в прямой зависимости от развития пашенного дела. Животноводство представляло неотъемлемую часть общей экономики крестьянина.

Повсеместно разводились лошади и крупный рогатый скот. Безлошадных и бескоровных дворов пашенных крестьян не было Свиноводство и овцеводство не получили заметного развития,

потому что для первого нехватало хлеба, для второго — открытых пастбищ. Обе последние отрасли животноводства являлись вспомогательными, имевшими чисто потребительское значение. Количество свиней и овец никогда не учитывалось. Куры и другая домашняя птица, вероятно, являлись принадлежностью каждого крестьянского двора, но о них документы упоминают чрезвычайно редко, например, в некоторых описях имущества. Так как никаких налогов на животных и птицу не существовало, то никто не интересовался их численностью.

Данных об общем количестве скота, даже лошадей и коров, по всему воеводству не имеется ни за один год. Единственным документом, по которому можно приблизительно судить о количестве лошадей и крупного рогатого скота, являются сказки 1720-1722 годов. Уцелевшие части сказок позволяют с некоторой долей вероятности полагать, что количество лошадей у пашенных крестьян составляло около 3800-4000 голов и крупного рогатого скота около 5600-6000 голов. В первые годы заселения русскими Илимского края лошади частью привозились из Енисейска и даже из Томска, а частью отбивались в стычках с бурятами или приобретались у них путѐм покупки. Вероятно, такого же происхождения крупный рогатый скот и овцы. Свиньи и птица не могли быть местного происхождения, так как ни буряты, ни тунгусы их не разводили.

Очень быстро русское население обзавелось необходимым количеством скота и дальнейшее развитие животноводства происходило путѐм собственного воспроизводства. Приобрести скот было легко, так как он ценился дѐшево: средние лошади покупались по 5-10 рублей, коровы по 3-5 рублей. Расходы на содержание скота были незначительны. Поэтому лошадей и коров имели почти все служилые люди, посадские и духовенство. Жалоб крестьян на бескоровность не встречается, но в документах нередко можно прочитать о «лошадиной скудости». Из продуктов животноводства на тамошнем рынке можно было встретить только овчины, кожи, изредка мясо, а в конце первой четверти XVIII века масло коровье. Таможенные книги отмечали только продажу лошадей, коров и быков. Данных о продаже молока не встречается. Оно не было тогда товарным продуктом и вряд ли на него существовали цены.

Пашенный крестьянин неизбежно должен был иметь лошадей больше, чем требовалось позднее, в XIX и XX столетиях, так как приходилось несовершенными орудиями разрабатывать девственные тяжѐлые земли и широко использовать лошадей на дальних перевозках, которые в те времена были обычными. На 280 пашенных крестьян по сказкам 1720-1722 годов приходилось только 12 однолошадных дворов, но они имели 33 головы крупного рогатого скота.

В таблице 57 приведены поволостные данные о числе лошадей на 1 двор и о площади посева на 1 лошадь.

Таблица 57

Волости	На двор		На рабочую лошадь десятин посева
	лошадей всех	крупного рогатого скота	
Усть-Кутская	4,9	8,2	0,72
Орденская	4,7	7,3	0,95
Тутурская	5,4	8,2	1,12
Илгинская	5.2	8,1	1,68
Ново-Удинская	3,4	5,8	1,38
Братская	4,4	5,1	1,02
Кежемская	5,2	8,4	1,13
Итого	4,7	7,2	1,26

На один двор приходилось почти 5 лошадей, в том числе 3 рабочих, более 7 голов крупного рогатого скота, в том числе 4 коровы. Это количество скота удовлетворяло требованиям двора в тягле и семьи в молочных продуктах.

На 1 рабочую лошадь приходилось посева в три раза меньше, чем приходится в настоящее время в северных районах Иркутской области.

Крупного рогатого скота на 1 десятину посева приходилось 1,9 головы, в 1940 году в северных районах Иркутской области это соотношение равнялось — 0,7. Значит, крупного рогатого скота на единицу посевной площади держали тогда больше. Объяснение этому нужно искать в малой площади посева и в наличии свободных пастбищ и сенокосов, позволявших вести дешèвое скотоводство.

В целом, как полевое хозяйство было в те годы более односторонним, чем теперь, так и животноводство ограничивалось разведением почти исключительно лошадей и крупного рогатого скота.

Несмотря на укрепившееся повсеместно земледелие, посевы ещè не везде были достаточны для хорошего содержания скота. Сбор кормовых зерновых культур, т. е. овса и ячменя в 1720-1722 годах составлял, по сказкам 280 дворов, 8,5 пуда на одну рабочую лошадь. Наиболее обеспеченной была Ново-Удинская слобода, где на лошадь приходилось 14,9 пуда, затем Братская волость — 13,2 пуда и Илгинская — 7,9 пуда. Самой скудной в этом отношении оказывалась Тутурская волость — 1,9 пуда. Конечно, нельзя исключать возможности дачи лошадям и других хлебов, в частности ржи, особенно из подсевок. Но не подлежит сомнению, что основным зимним кормом было сено, а также солома.

Для того, чтобы получить представление о степени обеспечения скота грубыми кормами, приводим некоторые расчѐты. В основу их положены следующие нормативные величины: вес копны — 6 пудов, годовая потребность в сене рабочей лошади — 120 пудов, конского молодняка — 60 пудов, коровы — 96 пудов и телят — 48 пудов. Результаты показаны в тысячах пудов (табл. 58).

Таблица 58

	Усть-Кутская	Орленская	Тутурская	Илгинская	Ново-Удинская	Братская	Кежемская	Итого тысяч пудов
Потребность скота в сене	41,3	37,5	31,4	108,9	27,3	35,6	5,3	287,3
Заготовка сена	36,6	56,7	31,9	108,9	20,1	29,0	6,0	289,2
Излишек сена	—	19,2	0,5	—	—	—	0,7	20,4
Недостаток сена	4,7	—	—	—	7,2	6,6	—	18,5

Сначала кажется, судя по общим итогам, что сена достаточно: требуется 287,3 тыс. пудов, заготовляется 289,2 тыс. пудов. Но при поволостном разрезе вскрывается недостаток сена в одних волостях и излишек в других. Принимая во внимание низкое обеспечение лошадей зерном в Тутурской волости, можно отнести еѐ к числу волостей, ещѐ не разрешивших к началу XVIII века многих неотложных задач. Недостаток сена и зерна для скота эта волость, как и некоторые другие, покрывала соломой. Если учесть, что господствующим растением в посевах являлась озимая рожь, то легко представить неудовлетворительность такого Выхода из затруднения.

Степень обеспечения животных грубыми кормами удобнее выразить количеством кормов, приходящихся па одну голову крупного скота в условном исчислении. Если принять одну голову взрослого скота за единицу, молодняка — за ½ единицы, а сбор соломы вычислить по отношению к урожаю зерна в пропорциях: по озимой соломе 1,5:1, а по яровой 1:1, то получатся результаты, приведѐнные в таблице 59.

При вполне удовлетворительной обеспеченности грубыми кормами, удельный вес соломы в среднем невелик — 24,2% и значительно ниже, чем он был у крестьян коренной России. Наиболее обеспеченной грубыми кормами оказывается Орленская волость, лежавшая на оживлѐнном водном и сухопутном пути вдоль Лены от устья р. Илги до устья р. Куты. Солома здесь составляет всего 9,4% от общего сбора грубых кормов. Если остановиться

Таблица 59

	Единица нзмерения	Усть-Кутская	Орленская	Тутурская	Илгинская	Ново-Удинская	Братская	Кежемская	Итого
Сбор: а) соломы б) сена	тыс. пуд.	 4,3 36,6	 5,9 56,7	 9,8 31,9	 49,5 108,9	 9,1 20,1	 12,5 29,0	 1,1 6,0	 92,2 289,2
Итого грубых кормов	тыс. пуд.	40,9	62,6	41,7	158,4	29,2	41,5	7,1	381,4
Скота в переводе на крупный	голов	393	355	298	1032	258	330	51	2717
Грубых кормен) на 1 голову:									
а) сена	пудов	93	159	107	105	78	88	117	106
б) всего		104	176	140	153	113	126	139	140

на этом волости и произвести детальный разбор каждого хозяйства, то окажется, что из 36 хозяйств только у четырѐх был небольшой недостаток сена, в размере 400 пудов, который легко покрывался соломой. Остальные 32 хозяйства имели избыток сена в количестве около 20.000 пудов. Это соответствует, примерно, 1100 возам, считая в возу 3 копны, т. е. около 18 пудов. У 5 хозяйств излишки составляли до 10 возов; эти хозяйства можно отнести к числу малотоварных, которые могли продавать сено от случая к случаю. У 14 хозяйств избытки составляли от 11 до 30 возов; понятно, что такие запасы выходят за пределы обычного резерва и предназначались для рынка. Ещѐ более оснований для превращения сена в товар были у некоторых других хозяйств; из них 7 имели излишков от 31 до 50 возов, 3 хозяйства от 51 до 70 возов на двор. В. и М. Новиковы из дер. Дудкииой имели излишнего сена 77 возов, В. и А. Шерстяниковы из деревни того же названия — 87 возов, а И. и Г. Скокиных из дер. Тарасовки — 157 возов. Это были уже крупные поставщики сена для проезжающих по тракту или для специального сплава вниз по Лене, где в сене был такой же недостаток, как и в хлебе.

Приняв хозяйства с избытком сена в 11 и выше возов за товарные, можно установить, что 27 хозяйств или 75% вели широкую заготовку сена на продажу.

Таким образом, подворный анализ даѐт возможность обнаружить на Лене серьѐзное по тем временам товарное производство грубых кормов. Крупные заготовки сена велись и в других приленских деревнях: в Илгинском остроге одно хозяйство накашивало 600 копѐн сена, по р. Илге и р. Тыпте заготовлялось

Фото 19. Клочок пашни в лесу около Братска.

по 500, 600 и даже 900 копѐн на двор, в Тутурской слободе два хозяйства ставили по 400 копѐн, даже в Усть-Кутской волости было свыше десятка дворов, накашивавших по 300-400 копѐн сена. Столь больших заготовок не встречалось на Ангаре, Оке, Илиме и других реках Ангарского бассейна, так как там не было таких потребителей сена, как в низовьях Лены. Известно, что для современного Бодайбинского района заготовка сена представляет большую трудность, чем внедрение земледелия. Северные районы и в те годы часть своей потребности в сене покрывали путѐм завоза.

ПОДСОБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ЗАВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Сельское хозяйство, и прежде всего земледелие, полностью определяло экономику илимского крестьянина. В местах, где издревле велось только кочевое хозяйство, первая сошная борозда русского крестьянина оказалась резкой размежѐвывающей чертой между кочеванием туземца и оседлостью новосѐла. Крестьянин оседал прочно и во вновь завоѐванной стране казался более подлинным хозяином земли, которую он осваивал, чем кочевник, не оставлявший на земле следов своей деятельности. Кочевник заинтересован в неизменности земли: охотник — лесов, скотовод — степи. Крестьянин, напротив, заинтересован в изменении еѐ, в овладении еѐ силами.

Все неземледельческие занятия для крестьянина — вспомогательные, дополнительные. Крестьянин поневоле ведѐт разностороннее хозяйство, так как должен покрывать почти все потребности произведениями своего труда. Крестьянин всегда самый разносторонний труженик.

Но многие промыслы не отражаются в делах Илимского воеводства. Поэтому можно остановиться только на некоторых промыслах и вспомогательных занятиях илимского крестьянина.

Мельницы

Из всех «заводов» наибольшее распространение имели мельницы. Сплошного учѐта их по всем волостям Илимского воеводства не сохранилось, но по уцелевшим материалам можно достаточно хорошо представить состояние этой отрасли илимского хозяйства. Мельницы облагались оброком, следовательно, им вѐлся точный учѐт, в силу которого можно располагать доброкачественным материалом в отношении числа и типа распространѐнных в то время мельниц. Все они размещались на реках, речках или ручьях; ветряных мельниц не было, упоминается только одна ветрянка в Яндинской волости.

Водяные мельницы были двух родов — более производительные «колесчатые», т. е. с наливным, а в отдельных случаях может быть и с подливным колесом и мелкие «мутовчатые», т. е.

с рабочим лопастным валом. Последние ставились на малых водостоках и работали зачастую только летом или даже только весною. Колесчатые мельницы нередко мололи для сторонних людей, плата взималась по 20-33 коп. за 100 пуд. Принимая во внимание, что некоторые мельницы, по показаниям их собственников, размалывали по 1500-2000 пудов, доход от них мог подниматься до 3-6 рублей в год. Мутовчатые мельницы размалывали за сезон самое большее по нескольку сот пудов и служили для удовлетворения потребностей одного или нескольких дворов.

По признаку владения мельницы могли быть «мирскими», монастырскими и государевыми. Первых было больше всего, они принадлежали отдельным пашенным крестьянам или группе крестьянских хозяйств, являясь в таком случае складническими, а также служилым, торговым или посадским людям. Монастырям принадлежали мельницы в Киренске, Братске и на Илге, государству — две мельницы в Илимске, одна большая на речке Зырянке, другая малая на ручье (изображена на чертеже Илимского острога), сдававшиеся па откуп, и одна на р. Оке.

В сборнике дел ясачного и денежного стола илимской воеводской приказной избы за 1704 год (арх. № 61, св. 6, лл. 19-22) имеется список мельниц по 7 волостям, на основании которого построена таблица 60 по мирским мельницам.

Отсюда следует, что в этих волостях преобладающим видом мельниц были малопроизводительные, чисто потребительского назначения, мутовки. Размер обложения устанавливался в соответствии с величиной помола, в среднем за колесчатую мельницу уплачивалось в год по 65 копеек, с колебаниями от 2 рублей 3 алтын 2 денег, как у Погодаевых в Нижне-Илимской волости, до 16 алтын 4 денег. Чаще всего встречается размер оброка в 1 рубль и в 50 копеек. Средний размер обложения с мутовчатых мельниц около 16 копеек в год, с колебаниями от 1 алтына 4 денег (5 копеек) до 16 алтын 4 денег (50 копеек), чаще всего уплачивалось по 6 алтын 2 деньги. Следовательно, если судить по размерам обложения, колѐсчатые мельницы по производительности превосходили мутовчатые в 4 раза.

Из 91 мельницы пашенным крестьянам принадлежало 85 мельниц, а остальные — двум служилым людям, илимскому сыну боярскому Ивану Качину, пятидесятнику казачью Ивану Роспутину, отставному казаку Костянтинову и судовому плотнику Лузенину. В последних 6 случаях все мельницы, за исключением одной, принадлежавшей служилому человеку Сизову, были мутовками. Все более производительные мельницы, частью имевшие промышленное значение, находились у пашенных крестьян в личном или складническом владении.

Кроме рассмотренных данных о мельницах Илимского воеводства, в разных делах разбросаны другие сведения, которыми, можно пополнить очерк мукомолья.

Таблица 60

Волости	Число мельниц			Уплачивалось оброка	
	в том числе			с колесчатых	с мутовчатых
	всего	колесчатных	мутовчатых		
Нижне-Илимская	20	8	12	6 р. 79 к.	2 р. 65 к.
Яндинская	15	2	13	1 р. 40 к.	1 р. 61 к.
Усть-Кутская	6	—	6	—	90 к.
Орленская	15	—	15	—	1 р. 57 к.
Илгинская	22	6	16	2 р. 10 к.	1 р. 83 к.
Тутурская	3	1	2	40 к.	30 к.
Бирюльская	10	1	9	1 руб.	3 р. 05, к.
Итого	91	18	73	11 р. 69 к.	11 р. 91 к.

За 1705 год имеется список мельниц, не имеющий начала и конца, охватывающий 27 мельниц Усть-Кутской и Орленской волостей. Эти материалы дают существенные сведения о типе крестьянских мельниц. Вот выдержка из показаний крестьян по складнической мельнице: «Того ж числа деревни Тюменинской (Усть-Кутской волости) пашенные крестьяне Павел Андреев, Василей Тюменин по евангельской заповеди господни сказали: мельница мутовчатая на ключу, построена у них во 191-м (1683) году на даной земле... анбар на пруду двух сажен, в нем одне жернова в аршин. Мелет в сутки, когда вода бывает, пуда по полтретья и по три ржи своего молотья, а посторонного молотья они никакова никакого (по ошибке писца одно слово написано дважды, притом в двух равноправных формах) не мелют. А оброку де платят они по осьми алтын по две деньги на год. Угодей у той мельницы никаких нет. К сей сказке вместо Павла Андреева с товарыщи, по их велению, Микита Сенотрусов руку приложил».

По этим данным можно с достоверностью установить, что в 20 случаях имелись пруды. Это имеет существенное значение потому, что ряд мутовчатых мельниц ставился на ручьях, имеющих большое падение, без подпруживания. Ещѐ и сейчас, в 1948 году, в самом Илимске имеется такая мельница. По этим же материалам можно установить размер строений, которые названы в сказках амбарами: мельниц, имеющих одну сажень (сто-

роны квадрата?) насчитывалось семь, 1½ сажени — тринадцать, 2 сажени — семь. Эти же материалы дают представление о поперечнике жерновов: 20 мельниц имели жернова по ¾ аршина и семь по 1 аршину. Производительность везде показана в пудах за сутки, причѐм всегда оговаривается, что размол идѐт только тогда, когда бывает вода. По 1 пуду мелет одна мельница, по 1-2 пуда — пять, по 2-3 пуда — десять, по 3-4 пуда — десять и по 7-8 пудов — одна мельница. Следовательно, средняя производительность составляла 2,6 пуда в сутки.

В делах за 1726 год (Россыпь, № 66, св. 7, лл. 293-299) собраны сказки крестьян и посадских людей Братского острога о их мельницах. Сказки построены по следующему образцу: «1726 году генваря в 18 день. Будучи в Брацку на съезжем дворе, перед подчиненным камисаром Иваном Васильевым сыном Добрынским того ж Брацкого острогу Тангуевской деревни пашенной Иван Роспопин сказал: в прошлых де годех построена де у него, Роспопина, на данной ево, Роспопина, земле, на Теме речке колесчатая мельница, которая де у него, Роспопина, вопче з братом ево с Матфеем Григорьевым. А помолу де у них, Роспопиных, постороннего никогда не бывает. Только де они, Роспопины, на той мельнице мелют хлебной запас про свою домовую нужду. А с той мельницы оброку платят де оне, Роспопины, в казну ея императорского величества, государыни императрицы и самодержицы всероссийской, в Брацку по шти алтын по 4 деньги на год. А сказал я, Роспопин, в сей своей сказке самую истинну, безо всякие утайки. К сей скаске вместо пашенного крестьянина Ивана Роспопина, по его велению, Герасим Брянской руку приложил».

Всего таких сказок 25, из них 22 сказки крестьян и 3 посадских людей. Колесчатых мельниц имелось у них 15, про одну сказано: «налевная», мутовчатых 7, о роде трѐх мельниц сведений не дано. Из крестьянских мельниц 3 были «вопче» или «ввопче». Из 25 мельниц 6 не работало — «разорилась, сгнила, сгорела, унесло в Ангару, подмыло». По словам владельцев мельниц они мололи только себе; оброку платили по полуполтине, по одной, двум, четырем гривнам, по 20 алтын (один случай) и по 10 денег (тоже). Некоторые не платили вовсе по разным причинам, в том числе двое потому, что «строили тое мельницу по своему позволению». Большинство подчеркнуло кратковременность действия мельницы: «мелет з дождевые и полые воды», или: «ныне огнила и мелет зело плохо», или: «по веснам от снежные и дождевые воды», или: «зимой и летом в малую воду не мелет».

По ревизским сказкам 1722 года сохранились сведения о 82 мельницах.

Типичная крестьянская мельница записана, например, у пашенного крестьянина А.Е. Пономарѐва в Усть-Илгинской слободе: «У них же мельница мутовчата, поставлена на ручье в

давних годех. На ней мелют про свой домашней обиход всякого хлеба пудов по сту на год, а сторонним людем хлеба никому оне не мелют». Оброку Пономарѐв платил 3 алтына 2 деньги в год. На подобных мельницах хлеб посторонним размалывался в малых количествах. Конечно, владельцы преуменьшали или скрывали количество хлеба, поступавшего для помола со стороны, но это ничего не изменяет в чисто потребительском назначении таких, главным образом мутовчатых, мельниц. Крестьянин дер. Марковой Усть-Кутского острога Л. Таюрский показывает, что мелет посторонним пудов по 20 в год.

Из 82 мельниц, о которых упоминается в сказках 1722 года, в складническом владении находилось не менее 14 мельниц, которые являлись общим имуществом 31 двора. Одна мельница принадлежала четырѐм, одна — трѐм дворам, остальные имели по два. собственника. Так в дер. Тюменской П. и Я. Харитоновы владели мельницей «с суседом», в Орленской слободе крестьянский двор в составе Ивана большего, Ивана среднего и Ивана меньшего Леонтьевых детей Тупицыных владел сообща мельницей с другим двором. У 4 братьев Широковских в Усть-Илгинской слободе «мельница мутовчата вопче с Полигаловым», стоит «на ручью», в год мелет 100 пуд. У И. Бузюкова в той же слободе мельница мутовчата «вопче» с Вас. и Сем. Бузюковыми. Встречаются складнические хозяйства, но очень редко, которые извлекают из мельницы доход. Такова мельница В. Ожегова в Нижней Слободе: «мельница вопче, колесчата, над Илгою рекою [поставлена] в давных годех. На ней мелют про свой домашний обиход всякого хлеба пудов тысячи по две на год, а за помол берут со ста пудов по 10 алтьш». Весь денежный доход, сказка оценивает в «шесть рублев».

В личном владении пашенных крестьян были также сравнительно крупные мельницы, вроде отмеченной выше, которые мололи главным образом давальческое зерно. Так мельница у Ф. Лебедева и Усть-Илгинской деревне, кроме помола на семью «пудов по сто по полтора», молола сторонним людям «сот по шести», причѐм бралось за помол со ста пудов по 6 алтын 4 деньги, т. е. по $^{1}/_{5}$ коп. с пуда. Это давало, по словам Лебедева. 1 рубль 4 алтына 4 деньги в год. У Л. Солоницына в Илгинском остроге колесчатая мельница размалывала до 1500 пудов, плата взималась «по полуполтине» за 100 пудов. Годовой доход Солоницына — 3 рубля 25 алтын. В Тутурской слободе у четырѐх братьев Головных колесчатая мельница размалывала хозяйству 300 пудов, посторонним 500 пудов, с оплатой по 10 алтын за 100 пудов, т. е. по 0,3 коп. с пуда.

Шесть учтѐнных мельниц не работали, о них говорится: «ра- зореная», «размыло», «подмыло», «сгорела» (два случая), «снесло». Впрочем и многие действующие мельницы давали крохотную производительность. Встречаются показания о размоле 10 пудов в год (если это не ошибка); у Ф. Максимова и А. и

И. Еремеевых общая их мельница «мутовчата, мелет летним временем по пуду и больше на сутки, а зимою не мелет», т. е. даѐт за сезон 100-120 пудов.

Таковы данные о крестьянских мельницах. О ничтожной производительности подавляющей части их можно судить и по тому, что на 280 крестьянских дворов приходилось 82 мельницы, т. е. одна па 3½ двора. Согласно расчѐтов по балансу хлеба, на продовольствие затрачивалось 37,1 тыс. пудов, на продажу шло 6,0 тыс. пудов; следовательно, на размол предназначалось не более 50 тыс. пудов, т. е. на одну действующую мельницу около 650 пудов на год, не считая при этом мельниц других владельцев (монастырей, государства, служилых людей). Средняя производительность мутовчатых мельниц была ещѐ меньше, около 300-350 пудов в год.

Подобные мельницы и теперь существуют в северных районах Иркутской области.

Монастырских мельниц в Илимском воеводстве было шесть. Одна принадлежала Якутскому Спасскому монастырю и находилась на речке Биликте. Посторонние на ней не мололи. Другая, Братского Спасского монастыря, находилась в д. Падинской: «Мельница колесчата, а в анбарах одне жерновы, пятерики. Л построена та мельница в прошлом в 713-м году. Л мелет та мельница зимой и летним временем про свой обиход, пудов по 20 и меньши. А за помол от посторонних людей и от крестьян помольных денег збираетца в год рублев по шти и по семи. А за помол берут по деньге с пуда». Так, в 1722 году показывал досмотрщик хозяйства Спасского монастыря. Монастырь платил с этой мельницы оброк — гривну в год. Как можно судить по приведѐнной выдержке, посторонним в год размалывалось 1200-1400 пудов в год, причѐм плата по сравнению с другими мельницами была выше почти в два раза. О производительности четырѐх монастырских мельниц, принадлежавших Киренскому Троицкому монастырю, сведений в делах Илимского воеводства нет. В делах этого монастыря (фонд 482) есть данные, по которым можно определить производительность монастырских мельниц по 2000-3000 пудов в год. Пятая мельница Киренского монастыря находилась вне пределов Илимского воеводства, на р. Анге.

Промыслы

Оторванная от центров промышленного и кустарного производства Руси, имевшая один торговый путь от Ангары через Илим на Лену, илимская деревня должна была почти все свои производственные и бытовые нужды удовлетворять за счѐт местных промыслов. Сведения о них крайне обрывочны. В Илимском воеводстве должны были существовать ткачество, выделка одежды и обуви, колѐсное, овчинно-шубное, валяльное, кирпич-

ное и другие ремѐсла, о которых в документах даже не упоминается.

В сказках 1720-1722 годов и в других бумагах нашли отражение следующие ремесленные занятия и промыслы жителей.

Кузнечное ремесло. О пашенном крестьянине Я. Козлове из Нижней слободы записано: «у него ж кузница; в ней кует про свой домашний обиход: косы, топоры, серпы и сошники; також кует и на крестьян». Пашенный И. Олферовых из дер. Костянтиновской «временем кует на себя». По росписи илгинских пашенных крестьян, переданной приказной избой приказчику для сбора хлеба на 1722 год (арх. № 136, св. 14), ему поручается взять оброчный хлеб у братьев Ивана и Герасима Арзамазовых «с кузнишного ремесла».

Кузницы были и у монастырей, а в Усолье, около Усть- Кута, имелась государственная кузница, кузнец которой получал денежное, хлебное и соляное жалование. Эта кузница обслуживала солеваренный завод и постройку судов для сплава хлеба в Якутск.

Кроме того, кузницами владели многие посадские люди, особенно в Илимске и Братске. На чертеже Илимского острога изображены 4 кузницы, стоящие на правом берегу р. Илима близ воды и в достаточном удалении от жилых построек.

При изучении таможенных книг невольно обращает на себя внимание чрезвычайно малое количество сельскохозяйственных предметов. Больше всего почему-то привозилось топоров, сводка поступления которых по таможенным ценовным книгам приводится в таблице 61.

Все привозы топоров были мелкие. Об этом можно составить представление по тому, что отмеченные 1386 топоров распадались на 83 партии. Значит, у купцов в среднем в привозе было по 17 топоров. В 1649 году топор средней руки стоил без илимской наценки 20 алтын, в 1662 году — 8 гривен, в 1670 году — от 26 до 30 алтын, в 1680 году — 26 алтын 4 деньги, а в 1664 году, когда привоз по каким-то причинам резко упал, они оценивались по 7 рублей за штуку! Так дорого ценились железные изделия и так пользовались этим купцы. Кроме топоров мало что привозилось из тех предметов, которые имеют применение в земледелии. По сохранившимся таможенным ценовным книгам XVII столетия завоз кос-горбуш составлял: в 1649 году — 50 штук, в 1664 году — 3, в 1670 году — 20 и в 1680 году — 15. Цена их также была неустойчива: в 1649 году по 10 алтын, в 1664 году по 1 рублю, в 1670 году по 16 алтын (штынатцати алтын) 4 деньги, т. е. по 50 коп. В 1649 году было привезено 80 сошников «недруженых» и 1½ пуда железа сошного, в 1670 году 25 лемехов, 11 сошников по 2 рубля и 10 пил малых по 5 алтын. Вот и всѐ, что достигало берегов Илима из «русских товаров», имевших отношение к земледелию и поступавших сюда обычно по енисейским проезжим грамотам.

Таблица 61

Годы	Малой руки	Средней руки	Большие	Итого штук
1649	65	460	—	525
1662	10	95	53	158
1664	—	9	—	9
1669	—	294	—	294
1670	35	204	—	239
1680	36	125	—	161

Железа сошного и кричного, т. е. не в изделиях, привозилось очень мало — по нескольку пудов в год. Трудно сказать, какими путями доходило до Илимского воеводства железо, но можно безошибочно утверждать, что оно ценилось несоразмерно дорого. Поэтому, при передаче приказчиками судных изб и житниц всегда указывалось: «у избных дверей крюки и петли железные», «у избы двои двери на крюках железных... У печи, заслон железной, дверь на крюках железных с пробои и цепочкой и з крюком..., у подвальных дверей пробои железные». Воеводы для нужд государева хозяйства железо добывали путѐм сбора натурой в таможнях с провозимого железа и путѐм обложения лавки в Илимске, торговавшей железом. Один раз была неудачная попытка получить 100 пудов железа из таможенных сборов Иркутского воеводства для «цыренной починки» Усольского солеваренного завода на р. Куте. О местной выплавке железа из имеющихся богатых руд документы не говорят ни слова. Лишь однажды в Москву сообщалось о наличии на р. Ангаре железной руды Воевода Б.Д. Оладьин писал в Сибирский приказ: «...в нынешнем во 163-м (1654 или 1655) году... ведомо мне... учинилось от иноземцов ясашных людей, что де в Ылымском уезде у Тунгуски реки в горе есть железная руда». Оладьин послал туда двух служилых людей — Игнашку Бутакова да Шестачка Коршунова[2], которые сыскали руду привезли образец еѐ в Илимск. «И я, холоп твой, ис тое руды велел опыт учинить. А по опыту, государь, ис тое руды железо родитца доброе, на всякое дело годитца». Далее Оладьин сообщает, что заставить железо варить «ис тое приискные руды неково и нанять нечем — в твоей государеве казне денег нет». Требовалось,

[1] Сибирский приказ. Столбец 471, часть 1, лл. 254-255.

[2] Не связаны ли эти имена с названием известных Шестаковского и Коршуновского месторождений в Нижне-Илимском районе?

по соображениям воеводы, 6 человек и не менее 200 рублей денег «на тот железной и рудяной завод». На обороте 1-го листа есть помета дьяка Сибирского приказа: «Отписать, сколько железные руды сыскано и привезено в Ылимской острог; и ис той руды сколько сварено железа; и много ль той железной руды у Тунгуски реки в горе, по смете чаять; и шестью человеку работники по сколько пуд железа ис той руды выварят на год; и почему пуд того железа в деле иметца (это слово неразборчиво) против ево опыту — о том велеть описать (или отписать), сметясь подлинно».

Наладить выплавку железа в Илимском воеводстве так и не удалось.

В том же столбце (лл. 258-259) имеется сообщение о месторождении серебряной руды выше устья р. Илима «вверх идучи, на левой стороне, у Голубово яру, в горе». Два пуда еѐ было отослано в Москву. Размеры залегания руды — 60 сажен длины, 3 сажени ширины, 1 аршин толщины. На руде «признаки есть, кабы медные, а иные белые и серые, кабы руда серебряная».

Кожевенное дело. Ещѐ меньше известно о выделке кож. Нужно полагать, что многие крестьяне сами дубили кожи или выделывали сыромять. Очень редко упоминается о кожевенных заводах. При описании хозяйства пашенного крестьянина Родиона Чувашева в дер. Закорской Ближней между прочим сказано: «у него, Родиона, подле двора кожевенная изба, в той избе одни чан. В того (том?) чане кладет крестьянских кож по 20 по 5 на год. А те кожи делает он крестьяном красные, белые и дубленые ис половины. С того ремесла он, Родион, в казну великого государя платит оброку по 13 алтын по 2 деньги на год. А тем ремеслом промышляет 4 года». Ранее приводилась опись имущества Бубнова, из которой можно заключить, что он имел кожевенный завод.

Звериные и птичьи ловли. Казалось бы, что в почти сплошь затаѐженной зоне, где и поныне идут крупные заготовки пушнины, у крестьян была широко развитая охота. В действительности же пушной промысел тогда вели ясачные тунгусы, да в первые годы прихода русских — промышленные люди. Уделом крестьянина остаѐтся пашня. Звероловство же встречается редко и ведѐтся пашенными крестьянами в незначительных размерах. Впрочем, нельзя считать достоверными те сведения, которые давали крестьяне переписчику. Сведения сильно преуменьшались, так как результаты охотничьего промысла не поддавались такому строгому учѐту, какой воеводы осуществляли в отношении земледельческого труда. Вот для примера несколько показаний крестьян.

Пашенный крестьянин Федосеев из деревни Максима Зырянова, который жил покупным хлебом, сообщает, что у двора «3 ямы звериные, копаны в 719-м году, а в тех ямах всего по-

падывало 3 сохатых. А птичьих угодей ставит (слово не прочитано) годом, когда добудетца десяток тетеревей и больши». Андрей Устинов из той же деревни имеет две ямы оленьих, «а в них ничего не добывывал». У Л. Таюрского в дер. Марковой «в суземе 2 ямы лисьи», добыл одну лисицу, которую продал за 1 рубль. Л. Гомзяков из дер. Тирской имеет 100 плашек в суземе. Добывает до 100 белок, «оброку не плачивал». Вот и всѐ, что показали крестьяне в 1720-1722 годах об охоте. Конечно, невероятно, чтобы из 280 дворов только 4 хозяйства шли зимой в тайгу, которая начиналась сразу за деревней и занимала нескончаемые пространства, никем, кроме тунгусов, не контролируемые. Но тунгусы к этому времени отошли на верховья рек Илима, Киренги, Тунгуски и их притоки, мало соприкасаясь с русским оседлым населением.

Специальные опросы крестьян о занятии пушным промыслом были предприняты позднее, в середине XVIII века, при чѐм было установлено, что в ряде волостей почти каждый крестьянский двор имел орудия лова. У зажиточных крестьян было по 100, 200 и более плашек.

Рыболовство. Все населѐнные места воеводства располагались на берегах крупных рек и их притоков, как видно из приложенной карты Илимского воеводства, поэтому почти каждая крестьянская семья занималась ловлей рыбы и имела хотя бы простейшие снасти. Наряду с примитивными орудиями лова встречаются невода и сети. Ещѐ и теперь среди жителей бывшего Илимского воеводства и в самом Илимске встречаются мастера по вязке сетей. Впрочем, много снастей завозилось извне.

По таможенным книгам, среди других, чаще всего встречающихся товаров, сравнительно много завозилось предметов рыболовства. Например, по книге 1649 года было отмечено 9643 сажени сетей неводных, 110 пудов прядена неводного, по книге 1661 года — 775 сажен сетей неводных, 180 сажен дели неводной, 8 пудов прядена неводного, по книге 1663 года — немного сетей, 150 сажен дели и 5¾ пуда прядена, по книге 1667 года — 270 сажен сетей, в 1669 году — 90 сажен сетей, в 1674 году — 940 сажен сетей, 5¼ пуда прядена и 3100 уд осетровых, в 1680 году — 230 сажен сетей, 4 нуда прядена, в 1682 году — 100 сажен сетей, 1 пуд прядена, 120 сажен дели. Правда, часть товаров провозилась далее, в Якутск.

В «Описной книге» 1699-1700 годов есть ряд свидетельств с ловле рыбы крестьянами ленских волостей: «Да у тех же, закаменных крестьян, на Лене реке подле островов рыбной промысел. Весною и летом и осенью неводят и в большую воду с сетьми плавают. А оброку... не платят». То же сказано и о крестьянах деревень Алексеевской, Никольской и Змеинской, только добавлено: «...рыбу промышляют и привозят в Киренской и продают на деньги. А... оброку не платят».

Есть ещѐ документ, на основании которого можно сказать несколько слов о рыболовстве у крестьян Илимского воеводства, это сказки 1720-1722 годов. Например, из 11 дворов Илгинского острога один двор имел невод в 20 сажен, а два двора ловили рыбу мордами. Мордами же ловили в дер. Закорской Ближней, в Закорской Дальней и в других поселениях по Тыпте и Илге. В Тутурской слободе невод называли бреднем. Там из 17 дворов 2 имели бредни по 10 сажен и 4 по 15 сажен. В Жигаловской деревне из 10 дворов 5 имели невода по 10, 15 и 20 сажен. В Орленской слободе из 22 дворов занимались ловлей рыбы 15, которые имели 1 невод в 15 сажен, 6 неводов по 20 сажен, 8 неводов по 30 сажен.

Эти примеры подтверждают широкое развитие местного рыболовства в пределах Илимского воеводства. Впрочем оно не везде было мелким. Недаром Киренский монастырь упорно и горько жаловался, что крестьяне его опромышливают. Но так как рыбная ловля облагалась налогами, что-то около 2 алтын, то крестьяне неизменно подчѐркивали, давая показания об этом промысле, незначительность улова, ограниченного якобы домашним потреблением.

Вот некоторые из крестьянских сказок: — Пѐтр Максимов Чайкин из Орленской .слободы показал: «Рыбу промышляют мордою, себе на питание, в год по полупуду». П.С. Поляков из той же слободы: «Рыбу промышляет себе на питание сетью, летним временем, пуда по полтора на год». В дер. Дремзиима крестьянин сказал: «А рыбы де он временем уловит про себя мордою, налимы, и то малое число». Стреловы и Дроздовы из дер. Коченской имели «один невод малой, бредник, 11 сажен. Рыбу ловят оне времянем, про себя, мелкую — хайрюзы и ельцы».

Из сказанного вытекает, что рыболовство среди крестьян Илимского воеводства являлось подспорьем к основному занятию — земледелию и в большинстве случаев носило характер мелкого сезонного промысла, как это и подчѐркивают крестьяне в своих сказках. Можно предположить только, что ловля рыбы была гораздо более распространѐнной, чем показывали крестьяне. Сомнение в отношении правильности крестьянских сказок отчасти можно подкрепить такими сопоставлениями: сажень сетей, по таможенным книгам, стоила 5 алтын; если взять средний невод в 15 сажен, то стоимость его окажется равной 2 руб. 25 коп. Так как ясак сдавался частично рыбой, то воевода поручал целовальникам продажу еѐ на местных рынках, обычно в Усть-Куте. Пуд стерлядей продавался там за 16 алтын, т. е. за 48 коп[1]. Понятно, что мелкая рыба, которую ловили крестьяне, стоила ещѐ дешевле. Если сопоставить стоимость невода — 2 руб. 25 коп. со стоимостью пуда стерлядей — 48 коп., то пред-

[1] Например, в феврале 1703 года из Илимска п Усть-Кут была отправлена 121 стерлядь весом в 30 пудов, в среднем по 10 фунтов штука.

ставляется невероятным, что улов мог ограничиваться теми величинами, о которых говорят владельцы неводов и сетей, т. е. зажиточные крестьяне.

ЖЕНЩИНА В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Прочность положения пашенного крестьянина обусловливалась его семьѐй. Крестьянин без жены и взрослых детей — бобыль. В свою очередь жена без мужа и взрослых сыновей была только вдовой. Со смертью мужа в таких случаях обычно падал двор и запускалось хозяйство. Если вдова была молода, она должна была выйти замуж, в противном случае становилась подворницей, нищей. Вот почему среди пашенных крестьян, по спискам Илимского воеводства, лишь изредка мелькает слово «вдова», в смысле главы двора и то под именем жены своего покойного мужа; еѐ не называют по фамилии, вследствие чего иногда невозможно установить — чей это был двор. Через год-два обыкновенно исчезает и имя вдовы. Это означает выход еѐ замуж или падение до уровня нищей. И лишь в отдельных случаях подрастающие сыновья спасали положение. Напротив, жизнь многосемейного двора можно в ряде случаев, проследить чуть не за целое столетие. Умер отец, на его место встают сыновья, и двор живѐт прежней жизнью.

Впервые упоминание о женщине, главе двора, встречается в 1659 году. В окладной книге пашенных крестьян и ссыльных черкасов 1659 года в Усть-Кутской волости упомянут Агафонко Григорьев сын, который пахал государевой тяглой пашни 2½ десятины ржаных и ½ десятины яровых; против его имени сделана запись: «А полторы десятины пашет по окладу Семеновская жена Чертиха Федосьица Семенова дочь»[1].

В росписи заимок 1653 года, в которых воеводой намечалось увеличение пашни, названа заимка Агафона Чертихина зятя — близ устья р. Куты[2]. Вероятно, Федосьица была тещѐй Агафона Григорьева. Через 17 лет, в 1676 году, дети Сеньки Чѐрта — Иван и Григорий Семѐновы были построены в пашню в той же Усть-Кутской волости и пахали государевой пашни 1 дес. ржи и 1 дес. яровых. Очевидно Чертиха положила не мало труда поддержать хозяйство «до возрасту» еѐ детей. Фамилия Чертовских и сейчас встречается в Ленских краях. В окладной книге 1665 года среди крестьян «на низ Илима реки», по левой стороне, выше р. Туруги «жена Матренка Федорова» пахала государевой пашни 1 дес. ржи и ½ дес. яровых. Крестьянин Гришка Васильев Кривошапкин из Усть-Киренской волости «померл» в 1654 или 1655 году. Его тягло, 1 дес. ржи и ½ дес. яровых «пашет жена ево Федорка и всякие подати и тягло вместе с миром тянет и гоньбы под-

[1] Сибирский приказ. Книга 420, лл. 1-21.
[2] Сибирский приказ. Столбец 344. часть I, лл. 207-210.

водные гоняет»[1]. Двор стоял ниже Кривой Луки, на правой стороне р. Лены «на Киренском лугу». Хозяйство Кривошапкина не погибло со смертью главы двора: через 18 лет, в 1672 году, переписью Афанасия Ушакова среди крестьян Киренской волости отмечен пашенный крестьянин Первушка Григорьев сын Кривошапкин с тем же тяглом[2]. Деревня Кривошапкина существует и теперь. Энергичная крестьянка превратилась в подлинного и полноправного пашенного крестьянина и вела хозяйство до тех пор, пока не подрос еѐ сын. И воевода и мир признавали такую женщину главой двора.

В окладной книге десятинной пашни за 1687 год (арх. № 33, св. 3) встречается крестьянин Нижне-Илимской волости Коземка Устинов сын Клепиковских — «пашни на нем ½ дес. ржи, ярового тож». В этой книге в 1689 году была сделана приписка: «...по распросным речам жены ево, Коземкины, Оксютки Яковлевой (фамилии уже нет) ноября де в 11 день 197-го ж году муж де ее Коземка на заимке своей убит до смерти, а хто ево убил, тово она не ведает. И то тягло после мужа своего учнет пахать сама она, Оксютка, наемными людьми». Что-то странное звучит в этих словах, скрывших какое-то событие. Но с тех пор двор Клепиковских исчез, не оказывается и имени Оксютки даже в аналогичной книге 1692 года, т. е. через 3 года после убийства. Появились новые дворы, но в каком из них утонуло всплывшее на миг имя Оксютки, установить невозможно. Помыслы еѐ о ведении хозяйства наѐмным трудом не осуществились.

Более естественна и обычна судьба другого двора из Яндинской волости: «Афонька Кирилов Нарыков... 195-го года октября в 11 день Офонька умер, а после ево осталась жена ево Анница с сыном Ивашкой и той де пашни пахать стало некому, потому что сын в малых летех».

Третий случай из той же книги относится к Ивашке Олексееву Соколову, он же Барка, из Нижней Усть-Киренской волости: «в 195-м (1687) году Ивашко Барка утонул, а после ево пашню ево пашет жена ево Матренка Клементьева (фамилия исчезла). И 196-го марта в 15 день по челобитью Матренка здала половину пашни и тягла Ромашке Петрову сыну Барабанщикову и в том по нем, Ромашке, взята поручная запись».

Через 4 года в окладной книге 1692 года встречаются два хозяйства, во главе которых стояли женщины, и первое из них нам знакомо: «Женка Матренка Клементьева дочь», второе — «женка Агашка Амурова».

Итак, в списке 1687 года среди 246 дворов встретилось три двора, во главе которых очутились женщины, два из них сразу же исчезли без следа, а третий велся несколько лет. В следующей сохранившейся книге — 1699 года не обнаруживается и это-

[1] Сибирский приказ. Книга 306, лл. 105-163, в частности последний двор записан на л. 135.
[2] Сибирский приказ. Книга 580, лл. 364—469.

го третьего двора, исчез и двор Амуровой. Появился зато в той же Киренской Нижней волости двор вдовы Мелашки Ивановой, против имени которой сделана пометка: «и то вдовьино тягло пашет Тимошка Пахоруков».

В 1698 году бежал из дер. Попова пашенный крестьянин Ивашко Иванов Быхов, бросив свою жену, и она, «жена ево Федосьица Андреева дочь после збегу мужа своего» пахала ½ дес. государевой пашни. В 1699-1700 годах, согласно «Описной книге» она продолжала пахать совместно с И.А. Поповым.

Ещѐ через 16 лет, в пометном списке на 1715 год, где перечисляются недоимщики, называется 6 женских дворов, три в Братской волости — вдовы Оксиньи, жены Ф. Ускова, Овдотьи, жены М. Назимова и Татьяны, жены А. Тимофеева, за которыми числится недоимка на 1713-1714 годы, и три двора в Нижней Киренской волости, где среди 10 недоимочных дворов значатся три женских: жены И. Савинова, без указания имени дворохозяйки, жены Н. Коновалова (тоже) и вдовы Марьи Екимовой. Первые два двора были пашенными, а вдова оказалась хлебным обротчиком. В 1718 году (книга сохранилась частично, поэтому проверить дворы пометного списка невозможно) в Кежемской волости появляется двор, главой которого названа «крестьянская жена Алексея Карамышева Евдокия Ефремова», с тяглом в ¼ десятины, она платила 2½ четверти ржи с тягла мужа.

В «книге счетной хлебного повытья», составленной в 1726 году и систематизирующей данные о недоимках за 1719-1723 годы, среди крестьян деревни Верхняя Кежма ещѐ раз встречается этот двор: «А по следствию (т. е. по расследованию причин недоимок) оного Карамышева жена ево Евдокея вышеозначенных денежных зборов на вышеписанные годы не платила для того, что муж ее в 710 году умре, а дети остались от него в малых летех и пашни пахать было некому. А как дети ее поднялись на ноги, одного де взяли в салдаты, а тягло де осталось впусте» (арх. № 108, св. 11, лл. 115-116).

В пашенной окладной книге 1722 года среди двух женских дворов находим знакомый двор «вдовы Васильевской, жены Ускова, Оксиньи Федоровой» с тяглом в ¼ дес. В деле 1718-1723 годов (арх. № 108, св. 11) записан конец истории этого двора — вдова сбежала, «двор впусте». Второй двор новый — вдовы, Алексеевской жены Мануилова, Овдотьи Ивановой.

Итак существовали, хотя и одиночные, часто кратковременно, дворы женщин, принявших на свои плечи дополнительную тяжесть мужского труда, «мужню четь», как выразительно сказано про одну из них в старых делах Илимского воеводства.

Существование некоторых дворов можно проследить за много лет. Вдовой, имевшей малых детей, двигало желание подрастить их, пока они не станут сами поднимать упадающий отцовский двор. К сожалению, невозможно заглянуть внутрь названных дворов и рассмотреть подробнее их драматическую жизнь.

Единственным документом, более пространно излагающим крестьянские дела, являются сказки 1720-1722 годов, но они сохранились неполностью. Обратимся всѐ же к ним.

Илгинский острог: «Во дворе вдова Марья Павлова дочь, сказалася 60 лет, у нее дети — Иван 17 лет, Степан 16 лет. У нее на подворье живет илгинской житель Карп Иванов сын Ярыгин, сказался 65 лет, у него жена Марья 50 лет. Марья Павлова дочь скота у себя имеет одну корову; на ту корову дети ее ставят сена, волоковых копен по 20 по 5 на год. Иван да Степан с сенных покосов оброчного хлеба платят в казну великого государя и поголовного оброку полторы четверти ржи на год. А хлеб просит мать их Марья себе на питание и ради оного платежа — у илгинских крестьян Христовым имянем. Вышеписанный Карп Ярыгин питается у крестьян Христовым имянем. С того двора, с Марьи Павловой дочери, никаких податей с неѐ не спрашивают, а заводов и промыслов у них никаких нет. А ежели я, Марья Павлова дочь, в сей своей...» (трафаретный конец). Сказку подписал К. Ярыгин. У этой вдовы имелись хоть перспективы — ее сыновья.

Там же: «Во дворе вдова Федора Никифорова дочь, сказалася 26 лет, у нее дети: Зиновья 9 лет, Матрена 7 лет, Марья 4 лет. У ней на подворье живет илгинской отставной беломесной казак Иван Петров сын Барабошин, сказался 50 лет, у него жена Федосья 40 лет, у него дети: Андрей 10 лет, Тимофей 7 лет, у него дочери — Парасковья 15 лет, Степанида 12 лет, Пелагея 2 лет. Рогатово у нее одна корова, один теленок...., а сено дают ей крестьяне. У Ивана Барабошина скота нет. Вдова Федора, Иван Барабошин себе на питание хлеб просят у крестьян Христовым имянем. С того двора, за скудостью ее, вдовы, никаких денежных податей прикащики не спрашивают. А иных заводов и промыслов...».

Судя по возрасту еѐ детей, она в 16 лет вышла замуж и за 3-4 года до переписи потеряла мужа. Этот срок, 3-4 года, оказался достаточным, чтобы она, по существу, стала нищей.

Также побирается среди крестьян вдова Анна Козмина дочь с семьѐй в 4 человека в Тутурской слободе. От былого имущества остался двор и баня. Скот исчез.

Приведѐм ещѐ одну, последнюю, выписку по деревне Большой Кадинской: «В пустой бездворной избе беглого пашенного крестьянина Бориса Сутырина живет вдова, крестьянская жена Христина Леонтьева дочь». Ей 50 лет, у неѐ дочери: Агафья 10 лет, Анна «десяти ж лет; Овдотья 8 лет, Овдотья 7 лет. А оного де беглого Бориса Сутырина тяглом, после збегу ево, владели — четью десятины — дети ее Христины, Герасим да Василей Ивановы Игнатьевы и збежали в Ыркуцк. А тягло де лежит впусте, а она де вдова Христина кормитца Христовым имянем. А иных промыслов и заводов после збегу детей ее, опроче коровы да кобылы, однех ральников, ничего не осталось. И бани у того (у той) бездворные избы нет. И поборов де она в государеву казну,

после збегу детей своих, с 720 году, опроче отсыпного хлеба, не плачивала. А ежели я что утаила или ложно сказала и за то мне что великий государь укажет, чему я буду достойна. К сей скаске вместо Христины Леонтьевой по ея велению дьячек Никифор Чирков руку приложил».

В отдельных случаях, пока двор после смерти мужа не упал, крестьянки могли найти выход в складничестве. Отмечался уже один такой пример: в Ново-Удинской слободе в составе сложного двора Бобровых находился и двор вдовы Фѐдора Безносова. Образовался крупный коллектив из двух дворов Бобровых (19 чел.) и вдовьего двора (10 чел.), в котором проживало ещѐ 7 подворников. Это складническое хозяйство имело 12 десятин посева, что тогда было незаурядной величиной, 10 лошадей, в том числе 8 рабочих и 18 голов крупного рогатого скота. До 70 пудов хлеба продавалось и до 100 пудов сдавалось государству.

В тяжѐлое положение попадали и вдовы служилых и посадских людей.

По подворной переписи жителей Илимского острога в 1721 году (арх. № 131, св. 14) записана вдова Евдокия Парфѐнова дочь с 5 детьми от 8 до 17 лет. Она имела лошадь. «А она де сирота и нищая, кормитца меж двор Христовым имянем и на тое де милостину, что выпросит в народе денег, и сено покупает».

Почти то же можно сказать и о вдовах Братского острога (арх. № 152, св. 16). Здесь проживали в 1722 году: 1) 80-летняя нищая, жена бывшего посадского И.П. Тупицина «детей и рогатого скота и лошадей и никаких пожитков у ней нет, а кормица Христовым именем»; 2) сирота, вдова бывшего посадского человека Г. Воробьева, Овдотья Федорова 48 лет с 4 детьми от 9 до 16 лет, в том числе один сын «малоумен». Питалась она Христовым именем; 3) вдова, бобыльская жена Овдотья Савинова, «а детей и рогатого скота у ней нет».

Но стоять во главе двора и признаваться представительницей семьи перед местной властью и миром женщина могла до тех пор, пока существовала система несения повинностей двором. С введением подушного обложения эта возможность отпадала. Поэтому в конце рассматриваемого времени вовсе исчезают женщины-дворохозяева. Отныне имя главы двора могло носить только лицо мужского иола, безразлично какого бы возраста оно ни было.

И вот встречается двор из двух мужских душ — старика 80 лет и внука 5 лет или двор из малолетних мальчиков. Такой двор существует, пашет землю, платит оброки. А кто является истиной пружиной его деятельности? Вероятно, какая-то женщина, дочь старика, мать малолетнего сына. Мы не знаем еѐ имени, не знаем даже — существовала ли она. Накрытая шапкой невидимкой, она являлась в таких случаях главным двигателем жизни двора.

[1] Это жена Ивашки Тупицы, одного из мирских челобитчиков на Кафтырева в 1696 году.

В переписной книге, составленной около 1728 года илимским служилым человеком Тимофеем Баженовым, записаны все крестьяне мужского пола Илимского воеводства и указан их возраст (Россыпь № 75, св. 9, конец книги утрачен).

В дер. Невонской, согласно этой книге, имелся двор Василия Антипина; самому хозяину было 15 лет, его братьям 11 лет и 1 под. В дер. Прокопьевской хозяин двора Клементей Кокшаров оказался 10 лет, а его братья 8 лет, 3 лет и 1 года. В дер. Малая Када во главе двора стоял 5-летний Иван Распопин, а семья его состояла из 4 братьев — 4 лет, 3 лет, 2 лет и 1 года.

Бывали случаи, когда в семье имелся более старший родственник, как 60-летний дядя во дворе Ефима Огородников (дер. Суворова), дворохозяину было 10 лет, а братьям — 7 лет, 3 года и 1 год. Но, как видно из приведѐнных случаев, были дворы, в которых все лица мужского пола оказывались мальчиками. Руки какой-то близкой женщины направляли хозяйственную деятельность таких крестьянских дворов.

Только так, в виде безымянной тени, русская крестьянка могли проявить те качества, которые делали семью пашенного крестьянина основной силой в деле освоения далѐкой окраины России.

Глава VI

КРЕПОСТНИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН

Государство быстро овладело стихийно начавшимся движением русских за Урал. Покорение Восточной Сибири шло уже целиком под руководством воевод. Но прочное закрепление завоѐванного края требовало незамедлительного создания местного земледелия. Пашенное дело превратилось в государственную задачу. Ключом разрешения еѐ являлось развитие хозяйства пашенного крестьянина. Государство оказывало значительную помощь добровольно оседавшему крестьянскому населению в новых местах и в то же время производило принудительное переселение крестьян из западных областей в восточные. Государственная помощь проистекала не из идиллических отношений к крестьянству, а была обусловлена экономическими и оборонными нуждами государства. Воеводы вручали крестьянину топор, сошники, серп и косу и указывали, где и что он должен был делать этим «заводом», сколько — на себя и сколько — на государеву казну.

Помещичье хозяйство, как система, не имело здесь экономических корней, и лишь впоследствии дворянство безуспешно пыталось паразитически использовать то, что возникло за Уралом без его участия. Покорение и заселение Сибири осуществлялось без помещика и государство в своих отношениях к крестьянину не вполне заменило его. Поэтому хозяйство и быт пашенного крестьянина Сибири складывались в более свободных формах, чем хозяйство и быт крепостного крестьянства, примерно, по образцу черносошной северной Руси.

Пашенного крестьянина нельзя рассматривать ни как государственного крепостного, ни как свободного фермера. Государство но распоряжалось произвольно имуществом, трудом и временем пашенного крестьянина, не вмешивалось в его хозяйство и в его личные и семейные отношения, как это делал помещик. Напротив, оно точно регламентировало права и особенно обязанности крестьянина и не нарушало без нужды установленного порядка. Крестьянин имел многие права, которыми не пользовался крепостной, — он мог, не спрашивая разрешения властей, совер-

шать любые сделки, мог нанимать батраков, или наниматься на работу, мог даже одно время иметь крепостных, у него было своѐ самоуправление, с которым считались воеводы. Отдельные крестьяне или представители крестьянского мира часто вступали на основе торгов в свободные договорные отношения с государством, например, при поделке судов, при постройке государственных зданий, по запродаже хлеба.

В то же время пашенный крестьянин не был вполне свободным человеком. Он не мог оставить без серьѐзных оснований пашню, он не должен был отлучаться из деревни на продолжительное время без ведома приказчика. На основании единоличного приговора воеводы его наказывали, вплоть до применения смертной казни. В большинстве случаев ему некуда было жаловаться. Наконец, надельная земля давалась ему не в собственность и не в аренду, а в бессрочное пользование. Он не мог ни купить, ни продать землю, за ним сохранялось лишь право аренды государственной земли, если надел оказывался мал.

Во многих своих правах и обязанностях он походил на служилого человека, состоящего на службе пожизненно и обязанного передать свои функции детям.

Государство строило свои отношения к крестьянству на основе формулы: «чтоб великого государя хлебу было прибыльнее и впредь прочно, а им пашенным крестьяном было не в тягости и не в большую льготу» (арх. № 41, св. 3). При наделении крестьянина землѐй и установлении размера тягла применялся вариант этой формулы: «прибавить пашни, смотря по людем и по семьям и по прожитком, чтоб великого государя в десятинной пашне учинить прибыль, а пашенным крестьяном большого оскорбления не учинить»

Таким образом, на первом плане стояли интересы казны. Из этих интересов вытекали различные повинности пашенных крестьян к государству: сдача хлеба, несение подводной гоньбы, выполнение различных государевых «зделей», позднее — платеж многих денежных поборов и подушной подати и, наконец, поставка рекрутов. Рассматривая крестьян, как тяглый элемент, обязанный работать на казну, государство принудительно переселяло в Илимский край крестьян с запада. Когда же окрепла илимская пашня, государство по развѐрстке брало переселенцев из илимской деревни и переводило их за их же счѐт в дальневосточные земли. В деле обеспечения своих прав государство в отношении крестьян действовало, в общем, с беспощадной силой, часто не считаясь с тем, что подрывались хозяйственные основы пашенного крестьянина.

При рассмотрении повинностей крестьянина нельзя забывать, что они на протяжении XVII и первой четверти XVIII века про-

[1] Сибирский приказ. Книга 633, лл. 192-197.

делали довольно радикальную эволюцию. Итогом еѐ явилось усиление повинностей, что привело илимскую деревню к кризисному состоянию. Разбору этих повинностей крестьянина и посвящена настоящая глава.

ВЫДЕЛЬНОЙ И ОТСЫПНОЙ ХЛЕБ

В основе обязательств крестьянина к государству лежала государева пашня. Она приобретала три формы, которые последовательно сменялись на протяжении исследуемого времени.

1-я форма — государева пашня в виде отдельного хозяйства. Все работы в нѐм осуществлялись служилыми людьми, получавшими за это жалованье и особое вознаграждение, причѐм весь сбор хлеба поступал в казну. Попытка создания такого хозяйства около Усть-Кутского острога была быстро оставлена, и оно просуществовало очень недолго, с 1641 по 1651 год.

2-я форма — государева пашня в виде площади, которую пахал пашенный крестьянин вместе со своей пашней. Размеры той и другой пашни находились в соотношении 1:4. Каждый крестьянин был обязан пахать 1 десятину ржи государевой пашни, получая право пахать на себя 4 десятины. Отсюда и другое название этой пашни — десятинная пашня. На государеву десятину крестьянин получал семена из государевых житниц. Весь урожай с государевой пашни сдавался в казну, это был так называемый десятинный хлеб. Если крестьянин засевал более четырѐх десятин, то с излишней площади выделялся 10-й сноп в пользу казны, т. е. $^{1}/_{10}$ часть урожая. Такой хлеб назывался выдельным или сноповым.

В 1652 году государство увеличило государеву пашню, прибавив к обязательной запашке одной десятины ржи полдесятины яровых, а в 1676 году прибавило ещѐ полдесятины яровых. Таким образом, крестьянин должен был с этого времени пахать 1 дес. ржи и 1 дес. яровых государевой пашни. Семена на эту площадь он попрежнему ежегодно получал из казѐнных житниц и сдавал с неѐ весь урожай государству. Теперь крестьянин имел право пахать на себя 4 дес. ржаных и 4 дес. яровых. Около 1677 года государство повысило размер выдельного хлеба с запашек сверх этих 8 десятин, установив норму изъятия вместо 10-го снопа 5-й сноп. Появилось новое слово — пятинный хлеб.

Таким образом произошло сближение норм десятинной пашни (государева пашня составляла $^{1}/_{5}$ часть всей площади посева) и норм выдела ($^{1}/_{5}$ часть урожая с посева сверх свободных от обложения десятин). С середины XVII столетия появляется ещѐ одно новое обстоятельство — государева пашня постепенно теряет конкретную форму пашни в натуре, превращаясь просто в $^{1}/_{5}$ часть обязательного посева крестьянина. Поэтому и десятинный и пятинный хлеб всѐ чаще и чаще стали называть одним словом —

выдельной хлеб. Такой порядок просуществовал до начала XVIII века.

3-я форма — государева пашня, как условная номинальная величина, как некий измеритель платѐжных обязательств крестьянина по отношению к государству. Государева пашня потеряла все признаки определѐнной запашки и поэтому платѐж выдельным хлебом заменился так называемым отсыпным хлебом. Его удобнее было определять по ржаным государевым (номинальным) десятинам. С начала XVIII века пашенный крестьянин мог пахать 8 десятин, а по некоторым волостям до 12-13 десятин. И с этой площади за (номинальную) государеву десятину крестьяне по разным волостям платили от 7 до 12 восьмипудных четвертей ржи. После перевода крестьян на отсыпной хлеб пятинного хлеба с них не взыскивалось, так как с излишних площадей земли крестьянин стал платить оброчным хлебом. Последний вид платежа походил на арендную плату за использование земель сверх надела.

Служилые люди пахавшие вместо хлебного жалованья, как и беломестные казаки, уплачивали пятинный хлеб в случае превышения разрешѐнного размера запашки. Посадские люди, не имевшие права на надел, уплачивали с пашни пятинный хлеб. Одновременно все эти категории населения могли платить и оброчный хлеб, если арендовали земли сельскохозяйственного значения.

Теперь обратимся к более подробному рассмотрению системы выдельного хлеба и к анализу причин, побудивших государство перевести пашенных крестьян на платѐж отсыпным хлебом.

Порядок изъятия выдельного хлеба был установлен с начала развития земледелия на Илиме. Первые упоминания о нѐм встречаются в делах 1641 года[1]. Кажется, что в основе выдела лежит справедливая, сравнительно лѐгкая норма обложения, к тому же падающая с равной силой на каждого крестьянина. Государство при этой системе делило с крестьянином последствия плохого урожая. Если на государевой десятине был низкий сбор хлеба, то государство не требовало компенсации своих убытков. Пример: «у пашенного крестьянина у Ондрюшки Сергеева довелось (т. е. надлежало) выделить на великого государя десятина ржи. И у него, Ондрюшки, великого царя на десятине и на ево пахоте судом божиим рожь не родилась, выделить нечево» (арх. № 6, св. 1, л. 30 об., 1667 г.). Наконец, крестьянин получал на государеву десятину семена, например, в 1667 году 6 пудов ржи на десятину. Если посев ржи составлял 5 дес., а урожай — 50 пудов с дес., то крестьянин сдавал государству 44 пуда или 17,6% валового сбора (за вычетом государевых семян). На первый взгляд кажется, что увеличение тягла путѐм прибавления десятины яровых (в два приѐма) в равной степени касалось всех пашенных крестьян.

[1] Сибирский приказ. Столбец 360, лл. 223-229.

Но это предположение оказывается справедливым только при том условии, если крестьянский посев находился в точном соответствии с величиной тягла.

Как указывалось, до 1652 года на один крестьянский двор приходилась одна тяглая государева десятина ржи, «а яровых десятин не пахали». Крестьянин тогда имел право пахать на себя 4 дес. ржи и яровых. С 1652 года тягло увеличивается на ½ дес. яровых, следовательно, крестьянин мог пахать на себя 6 дес. ржи и яровых. С 1676 года государева пашня устанавливается в размере 1 дес. ржи и 1 дес. яровых и крестьянин мог пахать на себя 8 дес. Каждый двор теперь был обязан сдавать хлеба в государеву казну вдвое больше, чем сдавал до 1652 года, безразлично, увеличивал ли он в действительности свою запашку или нет. Тяжесть обложения в 1676 году возрастала против 1652 года на ⅓, а против 1649 года — вдвое. Но для отдельных хозяйств все эти перемены могли означать в действительности очень неравномерное увеличение платежей. Приведѐм пример для трѐх случаев — слабого, среднего и сильного дворов, с целью выяснить, как изменилась тяжесть государственного обложения.

Таблица 62 построена на основании следующих предположений: 1) посев на себя у слабых дворов 4 дес., у средних 8 дес., у сильных 12 дес.; 2) средний урожай с десятины 50 пудов; 3) выдача семян на государеву десятину: ржи 5 пудов, яровых 10 пудов.

При этих допущениях получаются следующие размеры изъятия хлеба в 1649 и в 1676 годах:

Таблица 62

Дворы	Государева пашня, десятин	Крестьянская пашня, дес.			Сдача хлеба пудов		
		свободных	облагаемых	итого	с государ. пашни	„10-го снопа" или пятинного	итого
1640 год							
Слабый	1	4	—	4	45	—	45
Средний	1	4	4	8	45	20	65
Сильный	1	4	8	12	45	40	85
1676 год							
Слабый	2	4	—	4	85	—	85
Средний	2	8	—	8	85	—	85
Сильный	2	8	4	12	85	40	125

Следовательно, в результате изменений в системе расчѐта платежа, размер сдачи хлеба слабым двором увеличился почти на 89%, средним — на 31% и сильным — на 47%. Процент изъятия от валового сбора в 1676 году по этому примеру составлял: из слабых дворов 36%, из средних — 20%, из сильных — 19,7%. Сла-

бые хозяйства, которые не могли воспользоваться правом пахать на себя 8 десятин, оказались в самом тяжѐлом положении.

Техника самого выдела была довольно сложной. Ежегодно осенью на поля крестьян выезжал приказчик, который совместно с хозяином поля и в присутствии свидетелей производил подсчѐт количества сжатых снопов с государевой десятины. Результаты учѐта записывались в «ужинную роспись». Затем из снопов выбирались средние пробы по 100 снопов или так называемые сотницы, и производился «опыт», т. е. пробный обмолот, результаты которого записывались в «опытную роспись». Обе росписи — ужинная и опытная заверялись присутствующими лицами. Если при этом оказывалось, что у крестьянина или другого хозяина площадь посева превышает разрешѐнный размер, то производился в том же порядке выдел и обмолот каждой культуры и результат пересчитывался на всю «лишнюю пахоту». Приводим пример записи из ужинной и умолотной книги 1667 года по Усть-Киренской Верхней волости: «У пашенного крестьянина у Коземки Леонтьева Воронина уродилось великого государя на двух десятинах ржаных: в ужине, по счету, 1210 снопов ржи, а в умолоте 148 пудов 20 гривенок ржи. А дано ему, Коземке, по указу великого царя, свободных 8 десятин без десятого снопа. У него же, у Коземки Воронина, уродилось сверх свободных восьми десятин: в ужине, по счету, 1355 снопов ржи, а по опыту на великого царя десятой (сноп) взято из доброво, из середнево и с плохово хлеба — 13 пуд 20 гривенок ржи. У него же, Коземки Воронина, уродилась великого царя на полудесятине яровой: в ужине, по счету, 280 снопов ячмени, а в умолоте 11 пуд 20 гривенок ячмени. У него же, Коземки Воронина, на заимке присевка промышленого человека Васьки Павлова Чухово уродилось: в ужине, по счету, 300 снопов плохой травяной пшеницы, 305 снопов овса, а по опыту на великого царя десятой взято — пуд 10 гривенок пшеницы, 2 пуда 10 гривенок овса».

Приказчикам давались наказы — как вести выдел и обмолот, текст наказов переписывался из года в год почти без изменений. Наиболее полные наказы сохранились лишь за позднейшие годы — 1700, 1707, 1723, когда выдел производился только у некрестьянского населения. В 1723 году подобный наказ даѐтся илимскому служилому человеку Степану Березовскому: «А как по счету сотниц и тысяч снопов выделено будет... изо всякого хлеба, и тот выдельной сноповой хлеб у записки в ужитную (ужинную?) сноповую роспись записывать порознь: доброй хлеб — добрым, а средний — средним, плохой — плохим, против выделу своего сполна, без утайки. А как выдел минется и тебе б по выделыюй к сноповой росписи, у ково будет на заимке пристойно, чинить ис тех выдельных снопов при себе опыт: на разных овинах заставить насадить доброво и середнево и плохово хлеба порознь но сту снопов. А к овинам на гумна по счету тех снопов и к опыту взять тебе с собою для свидетельства тутошных десяцких пашенных крестьян и заставить высушить на овинах и обмолотить те

снопы на гумнах порознь же. И выделять начисто и смерить в казенную осмину под гребло при тех же десяцких и при хозяевах... А сколько из доброго и ис [с]реднего и с плохова хлеба ис сотницы родитца, и тот опытный умолотной хлеб записывать в опытную собою (особую) роспись порознь, чтоб было несмятно (не спутано). И к той умолотной отсыпной росписи тебе и десяцким и хозяевам, у которых будет выделен хлеб и опыт учинен, приложить руки. И будучи тебе у того выделу никакие неправды не учинить, посулов и поминков отнюдь себе ни с кого не имать и выдельным... хлебом некому не поступатца» (арх. № 164, св. 17, лл. 209-210).

Таков порядок выдела хлеба. Он требовал присутствия: 1) представителя государства, т. е. приказчика или другого уполномоченного, 2) хозяев и 3) свидетелей. Иногда крестьяне таких свидетелей выбирали.

В 1677 году по Илиму выделяли хлеб илимские служилые люди, выдельщики: пятидесятник казачий Ив. Дунаев и Ив. Салдат, «да мирских выборных людей старосты Остатка Зарубин, Офонька Усов»[1].

В Орленской волости «выдельщики и умолотчики»: приказчик Дан. Кулаков, казак Соф. Кашаев, целовальник С. Манаков (л. 60). В Киренской и Криволуцкой волости выделяли: приказчик сын боярский Ермолай Яганов, казак Геранька Шелковников, принимал хлеб житничный целовальник, выбранный крестьянами — Оничко Онтонов (л. 63 об.-64).

Всѐ это осложняло операцию выдела[2]. Система выдельного хлеба ставила приток государева хлеба в зависимость от многих причин: от качества обработки государевых десятин крестьянами, от благоприятной погоды и от добросовестности и честности выдельщиков.

Поэтому неоднократно производились сыски о причинах малого выдела. Например, в 1663 году якутский воевода Голенищев-Кутузов большей сообщал в Сибирский приказ свои подозрения о том, что приказчики и выдельщики «корыстуютца... воруют: с которых великого государя десятин родитца хлеба пудов по сту и больши, а они де, выдельщики, с тех десятин пишут в отпуск по пятнадцети и по дватцети, а что де оставает...»[3]. По этому сообщению в ряде волостей Илимского воеводства, снабжавшего Якутск хлебом, был произведѐн сыск, при котором опрашивались сотни пашенных крестьян (лл. 117-181). Вот образец одного допроса: «Того ж числа в обыску сказали Нижно-Илимские волости пашенные крестьяне Климко Труфанов сын Пере-

[1] Сибирский приказ. Книга 686, л. 56.

[2] Выдел и литературе отражался обычно неточно. См., напр., статью Н.П. Козьмина «Администрация государевой пашни в Сибири XVII п.» (к истории русской колонизации) в Известиях Вост.-Сиб. Отд. ИРГО, т. XXXIV, № 2, 1903 г.

[3] Сибирский приказ. Столбец 344, часть II, л. 142, конца сообщения нет.

толчин, Митька Онофреев, Гришка Семенов сын Пушма по святой Христове евангельской непорочной заповеди и великого государя по крестному целованию: в прошлых де годех и в нынешнем во 172 (1663 или 1664) году присланы де были из Ылимского острогу в Нижную Илимскую волость выдельщики, илимские служилые люди, для выделу великого государя десятинного и выдельного хлеба. Приехав де они, выдельщики, выделяли из их крестьянские пахоты из насеяново хлеба на великого государя ржаные и озимые десятины. И из десятого снопа имали прямо, в правду, и от того де выделу у них, пашенных крестьян, посулов и поминков они, выдельщики не имали и великого государя над десятинным и выдельным хлебом хитрости не чинили. И сами они, выдельщики, хлебом не корыстовались и на сторону никому не продавали и им, пашенным крестьяном, великого государя хлебом не поступались. А у молодьбы с выдельщики бывали вместе на гумнах они, пашенные крестьяне. А без них де крестьян, выдельщики великого государя хлеба не молачивали». К этому обыску велением крестьян руку приложил местный священник (л. 143). Все крестьяне и опрошенное духовенство подтвердили правильность действий выдельщиков и удостоверили, что малый выдел произошѐл из-за неурожая.

В 1702 году было «велено про малой выдел и умолот великого государя десятинного и пятинного хлеба нынешнего 1701-го году про выдельщиков и умолотчиков, прикащика Степана Воронецкого и Гришки Торлопова сыскать крепким правым сыском с тутурскими пашенными крестьяны и гулящими и промышленными людьми». Производившему сыск пятидесятнику Дмитрию Сюсину были даны подробные указания, как вести следствие (Россыпь, № 13, св. 2).

Выдел, т. е. изъятие у крестьян урожая (за вычетом семян) с определѐнной фиксированной площади, так называемой государевой пашни, просуществовал в Илимском воеводстве около 60 лет. Он давал значительные количества хлеба для покрытия государственных потребностей в Северо-Восточной Сибири. Но с точки зрения казны он имел крупные недостатки. Твѐрдой неизменной величиной была только площадь государевой пашни, но не доход с неѐ. А государству требовалось иметь устойчивый приход хлеба. Оно не могло строить свои экономические мероприятия на такой неопределѐнной основе, как виды на хороший урожай. Поэтому, вопреки духу самой системы выдела, воеводы стали требовать от служилых людей, чтобы выделялось не меньше, чем в предшествующий год и даже «с прибавкою».

Например, в инструкции 1723 года такие требования к выдельщикам, служилым людям, сформулированы следующим образом: «И в выделе пятого снопа учинить перед прежними годами в… казну прибыль… А буде… против прошлых лет пятинного хлеба с прибавком не будет, и за то тебе… учинено будет жестокое наказание и впредь ни у каких дел быть не велят. А за малой

выдел, чево будет против прошлых лет не выделен и в приходе не объявитца, и то будет доправлено в ...казну на тебе без всякой пощады» (арх. № 164, св. 7, лл. 209-210).

Если вначале государство не могло целиком основывать своих заготовок хлеба на неокрепшем земледелии одного Илимского воеводства и мирилось с необходимостью доставлять хлеб из Енисейска, то с упорядочением хозяйственной жизни в новом крае и с ростом потребностей нужно было взять курс на создание устойчивого притока хлеба. Сибирский приказ ставил перед илимскими воеводами задачу, чтобы можно было «бес подрядных (покупных) и без енисейских присыльных хлебных запасов пронятца (обойтись)».

Через некоторое время обнаружилось, что и с технической стороны выдел стал крайне громоздким. Когда в волости было 15-20 дворов, сложность операций по выделу не ощущалась. Другое дело, когда в волостях Илимского воеводства стало пахать 1000 дворов и площади государевой пашни раздробились на полудесятины, чети и осьмухи. Организовать пробный обмолот сразу в 1000 мелких хозяйств трудно, если даже иметь хорошие уборочные машины, молотильные установки, весовое хозяйство и транспорт.

Сложная техника выдела вызывала необходимость высылать ежегодно в деревни служилых людей на несколько месяцев. При выделе терялось много казѐнного хлеба, и государство не было гарантировано от обмана. Наконец, ежегодно нужно было выдавать из государевых житниц семена, а их, особенно яровых культур, иногда нехватало.

Неудобен был выдел и для крестьян. Приходилось в страду подавать много подвод для перевозки служилых людей и тратить время на соблюдение сложных формальностей. Рискованно было начинать уборку до приезда выделыцика. Сложность выдела приводила, вероятно, к оценке урожая наглаз и крестьянин становился в зависимость от произвола приказчика, который приобретал в деревне не соответствующую его положению силу.

При выделе в основу клался урожай. Но он мог быть неодинаковым даже у соседей: создавалось неравенство платежа. Это неравенство закреплялось, раз государство требовало постоянства притока хлеба. Поскольку государева десятина не ограничивалась в натуре, выделыцик мог выбрать для выдела ту площадь, на которой был больший урожай. Система выдела оказалась особенно тяжелой для слабых крестьянских хозяйств, у которых, вследствие недосева на своих десятинах, государева пашня могла составлять не $^1/_5$, а ¼, ⅓ и даже ½ всего посева.

Неравенство платежа при равенстве государевой пашни можно показать на выдельных книгах Братской волости за 1705 год (арх. № 93, св. 9, лл. 56 об.-63).

По умолотным книгам десятинному, т. е. выдельному хлебу за 1705 год там с государевой десятины якобы было намолочено

15 четвертей! Эта цифра сама по себе подозрительна, ведь она означает **средний** сбор в 120 пудов с десятины. Сомнения ещѐ увеличиваются, если брать отдельные деревни. В дер. Кадинской средний умолот составил 11,1 четв., в дер. Громовской 17,8 четв. В этой же Громовской деревне у Козьмы Шумилова урожай составил 80 пудов с десятины, у Савы Сидорова 149 пудов, у Ивана Хлыстова 184 пуда, у Луки Панкова 208 пудов, у Микиты Филиппова 226 пудов. И так по всей волости, которая охватывала 143 двора. В смете на 1706 год предполагалось в Братской волости собрать столько же хлеба в государеву казну, сколько собиралось в 1705 году. Значит, приказчик планировал у Микиты Филиппова и на новый год урожай в 226 пудов с десятины.

Разгадка здесь в том, что выдел не соответствовал умолоту. Несоответствие это достигало исключительных размеров: М. Филиппов с десятины платил почти в 3 раза больше, чем К. Шумилов.

В ранние годы были частичные попытки замены выдельного хлеба так называемым отсыпным хлебом. Ещѐ в 1658 году небольшая часть крестьян стала с разрешения воеводы платить за государеву пашню вместо выдела определѐнное количество хлеба. Например, Гришка Семенов сын Пушма (впоследствии Пушмин) пахал государевой пашни 1 дес. ржи и ½ дес. яровых, «а за тое государеву десятинную пашню с нынешняго 166 (1658) году платит он, Гришка, по договору оброк по окладу молоченым хлебом, по 80 пуд ржи». Значит, перевод на оплату отсыпным хлебом был произведѐн из расчѐта 53 пуда за государеву десятину. Таких случаев в 1658 году было три.

В 1667 году по Усть-Киренской Верхней волости у одного из 29 крестьян «великого царя за полдесятины ржаную да за четь десятины яровую взято оброку сухим хлебом 50 пуд ржи». Значит, за государеву десятину он платил 66 пудов. В 1671 году 4 крестьянина разных волостей за тягло по 1½ десятины платили рожью: двое по 50 пудов (33 пуда за десятину), один — 80 пудов (53 пуда за десятину), один 90 пудов (60 пудов за десятину). В приведѐнных выдержках отсыпной хлеб назван оброком. По существу это был, конечно, оброк, по оброчный хлеб впоследствии назывался отсыпным хлебом, а слово оброк применялось к платежу за аренду вненадельной земли.

Указанные случаи перевода платежа с выдельного на отсыпной хлеб остались единичными, потому что при этом устанавливался очень высокий размер платежа, и крестьяне не видели смысла просить воевод об изменении существовавшего порядка расчѐта с государством. До конца XVII века случаев перевода на отсыпной хлеб больше не встречается.

В 1699-1700 годах воевода Качанов при объезде деревень воеводства перевѐл на отсыпной хлеб тех крестьян, которые жили в отдалѐнных деревнях, куда неудобно было посылать выдельщиков. В дер. Максима Зырянова (теперь — дер. Максимова) Ерѐмка, Федулка, Олѐшка и Мишка Максимовы дети Зыряновы

пахали государевой пашни 1 дес. ржи и 1 дес. яровых. Качанов велел им платить 8 четвертей ржи (64 пуда). Он так обосновал введение нового порядка платежа: «потому что та их деревня по Куте реке в Култуке, от Илимска и от Усть-Кутцкого острошку в дальном растоянии и для хлебного государева выделу приезжают к ним на заимку выдельщики и умолотчики и живут у них в деревнях многое время. А выдел и умолот хлебу был самой малой... Да и для того, что бывает по Куте реке в зимное время поверх льду вода большая. И подвод де им за тою водою никоими меры гонять невмочь».

В том же году были переведены на отсыпной хлеб крестьяне, жившие на Ангаре выше и ниже устья р. Илима, в числе 22 дворов. Ранее они пахали государевой пашни 10 дес. ржи и 10 дес. яровых, с которых в 1695 году было собрано 50¾ четверти ржи. Качанов наложил на них 67¼ четверти отсыпного хлеба, т. е. по 6,7 четверти с государевой ржаной десятины.

Вскоре в Илимском воеводстве начался перевод всех крестьян с выдельного хлеба на отсыпной хлеб.

Может быть, по совету Качанова, Сибирский приказ грамотой 9 июня 1700 года предложил перевести пашенных крестьян Илимского воеводства на отсыпной хлеб.

Судя по наказу воеводы приказчику Усть-Кутского острога Пимину Сташкееву от 30 ноября 1701 года, перевод платежа на отсыпной хлеб осуществлялся так (арх. № 48, св. 4, лл. 15, 16, 32): «В нынешнем в 1701-ом году августа в... день били челом великому государю (полный титул), а в Илимском в приказной избе Федору Родионовичу Качанову подал зарушную челобитную вместо всех усть-куцких пашенных крестьян посылыник их Васька Разбойников. А в челобитной их обчей написано, чтоб великий государь пожаловал их, всех крестян, велел [с] своей государевой десятинной пашни платить им с 1702 году оброчным отсыпным хлебом: полудесятинщиком по 4 чети, четвертушиком четь ржи (описка, нужно 2 чети) по вся годы, а выдельщиков бы к ним на пашни в слободы не посылать, и у того оброчного зборного хлеба в целовальниках им не быть».

Можно кстати отметить, что к этому времени десятинщиков, т. е. пахавших 1 дес. государевой пашни, в Усть-Кутской волости не осталось.

Далее воевода ссылается на грамоту Сибирского приказа и добавляет: «И им, крестьяном, пахать будет свободно и в подводах без выдельщиков будет льгота». При этом предлагается впредь семян на государевы тяглые полудесятины не давать и розданный хлеб собрать в поворот (т. е. обратно) в государеву казну. Под документом подписи: «Приказной Иван Качин; приказной Борис Зубов; Березовской; вместо приказных людей, Игнатия Барабанщикова, Микифора Карсаксва, по их велению Юда Кузнецов руку приложил; писал Завьялов». Под другими документами — «писал Коземка Завьялов».

С 1701 по 1706 год на отсыпной хлеб были переведены Верхне-Илимская, Нижне-Илимская, Нижне-Киренская, Криволуцкая и Верхне-Киренская волости с платежом по 7 четвертей ржи с десятины, Орленская и Тутурская волости — по 9 четвертей, Илгинская, Бирюльская, Ново-Удинская и Яндинская по 12 четвертей. Чечуйская волость перешла в 1708 году из Якутского воеводства в ведение Илимска с платежом отсыпного хлеба в размере 8 четей ржи и 2 четей овса. В Братской волости, перешедшей в Илимск из Енисейского воеводства в 1705 году, установили с 1706 года платѐж в 12 четей. Наконец, в 1710 году перешла из того же Енисейского воеводства в подчинение Илимска Кежемская волость, там стали платить 10 четей ржи с тяглой десятины.

В ряде волостей окончательная норма платежа установилась не сразу, например, в Киренских волостях временами собиралось по 11 четей, вновь вернулись к 7 четям в 1708-1709 годах. По Усть-Кутской волости сперва, как известно, было установлено платить по 8 четей, затем стали взимать по 11 четей, потом с крестьян, живших на Лене, — по 8, а на Ленском волоке — по 7 четей, пока не вернулись к норме 1701 года. В Яндинской волости величина платежа с 12 четвертей была уменьшена до 10.

В Чечуйской волости часть отсыпного хлеба исчислялась в двух единицах — в ржи и в овсе.

Перевод на отсыпной хлеб означал, что государева ржаная десятина превратилась в условную единицу, измеряющую величину надела пахотной земли. Счѐт государевых яровых десятин потерял всякое значение.

Можно было бы не обратить внимания на указанные выше колебания величины отсыпного хлеба с десятины, если бы не одно дело, раскрывающее невидимые пружины этих колебаний.

Таким делом является челобитная чечуйских пашенных крестьян о сбавке тягла и связанные с нею отписки и справки (арх. № 122, св. 13, лл. 285-290, 557-563). По этому челобитью приказная изба дала обширную справку. В ней, между прочим, написано: «А Илимского ж уезду нижно-илимские, верхо-илимские, яндинские, илгинские, тутурские, орленские пашенные крестьяне по указу великого государя и по грамоте, а иные де по челобитью обложились платить с тягл отсыпным хлебом. И в Киренском, советав промеж себя обложились, чтоб им быть в отсыпном хлебе и платить с 706-го году великого государя в казну отсыпной хлеб: нижно-киренским и криволуцким и усть-куцким слобод (крестьянам) по 11 четвертей з десятины ржаные и яровые. А верхокиренские обложились платить против орленских крестьян за десятину ржаную и яровую по 9 четвертей ржи на год».

Итак, в 1701 году согласно грамоты из Москвы, было велено брать по 7 четвертей ржи, а в 1706 году крестьяне «обложились» платить по 11 и по 9 четвертей с десятины. В действительности, с верхне-киренских крестьян, начиная с 1706 года, взыски-

вали по 10 четвертей. Почему произошло это повышение? Ведь крестьяне знали, что нужно платить по 7 четвертей, а «обложились» по 9 и 11 четв. И на этот вопрос находится ответ в той же справке: «в 706-м году февраля в 27 день били челом великому государю Илимского уезду усть-куцкие и криволуцкие и верхо-киренские и нижно-киренские крестьяне Егор Марков с товарыщи: обложил де их... илимский воевода Федор Качанов платить отсыпным хлебом з десятины по 11 четвертей в тягость. А ... по ево великого государя указу и грамоты обложены отсыпным хлебом платить з десятины по 7 четвертей рожью в год».

Значит, воевода, желая сбирать больше хлеба, вынудил крестьян согласиться с увеличением платежа. Повидимому по этому поводу он и собирал волостные сходы. Но не прошло и года, как выборные крестьянские челобитчики направили в Москву жалобы, и 26 января 1708 года грамотой из Сибирского приказа в Илимск было предложено брать в казну отсыпным хлебом по 7 четвертей ржи. Воевода вновь собирал крестьян названных 4 волостей и взял с них круговую поручную запись об исправном платеже.

Вот чем объясняется колебание размера платежа. Недаром крестьяне писали в Москву, прося выслать им грамоту «с прочетом». Остаѐтся неизвестным, какие причины заставили воеводу снизить платѐж по Яндинской волости с 12 до 10 четвертей. Возможно, что здесь произошло то же, что и по 4-м нижележащим волостям. При переводе крестьян этой волости на отсыпной хлеб в 1702 году было записано: «Великого государя по грамоте и по их крестьянскому челобитью велено за прежнюю десятинную пашню платить им, крестьяном, оброку по 7 четвертей ржи за десятину, а по той же великого государя грамоте велено воеводе Федору Родионовичу Качанову о том учинить по правому и верному расмотрению — как бы великого государя казне было прибыльнее и впредь прочно, а им бы пашенным крестьяном было не в тягость и не в большую льготу. И по высмотру и по выписке и по приговору воеводы Федора Родионовича Качанова велено им крестьяном... платить... за десятину по 12 четей ржи... потому что в той Яндинской слободе пашенные земли против иных слобод добры и хлебородны».

И всѐ же несмотря на такое решение — «по правому и верному расмотрению», размер платежа был уменьшен только до 10 четей ржи.

Техника расчѐта, которой руководствовался воевода при определении ставки, состояла в следующем: количество отсыпного хлеба, поступавшего по волости, делилось на число государевых десятин. Получалась средняя норма, которую воевода увеличивал, чтобы добиться повышения дохода. Величина такой надбавки была делом личного умозаключения. Во всяком случае Фѐдор Качанов мог с полным правом докладывать царю в 1706 году об увеличении сбора хлеба. Но в Сибирском приказе трезво оценивали такое искусственное повышение крестьянских

повинностей и вводили их в более умеренное русло, поскольку потребности нового края в хлебе покрывались уже без дефицита.

С переходом на отсыпной хлеб твѐрдо фиксировалась величина ежегодных поступлений хлеба в государеву казну, отпадала надобность производить каждый раз сложный выдел и заботиться о выдаче семян на обсеменение государевых десятин.

Неурожаи, плохая обработка или потери хлеба при уборке, а также обман выдельщиков и крестьян, уменьшавшие ранее количество хлеба, поступавшего в казну, отныне уже не имеют значения. За неурожаи и потери расплачивается крестьянин.

Действие перевода платежа на отсыпной хлеб для крестьян тоже было многосторонним: 1) произошло уравнение платежей, падавших на тяглую десятину; 2) пятинный хлеб с залишечных десятин заменился простым оброком; 3) уменьшилась зависимость от произвола приказчиков в наиболее чувствительном для крестьянина деле; 4) сократилась подводная гоньба; 5) отпала надобность в выборе житничных целовальников, которых заменили выборные от посадских.

Чтобы показать, какие экономические результаты принѐс для крестьян перевод с выдельного на отсыпной хлеб, воспользуемся примером по Братской волости, сопоставив размер платежей 1705 года и 1722 года (табл. 63). При этом сопоставлении нельзя упускать из вида, что в год отмены выдела Братская волость платила с государевой десятины необыкновенно много хлеба.

Таблица 63

Название деревень	1705 год			1721 год			На двор двор		На десятину	
	дворов	тяглых десятин	платѐж, четвертей	дворов	тяглых десятин	платеж, четверт.	1705	1722	1705	1722
							четвертей			
Кадинская	13	5¼	58½	16	4⅜	51	4,5	3,2	11,1	11,6
Филипова острова	9	$4^{5}/_{16}$	57	12	2¾	33	6,3	28	13,2	12,0
Падунская	7	2⅜	36⅝	10	3	37½	5,2	3,8	15,3	12,5
Громовская	14	4¾	84½	20	5¼	63	6,0	3,2	17,8	12,0
Кежемская	19	8½	143⅞	32	8⅜	100	7,5	3,1	10,8	11,9
Большая деревня	43	12½	176¾	54	11⅞	142½	4,1	2,6	14,1	12,0
Красноярская	14	4⅞	76¾	20	4⅞	58½	5,5	2,3	15,7	12,0
Шаманова лугу	24	7⅛	110½	35	8½	103½	4,6	2,9	15,5	12,2
Итого	143	$49^{11}/_{16}$	544½	199	49	589	5,2	3,0	15,0	12,0

В 1705 году по Братской волости последний раз сдавался выдельной хлеб. Сдача велась двумя культурами: рожью, около 300 и овсом, около 445 четвертей (с сложными дробями). Сумма их даèт около 745 четвертей, в таблице показана более точная величина. Но при сдаче овèс засчитывался «вполы», т. е. в половину своего веса, так что в ржаном измерении величина натуральных обязательств составляла 522 четверти. В 1722 году отсыпной хлеб сдавался только рожью. В таблице овèс включèн в натуральный платèж без пересчèта на рожь.

Итак, в 1722 году общий объèм сдачи хлеба против 1705 года, когда взыскивалось необычайно много, уменьшился, упала сдача на двор и на десятину.

Кроме того, произошло почти идеальное поравнение платежа за тяглую десятину. В 1705 году колебания находились в пределах 11,1-17,8 четвертей хлеба на 1 тяглую десятину, а в 1722 году в пределах 11,6-12,5 четвертей.

Некоторая условность этого расчèта заключается в слишком большом по времени разрыве, который составляет 17 лет. Для того, чтобы исключить привнесèнные временем изменения, пришлось произвести дополнительную обработку тех же материалов, взяв из документов того и другого года лишь те дворы, в которых сохранился старый размер тягла и где хозяином остался прежний пашенный крестьянин. Для того, чтобы сделать это сопоставление совершенно надèжным, из него были исключены даже те дворы, где изменилось имя хозяина, хотя бы это был сын умершего после 1705 года отца.

Таких дворов в Братской волости из 143 оказалось 39 с тяглом в 10⅞ десятины. Они платили в 1705 году 71⅞ четверти ржи и 95 четвертей овса, всего 166⅞ или в переводе на рожь 119⅜ четверти. В 1722 году размер платежа составил 129½ четверти ржи. Значит, общий размер сдачи хлеба сократился на 37⅜ четверти, а в ржаном исчислении увеличился на 10⅛ четверти или на 8,5%. При этом зажиточные крестьяне выиграли, а средние и маломощные — проиграли.

Нет надобности приводить всю подворную выборку, как очень громоздкую; можно взять одну деревню Громовскую и сопоставить те хозяйства, в которых не изменились ни размер тягла, ни имя дворохозяина. Из 14 дворов таких оказалось 6; данные о них приведены в таблице 64.

Уравнение платежа особенно ярко выступает на примере Павла и Ивана Хлыстовых: в 1705 году Павел в переводе на рожь платил 2¼ четверти, а Иван с равного тягла 4 четверти. После перевода платежа на отсыпной хлеб произошло уравнение количества сдаваемой ржи в полном соответствии с равенством площади.

Уравнение предполагает увеличение повинностей одних членов общества и уменьшение повинностей других. Если произвести перевод овса в рожь, то окажется, что из 39 хозяйств увеличение платежа произошло в 23 случаях, уменьшение в 11 слу-

Таблица 64

Крестьяне деревни Громовской	Тяглых десятин	1705 год		1722 год
		ржи	овса	ржи
		четвертей		
Сидор Ведерников	¼	1½	2½	3
Данило Степанов	3/16	1¼	2	2¼
Андрей Шумилов	½	2½	3½	6
Павел Хлыстов	¼	1	2½	3
Иван Хлыстов	¼	2½	3½	3
Павел Мыльников	1/8	¾	1	1½
Итого	1 9/16	9	15	18¾

чаях и обязательства остались неизменными у 5 дворов. Если же перевода овса в рожь не производить, то окажется, что из 39 дворов 31 двор получил облегчение, 4 — увеличение и 4 продолжали платить столько же, как и 17 лет назад. Крестьянин не вникал в технику расчѐта эквивалентов и не доискивался их экономического обоснования, ему важнее было хотя бы и мнимое поравнение платежа.

Некоторые дворы сильно проиграли уже при одном уравнении платежей по земле, в числе их и двор вдовы Васильевской жены Ускова Оксиньи Фѐдоровой дочери, плативщей с ¼ дес. 2½ четверти в 1705 году и 3 четверти в 1722 году.

С этого времени крестьянин, по существу, платит хлебный налог сообразно с величиной надела. Тяжелее всего он падает на те дворы, которые не могут полностью овладеть своим наделом. Зажиточные дворы получают возможность путѐм дешѐвой аренды свободных земель стать в ещѐ более льготное положение по сравнению с маломощными дворами.

В неурожайные годы тяжесть государственных платежей падала на бедноту с несоразмерно большой силой. Когда действовал порядок взимания выдельного хлеба, последствия неурожая разлагались на крестьянина и на государство, теперь их принял целиком на свои плечи пашенный крестьянин.

Пример по Братской волости можно, в сущности, использовать только для показа того, как произошло уравнение платежей по тяглым десятинам. Но судить по этому примеру об изменении величины платежа с тяглой десятины нельзя, так как в 1705 году по Братской волости был произведѐн необыкновенно высокий выдел. Но даже и в этом исключительном случае ряд хозяйств проиграл. Если же взять среднюю многолетнюю величину сдачи хлеба по выделу, то окажется, что она не превышала 45-50 пудов с тяглой десятины. А нормы сдачи отсыпным хлебом были установлены в размере 7-12 четвертей или 56-96 пудов с тяг-

лой десятины. Таким образом, перевод на отсыпной хлеб означал общее повышение крестьянских платежей.

При переводе на отсыпной хлеб, как было отмечено, по ряду волостей были установлены нормы сдачи хлеба выше тех, которые предлагал Сибирский приказ. Крестьянские миры стали добиваться своих законных прав и в ряде волостей нормы были снижены. Неудача постигла, в частности, крестьян Чечуйской волости. Действия их настолько поучительны, что заслуживают более подробного рассмотрения (арх. №№ 108 и 122).

В 1705 году, когда Чечуйская волость входила ещѐ в состав Якутского воеводства, она была переведена на отсыпной хлеб с платежом по 8 четвертей ржи и по 2 четверти овса с тяглой десятины. Но Чечуйские крестьяне узнали, что их соседям вверх по Лене в Илимском воеводстве велено платить по 7 четвертей ржи. Когда Чечуйская волость в 1708 году переходила в ведение илимских воевод, чечуйские крестьяне решили добиться уравнения их прав с соседями и 31 марта 1708 года подали челобитную илимскому воеводе Лаврентию Ракитину. Их представитель Агафон Калистратов «с товарыщи» писал: «А Нижно-Илимские волости илимские крестьяне по указу великого государя платят з десятинного тягла по 7 четвертей ржи, а земли де у них и сенные покосы — еланные места, лучше их». В том же году воевода написал об их просьбе в Сибирский приказ. Ответа Москва не дала. Но вскоре крестьяне узнали, что и ленские волости, начиная от Нижней Киренской и до Усть-Кутской, по предложению Москвы, будут платить по 7 четвертей.

Ожидая ответа и надеясь, что их просьба будет уважена, как было уважено челобитье киренских волостей, пашенные крестьяне Чечуйской волости решили платить в равенстве со своими соседями. Они сами установили норму сдачи: оставили 2 чети овса с десятины, что было равнозначно 1 четверти ржи и прибавили 6 четвертей ржи, всего, следовательно, в ржаных единицах образовалось 7 четвертей с тяглой десятины, т. е. как раз та норма, которая действовала в волостях вверх по Лене.

Итак, образовалось две нормы сдачи — одна правительственная — 8 четвертей ржи и 2 четверти овса, другая крестьянская — 6 четвертей ржи и 2 четверти овса.

Развернулась глухая борьба за претворение в жизнь той или другой нормы. Успех борьбы зависел только от степени спайки крестьян.

В Чечуйской волости считалось тяглых 58½ десятины, следовательно нужно было собрать 468 четвертей ржи и 117 четвертей овса. В 1706 году было собрано 351 четверть ржи и 117 овса. Значит, крестьяне сдали рожь по своей норме, по 6 четвертей с тяглой десятины. В 1707 году удалось собрать только 275⅛ четверти ржи и 85⅛ овса. Для ликвидации недоимки был послан илимский сын боярский Михаил Шангин, но он взыскал только 72½ четверти ржи и 28 четвертей овса. Но любопытнее всего то, что и приказчики и Шангин стали собирать с чечуйских крестьян

«за их скудостью» по 6 четвертей ржи и по 2 четверти овса с тяглой десятины. Крестьянская норма получила полупризнание: по книгам предъявлялось 8, а к платежу 6 четвертей, разница записывалась в недоимку.

То же произошло в 1708, 1709, 1710 и в последующие годы, вплоть до 1720 года. Крестьяне платили по своим нормам 14 лет. Илимская приказная изба уныло отмечала: «А с прошлого 708-го году по 716 год по зборным зарушным книгам той Чичюйской слободы приказчиков, которые по указу великого государя посыланы были из Ылимска в Чичюйской на приказы, с тех чичюйских крестьян, за их скудостью и за хлебным недородом, збирали ж те приказчики з десятинного их тягла с великою нуждою только по шти четвертей ржи, по 2 четверти овса на год... С 710 году того хлеба стоит на них в доимке... по нынешней 720 год, опричь 718 году, для того, что на 718 год хлебной доимки знать не по чему, ис Чичюйска хлебных книг в Ылимск не прислано, 1057½ четвертей ржи, 119¼ четвертей овса». Значит, в среднем в год недобиралось 106 четвертей ржи, т. е. как раз по 2 четверти с десятины. Если присчитать сюда недоимки 1706-1709 и 1718 годов, то образуется долг в 1600 четвертей хлеба или около 13.000 пудов, в среднем по 120 пудов на двор.

Наконец, чечуйским крестьянам стало ясно, что Москва ответа не пришлѐт. Наоборот, Москва стала принимать чрезвычайные меры по сбору недоимок, вследствие чего усилился и нажим Илимска, Тогда чечуйские крестьяне 31 мая 1720 года подали воеводе новую челобитную и уполномочили отстаивать свои интересы выборного мирского старосту Михаила Пашенного и Никиту Степанова.

Воеводскими делами в это время ведал местный житель илимский дворянин Иван Степанович Литвинцов. Над ним самим собиралась гроза за слабое взыскание платежей, и он не решился писать в Москву о безнадѐжности взыскать с чечуйских крестьян за 15 лет и об уменьшении платежа на будущие годы[1]. Время подобных ходатайств миновало. Наоборот, обложение, теперь уже в денежной форме, возрастало с каждым годом. Поэтому Литвинцов обо всѐм написал не в Москву, а в Якутск.

Неуверенные, что воевода правильно изложил их просьбу, чечуйские крестьяне решили сами обратиться в Якутск. Там в это время находился лейб-гвардии капитан-порутчик Михаил Петрович Измайлов, наделѐнный чрезвычайными полномочиями. Измайлов на их заявление о тяжѐлых условиях хлебопашества и об отсутствии свободных земель прислал в Чечуйский острог приказчику Ивану Паранчину указ, предлагая освидетельствовать пашни и сбавить платѐж до 7 четвертей, если будет уста-

[1] Он был дважды оштрафован на 100 и на 50 рублей за допущение недоимок. По тогдашним временам это представляло весьма крупную сумму. Вскоре последовал арест Литвинцова.

новлена правильность жалобы. Решение спора, казалось, подошло к концу; приказчик Паранчин «о земляном деле следовал». Но за сменой его это «следствие» где-то затерялось. Возможно, что об утере этого документа крестьяне узнали не сразу.

Время шло, недоимки росли. В Илимское воеводство посылается солдат Егор Шабалин. У него везде шло дело хорошо, пока он не попал в Чечуйскую волость. Пришлось и ему писать жалобы на крестьян. Они «учинились ему противны... и ни в чем не послушны». Даже собранные деньги крестьянскими сборщиками были вновь розданы по рукам. Крестьяне не дали заковать в цепь своих представителей и спасли от этого приказчика Петра Торговина. Нового приказчика, прибывшего на смену Торговину, Шабалин заковал. Вот и все успехи уполномоченного в этой волости. Крестьяне показали ему письмо капитана Измайлова. Солдату ничего не оставалось делать, как снять с письма копию, чтобы выяснить положение в Илимске. Это было уже в 1725 году. За Шабалиным по тем же делам в Илимск командируется унтер-офицер Павел Козьмин, который, как излагается в разделе о недоимках, не добившись ничего, принял от чечуйских крестьян коллективную челобитную.

Поразительно то единодушие, с которым действовали крестьяне. Если взять какую-нибудь деревню, хотя бы Сукнѐву, то можно увидеть, как платили крестьяне Чечуйской волости.

В таблице 65 приведены выписки по этой деревне из окладных книг 1722 года (арх. № 148, св. 15).

Недоимки считало только государство. Крестьяне были уверены, что они полностью сдали всѐ, что с них спрашивается.

Таблица 65

Крестьяне	Тяглых десятин	Заплатили четвертей			Недоимка	
		ржи	овса	ячменя	ржи	овса
1. Сила Назаров	½	1½	1	1½	1	—
2. Михаил Недопѐкин	½	1½	1	1½	1	—
3. Иван Солод	1¼	4½	2½	3	2½	—
4. Иван Огорельцев	¼	½	½	1	½	—
5. Иван С у к и ѐ в	1	3	2	3	2	—
6. Евдоким Акинин		1	½	½	½	—
7. Федор Акинин	¼	½	½	1	½	—
8. Панкрачий Акинин	½	2	1	1	1	—
9. Филипп Емельянов	1	1½	2	4½	2	—
10. Михаил Романов	¼	1	½	½	½	—
11. Иван Решетников	½	1	1	2	1	—
Итого	6¼	18	12½	19½	12½	—

Может быть, для усиления коллективного сопротивления мир заставлял всех односельчан полностью платить по крестьянским нормам. Проверим крестьянский расчѐт: с 6¼ десятин по 6 четвертей ржи даст 37½ четвертей. Внесено рожыо 18 четвертей, ячменѐм 19½, т. е. сполна все 37½ четвертей. С тех же 6¼ десятин по 2 четверти овса даст 12½ четвертей. Внесено сполна 12½ четвертей.

Перевод на отсыпной хлеб означал превращение крестьян в плательщиков натурального налога, сообразно их наделам. Кажущееся равенство обязанностей крестьянина скрывало неравенство тяжести обложения для различных по хозяйственной мощности дворов. Государство не только прекратило оказание помощи крестьянам при их устроении на пашню, но и порвало ту экономическую нить, которая связывала хозяйство пашенного крестьянина с государством в форме выдачи семян из государевых житниц. Отказавшись от выдела, государство застраховало себя и от неурожаев на государевой пашне.

Система отсыпного хлеба в сильной степени затруднила хозяйственную деятельность слабых дворов и ещѐ более укрепила зажиточную часть деревни.

ОБРОЧНЫЙ ХЛЕБ

Слово «оброк» употреблялось в XVII и XVIII веках очень широко и значение его менялось вместе с развитием новых экономических явлений. Илимские документы дают возможность довольно хорошо проследить за терминологией, связанной с этим словом.

Первоначально, в 50-х годах XVII столетия, слово «оброк» означало плату определѐнным количеством хлеба за государеву пашню. Тогда несколько пашенных крестьян вместо выдельного хлеба «по договору» платили за 1½ десятины ржаной и ½ десятины яровой государевой пашни по 50-90 пудов ржи в год. Такой хлеб впоследствии назывался отсыпным оброчным или короче — отсыпным хлебом. С начала XVIII века установилось последнее название. Крестьяне, плативщие такой оброк, сохраняли название пашенных крестьян в течение всего исследуемого времени.

С переводом в начале XVIII века пашенных крестьян с выдельного на отсыпной (в первоначальном словоупотреблении — оброчный) хлеб отпадало взыскание с крестьян пятинного хлеба. С этого времени пашенный крестьянин кроме отсыпного хлеба мог платить оброк за «залишечные» пашни и покосы, не входившие в надел или превосходившие размер земли, обусловленный государевой пашней. Значит, с начала XVIII века оброчный хлеб взимался с излишних или вненадельных земель пашенных крестьян. В XVII веке крестьянин платил выдельной (десятинный) и пятинный хлеб, в XVIII веке — отсыпной и оброчный хлеб. Вы-

дельной (десятинный) хлеб представлял урожай с государевой десятины, пятинный — $^1/_5$ часть урожая, полученного крестьянином с излишнего посева. Значит, обложению подвергался посев. Отсыпной хлеб являлся твѐрдо фиксированным платежом за отведѐнную крестьянину землю, оброчный хлеб — за пользование землѐй сверх этого надела, за лишние земли. Значит, обложению теперь подвергались не посевы, а земля. Отсыпной хлеб заменял десятинный и пятинный хлеб и являлся превращѐнной формой выдельного хлеба.

Оброк с лишних земель явился новой формой и был по существу натуральной арендной платой.

Кроме пашенных крестьян оброк с пашен и покосов платили так называемые хлебные обротчики. Они не имели надела и не вносили, следовательно, отсыпного хлеба. Пахали они незначительные площади, которые не образовывали целого надела. Значит, хлебные обротчики платили арендную поземельную плату хлебом, обычно рожью. Появились эти хлебные обротчики, как указывалось, с конца XVII века.

Наконец, оброк хлебом платили так называемые поголовные обротчики, не имевшие надела и не пахавшие даже арендованных земель. Поголовным хлебным оброком в начале XVIII века были обложены гулящие, промышленные, ссыльные и другие бестяглые, но работоспособные элементы деревни. В отношении их оброк потерял характер поземельного обложения, превратившись в личный налог; облагалась не земля, а лицо.

Итак, в начале XVIII века оброк платили: пашенные крестьяне за сверхнадельные земли, а хлебные обротчики за пользование свободными, незанятыми землями. Поголовные обротчики вносили хлебный налог.

От слова оброк можно получить два производных имени существительных: обротчик и оброчник. Оба слова употреблялись в речи того времени и имели различный смысл. Обротчики — лица, платящие оброк. Значение слова «оброк» только что было рассмотрено. Оброчники — лица, получающие от государства хлеб в особых случаях, например, низший церковный причт и низшие служащие. Такое понимание слова оброчник вытекает из всех расходных хлебных книг Илимского воеводства. Например: «Майя в 25 день (1668 г.) отдано в прием якуцким ружником и оброчником и служилым людем на жалование»... (арх. № 6, св. 1, л. 6). На протяжении 50 лет эта формула неизменно повторяется, если речь идѐт об «якуцком отпуске», причем слово «оброчники» всегда появляется в сопровождении слова «ружники». Употребляется это выражение и в приложении к низшим служащим Илимского воеводства. Например, в «книге окладной хлебному жалованию» на 1676 год в заглавии говорится: «Ленского волоку Илимского острогу кому что илимским ружником и оброчником и служилым людем и судовым плотником и верхоленским конным казакам и мельнику и засыпке и соловару и под-

варку и конюху и съезжие избы и таможенному и тюремному сторожем и палачу великого государя хлебное жалованье».

В других документах, излагающих расход хлеба на нужды Илимского воеводства, встречается выдача хлеба нищим. Этих нищих, которым государство оказывало наряду с пономарями и просвирнями продовольственную помощь, также нужно считать оброчниками. В средине XVII столетия в Илимске и в Якутске ещѐ были живы многие из первых завоевателей северо-восточной Сибири, прямые наследники дела Ермака. Старики имели право на помощь. Еѐ в какой-то мере им и оказывали, тем самым превращая их в оброчников.

Позднее, с отменой государственной хлебной руги, когда исчезают и оброчники, строгое различие этих двух написаний — оброчник и обротчик — теряет хозяйственную основу и первое слово иногда употребляется вместо второго.

Утерю строгого различения этих слов можно хорошо проследить по ведомости о ясачных, десятинных, хлебных и соляных доходах и расходах в сибирских городах за 1698-1699 годы. Ведомость опубликована в VIII томе «Русской исторической библиотеки», СПБ 1884, на стр. 689-892. Из 19 сибирских городов в 13 употребляется слово обротчик, в 4 — оброчник, а в Енисейске то и другое в отношении одного и того же понятия. Речь в ведомости идѐт об оброчниках в том толковании, которое дано выше.

Обротчики и оброчники с точки зрения платежа понятия противоположные: оброчнику платит государство, обротчик — платит государству. Понятно эти платежи касались не всех, а только отмеченных случаев.

Оброки вносились государству в разных величинах. Пашенные крестьяне и хлебные обротчики с начала XVIII века платили в среднем 1 четверть ржи за десятину пашни с соответствующей площадью покоса. На некоторые свободные оброчные земли устраивались торги и тогда величина платежа принимала индивидуальный характер. Иногда оброчные земли снимались в аренду целыми коллективами пашенных крестьян, которые сообща платили оброк. К таким землям чаще относились покосы, которые крестьяне могли ежегодно переделять. Вывали также случаи, когда пашенные крестьяне брали у государства оброчные земли для церковного причта и платили за него оброк.

По книге пашенных крестьян и обротчиков за 1722 год (арх. № 148, св. 15, лл. 2-146; утеряны сведения о Верхне-Илимской волости) составлена таблица 66, в которой показано число лиц, плативших оброк с пашни и покосов, и размер платежа рожью в четвертях. Данные о поголовных обротчиках в таблицу не включены.

Значит, 75 крестьян, сверх отсыпного хлеба, платили ещѐ оброк, в среднем по 2,1 четверти ржи на человека, 60 хлебных обротчиков платили в среднем по 2,9 четверти на человека. На-

Таблица 66

Волости	Пашенные крестьяне (оброк с лишних земель)		Хлебные оборотчики		Коллективн. Аренда земель пашенными крестьянами	
	человек	четвертей	человек	четвертей	человек	четвертей
Нижне-Илимская	21	36½	10	21	2	6
Усть-Кутская	3	4½	7	27	1	6
Криволуцкая	1	½	1	2¼	1	5
Верхне-Киренская	—	—	3	2½	—	—
Нижне-Киренская	6	12	—	—	—	—
Чечуйская	—	—	—	—	2	3
Орленская	—	—	4	11½	1	7
Тутурская	8	31	—	—	5	21½
Илгинская	20	47¾	9	22½	5	27⅛
Ново-Удинская	7	7⅜	1	1½	—	—
Яндинская	7	17¼	18	67½	1	3
Братская	1	1½	7	15¾	—	—
Кежемская	1	1⅛	—	—	—	—
Итого	75	159½	60	171½	18	78⅝

конец, за 18 участков группы вносили оброк по 4,4 четверти за участок.

Таблица 67

Размер оброка, четвертей ржи	1710 г.		1723 г.	
	число оборотчиков	%% к итогу	число оборотчиков	%% к итогу
½-¾	25	11,9	16	4,9
1	105	50,0	180	55,1
1⅛-1½	51	24,3	94	28,7
2	18	8,6	25	7,6
Более 2	11	5,2	12	3,7
Итого	210	100,0	327	100,0

Размер платежа поголовных обротчиков за 1710 и 1723 годы дан в таблице 67.

В среднем размер поголовного оброка составлял около 1 четверти ржи на человека в год. Посадские люди за аренду сенокосов вносили по 1 четверти ржи на человека. Такой же оброк был установлен для крестьянских и казачьих детей, не имевших пашни.

В балансе государева хлеба оброчный платѐж стал принимать заметное место только с начала XVIII века; в среднем оброчный хлеб тогда составлял к сумме всех хлебных поступлений около 20%.

ПРИХОД И РАСХОД ГОСУДАРЕВА ХЛЕБА

Ежегодно илимская приказная изба составляла сводный отчѐт о приходе и расходе хлеба, так называемую смету хлебных запасов. Одновременно строилась и помета по этим запасам на следующий год. Пометы являются чрезвычайно интересной попыткой предвидеть на год вперѐд возможные поступления хлеба и предстоящие расходы его. В основу построения пометы клались действительные остатки хлеба у житничных целовальников к началу года и расчѐты по движению запасов за год. Приход вычислялся на основании размера государевой пашни и вероятного урожая (впоследствии, с переходом на отсыпной хлеб, брались тяглые десятины и нормы обложения их по волостям.) Другие приходные статьи обычно вычислялись на основании данных предшествующего года и в этом нужно видеть наиболее слабую сторону методики построения помет. Расход определялся проще: известны были требования Якутского острога и расход на выдачу хлебного жалования своим служилым людям, оклады которых не менялись десятками лет. Потребность в семенном хлебе вытекала из точно известной площади государевой пашни и норм высева, вернее норм выдачи семян на десятину. Когда появилось винокурение, то в пометы вошла статья по выдаче хлеба соразмерно предполагаемой выкурке вина.

Сметы и пометы строились по одному плану и были тесно связаны друг с другом. Почти всегда при отчѐте за минувший год рядом с фактическими данными приводились и цифры, предусмотренные в помете на этот год. Таким образом, можно было видеть, в какой степени осуществилась помета и хорошо или плохо была проведена заготовка хлеба, а также правильно ли осуществлялся расход.

Сохранилось несколько десятков смет и помет. По ним очень удобно проследить, какой баланс государева хлеба намечался воеводой и каким он оказывался в действительности.

Другим источником, на основании которого можно представить все хлебные операции в целом за год или за более длительный срок, являются счѐтные списки, т. е. ревизии, которые проводил воевода, вступая в отправление своих обязанностей.

Он «считал» своего предшественника и только после окончания этой проверки старый воевода мог выехать в другое место. Если же обнаруживались непорядки и недостачи, за которые отвечал старый воевода, то его задерживали на месте до указа из Москвы.

Для современного исследователя использование расчѐтов воевод и подьячих представляет сложную работу. Все сметы и пометы строились без таблиц, в них вводилось чрезвычайно много подробностей, за которыми очень трудно следить. Часто итоги по отдельным разделам сметы, охватывающим сотни записей, не подсчитывались. Значит, не было самоконтроля по итогам, без чего не может обойтись современный экономист. Естественно, что довольно простые расчѐты съезжих (приказных) изб всегда занимали десятки листов, т. е. иногда 100-150 страниц.

Чтобы показать громоздкость этих документов приведѐм самый обыкновенный расчѐт по одной статье сметы — приход десятинного и пятинного хлеба по Усть-Киренской волости с 1-го сентября 1653 по 1-ое сентября 1654 года. Такой же расчѐт по этой статье был сделан в том же документе по всем остальным волостям

«На Лене реке, в Усть-Киренской волости з государевых 39 десятин (цифры писались словами) помечено прошлово 161 (1652) к нынешнему ко 162-му году в приходе 520 чети l½ осмины 32 гривенки с полугривенкою ржи. И на тех государевых 39 десятинах родилось ко 162-му году в умолоте против пометы, взято сполна. Да сверх пометы вышло изо льготы к нынешнему ко 162-му году государевых 10 десятин, в умолоте 450 чети с полуосминою и пол-пол-полтретника ржи. И обоего по помете и сверх пометы з государевых с сорока з девяти десятин взято 971 четверть с полосминой без пол-пол-полчетверика ржи.

3 государевых же з 19 десятин с полудесятиною помечено против прошлово 161-го года к нынешнему ко 162-му году в приходе 334 чети четверопудных ячмени, да с полудесятины — 10 чети овса, и обоего — на 20 десятинах. И на тех 20 десятинах родилось к нынешнему ко 162-му году против пометы, взято сполна. Да сверх пометы с тех же государевых десятин взято 80 чети ячмени, потому что к нынешнему ко 162 году родилось на тех десятинах — хлеб добр и в умолоте больши прошлово 161 году. Да сверх пометы вышло изо льготы к нынешнему ко 162-му году 4 десятины яри. И на тех десятинах родилось в умолоте 61 четверть с полуосминою, полчетверика и пол-полчетверика ячмени, 24 чети с осминою овса. И обоего по помете и сверх пометы, с тем, что изо льготы вышло, з государевых 22 дссятин взято 475 чети с полуосминою, полчетверика и пол-полчетверика ячмени, да з двух десятин 34 чети с осминою овса.

И из выдельного десятово снопа, сверх свободных десятин, с крестьянской лишней пахоты и с присевки половничьи и про-

[1] Сибирскин приказ. Книга 330, лл. 46 об.-52. Конца сметы не сохранилось.

мышленных людей, которые присевают на крестьянских пашнях в Усть-Киренской волости, помечено против прошлово 161-го году к нынешнему ко 162-му году в приходе 237 чети с осминою 15 гривенок с полугривенкою ржи, 189 чети 35 гривенок с полугривенкою ячмени, 30 чети с осминою 14 гривенок с полугривенкою овса, одна четверть полторы осмины с получетвериком 4 гривенки пшеницы. И того выдельного з десятого снопа, сверх свободных десятин с крестьянской пахоты и с присевок половничьих и промышленных людей ржи и овса и пшеницы, против пометы взято сполна. Да в то же число из выдельного десятого снопа с крестьянской лишней пахоты и с присевок промышленных людей взято 153 чети полторы осмины 24 гривенки с полугривенкою ячмени. А не в доходе против пометы из выдельного десятого снопа с лишней крестьянской пахоты и с присевок промышленных людей 35 чети с осминою пол-полчетверика ячмени, потому, что в нынешнем во 162-м году пашенные крестьяне сверх свободных десятин в лишке яри не пахали и промышленных людей присевки меньши было прошлово 161 году. Да сверх пометы выдельного десятинного хлеба сверх свободных десятин с лишней крестьянской пахоты и присевок половничьих и промышленных людей в Усть-Киренской волости взято 83 чети полторы осмины 3 гривенки с четью гривенкою ржи, 8 чети с полуосминою 13 гривенок овса, 28 чети с осминою 16 гривенок пшеницы, потому что к нынешнему ко 162-му году сверх свободных десятин крестьянской лишней пахоты и присевок промышленных людей ржи и овса и пшеницы больше было прошлово 161-го году. И обоего по помете и сверх пометы из выдельного десятого снопа сверх свободных десятин с лишней крестьянской пахоты и с присевки половничьих и промышленных людей в нынешнем по 162-м году в Киренской волости взято 321 четь с полуосминою пол-полчетверика и пол-пол-полтретника ржи, 38 чети 1½ осмины 27 гривенок с полугривенкою овса, 30 чети с осминою пшеницы».

Несмотря на подробное изложение, запись не даѐт итогов общего сбора ни по отдельным культурам, ни по всем зерновым вместе. А без таких итогов проверка и обработка приведѐнных цифр чрезвычайно трудна[1].

[1] Названные в выдержке на стр. 404 цифры можно сверстать в следующую таблицу (количество хлеба пересчитано в целые пуды):

	Помета		Выполнение		Разница пудов	
	десятин	пудов	десятин	пудов	сверх помета	недовзято
С государевых десятин						
1. Ржи	39	2084	49	3885	1801	—
2. Ячменя	19½	1336	22	1902	566	—
3. Овса	½	40	2	138	98	—
С лишней пахоты и присевок						
1. Ржи	—	950	—	1285	335	—
2. Ячменя	—	757	—	615	—	142
3. Овса	—	122	—	155	33	—
4. Пшеницы	—	8	—	122	114	—

В целях выяснения общей картины движения государева хлеба автором было обработано 15 смет и отчѐтов, из которых в таблице 68 приводятся сокращѐнные балансы по 7 годам; при этом сделан пересчѐт четвертей в пуды (сметы 1653 и 1677 гг. в документах даны в 4-пудной четверти, 1691, 1709 и 1714 гг. в 8-пудной четверти, 1656 и 1663 гг. — в пудах).

Несколько замечаний к этой таблице. Смета 1653 года сохранилась не полностью, поэтому в таблице отсутствует расходная часть. Количество муки из года в год сокращалось, например в 1658 году еѐ поступило 808 пудов, в 1671 году — только 6 пудов, в 1675 году — 32 пуда, а с 1677 года еѐ в обороте совсем нет, вследствие чего в таблице, начиная с этого года, приводятся цифры лишь по зерну. Очень характерны колебания поступлений хлеба местного производства, что обусловлено высотой урожая.

Хлеб енисейской пахоты, игравший первоначально видную роль в хлебных операциях Ангаро-Илимо-Ленского края, постепенно терял значение (в 1663 году было завезено сразу на 2 года) и в конце XVII века все местные потребности и запросы Якутского воеводства целиком покрывались продукцией илимской пашни.

Сплав хлеба в Якутск за показанное время увеличился раза в три и составлял в расходной части баланса большую половину. Выдача семян крестьянам из государевых житниц в начале XVIII столетия сильно сократилась, а затем полностью была прекращена, так как в это время произошѐл перевод платежа крестьян с выдельного хлеба на отсыпной.

Прочие местные расходы складывались из выдачи хлебного жалования служилым людям (4000-6000 пудов), хлебной подмоги новопашенным крестьянам и прочих окладных и неокладных расходов.

Остановимся па характеристике поступления хлеба из местного производства. Источниками, откуда государство черпало хлеб, были: сдача пашенными крестьянами с государевых десятин, а в XVIII столетии — за государевы десятины, сбор хлеба по выделу, т. е. с площадей посева сверх установленных десятин (для крестьян, служилых людей и беломестных казаков), оброчный хлеб с хлебных и поголовных обротчиков, изредка — местная покупка. Кроме того, в приходе илимского хлеба большое место занимали прочие поступления, они образовывались преимущественно из сбора недоимок прошлых лет и расчленить их по видам плательщиков чрезвычайно трудно.

Удельный вес в процентах перечисленных видов прихода местного хлеба приведѐн в таблице 69.

Следовательно, основой хлебного баланса, его главной приходной статьѐй являлся десятинный хлеб, который платился пашенными крестьянами за государевы тяглые десятины. Выдельной хлеб имел небольшое значение, за исключением первых лет, когда крестьянин пахал только ржаные государевы десятины и

Таблица 68

Статья баланса хлеба	1653		1656		1663		1677	1691	1709	1714
	мука ржаная	зерно	мука ржаная	зерно	мука ржаная	зерно	зерно			
1. Остаток к началу года	192	2428	2577	5319	61	956	3260	9928	23312	23016
2. Присылка из Енисейска	6892	—	—	—	265	12580	2648	—	—	—
3. Хлеб местного производства	72	17608	—	11640	5	4469	13504	11568	28600	31288
Итого в приходе	7156	20036	2577	16959	331	18005	19412	21496	51912	54304
1. Сплав в Якутск	—	—	782	7181	12	5960	4724	1296	24024	24760
2. Выдача на государеву пашню	—	188	—	1292	—	349	2808	2010	752	—
3. Прочие местные расходы	—	—	123	4587	279	11549	6916	4968	6312	13360
Итого в расходе	—	—	905	13060	291	17858	14448	8304	31088	38120
1. Остаток к концу года	—	—	1672	3899	40	147	4964	13192	20824	16184

Таблица 69

Годы	За государевы десятины	Выделыюй хлеб	Оброчный хлеб	Прочие поступления	Итого
1653	55,2	27,0	–	17,8	100,0
1656	68,3	9,4	—	22,3	100,0
1677	75,6	4,4	—	20,0	100,0
1691	61,9	1,4	—	36,7	100,0
1709	68,5	2,4	20,2	8,9	100,0
1714	64,3	2,1	21,9	11,7	100,0

легко переходил за границы умеренного государева тягла, за что и платил 10-й или впоследствии 5-й сноп. С начала XVIII века сильно растѐт число хлебных обротчиков, да и пашенные крестьяне — чем дальше, тем больше — пользуются «залишечными» землями, с которых вносят оброк. Это и нашло отражение в таблице 69.

Главную часть хлеба местного производства составляла рожь, меньшее значение в балансе казѐнного хлеба имели ячмень и овѐс, а пшеница оказывалась исчезающе-малой величиной. Структура местных хлебных поступлений по культурам, в %% к итогу, дана в таблице 70.

Таблица 70

Годы	Удельный вес в приходе, %%				
	рожь	ячмень	овѐс	пшеница	итого
1653	73,1	24,5	1,7	0,7	100,0
1056	90,7	4,4	4,8	0,1	100,0
1663	43,6	25,7	30,7	—	100,0
1677	70,0	8,0	21,9	0,1	100,0
1691	49,6	6,8	43,6	—	100,0
1709	83,5	9,9	7,5	—	100,0
1714	85,9	12,3	1,8		100,0
Среднее по этим годам	75,4	12,9	11,6	0,1	100,0

Среднее вычислено, как взвешенная величина, расчѐт еѐ опущен.

Овѐс и ячмень в отдельные годы приобретали заметное значение. Обычно это происходило при неурожаях, когда государ-

ство, стремясь пополнить недостаток хлеба, обращало усиленное внимание на яровые культуры и взыскивало за рожь овсом и ячменѐм. В нормальные годы больше всего овса и ячменя, а также пшеницы, поступало в виде выдельного хлеба.

Итак, начав с неустойчивого баланса хлеба, в значительной мере опиравшегося на «енисейские присылки», Илимское воеводство к началу XVIII века укрепило источники хлебных поступлений и имело излишки, которые стали основой для винокурения. Большое значение для устойчивости поступлений имел перевод пашенных крестьян на отсыпной хлеб.

НАТУРАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН

Кроме главной обязанности пашенного крестьянина по отношению к государству — платежа в казну хлебом, существовали различные натуральные повинности. Их формы и величина претерпели за исследуемое время существенные изменения.

Первоначально, когда русские пришли в Сибирь, у них почти не было обязанностей по отношению к государству. Это право на свободу от налогов, поборов и «зделей» они оплачивали своей кровью, завоѐвывая для России величайший в мире материк.

Двигавшиеся на восток русские должны были сами заботиться о своей судьбе: строить укрепления, прокладывать дороги, делать суда, изыскивать продовольствие. Всѐ это делалось своими силами, почти не регламентировалось государством и относилось к местным делам. При этом русские не превращали туземцев в рабов, руками которых можно было бы упрочить господство их завоевателей. Была найдена другая форма использования сил коренного населения — ясак.

Вся тяжесть по освоению нового края была принята на плечи пришедшего народа. Постепенно регулирование повинностей населения принимало на себя государство, но эти повинности долго ещѐ носили местный характер и правительство, вплоть до конца XVII века, не имело возможности осуществлять, во всей Восточной Сибири каких-нибудь фискальных мер для пополнения средств российского бюджета.

В самом деле, единственный товарный продукт русского хозяйства — хлеб, производимый на Востоке, мог реализоваться только на месте его производства.

Лишь в начале XVIII века Пѐтр вводит денежные подати и сборы, что позволило ему привлечь экономические силы отдалѐннейших краѐв к участию в общероссийских делах.

Слабость экономических связей Сибири с Русью в XVII веке породила два явления: ограничение государственных повинностей местными повинностями и ограничение товарной продукции нового края пушниной.

Отсюда проистекают две распространѐнных ошибки у исследователей сибирского хозяйства: преувеличение тяжести различ-

ных государственных натуральных повинностей, падавших на пашенных крестьян, и преувеличение роли пушнины.

В действительности, хотя различные натуральные повинности и были очень многочисленными, но не являлись чрезмерными и не влекли расстройства крестьянского хозяйства. Самой тяжѐлой повинностью, несомненно, оказалась ямская гоньба и вообще дорожное дело.

Введение подушного обложения сопровождалось отменой многих натуральных повинностей. К этому времени закончилось строительство острогов и починки укреплений уже велись не бесплатно. Постройка судов была взята государством на себя.

Проникновение денег на Восток позволило увеличивать запашки сверх размеров, определяемых местными продовольственными нуждами и перейти к выкурке государственного вина.

С винокурением производство хлеба получило новый толчок, и воеводы начинают освобождать пашенных крестьян от различных городовых работ, от чистки волоков, от окарауливания государственных судов, перелагая эти работы на хлебных обротчиков, гулящих людей, присыльных, т. е. на слои населения, мало связанные с производством хлеба.

В документах Илимского воеводства почти не упоминается о различных натуральных повинностях, кроме платежа хлебом, о чѐм было уже сказано достаточно подробно.

Видимо, наиболее широко разные натуральные повинности падали на южные волости Якутского воеводства. Огромные нужды этого обширнейшего края при чрезвычайной редкости населения обусловили появление особо тяжѐлых форм использования государством сил пашенных крестьян.

Самым полным свидетельством многочисленных натуральных повинностей, лежавших на южных волостях Якутского воеводства, являются челобитья чечуйских пашенных крестьян.

Приведѐм здесь их ответ на какой-то запрос местной администрации. Письмо написано крайне трудным для чтения почерком; возможно, что его составил один из крестьян Документ, текст которого приводится ниже, находится в деле Киренской судной избы за 1703 год (Россыпь № 17, св. 2, лл. 99-100).

«1703-го года июня в 14 день. Чечюйского острога пашенные крестьяня: староста Трофим Васильев, десятники — Иван Сукнев, Григорей Колмаков, целовальники — Михей Стефанов, Григорей Онтонов и все Чечюйской волости пашенные крестьяня сказали перед тобольским сыном боярским, приказным Иваном Панютиным по святей непорочной евангельской заповеди господни, еже ей-ей, вправду: пашут де они пашню великого государя всякой по своему тяглу, что кому отведено по отводным. И хлеб великому государю в казну выдельной платят, и на семена по указу из казны великого государя берут. А сколько на семена хлеба на десятину берут и что с них з десятины в казну великого го-

[1] Первый лист этого коллективного письма см. на фото № 20.

сударя хлеба ржаного и ярового приходит, что подвод гоняют и всякого изделья и поборов и поделок мельничных и судные избы и острожных и дощенишных и всяких изделей сходит — и то писано ниже сего порознь.

Из казны де великого государя даетца им хлеба на семена на десятину: ржи четь, овса четь. А выдел у них — что на год уродится; выделяют приказщики, и то де им год всякой написать числом нельзя; выдельному де их хлебу всякой год значат окладные книги.

Да с них же де збирают в казну великого государя в Якуцкой на обиход со всей волости тритцать пуд пенька, тритцать ведр смолы. А пеньку цена по дватцати по три алтына по две деньги пуд; ведро смолы по шти алтын по четыре деньги.

Сорок досок кедровых, примерною ценою ставятся по два рубли с полтиною (это не цена в современном понимании, а вся стоимость).

Пятнадцать дуг черемховых, ценою пятнадцать алтын. Четверы сани, ценою по шти алтын по четыре деньги. Двои телеги четвероколесные, ценою четыре рубли.

Да им же, пашенным крестьяном, ставятца ценою подводы на низ до Витиму (около 300 вѐрст) по два рубли подвода, да вверх до Киренги (около 60 вѐрст) по 16 алтын и на те подводы платят з десятины по два рубли[1].

Да они ж подводы гоняют в своей волости для выделов и для всяких государских дел под приказщики и под почтарями из Якуцкого и под казенщиками — на год ценою примерною рублей на пятнадцать. Да по многие времена в заморозе ставитца казна великого государя, которая посылаетца из Якуцкого, дощенника по два, ниже Куршеновой (т. е. Коршуновой) заимки, верст сорок. И тое казну в Чечуйскую волость подымают (зачѐркнуто, неразб.) осенним временем на пятидесят подводах. И те подводы ставятца во сто в дватцать рублев.

Да они ж ставят к судной избе дров, на год по тритцати сажен, ценою по шти алтын по четыре деньги; лучины по сажене на год, цена осмь алтын две деньги.

Да в прошлом 92-м (1684) году с генваря (?) и воевода Матвей Осипов Кравков велел мельницу на обиход великого государя на речке выше Чечюйского строить и плотить им же, пашенным крестьяном. И строили год 50 человек и по примерной цене работником платить бы изделья 500 рублев. (Зачѐркнуто: да з 206-го году). Да от починки на всякой год с вышеписанного году платят на починку наемщиком по полтора ста пуд хлеба, да смолы по дватцати по пяти ведр, пеньки по пуду. Того по цене хлеба 15 рублев, смола — 5 рублев, пеньку — 23 алтына 2 деньги.

[1] В то время в волости считалось 57½ тяглых, государевых десятин. Следовательно, денежные платежи за подводную гоньбу достигали 115 рублей.

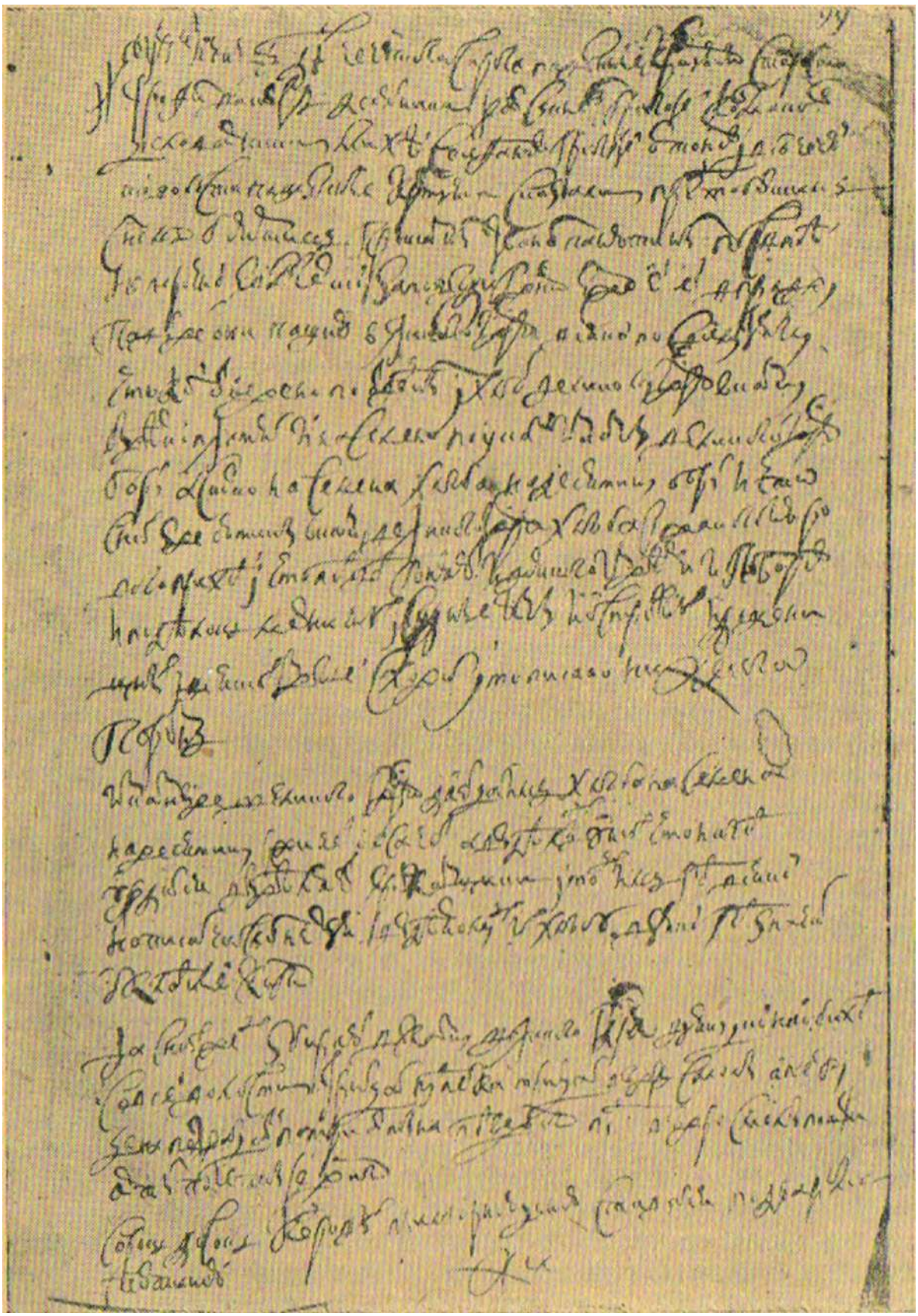


Фото 20. Сообщение Чечуйских пашенных крестьян о падающих на них государственных повинностях

На ту ж мельницу миром наймуют мельника и целовальника с прошлого 1701-го году. А на год на ту мельницу, тем — мельнику и целовальнику — платят 22 рубли денег погодно.

Всего на год исходит 217 рублев 23 алтына 2 деньги.

Да казенные когда зазимуют подводы ниже Куршуна, да за мельнишное строение 620 рублев.

К сей скаске вместо старосты Трофима Васильева и вместо десятников Ивана Иванова, Григория Колмакова, по их велению, и за себя Ереме[й] Давыдов сын Пшенишнов руку приложил.

К сей скаске вместо Михея Степанова, Григорья Антонова и за всех пашенных крестьян, по их велению, и за себя Михайло Федоров руку приложил».

Таков крестьянский документ, единственный в своѐм роде из всех бумаг Илимского воеводства. Местами он не очень гладок, требует серьѐзного труда по его чтению. Он с большой силой раскрывает множественность натуральных повинностей, падавших на пашенного крестьянина.

В конце документа дано два итога: один по ежегодным повинностям, другой по разовым затратам: строительство мельницы в 1684 году и перевозка гужом государевых грузов с судов, иногда замерзающих на Лене.

Ежегодные расходы составляли 217 рублей 70 копеек или по 3 рубля 78 копеек на тяглую десятину. Подводная гоньба занимала в этих затратах 62%.

В перечень затрат не были включены: выдельной хлеб, сдававшийся государству, общемирские расходы, в том числе содержание приказчика, а также руга церковникам.

Но если с устроением края пашенные крестьяне в конце XVII-начале XVIII веков освободились от многих натуральных повинностей, то впереди их ждало новое, ещѐ более тяжѐлое испытание — финансовые мероприятия Петра I.

Переходим к рассмотрению наиболее тяжѐлой и повсеместной натуральной повинности пашенных крестьян, к ямской и подводной гоньбе.

ЯМСКАЯ И ПОДВОДНАЯ ГОНЬБА

Быстрое и надѐжное сообщение отдалѐнных частей Зауралья с Русью являлось с самого начала завоевания новых краѐв одной из самых важных государственных задач в Сибири. Вначале в деле открытия, устроения и освоения путей участвовали все слои населения, тем более, что оно двигалось на Восток. Подводную гоньбу между Ангарой и Леной вели, как было ранее выяснено, и служилые люди, сидевшие на пашне «у Соли». Но, по мере устроения края и заселения его главным классом того времени — крестьянством, государство перелагает на его плечи всю тяжесть осуществления транспортных связей. Пашенный

крестьянин подвозил лес к плотбищам, грузил хлеб на суда, выделял «вожей» для сопровождения судов, снимал их миром с мелей. Сухопутное движение грузов и служилых людей производилось почти целиком пашенными крестьянами. Подводная гоньба являлась одной из самых тяжѐлых крестьянских повинностей. Крестьянин не только должен был выполнять важнейшую государственную задачу — производить хлеб, одновременно он нѐс и другую государственно важную функцию — по перемещению этого хлеба и всех казѐнных грузов и лиц. Но осуществляя перевозки, крестьянин неизбежно выходил за околицу своей деревни, общался с крестьянством волости и всего Илимского воеводства. Пути сообщения связывали Сибирь с Русью, а крестьянина с миром. Вот почему подводная гоньба являлась широким поприщем, где с наибольшей яркостью проявлялась общемирская деятельность пашенного крестьянина. Пашня, как предмет труда, разъединяла крестьян; пашня, как источник производства товарного хлеба, связывала их в миры.

Государство, принимая участие в создании пашни в Сибири, имело дело с каждым крестьянином, как с отдельным изолированным производителем, обходясь без посредничества мира. Но, организуя пути сообщения, оно предпочитало иметь дело с крестьянским коллективом и избегало устанавливать связи с отдельным крестьянским двором.

Насколько можно судить по илимским документам, здесь существовало два вида гоньбы: 1) ямская, которая связывала Илимск с Усть-Кутским острогом и Нижне-Илимской слободой, т. е. по государственной дороге с Ангары на Лену и 2) междворная, которая связывала остальные населѐнные места.

Главным устроителем обоих видов гоньбы был воевода, техническими руководителями — крестьянские миры. Ямская гоньба неоднократно меняла свои формы. Но основной формой являлся наѐм крестьянами особых подрядчиков, которые и осуществляли гоньбу на своих или чаще всего на наѐмных подводах. Для оплаты затрат крестьяне собирали между собою деньги, а для заключения договора и раскладки сборов время от времени созывались съезды крестьянских уполномоченных; платежи развѐрстывались ими по тяглым десятинам.

Междворная гоньба велась самими крестьянами на обычных крестьянских подводах от деревни до деревни, при этом соблюдалась очерѐдность, установленная сходом и поддерживаемая десятскими. При таком порядке создавалась большая неравномерность в несении подводной повинности селениями, лежавшими на оживлѐнных путях и селениями, заброшенными в глухие бездорожные углы. Неравномерность эта усиливалась, если одни деревни гоняли подводы до близко расположенных заимок, иногда на несколько вѐрст, в то время как другие гоняли подводы на десятки вѐрст. Для уравнения повинностей по подводной междворной гоньбе сами крестьяне нескольких волостей

вели счѐт на деньги и потом селения, где гоньба была близкой или незначительной, доплачивали тем обществам, где проходило много дальних подвод.

Как видим, в обоих случаях требовалось участие в организации подводной гоньбы всей массы крестьян и их выборных представителей. Так как государство до конца первой четверти XVIII столетия пользовалось подводами бесплатно, все материальные издержки ложились на пашенных крестьян. Другие слон населения Илимского воеводства, например служилые люди, хотя бы имевшие пашню, беломестные казаки, посадские, судовые плотники и даже хлебные обротчики, не говоря уже о духовенстве, гулящих и промышленных людях, от несения подводной гоньбы освобождались целиком. Там, где пашенных крестьян не было, подводная гоньба возлагалась на туземцев.

Счѐт между крестьянами по подводной гоньбе внутри волости производился по записям крестьян, которые выставляли подводы. Эти записи рассматривались миром, по ним определялась стоимость работ, выполненных каждым крестьянином, после чего производился расчѐт между всеми дворами волости по тяглым десятинам.

И первичные записи и мирские расчѐты оставались в волости у крестьянских представителей, не доходили до илимской приказной избы и, понятно, погибли. В собрании столбцов (свитков) XVII века, хранящихся в Иркутском государственном архиве, случайно уцелели записи крестьян Киренской волости за 1671 год (свиток № 41). Мир рассмотрел записи 26 крестьян.

Ниже приводятся выдержки из первой записи, сделанной различными почерками: «179-го году, марта в... день, после счету (т. е. после предыдущего счѐта по подводной гоньбе) роспись нашейного крестьянина Аврамка Андреева сына Черкашенина, подводная. После счету до Обрашки ходила подвода под Минея до Павла, до Оськина зятя. Илимскому служилому человеку Михайлу Березовскому дана подвода с Погоста до Полоротов... Ехал денщик Оська, гонялся за беглым, дана подвода до Полоротов. Конопать везли до Полоротов... Ехал подьячей Андрей Иванов, взял подводу до Караса. Ехал Сергий Безрукой до Караса, гонялся за беглым... Ехал Андрей, подьячей, взял подводу с Повоста до Григорья Пашенного... Ехал илимской служилой человек на Хабарову заимку для Ярофеевых животов, имал подводу с Повоста до Хабаровой деревни, вперед и взад (видимо шѐл раздел имущества Ярофея Хабарова вскоре после его смерти)... Дана подвода Егору, ихину зятю, служилому, до Пашенного... Ездил за умолотом, дана подвода десятильнику до Караса... Дана подвода Стефану Пискуле до сапожничихи з Балахни. Дана подвода Ивану Жеглове с Повоста до Кривые Луки, до Андрея Сергиева». Всего Черкашениным записано 37 подвод.

Такие же записи предъявили для счѐта и другие крестьяне. В этих записях часто вместо названия деревни, до которой шла подвода, указывалось имя крестьянина, проживавшего там, или сама деревня называлась по-местному: Полороты — значит д. Полоротовская, впоследствии — Криволуцкая, Повост — видимо Киренский острог.

Ещѐ несколько примеров из записей других крестьян: «Ходила лодошная подвода под служилым человеком до Татьяны... Ходила подвода до сапожничихи (крестьянки, упомянутой Татьяны)... Дал подводу Сергию, денщику, лодошную, до Змеиного Лугу, гонялася за шитиком беглым... До Микулихи и назад до под-Камень... До Половинные... До Рыданнова... До Гришки Пашенного».

На обороте столбца выписана оценка поданных подвод в деньгах. Так, первому крестьянину мир записал 2 рубля 4 алтына, другому 1 рубль 14 алтын 2 деньги, третьему 20 алтын 4 деньги и т.д. Некоторые крестьяне записей не представили. В таких случаях им зачитывалась гоньба по определению мира. Например: «Михайло Черепан у счету не был и клочки (т. е. записи о числе данных им подвод) не положил. А за прогон приговорили миром один рубль».

Общая сумма, в которой оценивалась подводная гоньба, делилась на число тяглых десятин волости, после чего можно было установить — сколько каждый двор должен был нести расходов по междворной подводной гоньбе. Те хозяйства, которые гоняли подводы в меньшем объѐме, чем им полагалось в соответствии с их тяглом, должны были доплачивать разницу деньгами хозяйствам, превысившим установленный для них размер гоньбы. При расчѐтах крестьян разных волостей применялся такой же способ раскладки расходов но тяглу.

По одной из крестьянских челобитий, посланных в 1675 году в Москву представителями пашенных крестьян ряда илимских волостей, можно восстановить первоначальную историю организации подводной гоньбы на Илиме: «А в прошлом, государь, во 155-м (1647) году, как по твоему, великого государя, указу учал строить нас, сирот твоих, в твою, великого государя, десятинную пашню стольник и воевода Петр Головин с товарыщи (крестьяне несколько ошиблись в дате, ибо Головин был на Илиме около 1641 года) и подводную гоньбу гонять заставил и, видя нашу, сирот твоих, нужу и бедность, велел давать нам, сиротам твоим, ис твоей, великого государя, казны, помогаючи нам, сиротам твоим, по сту рублев денег. И то твое, великого государя, жалованье за подводную гоньбу давали нам, сиротам твоим, по 174 (1666) год. А со 164 году да по 181 (1673) год давали нам, сиротам твоим, к зборным нашим мирским деньгам ис твоей, великого государя, казны по вся годы по 50 рублев денег, а за другую 50 рублев по 200 пуд соли». Крестьяне просили во-

зобновить выдачу денег и соли «в жалование» и выплатить им его за 1673-1675 годы[1].

В том же челобитье сообщены подробности о переменах в подводной гоньбе за истекшие 30 лет: «В прошлых, государь, годех по твоему... указу гоняли мы, сироты твои, всякие... подводы из Ылимского острогу через Ленской волок до усть Муки и Куты рек и вниз по Лене реке до заимки пашенного крестьянина Мишки Костянтинова сына Синькова. А на тое всякую подводную гоньбу наняты были у нас, сирот твоих, из нас же, пашенных крестьян, пашенные крестьяне Марчко Микитин, Панфилко Яковлев[2]. И писались те наши мирские наемники, Марчко и Панфилко ямскими охотники. И в прошлом, государь, во 181-м (1673) году по твоему указу... в Ылимском остроге яму быть не велено. И тех наших ямщиков... от яму велено отставить и попрежнему велено им быть в твоей, великого государя, десятинной пашне. А велено по твоему... указу всякие твои, великого государя, подводы гонять нам, сиротам твоим, миром. И мы, сироты твои, людишка бедные...». Крестьяне указывают, что им было бы очень тяжело самим гонять подводы, так как для этого пришлось бы выезжать к Ленскому волоку, т. е. за 400-500 и более вѐрст. «И мы, сироты твои, видя свое меж себя одиночество и всякую немоготу и убожество и дальное растояние, выбрали меж себя полюбовно из розных волостей ис своей же братьи, пашенных крестьян к твоей, великого государя, всякой подводной гоньбе в мирские старосты пашенных же крестьян Панфилка Яковлева, Давыдка Петрова. И по нашему, сирот твоих, мирскому заручному выбору... они (эти старосты)... подводы гоняют летние и зимние и в самую страдную пору... и судовой лес и соль и... мелкие воски возят же».

Хотя в документе и не указаны волости, от имени которых писалось челобитье, но по фамилиям названных в нѐм крестьян можно установить и перечень волостей. Челобитчиками были Савка Данилов сын Ступин, Трифонко Федоров Перетолчин, пахавшие в Нижне-Илимской волости, Фомка Аврамов сын Шапошник, Андрюшка Марков сын Чарошник — оба из Киренских волостей, Офонька Иванов сын Долгой из Орленской волости, Костька Ермолаев из Илгинской волости. Был еще один крестьянин, имени которого найти в списках не удалось.

Как выясняется из приведѐнного челобитья, сперва подводная гоньба на главной дороге, от Илимска на Лену, велась ямскими охотниками, которых нанимали крестьяне. Государство доплачивало крестьянам приблизительно $^1/_5$ часть их денежных расходов. За своих ямских охотников крестьяне платили в государеву казну отсыпной хлеб. Размер платежа устанавливался до-

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 147-151.

[2] Оба эти имени уже встречались ранее. М. Микитин пахал в 1641 году государеву пашню на устье р. Куты, как служилый человек, а П. Яковлев был одним из первых крестьян, тоже с 1641 года, на Чечуйском волоке.

вольно оригинально — по средним умолотам с тяглых десятин. Но остаѐтся неизвестным, как пашенные крестьяне выступали в роли экономистов и статистиков, вычисляя средние величины. Вычисленная величина разлагалась крестьянами на тяглые десятины. Например, в серии пашенных книг Усть-Киренской Верхней волости за 1667 год выделены специальные записи по названным расчѐтам: «да по розводу (по развѐрстке) за ямские съемные десятины с пашенных крестьян взято з десятины по шести пуд (ржи). А с ково взято и то писано в сей книге ниже сего порозну, статьями... У пашенного крестьянина у Микитки Макарова по розводу за ямские съемные десятины взято с полуторых десятин: 6 пуд ржи, у него ж с полдесятины 3 пуда ржи» (арх. №6, св. 1, лл. 41 об.-45 об.). В окладной книге 1663 года в списке крестьян Нижне-Илимской волости против имѐн трѐх пашенных крестьян, гонявших подводы в качестве ямских охотников, записано: «И за те, великого государя, десятины, илимские пашенные крестьяне по записям и по умолоту великого государя против середних десятин платят молоченым хлебом». По Усть-Кутской волости было два ямских охотника; «и за те великого государя десятины (этих двух охотников) Усть-Кутцкие и Верхо-Илимскио и Киренских волостей пашенные крестьяне по записям платят по умолоту против средних великого государя десятин молоченым хлебом».

Такой же порядок расчѐта был и выше по Лене: «да тое ж Орленские волости пашенные крестьяне по записям платят за збеглово ямсково охотника Кузьки Яковлева великого государя за 1½ десятины молоченым хлебом по умолоту против середних десятин»[1]. Отсюда следует, что средние умолоты вычислялись ежегодно и отдельно по каждой волости, так как урожай является величиной переменной.

В 1673 году система ямских охотников в Илимском воеводстве была отменена, причѐм Сибирский приказ предложил крестьянам гонять ямщину по очереди. Но крестьяне справедливо указали, что это им неудобно и выбрали особых старост, которым и поручили за особую плату держать необходимое число подвод на Ленском волоке. Москва не возразила, и крестьяне повели гоньбу через наѐмных ямских старост.

Этот порядок осложнился отпиской в 1680 году (фактически в 1682 году) шести ленских волостей к Якутскому острогу. Крестьяне этих волостей просили об освобождении их от гоньбы на Илимский острог. Дело это уже излагалось, теперь можно только пополнить сказанное условиями подводной гоньбы, отражѐнными в челобитьях отписанных волостей. Крестьяне писали: «В прошлом во 163-м (1655) году... по указу Алексея Михайловича и по памяте илимского воеводы Богдана Оладьина велено пашенным крестьяням Мишке Синькову, Савке Ступину с товары-

[1] Сибирский приказ. Книга 480, лл. 132-143.

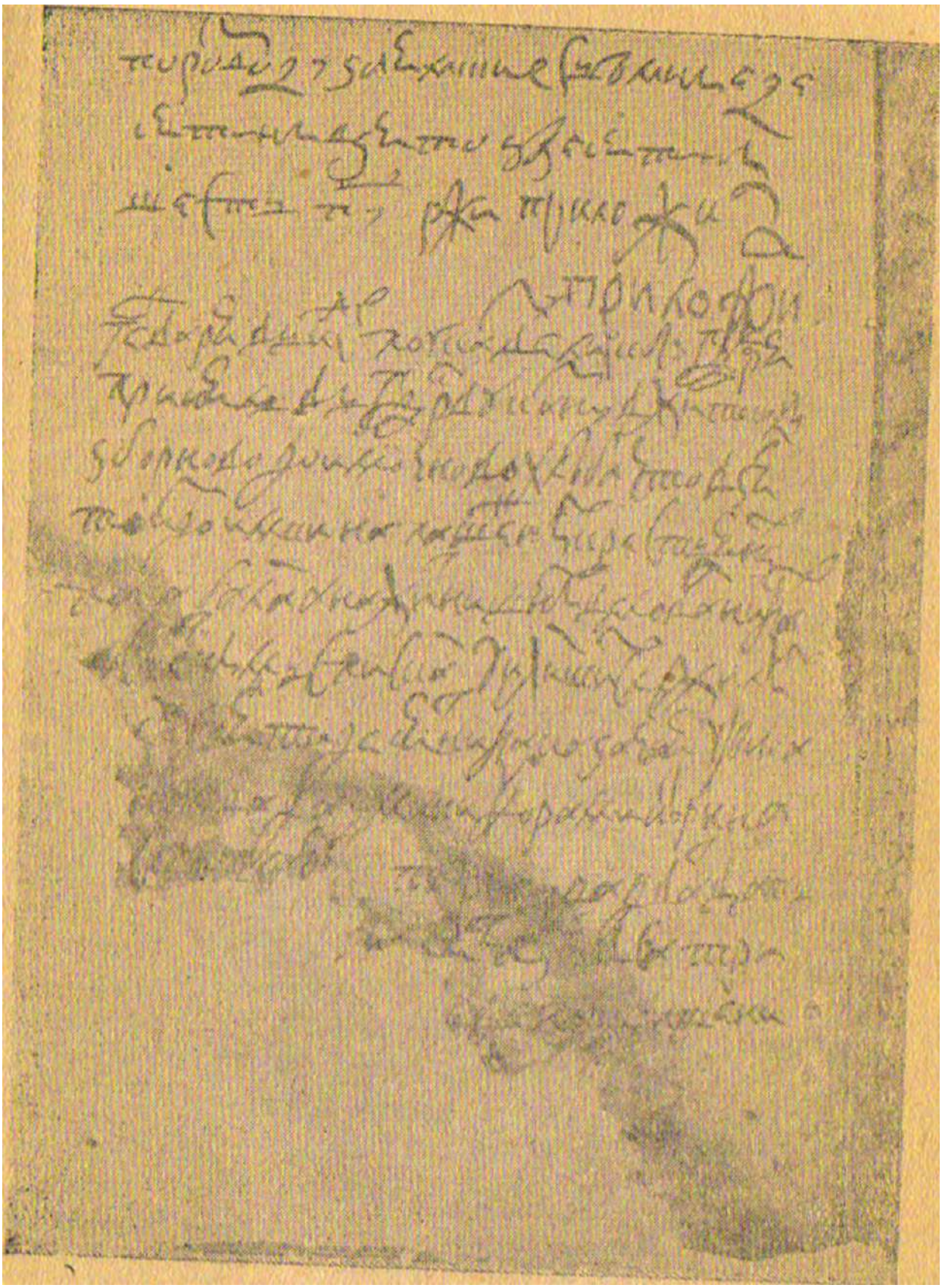


Фото 21. Лист из книги 1667 г.

Текст к фото 21[1]

по розводу за ямские съемные де-
сятины взято з десятины
шесть пуд ржи приложил
приложил
генваря в 18 день по указу великого государя
принял в государеву казну в житницы
зборного доимочного хлеба что взя-
то из доимки на пашенных крестьянех
по кабалам а на житнишных целовальниках
[по] счетным спискам — у Илимских служилых
[люде]й у пятидесятника казачья у Ивана
[Ду]наева да у Микифора Микерина
[во] семьдесят четыре пуда дватцать
[пять гривенок рж] и пять пудов овса три
[пуда двадцать пять гр] ивенок пшени-

[1] Сбор хлеба за ямщину по книге Усть-Киренской Верхной волости 1667 года, арх. № 6, св. 1, л. 45а. В третьей и четвертой строках дважды написано «приложил». Это окончания подписей двух лиц. Первая подпись, идущая с 17 по 46 об. лист: К сей выдельной и ужинной и умолотной книге вместо Усть-Киренского пашенных крестьян прикащика Ивана Емельянова сына Решетника по его велению промышленой человек Ларька Иванов Котельников руку приложил. Конец второй подписи принадлежит крестьянину, житничному целовальнику Мирошке Ильину. Как видно из подписей приказчик, т. е. глава волости, был неграмотным.

Погибший текст показан в квадратных скобках.

щи спрашивать ис пашенных крестьян в ямскую гоньбу охочих людей: всякую гоньбу гонять подводы за Ленской волок до усть Муки реки, а с усть Муки реки до Якурима и до Туруки. А с Туруки и с Якурима назад, с Лены реки, с усть Куты — вверх по Куте и по Купе до усть Муки реки. А с Муки реки за Ленской волок в Ылимской острог. И возить дощанишной и барошной и кочевой (от слова — «кочь») лес к Муке. Да хлебные запасы из Ылимского острогу до усть Муки — для Якутцкого острога, и воевод и дьяков и служилых людей»... (цитируется с сокращениями). Крестьяне Ленских волостей наняли совместно с илимскими крестьянами 10 охочих людей, «а ряда ему Панфилке (Яковлеву и товарищам) из вашей казны по 100 рублев, да из миру по 400 рублев на год»[1]. С крестьян ленских волостей взыскивалось на подводную гоньбу по 4 рубля с тяглой десятины. Как известно, Сибирский приказ велел, по ходатайству крестьян этих волостей, собирать по 2 рубля, причѐм было указано, что если крестьяне илимских волостей будут не согласны, то ленские крестьяне могут и вовсе не участвовать в расчѐтах с ними, а вести гоньбу самостоятельно. Ленские крестьяне так и сделали, они «не считались» с илимскими волостями в течение 24 лет, пока ленские волости оставались в ведении Якутского острога. Но в 1702 году крестьяне Нижне-Илимской волости вспомнили, что когда-то крестьяне ленских волостей съезжались с ними для общего решения вопросов о подводной гоньбе и написали об этом воеводе. В россыпи дел за 1703 год по этому поводу сохранился наказ воеводы приказчику Тутурской слободы Григорию Торлопову.

Воевода 30 декабря 1703 года сообщает о челобитной нижне-илимских пашенных крестьян относительно сверки расчѐтов по ямской гоньбе между волостями и рассылает приглашения на съезд. Воевода Торлопову велит: «...выслать по выбору старожилов лутчих людей пашенных крестьян, двух человек... для счету в подводной гоньбе, что договорились де они Нижно-Илимские пашенные крестьяне с ленскими: Киренской и Верхо-Киренской, Криволуцкой и Усть-Кутцкой, Орленской и Илгинской, Тутурской и Бирюльской слобод с пашенными крестьяны (идут имена крестьян) полюбовно со 186-го до 192-го (т. е. с 1678 до 1684 г.) о подводной гоньбе на 5 лет, а со 192-го по 1702-й год после тех урочных лет... на считались».

Воевода предлагает выслать представителей крестьян Тутурской слободы к 31 января 1704 года, так как к этому сроку приедут представители и других волостей. «А буде — из Тутурской слободы в Ылимск к отчету... не будут, а Нижно-Киренские, Верхо-Киренские (идѐт перечисление волостей) пашенные крестьяне в Ылимской на вышеписанной срок съедутся, и учинятца,[2] в приезде в Ылимск в проестях и в волоките убытки, и те убытки им

[1] Соотношение 1:4 являлось отображением пропорции между государевой и крестьянской пашней.

[2] Окончания обоих глаголов даны по подлиннику.

будут на них, тутурских пашенных крестьянех, для того, что без них... считатца им заочи будет нельзя, потому что промеж ими записи всех слобод за руками: друг без друга не считатца» (Россыпь, № 14, св. 2).

Съезд, повидимому, состоялся, но на нѐм не были восстановлены старые договорные отношения между илимскими и ленскими волостями. Это не помешало им в 1703 году вновь совместно писать в Москву. Челобитье с жалобами на дальнюю тяжѐлую гоньбу — до Иркутска, Братска и Енисейска, на высокую плату — от 3 до 4 рублей с десятины и, в частности, на Лянгусова, который увѐл 80 подвод за Байкал, подаѐтся от имени крестьян двух илимских, четырѐх ленских и одной ангарской волостей[1]. Такие челобитные в начале XVIII века могли подавать не представители каждой волости, а особые мирские старосты, так сказать, депутаты от многих волостей. Они избирались в Илимске на съездах крестьянских уполномоченных. Вот полный текст такого выбора: «1725-го году генваря в 21 день. Илимского города и присудствия всех слобод (т. е. волостей) выборные пашенные крестьяне: Илгинские — Яков Кобызев, Тутурские — Федор Орлов, Орленской — Степан Грузной, Усть-Кутцкой — Терентей Королев, Криволуцкой и Нижно-Киренской волости Марко Исаков, Нижно-Илимской — Иван Савостьянов, выбрали мы меж себя, излюбили выборных же пашенных крестьян, вышепоменутых Криволуцкие волости Ивана Иванова Пахорукова, Нижно-Илимские волости Федора Иванова Зарубина в том, что быти им, Ивану и Федору, за нашим мирским выбором в Ылимском городе выборными мирскими старосты и бити челом его императорскому величеству о всяких наших мирских нуждах и отправлять подводы из Ылим- ского города и куда кому надлежит по указу его императорского величества и как прежние договорные с ямщиками записи явствуют (написано: явъстъвуютъ) до уреченных мест Илимского присудствия. А подводы отправлять, и кому куда будут отправлены и хто имяны ехал — и те им, выборным, подводы писать в книги, имянно. А лишнего отнюдь ничего не приписывать. А, живучи им, выборным, в Ылимском городе, пити и ясти свое, а не мирское». Далее идут подписи.

Воевода, получив выбор, велел его принять и записать в книгу, а выборных лиц допросить, желают ли они быть представителями мира.

Тут же помещѐн протокол допроса. В допросе выбранные повторили, что они выбраны там-то, тогда-то и для таких-то целей и в заключение указали: «А мы, Федор Зарубин, Иван Пахоруков, у того дела быть желаем и оное порученное дело отправлять по присяжной своей должности со всяким чистосердием и скорым поспешением будем. К сему допросу вместо Федора Зарубина, по его велению, и за себя Иван Пахоруков руку приложил».

[1] Сибирский приказ. Книга 1372, лл. 497-507.

После этого воевода в тот же день просил протопопа илимской соборной церкви Иоанна Петрова привести выборных к присяге «для подводной гоньбы в земские старосты» (л. 177).

Здесь, как и в других случаях, выборные представляли смесь полуслужилых людей, на которых опирался воевода, и мирских уполномоченных, на которых опирались крестьяне. Эти мирские старосты могли при конфликтах жаловаться и на воеводу, благо один из них был грамотным.

Соглашение, которые заключали крестьяне с наѐмными ямскими подрядчиками, записывались крепостным столом в особую книгу, где учитывались все договоры. Часть такой книги за 1711 год сохранилась в россыпи дел (Россыпь, № 30, св. 4, лл. 79-108), откуда можно извлечь очень подробные данные о расчѐте по ямской гоньбе.

Например, 2 января 1711 года записано соглашение трѐх выборных пашенных крестьян от Верхней и Нижней Киренских и Усть-Кутской волостей с двумя ямскими подрядчиками. Условия договора: подрядчики гоняют подводы в течение года за крестьян Киренских волостей и в течение 1 года 4 месяцев — за крестьян Усть-Кутской волости; плата была установлена для двух первых волостей по 4 рубля 50 копеек, для последней — по 5 рублей с тяглой ржаной десятины, всего на 367 рублей 15 алтын; первые волости дали задаток по 1 рублю с десятины, а последняя внесла деньги сполна. Размер неустойки — 50 рублей. При этом была взыскана с записи договора пошлина, по 4 деньги с рубля, всего 7 рублей 11 алтын 3 деньги. За составление договора взято 8 гривен.

В той же книге записано соглашение трѐх представителей Илгинской, Тутурской и Орленской волостей с двумя другими ямскими подрядчиками, сроком на 1 год. Вероятно, плата была установлена в том же размере, т. е. по 4 рубля 50 копеек с десятины в год, причѐм был выдан задаток в размере 1 рубля 50 копеек деньгами и 4 пудов ржи за тяглую десятину. Всего десятин считалось 65¾.

Наконец, там же записано соглашение, судя по фамилиям крестьян и по величине тягла, представителями Нижне-Илимской волости. За 51¾ десятины с крестьян было взято 219 рублей 31 алтын и 310 пудов ржи, ценою по 5 рублей за 100 пудов, т. е. на 15 рублей 50 копеек. Всего деньгами и хлебом заплачено 235 рублей 14 алтын 2 деньги. Значит, на 1 тяглую десятину пришлось почти по 4 рубля 55 копеек.

Вскоре воеводой была сделана попытка внести изменения в старый порядок ведения ямской гоньбы. Появляется челобитная выборных пашенных крестьян Илгинской слободы, поданная воеводе в августе 1719 года (арх. № 114, св. 12, л. 57): «В прошлом в 717 году велено в Ылимску на подводы держать твои государевы лошади. А на корм тем лошадям збирать с нас, рабов твоих. Да сверх того збиралось с нас по 2 рубли з десятины на

год». Но с 1719 года эти лошади от подводной гоньбы отставлены и стал гонять «наш подрядной ямской староста наймом, а на найм подвод собирали деньги мы, рабы твои, и привозили в Ылимск сами и от того пришли и до столь всеконечную скудость. А наперед сего, с прошлых давних лет по 717 год были у нас... ямские подрядчики и всякие подводы в Ылимску гоняли и воски возили они, подрядчики наши, мимо нас..., а подрядные деньги по подрядным записям збирали они с нас... сами и в те годы было нам... льготнее».

Представители илгинских крестьян просили вернуться к старому порядку, существовавшему до 1717 года. Воевода согласился с челобитчиками, написав на заявлении: «Против сего челобитья в ямскую гоньбу ямских охотников велеть подредить, ково они похотят».

В том же деле (лл. 63-64) имеется челобитная представителей уже ряда волостей, которые по предложению воеводы «и по совету Илимского уезду всех слобод, опричь киренских и криво-луцких и усть-кутцких пашенных крестьян» договорились в Илимске подрядить отставного посадского Якима Зиновьева. Он должен нанимать подводы за те деньги, которые крестьяне будут сдавать в илимскую приказную избу (тогда — палату); последняя должна оплачивать расходы Якима «против подорожен под росписку». Под челобитной подписи представителей четырѐх волостей.

Воевода, получив эту челобитную, написал на ней, что необходимо познакомить выборных с условиями Зиновьева.

Эти условия были таковы: крестьяне собирают деньги, сдают их целовальнику в приказную палату, палата оплачивает по подорожным. Зиновьев нанимает подводы у тех, «кто похочет, недорогою ценою... а лишних денег для своей корысти не давать. Возить от Илимска до прежних урочищ: через Ангарский волок до Омамырской[1] деревни, вниз Илима реки грудные подводы до Тушамской слободы, а малые — до деревни Егора Вологжанина». Вверх по Илиму возить до Шестаковской деревни и через Ленский волок до Усть-Кутского острога, но соль из Усолья не возить. Если понадобятся летние подводы вниз по Илиму, то их отпускать до деревень Оглоблинской и Поповской. Если потребуется перевозка на мельницу или к угольным ямам или вывозка леса, то подводы для этих целей должны наниматься отдельно.

Воевода велел эту сказку Зиновьева вычитать. Еѐ вычитали и выборные от крестьян расписались в том, что слыхали еѐ.

Так создавалась связь по главному пути Илим-Лена. Дальше на северо-восток до Олѐкминска подводы гоняли ленские волости, причѐм чечуйские крестьяне долго и упорно жаловались на отягощение их дальними подводами вниз по Лене. На запад

[1] Теперь д. Большая Мамырь, вблизи Заярска.

шла водная дорога «к Русе», а в Западной Сибири действовали ямы.

По этим водным и сухопутным дорогам шѐл путь до Москвы. В начале XVIII столетия установился твѐрдый маршрут для казѐнных грузов, при чѐм давались подорожные такого содержания: «По указу великого государя (полный титул) от Илимского до Енисейска и до Кецкого и до Нарыма и до Сургута и до Тобольска и до Тюмени и до Туринского и до Верхотурья и до Соли Камской и до Кай городка и до Соли Вычегодской и до Устюга Великого и до Тотьмы и до Вологды и до Ярославля и до Переславля Залеского и до Москвы по ямом ямщиком, а где ямов нет — всем людем без омены, чей кто ни будь, чтоб есте давали великого государя под илимскую денежную казну, под 3 ящика, под соболиную казну и под всякую мяхкую рухлядь — под ящик с собольми, под 4 мешка, под сорок под два тюка, под ящик великого государя з делами; да казенным провожатым илимским служилым людем: таможенному подьячему Степану Шангину, пятидесятнику Ивану Пашкову, казаку Кирилу Купиловскому. Водяным путем вниз реки — судно, кормщика да гребцов, а вверх против воды — сколько человек понадобитца. А сухим путем... подводы... без прогонов... К сей подорожной великого государя (полный титул) печать земли Сибирские Ленского волоку Илимского острогу воевода Федор Родионович Качанов приложил. Лета от Рождества Христова 1703-го августа в 5 день» (Россыпь 1703 г., № 15, св. 2, л. 263).

В деле Киренской судной избы за 1703 год имеются копии двух подорожных: на Якутск и на верховье р. Ханды. Примечательно, что подорожная до Якутского острога выдана 23 декабря 1702 года, что свидетельствует об освоении к тому времени отдалѐннейшей сухопутной дороги. В подорожной указано, что едут служилые люди «из Ылимска в Якуцкой великого государя з грамотами и с отписки наскоро» и предлагается давать по подводе человеку (ехало двое) «с саньми и с проводники, а где лучится нартной ход, давать нарты с собаки и с проводники ж везде, не задержав ни часу». Маршрут по этой подорожной: «... от Илимска до усть Якурима илимским ямским подрядчиком, а от усть Якурима до Усть-Киренского и до Чичюйского и до [У]сть-Витимского и Пеледуйского и до Олекминского острошков и до Якуцкого — усть-куцким и криволуцким и верхо-киренским и нижно-киренским и чичюйским и витимским и пеледуйским и олекминским пашенным крестьяном от деревни до деревни, а ясачным тунгусом от юрт до юрт, а якутам от улуса до улуса».

Итак, ямские подрядчики, нанимаемые илимскими пашенными крестьянами, возили по подорожным до Якурима, Усть-Кутской волости, а далее шла междворная гоньба (Россыпь, № 17, св. 2, л. 27).

Вторая подорожная, точнее — копия еѐ — «список с подорожной слово в слово», была выдана в сентябре 1702 года илимским

ясачным сборщикам на верховья р. Ханды, в совершенно дикую местность, куда и сейчас нет никаких дорог. Предлагалось давать «по подводе человеку, летом с седлы, зимою с саньми и проводники, а водою лотку, кормщика и гребцов: вниз реки против полвод[1], а вверх реки вдвое» (то же дело, лл. 25-26).

В свою очередь Москва давала подорожные в Сибирь с таким же текстом, как и приведѐнные илимские подорожные[2].

Расстояния, на которые действовали эти подорожные, примерно составляли: до верховьев р. Ханды около 1000 км, до Якутского острога — более 2000 км, до Москвы — 6000 км.

Что касается междворной гоньбы, то имеется возможность сослаться главным образом на сказки 1720-1722 годов, в которых записано свыше сотни показаний крестьян о гоньбе подвод от заимки до заимки, от селения к селению.

Вот типичная сказка пашенного крестьянина Илгинского острога П.М. Чайкина: «Очередных подвод гоняет от Илгинского острогу вниз по Илге реке до Усть-Илгинской деревни пятисотных 46 верст, а чрез волок до Тутурской слободы 46 верст же, а вверх по Тыпте реке через волок до Ново-Удинской слободы тысяшных 50 верст, в год подвод по десяти. Ямщины платит в Илимск ямским подрядчиком с вышеписанной пашни з десятины 5 рублев 8 алтын 2 деньги на год».

Приведѐм ещѐ одно показание — крестьянина с ленского волока из дер. Каемоновской: «А подводную гоньбу наймывают оне гонят с усть Куты реки вверх по Лене реке до Синюшкиной деревни, мерою прежних тысяшных верст 30. А за прогон за наем подводной гоньбы выходит у них с полудесятины по 4 рубли, а в иной год и больше. А з заимки своей возят Усть-Кутцких приказщиков и деныщиков и ясашных зборщиков вверх по Куте реке до заимки Михея Федосеева 30 верст, а от Михея до Усть-Куты гоняют оне 62 версты. А в тех подводах счету у них ни с кем не бывает. Да сверх того ямщины платят они по 5 рублев на год з десятины и больше с суседом з Дмитреем Каемоновым в Ылимск ямским подрядчиком».

Упомянутый Каемонов показал об ямщине дословно то же, что и его сосед, только расстояния указал в пятисотых верстах. У обоих в год выходило до 15 подвод.

В других селениях, где гоньбы приходилось немного, встречаются показания, что разница доплачивается крестьянам другой волости.

Из всех повинностей подводная и ямская гоньба была наиболее тяжкой: государству с тяглой десятины сдавалось хлеба от 7 до 12 четвертей, что по тогдашним ценам составляет, считая по

[1] Видимо — столько, сколько требуется во время полой воды.

[2] Серия таких подорожных имеется в делах Сибирского приказа в книге 1372, лл. 343-358, 1703 год.

8 копеек пуд ржи, от 4 рублей 50 копеек до 7 рублей 70 копеек. Подводная гоньба Каемонову, не считая того, что он гонял сам, обходилась на десятину до 13 рублей.

Рост перевозок и разъездов в начале XVIII века вызвал повышение сборов для организации ямской гоньбы до 5 рублей на десятину, сверх расходов по междворной гоньбе. Это начинало подрывать бюджет крестьянина и не могло быть терпимо государством. Наряду с этим другие слои илимского населения, пахавшие земли, освобождались «от мирских потуг». Неизбежно вставал вопрос о привлечении к ямской гоньбе и таких лиц. В 1721 году пашенные крестьяне Нижне-Илимской волости писали воеводе, что по указу велено в Илимском уезде «детям боярским и служилым и всякого чина людем, которые владеют крестьянскими землями промежудеревенные подводы гонять вряд с крестьяны». Они указали на служилых людей своей волости, в том числе и на подчинѐнного комиссара. Воевода распорядился, чтобы заставить гонять подводы всех, кто владеет крестьянскими землями (Россыпь, № 46, св. 5, лл. 396, 465).

Но это, конечно, было лишь частной мерой. Поэтому сенатом вводится оплата большинства казѐнных подвод.

В 1725 году выборный челобитчик Яндинского острога, пашенный крестьянин, жаловался в Иркутск, что крестьяне не получают прогонных денег за подводы и продолжают платить по 4 и 5 рублей в год с тяглой десятины. Иркутская провинциальная канцелярия дала справку, что из Сибирской губернии есть указ — выплачивать за ямские подводы по 4 деньги за 10 вѐрст, а «где ямов нет, давать зимой по деньге, а летом по копейке на версту». «А время счислять: зимнее с сентября с 1-го числа по апрель... и безденежно с крестьян подвод и прочего, кроме подушных денег брать не велено под опасением жестокого истязания». Запрещалось возить бесплатно вино и даром брать подводы под воевод. За ослушание указ грозил взять имущество виновных лиц в государеву казну бесповоротно.

Указания Иркутска были пересланы в остроги и слободы, причѐм отмечалось, что ямов в Илимске нет, «а имеетца в городе Илимску по изобретению ото всего уезду, кроме Чичюнского и Братцкого острогов и Кежемской слободы, выборные крестьянские старосты». Следовательно, впредь надлежало подводы оплачивать по ½-1 копейке с версты. Из Илимска с этим разъяснением посылается служилый человек Андрей Ширшиков и ему же поручается выслать в Илимск, видимо для точного объяснения указа, «лутчих людей, выборных крестьян, по одному человеку» (Россыпь, № 63, св. 7, лл. 288-290, дубликат на лл. 315-317).

С этого времени выборные мирские старосты будут вести ямскую гоньбу на получаемые прогонные деньги.

Таковы изменения в организации подводной гоньбы за первые десятилетия существования Илимского воеводства. От ям-

ских охотников — к «изобретению крестьян» — мирским старостам и, наконец, — к прогонной оплате, таков путь, пройденный крестьянской телегой в Илимском воеводстве за 80 лет. Государственная экономика опиралась здесь не только на крестьянскую соху, но и на крестьянскую телегу и поневоле с последней пришлось сложить часть грузов.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН НА АРГУНЬ

Откроем ещѐ одну страницу прошлого илимского крестьянства, затерянную среди многих томов русской летописи.

В 1723 году в Илимском остроге и в острогах и слободах воеводства появилось необычайное лицо — иркутский сын боярский Алексей Главинский, который «по указу его императорского величества и по инструкции» производил отбор крестьян «для преселепия в Дауры на Аргунь к серебряным заводам» (арх. № 164, св. 17, лл. 197-199). Он отобрал 100 пашенных крестьян и хлебных обротчиков, которые должны были вместе с семьями, т. е. в числе около 1000 человек, ехать через Иркутск на место назначения. Отбор охватил почти все волости Илимского воеводства; число назначенных к переселению дворов составляло:

Братский острог	23
Яндинский острог	11
Верхне-Илимская слобода	1
Ново-Удинская слобода	5
Илгинский острог	12
Тутурская слобода	4
Орленская слобода	5
Усть-Кутский острог	5
Криволуцкая слобода	9
Киренский острог	7
Чечуйский острог	9
Нижне-Илимская слобода	9

Таким образом, пашенные крестьяне и хлебные обротчики Илимского воеводства, столь недавно освоившие северно-таѐжные пространства Ангаро-Илимо-Ленского края, используются Петром I для земледельческой колонизации Приаргунья. Землепашцы с берегов Илима, Лены и Ангары несли на новые места свои хозяйственные навыки, свои агрономические знания, приобретѐнные тяжелым трудом.

Видимо, из Илимского воеводства направлялись частично люди в Дауры для развития земледелия и в более раннее время, как о том можно судить по челобитью Афанасия Сенотрусова в Сибирский приказ. Он в 1703 году просил поверстать его в службу и в частности ссылался на заслуги своего отца, умершего в Нерчинске в 1702 году. Отец был послан из Илимска «и велено

ему в Нерчинску учинить хлебной пахоте опыт, и завесть пашню. Приехав учинил опыт и хлеб сеял и за помощью божиею по тому опыту хлеб в Нерчинску уродился. И на то смотря, тутошные жители учали пашни разводить и хлеб сеять». На обороте помета: «Поверстать»[1].

Способ отбора людей на Аргунь отчасти раскрывается из заявления хлебного обротчика М, Попова от 2 сентября 1723 года: «В нынешнем, государь, 723-м году августа в... день по указу вашего величества и по выбору Нижно-Илимских выборных пашенных крестьян записан я, раб твой, иркутскому сыну боярскому в записку для поселения на Аргунь на пашню. А оные выборные десятцкие Семен Белобородов, Василей Лыткин выбрали меня, раба твоего, в неволю. И я, раб твой, нищ и убог и одинак и поднятися мне, рабу твоему, для оного поселения в Дауры на пашню нечем. А по указу в Илимское воеводство велено для того поселения в Дауры на пашню выбирать людей добрых и прожиточных и семьянитых, а одинаких не выбирать» (арх. № 164, л. 215).

Следовательно, отбор осуществлялся представителями крестьянства, десятскими или специально выбранными для этой цели лицами.

Приведѐнный документ вместе с тем раскрывает один из известных нам протестов против отправки с места, ставшего второй родиной, в дальние даурские края. На заявлении имеется помета илимского земского комиссара, как назывались тогда воеводы, — «Послать указ, велеть справиться». Конца дела нет, но его можно восстановить, прочитав в другом документе (арх. № 213, лл. 122-123) имена крестьян, действительно отправленных на серебряные рудники. Челобитчика среди них нет.

Ещѐ один протест против переселения становится известным из письма, отправленного «наборщиком» А. Главинским в Илимск 19 августа 1723 года: «Благородный господин, илимский земский камисар Петр Иванович, по указу его императорского величества выбрал я в Чечуйску — остроге пашенных крестьян и хлебных обротчиков на Аргунь. А ныне оные крестьяне и хлебные обротчики против посланного моего иркутцкого служилого Прокопья Байбалова (м.б. Байкалова?) учинились ослушны и не пошли, а именно — Июда Солодов, Сидор Черных. Того ради прошу, дабы [по] указам его императорского величества повелено было крестьян выслать в Иркутск (в подлиннике обычное — «выркуцк») с нарошным посылыциком». На письме рукой Соловарова написано: «О высеки (высылке?) послать указ», т. е. послать указ приказчику Чечуйского острога о высылке ослушных крестьян. Такой указ о высылке «под опасением немалого штрафа» имеется в делах Чечуйского острога (арх. № 164, л. 207).

[1] Сибирский приказ. Книга 1372, лл. 147-149.

Двое крестьян из Яндинской волости жаловались в Иркутск, что «яндинские пашенные крестьяне выбрали к тому набору пашенных же крестьян Никифора Анцыферова, Василья Суслова и оные выборщики Никифор с товарыщем, наровя себе и детям своим и внучатам и братьям и племянником и родственником своим, прожиточным и семьенистым..., наровя и другим соседям своим, пашенным крестьянем семьянистым и прожиточным... от оного набору свободили. А их (т. е. челобитчиков) напаткою своею выбрали, недостаточных и увечных». Они просили выбрать других. Иркутск предложил Главинскому расследовать это заявление и выбрать «добрых и пожиточных и семьянистых» (Россыпь, № 54, св. 6, лл. 154-155).

Вероятно протестов было больше, но они до нас не дошли. Есть, правда, один случай, когда крестьянин поехал добровольно; но, в общем, вряд ли кому хотелось сдвигаться с освоенного места, бросать хозяйство и менять привычную жизнь на неизвестные перспективы. Зажиточная часть деревни, пользуясь своим влиянием, в ряде случаев добивалась выбора переселенцев из бедноты. Несомненно, что на местах отбор людей для переселения на Аргунь шѐл по указке богатых крестьян и был использован в личных целях приказчиками и крестьянской администрацией. Об этом говорит дело об отправке в Дауры усольского соловара Степана Карпова. Усть-Кутский приказчик Яков Косыгин вместе с «наборщиком» наметили отправить на Аргунь соловара (арх. № 164, лл. 156 и 161). Из последующих дел выясняется, что на приказчика был послан «пищиком» донос в Илимск (лл. 166-168). За соловара, увеличивавшего добычу соли и исправлявшего ошибки его предшественника, вступился воевода Соловаров. Приказчик должен был подчиниться, и вместо Карпова на Аргунь был послан из Усолья пашенный крестьянин С.Р. Головин (л. 189).

Можно отметить ещѐ случай, когда сын крестьянина, оставшийся по болезни дома, просил не отсылать его на Аргунь, к отцу. Это был Семѐн Большая Шапка, пашенный крестьянин из дер. Больше-Окинской. Но, хотя со времени отъезда на Аргунь прошло 3 года, воевода дал Семѐну подорожную и выслал его в Иркутск (Россыпь, № 66, св. 7).

Отобранные на поселение к серебряным заводам крестьяне должны были собственными средствами выехать в Нерчинск на Аргунь в том же 1723 году. В россыпи дел Илимского воеводства имеются два черновика письма воеводы Соловарова от 12 сентября 1723 года, посланные Тутурскому приказчику Ивану Буторину, освещающие путь движения группы крестьян на Аргунь.

В первом даѐтся указание о 4 семьях пашенных крестьян Тутурской слободы, что им необходимо «сеяный хлеб снять и всякие свои пашенные заводы распродать», для чего приказчику предложено оставить по одному человеку из семьи, а остальных, с женами и детьми, выслать нынешним летним (?) временем. Оди-

ноких же не высылать до зимнего времени и взять с них поручные.

Второе письмо, являющееся, надо полагать, как и первое, ответом на запрос приказчика, относится к 20 семьям пашенных крестьян Нижне-Киренской, Криволуцкой и Усть-Кутской слобод, которые «доехали де до Тутуры, а иные до Качику и кони их все пристали, а подняться до Иркутска не на чем». Соловаров предлагает приказчику: этих крестьян из Тутурска не высылать и на прежние жилища не отпускать, а «ехать им по первому зимнему пути неотложно».

На основании этих писем можно догадываться, что всѐ трудное дело переселения за 2000 вѐрст легло на плечи самих переселяемых. Из других дел видно, что за ними шли неотступно все старые платежи и недоимки.

На место ушедших крестьян, в их пашню, как тогда выражались, стали садиться другие крестьяне, хлебные оброчники, крестьянские невѐрстанные дети и другие представители илимского населения. Совершалось это обычным путѐм: желающий занять место подавал челобитную приказчику, который пересылал еѐ в Илимск, там приказная изба (в 1726 г. — земская изба) давала справку, что земля свободна, земский комиссар писал «приговор», приказчику посылалась наказная память или указ. Уже в конце 1723 года началась подача таких челобитных. Если этот порядок нарушался, то владение землѐй признавалось незаконным. Государство строго следило, чтобы из его рук не выпало регулирование крестьянской экономики. Вот один из таких случаев нарушения установленного порядка: 13 сентября 1723 года хлебный оброчник Киренского острога О.П. Рыбаков в челобитье заявляет, что пашенный крестьянин Чечуйского острога Иван Ларионов сын Решетников «волею пошел в Дауры... Двор и гумно своим умышлением продал и отдал на безценок. И та купчая писана не площадью (т. е. не площадным писцом, откупавшим письмо) и у записи в Чечюйску в судной избе не была. И с той купчей в твою императорского величества в казну пошлин не плачено». Челобитчик просит отдать землю и двор ему. Далее следует справка земской избы и приговор воеводы — землю отдать челобитчику, а купцам отказать.

Какова была дальнейшая судьба илимских крестьян, волей Петра I переброшенных в Даурскую землю, сказать трудно. Но, видно, тяжко пришлось им в первые же годы прихода на новые места, ибо вскоре Иркутская канцелярия начинает рассылать по городам Сибири списки крестьян, бежавших с аргунской пашни.

Через 10 лет после отправки илимских крестьян к серебряным заводам, 18 августа 1733 года илимская воеводская канцелярия по предписанию из Иркутска рассылает по волостям указ о сыске беглых крестьян с нерчинских заводов и прилагает «реэстр» беглых заводских крестьян: «Помянутые де беглецы, не хотя серебряных заводов у работы быть и от хлебного недороду многое

число людей бежало, а на них де, беглецах, имеетца на прошлые годы подушные и данные от берхамта заимные деньги». Для поимки беглецов в Усть-Кутский острог были направлены два рекрута. В «реэстре» названо 30 крестьян, из них некоторые бежали с семьями. Всего бежало 55-60 человек, не считая женщин. Среди них находятся Сава Суворов «з детьми», Игнатья Широколобова дети — Иван «з братьями», Иван Шелопугин, Алексей Муратов с братьями и другие крестьяне, которых легко отыскать в списках 1723 года. Бежали и дети Ивана Решетникоза, того единственного добровольца, о котором упоминалось ранее.

Кроме илимских крестьян там же среди беглецов названы 33 человека из Томска, 6 человек из Енисейска и 7 «старопоселенных» (Россыпь, № 130, св. 14).

Сохранилось письмо из Илимска в Усть-Кутский острог, помеченное 10 мая 1736 года, в котором сообщается, что из Иркутска велено сыскать беглых с Нерчинских заводов мастерских детей, подьячих и крестьян; к этому добавляется: «чтоб вы, приказчики, вышеобъявленных нерчинских крестьян всяк своего ведомства сыскивали, а сыскав, присылали в илимскую канцелярию». Списка, приложенного к этому письму, не сохранилось.

Невольно возникает вопрос, не дожили ли до настоящего времени потомки первых переселенцев из Илимского воеводства в тех местах, куда они были некогда переведены? По наведѐнным справкам оказалось, что в с. Дурой Быркинского района половина крестьян носит фамилию Былковых. Хлебный обротчик Иван Былков и пашенный крестьянин Леонтей Данилов Былков были отправлены из Братского острога. В Борзинском районе в ряде сѐл распространена фамилия Тюкавкиных. Егор Тюкавкин переселился из Ново-Удинской слободы. В с. Ново-Цурухайтуй на р. Аргуни есть коренные жители Поляковы. Пашенный крестьянин Пѐтр Поляков уехал в 1723 году из Илимского острога. За Байкалом хорошо известен партизан Погадаев, по его имени назван однн из крупных совхозов, в Нерчинске эта фамилия встречается до сих пор. Пашенный крестьянин Василий Погадаев переселился в Дауры из Яндинского острога. В Нижне-Илимском районе до сих пор живут Погадаевы и есть деревня Погадаева. Значит, с большой долей вероятности можно допустить, что переселѐнные свыше 200 лет тому назад на пашню к сереброплавильным заводам пашенные крестьяне Илимского воеводства не затерялись бесследно и что потомки некоторой части их продолжают благополучно здравствовать и доныне.

НАБОР РЕКРУТОВ

Местное русское население в годы завоевания Сибири и в последовавшие затем десятилетия само несло воинское бремя — возводило остроги, стояло на острожных стенах, участвовало в

походах. Главную военную силу составляли казаки и вообще служилые люди, а в случае нужды к ним на поддержку привлекались промышленные (гулящие) люди и сельские жители. Казак носил в душе крестьянина и брался за соху, откладывая пищаль и саблю, если в них миновала надобность. В свою очередь крестьянин легко превращался в казака. Для охраны сибирских границ в Даурии, Илимск в середине XVII века не раз высылал своих казаков, и многие сложили там свои головы. В конце XVII века, именно 24 июня 1680 года в грамоте из Сибирского приказа на имя илимского воеводы было велено «в Ылимску и в уездех — в острогах и слободах для обережи от прихо[ду] воинских людей приверстать конных казаков 50 человек». Но вместо конных казаков (их всего было 2 человека) в Яндинской волости выделяется 12 беломестных казаков, главным образом, из казачьих детей, согласно их челобитьям. В 1708 и 1710 годах было повѐрстано ещѐ 2 человека, в 1720 и 1721 годах ещѐ 13 человек. Всего в конце первой четверти XVIII столетия в Илимском воеводстве, в Яндинской волости, имелось 29 беломестных казаков. Они пахали вместо жалованья пашни и платили в начале XVIII века умеренный оброк, в среднем несколько менее 2 четвертей ржи на хозяйство в год.

Создание Петром I регулярной армии покоилось на новых принципах набора солдат и на широком участии населения в несении расходов по содержанию военных сил России.

Но ввиду того, что реформа армии коснулась илимских крестьян лишь в конце рассматриваемого времени, в настоящей работе по этому вопросу можно использовать лишь несколько документов.

Первый набор солдат в Илимске производился по указу от 20 февраля 1705 года, исходя из числа дворов, учтѐнных переписью 187-го, т. е. 1679 года. Эти солдаты назывались даточными. Велено было собрать «даточных, з 20 дворов человека, добрых и человечных с 15 до 20 лет, женатых и холостых» (арх. № 53, св. 4, лл. 81-84). О наборах 1705 и 1706 гг. сохранилась подлинная грамота из Сибирского приказа (арх. № 96, св. 10, л. 431). На солдат, взятых по этим указам, собирались деньги с каждого двора; например, в Усть-Кутском остроге двое десятских собирали по 9 алтын с двора (арх. № 95, св. 10, лл. 14-15).

В 1710 году в Илимском ведомстве было набрано и отправлено в Москву 207 человек. Но часть из них в декабре 1711 года из-за трудностей зимней дороги была распущена до весны по домам (арх. № 100, св. 10, лл. 4, 7).

В наряд 1715 года было велено собрать согласно тем же переписным книгам 187-го года «с крестьянских, з бобыльских да задворных и з деловых людей с семидесяти с пяти дворов по человеку в рекруты». Выбранные в службу лица доставлялись

в Илимск, где подвергались осмотру управителем Любавским, после чего, если рекрут признавался годным, производился сбор денег с населения. Например, 25 февраля 1716 года даётся распоряжение в Усть-Илгинский острог собрать рекруту, выбранному от этой волости, «на правиант и на рублевые деньги и на дорожной проезд, на корм и на наем подвод» с 87 дворов по 4 алтына, всего 10 рублей 14 алтын 4 деньги (Россыпь, № 36, св. 4; ещѐ о наборе 1715 года имеются данные в деле, арх. № 117, св. 12, л. 511).

Другим известием о наборе рекрутов в Илимском воеводстве является указ из Илимска в Илгинский острог от 31 мая 1720 года Ивану Корелину: «По указу великого государя велено в Илимску и в уездах с посацких и с крестьян собрать рекрут с 89 дворов по человеку, по переписным книгам (1710 года), добрых и в службу годных. И на каждого рекрута указных денег да на корм им и на дорожной проезд и на прогоны по семи рублев по 10 алтын на человека» (Россыпь, № 45, св. 5). На основании этого Корелин должен был организовать выбор одного рекрута и собрать для него с крестьян деньги.

Выбор рекрутов производили сами крестьяне или их уполномоченные. В рекруты обычно выбирались люди, чем-нибудь неугодные для деревни, или чаще — для еѐ зажиточной части. Поэтому нередко посылались лица, непригодные к несению военной службы и их из Илимска или из Иркутска отсылали обратно, требуя выбрать новых, годных к службе рекрутов.

По указу 1721 года в Сибири с 36326 дворов, учтѐнных по переписи 1710 года, набиралось 447 рекрутов, т. е. по одному человеку на 81 двор (арх. № 140, св. 16, лл. 450-462).

В 1723 году в Илимск поступило требование выбрать рекрутов из расчѐта 1 человека на 95½ дворов (Россыпь, № 54, св. 6, л. 144). Одновременно, согласно копии указа из камер-коллегии в Тобольск, надлежало собрать на содержание рекрутов по 5 рублей с каждых 115 дворов, а с купечества «с десятой деньги», т. е. 10% их дохода (л. 192).

В 1725 году рекрутов выбирали уже не по числу дворов, а по числу душ, одного человека на 250 душ мужского пола (Россыпь, № 61, св. 7). Так как обнаружилось, что крестьяне часто выставляли негодных рекрутов, то особой промеморией из Илимской земской канцелярии «на съезжей двор фискальского ведомства» было предложено, «чтоб (фискалы) при рекруцких наборах смотрели неоплошно» (Россыпь, № 62, св. 7, л. 282). Мера эта мало улучшила качественный набор рекрутов. Позднее при наборе рекрутов возникли злоупотребления воевод, освобождавших за взятки детей зажиточных крестьян. Богатая часть деревни добивалась освобождения от рекрутчины на собраниях крестьян, где она имела веский голос. Если, несмотря на это, в набор попадали сѐ представители, то пускались в ход взятки.

Если же и это не удавалось, то она нанимала за себя рекрутов из местной бедноты.

Можно для примера взять дело 1726 года (Россыпь, № 63, св. 7, лл. 424-428). Сын крестьянина из Братского острога Григорий Иванов сын Лухмягин подал в илимскую воеводскую канцелярию доношение, что в 1725 году он был выбран в рекрутскую службу. Но вместо себя он нанял сына крестьянина из Нижне-Илимской слободы Агапита Афанасьева сына Палкиных. Лухмягин просил вместо него направить на службу «оного наемщика».

По заявлению была сделана в канцелярии выписка, что согласно печатного указа от 17 декабря 1717 года разрешается нанимать вместо себя рекрутов, но не из беглых солдат и не из воров. А если «наемщик» (наѐмник) сбежит, то велеть вместо него брать нанявшего. Воевода, получив справку, велел допросить «наемщика» при фискале. Далее идѐт запись допроса. Палкин оказался годным, указал, что он не вор и «в приверске в пашне не бывал», тягла не несѐт (в другом месте он назван хлебным обротчиком), не наказывался, что за него есть поручители, а он «охотою своею итти желает». Находятся два поручителя, рекруту выдают подорожную, и он отправляется в дальнюю путь-дорогу.

НЕДОИМКИ

а) Недоимки по хлебу

В познании экономики русского крестьянства существенное значение имеют показатели по недоимкам. В них отражается в количественном выражении тяжесть государственных повинностей, падающих на земледельца. Они являются как бы коэфициентами в сложном уравнении со многими неизвестными, как бы измерителями величины переобложения, раскрывающими пределы устойчивости крестьянского хозяйства. Размер недоимок позволяет с определѐнной степенью достоверности судить о таких явлениях крестьянской экономики, которые оказываются неуловимыми при других способах исследования.

Хлебные недоимки в Илимском воеводстве появились с начала развития земледелия. Но тогда они не являлись закономерным явлением, так как обусловливались или неурожаем или частными индивидуальными причинами. Недоимки собирались в следующие годы без больших затруднений и не требовали особого служебного аппарата. Например, в 1653 году было собрано 172 четверти недоимочного хлеба и сверх пометы ещѐ 167 четвертей. В 1657 году собрано 2253 пуда недоимочного хлеба, в 1667 году — 1028 пудов и в последующие годы вплоть до XVIII столетия недоимки собирались почти полностью, за исключением

неурожайных лет. Даже в 1709 году поступило в государеву казну в погашение недоимок 2500 пудов.

Положение резко изменилось, когда государство стало твѐрдой рукой черпать из крестьянского бюджета деньги на общероссийские нужды. Появление денежных налогов производит в илимской деревне глубокие перемены. Для того, чтобы иметь деньги, крестьянин должен продавать хлеб или другие припасы. Значит, хлебное и денежное обложение — только разные внешние формы одного явления — изъятия хлеба у крестьянина. Вследствие этого с ростом денежного обложения неизбежно увеличиваются и хлебные недоимки.

Исчерпывающие сведения о хлебных недоимках в начале второго десятилетия XVIII века даѐт «Смета перечневая о сборе и расходе хлебных запасов в Илимском уезде за 1714 год» (арх. № 102, св. 10).

На основании этого документа можно построить следующую сводку сбора хлеба и размеров недоимок в целых четвертях (табл. 71).

Таблица 71

Источники поступления хлеба	Надлежало собрать в 1714 году	Собрано	Осталось в недоимке	% недоимок
Недоимки прошлых лет	1565	199	1366	87,3
Сбор отсыпного хлеба с пашенных крестьян	3136	2684	452	14,4
Оброк за лишние земли	231	181	50	21,6
Оброк с переведенцев, гуляющих, слободских и других	518	442	76	14,6
Поголовный оброк с хлебных обротчиков и присыльных	369	262	107	29,0
Платежи казаков за землю	40	29	11	27,5
Сбор выдельного хлеба	91	91	—	—
Итого	5950	3888	2062	34,7

Величина хлебных недоимок за 1714 год возросла с 1565 до 2062 четвертей. Илимская приказная изба определяла остаток недоимок на 1 января 1715 года в 2178 четвертей, по по книгам нельзя найти подтверждения этого количества.

Если взять сбор хлеба без недоимок прошлых лет, то окажется, что предстояло в 1714 году собрать 4385 четвертей хлеба, собрано 3689, осталось в недоимке 696 четвертей или 15,9% от количества хлеба, подлежавшего сбору.

Всего в Илимском воеводстве в 1714 году было 1095 дворов пашенных крестьян, 311 обротчиков и 188 переведенцев и

других плательщиков. Из них в том же году осталось «в доимке» 324 двора, т. е. около $^1/_5$. Недоимщиков в 1712 году было 151, в 1711 — 106; с 1710 года тянется долг за 7 крестьянами, с 1709 — за 11-ю и с 1708 — за 6-ю. В среднем на одного недоимщика в 1714 году падало 6,4 четверти хлеба, т. е. свыше 50 пудов. Чтобы представить реальное значение этой величины, достаточно вспомнить, что по переписным сказкам 1720 — 1722 годов на двор производилось хлеба около 186 пудов. Вот почему, несмотря на кажущуюся лѐгкость натурального обложения и невзирая на опытный и жестокий персонал сборщиков государева хлеба, величина недоимок продолжала расти.

б) Денежные недоимки

В XVII веке отсутствовало денежное обложение пашенных крестьян. Поэтому не могло быть и недоимок. Лишь в редких случаях, и то в конце XVII века, немногие оброчники вносили вместо хлеба деньги. Однако и они, при объезде Качановым деревень Илимского воеводства, были переведены с денежного оброка на хлебный. Например, в Горбовской деревне «Тришка Рыданный с товарыщи с пометных сенных покосов платили оброку по 20 алтын на год. И по розбору тот денежной оброк снят, а вместо денег велено им, Тришке с товарыщи, с тех сенных покосов для пополнения в Якутцкой государевых хлебных запасов платить хлебной оброк з 209 году по четверти ржи на год». В Прокопьевской деревне киренский поп Михаил Данилов платил за пользование землѐй оброк в размере 1 рубля в год. Но с 1701 года ему было велено платить вместо денег 2 четверти ржи.

Хлеб тогда для государства был более нужен, чем деньги.

Все свои денежные расходы Илимское воеводство покрывало за счѐт внутренних источников, не касаясь крестьянских денежных бюджетов. Для иллюстрации приходных и расходных статей Илимского воеводства достаточно взять любую денежную смету XVII века. Ниже, в таблице 72, приведена такая смета за 1677 год, причѐм многочисленные статьи еѐ сведены в немногие группы, а суммы округлены до целых рублей.

Ни одна из приходных статей не касается крестьян. Доимки, т. е. сбор недоимок за прошлые годы, относились к целовальникам и откупщикам. Главный доход составляли «таможенного верного бранья пошлины» и сбыт соли с казѐнного завода. Помольные сборы были взяты на государевой мельнице. У казѐнных целовальников постоянно находились свободные наличные деньги.

Но с начала преобразовательной деятельности Петра I государству потребовались огромные суммы денег.

Таблица 72

Приход	Рублей	Расход	Рублей
Остаток к началу года	1342	Денежное жалованье	1301
Доимки	148	Подмог крестьянам	93
		Затраты по сплаву хлеба в Якутск	76
Таможенные сборы	823		
Оброки и откупа	173	На солеварение	106
Судебные пошлины	4	Ясачные расходы	68
Продажа соли на деньги	596	На мелышцу	6
		На варку пива	29
Помольный сбор	17	Канцелярские	173
		Итого	1852
		Остаток к концу года	1251
Всего	3103	Всего	3103

Государство стало с первого десятилетия XVIII века вводить отдельные целевые сборы, причѐм крестьяне платили с двора, безотносительно к его мощности или к числу проживавших в нѐм членов семьи. Таких целевых сборов было очень много, некоторые из них вводились на 1 год. Например, в 1721 году надлежало собрать в Илимском воеводстве с 65 дворов посадских людей и бобылей, с 939 дворов пашенных крестьян и с 55 дворов хлебных обротчиков по недовзысканным сборам:

Таблица 73

Плательщики	Дворов	Сумма сборов, рублей	На 1 двор руб. коп.
Посадские люди и бобыли	65	468	7 р. 20 к.
Пашенные крестьяне	939	3355	3 р. 57 к
Хлебные обротчики	55	277	5 р. 04 к.
Прочие	166	390	2 р. 35 к.
Итого	1225	4490	3 р. 67 к.

На самом деле пашенный крестьянин должен был платить по 5 р. 04 к., а точнее по 5 р. 3⅞ к. с двора. Если принять среднюю цену пуда ржи в начале XVIII века равной 8 копейкам, то все эти денежные сборы означали дополнительное хлебное обложение в размере 63 пудов на двор. По перечневой смете на 1714 год надлежало собрать в среднем по 23 пуда отсыпного хлеба с двора, по ревизским сказкам 1720-1722 годов средняя сдача

отсыпного хлеба составляла около 30 пудов на двор. Значит, введение этих денежных сборов удваивало размер государственных платежей пашенного крестьянина. Так как все денежные сборы с крестьян взыскивались с двора, то понятно, что в наиболее тяжѐлом положении оказались слабые дворы. В этом заключаются причины массовой недоимочности крестьян Илимского воеводства в двадцатых годах XVIII века.

В скором времени эти многочисленные целевые денежные сборы заменяются одним подушным обложением. В это же время приводятся в ясность и недоимки. В делах Илимского воеводства сохранилась «Книга счетная хлебного повытья и денежного сбора 1718-1723 годов», составленная в 1726 году и посвящѐнная недоимкам. В ней, в частности, поимѐнно названы все недоимщики за указанные 6 лет, с подробным изложением всех сборов и с объяснением причин каждой недоимки. Всего названо 1265 недоимщиков, что при принятой системе записей потребовало 1088 страниц убористого письма.

При этом поволостные списки крестьян были чуть ли не впервые построены в алфавитном порядке, но не по фамилиям, а по именам.

Чтобы показать сложность денежных обязательств крестьянина в первой четверти XVIII века, можно взять любого крестьянина, числящегося в списках названной книги недоимщиков.

Вот рядовой пашенный крестьянин Нижне-Илимской слободы, деревни Бубновой — Алексей Бубнов. Он, как и все пашенные крестьяне, платил до введения подушной подати три рода сборов, названия которых даны по старинному написанию:

1. Окладных табельных: 1) стрелецких по 90 коп., 2) на слободских драгунов по 30 коп., 3) ямских 5 коп. Всего 1 рубль 25 коп.

2. Сверх табельных, повсягодных: 1) для Свейской (шведской) войны поворотных 25 коп., 2) седельных и уздяных (на армию) — 1¼ коп., 3) из адмиралтейского приказу сбор на починку кораблей 12½ коп., 4) из земского приказу сбор рекрутных от заверски (по развѐрстке) на уезды — 6 коп., 5) из ямского приказу — за подводные 10 коп., 6) к городовому строению и на дело кирпича, на звесное (известковое) зжение и на закупку припасов и мастеровым людей на жалованье — 28¾ коп., 7) на мясоедные дни в положенные 5 полков драгунов и салдатов, против расположения, т. е. раскладки на дворовое число — 8¾ коп. и ⅛ коп. (дроби складывать не умели и, как здесь, вместо 8⅞ коп. писали двойным обозначением), 8) за доходы по флоту 8¼ коп., 9) на дело (на постройку) судов в Тобольску 10 коп., 10) лантрацких, жалованье местной администрации — 10 коп., 11) на жалованье лантратом, за хлеб деньгами (вместо хлебного жалованья) — 3 коп.

Итого 1 рубль 23⅝ копеек.

3. По указам запросных сборов: 1) на правиант в новопостроенные магазейны — 37 коп., 2) в смоленской запасной магазейн — 17¼ коп., 3) на покупку лошадей офицерам — 19¼ коп., 4) на канальное дело 20 коп. Всего 93½ коп.

Крестьянин, понятно, не мог и запомнить всех этих сборов, редко представляя их целевое назначение. Но в огромном государстве уверенно связывали берега воспетой поэтами Невы с берегами безвестного Илима.

Все только что перечисленные сборы крестьянин Алексей Бубнов не заплатил. В книге дана следующая приписка: «А по следствию вышеписанную денежную доимку на оные годы он, Бубнов, не платил за скудостью, а имянно за недородом хлеба и вешнею полою водою пахотную землю топит и насеяной хлеб вымывает; и божиим изволением в тех годех кобылкою насеяной хлеб выедало; и от многой подводной гоньбы бес прогонов и от платежей ямских немалого числа денег, з десятины (оброчной) в год рублев по пяти и больше». Почти о каждом крестьянине Нижне-Илимской волости писец не преминул повторить буквально всѐ, что сказано о Бубнове. Варианты записей очень незначительны. В той же записи зачѐркнуты следующие слова: «А протчие. денежные зборы платил, избывая последние свои пожитки, и от платежа денежных зборов пришел во всеконечную скудость». Эти приписки, сделанные, видимо, со слов крестьян, повторяются во всех случаях, когда дело идѐт о нижне-илимских пашенных крестьянах. По другим волостям их нет. Приписав это замечание, писец, видимо, решил, что не вполне удобно говорить о разорительной тяжести государственных сборов и вычеркнул такие примечания во всех случаях.

Совершенно также взимались денежные сборы с хлебных оброчников. Возьмѐм хлебного оброчника той же деревни Андрея Лоншакова. За ним числились, сверх «табельных и повсягодных», недоимки по запросным сборам (см. табл. 74).

Если причислить сюда табельные и повсягодные, то окажется, что за Лоншаковым числилось недоимок 19 р. 80¼ к. Кроме того, была и хлебная недоимка. «А по следствию вышеписанную хлебную доимку на оной год не платил, понеже он, Лоншаков, в прошлых годех умре, тому лет с семь. А остался от него сын Дмитрей в малых летех и вышеписанную доимку не платил за скудостию, а имянно за недородом хлеба. А пахотной земли и сенных покосов ему не дано». Зачѐркнуто: «А на протчия годы платил тот по окладу правиант (с него взыскивалось 1½ четверти ржи в год или около 12 пудов), избывая последние свои пожитки».

Рост недоимок и неспособность воевод взыскать их старыми способами побудили правительство разослать по уездам особых уполномоченных. В Илимское воеводство приехал «салдат тобольского гварнизона Московского полку» Егор Шабалин,

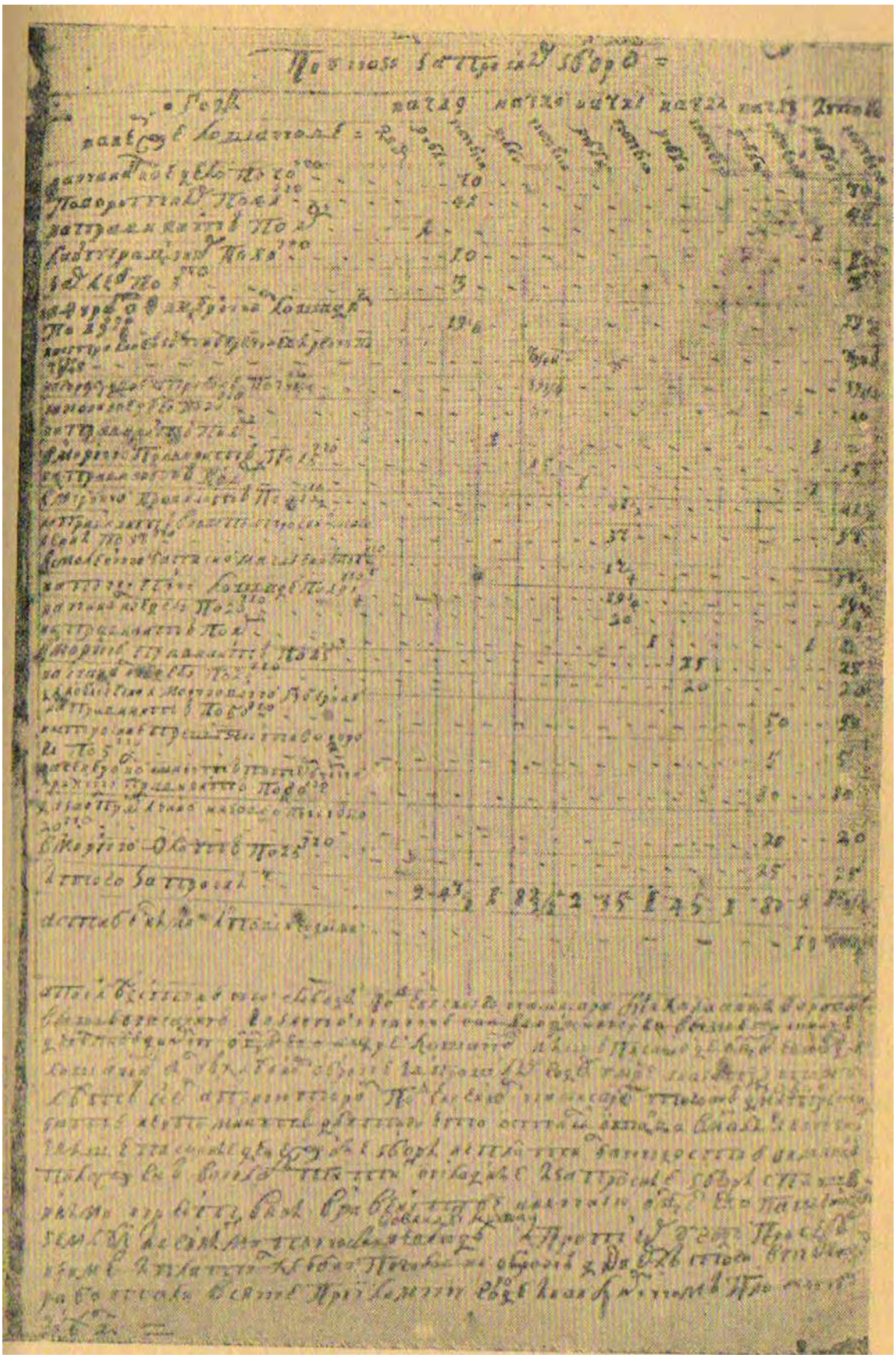


Фото 22. Книга 1718-1723 гг. о недоимках. На снимке 2-й лист недоимок Лоншакова

круто взявшийся, согласно данным ему инструкциям, помимо воеводы и приказчиков, «править доимки». Насколько можно судить, солдат был грамотен, опытен, исполнителен и твѐрд. Это был, видимо, подлинный питомец петровской армии. Но дело оказалось настолько запущенным, что в следующем, 1725 году в Илимск приезжает вместо Егора Шабалина «ундер-афицер» Тобольского полка Павел Козмин. Он побывал почти во всех острогах и слободах, опросил на месте крестьян, привлекая к допросу старост и десятских, привел в ясность недоимки, выяснил их причины и заставил воеводскую канцелярию составить названный выше том, объѐмом более 1000 страниц. Благодаря

(Рубли и копейки) Таблица 74

	1719	1720	1721	1722	1723	Итого
На канальное дело	—70	—20	—20	—20	—	1,30
Поворотных	—41	—	—	—	—	—41
На правиант, вместо хлебного						
оброка	1—	1—	1—	1—	—	4—
Лантрацких	—10	—	—	—	—	—10
За хлеб лантратам	—3	—	—	—	—	—3
На фураж офицерским лошадям	19⅛	—	—	—	—	—19⅛
На строение изб по берегу Невы реки	—	7¾ и ⅛	—	—	—	—7⅞
На городоное строение	—	39¾	—	—	—	—39¾
В морской правиант	—	15	—41½	—25	—	—81½
На правиант в новопостроенные магазейны	—	—	—37	—	—	—37
В смоленской запасной магазейн	—	—	17¼	—	—	—17¼
На покупку лошадей	—	—	19¼	—	—	—19¼
Для облегчения Московской губернии, на правиант	—	—	—	—	—50	—50
На строение першпективной дороги	—	—	—	—	—5	—5
На генеральной Санкт-Петербургской и Рижской правиант					—80	—80
В морской флот	—	—	—	—	—25	—25
Да за отправленной низовой отпуск	—	—	—	—	—20	—20
Итого запросных	2,43⅛	1,82⅝	2,35	1,45	1,80	9,85¾

этой работе выясняется полная картина недоимочности в тяжѐлые 1717-1724 годы.

В названном деле есть сводка по Братской волости за 1718 год. Вот итоги еѐ: надлежало взыскать 1464 рубля, поступило платежей 217, нужно «донять» 1247 рублей. Значит, поступило менее 15%. А недоимок по всем волостям оказалось: 1718 год вместе с недоимками прошлых лет 7074 рубля (копейки отброшены), 1719 — 232 рубля, 1720 — 455 рублей, 1721 — 768 рублей, 1722 — 495 рублей, 1723 — 1185 рублей. Всего накопилось 10209 рублей или по 9 р. 12 к. в среднем на плательщика. Кроме того, в недоимках числилось окладного и оброчного хлеба: 1718 год — 899 четвертей (округлѐнно), 1719 — 552 четверти, 1720 — 577 четвертей, 1721 — 710 четвертей, 1722 — 709 четвертей, 1723 — 779 четвертей ржи. А всего 4226 четвертей. Кроме того, не собрано было 38 четвертей овса. Задолженность составила, таким образом, более 34000 пудов хлеба или в среднем по 29 пудов на 1 двор пашенного крестьянина, а на одного хлебного обротчика в среднем более 26 пудов.

Выше приведены объяснения словами документа причин недоимочности крестьян за эти годы. Подобные примечания однообразно повторяются при имени каждого крестьянина Нижне-Илимской волости. Некоторые обротчики добавляли, что их привлекали на работу в Илимск, таких случаев на 44 обротчика этой волости было 10. «Да сверх того в тех годех работали всякие при Илимску городе и на илимском устье зделья» (Алексей Кузнецов), «да сверх того в тех годех работали всякие [работы] при Илимску, на Ангарском волоку розчищали повсягодно дороги и на илимском устье зделья — караулили суды» (Андрей Панов).

На подобные работы пашенные крестьяне не назначались.

По Кежемской слободе, как и по остальным волостям, о кобылке не упоминается и ответы построены по такому образцу: «А по следствию... он, Брюханов, правианта на вышеозначенной год не платил за скудостью, а имянно за недородом хлеба для того, что он сеет хлеб на островах (зачѐркнуто: и тот насеяной хлеб) вешнею водою топит и морозом (зачѐркнуто: бьет) вызябает».

По Илгинской слободе причиной неуплаты показано: «за неимуществом».

По Чечуйскому острогу крестьянами была найдена другая формула: «За всеконечной скудостью, а имянно за хлебным недородом и за потопою вешней большей воды и за подводною гоньбою».

Наиболее варьируют ответы по Криволуцкой слободе, например: «За всеконечной скудостью и за недородом хлеба и за потопою полой воды, и за падежем скота, а про то ведает Аверкий Арбацкой, Петр Нетесов». В свою очередь этот Арбацкий не платил «за всеконечной скудостью и за скорбию и левая нога

изломана, ходить не может». Другой сказал, что «лежит в расслаблении и за одиначеством», многие, указав на ряд причин, добавили, что «скитаетца в мире» или «по миру». О многих за писано: «умре, а после ево никого, ни детей (или никаких пожитков) не осталось».

Встречается и пожарный случай, и «лежит в огневице», и «взят в салдаты», и «також выбрали в рекруты сына ево пашенные крестьяне», и отправлен на Аргунь, и неизбежное — «бежал неведомо куды».

Оказалось возможным свести все эти показания в одну таблицу. В неѣ не удалось включить Чечуйскую волость, по которой унтер-офицер Павел Козмин «скаски не подал неведомо зачем. Но токмо взято ото всех той Чичюйской волости пашенных крестьян доношение и при том доношении с указу копия, которое означено по окончании (т. е. в конце всего дела о недоимках, арх. № 108) той волости. А для чего он, Козмин сказок с каждого не брал, того в Ылимску, в земской канцелярии неизвестно». Козмин не взял здесь сказок вследствие противодействия мира, который дружно выступил с коллективными челобитьями и довѣл дело до того, что крестьяне «учинились противны» названному в этой главе солдату Егору Шабалину.

Сводка причин недоимочности за 1718-1724 гг. показана в таблице 75.

Пожары и падѣж скота никогда не упоминаются как самостоятельные причины недоимочности. Они всегда сопровождают-

Таблица 75

Причины недоимок	Человек		%% к итогу	
	пашенные крестьяне	обротчики	пашенные крестьяне	обротчики
Недород	269	40	41,1	14,5
Скудость, одиночество	54	6	8.2	2,2
Недостаток земли	—	15	—	5,5
Падѣж скота	18	—	2,7	—
Пожары	6	—	0,9	—
Переселение на Аргунь	56	13	8,5	4,7
Рекрутчина	3	5	0,5	1,8
Работа в Плимске	1	10	0,2	3,0
Нищенство	25	14	3,8	5,1
Бегство	64	76	9,8	27,6
Смерть	94	79	14,3	28,8
Другие причины	66	17	10,0	6,2
Итого	656	275	100,0	100,0

ся указаниями на недород, поэтому можно объединить первые пять показаний, как общую цепь причин, приводящих к оскудению двора.

Хозяйственные причины, вызывающие оскудение пашенных крестьян, составляют 52,9%, а для обротчиков лишь 22,2%. Последние, меньше связанные с хозяйством, не упоминают о пожарах и падеже скота.

Второе различие между пашенными крестьянами и обротчиками обнаруживается в показателях убега. Пашенному крестьянину, связанному всегда с семьѐй и сложным хозяйством, не легко было подниматься с места; обротчик обладал в этом отношении большой маневренностью, являясь среди крестьян самой подвижной и неустойчивой частью населения.

Следует обратить внимание и на смерть, как причину «доимок». Конечно, она в равной степени настигала тех и других, но давала различный экономический эффект. Семья пашенного крестьянина, в случае смерти главы, часто сохраняла хозяйство, вследствие чего в показаниях крестьян на первый план нередко могли выдвигаться другие причины недоимочности, например, недород. Иначе обстояло дело с обротчиком. Часто он был одинок и всегда менее обеспечен. Его смерть почти неизбежно влекла недоимочность хозяйства.

Для более полной характеристики задолженности крестьян необходимо остановиться на степени еѐ распространения. К сожалению, на этот вопрос нельзя дать полного ответа. Затруднение заключается в том, что цитируемая книга не даѐт точного числа всех дворов. Кроме того, по Чечуйской волости, как сказано, совсем нет расшифровки причин недоимок и невозможно выделить бежавших и умерших — иногда число недоимщиков оказывается больше числа всех дворов. В меньшей степени этот недостаток учѐта относится к Илгинской и Киренской волостям.

С этими оговорками в таблице 76 приведено сопоставление числа всех дворов пашенных крестьян с количеством недоимочных хозяйств по волостям Илимского воеводства за 1718-1723 годы.

Значит, ¾ пашенных крестьян Илимского воеводства в начале XVIII века превратились в недоимщиков. Правда, две волости, Верхне-Илимская и Тутурская, составляли исключение. Возможно, что здесь, при наиболее низком обложении хлебом (7 четвертей с десятины), в эти годы был лучший урожай. Некоторым подтверждением более благоприятного положения Тутурской волости служат цифры недоимочности обротчиков; здесь было учтено только 4 случая недоимок у обротчиков и все они объяснены смертью.

Другие волости оказались сплошь недоимочными и прежде всего Чечуйская. Здесь сохранилось высокое обложение хлебом (10 четвертей с десятины), сама волость лежала на стыке Илимского и Якутского воеводств, через неѐ шла водная магистраль

Таблица 76

Волости	Дворов пашенных крестьян	В т. ч. недоимочных	%% недоимочных дворов
Нижне-Илимская	120	119	99,2
Верхне-Илимская	11	—	—
Усть-Кутская	46	13	28,3
Криволуцкая	97	87	89,7
Киренская	82	82	100,0
Орленская	40	5	12,5
Тутурская	30	—	—
Илгинская	87	87	100,0
Ново-Удинская	56	37	66,1
Яндинская	76	62	81,6
Братская	197	117	59,4
Кежемская	22	13	59,1
Чечуйская	114	114	100,0
Итого	978	736	75,3

в еѐ наиболее оживлѐнной части, и крестьяне широко привлекались, обычно бесплатно, часто в горячее рабочее время, к обслуживанию судов, а зимой — к дальней подводной гоньбе. И крестьяне этой волости правильно раскрывают причины недоимочности, ссылаясь на эти два обстоятельства: несправедливо высокое обложение и неоплачиваемую гоньбу.

К каким последствиям привело тяжѐлое бремя петровского обложения здесь, на околице Руси, точно учесть невозможно. Несомненно, что оно понизило хозяйственный потенциал крестьянина. Все факты говорят именно об этом: резкое увеличение недоимочности, свидетельствующей о том, что была перейдена грань платѐжеспособности деревни, усилившееся бегство, запустение дворов и появление среди крестьян нищенства.

Правда, это было нищенство особого рода. Оно не означало ещѐ полного упадка хозяйства, его развала. Крестьянин оставался земледельцем, имел двор, посевы, скот, сохраняя название пашенного крестьянина, но вынужден был обращаться за помощью к соседям, хотя бы эта помощь выступала в форме подаяния. Кое-кому эта помощь помогла подняться на ноги, других низвела на положение подлинных нищих-профессионалов. «Следствие», которое вѐл унтер-офицер П. Козьмин в Криволуцкой волости, позволило обнаружить многоговорящий факт:

опросы крестьян производились в присутствии мирского старосты Кирила Вологдина, десятских Козьмы Юдина и Михаила Зубова; если поискать фамилии этих крестьян среди недоимщиков, то окажется, что все три представителя крестьянской администрации числятся в неплательщиках. А староста, сославшись на недород, потопление водой и скотский падѐж, указал, что «скитается в мире». По применѐнному здесь методу обработки данных, этот староста оказался в разряде нищих, т. е. временно нищенствующих. Этот факт бросает свет на самое явление нищенства среди крестьян Илимского воеводства, как на крайнюю степень хозяйственных затруднений.

Побирающегося крестьянина следует строго отличать от профессионального нищего. Нищенство крестьянина предполагает желание его, пережив временные невзгоды, в ближайшее время, не позднее осени текущего или весны будущего года, вернуться к своим земледельческим работам. Оно не считалось позорным, так как превращалось в типичное, бытовое явление. Некоторое подобие такого хождения по миру можно найти у А.Н. Энгельгардта в его письмах «Из деревни», где он прекрасно описал уход «в кусочки» крестьян Смоленской губернии в средине XIX века.

Введение в 1724 году подушной подати свело все денежные платежи крестьян к единому денежному налогу. Сперва крестьянин должен был платить по 80 коп. с души в год, затем в 1725 году обложение было снижено сперва до 74, а затем до 70 копеек. Это был так называемый семигривенный сбор. Те крестьяне, которые не попали «в расположение душ» и не сдавали в казну хлеб, платили «вместо помещичьего дохода» по 40 коп. с души. Это был так называемый четырѐхгривенный сбор. Так как эти сборы были установлены в конце того времени, которое является рамками настоящей книги, то подробности об этом будут изложены во 2-м томе.

Недоимки, образовавшиеся в 1718-1723 годах, собрать было невозможно. Пѐтр I, «будучи в Сенате апреля 24 дня 724 году, милосердуя о своих подданных... всемилостивейше указал: доимочных денег, правиантов и фураж за прошлые годы по нынешней 724 ... впредь с сего числа три года не править» (цитируется по Россыпи, № 61, св. 7, лл. 216-217). Недоимки, образовавшиеся до 1718 года, не взыскивались по указу Петра I, который при заключении в 1721 году мира с Швецией «указал генеральное прощение» доимкам, возникшим с начала войны. На местах всѐ же собирали эти недоимки, вследствие чего возникли злоупотребления служилых людей, зачислявших эти сборы в личные доходы. Запоздалым указом Анны Иоанновны 5 сентября 1734 года этот акт Петра I был обнародован печатно (Россыпь, № 148, св. 15).

Упорядочение финансов коснулось и многих мелких сборов, мешавших развитию торговли и не приносивших существенных доходов казне.

В делах Илимского воеводства сохранился следующий документ об отмене ряда сборов (Россыпь, № 59, св. 7, лл. 155-156): Пѐтр I в Сенате 12 августа 1724 года «изволил слушать окладной табели таможенных и кабацких зборов. И по слушании оной изволил разсуждать: первое — которым збором быть впредь в окладе, второе — которые в оклад положить сумнительны, третье — которые отставить. И о том на оной табели изволил отмечать собственною своею рукою, а имянно: над которыми зборы отмечены крыжи — те отставить, над которыми окружено — те оставлены в сумнительных, впредь к разсмотрению. Того ради Правительствующий Сенат приказали: те зборы, над которыми крыжи... отставить и с нынешнего 724-го и впредь тех зборов не сбирать». Тут же приведѐн перечень отменѐнных сборов: с попов за драгунских лошадей, с церковников и приказных людей Козловского окладу, с крестьянских бань, с пчелиных ульев и бортей, поземельные, оброчные сборы с мастеровых, работных людей, с лавочных сидельцев, с разносной торговли, с клеймления платья, шапок и сапогов.

Остальные сборы, которых перечислено 34 вида и «прочие мелочные и неокладные зборы», а также подушные деньги с лиц мужского пола «збирать со всяким радетельным тщанием». Из них прямое отношение к крестьянам имели только подушный сбор да некоторые оброки: с мельниц, рыбных ловель и кузниц.

Недоимки крестьян отобразили сложное развитие государственной политики. Натуральное обложение XVII века вызвало появление хлебных недоимщиков. Войны Петра I потребовали введения особых сборов, которые переступили грань платѐжеспособности не только илимского крестьянства. Образование Всероссийской империи было связано с введением единого государственного денежного налога на крестьян, главного платѐжного класса, на плечах которого возвышалось дворянство и развивалось нарождавшееся купечество.

Но несмотря на огромные перемены в экономике страны сибирский крестьянин продолжал платить оставшиеся от средневековья натуральные сборы хлебом.

ПОБЕГИ

Побеги, т. е. самовольные уходы жителей, имели в жизни Илимского воеводства существенное значение. Бегство в те времена являлось закономерным, а не случайным явлением.

Почти все жители являлись тогда тяглыми, т .е. несли некоторые обязанности по отношению к государству — платили отсыпной или оброчный, или сноповой хлеб и облагались различными денежными поборами. Одновременно они несли какую-нибудь государственную функцию: служилые люди управляли, посадские выделяли целовальников, несли государевы службы и «годовые зделья», крестьяне пахали государеву пашню, на служ-

бе у государства состояло и духовенство. Даже рабочие на постройке судов, на соловарне, «вожи», т. е. проводники судов и кузнецы несли важные государственные функции и многие из них числились служилыми людьми. Казаки несли охрану, сопровождали государственные ценности. Туземцы платили ясак в государеву казну.

Каждый был прикреплѐн к своему занятию и поэтому всякое самовольное оставление места жительства или самовольный уход от занятий считались бегством.

Может быть только один крупный слой общества XVII века, не считая нищих, представлял исключение — это гулящие люди. Они свободно перемещались с места на место, «гуляли» по лицу земли русской, были как бы узаконенными беглыми, находясь в пожизненном беглом состоянии. Но и они во втором десятилетии XVIII века стали тяглыми.

При таком положении беглыми могли оказаться представители любого класса, любой группы, прежде всего, конечно, крестьяне, но были и беглые служилые люди Первые, доведѐнные до крайнего состояния, искали в бегстве выхода из тягостных условий, в которые их ставила судьба; вторые искали в бегстве возможности уйти от наказания за служебные преступления.

Поэтому данные о бегстве крестьян важны, как объективный показатель, позволяющий измерить степень крестьянского благополучия, точнее — неблагополучия.

Конечно, встречались люди, убегавшие по ничтожным, иногда личным причинам, но большинство, особенно из среды пашенных крестьян, покидало своѐ хозяйство в тех случаях, когда не было другого выхода, терпение оказывалось исчерпанным, а надежды обманутыми. Вот почему, несмотря на всю ценность отдельных примеров, подчас точно раскрывающих мотивы побега, наибольшее познавательное значение имеют массовые данные о побегах, как проявление определѐнных закономерностей в экономике крестьянства. Широкое бегство начинается со второго десятилетия XVIII века, как результат переобложения крестьян денежными сборами. Бегство было крайним и наиболее радикальным средством уйти от государевых тягот, мгновенно очиститься от недоимок и поэтому оно имело серьѐзное экономическое обоснование.

Осуществить бегство было не трудно. Полиции у воевод не имелось, застав не знали. Главная трудность для крестьянина состояла в том, чтобы сняться с места, часто со всей семьѐй. Задержать беглеца могли в первую очередь односельчане, поэтому бегство осуществлялось ночью или ранним утром, иногда по реке в лодке, чаще на лошадях. В распоряжении воевод и приказчиков не было средств предпринимать погоню, редко про-

[1] Изредка встречаются беглые посадские и церковники. Впоследствии целые дела окажутся наполненными перепиской о беглых рекрутах и горнозаводских рабочих.

изводился сыск. Поэтому, если беглец благополучно покинул деревню, он мог считать себя в безопасности. По существу у воевод имелось одно средство борьбы с бегством, это — поручительство крестьян друг за друга. Порука была личной, иногда поручитель был один, чаще несколько человек, которые гарантировали исправное ведение пашни и несение платежей лицом, за которое они ручались. В случае бегства его пашню должны были пахать «порутчики», с вытекающими отсюда платѐжными обязательствами. Они пахали и платили сборы за бежавшего до тех пор, пока на покинутое тягло не находился другой крестьянин или пока воевода по каким-нибудь причинам не слагал с них этой повинности. Бежавшие, если их излавливали, повидимому. не наказывались, хотя указы, особенно Петра I, писались в весьма суровых выражениях. Пойманных снова садили на пашню, а так как за время бегства их хозяйство расстраивалось, то иногда давали им и льготу. Возможно, что применялось и наказание, вроде битья кнутом или «батоги», но дел с таким финалом не сохранилось.

Не всегда крестьянин бежал с семьѐй, в отдельных случаях он покидал и еѐ, может быть под влиянием личных мотивов Двор приходил неминуемо в упадок, если в нѐм не оставалось взрослых сыновей.

В какие места направлялся беглец? Чаще всего встречается помета: «збежал з женою и з детьми неведомо куды», но изредка можно установить путь бежавшего. Илимск и его волости лежали на стыках удобных водных путей, ведших к отдалѐннейшим краям страны. По этим путям можно было направиться буквально на все четыре стороны: на юг — вверх по Лене и Ангаре в иркутские пределы, а оттуда в «заморские острожки», т. е. за Байкал; на восток — вниз по Лене до Якутска и далее; на запад — вниз по Ангаре на Енисей; на север — вниз по Тунгуске в ясачные волости Мангазейского уезда. Из этих путей избиралось два — в Якутск и в Иркутск. На севере крестьянину делать было нечего, на западе установились более строгие порядки, хотя в XVII веке искали беглецов и в Енисейске. Примечательно, что почти никто не бежал на Русь, на свою родину. Бежали дальше от неѐ, главным образом на восток. Если принять мнение о ненаказуемости бегства правильным, то легко допустить, что некоторые крестьяне могли бежать и в другие части того же Илимского воеводства. Действительно, нередко встречается замечание: «А бежал в Яндинскую волость». Мер к возврату беглых даже в этих случаях не предпринималось.

Другое дело, если бежал служилый человек, связанным с каким-нибудь преступлением. Воевода писал в таких случаях якутским и иркутским воеводам с просьбой задержать бежавшего, а в отдельных случаях посылал особых людей для сыска и возврата бежавших, но почти всегда безуспешно.

Уже в первом деле о поселении ссыльных черкас на пашню в 1643-1644 годах, при переводе их из Енисейска, бежало 40 человек[1]. Из поселѐнных крестьян воеводами Головиным, Пушкиным и Шушериным, начиная с 1645 года и до 1652 года бежало в Орленской волости 1 (из 8 чел.), в Усть-Киренской 1 (из 51). В 1655-1656 годах бежало в Дауры 19 пашенных крестьян из 166[2]. В приходных и расходных книгах выдельному хлебу Усть-Киренской волости, в ужинных и умолотных книгах по этой же волости за 1667 год, среди 29 пашенных крестьян встречается «збеглово пашенного крестьянина Оськи Подкаменнова сын ево Ивашка Осипов». Последующие книги то и дело пестрят краткими сведениями о беглых. Впрочем нельзя не оговориться, что в ранние годы Илимское воеводство не знало массовых побегов крестьян, кроме известного случая движения в Дауры[3].

В окладной книге пашенных крестьян за 1687 год по Яндинской волости отмечен единственный случай бегства крестьянина: «А пашут то тягло за бывшего пашенного крестьянина, за Офоньку Екимова, порутчики его Васька Рубцов, Оверка Иванов, Офонька Кирилов, Оброська Андреев, Ивашка Витезев. 196-го году октября в 2 день Офонькину пашню порутчики ево, Офонькины, Оверка Иванов с товарыщи здали пахать новопашенному Митьке Дмитриеву сыну Капустину и в том по нем, Митьке, и взята поручная запись». Дело кончилось обычным путѐм.

В 1698 году из Нижне-Илимской волости бежали Гришка да Тимошка Слободчиковы, «а на пашне их остались жены их — Оксютка Иванова, Дунька Федорова». Беглецы были сысканы и вновь посажены на старые места. Но так как за время бегства их хозяйства ослабели, то образовавшуюся задолженность по сдаче хлеба «велено на них имать для их бедности с 209-го (1701) году». Гришка не захотел пахать на старом месте и с согласия воеводы был переведѐн в Яндинскую волость.

В аналогичной книге за 1699 год встречаются уже 6 беглых крестьян. Один из Нижне-Илимской волости, «у Теуля речки», т. е. в пределах современного Кеульского сельсовета — Васька Куракин. «И вместо ево, Васьки, за то тягло емлетца отсыпной хлеб на порутчиках ево: на Гришке Онкудинове, на Ермонке Первушине, да Микитки Каргина на детях ево, дана сыне ево Васькине, Кирюшке». Из названных здесь крестьян

[1] Сибирский приказ. Столбец 274, лл. 401-411.

[2] Сибирский приказ. Столбец 586, часть II, лл. 372-382 и книга 306. лл. 105-163.

[3] Сибирский приказ. Столбец 471, ч. 1, лл. 206-215. В этом документе содержатся главные данные о бегстве в Дауры верхоленских казаков в 1655 году. Кроме того, многие данные об этом побеге рассеяны по разным книгам и столбцам того времени. См. также: Н. Оглоблин «Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина» (Очерк из жизни XVII века). Русская старина. 1896, т. 85, стр. 205-224.

можно обнаружить по документам 1723 года, т. е. почти через ¼, века в дер. Кеульской Григория Онкудинова и в дер. Кацкой — Ермолая Первушина.

В Яндинской волости появляется четыре беглых (из 63 дворов пашенных крестьян), за одного пашут 8 порутчиков, за другого платит оброк отставной казак Костька Сидоров. Третий — бывший беглый той же Яндинской волости, платѐж оброчного хлеба с которого сбавлен «старости ради». Четвѐртый двор опустел — отец Лѐвка Огнѐв умер, а дети бежали. Пашут порутчики.

В Усть-Киренской Нижней волости за двух беглых из 64 дворов пашут порутчики. Тутурская волость из 28 дворов пашенных крестьян дала двух беглых. «Да в той же волости в 206-м (1698) году на збеглых крестьянских пашнях построены на льготу: на збеглого Якушково место Кондратьево Кошевого в десятину без чети ржаную, ярового тож, ис казачьих детей Ондрюшка Еремеев сын Коркин, а льготы ему дано на 2 года... То вышеписанное тягло велено ему пахать вряд с тутурскими крестьяны». Не осталась пустой и другая пашня, она отдана со льготой на 3 года Мишке Воробью.

В те же годы сбежали еще двое. В одном случае умер порутчик и «ту вышеписанную выморную пашню и покосы» только в 1707 году передали новому крестьянину; во втором случае была брошена и жена, которая должна была пахать тягло в ½ десятины.

Таковы типичные побеги пашенных крестьян. Воеводы узнавали о побеге из отписок приказчиков. Для примера можно привести выдержку из донесения о довольно странном побеге зажиточного крестьянина. Донесение из Криволуцкой волости было отправлено 22 июля 1706 года, достигло Илимска через 9 дней, 31 июля. Приказчик Сенотрусов сообщает: «Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца, воеводе Федору Родионовичу Криволуцкой слободы приказщик Яков Сенотрусов челом бьет. В нынешнем 1706-м июля в 12 день били челом великому государю, а в Криволуцкой слободе в судной избе извещали меня словесно Криволуцкой (волости) пашенные крестьяна Воронинской заимки Михайло Воронин, Гаврило Суровцев, Фарапонт Подгорбунской: будучи на Воронинской заимке июля в 12 число, ночью безвесно не стало соседа нашего пашенного ж крестьянина Василья Бубнова, нивесть куда бежал или кто ево зашиб, про то бог весть. И я, Яков, челобитья их крестьянское и извет в судной избе чрез десятцких записал. А ныне в Киренском, июля в 20 день, Нижно-Киренской слободы пашенные крестьяне Гаврило Салтыков, Костянтин Даурскиных сказывали про оного Василея Бубнова, что видали ево Василья Бубнова в Подкаменной деревне, что пловет (т. е. плывѐт)[1] он

[1] Это произношение можно услышать на Лене и и наши дни.

Василей по Лене реке на низ в малой лотке один себе, и на словах у него Василья спрашивали: «куды де ты, Василей, поплыл?» И он, Василей, сказал: «а поплыл де я на низ, куды бог изволит». А животы ево, Василья Бубнова, и скот (в подлинника — зскот) и дворовое строение и всякой крестьянской завод приказал беретчи племяннику ево Фарафонту Подгорбунскому, до указу великого государя».

Из побега Бубнов вернулся «помнитца за 3 недели до Филипова поста», несвязно объяснил причину бегства и сам расписался в допросе, который воевода производил лично.

Кроме крестьян убегали, как указано, и другие жители Илимского воеводства. Так приказчик Ново-Удииской слободы Воронецкой сообщает 13 сентября 1706 года, что «бежал Ново-Удинской слободы хлебный обротчик Иван Никонов, который дан мне в судную избу для пищие работы», бежал он «покиня жену». В том же сообщении говорится о возвращении из побега устроенного на пашню в 1701 году ссыльного Ивана Оптеки, который не платил за 1703, 1704, 1705 и 1706 годы. Взять с него, по мнению Воронецкого, нечего: «он упрашивается до зимы... а взять с него нечево, а поруки в том хлебе в платеже по нем, Иване, нихто не держит». Приказчик спрашивает воеводу, что делать. Таким образом оказалось, что если побег причинил неприятность воеводе, то и добровольное возвращение беглеца не принесло никому радости.

Можно отметить бегство и новокрещенных, казалось бы, прочно осевших среди крестьян. Так в марте 1706 года из Бирюльской слободы бежал пашенный крестьянин Онтон Новокрещен. По этому поводу там же в судной избе был допрошен десятник Качинской деревни П. Башарин, который сказал: «...в ночном времени он, Новокрещен, из дому своего з женою и детьми бежал за Байкал-море... А на утрие, став он, Прокопей... звал соседей своих пашенных крестьян, чтоб ево, Онтона, на дороге сугнать и поймать. И они, соседи ево, за ним в погоню не поехали, а он де, Прокопей, один гнатца не посмел».

О бегстве гулящих людей сообщается лишь в тех случаях, когда они оказывались так или иначе связанными с хозяйством и оброчным платежом. Например, в мае 1709 года из Вешняковской деревни Чечуйской волости крестьянин И.С. Палшиных заявил в судной избе: «тому де ныне другой год, женился в их деревне, на ево Ивановой сестре, девке Оксинье Симонове дочери гулящей человек Микита Петров, а которого города уроженец и чей прозваньем, сказать не знает... А ныне весной уплыл в Якуцкой на плоте с хлебным запасом, а какой у него хлеб был, про то он не знает».

Отметим теперь побеги служилых. В июле 1719 года бежал «с верх Илима с Кочерги» хлебный приѐмщик Данила Карсаков. Это имя часто встречается в делах Илимского воеводства. За

несколько лет перед этим Карсаков настойчиво добивался выдела ему в Кочерге земли и получил еѐ.

Этот земельный участок уже тогда имел свою историю. В 1673 году там был «построен в пашню» сын илимского служилого человека Игнатий Максин с тяглом в ½ десятины. В 1687 году Максин ¼ десятины тягла сдал присыльному Аввакуму Медведеву, но последний переехал в другую деревню и не воспользовался землей. В 1696 году Максин умер, сыновей у него не было и пашня оказалась впусте. В 1697 году туда переселяют крестьянского сына И.Т. Вологжанина большего, с подмогой «полтретья рубли», т. е. 2 р. 50 к., ему же передаются взятые из имущества Максина — топор, коса и серп. В 1701 году Вологжанин сдал пашню Ивану Наумову Золотарѐву большему, а сам переехал в Ново-Удинскую слободу. Незадолго перед этим Золотарѐву «за подговор в бег пашенных крестьян Григорья да Тимофея Слободчиковых и за лошадиные кражи учинено ему жестокое наказание: бит кнутом на козле нещадно и к спине приложен розозженым железом знак, и свобожен с порукою». В 1704 году Золотарѐва побил за оскорбление тунгуса и за клевету пашенный крестьянин. Золотарѐв жаловался воеводе, воспользовавшись дружбой с Григорием Слободчиковым для лжесвидетельства. Всѐ это было раскрыто, и Золотарѐву за то, что «поклепал» на крестьянина и за подделку свидетельских показаний не только было отказано по его челобитной, но «за такое ево бестрашие учинено ему, Ивану Золотарѐву, наказание — бит вместо кнута батоги, чтоб ему впредь и иным людем так делать было неповадно».

Воевода, получив 25 июля 1706 года заявление Данилы Карсакова о передаче ему пашни на устье р. Кочерги, решил выселить Золотарѐва в Ново-Удинскую слободу. Но Золотарѐв упросил воеводу разрешить ему переселиться в Яндинскую слободу на пашню его друга Слободчикова. Всѐ-таки Золотарѐв перебрался в Ново-Удинскую слободу, но не ужился и там, так и не сделавшись пашенным крестьянином (он был обротчиком) и около 1720 года за убийство был сослан в Нерчинск.

Казалось, что Данила Карсаков прочно устроился. Но прошло 13 лет, обнаружилось, что он вѐл своѐ дело неисправно, а затем, видимо, совершив служебный проступок, решил скрыться, чтобы избежать возмездия.

В 1720 году бежал приказчик Орленской слободы Василий Отласов.

В 1726 году бежал в Иркутск подчинѐнный комиссар (как одно время назывались приказчики) Ново-Удинской слободы М. Астраханцев. Он был прислан из Иркутска, допустил недоимки, «всегда жил в безмерном пьянстве... и дела не отправлял», поэтому в делах чинилась «великая остановка». Из Илимска посылались два ревизора, но Астраханцев сумел обойти их, дав расписку, что соберѐт недоимки. Он сослался на неудобство

сбора недоимок во время жатвы и обещал после окончания еѐ собрать деньги. В декабре 1725 года, не видя улучшения, Илимск посылает на смену нового комиссара, и Астраханцев предпочитает бежать, чтобы не отдавать отчѐта.

Очень часты были случаи бегства ссыльных. Жили они свободно, без присмотра. На них писались поручные обычного типа. Иногда порутчиками оказывались другие ссыльные. В книге пашенного тягла 1722 года в Криволуцкой слободе за обротчиков — присыльных людей поручались пашенные крестьяне. Но за присыльного Д.С. Мяконьких порутчиком был присыльный же М.И. Судейкин, а в свою очередь порутчиком Судейкина оказался Мяконьких. Случилось так, что последний сбежал.

Другие случаи бегства ссыльных приводились при изложении истории заселения Ново-Удинской слободы. Примерно около половины ссыльных убегало с места своего поселения. Наконец, среди беглых встречаются вдовы.

Данные о беглых в XVII веке систематизировать очень трудно, бегство крестьян тогда было не очень широким, хотя и никогда не прекращалось. Но в начале XVIII столетия побеги крестьян учащаются. Объясняется это прежде всего введением сверх натуральных платежей денежной подати. Кроме того, обложение ссыльных и гулящих людей поголовным оброком привело к усилению бегства и этих слоѐв илимского населения. Если ранее бестяглый гулящий человек уходил в другие места, то это нигде не регистрировалось, но с введением поголовного оброка уход гулящих людей означал бегство.

Систематизировать данные о побегах во втором десятилетии XVIII века можно по «книге счетной хлебного повытья и денежного сбора 1718-1723 годов» (арх. № 108, св. 11). В ней приведѐн полный список всех недоимщиков за отмеченные годы и указаны причины недоимочности. Перечень охватывает 1265 человек.

Произведѐнная выборка из этой книги по 622 пашенным крестьянам-недоимщикам, без Чечуйской волости, показывает, что в 64 случаях причиной недоимочности явилось бегство крестьян. Такая же выборка по 275 хлебным обротчикам даѐт 76 случаев бегства. Если исключить случаи, когда недоимки образовались вследствие смерти плательщика, то окажется, что за 6 лет бежало: пашенных крестьян 11,4% от числа недоимшиков, а хлебных обротчиков — 38,8%.

Относящиеся к данному вопросу цифры сведены в таблицу 77.

Другие категории населения по той же книге дали следующее число беглецов: служилые люди — 1, присыльные — 4, вдова — 1, прежний крестьянин — 1, бобыль — 1, крестьянские дети — 1.

Значит, главный контингент беглецов давали обротчики.

Мер к розыску бежавших воеводы почти не принимали. Бесполезно было искать бежавших крестьян, так как и сами

илимские воеводы долгое время принимали беглецов из других областей Руси. В Илимском воеводстве селился — кто хотел, устраивался — кто мог. Документов или «отпусков» с пришлецов не спрашивали.

Можно назвать лишь несколько редких случаев, когда воеводы искали бежавших. В 1694 году в Енисейск дважды посылались казаки «для сыску и поимки беглых крестьян». Только что упоминалось о бегстве приѐмщика Карсакова. Об этом побеге воевода писал в Иркутск «благородному господину Степа-

Таблица 77

Волости	Пашенных крестьян		Обротчиков	
	недоимщиков	нз них бежало	недоимщиков	из них бежало
Нижне-Илимская	119	1	44	11
Верхне-Илимская	—	—	—	—
Усть-Кутская	13	1	13	7
Криволуцкая	87	7	25	4
Киренекая	82	7	33	9
Орленская	5	—	7	2
Тутурская	—	—	4	—
Илгинская	87	3	32	11
Ново-Удинская	37	20	18	10
Яндинская	62	9	34	12
Братская	117	16	63	10
Кежемскан	13	—	2	—
Чечуйская	114	неизв.	20	неизв.
Итого	736	64	295	76

ну Васильевичу», и туда посылался «нарошной посыльщик» братский служилый человек Леонтей Микляев.

Второй случай розыска был вызван челобитьем порутчика из Криволуцкой слободы Дм. Шитых, который просил воеводу Ракитина, во время его приезда в Киренск, разыскать беглого присыльного человека Ив.Ем. Медведева, «он же Букарской», так как Шитых поручился за него и теперь «изоброчен» — должен платить за бежавшего 1 четверть ржи в год. Ракитин по этой просьбе писал в Иркутск о сыске бежавшего Медведева.

23 октября 1703 года из Илимска в Иркутск посылается служилый человек Андрей Роспутин «с товарыщи» с письмом на имя иркутских воевод о сыске беглых. К письму прилагается список бежавших пашенных крестьян и посадских людей. Из Иркутска по уезду был послан с «сыскной памятью» денщик

иркутской приказной избы, а за Байкал поехал илимский служилый человек Сила Сенотрусов, с которым «послан великого государя указ с прочетом». В Удинском (ныне Улан-Удэ) были обнаружены двое беглецов из Илимского воеводства. Оба оказались «поверстаными по Удинску в пешую службу». В Ильинском остроге были обнаружены: илимский посадский человек с сыном и один бежавший из Илимска ссыльный. Оказалось, что первый записался в ильинские посадские и был там выбран «ко всякому великого государя збору в приказную избу в целовальники», а бывший ссыльный заявил, что он «скитаетца меж двор и кормитца Христовым имянем».

В Кабанском остроге был обнаружен илимский крестьянский сын Г.Н. Каргин, да и тот оказался «по Удинску в службе».

Отвечая 16 марта 1704 года в Илимск о результате сысков, иркутские воеводы сослались на указ Сибирского приказа 207-го (1699) года за приписью дьяка Василья Айтемирева, в котором было сказано: «буде служилые люди учнут великому государю бить челом, что они в тех местех, где они служилые люди ныне живут, дворы себе построили и пашни завели и в тех местех обжились, а про них соседи и всякого чина тутошние люди скажут, что они люди добрые и никому от них никакой обиды нет и живут смирно — и тем велено жить попрежнему, где они живут». Иркутские воеводы не без иронии заканчивают письмо, что если «в ыркутцком присуде сысканы будут» беглецы, то их пошлют в Илимск. Сила Сенотрусов вернулся с этим письмом в Илимск.

Один случай сыска беглых привел к совершенно неожиданному концу. Дело происходило в том же 1703 году, но несколько ранее последнего случая. 22 января 1703 года воевода Качанов послал в Иркутск служилых людей Мих. Мишарина и Мих. Шангина с письмом о сыске беглых. Посланцы нашли в Иркутске двух илимских беглецов, после чего Шангин поехал за Байкал, а Мишарин 10 марта вернулся в Илимск и представил в приказную избу двух бежавших сыновей пашенного крестьянина Ивана Панова: Саву с женой и дочерью и Ивана. Беглецы были допрошены.

Сава показал, что по наряду и по очереди он был послан с подводой из Нижне-Илимской слободы, где жил его отец, на устье р. Илима. Оттуда он вместе с другими крестьянами повѐл вверх по Ангаре дощаник до Братска, где его сменили братские крестьяне. Но он решил бежать, так как «отец его оскудал и жить было нечем». В Иркутске Сава женился «на девке мунгальской породы и дал на себя дворовую запись на вечное холопство» хозяину девки. Туда же вскоре бежал и его брат Иван. Последний в свою очередь женился на девке «братские породы», принадлежавшей другому иркутскому жителю и дал ему запись жить у него до смерти своей жены.

Так завязался сложный узел, в который попали 6 человек — четверо взрослых и двое детей.

Были допрошены Иван и жена Савы, Лукерья. Ещѐ девочкой «в малых летех» она была привезена из-за Байкала в Иркутск сыном боярским Василием Перфирьевым. Лет за 10 до описываемого времени она была отдана Перфирьевым за долг последнему еѐ хозяину.

В том же деле есть челобитная Ивана Панова, отца бежавших. Он сообщил, что в 203-м (1695) году сын его Сава ушѐл в Иркутск, а в 1698 ушѐл и Иван, продав и лошадь и хлеб. Оба работали там у хозяев, износили взятую из своей деревни одежду. Отец подробно исчисляет свои убытки. В Иркутске оба сына женились, причѐм жена Савы отпущена в Илимск, а жена Ивана — Аграфена с дочерью задержаны. И отец опять перечисляет, что он потерял: «шуба баранья, зипун сермяжной белой, 4 рубахи, в том числе 2 пестрядиные, да 2 холщевые, рубаха ж китайчатая, пятеры штаны, в том числе трои китайчатые, да двои холщевые, двои чюлки суконные сермяжные... рукавицы вареги с верхонками... две сетки». Жалуется, что из-за всяких поборов разорился и одолжал. Очевидно, над ним тяготели имущественные потери и он за 5-8 истекших лет не забыл ни одной мелочи, которые были па его бежавших детях.

Жену Ивана задержали в Иркутске под очень грубым предлогом. Хозяину еѐ было невыгодно отпустить крепостную, и он тоже, вероятно, подсчитывал убытки, которые понесѐт с еѐ уходом. Была сочинена выдумка, что жѐны братьев — крестные сѐстры: будто бы крестным отцом обеих женщин было одно и то же лицо, а именно собственник Аграфены, жены Ивана. А так как по тогдашним законам два брата не могли жениться на двух сѐстрах, то следовало Аграфену с Иваном развести, значит она останется собственностью старого хозяина и не будет подлежать отправке в Илимск. Эта выдумка, несмотря на нелепость (Лукерья крещена в Иркутске, Аграфена в Балаганске) нашла поддержку у иркутского Софийского двора.

Илимский воевода пишет 11 апреля иркутским воеводам Шишкиным письмо следующего содержания: В Иркутске задержана Аграфена «за спорным челобитьем», будто бы имеющая одного воспреемиика с женою Савы. Далее идѐт подробное изложение документов, допросов и челобитен, которые отвергают эту выдумку хозяина Аграфены. Воевода цитирует 1-ю статью 11-й главы Соборного Уложения об обязанности свозить беглых на старые жеребья и о наказании лиц, укрывающих их. Наконец, воевода перечисляет те государевы повинности, которые несѐт отец Ивана и Савы и утверждает, что без помощи детей их отец не в состоянии обеспечить государственные интересы. Так обосновывается обязательность возврата Аграфены с дочерью в еѐ настоящую семью.

Качанов снаряжает казака Туголукова, которому и поручает довершить это дело. Конца изложенного «сыска» нет.

Через 20 лет имя Ивана Панова встречается в Нижне- Илимской волости, но кто это был — отец или сын, неизвестно.

Через 50 лет после бегства Сава Панов ещѐ пахал в дер. Пановской Нижне-Илимской слободы. В 1744 году, ко времени второй ревизии, ему было 78 лет (арх. № 1216, св. 117).

Побеги и недоимочность крестьян в связи с общим ухудшением положения илимской деревни привели к новому явлению — к запустению дворов. В 1721 году по поручению воеводы производился опрос крестьян всех волостей об опустевших дворах. При этом сличались данные подворной переписи 1710 года, дошедшей до нас в обрывках, с данными первых ревизских сказок. Произведѐнные опросы записывались в особое дело, и каждое показание скреплялось подписями опрошенных крестьян.

Из этих дел «о пустоте дворов» сохранились показания крестьян по Яндинской волости (Россыпь, № 47, св. 5) и по Чечуйской волости (арх. № 149, св. 16).

Начало документа по Яндинской волости: «1721-го году июля в... день против указу великого государя и против осьмого пункта ведение Яндинского острогу подчиненного камисара Тимофея Облизанова о пустовых дворах — от чего почала пустота быть и с которого году — по заручным крестьянским скаскам. Нетчики, которые в прошлых годех померли, а другие бежали» (далее идѐт перечень дворйв). «Бобыль — вдова Ксения — в прошлом в 717-м году умре. С оного году двор ее впусте, огнил и розва- лился... Сын ее Томской скитается меж двора». Другой двор, Константина Дедкойнова. Он умер, его тягло было переведено на детей вдовы Анисьи Овчинниковой, которая с ними бежала. Там же вдова Дедкойнова Елена «вельми скорбна и нища». Третий двор взятого в рекруты крестьянина «и оной двор и доныне впусте, огнил и развалился». Иван Шестаков бежал в 1721 году, двор «впусте». Ещѐ один двор опустел вследствие перехода его хозяина в двор умершего односельчанина. Следующий двор бобыля, который был в ссылке в Нерчинске. Далее, бобыль — вдова Дарья — двор свой покинула впусте в 1713 году, «а ныне на том еѐ месте дворового строения ничего не явилось», она «скитается меж двора». Крестьянин Белоголов в 1714 году бежал в Иркутск, двором никто не владеет. А. Рыбкин, свой двор и пашню покинув, бежал в Иркутск в 1715 году. П. Овчинников в 1714 году бежал с женой в Иркутск, «двор ево и баня и доныне впусте». Итак, 10 пустых дворов из 49. На всех недоимки, половина хозяев их в бегах.

Вот что показали крестьяне Чечуйской слободы: «Коршуновской деревни крестьянин Семен Иванов сказал: в той деревне у Мартына Иванова девять лет, как и ныне, нет двора, и он же, Мартын, в том же году и умре. К сей скаске...»

«Сполошного Лугу деревни тутошние жители крестьяне Павел Степанов Черных (идут имена 4 крестьян) и той деревни все крестьяна сказали: У Сидора Игнатьева Черных, у них же на Сполошном, пустота ево двору почала быть с 720-го году и с того числа двора нет, от ветхости весь розвалился и изрублен на дрова. И ныне ево двора в Чичюйской слободе нет. И куды он ушел, про то они, Павел с товарыщи, не ведают. И жены у него и детей нет. Да они же, Павел с товарыщи, сказали про Тимофея Сапожиикова: сего 1721-го году та пустота почала быть, ево двор от ветхости весь изгнил и розвалился и изрублен на дрова. К сей скаске...»

Далее следуют показания крестьян Сукнѐвской деревни, которые сказали, что с 1712 года здесь не живѐт Ив. Фѐдоров, что в 1721 году в возрасте 90 лет умер И.В. Шангин и детей после него не осталось.

По таким же сказкам выясняется, что в Захаровской деревне умер Т.И. Шапошников, дети которого куда-то ушли. Не стало двора М. Никитина. В 1719 году Ив. Котельников «волей божией утонул», детей не осталось. В 1720 году упал двор хлебного обротчика Ив. Кокшарова. Из Берендиловской деревни в 1720 году бежал Ф. Романов. В Кондрашинской деревне умер в 1717 году В. Гребенщик, детей не осталось.

Итак, по этим деревням за 11 лет запустели 10 дворов. Сопоставления с упомянутой переписью 1710 года показывают, что в 1721 году в этих деревнях было 43 двора, значит, за 11 лет не стало почти ¼ дворов.

Такой же опрос крестьян Криволуцкой и Верхоленской слобод показал, что С.И. Жернаков с женою и детьми «умре» в 1710 году, двор «запустел», в 1711 году Иван Авдеев большей Медведников с женой «умре», дети бежали, а двор пуст, К. Колмогор в 1716 году с женою «умре», а сын бежал, В.И. Роспашной бежал с женою и детьми, С. Ворыпаев умер в 1719 году, а сын его Иван бежал. В Ульканской деревне Ив. Оболтин сдал в 1720 году пашню и бежал, Л. Леонов бежал, его двор и пашня пусты. В Потаповской деревне И. Потаповых умер, а сын бежал. В Панской деревне Антон Брянской умер, М.С. (фамилия не прочтена) бежал, хлебный обротчик А.Я. Черкашенин умер. В дер. Криволуцкой А.К. Бобылѐвых взят в солдаты. П. Алексеев по прозванию Колесник умер в 1719 году, «а двор ево пуст, а дети во младых летях, а жена ево Петрова между дворы Христовым именем питаетца». Хлебный обротчик Я.С. Казимер умер, двор его пуст.

Запустело 13 дворов. В этих деревнях в 1721-1722 годах числилось не более 30 дворов. Так быстро рушились многие крестьянские хозяйства, не выдержав бремени дополнительного обложения. О большинстве названных крестьян других сведений нет. Сличение имѐн по сохранившимся книгам позволяет обнаружить лишь, что в 1699 году Кирюшка Колмогор имел государева тягла ½ десятины, это свидетельствует о довольно крупном,

во всяком случае, среднем крестьянском дворе; Илюшка Потапов в том же году нахал оброчной пашни ½ десятины, Сидорко Павлов Жерноков — ¼ десятины. Немного больше можно сказать об Антоне Брянском. Имя его отца встречается в книге 1667 года, тогда он именовался Максимка Ларионов Брянской, пахал государевой пашни 1 дес. ржаной, ½ дес. яровой. Имя Онтошки Максимова сына Брянского упоминается в 1690 году, государево тягло составляло тогда ⅓ дес. озимых и ⅓ дес. яровых. Умер он, по книге 1721 года, в 1711 году, с его смертью исчезло и хозяйство.

Запустение дворов — ещѐ одно новое явление в жизни илимской деревни, отмечаемое почти исключительно только во втором десятилетии XVIII века. Принимая во внимание, что в Илимском воеводстве многие деревни были однодворными, могла запустеть целая деревня, если бежал дворохозяин. Так, в 1721 году илимский житель А.Е. Зырянов изъявил желание арендовать покинутые покосы. Приказная изба дала по его челобитью справку: «В прошлом в 716-м году оные Устьянцовы (Иван и Кирилл, владельцы этих покосов и пашен) из своей деревни бежали и та их деревня ныне впусте и нихто ею не владеет». Несколько таких пустых деревень отмечено «Переписной книгой» 1699-1700 годов.

Рассмотрев, насколько это было возможно сделать по документам Илимского воеводства, вопрос о беглых, повторим, что многие случаи бегства обусловливались личными, недоступными для нашего исследования, причинами.

Но как социальное явление, отражающее положение крестьянина, оно имеет свою историю и свои корни. От единичных случаев, каким было бегство в XVII веке, оно становится «нормальным» явлением в начале XVIII.

Сжатый клещами хлебного и денежного обложения, крестьянин Илимского воеводства вступил в полосу кризиса своего хозяйства. Показателями этого кризиса являются: рост недоимочности, нищенство крестьян, запустение дворов и бегство.

Илимский пашенный крестьянин всѐ же выдержал выпавшие на его долю тяжѐлые годины преобразовательной эпохи. Русь XVII века превращалась в мировую империю, возвысился класс помещиков и развивался нарождавшийся купеческий класс. Это происходило за счѐт крестьянства, «с которого драли три шкуры» (Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, 1937). Илимское крестьянство делило при этом общую участь крестьян России.

КРУГОВАЯ ПОРУКА

В литературе, посвящѐнной Сибири, очень много внимания уделяется земельной общине и еѐ истории. На основании изучения дел илимской приказной избы за XVII и первую четверть

XVIII века можно утверждать, что у русских крестьян, населивших Ангаро-Ленский край, никакой земельной общины не было

Право распоряжения землѐй находилось целиком в руках воевод. Крестьянский мир не принимал участия в наделении землѐй тех лиц, которые желали получить еѐ. Он не выступал с поддержкой челобитчиков, просивших землю у воеводы, и не представлял своих возражений по земельным челобитьям. Наделение землѐй или перемены в землепользовании всегда были результатом личных просьб челобитчиков и единовластных решений воевод. Мир не ручался за своих членов, для этого воеводы и приказчики подыскивали «порутчиков». Поэтому мир не нѐс никакой ответственности за исправность платежей. Каждый отвечал за себя и за тех, за кого он добровольно и индивидуально ручался. Поручительство обусловливалось личными связями, а не вытекало из общественного положения крестьян в общине. Если не находилось «порутчиков», воевода не обращался за помощью к общине, а отказывал челобитчику, как ненадѐжному лицу.

Мир не вмешивался в земельные споры и никто из тяжущихся не искал в общине путей решения споров с соседом. Все нити тянулись к воеводе.

Поскольку земля была в личном пользовании, тягло носило личный характер. Принцип личных поземельных прав проводился в отношении крестьян настолько последовательно, что даже ближайшие родственники главы двора не наследовали их. В случае смерти главы семьи сыновьям или другим наследникам необходимо было оформить право владения землѐй посредством челобитья воеводе. Практикой воеводского управления признавалось лишь преимущество детей перед всеми другими преемниками. Словом, земельные отношения покоились на праве лица, а не на праве двора. Для земельной общины места не оставалось. Поэтому еѐ и не было.

Но отсутствие земельной общины не означает отсутствия крестьянского самоуправления. Мир выбирал своих представителей, десятских и старост или «мирских челобитчиков»: первых — периодически, обычно ежегодно, последних — по мере надобности. Однако за исправное выполнение крестьянами обязательств перед государством отвечали не представители мирского самоуправления, а каждый крестьянин лично и его индивидуальные порутчики. Не раз обнаруживалась громоздкость и ненадѐжность таких гарантий государственных прав, но лишь однажды была сделана попытка дополнить личное поручительство коллективной порукой. Впрочем, уместно заметить, что круговая порука не выросла; на почве отношений крестьянства с государством и не являлась присущей только крестьянскому строю. Она существовала в Илимском воеводстве давно, может быть, с первых дней его жизни и применялась в отношении посадских людей при выборе последними таможенных и кабацких

целовальников, а также в отношении служилых людей при выборе ими за своею порукою ясачных сборщиков. Таким образом, когда мы встречаем крестьянскую круговую поруку, то имеем дело не с новым принципом, а только с новой сферой применения известного старого принципа. Отсюда видно, что крестьянская круговая порука не вытекала из недр земельной общины к когда существовать независимо от неѐ.

Применение коллективного крестьянского поручительства встречается довольно поздно, в начале XVIII века, в связи с уменьшением платежей государству по низовым Ленским волостям. О причинах этого уменьшения уже говорилось.

В 1707 году велено было «собрать в Усть-Кутцкой слободе и от Усть-Кутцкого острожку вниз по Лене реке до Тирские деревни на 708-й год по прежнему окладу по 11 четвертей ржи з десятинщиков на год. А в нынешнем, в 708 году, велено на тех же крестьянах собрать общую круговую порушную запись». Если у кого из крестьян будет в передаче (т. е. переплата), то велено засчитать на 1709 год. На основании этого в Усть-Кутской волости была составлена круговая поручная запись следующего содержания: «1708 году генваря в 1 день. Усть-Куцкие слободы, пашенные крестьяне Мирон Титов (следует перечень 33 человек) поручились есми друг по друге в том, что будучи нам в Усть-Куцкой слободе, против указу великого государя и грамоты, платить в государеву казну с нынешнего 708-го году и впредь по вся годы по семи четвертей осмипудных ржи з десятины[1], до указу великого государя, без доимки. А буде у нас, крестьян, у каждого крестьянина божиим изволением в котором году ни будь хлеб не родитца и скупитца будет нечем, или который из нас оскудает и обедняет, или из Усть-Куцкие слободы куда сойдет и збежит, и тот государев десятинный хлеб за тех крестьян имать в государеву казну по вся годы на нас, крестьянех, на всех сполна. В том сию в Усть-Куцком острожке в судной избе приказному Семену Зубову поручную запись подали. Поручную писал по велению вышеписанных порутчиков, кои имяны писаны выше сего в сей поручной, Усть-Куцкой пищик Гурей Котовщиков вышеписанного числа». Эту поручную подписали за крестьян — пономарь Усть-Кутцкой Спасской церкви К.И. Бобошин, устюжанин (видимо гулящий человек) Як. Грибов, плотник Л. Антипин, дьячок Д. Лаврентьев (арх. № 92, св. 9, лл. 173-175).

Почти через год, в декабре 1708 года, такое же пониженное обложение вводится в двух смежных волостях, в Верхо-Киренской и в Криволуцкой. Земли этих волостей настолько сближались, что значительная часть криволуцких крестьян пахала на землях Верхо-Киренской волости (в 1709 году 9 тяглых десятин,

[1] Понятно, здесь речь идѐт о государевой, т. е. тяглой десятине, но которой определялось количество отсыпного хлеба, а не о всей пашне.

в то время как по обеим волостям тягло составляло 25⅔ десятины). На обе волости в этом году был один приказчик П. Щегорин.

Поручная круговая запись составлена так: «1708 году декабря в 1 день, Криволуцкой и Верхо-Киренской слобод пашенные крестьяне: староста Павел Казимеров, десяцкие (идут имена 5 чел.), рядовые (идут имена 61 криволуцких и 17 верхокиренских крестьян) и все Криволуцкой и Верхо-Киренской слобод пашенные крестьяне поручились есмы друг по друге, за один человек, в Криволуцкой слободе в судной избе приказному Петру Евфимову сыну Щегорину в том, что в нынешнем в 708-м году по указу великого государя и грамоты... платить... по 7 четвертей ржы з десятины на год... без оброку и без доимки сполна, до указу великого государя. А буде который из нас, пашенных крестьян, оскудает или хлеб у ково не родитца или куда збежит и за тех скудных и за беглых и у кого хлеб не родитца, платить отсыпной хлеб в государеву казну нам же, криволуцким и верхо-киренским пашенным крестьяном, весь сполна без доимки по вся годы, без оброку ж. В том сию круговую поручную на себя дали. Поручную писал по их крестьянскому вышеписанных людей велению в Усть-Киренску — крепостных дел подьячей Григорей Торлопов». Поручная подписана за себя и за товарищей пятью крестьянами. Это мелкое обстоятельство не мешает отметить: из 84 чел. оказалось грамотных 5, остальные, в том числе староста и десятские, подписаться сами не сумели.

Может возникнуть вопрос, какая доля крестьян участвовала в даче поруки. Справку можно взять из другого дела, из отчѐтов приказчиков за 1709 год (арх. № 93, св. 9) — в обеих волостях тогда числилось 86 дворов пашенных крестьян. Из этих сопоставлений вытекает, что в дер. Полоротовской был устроен настоящий съезд глав семей двух волостей.

В конце следующего, т. е. 1709 года, такая же поручная круговая запись была дана крестьянами Нижне-(или Нижно) Киренской слободы. В поручной от 25 ноября записано, что отсыпной хлеб по 7 четвертей с десятины платить всякому со своего тягла: «десятинщиком з десятины, а полудесятинщиком и четвертущиком и осмущиком росчитая против того ж». Далее в поручной указывается: «И ничем в том платеже не отговариватца, чтоб тот хлеб к якуцкому отпуску по окладу сполна был всегда в готовности». При составлении поручной участвовали: от Закаменской деревни староста Пѐтр Сирин и 11 крестьян, от Балахонской деревни десятник Яков Пустосвят и 8 рядовых крестьян, в том числе Максим Хабаров от Змеинской деревни десятник Василий Черепанов и 15 рядовых пашенных крестьян, от Подкаменной деревни десятник Аника Иванов и 10 крестьян, в том числе Василий Аникиев Мунгал, от Подъельнишной деревни де-

[1] Сын Ярофея Хабарова, так как в другом деле (арх. № 74, св. 9) указано его отчество.

сятник Григорий Ляпунов и 7 крестьян, от Горбовой деревни десятник Фѐдор Петухов и 9 крестьян, от Грицкой деревни десятник Афанасий Грузной и 13 рядовых крестьян, от Чугуевской деревни десятник Никита Романов и 9 рядовых крестьян. Всего присутствовало 90 человек. Возможно, что участников съезда было и больше, так как Михаил Захаров сын Черепан присутствовал «з детьми», Фѐдор Ильин Охота «з детьми». Некоторые дворы были представлены всеми взрослыми мужчинами, если они, как дети одного отца, несли тягло «обще», например, от Змеинской деревни Микифор, Аврам, Василей, Онисим, Микита, Меркурей, Софон Даниловы дети Горбуновы или Осей, Иван, Андрей, Тимофей да Сидор Похоруковы. Всего в Нижне-Киренской волости по окладной пашенной строенной (по которой строили, т. е. ставили в пашню) книге в 1709 году числилось 103 пашенных крестьянина. Таким образом, и в этом случае состоялся как бы общеволостной сход большинства крестьян-дворохозяев.

Заканчивая обзор этих единичных документов, необходимо заметить, что практика круговых поручных записей в Илимском воеводстве дальнейшего развития не получила. По другим волостям эти документы не встречаются, даже по рассмотренным слободам коллективные поручительства в последующие годы отсутствуют. Воеводы на них нигде не ссылаются и попрежнему недоимки с бежавших или умерших взыскивают с их порутчиков. Правда, в отдельных случаях приказчики и воеводы некоторые недоимки взыскивали с «лучших» пашенных крестьян. Но делать это они могли без всяких круговых порук, пользуясь воеводским единовластием. Например, приказчик Усть-Кутского острога Андрей Сенотрусов в письме, полученном в Илимске 30 июля 1709 года, ссылается на то, что ему велено собрать отсыпной хлеб на 1709 год, «а на огурщиках имать тот хлеб с правежу, а у которых пашенных крестьян хлеб не родится или за какой скудостью взять будет на ком нечево, или ково в лицах крестьян не будет — и за тех крестьян отсыпной хлеб имать по общей их крестьянской порушной записи на лучших пашенных крестьянех». Когда в 1703 году в Нижне-Илимской Тушамской слободе поворотные, уздяные и седельные деньги были собраны не сполна, то приказчик, илимский сын боярский Степан Пежемский сообщил, что «скудные пашенные крестьяне» в числе 7 человек не заплатили, «а которые в Тушамской слободе пожиточные и семейные пашенные крестьяне и те крестьяна за скудных и вышеписанных крестьян в тот побор платить не помогают и учинились... в подмоге противны».

Воевода дал приказной избе распоряжение — разверстать недоимку на пожиточных и «семьянистых» пашенных крестьян. Приказная изба разложила недовнесѐнные деньги на 17 «пожиточных» крестьян и выслала список Пежемскому для взыскания.

Причина появления рассмотренных круговых порук проста — поруки было велено собрать Сибирским приказом по особому

случаю. Тем важнее отметить, что московские советы были выполнены. По строй пашенных крестьян Сибири во многом не походил на крестьянские общинные порядки Руси. Поэтому не все испытанные на Руси приѐмы управления крестьянами привились на Илиме.

МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Первоначально, по заселении пределов Илимского воеводства, главные экономические связи государства с крестьянством слагались на основе обработки крестьянином государевой пашни и платежа выдельного хлеба в государеву казну.

При таком порядке не могло быть недоимщиков и мер принуждения не применялось. С увеличением обложения появляются первые, сперва одиночные недоимщики, а затем и «збеглые» крестьяне. Появляется необходимость «держать на правеже» недоимщика, пока он не согласится заплатить, или довольствоваться обещанием, что он заплатит из следующего урожая.

Наказанье за побег применялось в исключительных случаях. Так, «1707-го года марта в 15 день по ведомости из судного стола подьячего Якова Стрюкова по розыскному делу и по приговору воеводы Федора Родионовича Качанова присыльному человеку Ивану Онкудинову Нижегороду за два побега и за позжение двора Андрея Шаманского наказание учинено и велено ему быть в отсыпном хлебе и платить с 708-го года по полуторе чети ржи на год» (книга пашенных крестьян 1699 г. с позднейшими: приписками. Арх. № 41, св. 3). Как видно, преступника, сосланного в Илимское воеводство, за серьѐзные дела, какими нужно признать двухкратный побег и поджог двора односельчанина, постигло очень лѐгкое наказание; видимо, он был бит «батоги» и вновь посажен на пашню.

Бывали случаи, когда возврат на старую пашню не достигал цели. Тогда воеводы в виде меры взыскания или пресечения переводили крестьян в другую волость. Так, в 1703 году «Тимофею Слободчикову указ учинен за то, чтоб он впредь зернщиков в дому своем не держал и жену свою от блудного воровства смирял; и за такое жены ево воровство переведен он Тимофей из Верхо-Илимские слободы с женою с тем же полудесятинным тяглом в Ново-Удинскую слободу на пашню». Потом оказалось, что в Новой Уде земли ему не выделили и он был поселѐн в Яндинской слободе в деревне у Якова Несмеянова[1], «в межах у брата ево Григория Слободчикова».

17 октября 1706 года слободчик, т. е. приказчик Ново-Удинской слободы, илимский сын боярский Василий Воронецкой сооб-

[1] Больше упоминаний об этой деревне не встречается. Может быть она стала называться Светлолобовской.

щил воеводе, что хлебный обротчик Иван Золотарѐв «безумием своим продал пьянский избу свою со всяким строением, без докладу, Ново-Удинской слободы хлебному обротчику Федору Пелымцу. И он, Федор, ему, Ивану Золотареву, пьяному, дал полтину, а достальные (4 руб. 50 коп.) он, Федор, хотел ему принести того ж дни». Так Иван остался без избы, «и на подворье ево Ивана нихто не пущает и скитаетца меж двор», — сообщает Воронецкой. «И за то ево Иваново пьянство и без докладу продажи двора, учинил наказанье — бил батоги». При этом Иван, видимо, немало наговорил слободчику горьких пьяных слов, как водится, смесь правды с вымыслом.

В ноябре 1706 года воевода прислал ответ: Ивана вселить, отобрать у него полтину и отдать еѐ жене Фѐдора, взыскать пошлину, а Фѐдора наказать: «и по подлинному свидетельству в Ново-Удинской слободе при тутошных пашенных крестьянех и при обротчиках за такое ево бесстрашие учинить ему Федору Пелымцу наказание — нагого бить батоги нещадно, чтоб на то смотря впредь иным в той слободе пашенным крестьяном и обротчиком такое бесстрашие и непослушание слободчиком чинить было неповадно».

В начале марта 1707 года в Илимск было доставлено сообщение, что Иван водворѐн обратно в свой дом, жена Фѐдора выселена, а Фѐдор бежал в Иркутск.

Наказанье совершал палач, который получал обычное, как и другие рядовые служилые, денежное, хлебное и соляное жалованье. Тюрьма в Илимске предназначалась для временного содержания арестованных, которых старались скорее пристроить к месту, обычно на пашню[1]. Присыльных садили на пашню или на оброк, или использовали на государевой случайной работе, или отдавали в работники под расписку.

За более крупные уголовные преступления виновный подвергался более серьѐзным наказаниям и верстался на пашню, а при отягчающих обстоятельствах платился жизнью. Случаев казни известно очень немного. Хотя воевода и имел право самостоятельно применять к преступникам смертную казнь, но каждый раз сообщал об этом царю. Пѐтр I неоднократно в своих указах грозил смертью ослушникам; вероятно под влиянием этих угроз в показания крестьян и служилых людей начинает внедряться своеобразный словесный оборот: «по евангельской заповеди и под смертною казнью».

Сохранился конец копии грамоты Петра I, присланной через Сибирский приказ илимскому воеводе и помеченный 31 октября 7208 (1699) года. Грамота, как видно из еѐ текста, представляет ответ царя на доклад воеводы о принятых им мерах в отноше-

[1] На чертеже Илимского острога тюрьма или «караул» изображена в перевѐрнутом виде, внутри укрепления — налево от Спасской башни у осторожной стены. На чертеже, хранящемся в Москве, тюрьма изображена в правильном положении.

нии преступников (арх. № 28, св. 3). Начинается этот отрывок с пересказа воеводского письма: «... а по Уложению и по статьям тому убойце учинено наказанье: бит кнутом нещадно и отсечен у левые руки палец и к спине разозженым железом приложен знак, и свобожден с порукою, что ему впредь не воровать. И велел ему быть в пашне. Да смертному убойце Нижно-Киренской волости пашенному крестьянину Петрушке Карпову за убивство, что он жену свою Оленку зарубил косою, учинено жестокое наказанье — бит на козле кнутом нещадно и отсечен у левые руки палец. И велел ему ж в Нижно-Киренской волости быть в пашне ж[1]. Да гулящему человеку Игнашке Томскому, который явился во многих церковных и мирских татьбах и в волшебствах... учинена ему, Игнашке, смертная казнь.

И то ты добро ж, что ты таким ворам учинил казнь и наказание скорое и неотложное. И мы, великий государь, за то твое вышеписанных дел вершение, жалуем тебя похвальем... и ты б и впредь таким ворам спуску и долгаго сиденья и медленья не чинил...»

В Центральном архиве древних актов уцелело начало письма воеводы Ф.Р. Качанова. Он сообщает о выполнении им приказа из Москвы, изложенного в грамоте, присланной в Илимск 23 сентября 1698 года, о наказании «тюремных сидельцов»[2].

Речь шла о 5 колодниках, совершивших преступления в предшествующие 5 лет. Из них отставной палач Ивашка Начеваев за татьбы был пытан ещѐ воеводой Григорьем Грибоедовым. Теперь его надлежало пытать ещѐ раз, бить кнутом на козле и, отрезав ухо, сослать на пашню. Но он умер 19 июня 1697 года.

Артюшка Лебедев зарезал «без умысла» посадского человека. Именно с этого дела начинается приведѐнный отрывок грамоты 7208 года. Конец дела читателю известен.

Один преступник оказался освобождѐнным Остафием Перфирьевым «с наказанием».

Гулящий Игнашка Дмитриев сын Томской оказывается повинился в 3 церковных, в 2 часовенных, да в 12 разных мирских татьбах. «И ходил красть днем, невидимо». Преступления, совершѐнные с применением сил волшебства считались тягчайшими, поэтому «за ведовство» к Томскому и была применена смертная казнь.

Сохранился ещѐ маленький отрывочек с 7 строками черновика грамоты 7208 года[3], цитированной выше по Илимским бумагам.

В другой грамоте, от 15 ноября того же года, предлагается гулящих людей садить на пашню. «А ему (гулящему) сказать —

[1] Пѐтр Карпов встречается в хлебных сборных книгах 1722 года в той же Нижне-Киренской волости среди хлебных оброчников.

[2] Сибирский приказ. Столбец 1139, лл. 43, 41, 42.

[3] Сибирский приказ. То же дело, л. 72.

буде с того своего места уйдет и пашню оставит и ему будет учинена смертная казнь без всякой пощады».

Впрочем в Илимском воеводство не было случаев применения смертной казни только за побег с пашни.

Вообще, как случаев убийства, так, в особенности, случаев смертной казни в Илимском воеводстве можно отметить очень немного.

В 1675 году с устья р. Куты был прислан в Илимск «убойца» гулящий человек Юдин, зарезавший приказного человека илимского десятника казачья Литвинова. На пытке он сказал, что «резал ножем, мстя ему прежнюю недружбу». Воевода сообщает, что «по твоему великого государя указу и по Соборному Уложенью велел ево Петрушку самого казнить смертию ж — повесить»[1].

Ещѐ один случай смертной казни можно установить по челобитной крестьянина Падунской деревни Братского «уезду» А. Тимофеева. Он просит разрешения у воеводы принять тягло жены его соседа Василия Ильина сына большего Дубынина, который в 707 году «за смертное убийство в Братцку скажнен смертью». На жене казнѐнного, Татьяне, у которой было два ребѐнка, Тимофей женился в 1708 году.

За убийство не всегда наказывали смертью. Позднее, с открытием в Забайкалье серебряных рудников, убийцы ссылались туда. Об этом можно судить по челобитной П. и Г. Замарацких от 30 мая 1720 года. «Скитаемся мы нижеименованные рабы ваши меж двор, а тягла никакова на нас нет..., а есть пометная под пашню земля и сенные покосы, изба и хлебной анбаришко прежнего владения пенного крестьянина Ивана Золотарева, ¼ десятины». Приказная изба дала по злому челобитью справку, что пенный, т. е. наказанный крестьянин, в 716 году «по розыскному делу за убийство послан он, Иван, в сылку в Нерчинской к рудокопному делу» (арх. № 123, св. 13, лл. 70-71, конец утрачен)[2].

Отметим ещѐ один случай убийства. В феврале 1722 года из Илимска сообщали приказчику Тутурской слободы Лазарю Туголукову, что «в прошлом 721 году прислан крестьянской сын Иван Оксамитов. Убил тутурского пашенного крестьянина Филипа Купрякова, боронясь, от себя, не с вымыслу, в пьянстве, в беспамятстве... и... за то ево смертное убийство учинено ему жестокое наказанье: бит на козле кнутом нещадно и в проводку по торгам вожен. И отпущен он из Ылимска в Тутурскую слободу попрежнему с порукою, чтоб ему впредь такова убийства не чинить» (Россыпь, № 52, св. 6).

Так как каждый человек нѐс какую-нибудь государственную работу, был тяглым, то оказывалось целесообразным после учинения наказания возвращать виновного на старое место. Возврат

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, л. 140.

[2] Это тот Золотарѐв, который в 1706 году пропил свои двор. В 1701 году он был бит кнутом «за подговор в бег».

сопровождался наивной, с нашей точки зрения, мерой — составлением поручной записи, в которой определѐнные лица, часто товарищи, ручались за преступника в том, что он не совершит аналогичного преступления в дальнейшем. А так как с поручных взыскивалось «за письмо», то они записывались в особую книгу. Вот несколько образцов таких записей, взятых из книги канцелярских сборов 1711 года (Россыпь, № 30, св. 4, лл. 71-108, начало утеряно):

«Генваря в 27 день писана порушная запись по илимском хлебном обротчике по Иване Козмине в том, что ему впредь, ходя по улицам, людей не резать и никаким воровством не воровать. Порутчики по нем илимские хлебные обротчики Сава Снигирев с товарыщи. И с сей порушной за письмо гривна взято...»

«Того ж дни (8 марта) писана порушная запись по яндинском пашенном крестьянине по Иване Поленикове, что ему впредь смертного уби[й]ства не чинить и никаким воровством не воровать. Порутчики...» Гривна «взято».

«Октября в 17 день. Писана порушная запись по илимским служилым людем по Иване Гаврилове сыне Туголукове, по Гавриле Борисове сыне Воронцове, по Иване Федорове сыне Шестакове в том, что по вершеному розыскному делу (т. е. по законченному судебному делу) впредь им у ясачного збору и у всяких государевых дел будучи — не воровать. А порутчики...»

«Октября в 24 день. Писана порушная запись по промышленном (это слово в XVII веке писалось с одним «н») человеке по Иване Яковлеве сыне Киндякове в том — по вершеному розыскному делу 711 году впредь ему, Ивану, в безмерном пьянстве непристойные слова не говорить. А порутчики...»

Самих поручных записей до нас не дошло. Приведѐнные выдержки говорят о том, что наказанные преступники по уголовным делам, в том числе и по служебным преступлениям, возвращались к исполнению своих обычных работ.

Таковы уголовные порядки Илимского воеводства тех дней. Они в большинстве случаев связаны с пашенным делом: преступников часто садили на пашню, нарушавшие свои пашенные обязанности рассматривались как преступники. Другие дела представляют обычные меры правительства, поддерживавшего установленный правопорядок.

С конца первого десятилетия XVIII века сильно растут недоимки и воеводы применяют в отношении крестьян новые санкции. Пока обложение крестьян ограничивалось несением натуральных повинностей и платежом выдельного хлеба, не было надобности и в каких-то особых мерах. С введением тяжѐлых денежных сборов, крестьяне, главным образом в недородные годы, становятся почти сплошь недоимщиками. Отсюда рождаются новые способы воздействия на крестьян. В остроги и слободы посылаются уполномоченные и особые камериры с широкими правами. Им даются неслыханные раньше наказы.

Вот черновик послушного указа, разосланного в недоимочные волости: «1721-го года марта в... день. По указу великого государя в Усть-Куцкой, в Киренской, в Чечюйской остроги и в Криволутцкую слободу приказщиком Алексею Литвинцову, Ивану Корякину, Ивану Паранчину, Михаилу Мишарину. В нынешнем в 721-м году, марта в... день послан к вам из Ылимска илимской сын боярской Петр Щегорин и велено ему по указу великого государя вас, приказщиков, к денежному збору принуждать и бить на правеже, а с правежу велено ему вас садить за караул (зачѐркнуто — «и сажать») и ковать за шею и за ноги (зачѐркнуто — «в чепе») и держать в чепе и в железах (сбоку приписано: «и править на вас денежные зборы») на нынешней 721 год (зачѐркнуто: «в имянно напр.») и на 720-й и из доимки на прошлые годы каких (зачѐркнуто: «денег») зборов деньги от вас не в высылке. А не доправя тех зборов денег, ездить в Ылимск ему не велено. И велено ему брать у вас ради платежа и розсылок по 3 человека салдат или казачьих детей. И вам, прикащиком, також и пищиком по сему великого государя указу быть ему, Петру, во всем послушным и никакие противности ему (вписано: «оне») не чинить».

При отъезде Щегорин получил наказ, как ему действовать. В наказе была поставлена цель поездки и очерчены методы действия, в частности повторено то, что значится в послушном указе. Предусматривались и возможные затруднения при выполнении поручения, например, в 4 пункте черновика написано: «А ежели в Киренску и в Чечюйску и в Усть-Кутцку чепей нет, то велеть взять в Киренском Троицком монастыре. А всеконечно, пока зборами не исправятца на оных денежных поборах, держать их, приказщиков, на правеже, а с правежу сажать за караулом в чепях и в железах» (арх. № 149, св. 16, лл. 60 об. и 58 об.).

Значит, согласно этой послушной, приказчики должны были давать Щегорину казачьих детей, чтоб окарауливать и бить самих же приказчиков, а также для выполнения других поручений уполномоченного воеводы. Издержки по таким командировкам было велено перекладывать на приказчиков. Из другого дела можно привести соответствующую формулу: «А для правежу на Максине (штрафа) послать нарочного служилого на ево ж Максине коште» (дело о штрафе подчинѐнных комиссаров за непредставление книг, арх. № 213).

Упоминаемый в настоящей работе солдат Гр. Шабалин также первым делом хотел заковать подчинѐнного комиссара и крестьянских сборщиков, но «оные чечюйские крестьяне в доимочных денежных зборах учинились де ему противны... Також и подчиненый камисар Петр Торговин за неотправление данной ему инструкцыи в чепь ковать себя обще со оными крестьяны не дался».

Особенно много материалов по всякого рода репрессиям, применѐнным воеводой в отношении недоимщиков крестьян и

приказчиков, собрано в деле за 1721 год (Россыпь, № 46, св. 5, лл. 227-229, 245, 272, 292, 295-296, 347-350, 384-386, 397).

В этом году были предприняты особенно широкие меры по сбору недоимок, может быть, вследствие того, что над самим воеводой уже явственно нависла угроза ареста. Впрочем, может быть случайно, до нас не дошли подобные же мероприятия других лет конца первой четверти XVIII века.

Остановимся на посылке уполномоченных, как новом приѐме, неизвестном XVII веку. Один случай — посылка П. Щегорина — был только что приведѐн.

В январе 1721 года посылается служилый человек (в черновике наказа имя не проставлено) в Усть-Кутский, Киренский, Чечуйский остроги и в Криволуцкую слободу, т. е. туда, где несколько позднее должен был действовать П. Щегорин. Туда незадолго перед тем посылался в качестве «принудителя» Николай Мишарин. В наказе было «велено за неотправление зборов — за шеи и за ноги ковать и на правеже босых бить... безо всякие пощады, а с правежу сажать за караул». В первую очередь подвергались этому взысканию приказчики. «А для правления и для правежу брать тебе ис казачьих и ис крестьянских и из обротчиковых детей сколько человек понадобитца». Выходит, что наказывать, бить и ковать приказчиков могли крестьяне. Подчинѐнные бьют начальников за то, что те плохо взыскивают с них налоги! Возможно, что находились добровольцы для таких расправ, особенно над неугодными начальниками.

Одновременно в остальные волости посылаются другие лица с подобными же инструкциями.

В марте того же года едет Степан Щегорин в Братский, Яндинский остроги и в Ново-Удинскую слободу с письмом на имя приказчиков: «Послан к вам из Ылимска (фамилия Щегорина зачѐркнута) и велено ему по указу великого государя вас приказчиков... принуждать и бить на правеже... садить за караул и ковать за шею и за ноги и держать в чепе и в железах». Далее предлагается приказчикам слушаться Щегорина и если он потребует людей, чтобы бить и заковывать самих приказчиков, то они должны выделить для этого крестьянских и казачьих детей.

В августе в ленские волости, т. е. в Киренскую, Чечуйскую и Криволуцкую, направляются с таким же наказом илимские служилые люди Михаил Мишарин и небезызвестный Григорий Курбатов: «...и принуждать и посадить в чепь и в железа».

Но и сами принудители или «понудители», как их изобретательно назвали, могли оказаться неисправными. Воевода им за слабое понуждение угрожал такими же наказаниями. И это не оставалось пустыми угрозами.

В декабре 1721 года отправляется в Братский острог письмо на имя братского служилого человека Ивана Хромцова следующего содержания: в Братский острог посылались указы Гаврилу Рыбникову и Алексею Ознобихину, чтобы они правили доимки.

Но отчѐтов от них не поступало. «А знатно, что они в зборех чинят поноровку. Також велено Г. Рыбникову в зборах принуждать прикащика, и оной Рыбников ему прикащику чинит поноровку». На основании этого воевода поручает Хромцову держать «оных Рыбникова и Ознобихина в тех зборех самих на правеже и бить их босых без всякие пощады, не норовя им ни в чем... А ежели ты... на правеже держать не станешь и за то тебе самому учинено будет жестокое наказание».

Тогда же Хромцову направляется второе письмо: в Братск были посланы илимские служилые люди Иван Курбатов да Пѐтр Воротников и велено им быть в Ылимск «в скорости». Но они не едут. «А знатно, что они в Братцку живут за своими прихотьми и за пьянством. И по получении сего великого государя указу оным Курбатову и Воротникову учинить тебе наказание — бить их батоги нещадно и выслать их в Ылимск в самой скорости».

Приведѐнные материалы не только дают представление о нравах того времени, но и достаточно убедительно показывают те затруднения в сборе налогов, с которыми встретились воеводы. Жестокие меры — это показатель кризиса управления. Но кризисы могут иметь различные причины. В данном случае причиной явилось налоговое перенапряжение сил пашенного крестьянства.

Массовое применение батогов во втором десятилетии XVIII века оказалось недостаточным для ликвидации недоимочности. Поэтому телесное наказание дополняется другими репрессиями, обращенными своим острием и против крестьянства и против лиц, ответственных за исправное поступление налогов.

25 апреля в наказе братскому приказчику Петру Березовскому даѐтся новое указание, как поступать с ясачными сборщиками и откупщиками. Если они «доимки сполна не заплатят, то их всеконечно для отсылки в Санктпитербурх в адмиралтейство в галерную работу з женами и з детьми присылать в Ылимск безо всякие отговорки и поноровки». Несколько ранее воевода в письмах, разосланных всем приказчикам, угрожал, что за неисполнение «взят будешь ты в Санктъ Питеръ Бурхъ к ответу».

Наряду с этим изобретением было найдено и ещѐ одно новое. В августе в Киренский и Чечуйский остроги, как известно, отправился Михаил Мишарин. В отношении этих острогов ему был дан особый наказ. Чечуйские крестьяне не раз оказывали дружное противодействие правительственным мероприятиям. Мишарину поручается на сей раз: «Розыскать подлинно — которые пашенные крестьяне чинились ослушны... податей на платили... Взять ис тех от девяти десятого человека. С отпискою выслать их в Ылимск за провожатым в самой скорости». Посланный в начале года в Киренский острог илимский служилый человек Пѐтр Скуратов сообщил воеводе, что он по приезде туда «собрал всех Нижно-Киренских пашенных крестьян и указ де им великого государя вычитал и приказчика Ивана Корякина на пра-

веже держал. А крестьяне де на правеж не пошли и ему де от правежу отказали и учинились государеву указу ослушны». Воевода на это письмо сообщил Корякину, что из Илимска послан илимский сын боярский Пѐтр Литвинцов, которому велено взять «из них крестьян лутчих людей, от девяти — десятого» и велел Корякину оказать Литвинцову «споможение».

Неизвестно, была ли осуществлена эта своеобразная децимация, как неизвестно и то, что задумывалось сделать в отношении крестьян, которых требовали выслать в Илимск.

Конечно, в руках воевод были и другие средства воздействия на зависимых от них людей, но в отношении крестьян они не применялись. Например, не применялась опись и продажа имущества неисправных плательщиков, как это было введено в XIX веке. Не применялась пытка, сфера приложения которой ограничивалась следствием по преступлениям. Не производилось также битья кнутом или плетьми, которое оставалось наказанием за тяжѐлые преступления.

Не трудно заметить, что со времени возникновения Илимского воеводства и до конца первой четверти XVIII столетия меры принуждения и наказания проделали некоторую эволюцию: вместо частных мер они превратились в систему. А система карательных мер, применѐнных к крестьянству, была лишь зеркальным отражением экономической политики правительства.

В связи с затронутым вопросом давно пора рассеять легенду о том, что «развращѐнность сибиряков XVII века превосходила всякую меру»[1].

В частности, документы Илимского воеводства совсем не подтверждают этого ходячего мнения о сибиряках. Взятое в целом население воеводства представляло обычную русскую среду, не без заметного преобладания крестьянской этики. Толстые сборники дел судного и розыскного повытья содержат, главным образом, указы и репорты[2] о сыске беглых. Побеги были преобладающими преступлениями того времени. Но они обусловливались не особыми качествами народа, а средневековой политикой правительства, ограничивавшего свободу человека в избрании занятий и право его оставить эти занятия. Бытовые преступления, совершавшиеся в Илимском воеводстве, не выходили из обычного круга таких деяний в любом другом крае Руси. К тому же значительная часть преступлений такого рода совершалась присыльными людьми. Конечно, тот, кто представляет себе, что Сибирь была заселена колодниками, разбирая старые уголовные дела, легко может придти к выводу об особой развращѐнности сибиряков. Но если изучать хозяйство и быт крестьянского люда без предвзятой мысли о его испорченности, то становится яс-

[1] Н.Н. Оглоблин. «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа», М,, 1895, ч. 1, стр. 199.

[2] Слово Петровской эпохи.

ным, что народ в нравственном отношении был совершенно здоров.

Нет спора — из жизни любого народа, тем более за 100-200 лет, можно набрать несколько примеров, способных вызвать впечатление о его низком моральном облике. Только такой преднамеренный подбор не имеет ничего общего с действительно научным исследованием[1].

Среди иностранцев, посещавших Россию и соприкасавшихся лишь с некоторыми слоями русского общества, издавна, со времѐн Флетчера, Адама Олеария, Генриха Штадена, Сигизмунда Герберштейна повелось изображать русского неисправимым пьяницей и первостатейным развратником.

Но не странно ли опираться в изучении экономики и быта своего народа на поверхностные наблюдения заезжих чужестранцев, посещавших Россию со шпионскими целями?

[1] Образцам грязного клеветничсства может служить статья С. Серафимовича «Очерки русских нравов в старинной Сибири», Отечественные записки, 1876 г., том CXXIV, стр. 681-736 и том CXXV, стр. 232-272. Не очень далеко ушѐл от С. Серафимовича некто Н.Г., очевидно священник, поместивший статейку «Быт первых русских поселенцев в Западной Сибири» в № 3 Тобольских Епархиальных Ведомостей за 1899 г.

ГЛАВА VII

НЕКРЕСТЬЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ПАШНЕ

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

Понятие «служилые люди» довольно значительно отличается от позднейшего понятия «служащие». Долгое время к служилым относились и ружники, т. е. церковники, получавшие государево жалование. К служилым людям причислялись также рабочие, состоявшие на государевой работе. Но не все служилые получали жалование, многие вместо хлебного жалования пахали землю, соответственно их окладу, некоторые не получали никакого вознаграждения от казны, а должны были кормиться за счѣт обслуживаемого населения, например, приказчики, целовальники и писчики. Следовательно, служилый человек это тот, кто выполнял какую-нибудь государеву работу, канцелярскую или физическую — безразлично, за что получал жалование из казны или наделялся землѣй, или жил за счѣт поборов с населения.

С образованием самостоятельного Илимского воеводства там появились и свои служилые люди. 5 мая 1649 года 80 служилых людей подали челобитную, которую первый илимский воевода Тимофей Шушерин переслал в Москву. В челобитной служилые люди напоминали, что приехали в 1648 и 1649 годах из Тобольска, Томска, Тары, Тюмени, Енисейска и Красноярска, и несут в Илимске весьма трудные обязанности. Они должны дважды в год плавать в Енисейск за хлебом, собирать ясак, строить «суды», ходить по Илиму и Лене, оберегать верхоленских крестьян от нападений бурят. Они указывали на невозможность плавать два раза в одно лето до Енисейска и просили разрешить им производить это один раз в год. Москва 20 октября 1649 года дала уклончивый ответ — делать, как указано и смотря по тамошним обстоятельствам[1]. Впоследствии никогда не плавали за енисейским хлебом два раза в одно лето.

[1] Сибирский приказ. Столбец 314, лл. 7-23.

В приведѐнной справке указан один из путей пополнения рядов служилых людей, именно посредством перевода из других городов. Но впоследствии, когда кадры служилых людей были созданы, основным источником их пополнения служили местные жители.

Прибывшие в Илимский острог первые кадры служилых людей в значительной мере оказались ненадѐжными и неустойчивыми. Уже через 2-3 года многие из них самовольно оставили службу и потянулись дальше на восток. К 1652 году из 149 человек семеро умерло, один ослеп, одного убило деревом, двое были отставлены (про одного сказано: «из службы выкинут»), один повѐрстан в пашню, один «ступил с ума, застрелился из пищали», а 65 человек бежало. Из группы бежавших, пятеро вернулись «к Русе», четверо ушли за Байкал, четверо не возвратились из командировок и 52 человека бежали «в Дауры». Самыми устойчивыми оказались церковники, пятидесятники и десятники казачьи, подьячие и судовые плотники. Особенно много бежало казаков из Верхоленского острожка.

Вместо выбывших воевода набрал из местных жителей 57 новых служилых людей, но и из них вскоре бежало 19 человек в Даурскую землю. На опустевшие места ещѐ раз было повѐрстано 7 человек, но из них один бежал[1].

Вот почему в книгах Илимского воеводства и Сибирского приказа уже через 10-15 лет мало встречается имѐн первых служилых людей. В списках служилых людей 1652 и 1717 годов можно насчитать только 18 совпадающих фамилий.

По той же книге Сибирского приказа легко установить — из каких слоѐв пополнялась столь значительная убыль служилых людей. В таблице 78 показано, сколько человек и из каких эле-

Таблица 78

Слои местного населения, из которых пополнялась убыль служилых людей	Замена в первый раз		Замена во второй раз	
	всего	из них бежало	всего	из них бежало
Вольные гулящие люди	26	11	3	1
Вольные промышленные люди	8	—	—	—
Торговые люди	1	—	—	—
Ссыльные	19	6	4	—
Казачьи дети	2	2	—	—
Дети служилых людей	1	—	—	—
Итого	57	19	7	1

[1] Сибирский приказ. Книга 306, лл. 1-75.

ментов населения было повѐрстано служилых людей в 1649-1652 годах.

Главным источником пополнения убыли в составе илимских служилых людей оказались гулящие, примыкающая к ним группа промышленных людей, а также ссыльные. Взятые вместе, они дают 60 человек из 64.

Впоследствии бегство служилых людей никогда не принимало сколько-нибудь заметных размеров. Естественная убыль людей во все последующие времена пополнялась, главным образом, приверстанием детей служилых людей. Впрочем, и из числа гулящих и ссыльных воеводы довольно охотно набирали новые кадры, несмотря на то, что в семьях служилых людей всегда имелось избыточное число желающих попасть на работу. Насколько велик был резерв таких людей, можно судить по одной цифре, приведѐнной в сборнике илимских книг за 1700 год[1]. Там указано, что имелось невѐрстанных детей служилых людей и плотников в возрасте от 8 до 42 лет — 114 человек.

Число служилых людей можно определить по многим книгам Илимского воеводства и Сибирского приказа с большой точностью, так как сохранились десятки полных списков всех служилых людей за различные годы. В таблице 79 приведены сводные данные о численности служилых людей, с распределением их по группам, принятым илимской приказной избой[2].

Таблица 79

Группы служилых людей	1652	1676	1683	1697	1702	1709	1717
Ружники, т. е. церковники	5	5	6	3	—	—	—
Дети боярские	1	7	5	5	4	9	9
Подьячие	3	6	6	5	4	4	4
Сотники, атаманы	1	1	4	2	2	3	2
Казаки	76	117	88	89	106	115	113
Судовые плотники	21	21	28	28	28	28	26
Кузнецы	—	1	2	1	1	1	3
Соловары и подварки	—	2	—	2	2	3	3
Мельники и засыпки	2	3	1	—	—	—	—
Сторожа	3	3	2	1	1	1	1
Палач (заплечный мастер)	1	1	—	1	1	1	—
Итого	113	167	140	137	149	165	161

[1] Сибирский приказ. Книга 1289, лл. 22-45.

[2] За 1652 год число служилых людей показано по книге Сибирского приказа, за остальные годы по фонду илимской приказной избы.

Общее увеличение числа служилых людей за такое довольно длительное время нельзя считать большим, тем более, что в XVIII столетии территория воеводства и число волостей сильно возросли. В то же время были, наконец, выключены из окладных книг по выдаче жалованья ружники, сперва пономарь, дьячок и просвирница, а затем и попы. Мельники стали получать вознаграждение с мельниц. В число казаков включались только те лица, которые были в данное время налицо и несли какие-нибудь обязанности. Сюда причислялись пятидесятники казачьи (2-3 чел.), десятники казачьи (5-8 чел.) и рядовые казаки или, как их иногда называли, рядовые служилые люди. Число казаков колебалось довольно значительно, так как иногда их отсылали в другие уезды, например, в 1697 году на даурской службе числилось 34 илимских казака. В число казаков в таблицу не включены верхоленские казаки, которых в 1652 году было 43, а в 1676 году — 25.

Казаки выполняли всевозможные работы: сопровождали грузы, ссыльных и рекрутов, возили срочные бумаги в Москву, стояли на городских стенах, собирали с населения деньги, хлеб и ясак, назначались приказчиками, сплавляли грузы. Вот выдержки из дела 1694 года (арх. № 35, св. 3, лл. 90-98) о поручениях, возлагавшихся на эту основную группу служилых людей: «Был послан в Верхную Илимскую хлебную (т. е. не в ясачную) волость для хлебного выделу и умолоту... Был у кузла цыренных плиц (или, иногда — скоб) для досмотру в кузнице... Послан с сметными и пометными списки и с ыными великих государей делами и казною к Москве... Был послан под Яндинской волок для сплавки до Илимска хлебных запасов яндинской пахоты, он же был послан до Енисейска в провожатых соболиные казны... Послан был в Киренскую и в Хандинскую ясачную волость для ясачного збору... Послан в Енисейск для сыску и поимки беглых крестьян».

Наиболее точно и подробно перечислены работы, выполненные илимскими служилыми людьми в «Записной книге всяким чином служилым людем», которая была составлена комиссаром Д. Молчановым, с его приезда в Илимск, т. е. с 4 декабря 1717 года (Россыпь, № 38, св. 4, листов 24). Кроме того, имеется такая же книга за 1716 год, но в ней нет начала. На утраченных листах было записано, вероятно, 44 человека (Россыпь, № 36, св. 4). Сопоставление обеих книг даѐт полное представление о поручениях, которые выполнялись служилыми людьми.

Число служилых людей, по сравнению с населением Илимского воеводства, было небольшим. Особенно невелик был состав подьячих, осуществлявших всю переписку воеводской приказной избы. Например, в 1652 году их было 3, в 1683 году — 6, в начале XVIII века — 4. В городовом списке Илимского острога 1695 года отмечены следующие подьячие приказной избы: ясачного и денежного стола «подьячей старой» — Герасим Учюжников, подьячий хлебного стола Борис Зубов, подьячий старой судного сто-

ла Степан Березовской и 3 молодых подьячих. В таможенной избе был занят ещѐ один подьячий В конце рассматриваемого времени, в 1726 году, по указу из Тобольска для Илимска было установлено постоянное число подьячих в количестве 8 человек, из них 1 подьячий «старой», 2 средней руки и 5 молодых (Россыпь, № 63, св. 7).

Вероятно, подьячие сидели в приказной избе с утра до ночи, так как время их работы не ограничивалось. При исчислении канцелярских расходов, всегда предусматривались свечи. Бывали случаи, когда в целях ускорения срочных работ, например, при составлении сметных и пометных списков, воевода ставил у дверей приказной избы караул, который не выпускал подьячих до тех пор, пока они не закончат работу. Недаром встречаются их челобитные о выдаче жалованья, уснащѐнные сетованиями, часто картинно-преувеличенными, на свою судьбу. Например, 12 декабря 1726 года они писали воеводе «доношение»: «содержимся мы в ылимской земской канцелярии (так именовалась в то время приказная изба) у отправления разных ея императорского величества ведомостей и репортов денно и нощно, всегда скованы безвыпускно в домишка паши и ея императорского величества на минувший 725 и на нынешней 726 годы денежным и хлебным жалованьем не пожалованы, а от дел никакого доходу и неоткуда себе и дневные пищи не имеем и помираем голодной смертью». Воевода (тогда — «земский камисар») велел ради их «всеконечной скудости» выдать хлебное жалованье, с условием, что оно будет доправлено на них возвратно, если царским указом «оной правиант в зачет им не положитца».

Число судовых плотников, как видно из таблицы 79, было очень устойчиво, что объясняется постоянством работ на постройке судов для сплава хлеба в Якутск. На место выбывших немедленно верстались новые плотники, главным образом сыновья умерших, увечных или состарившихся плотников. Вот например: «во 188-м году (Офонька Онтипин) умре, а на ево место в плотники поверстан в тот же оклад сын ево Ларька; а за хлебной оклад велено ему пахать отца ево пашню». Некоторые плотники наследовали ремесло отцов на протяжении многих десятков лет. Так в 1681 году в Усть-Илге работал судовым плотником Ганька Иванов сын Жернаков, а в 1744 году ремесло это вели его потомки, причѐм сын Ганьки — Иван Жернаков умер в возрасте свыше 70 лет, передав своим детям унаследованное им ремесло. Фамилия эта до сих пор встречается в Жигаловском районе. Ремесло судового плотника настолько прочно внедрялось в семьи этих тружеников, что есть возможность привести редкий случай работы у государевых судов одной женщины. В 1695 году умер Федька Романов сын Косыгин. «И после смерти ево жена ево дослужить год и у судов работать наймована для того, что дано

[1] Сибирский приказ. Книга 1109, лл. 94-114.

ему жалованье». Жена полностью отработала деньги, взятые еѐ умершим мужем, и таким образом не понадобилось взыскивать выданное вперѐд жалованье (арх. № 38, св. 3, л. 84 об.).

Судовые плотники подразделялись на уставщиков и рядовых плотников. Уставщики, т. е. инструкторы, ведали постройкой определѐнного типа судов. До середины XVII столетия были струговые уставщики, но до конца исследуемого периода остались только барочные и дощаничные уставщики. Обязанности судовых плотников хорошо очерчены в одном из дел за 1694 год; плотники должны делать: «струги для посылки ясачных сборов, барки для хлебных запасов, кочи для морского хода... А работают у струга по 2 человека, у коча по 4 человека, у барки большие по 3 человека... Да они ж плотники в Ылимском, которые домами живут, делают городовые всякие зделья и в отпуск в Енисейск всяким посыльщиком суды и лотки починивают... А как в Ылимском от посылок служилых людей останетца малое число и оне бывают, плотники, в остроге в прибавок на карауле, вряд с осталыми служилыми людьми... служат всякие городовые и отъезжие службы с служилыми людьми вместе» (арх. № 35, св. 3. л. 98). В частности, в 1694 году у судов работало 21 чел., а в посылках, главным образом по сплаву яндинского хлеба из Кочерги в Илимск, находилось 7 чел.

Такое положение плотники сочли несправедливым и в 1700 году жаловались в Сибирский приказ на множественность обязанностей, для чего посылали своего представителя Степана Казаркина в Москву. Из Москвы пришла грамота на имя воеводы: судовых плотников освободить от градских и воеводских поделок, а жалованья, как они просили, не прибавлять. Можно отметить следующие даты этой переписки: 21 декабря 1700 года Казаркин выехал с челобитьем плотников и с письмом воеводы, грамота из Сибирского приказа, посланная от имени царя, помечена 8 февраля 1701 года, т. е. через 49 дней. Казаркин вернулся в Илимск 23 сентября 1701 года, проездов 247 дней.

Вне собственно служилых людей стояли, так называемые, беломестные казаки, проживавшие в деревнях Яндинского острога и занимавшиеся земледелием наравне с пашенными крестьянами. В отличие от последних, они не несли никаких государевых и мирских повинностей, платя только очень скромный оброк. В отличие от казаков, т. е. рядовых служилых людей, беломестные казаки не несли никаких служб и не получали ни денежного, ни хлебного, ни соляного жалованья. Их положение и обязанности прекрасно выражались в следующих словах записной книги 1716 года (Россыпь, № 36, св. 4): «Беломестные казаки служат по Яндинскому острогу с пашни. Да с той же пашни платят они в казну великого государя, в житницы, по 3 четверти ржи с человека на год. А поверстаны они в беломестную казачью службу в прошлых годех по указу блаженные памяти великого государя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа великия и ма-

лыя и белыя Росии самодержца и по грамоте прошлого 188 (1630) году из илимских служилых и гулящих вольных людей и из казачьих детей и братьи для обережи от приходу воинских людей, чтоб им воинской приход на Илимской уезд перенять. А с илимскими служилыми людьми в городы и остроги и посылках никогда не бывают. И в Ылимском городовых караулов не караулят и зделей не делают. А с пашенными крестьяны подвод не гоняют и зделей не делают же и ямщины и всяких податей не платят. А бывают они, яндинские беломестные казаки, из Яндинского острогу в степных (?) посылках до Иркуцкого уезду — до Балаганского и до Идинского острогов и до Иркуцкого за всякими великого государя казнами. И по московским городовым подорожным и по проезжим великого государя грамотам у посыльщиков в иноземских брацких ясачных улусах в вожах и толмачах». Далее следует перечень 12 беломестных казаков.

Переходим к рассмотрению вопроса о размерах жалованья, выдававшегося служилым людям. Впервые оклады жалованья илимским служилым людям были установлены Сибирским приказом в особом указе, который был «писан на Москве, лета 7157 (1649) марта в 10 день»[1]. Оклад денежного жалованья пятидесятнику был установлен в размере 5½ рублей, десятникам казачьим по 5¼ и рядовым казакам по 5 рублей в год. Размер хлебного жалованья зависел от семейного положения служилого человека: женатым, всем без различия, полагалось по 5 четвертей с осминою ржи (около 22 пудов) и по 4 четверти (16 пудов) овса на год; холостым такое же количество ржи, но только 2 четверти овса. Кроме того, всем полагалось соляное жалованье, оклад которого был одинаковым для всех служилых людей, по 1½ пуда соли человеку на год.

Установленный этим указом порядок в общем удерживался до конца рассматриваемого времени, меняясь лишь в частностях.

Для других служилых людей, по документу 1652 года, уже цитированному, выплачивалось следующее жалованье (табл. 80).

Высшие оклады давались подьячим, такие же оклады обычно устанавливались и для детей боярских.

С переходом от расчѐтов в 4-пудную четверть на исчисление в 8-пудную четверть были пересчитаны и хлебные оклады жалованья. Этот пересчѐт производился, видимо, не по одному коэфициенту перевода одних мер в другие, вследствие чего получились сложные дроби. Например, по ржи соотношения составляли и 0,6 и 0,61 и 0,57, по овсу и 0,6 и 0,63 и 0,65. Рядовые казаки с 1694 года стали получать по 3 четверти и 1½ четверика ржи, таможенный подьячий по 3 четверти с осминою, с четвериком и с четью четверика ржи. Такие дробные величины усложняли всякие расчѐты и, может быть, не раз сбивали с толку служилых людей. Поэтому уже в 1702 году хлебные ок-

[1] Сибирский приказ. Столбец 290, лл. 116-117.

Таблица 80

Жалованье служилым людям	Денег, руб.	Ржи, четв.	Овса, четв.	Соли, пудов
Ружникам: чѐрному попу	4	4	4	2
белому попу дьячку, пономарю,	7	7	7	2
просвирне по	3	3	3	1½
Подьячим: высший оклад	15	15	15	3
средний	12	12	12	3
низший	6	6	4	2
Плотникам: женатым	6	5½	4	1½
холостым	6	5½	2	1½
Прочим: сторожу	5	5½	4	2
мельнику	8	8	8	3
палачу	5	5½	4	1½

лады записаны в более простой форме, при этом между старым исчислением в 4-пудную четверть и новым в 8-пудную четверть было принято соотношение равное 1:2. Например, рядовой служилый человек получал в 1649 году 5½ четвертей ржи и (женатый) 4 четверти овса, в 1694 году ему выдавали 3 четверти l½ четверика ржи и 2½ четверти овса, а в 1702 году и в последующие годы — по 2½ четверти ржи и 2 четверти овса.

Представление об общих и средних размерах всех видов жалованья даѐт таблица 81.

Таблица 81

Годы	Человек	Размер жалованья			
		денег, руб. коп.	ржи, пудов	овса, пудов	соли, пудов
1652 г. Всего	114	627 р. 75 к.	2004	1556	181,5
на 1 человека	—	5 р. 51 к.	22,8	13,6	1,59
1702 г. Всего	145	744 р. 75 к.	3294	2276	241,8
на 1 человека	—	5 р. 14 к.	22,7	15,7	1,67

Следовательно, средний размер оклада за 50 лет почти не изменился. Если принять цену пуда ржи в 8 коп., пуда овса в 7 коп. и пуда соли в 15 коп., то весь средний годовой заработок служилого человека будет равен 8 рублям 31 коп. На эти деньги он мог купить около 104 пудов ржи. Такое вознаграждение, понятно. далеко не обеспечивало даже сносного существования

семьи. Но даже и это жалованье не всегда выдавалось во-время. В сметных и пометных списках по деньгам, хлебу и соли всегда отмечаются крупные долги служилым людям по всем видам жалованья.

Вначале, когда Восточная Сибирь была занята русскими и требовалось быстро упрочить положение завоевателей, правительство обращало много внимания на своевременную выдачу жалованья своим служилым людям. В грамотах из Сибирского приказа то и дело встречаются требования к илимским воеводам — приложить все силы, чтобы служилые люди Якутского острога были своевременно и полностью снабжены хлебом и солью. Такие же указы получали енисейские воеводы в отношении обеспечения хлебом илимских служилых людей.

Дело было поставлено так, что илимские воеводы готовили суда и стягивали хлеб к местам погрузки на Лене, а якутские воеводы высылали своих служилых людей для приѐмки хлеба на подготовленные суда и для сплава его в Якутск. В свою очередь, енисейские воеводы готовили суда и хлеб, в том числе тобольской присылки, за которыми посылались илимские служилые люди. Этот хлеб выдавался им в качестве хлебного жалованья.

Но с развитием земледелия в Илимском воеводстве внимание Москвы к снабжению илимских служилых людей ослабло. Енисейск систематически недосылал хлеб, вследствие чего редкий год илимские служилые люди получали полный хлебный оклад. Не всегда воеводы дополняли недосланный хлеб из местных источников. Кроме того воеводам было запрещено выдавать хлеб из илимских запасов до прибытия хлеба из Енисейска.

В 1674 году, по сообщению илимского воеводы Оничкова в Москву, енисейский воевода Михаил Приклонский вместо 1114 четвертей ржи и 720 четвертей овса, которые требовались для Илимска, отпустил «па илимские окладные расходы твоих, великого государя, тобольских присыльных хлебных запасов на трех дощаниках старых... в присыльную тобольскую осмину 417 чети с осминою ржи». Илимский воевода велел «дать в прибавку из илимские и ленские пахоты по окладом, а иным и в полы окладов»[1].

В 1677 году вместо 1061 четверти ржи и 762 четвертей овса привезли из Енисейска на 4 дощаниках только 179 четвертей ржи, 110 ячменя и 373 четверти овса[2].

В 1678 году вместо 1140½ четверти ржи и 697 четвертей овса было прислано из Енисейска, также на четырѐх дощаниках, лишь 192 четверти ржи, 95 ячменя (за рожь) и 374 четверти овса. Из этого хлеба 40¾ четверти осталось в дороге, так как

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 152-153.
[2] Там же, лл. 209-210.

суда были неисправны. Пришлось добавить из местных запасов по 1½ осмины на человека[1].

В фонде илимской приказной избы сохранилось около десятка книг, по которым выдавалось жалованье. Одна из них за 1667 год.

Сошлѐмся на книгу выдачи хлебного жалованья илимским служилым людям за 1682 год, где поимѐнно указано — кому, где, когда и какой выдан хлеб (арх. № 29, св. 2): «Евдокимко Микитин сын Кокшара. 191-го сентября в 18 день дано илимские и яндинскне пахоты 3 чети ржи. 191-го году ноября в 20 день дано киренскне пахоты 1 четь овса. 191-го майя в 15 день дано идинские и яндинские пахоты 2 чети с осминою ржи». По другим записям показана такая же выдача хлеба «енисейские присылки».

В книге 1681 года (арх. № 27, св. 2) к числу волостей, откуда выдавался хлеб, отнесены также Бирюльекая и Тутурская.

Служилые люди должны были сами ездить в Енисейск за своим хлебным жалованьем. Для этого посылали ежегодно 5-10 человек. В одном из дел 1695-го года можно прочитать: «... по указу великого государя и по грамоте велено им, илимским всем жалованным людем, по хлебное жалованье, по свои оклады ходить в Енисейской»[2]. Если дощаники с енисейским или тобольским хлебом не могли подняться к Илимскому острогу, то служилые люди ехали за хлебом из Илимска на устье р. Илима. Когда Илимск стал обходиться своим хлебом, хлебное жалованье выдавалось по месту работы или жительства служилых людей. Одно время они должны были ездить за соляным жалованьем в Усолье, на устье р. Куты. Служилые люди просили в 1664 (?) году выдавать им соль в Илимске, так как «за волок езду летним путем до Муки реки с возы 4 дни и больши, а до твоего, великого государя, Усолья езду для соляные воски 3 недели и болыпи[3]. По в 1700 году служилым людям было опять предложено ездить в Усолье самим.

Всѐ это сильно ухудшало положение илимских служилых людей.

Вместо хлебного жалованья служилые люди могли пахать пашню и в таком случае воевода выделял им необходимую площадь земли. В списке служилых людей 1652 года в Верхоленском Братском острожке «брацкой тунгуской толмач» Фѐдор Стефанов пахал вместо хлебного жалованья. Тогда в Илимском воеводстве он являлся единственным пахарем среди служилых людей. Это было в то же время первым проявлением довольно большого мероприятия, впоследствии поддержанного правительством.

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 229-231.
[2] Сибирский приказ. Книга 1109, л. 128.
[3] Сибирский приказ. Столбец 586, часть II, л. 247.

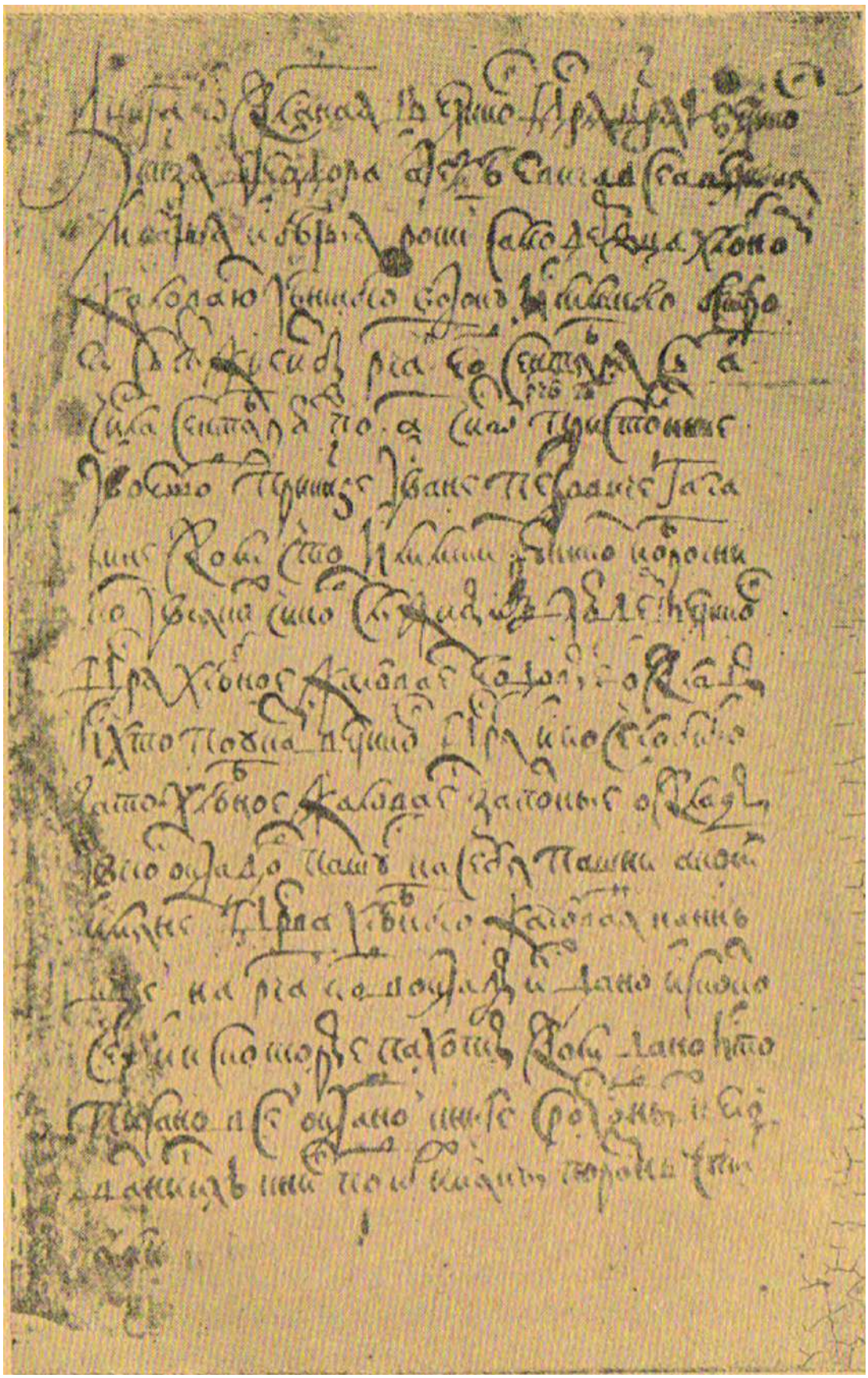


Фото 23. Книги по выдаче хлебного жалованья служилым людям. 1682-1683 гг. Начало окладной книги

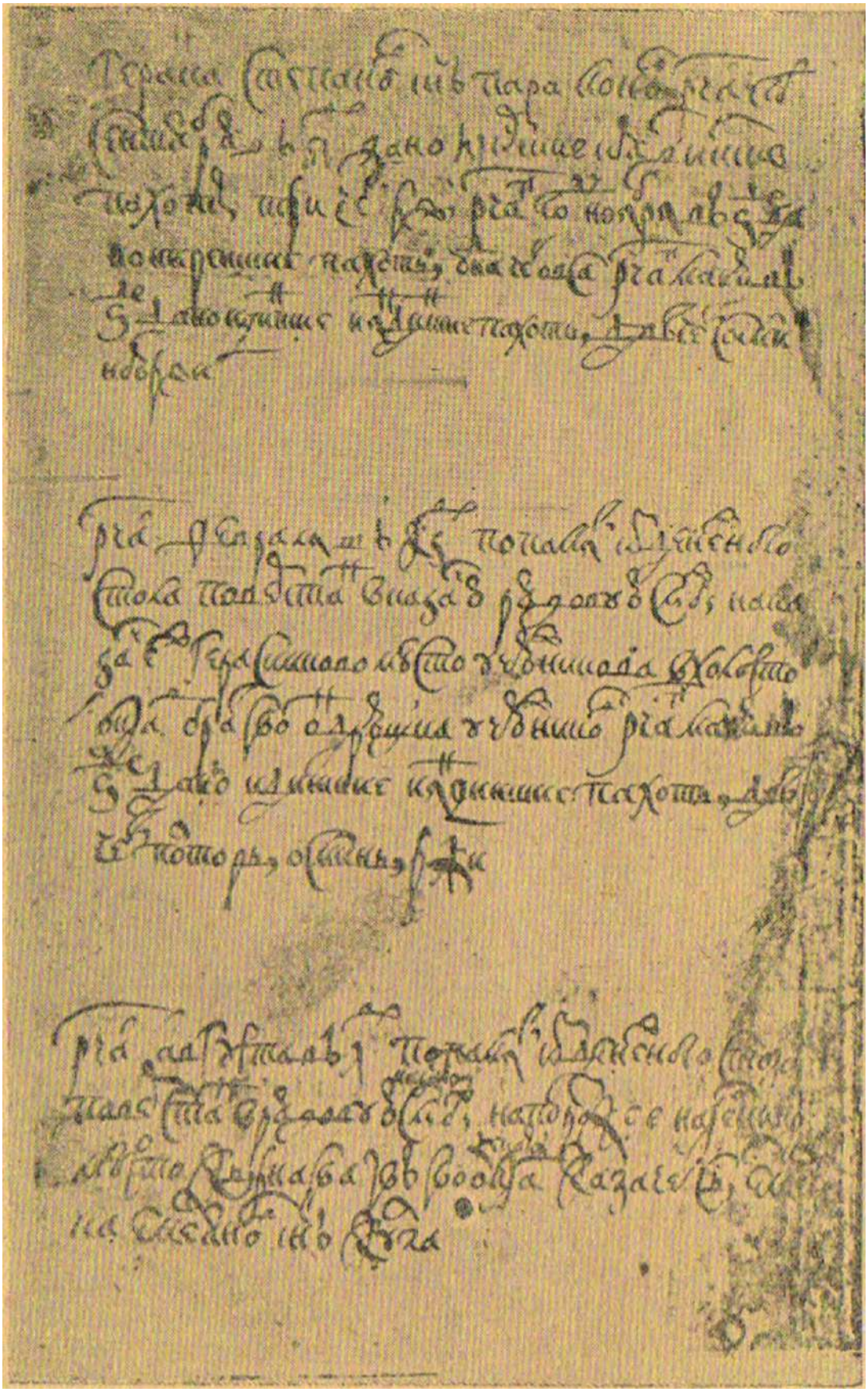


Фото 24. Конец книги 1683 года с записями о выдаче жалованья

При переводе с хлебного жалованья на пашню, размер последней устанавливался так: 1 четверть ржи хлебного жалованья давала право пахать 1 ржаную десятину. Об этом можно судить по многим случаям перевода казаков на пашню. Например, о конных казаках, оклад жалованья которым был установлен в количестве 6½ четвертей ржи, в книге 1683 года (арх. № 31, св. 3, лл. 358-364) написано: «Верхоленские ж конные казаки, которые за государево хлебное жалованье, за полные свои оклады, за рожь и за овес, пашут на себя пашни 6 десятин с полудесятиною в поле, а в дву потому ж»[1]. Последняя приписка о двух полях реального значения в Илимском воеводстве не имела. Рядовые казаки получали право пахать вместо хлебного жалованья 5½ десятин ржаных (оклад 5½ четвертей ржи).

Таблица 82

Служилые люди	Число человек	Оклад хлебного жалованья, четвертей ржи	Пашут за полов. или полн. оклад	Пашут за число четвертей ржи	Замена хлебного жалованья	
					десятин ржи	копѣн сена
Сын боярский Вас. Лар. Куржумов[2]	1	10	½	5	5	50
Сын боярский Микифор Кичин	1	12	1	12	12	неиз.
Подьячий П.И. Пежемской	1	15	½	7½	7½	75
Подьячий Андрей Иванов	1	15	½	7½	7½	75
Подьячий (текст испорчен)	1	15	½	7½	7½	75
Подьячий (текст испорчен) Онциферов	1	10	1	10	10	70
Атаман казачий Прок. Зарубин	1	9	½	4½	4½	неизв.
Казаки	14	по 5½	1	по 5½	по 5½	по 50
Илимские судовые плотники	8	по 4½	1	по 4½	по 5½	по 55
Верхоленские конные казаки	7	по 6½	1	по 6½	по 6½	по 65
Подьячий И.О. Роспу- тии	1	неизв.	неизв.	2	2	20

[1] Эта книга является, видимо, концом книги, имеющей арх. № 29.

[2] О наделении Куржумова пашней за половину хлебного оклада упоминает Н.Н. Оглоблин на стр. 61-62 первой части своей работы. Но он не придал значения количественным соотношениям между пашней и жалованьем.

Ещѐ более убедительное доказательство справедливости высказанного. предположения о приравнивании 1 четверти ржи хлебного жалованья к 1 десятине ржаного посева, при замене хлебного жалованья пашней, можно почерпнуть из списка служилых людей 1676 года[1]. Цифровые данные этой книги, в виде сводки, приведены в таблице 82.

Невольно обращает на себя внимание и другое соотношение между размером пашни и числом копѐн сена. Так как укос с одной десятины луга принимался в 10 копѐн, то отсюда следует, что при наделении землѐй на 1 десятину ржи давалась одна десятина луга.

Размеры пашни служилых людей в десятинах озимой ржи за 1676, 1683 и 1709 годы приведены в таблице 83.

Таблица 83

Служилые люди	1676 г.			1683 г.			1709 г.		
	всего служ. людей	в т. ч. на пашне	пашни, дес.	всего служ. людей	в т. ч. на пашне	пашни, дес.	всего служ. людей	в т. ч. на пашне	пашни, дес.
Дети боярские	7	2	17	5	2	20	9	2	20
Подьячие	6	4	24½	6	2	19½	4	—	—
Казаки	118	16	91½	90	13	58	118	19	104½
Судов, плотники	21	8	44	28	7	38½	28	8	44
Прочие	10	—	—	5	—	—	6	—	—
Итого	162	30	177	134	24	136	165	29	168½
Служилые Братского острога	—	—	—	—	—	—	30	18	99
Верхолен. казаки	25	7	45½	33	8	52	—	—	—
Всего	187	37	222½	167	32	188	195	47	267½

В 1681-1683 годах была сделана попытка посадить на пашню почти всех служилых людей Илимского воеводства. Уже отведена была земля 30 пешим казакам, которым приказано было пахать еѐ. Кроме того, 8 казакам, пахавшим за полоклада, было велено пахать за полные оклады, то-есть удвоить размер пашни. Всего намечалось увеличить пашню служилых людей на 191 десятину. Но, как видно из приведѐнной таблицы, казаки увеличили пашню к 1709 году только на 46½ десятин. В об-

[1] Сибирский приказ. Книга 633, лл. 253-258.

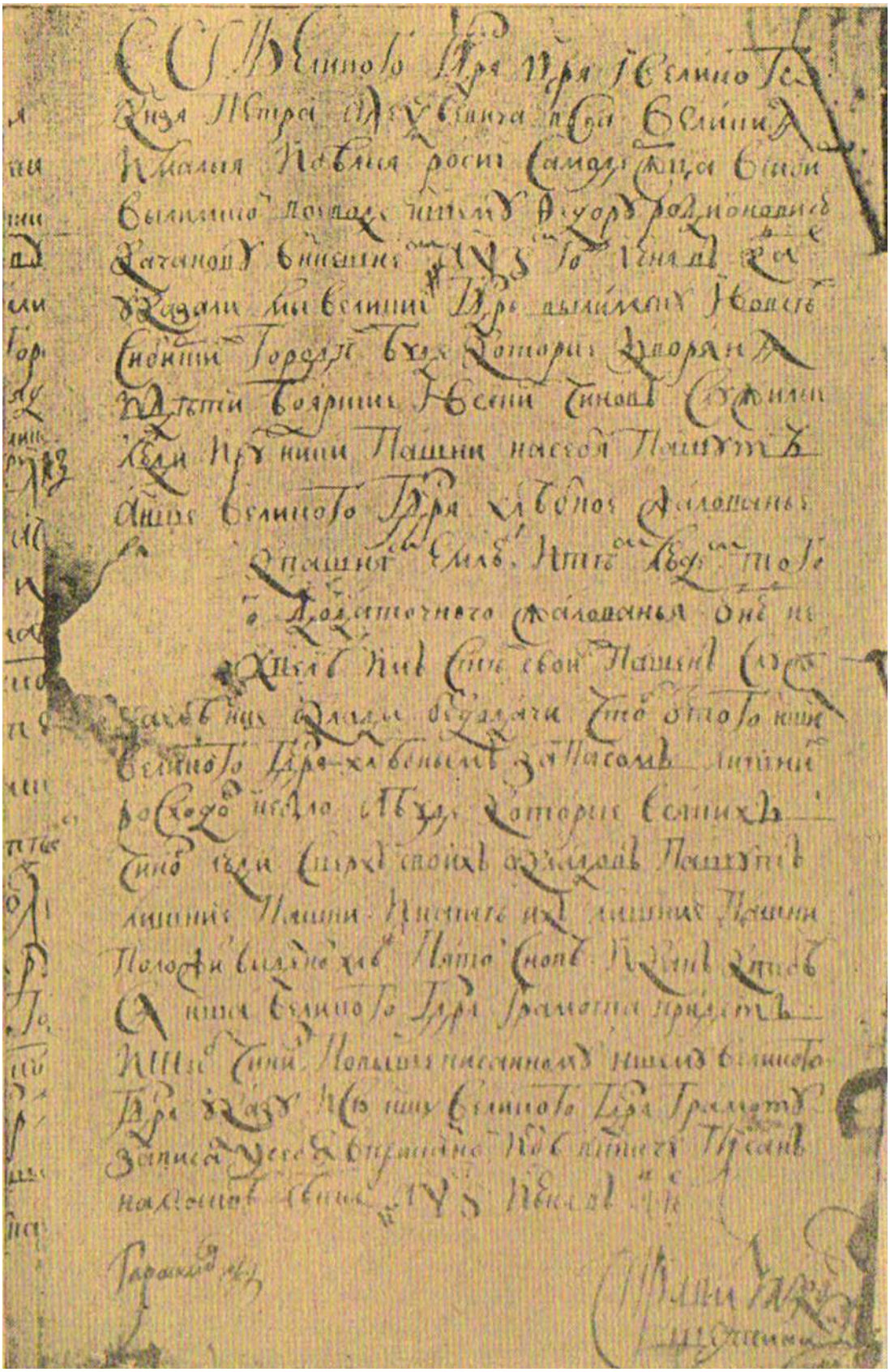


Фото 25. Грамота Сибирского приказа о даче служилым людям пашни вместо хлебного жалованья (1706 год)

щем, около 20% всех служилых людей вместо хлебного жалованья получали землю для ведения сельского хозяйства.

То, что обозначено в таблице словом «пашня», в действительности не представляет ни всей пашни, так как речь шла до сих пор только об озимой ржи, ни посева этой культуры. Приведѐнные цифры являются только показателем права сеять определѐнное количество ржи, а не его воплощение. Многие и не могли использовать своѐ право, вследствие старости, малосемейности и отсутствия необходимых средств. В таких случаях земля могла сдаваться в аренду. Другие, наоборот, имея благоприятный для ведения сельского хозяйства состав семьи, а иногда привлекая наѐмную рабочую силу, вели запашку сверх разрешѐнного им размера. В таких случаях за посев сверх размера, который был обусловлен величиной хлебного жалованья, служилый человек платил пятинный (выдельной) хлеб в количестве $^1/_5$ части урожая.

Сколько было посевов сверх окладов, можно определить лишь приблизительно. По перечневой смете за 1714 год нужно было собрать 60½ четвертей ржи, в действительности собрано сверх этого количества 30 четвертей 1½ осмины пол-полчетверика, или в пересчѐте на более понятные нам меры — 730¼ пуда ржи. Так как выдельного хлеба взимался 5-й сноп, т. е. 20% урожая, то, считая средний сбор в 50 пудов с десятины, можно всю лишнюю пашню определить в 73 десятины. Из этой площади на долю служилых людей падает не менее 60 десятин, а остальные на долю прочих посевщиков, плативших выдельной хлеб. Если прибавить ещѐ к ржаному посеву около ¼ яровых хлебов, т. е. примерно 60-70 десятин, то вся совокупная площадь посева у служилых людей Илимского воеводства в начале XVIII столетия вряд ли превысит 300-330 десятин.

Сравнивая право служилого человека на пашню с величиной его хлебного оклада и соизмеряя тяглые десятины пашенного крестьянина с размером платежа отсыпным хлебом, можно подметить определѐнную закономерность между этими соотношениями. В самом деле, за 5½ четвертей хлебного жалованья служилый человек имел право пахать, а точнее говоря, засевать 5½ десятин; дети боярские, имея оклад хлебного жалованья в 10 четвертей ржи, получали 10 десятин пашни. Значит, 1 четверть хлебного жалованья давала при замене его пашней право засевать 1 десятину. Пашенные крестьяне в большинстве волостей в XVIII веке платили по 8 четвертей ржи с тяглой десятины, получая за это право пахать, т. е. опять-таки засевать 8 десятин, а иногда и больше. Следовательно, на десятину крестьянского посева падало государевых платежей 1 четверть ржи. Правда, по отдельным волостям это соотношение менялось, но мы говорим об экономическом, а не об арифметическом соотношении.

Известно, что служилые люди получали кроме ржи овѐс, а также деньги и соль. Но из приведѐнных соотношений видно,

что овес не играл никакой роли в определении пашни, заменяющей хлебное жалованье. Деньги и соль выдавались всем служилым людям, в том числе и пахавшим землю. Исключение делалось только в отношении приказчиков, они полностью снимались со всех видов жалованья на всѐ время «сидения на приказе».

Итак, 1 четь ржи хлебного жалованья соответствует 1 десятине пашни (посева ржи) служилых людей или 1 чети отсыпного хлеба или 1 десятине посева пашенного крестьянина.

Воеводы строго следили, чтобы служилые люди не пахали лишних десятин без платежа пятинного хлеба и ежегодно рассылали выдельщиков для обложения таких служилых. Один случай нарушения соответствия между пашней и жалованьем, допущенный десятником казачьим Ерѐмкой Мартемьяновым Коркиным и раскрытый приказной избой, можно найти в упоминаемой книге 1683 года. Этот десятник решил пахать втайне и вот что записано против его имени: «Во 191-м (1683) году Еремка в Орленской волосте пахал на себя пашню, а челобитья о той ево пашне в приказе[1] нет. А по государевой грамоте земель пахать даром никому не велено». Вследствие этого в списках служилых людей Ерѐмке хлебного жалованья не предусмотрено.

Чтобы закончить со служилыми людьми, обратимся к переписи жителей Илимска, произведѐнной в 1722 году. Из уцелевших материалов можно сделать выборку по 57 семьям. В составе этих семей было 345 человек, т. е. по 6 человек на семью. 49 семей имели 48 лошадей и 71 голову крупного рогатого скота, с соотношением коров к молодняку 1:0,48. На этот скот ставилось 1625 копѐн сена, главным образом силами семей служилых людей; арендовали сенокосы 13 человек. Покупалось служилыми людьми 3960 пудов хлеба. Если считать потребность в хлебе в среднем по 12-15 пудов на душу, то окажется, что покупной хлеб составлял 70% от потребности. Ранее было определено, что процент служилых людей, занимавшихся хлебопашеством, составлял около 20. Таким образом, результаты обоих расчѐтов согласуются довольно удовлетворительно.

По Братскому острогу переписью 1723 года учтено 16 семей служилых людей, всего 115 человек, т. е. по 7,2 человека на семью. Они имели 38 лошадей и 55 голов крупного рогатого скота. Ставилось, преимущественно своими силами, 1100 копѐн сена. Хлеб покупала только одна семья. Возможно, что покупали многие семьи, но это не имело для переписчика значения, так как Братская волость имела избыток хлеба, вследствие чего не было основательных причин для точной регистрации всех покупок.

Подавляющее большинство служилых людей жило скромно, немногие имели промыслы. По Илимску один вѐл торговлю.

[1] Т. е. в приказной избе.

другой занимался кузнечной работой по государственным заказам, «а за работу де он берет деньги из казны, за всякой фунт по 2 алтына», третий показал, что у него есть ремесло — «делать железное и медное», т. е., видимо, он был кузнецом и слесарем, четвѐртый посылает сына на чѐрную работу, так как сам занят в илимской канцелярии «у письма государевых дел, днем и ночми беспрестанно».

В Братском остроге один служилый куѐт на государеву ко- лесчатую мельницу «на своем кузнишном заводе и своим угольем всякие зделья и к судовому строению скобы повсягодно». Кузнечное дело в те годы было очень выгодным. Достаточно сказать, что кузнец в Усолье получал до 30 рублей в год.

Несколько человек в Братске показали, что отведѐнную им пашню за хлебное жалованье они не пашут. Вероятно, эти пашни отдавались ими в аренду. Немногие пахали, но о размерах пашен служилых встречаются очень редкие, почти единичные показания. Так, пеший казак Н.В. Ермаков пахал вверх по Ие, по Теме речке и засевал 2 десятины ржи и пополам десятину овса и пшеницы, а также немного конопли. Другой высевал на 2 десятины ржи 16 пудов семян, а на десятину овса и ячменя по 6 пудов каждой культуры. Сбор хлеба составлял: ржи — 150, овса — 20, ячменя — 15 пудов. Таким образом, оба засевали по 3 десятины вместо разрешѐнных 5½ десятин. Так как трудно предположить, чтобы данное им право они не использовали, то нужно полагать одно из двух — или они преуменьшали свои посевы, ибо это не было наказуемым делом, или сдавали часть земель в аренду. Последнее предположение можно подкрепить тем соображением, что выдельщики пятинного хлеба часто указывали о выделе пятого снопа с присевок служилых людей на землях других служилых или на землях пашенных крестьян.

Такова экономика илимских служилых людей и отношение их к пашенному делу.

ПОСАДСКИЕ

Посадские люди, т. е. жители посадов при острогах и городах, напоминают современных городских жителей. Главными занятиями их были — торговля и ремѐсла. Из числа посадских избирались целовальники, которые могли, порвав связь со своей профессией, превращаться в служащих по выбору. По списку 1723 года учтено 269 душ мужского пола посадских, 8 промышленных людей и 9 «жителей»[1], из этого числа 98 жило в Илимске, 96 в Братском, 31 в Киренском острогах, а остальные 61 в

[1] Термин «житель» довольно неясный. Часто так называли ссыльных, переходивших на положение посадских. Вообще — это посадские с неопределѐнными занятиями.

семи других острогах и слободах. На чертеже Илимского острога 1702 года показано 17 дворов посадских.

Ряды посадских пополнялись из разных слоев. В книге посадского годового оброка на 1695 год приводится список 62 человек «по строенным книгам, прибору и верстания прошлых годов прежних воевод и что при нем, стольнике и воеводе Богдане Анфиногеновиче Челищеве, из вольных людей прибрано» (арх. № 36, св. 3). В этом списке оказалось повѐрстанными в том же 203-м году трое из гулящих людей — «поверстан он, Офонька, по Илимску в посад». Впрочем, убыль посадских не отмечалась. Сохранился список посадских 202 года в составе 68 чел. (арх. № 35, св. 3, лл. 105-110), с указанием, что из этого числа по выбору были в целовальниках 12 чел., значит, за год прибыло 3 чел., убыло 9.

В деле 1695 года имеется вторая книга — мельничных и лавочных оброков. По ней в Илимском остроге у 14 лиц имелось 15 лавок, 5 амбаров, из которых, вероятно, продавался хлеб и 1 железное заведение, т. е. лавка с железно-скобяными товарами.

Посадские за право занятий торговлей и ремѐслами платили денежный оброк. В 1694 году 68 человек платили 36 рублей 1 алтын 4 деньги, т. е. в среднем по 17 алтын 4 деньги, или 53 коп. в год. В 1695 году 62 чел. платило 30 рублей 22 алтына 2 деньги, на 1 чел. по 16 алтын 3 деньги, т. е. по 49½ коп. Обложение это нужно считать льготным, так как гулящие люди платили по 1 рублю, по 50 копеек и редко по «полуполтине».

Данные 1695 года можно сгруппировать по отдельным разрядам платежа, что сделано в таблице 84.

Таблица 84

Размер оброка	Число плательщиков	% % к итогу	Размер оброка	Число плательщиков	% % к итогу
Рубль	6	9,7	15 алтын	1	1,6
25 алтын	1	1,6	13 алтын 2 деньги	12	19,4
23 алтына 2 деньги	1	1,6	10 алтын	12	19,4
20 алтын	4	6,4	8 алтын 2 деньги	2	3,2
Полтина	23	37,1			
			Итого	62	100,0

Списки посадских, имеющиеся в делах Сибирского приказа за 1695, 1697 и 1700 годы[1] подтверждают то, что было сказано о посадских на основании бумаг илимской приказной избы.

[1] Сибирский приказ. Книга 1109, лл. 115-120; книга 1179, лл. 23-31: книга 1289, лл. 234-241.

Число посадских и размер платимого ими оброка по названным книгам Сибирского приказа приводятся в таблице 85.

В 1797 году 3 посадских бежало в Дауры, в 1700 году бежало 4 человека.

Таблица 85

Годы	Число посадских	Денежный оброк	В среднем на 1 человека, копеек
1695	60	34 рубля 23 алтына 2 деньги	52½
1607	70	35 рублей 11 алтын 4 деньги	50½
1700	68	32 рубля 50 коп.	47¾

Характер занятий посадских людей находит некоторое отражение в их именах; среди 62 имѐн попадаются: Яков Кожевник, Андрей Серебреник, Алѐшка Кузнец, Лучка Иконник, Якушко Котельник, Ларька Точило, Васька Кузнец. Подобных прозваний у пашенных крестьян и служилых людей не встречается.

Кроме торговли и промыслов посадские люди занимались немного земледелием, причѐм за пашню платили оброк, т. е. в этом отношении ничем не отличались от хлебных обротчиков. Установить, сколько они пахали, почти невозможно. Известно об их пашне очень немного. Так, по книге о недоимках 1718-1723 годов можно подсчитать, что среди недоимщиков было 15 посадских. В приходных хлебных книгах 1722 года (арх. № 148, св. 15) по Братской волости выделено 17 посадских людей, против которых сделана отметка: «Того ж Братцкого острогу посацкие люди с пахотных земель, кроме денежного оброку, отсыпным хлебом платили», из них 15 чел. по 1 четверти ржи и двое по 2 четверти. Из всех 17 человек внесло хлеб лишь двое, остальные оказались недоимщиками.

О величине их пашни можно только догадываться. В Братском остроге 17 человек платили 19 четвертей ржи, значит, общий их посев составлял около 10-13 десятин.

По переписи жителей Илимского острога за 1722 год (арх. № 131, св. 14, конец утрачен), а по Братскому острогу за 1723 год (арх. № 152, св. 16; без начала и конца), можно произвести выборку посадских людей и построить таблицу 86. Средний состав семьи посадского был равен 5,4 чел. Скот имели 14 семей из 22, в среднем по 1,2 лошади и по 2,2 головы крупного рогатого скота.

Упомянутые переписи имели в виду налоговые цели и не затрагивали пашни. Вот почему учѐту бань, подлежавших обложе-

Таблица 86

Остроги	Число посадских	Членов семей	Скота		Заготовка сена, копен	Покупают хлеба, пудов
			лошадей	крупн. рогат.		
Илимский острог	12	59	10	18	480	910
Братский острог	10	60	7	13	280	нет
Итого	22	119	17	31	760	910

нию особым оброком, уделялось больше внимания, чем земле. Если посадский показывал, что у него бани нет, то ему предлагался вопрос — а где он моется? Тут же записывался ответ: «бани у него де нет, паритца де он в людях», или «паритца де у суседей». О пашне в переписи по Илимску не говорится совсем, в Братске лишь один Иван Дьячков показывает: сеет ржи 8 пудов, овса 6 пудов, родится 30 пудов. Судя по нормам высева он засевает 0,8 дес. ржи и 0,4 дес. овса, всего 1,2 десятины. Дьячкова Ивана можно отыскать в деле № 148. Оказывается он платил 1 четверть ржи и 1 четверть овса (в действительности в 1722 году он не заплатил).

Принимая во внимание, что около Илимского острога свободных пахотных и сенокосных угодий не было, можно заключить, что там посадские люди не сеяли. Это подтверждается и показаниями их о покупке хлеба. Даже сено было не своѐ: 7 человек сенокосы кортомили (арендовали), один сено покупал. В Братском остроге, наоборот, посадские люди вовсе не покупали хлеба, сено покупал 1, а 7 человек косили сами.

Полагая, что по другим острогам и слободам положение с пашней обстояло так же, как в Братске, можно предположительно определить посев всех посадских людей в Илимском воеводстве как незначительную величину, порядка 50-100 десятин.

Посадские, как отмечалось, выбирали целовальников. Вот показания некоторых из них по Братскому острогу. «Оной Федор Боченцов служит великому государю по Илимску и Братцкому острогу в посаде. И в целовальниках по выбору брацких посацких людей он, Федор, у денежных зборов и у раздачи, и в таможнях у десятинного пошлинного сбору, и у винной продажи, и на государевой мельнице в целовальниках он бывал по многие годы». Гр. Ив. Крюков «служит в посаде... у десятинного и пошлинного великого государя збору, и у винной продажи в целовальниках он, Григорей, бывает». Ив. Тим. Попов «поверстан в посад в прошлом в 700-м году... и служит... в целоваль-

никах поочередно з брацкими посацкими... и в Якуцк за государевым вином в провожатых он, Иван, бывал». Вас.Ал. Витушкин «А поверстан де он, Василей, в посад на отцовское место... и прошлом 712 году... А с 722 г. ...по выбору посацких людей живет на государевой колесчатой мельнице в целовальниках у збору помольной государевой денежной казны».

Эти выдержки дают ясное представление об общественной функции посадских.

Иногда им поручали и общие работы по посаду: «И зделья в Илимском посадцкие делают, как лучитца на государеве мельнице какая починка — и оне работают; да в Илимском, которые струги в зиму остаютца и на весне ото льду окалывают и от большие вешние воды берегут. А иных никаких зделей в Ылимском и в уездах посадцким людем не бывает» (арх. № 35).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что посадские в Илимском воеводстве занимали положение среднее между служилыми людьми и хлебными обротчиками. Если воеводе нехватало целовальников, воевода верстал в посад свободных людей — обротчиков и гулящих людей. Не без причины мы не можем отделить от посадских людей так называемых «жителей» и промышленных людей.

Среди посадских Илимского воеводства не встречается крупных предпринимателей и торговцев, как в других городах Сибири. Государство держало здесь все доходные статьи в своих руках. Вместе с тем положение посадских нельзя признать тяжѐлым. Если они имели пашню, то платили за неѐ обычно 8 пудов ржи, если имели торговлю и ремесло, то платили в среднем 50 копеек в год посадского оброка. Денежное обложение увеличивается лишь в конце царствования Петра I, но оно было более лѐгким, чем обложение крестьян.

Своеобразное положение посадских людей обусловило зарождение у них своего самоуправления и развитие некоторой общественной деятельности. Все целовальники выбирались посадскими из своей среды. К помощи посадских воевода обращался, когда требовались беспристрастные и знающие люди при оценке имущества и описях его. Пожалуй, посадские были наименее зависимой от воеводской власти частью илимского населения. Впоследствии они получили самостоятельное самоуправление в виде илимской ратуши.

Как деятельная часть населения, посадские приняли видное участие в удалении воеводы Челищева, притеснявшего торговлю.

К сказанному о положении и роли посадских можно добавить, что некоторая часть их являлась зародышем городской торговой, а в других районах Сибири — и промышленной буржуазии. Во всяком случае посадские стояли к буржуазии ближе, чем какой-либо другой слой илимского населения. Некоторые посадские, кроме торговли, ремѐсел и земледелия, занимались ростовщичеством. Ввиду того, что все сведения о посадских, со-

хранившиеся в делах Илимского воеводства, игнорируют данные о применении ими наѐмной рабочей силы, мы почти лишены возможности сказать что-либо определѐнное по этому очень важному вопросу. Лишь из случайных источников удаѐтся иногда извлечь несколько разрозненных фактов. Например, из россыпи дел за 1711 год о сборе пошлин крепостным столом (Россыпь, № 30, св. 4) можно привести несколько кабальных записей.

«Марта в 9 день. Писана запись илимскому казачью сыну Саве Жернокову, что жить ему в Ылимску у илимского посацкого человека у Евсевья Симанова год, февраля до 26 числа 712-го году. Всякую работу работать и слушать. И не дожив сроку — не отказывать. Рядил 5 рублев, наперед взял 3 рубли 7 алтын». Пошлин взято по 3 деньги с рубля — 2 алтына 3 деньги. Да за письмо 10 денег (л. 94 об.).

«Майя в 2 день. Писана запись крестьянскому сыну Ивану Вокароче в том, что жить ему в сроке у илимского посацкого человека у Григорея Зырянова до сроку — до Филипова заговенья 711-го году. Ряжено за работу 5 рублев».

«Ноября в 4 день. Писана запись еренчанину промышленному человеку Артемью Дорофееву сыну Кочеву в том, что жить ему в сроке у илимского посацкого человека у Евсевья Симонова (см. первую запись) до сроку — до святые пасхи впредь 712 году. А ряжено ему, Артемыо, денег 3 рубли».

Понятно, не все факты найма записывались в книгу, особенно при кратких сроках найма. В приведѐнных записях нашло отражение общественное положение работника: сын казака, сын крестьянина и гулящий человек.

ГУЛЯЩИЕ ЛЮДИ

При занятии русскими в Сибири новых областей немедленно появлялись промышленные и гулящие люди, которые искали здесь или выгодных занятий или свободы от стеснительных условий, в которых они жили на родине. Они не состояли на службе, не несли тягла и в буквальном смысле слова были людьми вольными. Пока соболиный промысел был в расцвете, а правительство ещѐ не стесняло частной инициативы, наиболее предприимчивые из пришлых вольных людей добывали соболя правдами и кривдами. Они-то, собственно, и были промышленными людьми. Другая часть вольных людей искала более знакомых ей занятий и с помощью государства «садилась на пашню», выбирая самые удобные и пригодные для сельского хозяйства места. Среди таких вольных людей воеводы, по указанию Москвы, «называли на государеву пашню во крестьяне вольных гулящих людей ис подмоги и изо льготы». Результаты такого набора на пашню были изложены в другой главе этой книги. Одновременно из гулящих верстались и служилые люди. Можно сказать,

что значительная часть служилых людей и большинство посадских и пашенных крестьян ведут своѐ происхождение от вольных гуляющих людей.

Гулящие люди в первый период заселения восточных областей Сибири образовывали резерв, откуда черпались главные слои илимского населения и поэтому являлись переходной группой, в которой временно задерживались пришедшие с Запада вольные люди.

Но когда земледелие на Илиме достаточно окрепло и сильно уменьшилась правительственная помощь оседавшим на пашню гулящим людям, то лишь тот из них становился пашенным крестьянином, кто имел семью или обзаводился ею на месте. Труднее стало устраиваться в качестве посадских или служилых людей, так как уже к концу XVII века свободные места были заполнены постоянными кадрами, для которых подобные занятия превратились в профессию. Поэтому притекающие с Запада гулящие люди, если они были без семей, не находили должного применения своим силам и надолго, часто навсегда оставались в положении гулящих людей. Численность этой группы стала возрастать с конца XVII века. Пѐтр I обратил на это внимание и посылал сибирским воеводам строгие указы — пристраивать к месту гулящих людей.

В немногих сохранившихся копиях с грамот Петра I «в Сибирь, в Илимской, воеводе нашему Федору Родионовичу Качанову» то и дело встречаются требования — верстать на пашню гулящих людей. В указе от 31 октября 1699 года (арх. 28, св. 3) в заключение написано: «И смотреть бы тебе гораздо, чтоб гулящих бездельных людей не было. И которых сыщешь и тех сажал на пашню или пристраивал к работе, х какой прилично». Через полмесяца, в грамоте от 15 ноября та же мысль повторяется в более решительных выражениях: «А того смотреть накрепко, чтобы в Ылимску и в слободах никаких пришлых гуляков и бездельных людей не было. И буде явятся — и таких изымав и распроса, буде до него никакого дела нет (т. е. если не разыскивается властями), сажать на пашню и смотреть над ними, чтоб не ушли. А ему сказать: буде с того своего места уйдет и пашню оставит и ему будет учинена смертная казнь без всякой пощады для того, что от таких бездельных гуляков чинятся воровства и всякие злодейства».

Но без государственной подмоги выполнить эти указы было невозможно. Воеводы могли посадить на пашню только семейных гулящих людей или тех, кто женился на дочерях или вдовах пашенных крестьян и тем самым принимал на себя крестьянское тягло.

Бессемейные гулящие люди неизбежно становились работниками у пашенных крестьян, у попов, у служилых и посадских людей.

Такова роль гулящих во второй период развития илимской пашни. Они образовали резерв работников «в сроке», т. е. сроковых рабочих или постоянных батраков.

Число их продолжало возрастать в течение всей первой четверти XVIII столетия. По сохранившейся части переписи 1710 года на 2227 человек населения приходилось 196 гулящих и промышленных людей или 8,8%. По учѐту числа мужских душ в 1723 году было 583 гулящих человека или 7,5% от общего числа жителей мужского пола. Гулящие, после крестьян и служилых людей, составляли тогда третью по величине группу населения.

По семейному положению гулящие люди в конце первой четверти XVIII столетия представляли чрезвычайно своеобразную группу: они были почти сплошь бессемейными — из 583 гулящих только у 9 имелись дети. Это обстоятельство имело глубокий социальный смысл: бессемейный не мог заниматься хлебопашеством, бессемейный легче находил работу по найму и дешевле обходился хозяину. Для пашенного крестьянина семья — необходимость, для батрака необходимость — одиночество.

Материалы первой ревизии дают возможность обработать 139 показаний гулящих людей о своей родине. Оказывается из Устюга, Ваги, Яренска и Сольвычегодска вышло 91 человек или 65,5%, из прочих приуральских городов и северных частей России: из Олонца, Соликамска, Каргополя, Ярославля, Чусовской, Вычегды, Кунгура, Вологды и Мезени — 19 человек или 13,7%. Остальные 29 человек пришли в Илимский уезд из различных мест Сибири: Томска, Тобольска, Иркутска, Енисейска (12 чел.), Якутска, Тюмени, Красного Яру (Красноярска), с Лены, из Селенгинска, в числе их один был «мунгальской породы».

Эти данные показывают, что местами выхода являлись только северно-русские уезды и Сибирь. Несомненно, что и первые засельщики Илимского воеводства были родом из этих же северно-русских областей, так как гулящие люди не представляли особого течения в этом колонизационном потоке, а являлись той его частью, которая ко времени переписи оставалась неустроенной.

Очень важны данные о времени их выхода с родины. Сведения о числе лет проживания в Сибири имеются о 41 гулящем человеке, из них 12 чел. пришли «с Руси» 5 лет назад, 7 чел. от 6 до 10 лет, 11 чел. от 11 до 20 лет, 8 чел. от 20 до 30 лет и 3 чел. более 30 лет.

Значит, годами и даже десятилетиями не могли устроить здесь свою судьбу многие из тех, кто ушѐл с родины в поисках лучших условий.

Приходили гулящие в Илимск самовольно. Почти по всем показаниям сказок 1722 года относительно каждого из гулящих помечено: «а отпусков у него не явилось». В феврале 1702 года приказчик Бирюльской слободы писал воеводе об устроении од-

ного гулящего человека в пашню и заметил: «А Григорей Фадеевых с Еренского пришел в Ылимской гулящим бытом и оброк платил гулящей» (Россыпь, № 18, св. 2).

Как-то невольно самое слово «гулящий», или как писалось тогда «гулящей», вызывает представление о молодом и независимом человеке. Однако название это в действительности никакого отношения к возрасту не имеет; гулящими оказываются и очень молодые 15-летние юноши, и подчас очень старые люди. Перепись мужского населения 1723 года позволяет обработать данные о возрасте 583 гулящих людей (табл. 87).

Таблица 87

Возраст	Человек	%%	Возраст	Человек	%%
До 10 лет	9	1,5	60-69 лет	66	11,3
10-19	14	2,4	70-79	38	6,5
20-29	73	12,5	80-89	22	3,8
30-39	116	19,9	90-100	5	0,9
40-49	137	23,5	Неизвестно	16	2,8
50-59	87	14,9	Итого	583	100,0

Таким образом, среди гулящих людей старики старше 60 лет составляют 22,5%, т. е. почти ¼ трое из них имели по 90 лет, один 93 года и один 100 лет.

Своеобразное общественное положение этой группы населения наложило резкий отпечаток на их возрастный состав. Нельзя не заметить, что подавляющая часть гулящих людей, а именно 75,0% относится к рабочему возрасту от 16 до 59 лет.

Женщин среди гулящих людей не встречается. Только в 5-10 случаях попадаются жѐны гулящих людей. Гулящий человек — одинок.

Чем же занимались эти одинокие и в большинстве необеспеченные люди?

При опросе их в Усть-Илгинской слободе, в Нижней Слободе и в Яндинском остроге все они, за исключением Я.И. Некрасова, отставного казака 86 лет, однообразно ответили: «пришел в Сибирь ради черной работы» или: «а робит он черную работу», или более полно: «Петр Еремеев сын Корелин, сказался 56 лет, рождения он города Каргополь, пришел в Сибирь ради черной работы. В Сибири живет 25 лет, а робит он черную работу» (у попа Знаменской церкви Луки Афанасьева в Илгинском остроге). О подавляющем числе гулящих людей, именно в 119 случаях из 141, документы не сообщают ничего более, кроме таких кратких, но не вполне определѐнных сведений о роде занятий. Несомненно, что почти все они работали по найму. В

10 случаях из этих 141 говорится, что они «в работе у крестьян», в 2 случаях — у попа, один — в часовне «в трудниках», один печник, один «робит кузнишную работу на крестьянской обиход: сошники, косы, топоры», про одного сказано: «ремесло у него — холостит жеребцов и быков, с того ремесла платит по 6 алтын по 4 деньги на год». О гуляющем человеке Луке Алексееве сыне Кучине из Илгинского острога записано: сказался 38 лет, рождения города Устюга, живет здесь 6 лет, «ремесла у него никакого нет, кроме того, что учит крестьянских детей в грамоте. Оброку платит по рублю, а с 720-го году не спрашивают». Отпуска у него также не явилось. Имя этого гулящего стоит отметить, как имя первого народного учителя, упоминаемого в документах той эпохи. Безвестный бродячий просветитель! Наконец, о других гулящих людях говорится ещѐ менее определѐнно: один сказался промышленным человеком, двое — казачьими детьми, один — крестьянским сыном, один, как указано, отставным казаком, служившим, может быть, за 60-65 лет до того в рядах первых завоевателей Восточной Сибири.

В поисках заработка гулящие люди нанимались и на те случайные работы, которые изредка предпринимала местная власть. Так, в 1719 году под наблюдением илимского сына боярского Микифора Леонтьевича сына Кырнаева работало на починке большой государевой мельницы на речке Зырянке 36 человек на условиях: «подѐнного найму по гривне на день, а за неполные дни по розчету» (т. е. из расчѐта гривны на день; копейками тогда ещѐ не считали).

Основная же часть гулящих людей была в работниках у пашенных крестьян, а в более редких случаях — у хлебных обротчиков. Некоторая часть гулящих давала на себя дворовую запись, превращаясь таким образом в крепостных.

Отсутствие своего хозяйства, бессемейность, полная свобода от, мирских «потуг», наконец денежное обложение государством — это всѐ необходимое и достаточное для того, чтобы гулящий превращался в батрака.

Этому соответствует и несоразмерно большой процент лиц рабочего возраста в группе гулящих людей, процент немыслимый ни для какой другой общественной группы.

Состав гулящих людей не был совершенно однородным. Среди них встречались лица, обладавшие профессиями, очень ценными в те времена, что давало возможность таким гулящим подниматься над средним уровнем группы и переходить в посадские. В то же время часть гулящих, особенно глубоких стариков, смыкалась с группой нищих. Последние отличались лишь полной свободой от государственных обложений.

Размещался этот работный слой по территории Илимского воеводства очень неравномерно. Пространственное размещение гулящих имело свои закономерности, в соответствии с экономическими особенностями волостей. В таблице 88 приведены дан-

ные о размещении гулящих людей но острогам и слободам в 1723 году.

Два обстоятельства бросаются в глаза при изучении этих данных: 1) широкое, почти повсеместное распространение гулящих людей, как неотъемлемой части населения Илимского воеводства начала XVIII столетия; 2) скопление основных масс гулящих людей в отдельных, наиболее важных в сельскохозяйственном отношении слободах и деревнях.

Таблица 88

Слободы и остроги с приписанными к ним деревнями	В острогах и слободах		Число деревень	Число гулящих людей	% гулящих людей к населению
	деревень	душ мужского пола	с гулящими людьми		
Нижне-Илимская слобода	49	935	14	29	3,1
Верхне-Илимская слобода	11	68	1	1	1,5
Усть-Кутский острог	19	408	7	13	3,2
Криволуцкая слобода	29	554	16	39	7,0
Киренский острог	13	535	9	35	6,5
Чечуйский острог	18	687	6	13	1,9
Орленская слобода	23	330	19	61	18,5
Тутурская слобода	19	326	15	30	9,2
Илгинский острог	21	889	17	213	23,9
Ново-Удинская слобода	3	257	3	17	6,6
Яндинский острог	23	622	14	58	9,3
Братский острог	34	1272	13	26	2,0
Кежемская слобода	7	196	4	17	8,7
гор. Илимск	1	401	1	14	3,5
Монастырские деревни	11	391	5	17	4,3
Итого	281	7871	144	583	7,5

В самом деле, в верховьях Илима, там, где хлебопашество было в ничтожном размере, перепись зарегистрировала только одного гулящего. Единицами встречаются гулящие люди в тех ленских слободах, где товарное земледелие было развито слабо, например в Усть-Кутском остроге. Напротив, в Илгинском остроге и по ленским «острошкам», с более развитым земледелием, и несколько слабее по Ангаре сосредоточиваются основные части гулящего люда.

Ранее был рассмотрен вопрос о степени применения наѐмкой рабочей силы в Илгинском остроге. И именно здесь концентрируются в наибольшей мере гулящие люди. Для подтверждения этого вывода в таблице 89 приводятся данные о некоторых селениях Илгинского острога, в которых процент гулящих людей по отношению ко всему населению мужского пола был наиболее высок:

Таблица 89

Деревни	Население душ мужского пола	Гулящих людей	% гулящих людей к населению
Усть-Илга	89	21	23,6
Закорская Дальняя	58	14	24,1
Нижняя слобода	140	38	27,1
Закорская Блажняя	110	32	29,1
Илгинский острог	120	35	29,2
Коченская	46	14	30,4
Константинова	76	24	31,6
Новопашенная	16	6	37,5

В среднем, по этим восьми деревням процент гулящих по отношению к числу мужских душ всего населения составляет 28,1%. Вот откуда черпали наѐмных работников пашенные крестьяне приленских сѐл Илгинского острога. Этими ресурсами были в первую очередь гулящие люди.

Введение Петром I подушной подати касалось и гулящих людей. Впервые весь этот слой населения Сибири стал податным.

Введение подати усилило зависимость гулящих людей от государства, как податного элемента и от их хозяев, как батраков.

Гулящие люди с конца двадцатых годов XVIII века начинают исчезать как особая категория сибирского населения. Вольные люди превращаются в тяглый элемент и батраков. Это третий и последний этап истории гулящего люда.

ССЫЛЬНЫЕ

В литературе, посвящѐнной изучению раннего периода развития русской Сибири, высказывались самые разнородные взгляды о значении ссыльных в земледельческой колонизации Сибири. Одни авторы считали, что Сибирь была населена колодниками, которые и составили основу еѐ земледельческого населения.

Эта точка зрения была усвоена и большинством иностранных исследователей[1]. Другие авторы, наоборот, придерживались взгляда, что ссыльные никакого значения в развитии сибирского хлебопашества не имели.

Илимский край являлся типичным захолустьем, куда в течение почти 300 лет направлялись значительные партии лиц, ссылавшихся и за действительные преступления и за маловажные провинности. Для освещения вопроса о их роли в развитии илимской пашни имеется довольно хороший материал.

При заселении Илимского края, наряду с вольными людьми, садившимися на пашню, сюда направлялись и ссыльные, получавшие существенную поддержку от государства при переходе к земледельческим занятиям. Непременными условиями прочного оседания ссыльных были помощь государства в виде ссуды, подмоги и льгот и наличие у ссыльного семьи.

Сосланные в 40-х годах XVII столетия черкасы были в большинстве случаев люди семейные; например, в 1644 году из Енисейска прибыло 17 семей в составе 56 человек и 3 одиночек. Это были ссыльные черкасы, которых поселили по Лене, и многие из них осели прочно и превратились в пашенных крестьян. В 1653 году прибыло 18 семей (62 человека) и 5 одиночек. На одну семью в обоих случаях приходилось 3,3-3,4 человека. Фамилии ряда этих присланных семейных людей встречаются в списках крестьян Илимского воеводства до конца исследуемого времени.

Можно отметить, что среди бежавших в Даурскую землю пашенных крестьян в 1655-1656 годах нет ни одного из тех, кто был в списке черкасов 1644 года. Из общего числа 22 крестьян, бежавших в Дауры, только три человека было ссыльных крестьян и черкас. Бежали, конечно, холостые. Из семьи Поповых бежал Лучка, а брат его Демьянка остался.

Воеводы сразу убедились, что устраивать в пашню одиноких ссыльных было бесполезно и не раз писали об этом в Москву. Воевода Л. Обухов, прося в 1665 году прислать крестьян на поселение, напоминал Сибирскому приказу, что енисейский воевода Фѐдор Полибин прислал людей «добрых, не воров, со всем заводом» и что Шушерин имел возможность устроить их прочно. Воевода С. Оничков в 1672 году прямо указал: «А которые, государь, ссыльные люди до Илимского острогу и в присылке бывают, а велено их строить в пашню, и то, государь, пашенное

[1] Dr. A. Gleiner — «Sibirien das Amerika der Zukunft», Stuttgart, 1904 (Autorisiert nach John Foster Fraser's «The Real Sibiria»), S. 80 на стр. 8 утверждает, что «половина жителей Сибири ещѐ и теперь являются ссыльными или их потомками». Otto Heller в работе «Sibirien, ein anderes Amerika», Berlin, 1930, S. 256 замечает: «Русского в Сибири до революции никогда не спрашивали: «Как вы попали в Сибирь?» Это считалось невежливостью. Сибирь была штрафной колонией и даже свободные жители были в значительной части потомками ссыльных».

строение бывает непрочно. Ссыльные холостые люди тс крестьянства от пашни убегают... пашни мечут пусты; твое государево жалованье — денежную, хлебную ссуду и подмог — уносят и пашенные казенные заводы теряют». Отсюда «убыль и недопашка». Впрочем Оничков идѐт дальше и высказывает сомнение в пригодности для поселения на пашню и семейных ссыльных: «А которые, государь, и женатые ссыльные люди во крестьяне... и строены — и те, будучи в твоей, великого государя, пашне за бедностью хлебом своим завесться и дворишками построитца и окоренитца долгое время не могут. И одолжав, пашни мечут же, а сами бродят меж двор и работают ис хлеба на сторонных людей». Поэтому он просит присылать только семейных крестьян, которым есть смысл оказать и государственную помощь[1]. Воевода И. Зубов через несколько лет, в 1678 году, ссылается на опытного и рассудительного Оничкова, который «не строил старых и увечных и бездетных, за старостью и за увечьем». А бездомовых и холостых «не строил, затем — зерщики (т. е. зернщики) и бражники. И твоя, великого государя, ссуда денежная и хлебная и лошади и пашенные заводы: ральники и косы, и серпы, и топоры, и всякие пашенные заводы теряютца. Покиня твою, великого государя, десятинную пашню, бегают безвесно, неведомо куды и ссуду и подмогу уносят. А поруки на них, бездомовых людей, в твоей, великого государя, ссуде и в подмоге держать некому — нихто не ручаетца. А ручаютца друг по друге круговой порукою и все бегают»[2].

В другом письме он же, отчитываясь перед Сибирским приказом в устройстве крестьян на пашню, вновь возвращается к вопросу о целесообразности устройства холостых ссыльных в крестьяне. Он указывает, что в 1679 году сыскано 16 ссыльных крестьян женатых и 31 холостой. Из них он, подчиняясь настояниям Москвы, выбрал 2 женатых и 14 холостых, которых велел приказчику Ивану Белоусу устроить на пашню па р. Банзюрку (Манзурку). При Зубове там же поселилось 4 человека «из новоприборных охочих людей», которым дана ссуда. А 14 холостых ссыльных «воры и зерщики, поручных записей по себе не дали и во всем ему (Белоусу) отказали. И 7 человек без него бежали в Енисейск. А достальные 7 живут и скитаютца и кормятца по заимкам у пашенных крестьян. А ссуды дать не смею»[3].

Как бы перекликаясь с мнением воевод, Ортюшка Филипов сын Махметьев, сосланный в Илимск «за винную продажу», просил освободить его от пашни: «И мне, сироте твоему, пашенная работа невочь (невмочь?), потому, что я, сирота твой, человеченко увечной, одинакой, бездетной. И твоя, великого государя, казна (именительный падеж вместо винительного) взять — истерять и самому погинуть». Он просится в пушкари: «а мне, сиро-

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 47-52.
[2] Там же, лл. 194-196.
[3] Там же, лл. 232-237.

те твоему, пороховое дело и пушечная стрельба — за обычей»[1]. Но воевода не решился принять предложение шинкаря и отправил его челобитье в Москву. Видимо, ему отказали, так как ни в одном из списков служилых людей имени челобитчика не встречается.

Неустроившиеся ссыльные люди, как вытекает из приведѐнных документов, бегали в другие края или снискивали себе пропитание работой у пашенных крестьян.

Когда свободные и удобные для сельского хозяйства земли оказались разобранными, а помощь государства в устройстве на пашню почти прекратилась, уделом ссыльного, даже семейного, становилось батрачество. Роль их как резерва крестьянства закончилась.

В XVIII столетии все ссыльные «изоброчивались», превращались главным образом в поголовных оброчников и лишь изредка поднимались до положения крестьянина, посадского или служилого человека. Документы конца XVII и первой четверти XVIII столетий с полной ясностью отражают это новое положение ссыльных.

В книге пашенных крестьян 1699 года (с пометами последующих лет) имеется несколько важных свидетельств о ссыльных, живших по деревням Илимского воеводства. В Тушамской, т. е. Нижне-Илимской слободе «сысканы бобыли и захребетники, которые жили без тягла, а велено им быть в оброчном отсыпном хлебе з 209-го году, а кому именем, сколько четей в государеву казну оброк платить — и то писано ниже сего». Далее идѐт перечень 7 человек, названных бобылями и захребетниками. Среди них оказывается один тушамский «житель», три крестьянских сына и три присыльных. Из этих присыльных двое были должны, как обычные оброчники, платить по чети ржи, а один полторы осмины, т. е. ¾ чети ржи. В 1701 году здесь появилось еще двое оброчников-ссыльных.

По Нижне-Илимской слободе сделана ещѐ приписка о 17 присыльных, которые по сказкам, т. е. по показаниям и по словесному челобитью платят оброчный отсыпной хлеб по 1 четверги ржи, из них трое с 1701 года, семь с 1704 года и семь с 1705 года.

В другой волости, Нижне-Киренской, «208-го (1699) года сентября в 1 день по ведомости из судного стола поверстаны в оброчный отсыпной хлеб 7 присыльных...» «А велено им вместо десятинного тягла [платить] оброчного хлеба с нынешнего з 208 года и впредь — по полторе чети осмипудных ржи на человека на год, и в том оброчном хлебе собрана по них круговая поручная запись». Здесь присыльные превратились в обычных поголовных оброчников.

В самом Илимском остроге «на посаде живут бобыли и захребетники, поголовный оброчный хлеб платят в государеву

[1] То же дело, лл. 155-156.

казну з 209-го году», в приводимом тут же списке показаны 12 присыльных, размер оброка которых колебался от 1 до 1½ четвертей ржи. Один из них проживал в Нижне-Киренской слободе — «там емлят и оброк», другой — Ивашка Харитонов «1703-го года августа в 19 день по челобитью и по выписке и по приговору воеводы Качанова отпущен он [за] скорбь и за увечье постритчись, а оброчный хлеб с него (1 четверть) снят, а велено разложить на иных присыльных людей. А пострижен он в Ылимском, а из Ылимского отпущен в Киренской монастырь». Один присыльный в 1707 году бежал в Енисейск, где и умер.

Под этим списком сделана всѐ объясняющая помета: «А под пашню им, вышеписанным бобылям и захребетникам, земли не дано».

За судьбой ссыльных в начале XVIII века можно проследить по нескольким большим партиям, направленным в Илимск в 1700-1702 годах (Россыпь, № 15, св. 2, лл. 246-249 и № 18, св. 2, лл. 51-59).

5 августа 1703 года илимский воевода сообщал в докладе царю, как устроены были прибывшие в Илимск ссыльные. Из доклада выясняется, что в 1700 и 1701 годах по указу государя и по грамоте посланы с Вологды в Сибирь колодники в Илимск на пашню. В 1701 и 1702 годах енисейский воевода Богдан Глебов направил в Илимск новые партии ссыльных. В 1702 году из Енисейска и Красноярска были ещѐ присланы «в пашню... за многое воровство и возмущение» более двух десятков человек[1].

5 сентября 1701 года поступила первая из этих партий в составе 13 чел.; кроме того по дороге в Илимск 10 чел. отсеялось, из них 5 бежало, а 3 умерло. В числе прибывших находились: крестьянин, 2 солдата, 4 стрельца, 2 дворцовых человека, двое крепостных (человек князя Вяземского, человек дьяка Степанова) и один тяглец Мещанской слободы. Из этих 13 ссыльных семеро было направлено в Ново-Удинскую и один в Яндинскую слободы «и велено им... жить у крестьян и работать и к пашенной работе привыкать». Трое остались в Илимске, из них один был отдан в работу причетникам Илимской Спасской соборной церкви. Наконец, двое бежали, видимо, не получив назначения. Всего из 13 человек в разное время убежало 5, из них один после 5-летнего отсутствия вернулся в Ново-Удинскую слободу. Через 20 лет из этой партии в Новой Уде осталось двое — один, Василий Затрута, стал пашенным крестьянином, другой, Иван Свешников, хлебным обротчиком.

27 августа 1702 года из Енисейска и Красноярска поступило 17 человек, по дороге из Енисейска бежало 6 человек. В числе этих удальцов один был «роздьяконом», а двое — «Кузнецкой

[1] Среди названных Н.Н. Оглоблиным участников восстания (см. его работу «Красноярский бунт 1695-1698 гг.», Томск, 1902) не встречается ни одного имени, совпадающего с именами сосланных в Илимск красноярцев.

слободы тяглеца Карпова жена Савостьянова Домна с сыном». Среди достигших Илимска находились: 4 крестьянина, 5 стрельцов, двое крепостных, один красноярский пеший казак, один «роздьякон» из Тулы, один подьячий и один тяглец. О двух сведений не оказалось. На пашню в Ново-Удинскую слободу направилось 11 человек, один был отдан илимским церковникам в работу, несколько человек осталось в Илимском остроге. Из этой партии двое стали служилыми людьми.

Понятно, что и из этой партии нашлись беглецы или, как их называли в одном документе, «утеклецы» — бежало 6 человек. Через 20 лет, в 1722 году, из этой партии двое оказались пашенными крестьянами: Михаил Шапошников и Евдоким Исаков, а один — хлебным обротчиком.

Большинство ссыльных из обеих партий, предназначавшиеся к пашенному делу, были отданы в качестве батраков крестьянам или служилым людям, занимавшимся сельским хозяйством. В докладе слободчика Аверкия Шипицина написано: «Стольника Чирикова человек ево Роман Ларионов, холост, живет в деревне у Василея Онцыферова... Боярской крестьянин Петр Иванов Шабашев у Брацкого Спаского монастыря у крестьянина у Ивана Кожевника... Стрелец Степан Васильев Суриков живет в деревне у Андрея Каргина». Всего таких записей 17.

В докладе воеводы царю не упоминается о других ссыльных, но по отписке Шипицина следует, что в Ново-Удинскую слободу было прислано ещѐ 13 человек, в том числе 9 стрельцов. Почти всех их можно отыскать в списках 1722 года. Из них четверо стали пашенными крестьянами, а 8 — поголовными обротчиками, об одном сведений не разыскано.

Все батраки из ссыльных платили по 1 четверти ржи в год хлебного оброка. Для тех, кто не обзавѐлся пашней или не занялся каким-нибудь ремеслом, этот платѐж оставался неизменным в течение 20 лет.

Несколько слов о ссыльных женщинах. В те же годы из Енисейска в Илимск было сослано 4 женщины и с Руси три «разбойничьи жены». По ни одна из последних трѐх не достигла Илимска: две вышли замуж в Енисейске за пашенных крестьян, а одна по болезни осталась в Соли Камской.

Всего в 1700-1702 годах в Илимск было направлено 69 ссыльных, из них 50 достигли места назначения, а 19 рассеялись, главным образом бежали. В последующие годы из Илимского воеводства бежало ещѐ 10 человек. Более или менее прочно устроилось, став пашенными крестьянами, 7 ссыльных.

Ссыльные жили на свободе и без всякого надзора. Направлялись они из Илимска на место назначения в лучшем случае с одним провожатым, который должен был передавать приказчику письменный наказ воеводы. Вот почему в делах Илимского воеводства описывается следующий странный, на современный взгляд, случай: «Да в той же Яндинской слободе, — пишет при-

казчик Шипицын, — явились 3 человека присыльных, а сказывают — присланы де они в Ылимской: стрелец Петр Григорьев Безпомощной да стрелец Феклист Лаврентьев, Иван Толпега. И те их имена под памятью в росписе на написаны. А без указу хлеб с них взять и в книгу вписать не смел». Изложив своѐ недоумение, Шипицын спрашивает, что воевода укажет ему делать.

Присыльные люди легко бежали из пределов Илимского воеводства. Но беглых ссыльных разыскивали только в особых случаях. В декабре 1703 года пашенный крестьянин дер. Подволошной Яндинской слободы С.М. Горячкин «извещал словесно», что у него в деревне жил присыльный человек Кирило Наумов сын, ярославец, извощик, «выпросил кобылу с саньми и с хомутом», поехал вверх по Ангаре по деревням просить милостыню, для чего взял 3 холщѐвых мешка, и не вернулся. Просит его разыскать. «А кобыла де была сужереба, шерстью сивая, по назвищу Нерпа... В пашенной сошной работе работу постановил, а та де кобыла была сошная».

Один беглый ссыльный был обнаружен в Ильинском остроге, за Байкалом. Там он превратился в нищего. Из документов не видно, чтобы илимский воевода побеспокоился вернуть беглеца. Видимо, он предоставил ему возможность свободно «скитатца меж двор» в заморском острожке.

Оба примера поучительны: старый беглец стал нищим, а новый — побирался до бегства. Из собранной милостыни он уплачивал и оброк.

Положение батрака, подворника отмечено и переписью 1710 года и сказками 1722 года: «у него в работе присыльный человек» (в дер. Бурдушной у пашенного крестьянина), «живет присыльный с женой», «двое присыльных, один из Енисейска». В этой роли ссыльный встречается на подворье у крестьян, попов и служилых людей, затеривается среди работников монастырских вотчин, привлекается государством на временные работы и нищенствует, собирая хлеб на оброк государству.

В начальные годы существования Илимского воеводства, когда людей нехватало, присыльные верстались на службу довольно охотно. Достаточно припомнить, что в 1649-1652 годах при наборе 64 служилых людей, вместо бежавших в Дауры, 23 служилых человека были привѐрстаны из ссыльных. Но позднее устроиться на государеву службу было всѐ труднее и труднее. А в XVIII веке переход из ссыльных в разряд служилых людей стал исключением.

В январе 1703 года ссыльный Потап Васильев Кустов подал воеводе челобитную о зачислении в пешую казачью службу. Воеводская приказная изба дала по этому поводу подробную справку — сколько полагается жалованья женатому пешему казаку, чьѐ место освободилось, указала, что «в прошлом в 1702-м году в апреле и в майе месяцах за безлюдством служи-

лых людей в Ылымском стояли на караулех илимские посадские люди и казачьи дети». В этой же справке даны сведения и о челобитчике: «В 201-м (1693) году по отписке из Енисейска стольника и воеводы... Коробьина присланы в Ылимск с провожатым, с енисейским служилым человеком с Перфильем Ягодиным, ссыльные люди, а в каком чину быть им велено, того в Енисейске не написано. Между ими написан мещанин Потап Васильев. В Ылимском ни в какой чин не приверстан, потому что многими пытками изломан и изувечен».

Воевода распорядился приверстать Кустова в пешую казачью службу по Илимскому острогу вместо посланного в даурские остроги илимского служилого человека Микиты Черемисинова, в его оклад — денег 5 рублей, 2 чети полторы осмины ржи (2¾ чети), 2 чети овса, 1½ пуда соли в год. При этом воевода приказал взять по Кустове поручную запись, привесть «по чиновной книге» к вере, приправить его имя в окладных имянных книгах и послать об этом ведомость в хлебный стол. К тому же делу приобщена поручная запись. За человека, сосланного сюда 10 лет назад, поручились: сын боярский, казачий десятник и 4 служилых человека. Поручная была очень проста: если Кустов возьмѐт жалованье и сбежит, то «на нас порутчиках в государеву казну пеня и незаслуженное денежное и хлебное и соляное жалованье на нас же, порутчиках».

Среди ссыльных встречались грамотные, в которых нуждалось воеводское управление. Например, 16 марта 1703 года усть-кутский приказчик Герасим Учюжников просит прислать второго писчика ввиду сложности розыскных, таможенных, соляных и других дел. Воевода велит «илимских жителей и присыльных людей, кто писать умеет, переписать на роспись». В Илимске нашлось трое грамотных присыльных: П. Витецкой, К. Вавилов и Л. Посников. Последний и был послан в Усолье, там ему по приговору воеводы нужно было «отвести государской двор, где ему з женою и з детьми жить... Писать справчиво и в книгах бы скребеных и мараных мест не было». Прекрасный почерк Витецкого встречается в следующих годах.

Один из ссыльных в Якутск почему-то задержался в Усть-Кутском остроге, где в 1703 году «подрядили меня жители, судовые плотники и пашенные крестьяня к церкви всемилостивому Спасу во дьячки. А по тому великого государя указу не велено быть присыльным людем в ызбылых». Этот присыльный просит справить его по окладной книге, с платой оброка в размере 1 четверти ржи. Воевода согласился удовлетворить челобитчика. Через несколько листов хранится поручная (арх. № 65, св. 5, лл. 91, 94).

Двое из сосланных в 1700-1703 годах устроились на службу: один, как сказано, писчиком в Усолье, а другой, именно Пѐтр Щегорин, кольский стрелец, быстро выдвинулся в первые ряды илимских служилых людей. Имя его не раз упоминается в

настоящей работе. В 1707 году он ведал одной из крупных и важных волостей — Киренской, затем до 1720 года был приказчиком ряда других острогов и слобод, добился присвоения ему звания сына боярского и в 1721 году илимскими служилыми людьми выбирается на должность камерира — для руководства всеми налоговыми сборами в Илимском воеводстве, а в 1722 году назначается Иркутском надворным судьѐй. Он достиг того, что воевода адресовал письма к этому бывшему присыльному не иначе, как: «благородному господину камериру Петру Ефимовичу».

Итак, рассматривая роль ссыльных в развитии земледелия, можно сделать следующие выводы: ссыльные имели значение в образовании крестьянского населения только в первый период развития илимской пашни, т. е. до 60-х-70-х годов XVII века, причѐм только те из них переходили на положение пашенных крестьян, кто сам был в прошлом крестьянином и ссылался в Сибирь с семьѐй.

В конце XVII и начале XVIII столетий ссыльные почти всегда становились работниками, поголовными оброчниками и по социальному положению не отличались от гулящих людей. Только одни были вольными, а другие невольными гулящими людьми. Поголовный оброк, введѐнный в начале XVIII века, по существу стѐр между ними это различие, так как предполагал прикрепление гулящих к постоянному местожительству.

МОНАСТЫРСКАЯ И ЦЕРКОВНАЯ ПАШНЯ

В Илимском воеводстве действовало 3 монастырских хозяйства, хотя монастырей было два: Свято-Троицкий Киренский и Спасская пустынь около Братского острога. Оба эти монастыря владели землѐй, которую обрабатывали силами крестьян, вкладчиков и работных людей. Третье хозяйство принадлежало Якутскому Спасскому монастырю и снабжало его хлебом с верхней Лены. Оно, после хозяйства Киренского монастыря, было вторым по величине, крупным и высокотоварным хозяйством. Хозяйство Братского монастыря имело чисто местное значение, ограниченное внутренними потребностями братии.

В общем монастыри вели земледелие теми же способами, как и крестьяне, и скорее учились у них, чем учили их агрономическим приѐмам.

Киренский Троицкий монастырь имел значительное население; в самом монастыре по списку 1723 года жило 63 человека мужского пола, в дер. Хабаровской 33, в дер. Сидоровской 19, на мельнице 11, в дер. Марковской 40, в дер. Скобельской 41, в дер. Кутимской (по р. Киренге) 14, а всего 221 человек. Население Якутского монастыря на двух заимках Илгинского острога составляло 51 чел. и в деревнях Захаровской и Гребенской

Чечуйского острога 33 чел. В Братской пустыне, расположенной в 6 км от острога, жило 10 чел., в дер. Кадинской 48 и в деревне вверх по Ангаре 28 чел. Всего в монастырях и в хозяйствах насчитывалось 391 чел. мужского пола. Состав этого населения по списку жителей Илимского воеводства за 1723 год приведѐн в таблице 90.

Таблица 90

Состав населения	Киренский монастырь	Якутский монастырь	Братская пустынь	Итого
Пашенные крестьяне	73	2	61	136
Вкладчики	135	76	8	219
Бобыли и подворники	5	2	—	7
Гулящие и работные люди	7	4	12	23
Новокрещенные тунгусы	—	—	2	2
Крепостной	—	—	1	1
Нищие и богадельщики	1	—	1	2
Поселыцик (руководитель работ)	—	—	1	1
Итого	221	84	86	391

Главную часть монастырского населения составляли вкладчики. Пашенные крестьяне и хлебные обротчики, всего 24 двора, пахали на монастырь за право пользования землѐй, а несколько дворов платило отсыпной хлеб государству, как и обычные крестьяне. В лице своих вкладчиков монастыри имели достаточное количество рабочей силы для выполнения всевозможных работ. Об этом ясно говорит возрастный состав монастырских вкладчиков (табл. 91).

Таблица 91

Возраст вкладчико	Человек	%% к итогу
До 16 лет	49	22,4
16-60 лет	121	55,2
Старше 60 лет	46	21,0
Неизвестного возраста	3	1,4
Итого	219	100,0

Если сличить эти данные с возрастным составом пашенных крестьян, то окажется, что в среднем вкладчики имели детей в

два раза меньше, чем крестьяне, зато стариков старше 60 лет среди вкладчиков было в 3½ раза больше, чем среди крестьян. Удельный вес вкладчиков в рабочем возрасте, от 16 до 60 лет, оказывался несколько выше, чем у крестьян.

В 1679 году илимские служилые люди Андрей Иванов и Лука Ощепков произвели по поручению воеводы И.Д. Зубова описание «Усть-Киренские Троицкие пустыни», откуда можно привести некоторые данные о вкладчиках[1]. «Да вкладчики того ж монастыря промышленые и гулящие люди разных поморских городов. А вклады свои вырабливали черною работою, года по два и по три, а иные прикладывали промышленую мяхкую рухлядь — соболи. А вкладов своих клали к живочальной (такое написание этого слова повторяется несколько раз) Троице рублев по 15-ти и по 20-ти и по 30-ти». Тут же идѣт перечень 20 вкладчиков, с прибавлением к именам слов, указывающих на места выхода вкладчиков: усолец, устюжанин, вычегжанин, мезенец, устьянец, галичанин, лалетин и т. д. «Да вкладчики ж Илимские и Якутцкого острогов служилые люди, за старостию из службы отставлены, а вкладов своих клали по 20 рублев». Таких вкладчиков названо три человека.

Остальные категории монастырского населения можно разбить на две части. Первую составляли лица, которые использовались на работе, это гулящие люди, работные люди, новокрещенные тунгусы и крепостной монастырский человек Яков Мунгал (бурят или монгол). Всего их было 26 человек или 6,7%. Сомнение о пригодности к работе возбуждают лишь гулящие люди. Чтобы устранить это сомнение, достаточно привести данные о их возрастном составе. Оказывается, среди гулящих не было ни одного человека моложе 20 лет, 15 имели от 20 до 60 лет и лишь двое оказались старше 60 лет. Вторую часть составят те лица, которые не использовались на работе — бобыль (ему было 90 лет), подворники, богаделыцик (105 лет) и нищий. Но они составляли самую маленькую группу в 9 человек или 2,3% к общему числу монастырских жителей.

Хозяйство Якутского монастыря опиралось на две заимки — деревни. Одна, Спасская деревня на р. Тыпте, состояла из кельи, часовни, мельницы, кузницы, бани и жилых домов. В 1722 году в ней работало 44 человека под наблюдением 60-летнего старца «ермонаха» Спиридона, который о себе показал, что «живет он в той Спаской деревне для управления и у наряду работных людей». На кузнице работал кузнец, здесь же жили 5 холостых вкладчиков, из которых младшему было 50, а старшему 80 лет, вкладчики женатые, две вдовы «мунгальской породы» и сироты умерших вкладчиков, 4 работника, двое казачьих детей (возраст 20 и 22) в сроке, т. е. на временной работе. На другой заимке, по р. Балыхте (левый приток р. Тыпты), жил «нарятчик» 60 лет,

[1] Сибирский приказ. Книга 686, лл. 124-134.

женатые и холостые вкладчики «в работе». На заимках высевалось по 300 пудов ржи, 30 ячменя, 15 овса и 4 пуда конопли. Сбор составлял: 3000 пудов ржи, 80 ячменя, 40 овса и 12 пудов семени конопляного. Можно полагать, что посев составлял: ржи 30 десятин, ячменя 2, овса 1 и конопли 0,4 десятины. Урожай был вполне удовлетворительный: ржи 100 пудов с десятины (сам-10), овса и ячменя по 40 пудов (сам-2,7) и конопли 30 пудов (сам-3). Товарным зерном являлась только рожь. «Сена ставят 2000 копен волоковых малых, потому что косят де оне на кочковатых места[х] с нуждою. Скота рогатого — больших и подросков и с малыми телятами — скотин со сто двадцать. Лошадей работных, подросков — кобыленок и жеребят, десятка с полтора, малых жеребят под кобылами шестеро. А годом де посылают оне з дву заимок в Якуцкой Спаской монастырь на пропитание братии по тысячи пудов муки ржаной, иного году и меньши... А за росходом де у них на дву заимках в остатке из году в год остается хлеба только на семяна. А сена иного году не достает».

Государство рассматривало это хозяйство как два обычных двора, взыскивало в XVIII веке поворотных (т. е. с ворот) 27 алтын 2 деньги; наравне с крестьянскими дворами взимало с двух бань 10 алтын оброка, с мельницы 20 алтын «повсягодно». «Да по указом великого государя неокладных на 721-й год всякие денежные поборы платили оне против пашенных крестьян в равенстве, без доимки». Всего уплачивалось за год «6 рублев 5 алтын з деньгою». Подводы они гоняли также наравне с крестьянами.

В другом дело, за 1719-1720 годы (арх. № 149, св. 16) об этом хозяйстве имеются данные, не вполне согласующиеся с цифрами 1722 года. В то время управлял монастырским хозяйством монах Евфимий, который сказал, что они пашут «на перемену 17 десятин на год, а ржи высевают по 13 пудов на десятину на год, а ярового всякого хлеба в те два года не севал, потому что яровой всякой хлеб не родится. А в 719 и 720 годах хлеба — ржи по вымолоту родилось по тысяче по семи сот пуд на год ржи... А работным людем за сроки и за работу и которые сено косят и за изжень и за молотьбу и на домашной обиход, что пьют и ядят и на платье и на всякой железной завод и на всякие государевы денежные поборы и на ямщину выходит по тысяче по четыреста пуд ржи на год, а достальной хлеб отсылает в Якуцкой монастырь на пропитание монахом и больнишником, весь без остатку».

Таким образом, через 2 года произошли важные перемены: стали больше сеять, увеличили товарное производство ржи с 300 до 1000 пудов, ввели посев яровых культур, снизили нормы высева.

В противоположность этому налаженному хозяйству, на другом конце Илимского воеводства, около Братского острога,

действовало небольшое и нетоварное хозяйство Братской Спасской пустыни[1].

Историю землевладения Братской Спаской пустыни можно проследить по переписке о возобновлении выкраденных у монастыря документов (арх. № 613, св. 66, лл. 49-55). В 1712 году из монастырского амбара ворами была «вынесена коробья» с «даными», кабалами и крепостями на дворовых, вследствие чего монах Азарий «з братиею» обратился к воеводе Ракитину с просьбой о выдаче на монастырские земли новой «даной».

В выписках илимской приказной избы и в копиях документов, приложенных к челобитью Азария, содержатся важные сведения о возникновении монастыря и об отводе ему земель.

По челобитью детей боярских, пятидесятника, служилых, посадских людей и пашенных крестьян Братского острога грамотой «великого господина преосвященного Корнилия, митрополита Сибирского и Тобольского... велено в Брацком остроге на Ангаре реке на Березове горе монастырь построить и в том монастыре церковь воздвигнута во имя всемилостивого Спаса».

В 1671 году, т. е. в год основания монастыря, приказчик Братского острога Иван Перфильев отводит монастырю обширные угодия согласно указа из Енисейска «к Спаской пустыни для монастырского нового строения под пахотную землю и под сенные покосы и под скотинной выпуск против Нижнаго Брацкого острогу за Ангарою рекою, от Красного Яру вверх по Ангаре реке до Красноярские речки и до Топкого ручья по увалу, а в горе с еланными местами». Земли принял трудник Фома Семѐнов.

В 1673 году другой приказчик Евсевей Артемьев отводит «к Спаской пустыни порозжее место под хлебную пашню и под сенные покосы и под скотинной выпуск вверх по Ангаре от речки Зюжермы, по обе стороны Ангары реки и с лушками, да против тое речки остров повыше Куи речки, а по-иноземски Нужни, до глубокого вражку — остров Березовой Большой да два острова... для пропитания».

Через 5 лет, в 1678 году, третий приказчик, Иван Паршеников, закрепляет за монастырѐм остров ниже Пьяного порога с сенокосами, которыми «поступился Филип Оникиев... строителю Феодосию». Одновременно монастырю передаѐтся «порозжее пустое место под двор и под пашню и под сенные покосы и под скотинной выпуск» в местности по Ангаре около речки Средний Баян.

В 1687 году («во сто девяностом пятом году») четвѐртый приказчик Братского острога Иван Пачирский составляет «даную» на земли «вверх по Ангаре на Енисейской стороне на

[1] Архимандрит Мелетий отмечает: «О начале Братского монастыря актов розыскать теперь едва ли возможно. Архивов не сохранилось и монастырь давно упразднен. А по случаю какой-то грозной ревизии, как пишут оттуда, архив был спущен в Ангару». См. «Древние церковные грамоты...», Казань, 1875 г. В работе А.А. Ионина «Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в.», Иркутск, 1895, об этом монастыре даже не упоминается.

Куе речке», однако монастырю этого показалось мало «и земля выпахалась». Поэтому монахи добивались передачи им земли, покинутой одним из крестьян. Земля эта находилась на острове против деревни Мартына Шайдура, до Сухого ручья. Желание монастыря было удовлетворено.

Через 5 лет новый приказчик Фѐдор Клепиковский отводит в другом конце этого края, по р. Ие «еланные места и с черными лесами, а на нис по Ие, по Еловому ручью — с еланьми и с лушками, по обе стороны, с рыбными ловли. А от Коби но Ие до Бады вверх же, по обе стороны... да по Баде речке, вверх, с еланьми и с лушками и с черными лесами и со всеми угодьи. Да вверх по Ие до половины дороги до Лиственишного острова, меж Тунгуя и от Бады вверх по Ие до межи...».

Кроме того, некоторые земли были приложены к монастырским владениям отдельными религиозно настроенными лицами. Например, в 1698 году братский житель Пономарѐв «в поступном списке» приложил к монастырю мельницу по р. Оке, «а владеть вечно». В 1688 году один из вкладчиков заложил свою землю в монастырь «вечно» и остался там работником.

Другие, не имевшие земель, закрепляли себя лично. Один в 1692 году женился «на купленой манастырской девке мунгальские породы», после чего был поселѐн на монастырской заимке, пахал там на монастырский обиход и жил «на дворце». Вкладчик Ананьин тоже жил «за Спаскою пустынею на дворце», работал там «всякую работу», женился «на манастырской купленой девке мунгальские породы», после чего был поселен на монастырскую пашню.

Определить площадь земель, перешедших в монастырские руки, нет возможности. Да их и не мерили, отводя на-глаз подчас целые речки со всеми прилегающими к ним пространствами.

Так как монастырь при эксплоатации отведѐнных ему земель мог опираться лишь на силы своих вкладчиков и немногочисленных работников, то естественно, что все эти земли, за ничтожными исключениями, оставались вне обработки. Лишь в немногих случаях монастырю удавалось привлечь на свои земли крестьян-половников.

Сам монастырь в 1722 году, по сказке игумена Ионы (арх. № 152, св. 16) представлял ограду с церковью «божия вседержителя Спаса» с тремя кельями. Здесь жил между другими руководитель хозяйства старец монах Козьма 55 лет, «а живет де он, Козьма, у наряду работных дел». За оградой находилась изба, в которой ютились 6 вкладчиков, 8 членов их семей, а также работники — присыльный с семьѐй и крестьянский сын 25 лет. Здесь же стояла баня. Игумен показал: «Питаются де оне при оной пустыне Спаскою пахотою. А при той де пустыне, которая пашня выше ограды, и на той де пашне вкладчики и работные люди сеют в год ржаного хлеба на 2 десятины 16 пудов ржи; ярового — ярицы на полдесятины 6 пудов, на полдесятины

пшеницы столько ж, на десятину овса и ячмени 12 пудов, гороху пуда по два, семени конопляного пуда по два. А в год хлеба родитца например по умолоту пудов ста по полтора ржи, ярицы пудов 30, пшеницы столько ж, овса и ячмени пудов с 60, гороху пуда с 4, семени...» (конец сказки утерян).

Обращает на себя внимание пониженный размер высева семян и не такой высокий урожай, как на р. Тыпте: ржи 75 пудов, яровых 60 пудов с десятины.

По сказкам 1720-1722 годов 6 пашенных крестьян в Бадинской деревне сеяли на Спасский монастырь 4 дес. ржи, за что пахали на себя на монастырских землях 9 дес. ржи и 3½ дес. яровых. Здесь, как выясняется из показаний крестьян, на ржаную десятину монастырь высевал по 7 пудов. По сказке досмотрщика («а живет он у досмотру спаских хлебных запасов и рогатого скота и лошадей и протчих всяких заводов») в Бадинском, на р. Ие, было 25 лошадей, в том числе 15 рабочих, и 17 голов крупного рогатого скота. «А сена на тот скот ставят вкладчики ста по три копен волоковых, потому что не всякой скот на сене бывает, иной скот и на соломе и на степи бывает» (арх. № 121, св. 13. лл. 107 об.-108).

Из приведѐнных извлечений вытекает, что сельское хозяйство Братского монастыря велось довольно примитивно.

Киренский монастырь, основанный в 1663 году чѐрным попом Ермогеном, стоял при впадении р. Киренги в Лену «на стрелке». По переписной книге 1679 года он имел ограду, в которой находилась «церковь пресвятые и живоначальные Троицы да предел святаго и праведного Алексея человека божия, да вверх в пределе служба Стретенье чудотворные иконы пресвятые богородицы Владимерские», там же были 5 келий, «трапеза двойная, где строитель и братия хлеба едят» и келья больничная.

В «Описной книге» Качанова названы: ограда, две церкви, одна во имя Троицы, другая «Иоанна Предтечи, холодная; меж теми церквами колокольня осмиугольная, рубленая». В ограде же была «хлебня с перерубом», т. е. названная выше трапеза, 10 келий, из них одна для «больнишников», два амбара, поварня, два погреба, колодец. За оградой находились: «поварня, где квасы варят», колодец, а ближе к Лене — конский двор, 3 избы, 4 амбара, баня и ещѐ один колодец. Над Леной стояла часовня с написанным в ней изображением креста-распятия. На конском дворе жили вкладчики и холостые работные люди. На устье Киренги имелось ещѐ два монастырских двора и «скотцкой двор, где кормят коров». Тут же стояли 2 избы женатых вкладчиков. По Лене, несколько ниже устья р. Киренги лежат 4 островка, которые некогда принадлежали пашенному крестьянину Петрушке Киренскому, а затем перешли в 1664 году во владение монастыря. Против островков на правом берегу Лены

находилась однодворная монастырская деревня, в которой был скотский двор, поварня («квас варят»), овин с гумном и две житницы. «А пашут тое пашню ис того монастыря наемными работными людьми и вкладчики». Это бывшая заимка Петрушки Киренского. На левой стороне р. Лены, против устья р. Киренги, т. е. против монастыря была ещѐ одна монастырская деревня, в 8 дворах которой жили вкладчики. Выше этой слободы — деревни «прошедчи утес — камень», на устье речки Мельничной при проезде Качанова строилась новая монастырская слобода, где поселялось 15 вкладчиков, а выше по той же речке на одном пруду находились две монастырские мельницы, около них «на угорье» стояли изба мельника и 3 «анбаришка». Выше по Лене в деревне Андрюшки Чарошникова монастырь имел покосы, от которых Чарошников «отступился» в пользу монастыря. Покосы были закреплены за монастырѐм отводными 1685 и 1695 годов. Ещѐ выше по р. Лене монастырю принадлежала с 1667 года деревня Хабаровская, где жили старцы и вкладчики. Здесь были пашни и скотный двор с огороженным «скотинным выпуском».

Вверх по Киренге, верстах в 5-10 от еѐ устья, в дер. Прокопья Гагарина монастырь имел покосы, а верстах в 80 от устья ему принадлежала по отводной 1665 года дер. Кутимская, где пахали на монастырь крестьяне-половники. Эта деревня по Киренге являлась тогда, в конце XVII века, последним русским населѐнным местом. Далее располагались дикие лесные места, где кочевали тунгусы.

Г.Ф. Миллер в описании пути от Верхоленского острога до Якутска отмечает, что Киренский Троицкий монастырь находится в ¼ версты от берега и в 1 версте от острога (по «Описной книге» — 400 сажен тысячных) и что в нѐм имеется две церкви[1].

Историю монастырского землевладения можно восстановить достаточно подробно, в частности по переписной книге 1679 года.

В 1663 году, при основании монастыря, «дана к Усть-Киренской Троицкой пустыне на кормлю пустынником старцам — строителю черному попу Ермогену на Лене реке выше Троицкие пустыни и Кривые Луки заимка умершаго прежнего пашенных крестьян приказщика Василья Скоблевского и с половниками и со всеми угодьи, которая деревня и пашенная земля в прошлом по 160-м (1652) году... дана была ему... за ево Васильевы службы... А на той Васильевской заимке Скоблевского, по мере и по смете, пахотной земли в моле восмь десятин, а в дву потому ж, да сенных покосов на той же заимке по логам и около кустов и болот копен на полтораста (около 15 десятин), да скотинного выпуску по кочкам и болотам десятины на две. А тое у них пашню пашут половниками по записям и по даным Василья Скоблевского» (названо 5 человек). Одновременно мона-

[1] Портфели Миллера, № 517, портфель 1, дело № 20, лл. 28-29.

стырь получил упомянутую выше Кутимскую деревню на р. Киренге.

В 1664 году монастырю передаѐтся «пометная», т. е. покинутая пашня Петрушки Киренского, «а двором на той заимке и всяким дворцовым строением поступился он, Петрушка, живочальной Троице за вклад... А пашенную землю розчищая вновь — лесы и колоды — и пашню пашут монастырскими работными людьми, наемщики». Здесь было пашенной земли «в дву полях по пяти десятин», около 8 десятин сенокосов и некоторое количество выпуска.

«Во 175 (1676 или 1677) году приложил илимской сын боярской Ярафей Хабаров на усть Киренги реки в монастырь... заимку свою и мельницу на Лене реке. И на тое свою заимку и мельницу он, Ярафей, в Троицкой монастырь и поступную дал за своею рукою, что после ево Ярафеевы смерти тою ево Ярафеевскою заимкою владеть Троицкого монастыря вкладчикам и старцам. А по смерть ево Ярафееву принять и постричь безовкладно 5 человек убогих нищих для поминовения души ево, Ярафеевы и родителей ево». В 1671 году после смерти Хабарова эта заимка, по челобитью монастыря, перешла в его собственность. За неѐ монастырь вносил одно время оброк по 80 пудов ржи и по 50 ячменя и овса в год. «А на той Ярафеевой заимке Хабарова пашенные земли по мере и по смете в поле 6 десятин, а в дву потому ж, да сенных покосов не на пахотной земле по логам и около кустов и озерок копен на 200 да под скотинным выпуском на кочках и на мокрых болотных местех десятины на две. А вновь к той заимке пашенные земли и сенных покосов прибавить нельзя, потому что около той пашни пустошей и пашенных лесов (!) не прилегло. А прилегли озера и болота и лесы непашенные... А тое они пашню пашут наемными работными людьми, а не своими трудники и не половниками».

В 1675 году два крестьянина приложили за вклад свои «дворовые хоромы», а монастырь принял на себя их тягло — 1 десятину ржаную и ½ десятины яровых, причѐм очень недолго платил с этого тягла в государеву казну выдельной хлеб и гонял подводы. У этих двух крестьян было пахотной земли 12 десятин, сенокоса 10 десятин и выгона ½ десятины. «А тое они пашню пашут наемными работными людьми, а не своими трудники и не половниками».

Около самого монастыря было очищено от леса несколько десятков десятин земли. «А от того Троицкого монастыря розчищено под пашню боровых темных лесов к Никольскому погосту на прокормление братии, по мере — в поле 4 десятины, а в дву потому ж. Да в стрелке (на устье р. Киренги) вычищено под скотинной выпуск около болот и озерок непахотные земли, десятины на две». На островках, принадлежавших Петрушке Киренскому, было расчищено около 5 десятин под сенокос.

Таковы данные переписной книги Киренского монастыря, составленной в 1679 году. Более подробные данные о землепользовании хранятся в Иркутском государственном архиве, фонд 482 Троицкого Киренского монастыря и фонд 75 воеводской канцелярии.

22 марта 1706 года строитель, монах Иоасаф Милюков просил выдать «данную», т. е. крепостной акт на Хабаровскую заимку и при этом указывал, что земли, которыми владеет монастырь в Нижне-Киренской слободе, в 207 (1699) году размежѐваны с крестьянами Балахонской деревни без оформления документом в приказной избе.

По этому челобитью илимская приказная изба дала воеводе очень важную выписку из старых дел: «На Лене реке от Балахонские деревни вверх по Лене, на левой же стороне, на лугу деревня, словет Хабаровская, Усть-Киренского Троицкого монастыря, прикладная, на белой земле. А в той деревне живут Киренского Троицкого монастыря старцы и вкладчики, пашут они пашни в лугах и сено косят в тех же лугах — меж пахотных мест и подле озер и по кочкам; и скотинкой выпуск огорожен в том же лугу. А в межах та Хабаровская заимка на Киренском Микольском лугу, с верхново конца от большово долгово озера да вниз от того озера, подле бор по-за озерка, по конец бору, на мыс. А з борового мыса на лежачую березу, которая береза в межах з балахонскими крестьяны; а от тое лежачие березы на таловой куст, по нижной конец, до Лены реки, прямо. И о той нижней меже Хабаровские деревни у балахонских пашенных крестьян, у Федора Ощепкова, у Петра Барабанщикова с товарищи, с монастырским с прежним строителем Иосифом з братиею и со вкладчики был спор. И воевода Федор Родионович Качанов по тому их спору на межи по прежним даным и по грамоте великого государя прошлого 188 (1680) года свидетельствовал и по свидетельству монастырским по старой меже велел владеть. И ямы по меже выкопаны и огород межевой по той же меже монастырские поставили. А балахонским крестьяном за ложной их спор от того отказано, потому что на той меже балахонцы Федор Ощепков с товарыщи никакова оправдания на письме не положили»[1].

Далее приказная изба подтверждает, что, несмотря на решение земельных споров в пользу монастыря, документа об этом монахам не было выдано. Затем приказная изба излагает содержание ещѐ более важного документа — грамоты царя Фѐдора Алексеевича от 2 октября 1681 года, за приписью дьяка Льва Ермолаева. Подлинная грамота была передана в монастырь, а список с неѐ, за рукою вкладчика Савы Онисимова хранился в илимской приказной избе. Ни того ни другого доку-

[1] Это решение Качанова 1700 года есть также в делах Сибирского приказа, книга 1227, в описании дер. Хабаровской.

мента как в делах Илимского воеводства, так и в делах Киренского монастыря не сохранилось.

«А в той великого государя грамоте написано: в прошлом во 175-м году приложил илимской сын боярской Ярофей Хабаров заимку свою и мельницу на Лене реке в Троицкий монастырь и поступную де дал за своею рукою. И указал великий государь той Хабаровской заимке быть за Илимским (Москва назвала Киренский монастырь Илимским) Троицким монастырем, пашенным и непашенным землям и животинному выпуску и сенным покосам, против илимских переписных книг прошлого 187-го (1679) году попрежнему, и которая земля по воеводским дачам. И с тоѐ земли оброчного хлеба им не платить и государевы десятинной пашни не пахать».

На основании этой выписки воевода велел дать монастырю даную на Хабаровскую заимку. Копия даной, излагающей всѐ дело и относящиеся сюда выписки приказной избы, сохранились в делах Илимского воеводства (арх. № 74, св. 6, лл. 472-475). В конце еѐ сделана приписка: «К сей даной великого государя (полный титул) печать земли Сибирские Ленского волоку Илимского острогу воевода Федор Родионович Качанов приложил». На документе роспись Иоасафа о принятии даной и отметка о взыскании 25 алтын печатных пошлин.

Из этих и ранее приведѐнных справок видно, что один из замечательных русских землепроходцев, Ярофей Павлович Хабаров, был ещѐ жив в 1667 году. В предшествующем году он оставил должность приказчика Верхней Усть-Киренской волости и перед смертью завещал заимку монастырю. Умер он в 1671 г.

В августе 1719 года строитель Киренского монастыря Иоил подал илимскому воеводе Ф.М. Антипину челобитную (вместо Иоила подписался Елисей Неспанов), в которой он жаловался, что жители Киренского острога на угодиях монастыря «промышляют рыбу всякою ловушкою сильно (т. е. насильно, самовольно) и нас, богомольцев твоих, в тех угодьях и в курье опромышливают». Строитель просит закрепить за монастырѐм курью и запретить окрестным жителям ловить здесь рыбу: «чтоб они на те наши угодья на промысел на рыбной ни с чем не ходили и рыбы не промышляли, чтоб нам, богомольцам твоим, от них голодом не помереть» (арх. № 114, св. 12, лл. 39-40).

При этом строитель ссылается на «даную» 1663 года, т. е. на акт, которым воевода Лаврентий Обухов закрепил за монастырѐм земли «по челобитью черного попа Ермогена и илимского спаского попа Обросима Толстоухова с товарыщи». Земля эта простиралась «от великой реки Лены к истоку; а против истоку по Киренге реке остров вниз по Киренге реке. А на усть Киренге реки островки против заимки пашенного Петрушки Киренского до Никольского лугу. А вверх по Лене до Мельнишной речки Ярофея Хабарова и у заимки Василия Скобельского,

да против той заимки за каменем подле Киренги реки курья и луги и рыбные ловли и со всеми угодьи».

По челобитью последовал приговор Антипина об удовлетворении просьбы просителя. В августе же монастырю была выдана «даная» на рыбные ловли и на курью: «им, монахом, рыбу промышлять. А опричь того монастыря киренским жителям и пашенным крестьяном на те рыбные ловли рыбы не промышлять и ни с какими ловушки на те рыбные ловли им, киренским жителем и крестьяном, не ездить и монахов в тех ловлях не обидеть». К даной приложена великого государя (следует полный титул) печать земли Сибирские Ленского волоку Илимского острогу.

В сентябре того же года строитель Иоаникий Протасов, чѐрный дьякон Иев и братия подали другую челобитную. Описав историю отвода земель Киренекому монастырю, они сообщают, что при прежнем строителе Иосифе «в том Киренском монастыре покрали у нас, богомольцев твоих, воры многую казну в казенном анбаре троицком и письменные крепости и оную даную», т. е. акт, выданный им при основании монастыря в 1663 году на владение землями. При челобитной монахи приложили «список» с подлинной даной за рукою старого чѐрного попа Григория Тушина и прежнего строителя Иоасафа. «Список» был составлен «для обережи подлинной даной в прошлых летех» и хорошо сохранился, за исключением середины на месте сгиба[1].

В этом документе дано следующее описание земель, отведѐнных монастырю в 1663 году: «А под тот монастырь земли им отвести на великой реке Лене подле Киренско-Никольской погост на стрелке (у Мордовского — Киренской), от великой реки Лены, от креста, что поставил сын боярской Ярофей (у Мордовского — Ерофей) Хабаров, в бор на Киренгу реку к изтоку. А против истоку на Киренге реке и на устье Киренги островки против заимки пашенного крестьянина Петрушки Киренского и до Никольского лугу. А вверх по великой реке Лене до Мельнишной речки, и до мельницы, которою мельницею владеет илимской сын боярской Ярофей (у Мордовского — Ерофей) Хабаров, да к тому ж де монастырю дать на кормлю на великой реке Леке заимку Василья Скоблевского (у Мордовского — Скобельского) с половниками и со всеми угодьями. Да против той заимки за кеменем подле Киренги реки у курьи луги (у Мордовского —

[1] Этот документ напечатан с некоторыми неточностями в работе Лаврентия Мордовского — «Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря, Иркутской епархии, от начала оного до нынешннх времен, с показанием, кто был первый основатель оного и кто по нем был в оном Строители и Настоятели; когда святые церкви, имевшиеся в оном, и ныне существующие и при котором Строителе или Настоятеле построены и освещены и других замечания достойных случившихся в нем произшествий, почерпнутое из архивных монастыря сего бумаг, Настоятелем сего ж монастыря игуменом .Лаврентием Мордовским», Москва, 1806.

луга) в межах с верхную сторону от пашенного крестьянина от Тимошки Шибенника (у Мордовского — Шибинина). Вниз по Киренге до заимки Васильева ж половника Скоблевского (у Мордовского — Скобельского) Васьки Манакова и с рыбными ловлями и со всякими угодьи» (лл. 66-70).

Около современного г. Киренска и до сих пор существуют деревни, получившие свои названия от приведѐнных в документе имѐн — Скобельская, Хабарова и Никольское, причѐм в более ранних бумагах писали — Скоблевская, позднее — Скобельская.

На приобретѐнных землях в Илимском воеводстве и на Ангинской заимке, в пределах Иркутского воеводства, монастырь создал крупное сельскохозяйственное производство.

Развитие получили две отрасли — животноводство и полеводство, причѐм велись они на совершенно различных началах, напоминающих ведение дела в Братском монастыре.

Монастырь получал хлеб из двух источников: 1) с собственной монастырской пашни, которую обрабатывали наѐмные рабочие и монастырские вкладчики, 2) от крестьян-половников, или так называемых монастырских крестьян. Монастырь в первые годы давал им лошадей и ссуду, как это делало государство в XVII веке при устроении пашенных крестьян. Монастырские крестьяне платили выдельной хлеб не в государеву казну, а в монастырь: «а пашут на себя и берется с той пахотной земли в монастырь выделу от трех четвѐртой пуд и семена обратно» (фонд 482, дело № 13, св. 3). Эту выдержку следует читать так: «берѐтся от трѐх пудов — четвѐртый пуд», т. е. ¼ часть урожая, причѐм возвращаются семена, которые крестьянин ежегодно получал из монастыря на ¼ часть своего посева. Таким образом, в монастыре до середины XVIII столетия сохранился порядок обложения, напоминающий обложение пашенных, т. е. государственных крестьян в XVII столетии. Только норма эксплоатации в монастыре была выше, чем у государства.

Для крестьянской пашни монастырь отводил 15 десятин земли и, кроме того, 15 десятин покоса, на 150 копѐн. Если на данной заимке земли недоставало, то прирезывалось из соседней монастырской деревни или заимки. Это можно было легко осуществить вследствие компактного расположения заимок около Киренского острога, где был монастырь.

Размещение крестьянских земель по монастырским заимкам и деревням видно из табл. 92.

Таблица составлена на основании отчѐта илимского воеводы секунд-маэора Шарыгина, ездившего осенью 1764 года в монастырь для обмера земель (фонд 482, д. № 30, св. 7) и отчѐта посельного монаха Корнилия Жукова от 1 мая 1749 года, управлявшего Ангинской заимкой (фонд 482, д. № 13, св. 3). Во втором отчѐте отсутствуют данные о сенокосе, поэтому итог поставлен приблизительно. О размерах посева на отведѐнной земле известно только по Ангинской заимке: монастырь из 62¼

Таблица 92

Монастырские деревни	Имелось десятин		Выделено крестьянам		
	пашни	сенокоса	на число дворов	пашни	сенокоса
Заимка Макаровская	157¼	143	8	116¼	120
Дер. Скобельская	121½	181	9	135	135
Дер. Хабаровская	164¼	100¼	7	100¼	101⅛
Заимка Сидоровская	79¼	162¼	9	135	155⅜
Дер. Кутимская	30	30	2	30	30
Итого	552¼	616½	35	516½	541½
Ангинская заимка	598¼	неизв.	39	536	неизв.
Всего	1150½	(1200)	74	1052½	(1100)

десятин засевал в 1749 году 32¼ десятины, высевал 323 пуда, крестьяне из 536 десятин засевали 289½ десятин, высевали 2895 пудов. Значит, как монастырѐм, так и крестьянами велось двухпольное хозяйство.

Второй отраслью монастырского хозяйства было животноводство. Очень подробные сведения о нѐм находятся в упомянутом отчѐте Ангинской заимки и в книге записной Троицкого монастыря, составленной на основании осмотра скота в марте 1748 года.

Эти данные приведены в таблице 93.

Таблица 93

Виды скота	На Лене и Киренге	На Анге	Итого
Лошади	133	121	254
Крупный рогатый скот	531	159	690
Свиньи	128	21	149
Овцы	294	104	458
Итого	1086	465	1551

Размещение скота по заимкам соответствовало хозяйственным задачам — в распределении рабочего скота, и кормовым ресурсам — в распределении пользовательного скота; кроме того,

очевидно, учитывались условия ухода за скотом и удобства по сбыту продукции.

Размещение скота в 1748-1749 годах показано в табл. 94.

Таблица 94

Монастырские заимки	Лошади		Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы
	рабочие	молодняк			
Хозяйство при монастыре	55	20	130	39	—
Заимка Макаровская	17	—	138	23	142
Макаровская мельница	—	—	—	6	—
Заимка Хабаровская	24	—	144	17	83
Заимка Бочкаровская	17	—	111	16	69
Мельница за рекой	—	—	—	13	—
Мельница на Куталаке	—	—	8	14	—
Итого	113	20	531	128	294

Из этих же переписных данных устанавливаются старинные названия половых и возрастных групп животных. Лошади делились на работных лошадей, жеребцов работных некладеных, кобыл, жеребчиков и кобылок. Крупный рогатый скот — на коров дойных, коров нетелей (соответствует современному обозначению — сухостойных или переходниц), порозов (быков-производителей), подростков тѐлок 2-3 лет (современное название нетели), бычков того же возраста, тѐлок и бычков годовых, тѐлок и бычков до полугода. Свиньи делились на свиней больших приплодных (свиноматки), боровов некладеных (хряки), боровков кладеных (откормочные), подростков боровков (хрячки) и свинок (подсвинки и поросята). Овцы делились на овец приплодных (овцематки), баранов некладеных (производители), овец полугодовых (ярки) и подростков — барашков и овечек.

Эта старая терминология облегчает обработку данных о животноводстве Илимского воеводства.

Животноводство монастыря велось силами вкладчиков и работных людей.

По особому организовано было сенокошение, оно целиком велось наѐмной рабочей силой. В приходных и расходных книгах казначеев Троицкого монастыри, монахов А. Засорина и С. Пабышева за 1716 и 1721 годы (фонд 482, дело № 2, св. 2) содержатся подробные записи о расчѐте с рабочими.

Например, 24 июля 1715 года (поздний сенокос с сельскохозяйственной точки зрения!) за 4 дня выдано косцу 14 ал-

тын; на мельнице на лугу гребли сено «мужеск полк, женеск и девицы», за работу дано денег 37 алтын. 27 июля «на большом острову сено гребли мужеск, женеск и девицы и молодицы», заплачено 31 алтын. Всего за 70 подѐнщин на косьбе и гребле выплачено в 1715 году 6 рублей 32 алтына 2 деньги, примерно по 10 копеек за подѐнщину. Кроме того, выплачено двум «строшным» 2 рубля 17 алтын 4 деньги; на кузнице «робили» двое, заплачено 11 алтын 2 деньги. На Макаровской заимке: «гулящей овин рубил и молотил» — 10 алтын.

На двух заимках за молотьбу 210 овинов выплачено 5 рублей 7 алтын 4 деньги, т. е. около 2½ копеек за овин.

По расходной книге за 1721 год число подѐнщин, оплаченных деньгами, возросло в 10 раз. Если подсчитать записи монаха по выдаче денег «понедельщику», «сенокосчику», «за косьбу», «косил» за разное время: 2 недели, 6 дней с уповодом[1], неделя 4 дни, 3 недели без уповода, полтретья дни и т. д., то окажется, что было нанято на сенокос 39 человек, которые проработали в общей сложности 645 дней и получили 72 рубля 11 алтын 2 деньги, т. е. в среднем по 11,2 коп. на день.

Ещѐ в 1679 году Киренский монастырь получал хлеба с деревень «по три тысячи по осми сот пудов и больши».

Таким образом, Киренский монастырь вѐл крупнейшее в Илимском воеводстве сельское хозяйство. Оно основывалось на применении труда своих вкладчиков, монастырских крестьян — половников, батраков и сроковых рабочих.

Кроме монастырей пашня заводилась церковными причтами и отдельными священнослужителями. Первоначально белое духовенство илимской соборной церкви получало государево денежное, хлебное и соляное жалованье, а сельские священники — ругу от крестьян. В 1700 году по указу от 4 октября на имя илимского воеводы Качанова «соборные церкви причетникам жалованья годовые руги — денег и хлеба и соли з 208-го (1700) году не давать, а питатца им мирским подаянием и дать им земли, где прилично и для пашни ссыльных людей, сколько человек пригоже, по своему правому и беспристрасному расмотрению. А что по тому великого государя указу учинено будет, о том велено к великому государю писать» (арх. № 74, св. 6, дела 1705 г.). Пѐтр I сокращал твѐрдой рукой внутренние расходы, нуждаясь в средствах для покрытия затрат на войну.

Впрочем, этим указом только доводилось до конца дело, начатое еще в 1686 году, когда ружники по их челобитью получали земли за полный годовой оклад или за половину его. Именно в этом году упомянутому попу Петру Максимову была выделена земля, начинавшаяся в трѐх верстах от Илимского ост-

[1] Слово «уповод», обозначающее время работы с утра до обеда или с обеда до вечера и сейчас ещѐ встречается в речи коренных жителей северных районов Иркутской области и в других местах Сибири.

рога вверх по Илиму. Сын его Иоанн Петров 2 октября 1705 года подаèт челобитную воеводе о выдаче ему и причетникам даной на эту землю. Очень длинная справка воеводской приказной избы излагает подробно историю двух заимок. Заключается она в следующем. В давние годы поповской пашенной заимкой владел поп Обросим Толстоухов, после чего еè пахали илимские служилые люди и в том числе сын этого попа, за казачьи годовые оклады. В 1686 году заимка была передана попу Петру Максимову за хлебное жалованье, впоследствии перешедшая к его сыну — челобитчику.

Вторая заимка, граничившая с первой, называлась Заусаевской, которую пахал ещè раньше пашенный крестьянин Иван Бутора. В 166 (1658) году заимка передаèтся подьячему съезжей избы, как называлась в те годы приказная изба, Павлу Пежемскому. С тех пор и до настоящего времени, т. е. в течение почти 300 лет это название сохранилось за тем маленьким клочком пахотной земли, верстах в 16 от Илимска вверх по Илиму, где ныне находится одно из отделений илимского колхоза. В 1679 году заимка Пежемского переходит к его сыну, тоже подьячему, за хлебное жалованье, а в 1687 году к его брату казачьему сотнику Григорию за хлебный оклад.

Когда в 1700 году пришèл указ о даче ружникам земли вместо жалованья, илимский воевода послал сына боярского Герасима Учюжникова и служилого человека Григория Торлопова осмотреть и описать обе заимки, или деревни — Петра Максимова и Григория Пежемского. По этому, очень подробному дозору, оказалось «на той поповской пашне, на трех лугах, опроче сенокосу, пахотной земли 21 десятина с четью. Да по скаске старожилов, посацких людей Дементья Тимофеева с товарыщи, станет де на тех вышеписанных сенокосах копен с триста», т. е. примерно 30 десятин.

Вторая деревня, подьячего Григория Пежемского, «по дозору... на той заимке в разных местех роспашные и заложные луговые и еланные земли, опроче сенокосных мест и лесных порослей, 25½ десятин. Да по скаске старожилов илимских посацких людей, по левой стороне от Казачьи речки (правый приток р. Илима, в 6 верстах от Илимска), а по правой стороне от больших кустов и от шиверы по обе стороны вверх Илима реки до порогу (немного выше заимки Пежемской) до Каменного мысу ставитца де сена по пятисот копен и те береговые покосы большим льдом выдирает. А по Казачье речке до межи до Ленские дороги (т. е. до Ленского волока) от Илима реки 5 верст, дикие лесные дубровные места, а пашенных лушков и сенокосов нет».

Таким образом, на обеих заимках насчитывалось тогда 46¾ десятин пашни и покосов по берегам около 80 десятин.

Чтобы закончить обзор всех удобных земель, лежавших около Илимского острога, нужно ещè указать, что по дозору

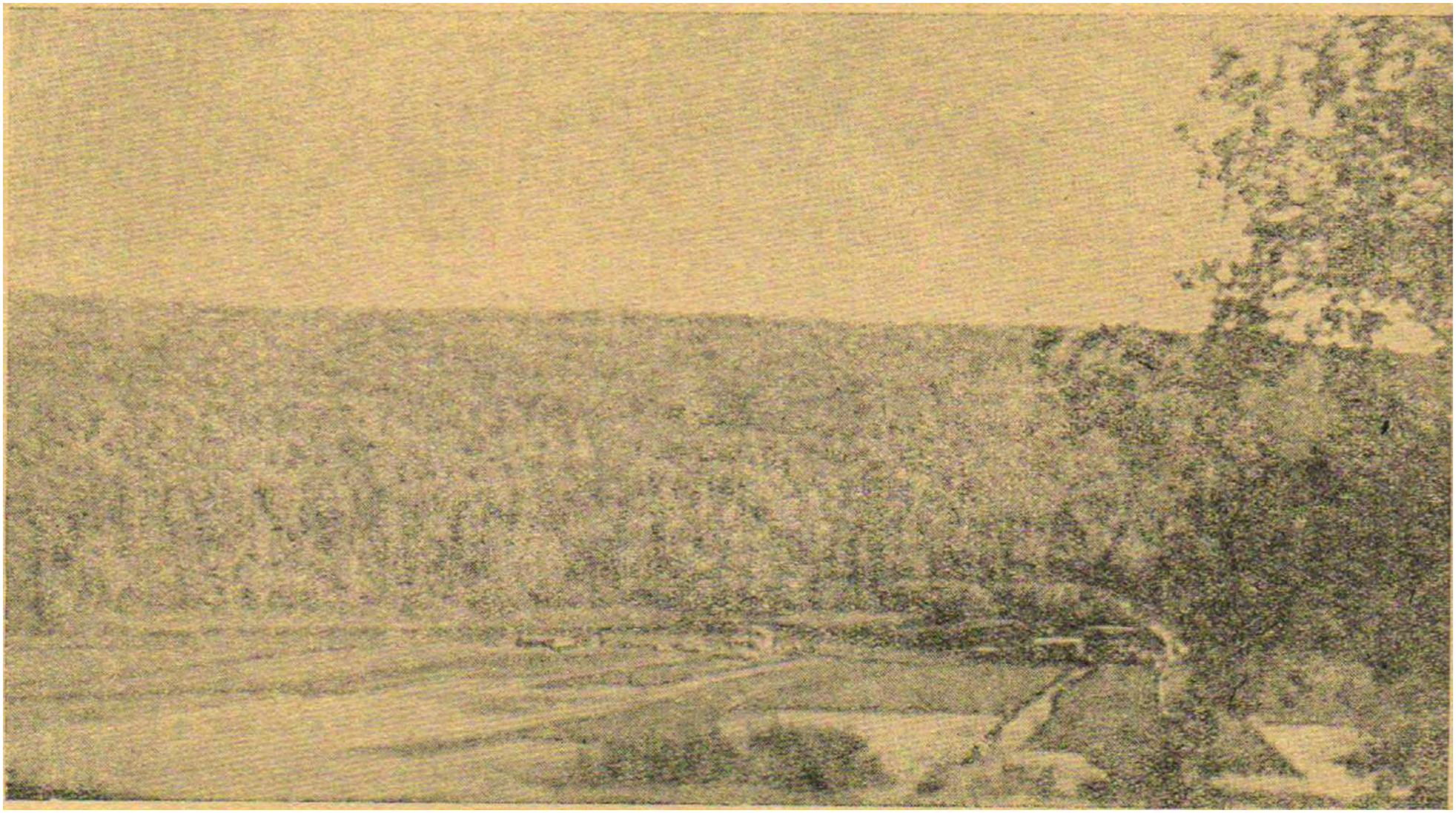


Фото 27. Пежемская заимка, находящаяся в 10 км от Илимска, вверх по р. Илиму

«против Илимского острога есть в близости на Каменю за Илимом рекою покинутая пашня, что пахали в прошлых годех илимские служилые люди Фирска да Дарошка Котовшиковы и за хлебным недородом покинули впусте, а ныне та земля лежит порозжа и заросла лесом».

Получив описание земель, произведѐнное Учюжниковым и Торлоповым, воевода поручил илимским посадским людям Дементию Тимофееву с товарищами «Григория Пежемского на заимке ево оценить: хлебной старой анбаришко, да анбаришко старое над погребом, да новой анбарец, избенко старое, банишко ветхое, три хлевишка на столбах, сараишко ветхое. А по оценке их, посацких людей, оценено все тое строение ветхое в два рубли в 16 алтын в 4 деньги».

Илимская воеводская приказная изба не могла только установить, не продано ли всѐ это строение, так как в 1703 или в 1704 году Григорий и Степан Пежемские умерли. Тем самым предрешался вопрос о передаче земель второй заимки причетникам Спасской соборной церкви Илимского острога.

Однако, земли без рабочих рук могли и дальше лежать впусте. Поэтому ещѐ в 1700 году поп Пѐтр Максимов, дьякон Иван Петров «с причетники» напоминали в своей челобитной, что «по указу великого государя и по грамоте дано им великого государя жалованье — под пашни земли, а для пашни ссыльных людей не дано. А есть де в Ылимску присыльные люди Ларион Федоров, Микифор Сидоров, холостые, живут не в тягле. И чтоб великий государь пожаловал их, попа Петра с причетники, велел им тех ссыльных людей дать для пашни им, попу с причетники». В том же 1700 году 9 мая «ссыльные люди Ларион Федоров, Микифор Сидоров, холостые, Спаские церкви попу Петру Максимову с причетники во крестьянство даны с росписко̀ю».

Закончилось всѐ это дело передачей обеих заимок пяти церковным причетникам за полный их хлебный оклад. Что касается денежного и соляного жалованья, то воевода предложил им подать особую челобитную.

На этих примерах можно хорошо проследить, как и в каком порядке лучшие угодья вокруг Киренского острога вместе с крестьянами были переданы Троицкому монастырю и как все пахотоспособные земли, которые лежали в окрестностях Илимского острога, вместе с дворовым строением и рабочей силой, в виде ссыльных, оказались в руках илимского причта.

В стремлении к расширению своего хозяйства монастыри выходили далеко за пределы монастырской ограды, и не смущались, если это приводило их к созданию вотчин за тридевять земель от их главных гнѐзд. Бадинское хозяйство отстояло от Братской Спасской пустыми на 130 вѐрст, Ангинская вотчина лежала в 600 верстах от Киренского Троицкого монастыря. Посельщики Якутского Спасского монастыря в деревне Гребенской

работали на монастырь в 1500 верстах от него, а заимки по р. Тыпте сплавляли хлеб своей пахоты для питания монастырской братии более чем на 2000 вѐрст. Этот путь равен расстоянию от Москвы до Эгейского моря.

Монастырские владения вклинивались в крестьянские земли, поэтому между монастырями и пашенными крестьянами неизбежно возникали столкновения, отзвуки которых нашли отражение в сохранившихся бумагах того времени. При разрешении поземельных споров воеводы всегда вставали на сторону духовенства.

Строительство церквей началось сразу после прихода русских на Илим. Первая церковь была воздвигнута в Илимском остроге в 1645 году, но она сгорела. По мере образовании волостей, в их центрах возникали и церкви. В Илимском остроге к концу XVII века имелось 3 церкви, 5 часовен и 4 часовни на крепостных башнях. В Киренском остроге была одна церковь и 2 часовни, да в монастыре — 2 церкви и часовня. В Братском остроге действовало 2 церкви и часовня, в Спасской пустыни — церковь. В начале XVIII века во всех остальных острогах и слободах, кроме Тутурской, имелось по одной церкви, а всего в Илимском воеводстве к этому времени можно насчитать 17 церквей, 16 часовен и 4 часовни на свесе. Из часовен можно упомянуть известную по литературе часовню на устье р. Муки во имя Спаса, затем одну у Шаманского порога во имя Ильи пророка.

Большинство церквей в острогах и слободах построено крестьянами, часовни строились часто религиозными людьми «по обещанию», Я.П. Хабаров поставил крест в Киренском остроге над Леной.

Когда заселилась Ново-Удинская слобода, крестьяне подали воеводе челобитную, прося помочь им в строительстве церкви. Воевода в августе 1703 года писал об этом в Сибирский приказ, причѐм из приведѐнного там текста крестьянской челобитной опустил следующие слова: «а которых, государь, священников... призываем... и те священники берут и запрашивают с нас от того большие взятки, чево нам за скудостию и за твоей государевой пашнею и взять негде». Крестьяне просили разрешения построить свою церковь, чтобы не приглашать священников со стороны, при этом они указывали, что построить и всѐ купить «нам, за новопоселенцем нашим невмочь» (Россыпь, № 15, св. 2, лл. 250-251).

Когда в 1686 году крестьяне 6 волостей просили об отписке Киренского острога от Илимска, они подкрепили свои жалобы на илимских воевод ссылкой на невозможность посещать церковь в Киренске, оставшемся в ведении Илимска: «мы к церквам божиим приходить не смеем ни для какой потребы, родильницы наши помирают без молитвы, а младенцы не креще-

ны, а мы, сироты ваши, бес покаяния помираем»[1]. И священники не раз своим недостойным поведением оскорбляли религиозные чувства крестьян, так что бывали случаи, когда крестьяне смещали попов.

В конце второго десятилетия XVIII века правительство вместе с усилением обложения крестьян осуществляет и большее давление на их психику. 17 февраля 1718 года появляется указ об обязательности исповеди. В сообщении Правительствующего Сената в 1725 году по этому поводу было сказано: «А буде кто явитца без исповеди, и с таких править штрафы» (Россыпь, № 61, св. 7, л. 258). С этого времени священники становятся казѐнными блюстителями и надзирателями над крестьянской совестью и крестьянскими помыслами. В 1726 году уже поступает первое доношение «Илимского острогу церкви Знамения пресвятые Богородицы от попа Луки Афанасьева», с приложением «реэстра» неисповедовавшихся. Среди последних названы: 2 служилых, 1 посадский, 29 пашенных крестьян, 10 хлебных обротчиков и 15 гулящих людей.

Индивидуальное хозяйство церковнослужителей создавалось там, где причт был немногочисленным. В таких случаях строилось хозяйство, во многом напоминавшее крестьянское, но отличающееся от него более широким применением наѐмной рабочей силы.

Церковники могли с выгодой использовать своѐ общественное положение для устройства хозяйственных дел. Они мало зависели от воевод и в необходимых случаях быстро добивались их поддержки. Они, как вероучители, разоруживали крестьян, если последние вступали с ними в имущественные споры и без затруднений получали в пользование земли, перелагая к тому же оплату оброка за эти земли на крестьян. Хотя хозяйства священников имели вспомогательное значение, дополняя доход от мира и государства, они могли легко превращаться и в крупные эксплоататорские хозяйства кулацкого типа. Документы Илимского воеводства сохранили данные о подобном хозяйстве только что упоминавшегося попа Знаменской церкви Илгинского острога. Его семья состояла из 7 человек, в числе которых был сам поп: его родители старики, жена и трое маленьких детей. Несмотря на такой, не вполне благоприятный для ведения крупного сельского хозяйства состав семьи, поп Лука Афанасьев производил большие посевы и содержал много скота. Это оказалось возможным потому, что на подворье у него жило 18 человек, среди которых он и находил необходимые рабочие руки. Наряду со вдовой 75 лет, у него жили дворовые люди А. Марков 40 лет с женой 30 лет и двумя детьми и двое подростков. «У него ж живут в работе гулящие люди», далее идѐт перечень 12 гулящих людей; ни у кого из них «отпусков не явилось». Не

[1] Сибирский приказ. Столбец 1545, лл. 2-6.

все они работали у попа, так как 3 из них показали однообразно: «а робит он черную работу», но у кого — неизвестно; один ответил: «ремесло у него — делать кирпичные печи». Один из них «оброку никакого не плачивал», другие платили по полтине, по рублю, а печник «по рублю и по полтине на год». Трое остальных (возраст 35, 30 и 30 лет) ответили: «а робит у него, попа, черную работу», «а робит он черную работу у него, попа», «а робит он у него, попа, черную работу». Двое из них «оброку не плачивали», один в 1719 году платил рубль.

Итак, можно считать, что из 18 подворников, по крайней мере, четверо были батраками попа.

Сам поп служил здесь с 1717 года. «Денежного приходу ему попу с причетники от крестьян и от всякого чина людей приходит рублев по десяти на год. С тое церкви платит он, поп Лука, с причетники в архиерейскую казну дани 4 рубли 10 алтын 2 деньги на год. В прошлом в 717 году 4-го дни в Тобольску по челобитью ево, попа Луки, дан ему великого государя указ за приписанием руки преждебывшего в Тобольску губернатора князя Матвея Гагарина — за хлебное жалованье — о даче десятинной великого государя пашни полудесятины, владенья отца ево, Луки Афанасьева, Потапова. А ис казны великого государя оклад ему учинен: денег 10 рублев, соли 6 пуд на год. И велено в Ылимску преждебывшему камеидангу (т. е. воеводе) Давыду Молчанову на оную землю дать даную, и по получении оного указу в Ылимску камендант Давыд Молчанов дал ему, попу Луке, на оную землю даную на воску, за печатью великого государя и за пометою ево, коменданта Давыда Молчанова, руки. А в ней написано: приложена де земля в Ылгинске к церкви Знаменские пресвятой богородице и никаких денежных податей и отсыпного хлеба не спрашивать на той пахотной земле». Несмотря на освобождение, казалось бы, от всяких налогов и попа Луку настигали финансовые мероприятия Петра I. Так, он на 1719 год платил в канальную перекопь (на строительство канала южнее Ладожского озера) 23 алтына 2 деньги, на жалованье ландратам и комиссарам 3 алтына 2 деньги, за хлеб — за рожь и за овѐс — жалованье им же, 5 алтын 2 деньги.

Высевал Лука на данной ему земле: ржи 100 пудов, пшеницы 5, ячменя 10, овса 6, гороха ½ и конопли 2 пуда. Это соответствует примерно 10 десятинам ржаного посева, 1,4 дес. ярового и ¼ дес. гороха и конопли, а всего 11,65 дес. Сбор хлеба был ниже среднего: ржи 30 пудов с десятины, пшеницы 45, ячменя 30, овса 25, зато гороха 65 и конопляного семени 25 пудов.

Для обработки посева он имел 5 лошадей. Кроме того, в хозяйстве насчитывалось 3 жеребѐнка и 12 голов крупного рогатого скота, в том числе 6 коров и 2 быка. Возможно, что быки пускались в случку с крестьянскими коровами, так как это могло дать дополнительный доход. На наличный скот ставились 300 копѐн сена. Сбор хлеба и сена должен был полностью по-

крывать потребности попова двора и, если верить показанному урожаю хлеба, товарных излишков не оставалось. Так он и показывает: «Хлеба и скота в продаже у него никому не бывает». Но если принять средний урожай зерновых в 50 пудов с десятины, что можно считать более вероятным, если судить об урожайности по массовым данным, то у Луки должен был образоваться товарный излишек в 300-350 пудов хлеба. Вероятно, стремление получить такой доход и было причиной найма батраков.

В деле 1702 года (Россыпь, № 14, св. 2) имеется опись двора бывшего усть-киренского священника Андрея Данилова. Имущество было описано за винокурение. Тайная выкурка вина сперва была раскрыта пресловутым стольником и воеводой Богданом Анфиногеновичем Челищевым, который ограничился тем, что присвоил конфискованное вино, около 30 вѐдер. Вторично выкурка вина была обнаружена через 7 лет воеводой Качановым и теперь имущество до разбора дела передавалось по описи сыну попа-винокура. Посадские люди внесли в оценочную роспись следующее имущество, оценѐнное ими в 135 рублей: двор, мельницу, 11 голов крупного рогатого скота, 3 коня, 6 овец, барана, «6 теленков», 2 свиньи. Из описания можно узнать многие подробности о названном дворе: «5 святых икон в окладе под золото; двор огорожен заплотом, во дворе хоромного строения: изба с комнатою, в ней забрана казенка, промеж избами двои сеней, против избы клеть с перебором, над ними построена вышка, да над воротами построена горница, в комнате и в горнице печи кирпишные, в том же дворе работная изба, да во дворе два сенника, покрыты драньем, погреб с выходом на задворье, баня с предбаньем, в ней печь кирпишная, поварня рубленая с верхом... Мельница, в анбаре двои жернова, одна жабка, веретна железные, 2 колеса водяных, два сухих, шестерня на колесах и на шестерне 6 обручей железных, 4 шипа, 3 насеки железных, контарь и гиря железная. На мелыпшшом анбаре верхней анбар. На той же мельнице изба жилая с сеньми и с клетью, изба скотная, двор скотной, анбарец малой... баня старая».

Описание даѐт представление об очень зажиточном хозяйстве, основанном на корчемстве и эксплоатации рабочей силы. В частности тайное винокурение велось наѐмными работниками.

Выкурка вина была поставлена на такую широкую ногу, что о ней дважды сообщалось царю, на основании чего Сибирский приказ 26 октября 1702 года велел имущество попа описать и продать, оборудование взять в казну, а попа Михаила выслать для наказания к митрополиту в Тобольск.

В первый раз, в 1696 году, у попа было изъято 5 медных котлов и 12 медных труб, во второй раз, в 1703 году, изъято: 6 котлов и 10 труб общим весом в 5 пудов 33 гривенки (всѐ было опять медное), 2 чана, кадь, заторный ларь. На винокурне «не доезжая до Киренска, по Мельничной речке, в версте от мельницы» оказалось «трое работных людей винокуров». Вино

продавалось «по два рубли и больши» за ведро. За год выкуривалось, вероятно, несколько сот вѐдер. Сын и сестра попа протестовали против распродажи всего имущества и просили половину его оставить за ними (Россыпь, № 15, св. 2, лл. 229-234, там же письмо воеводы в Тобольск к митрополиту Филофею, лл. 252-256).

В делах Сибирского приказа сохранилась часть этого дела о попе-винокуре: письмо Качанова, что он до 28 ноября 1702 года был в отъезде, копии грамот, сообщение об обыске у Данилова, опись его имущества, допросы работников и местных жителей о попе и о Богдане Челищеве, который присвоил изъятое у попа вино. Здесь же указывается, что описанное в 1702 году имущество попа продано, а попу велено ехать в Тобольск

Но большинство хозяйств служителей церкви нужно отнести к мелким потребительским хозяйствам, имевшим вспомогательное значение. Такое хозяйство имелось, например, в Тутурской слободе у попа Николаевской церкви Анисифора Сидорова. Семья его состояла из 10 человек, что позволяло своими силами вести небольшое земледелие. Денежный доход от крестьян составлял 3 рубля в год, а вместо руги попу была дана земля, с которой крестьяне платили в государеву казну 6 четвертей ржи. Сеял поп только рожь (10 пудов в год) и 1 пуд конопли, что соответствует 1 дес. ржаного посева и $^{1}/_{10}$ дес. конопли. Сбор составлял 80 пудов ржи и 3 пуда семени конопляного. В хозяйстве имелось 3 рабочих лошади, 5 коров и 3 телѐнка. На этот скот накашивали 100 копѐн. Живший там же дьячок земледелием не занимался.

Поп церкви «Покрова пресвятые богородицы» в Ново-Удинской слободе Роман Лебедев и дьячок Орлов, живший во дворе беглого пашенного крестьянина, сельским хозяйством не занимались. Каждый из них имел по 1 лошади и по 1 корове. Хлеб получали от крестьян: священник 50, дьячок 30 пудов.

Совершенно такое же положение было у священников других селений (табл. 95).

Таблица 95

Селения	Семья человек	Посев	Лошадей рабочих	Коров	Телят
Кежемская слобода	6	—	1	2	2
Орленская слобода	4	—	2	10	6
“ ”	3	—	2	2	—
Деревня Окннская Большая	7	—	4	6	12

[1] Сибирский приказ. Книга 1372, лл. 404-407 и 968-1007.

Священники, не имевшие посева, получали в 1720-1722 годах от крестьян ругу, до 120 пудов ржи в год.

Неизвестно, для чего священникам требовались лошади, но поскольку они были недорогими, содержание их обходилось дѐшево, имелся хозяйственный смысл приобрести 1-2 коней для разъездов, для мелких хозяйственных работ и сенокоса. Известен случай, когда усть-кутский поп нанимался возить дрова на солеваренный завод.

Итак, в Илимском воеводстве создаются два вида хозяйства церковников:

1. Крупные монастырские имения с товарным производством хлеба и большими животноводческими фермами. Государство наделяло монастыри землѐй, вкладчики умножали их имущество внесением ценностей и личной работой, крестьяне-половники пахали на братию, батраки выполняли сезонные работы. Но монастыри не приобрели того влияния, какое они имели на Руси и, в частности, не сумели стать вотчинниками-крепостниками. Монастыри в отношении крестьян-половников выполняли функции воевод, ведавших государственными пашенными крестьянами. Но они никогда не имели здесь силы социального фактора, закрепощающего черносошных крестьян. Причина их социальной слабости коренилась не в их неспособности повторить опыт своих предуральских собратий, а в своеобразии обстановки, в которой они оказались. Здесь не было и не могло быть ни светских, ни духовных вотчинников-крепостников. Илимский землепашец остался государственным пашенным крестьянином.

2. Хозяйства белого духовенства. Земледелие велось в них по образцу хозяйств пашенных крестьян и в отдельных случаях приобретало крупные размеры. Хозяйства церковников могли легко перерастать в хозяйства кулацкого типа, основой производства которых становился наѐмный труд. Но главная часть духовенства или вовсе не занималась земледелием, или вела его в незначительных размерах, не выходивших за пределы потребительских нужд семьи.

МЕСТНОЕ КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Заготовка пушнины в Сибири со времени прихода русских и до настоящего дня велась и ведѐтся в громадных размерах. Пушнина, поступавшая из Сибири, особенно в первые десятилетия после завоевания новых еѐ краѐв, имела для Руси весьма крупное значение. Недаром многие исследователи прошлого Сибири большое внимание уделили изучению ясака и отношению русского правительства к местным народам, поставщикам пушнины. Некоторые историки придавали пушнине в развитии на-

чальной экономики Сибири первостепенное, решающее значение, вследствие чего на первый план неизбежно выдвигаются сборщики ясака, промышленные и торговые люди. Значение земледелия при этом сводится к попутной, добавочной отрасли народного хозяйства Сибири и роль крестьян в развитии экономики еѐ делается малозаметной.

Поэтому при изучении земледелия в Сибири возникает необходимость остановиться на выяснении роли пушнины, в особенности соболя, в развитии экономики этого края. Материалы Илимского воеводства позволяют с достаточной ясностью рассмотреть поставленный вопрос.

Вся добываемая пушнина увозилась из Сибири, распадаясь при этом на две доли: одна присваивалась торговыми и промышленными людьми, другая шла в государеву казну. Торговые люди скупали соболей на русские товары, на основах первоначального капиталистического накопления, промышленные люди вели заготовку соболей сами, пользуясь дешѐвой рабочей силой коренных жителей. Ясно, что деятельность этих хищнических элементов нельзя оценивать как положительный фактор в развитии экономики Сибири. Государева казна получала пушнину, в первое время почти исключительно соболей, из двух источников — путѐм обложения местных народов ясаком и посредством изъятия таможнями $^{1}/_{10}$ части пушнины у торговых и промышленных людей. Поскольку пушнина поступала в государеву казну без оплаты (подарки ясачным людям по существу казне ничего не стоили)[1], увозилась из Сибири на даровых подводах, постольку ни о какой положительной роли этой государственной политики для экономики Сибири говорить нельзя.

Государство захлопнуло дверь в открытый амбар, каким являлась Сибирь для торговых и промышленных людей в первые годы. Оно запретило русским являться на заповедные реки, на которых шла главная заготовка соболей, оно запретило туземцам вести торговлю с кем бы то ни было во время сбора ясака и, таким образом, монополизировало заготовку соболей. Но было уже поздно.

Главными проводниками государственных предначертаний по сбору пушнины на местах были воеводы, рассылавшие по кочевьям тунгусов ясачных сборщиков и следившие за деятельностью таможен.

[1] 11 сентября 1703 года тунгусские десятники Верхне-Илимской волости, ясачные тунгусы Федька Иргеев и Агланга Иржаков просили выдать им за сданный ясак подарки — «олово и одекую и за сало говяжье денег и вместо мясного и хлебного корму — табаку». Приказная изба дала справку, что ясак внесѐн и что 46 тунгусам помечено выдать «на подарки» 6 фунтов олова, 4 фунта одекую (бисера) и фунт табаку китайского выимного, т. е. конфискованного, а на покупку сала предусмотрен расход 26 алтын 4 деньги. Воевода, получив эту справку, велел выдать всѐ помеченное, а вместо денег дать ½ фунта табаку.

Первый илимский воевода Тимофей Шушерин в одной из отписок в Сибирский приказ сообщал, что по приправочным книгам 1649 года собрано ясаку и поминок 59 сороков 24 соболя, соболье ожерелье, 12 бобров, ярец, кошлак, 2 лисицы красные «да моих, холопа твоего, воевоцких поминков 22 соболя с хво-

Фото 28. Тунгус на охоте. Рисунок пером неизвестного лица.
Арх. № 678, л. 92

сты, да 22 пупка собольих, да 3 бобра; за государеву лошадь — 21 соболь с хвосты да пенных (штрафных) 14 соболей....» Весь сбор оценивался им в 2008 рублей 15 алтын. Кроме того, поступило от выборных целовальников таможенного десятинного сбора на Ленском волоке, на Чечуйском волоке и в Верхоленском

Братском острожке 30 сороков 10 соболей, 26 сороков 13 пупков собольих на 1448 рублей 5 алтын[1].

Итак, считая один сорок рапным 40 соболям, в 1649 году был собран 3651 соболь. Судя по величине таможенного сбора промышленные и торговые люди провезли не менее 12100 соболей

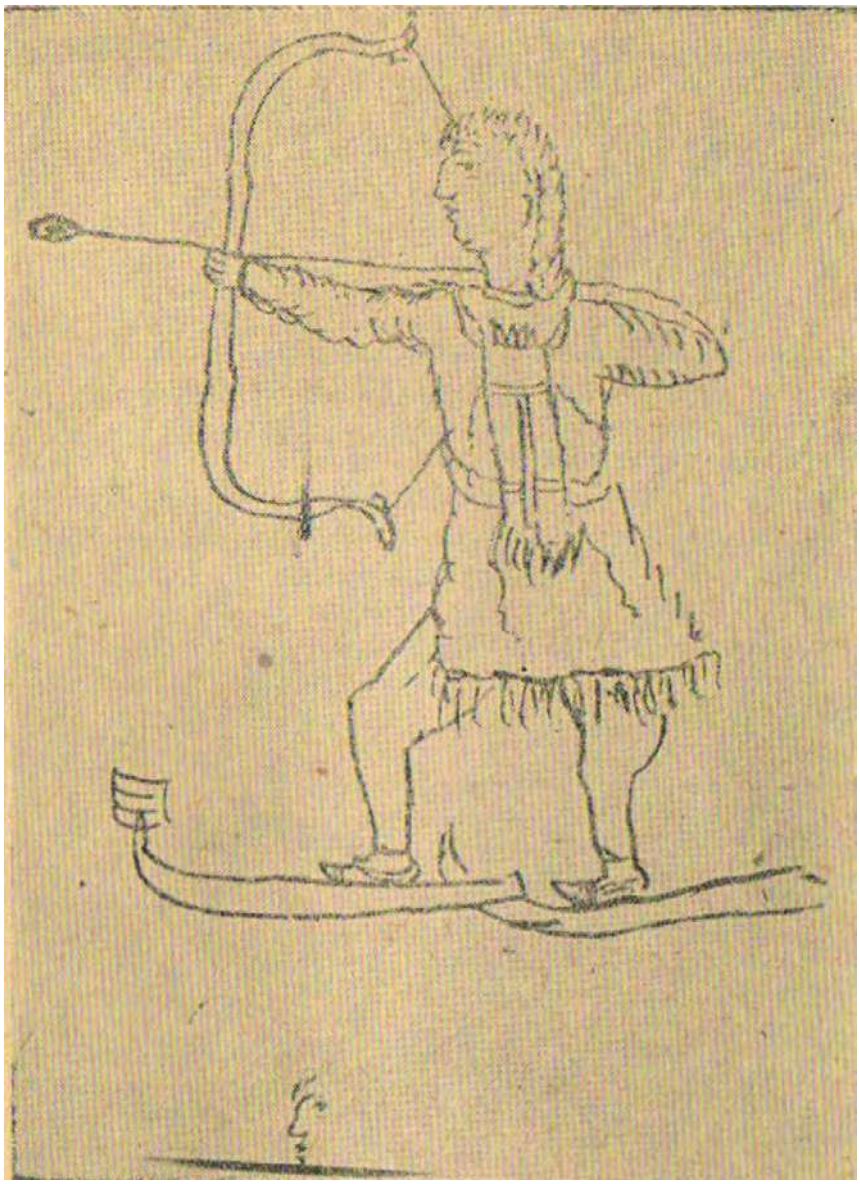


Фото 29. Тунгус на охоте. (Этот снимок и снимок 28 представляют части одного рисунка)

своей заготовки. Значит, соотношение между заготовками государства и частных лиц составляло 1:3,3. Пупки собольи нельзя считать особым видом пушнины, так как они входили в счѐт полноценных соболей. Разница между числом соболей и пупков

[1] Сибирский приказ. Столбец 390, лл. 38-40, впрочем нумерация спутана.

даѐт число дефектных соболей. Воеводские поминки включались в общее количество государевой соболиной казны и в руки воевод не попадали.

Согласно заведѐнному порядку, каждый новый воевода, вступая в должность, «считал» своего предшественника. Богдан Оладьин, приехав в Илимск 24 сентября 1651 года, уже не застал Шушерина в живых. Несмотря на это, он по книгам таможенных целовальников и ясачных сборщиков проверил сбор пушнины, произведѐнный при Шушерине и его временном преемнике Андрее Львове. По этому учѐту можно не только убедиться в том, что сообщѐнные Шушериным цифры оказались достаточно точными, но и установить число ясачных людей и место сбора ясака[1]. В таблице 96 дана сводка сбора соболиного ясака и поминок за 1649 год, с сохранением названий местности по подлиннику.

Таблица 96

Место и род сбора соболей	Намечалось собрать		Собрано	
	с числа ясачных людей	соболей	с числа ясачных людей	соболей
С низ Илима реки: 1) ясаку и поминок	100	491	75	356
2) из доимок за 1644-1648 годы	—	273	—	—
Вверх по Илиму: 1) ясаку и поминок	56	256	50	250
2) из доимок	—	216	—	—
С Купы, Кути и Лены: 1) ясаку и поминок	58	299	55	274
2) из доимок	—	44	—	—
С Лены и Усть-Киренги — сверх окладных книг	—	—	21	105
На Чечуйском волоке — Мангазейские тунгусы	—	—	24	78
С верх Лены, Киренги, Куленги, Хамды рек и с Ламского хрепта[2]: 1) ясаку и поминок	250	1055	180	751
2) из доимок	—	628	—	10
С трех родов, с братских князцов с 8 улусных людей, сверх окладных книг, ясаку	—	—	Неизв.	611
Итого	—	3262	—	2435

[1] Сибирский приказ, столбец 429, лл. 179-214.

[2] Ламский хребет — прибайкальские горы. В подлиннике р. Куленга названа Киленгой. Это, вероятно, описка.

Средний оклад на 1 человека составлял 4,5 соболя, собрано по 4,6 соболя.

Можно отметить два важных обстоятельства, вытекающих из приведѐнных материалов: во-первых, весьма слабый сбор недоимок и, во-вторых, привлечение к платежу новых, ещѐ не объясаченных туземцев, с которых ясак взят сверх приправочных книг.

По этому же документу можно установить причины недоимочности: 47 человек умерло, 1 оказался стар, 37 — ушли на Ангару, на Ламу и «на иные дальные захребетпые речки», 42 тунгуса не сыскано, в том числе 7 вследствие путаницы в именах, «несправчиво писаны».

Ранее отмечалось, что по таможенной книге 1658 года через Ленский волок было провезено около 20.000 соболей. Это было время наивысшего подъѐма соболиной торговли. Уже по таможенной книге 1678 года, через 20 лег, по тому же пути, с 4 февраля по 14 августа, т. е. почти за всѐ время свободного движения по Лене, прошло только 5543 соболя (арх. № 21, св. 2, лл. 1-162). Ещѐ больше упал сбор ясака. В том же году поступило из Нижней Илимской волости только 28 соболей, из Верхоленского острога 3[1]. Поэтому помета, т. е. предположения на 1679 год, илимской съезжей избой строилась не по отчѐтным данным предыдущего года, как это всегда делалось, а по приправочным книгам (в приправочные сборные книги вносились ясачные люди с указанием оклада по ясаку на текущий год и недоимок за прошлые годы). По помете намечалось собрать ясака (таблица 97).

Средний оклад на одного человека составлял 5 соболей.

Одновременно намечалось собрать недоимок за 14 лет 12 сороков 20 соболей и «таможенного верного бранья десятые пошлины» — 415 соболей. Значит, илимская съезжая изба рассчитывала ещѐ на провоз торговыми людьми более 4000 соболей, допуская соотношение между государственными и частными заготовками, равное 1:1,3.

Но неудачи предшествующих лет уже вызывали многозначительную приписку к помете: «... и впредь тот ясак возметца или нет — про то неведомо ж, потому что ясачные люди — тунгусы кочевные, а не сидячие, на однех местех не живут, кочюют, переходя у речек и по лесом в диких дальных местех, а не близ острогу. И платят великого государя ясак не по окладу и не равно и без цены и по своим удаточным промыслом — больше и меньше, лутче и хуже, как бог даст в промыслу удадутца. А жесточить их и неволить по указу великого государя не велено. А велено с них ясак брати ласкою и приветом. И о том великий государь Федор Алексеевич (полный титул) что укажет». Такова помета 1679 года, построенная по необычным основаниям и но-

[1] Сибирский приказ. Книга 691, лл. 143-149. Здесь же помета по сбору пушнины на 1679 год.

сящая печать неуверенности в возможности еѐ действительного осуществления.

В таблице 98 сведены два документа: «Сметный список... ясачной и таможенного збору всякой мягкой рухляди» с 1 сентября 202 (1693) года по 1 сентября 203 года (арх. № 35, св. 3. лл. 45-60) и такая же смета с 1 сентября 204 года по 1 сентября 205 (1696) года[1]. Оба документа хорошо показывают степень падения соболиного промысла.

Таблица 97

Места сбора	Ясачных людей	Соболей		На сумму
		ясак	поминки	
Верхняя Илимская волость	49	222	36	419 рублей 20 алтын
Нижняя Илимская волость	42	209	37	321 рубль 4 деньги
Усольская волость	19	100	16	130 рублей 5 алтын 2 деньги
Усть-Киренская волость	16	76	15	около 140 рублей
„Верх Лены, Куленги, Киренги и Хамды и Ланского хребта и озера Очеуля"	239	1117	26	1771 рубль 26 алтын
Братские землицы	неизв.	1166	—	1958 рублей 32 алтына
Итого	—	2890	130	4741 рубль 23 алтына 2 деньги

Итак, в это время собиралось соболями лишь около 4% оклада. Сдавалось за соболиное число разной пушниной, рыбой и деньгами около 30% оклада и почти 66% оставалось в недоимке.

Недоимок прошлых лет в 1693 году числилось по этим же волостям 4464 соболя, примерно по 36 соболей на человека; в 1695 году — 5149 соболей, т. е. почти по 40 соболей на человека.

Через илимскую таможню поступил в 1693 году 141 соболь и куплено на деньги 65 соболей. В 1695 году взято 4 соболя. Наряду с этим среди таможенных сборов появилось «3 меха заячиных», «22 заячины». Если принять во внимание, что шкурка белки стоила тогда около 2 копеек, то заяц оценивался вероятно дробью, какими нибудь десятыми долями копейки.

Далее в тех же книгах идут пометы — в первой книге на 1694 год (лл. 61-63), во второй на 1696 год (лл. 48-50). В помете на 1694 год имеется объяснение причин плохого сбора ясака, оно в общем повторяет то, что записано в помете 1679 года, но вносит немало нового: «...А которые (тунгусы) кочюют близ

[1] Сибирский приказ. Книга 1109, лл. 35-47.

Таблица 95

Волости	1693 год					1695 г.					
	сдавало «человек»	оклад соболей	собрано соболей	собрано друг. пушн. и деньгами	недоимка	Человек		оклад соболей	собрано соболей	собрано друг. пушниной и деньгами	недоимка
						должно сдавать	сдавало				
Верхняя Илимская	38	208	25	35	148	39	37	217	23	43	151
Нижняя Илимская	25	146½	2	76½	68	29	28	162	—	69	93
Усольская	22	119	—	33	86	22	22	124	—	36½	87½[1]
Киренская и Хандинская	38	207	6	57	144	44	43	228	—	81	147
Кроме того подростки и захребетники	12	13	1	—	12	—	—	—	—	—	—
ИТОГО	135	693½	34	201½	458	134	130	731	23	229½	478½

1 «Два сорока полвосьми соболя».

руских людей в отписных волостях по Лене реке (волости, отошедшие от Илимска в Якутский уезд, сохранили зависимость от Илимска по ясачному сбору) — и те де в конечном утеснении, потому что кругом илимских ясачных волостей многие поселены крестьяне и построились деревнями Якуцкого и Иркутцкого уездов. И ходят де они, ясачные люди, по лесом для промыслу всю зиму со всяким радением. И ясачных де зверей в старых их породных местех не стало... А которую рухлядь оне уловят — берут в ясак ясачные зборщики всю без остатку и на корм и на одежду не оставляют. А деньгами им платить — взять денег негде и продать нечево. А русским людем на деньги работы никакие работать не умеют. И в том великие государи (Иван и Пѐтр Алексеевичи)... что укажут».

Сибирский приказ неоднократно требовал принять меры для увеличения сбора пушнины. По одному из таких требований илимская приказная изба дала справки о таможенных сборах, в том числе и пушнины, с 1682 по 1697 год (арх. № 75, св. 3).

В таблице 99 дана динамика сбора соболей за эти 16 лет по двум таможням Илимского воеводства.

Таблица 99

Годы	Илимская таможни	Усть-Киренская таможня	Годы	Илимская таможня	Усть-Киренская таможня
1682	327	116	1690	13	—
1683	92	150	1691	40	—
1684	73	250	1692	60	70
1685	87	124	1693	69	49
1686	91	125	1694	121	—
1687	120	65	1695	48	—
1688	87	47	1696	4	—
1689	—	14	1697	33	86

По обеим таможням за 16 лет поступило соболей столько, сколько, бывало, собиралось за один год.

К прежним объяснениям, вскрывавшим действительные причины упадка соболиного промысла, теперь приказная изба прибавила наивное объяснение, что в таможенное дело и в пошлинный сбор «вступался» воевода Богдан Челищев.

Соболь был уже истреблѐн, торговые обороты по нему упали.

Не лучше обстояло дело и с ясаком. Это ясно показывают книги недоимщиков Усольской и Киренской ясачных волостей за 1703 год. В них записано 40 недоимщиков и указана задолжен-

ность по ясаку с 1678 года, т. е. за 26 лет (Россыпь, № 14, св. 2, конца списка по Киренской волости нет). Первым в этом документе идѐт Семейко Кондоканов с сыном Нефѐдкой. Числившиеся за ним недоимки приведены в таблице 100.

Таблица 100

Годы	Недоимка, соболей	Годы	Недоимка, соболей	Годы	Недоимка, соболей
1678	15	1687	5	1696	5
1679		1688	5	1697	6
1680		1689	6	1698	5
1681		1690	5	1699	3
1682		1691	5	1700	1
1683		1692	4	1701	1
1684	6	1693	5	1702	1
1685	6	1694	5	1703	1
1686	6	1695	5	За все годы 101	

За идущим далее по списку тунгусом Велейко Кайновым числится недоимок 83 соболя, за третьим — 95½ соболей и так далее, до конца списка. Первый тунгус из Киренской волости Тырлыханко Офонькин не сдал за те же годы 86 соболей — и снова до конца списка недоимочность столь же внушительного размера. Никакой возможности взыскать эту невероятно большую задолженность не было. В эти годы все волости Илимского воеводства ежегодно сдавали соболей меньше, чем должен был бы сдать любой тунгус из этого списка.

Возможность сдавать ясак вместо соболей другими ценностями хотя и сильно снизила текущую недоимочность, но совершенно не повлияла на уменьшение старой задолженности. Средний оклад составлял 4½-5, реже 6 соболей на человека. Как следует из таблицы 100, Кондоканов до 1698 года сдавал по 1-2 соболя в год. Начиная с 1700 года за ним, по существу, в недоимке оставались только поминки (1 соболь в год). Писец, составивший списки тунгусов двух волостей, против каждого плательщика писал: «И из доимки на прошлые годы ничево с них (или с него) не взято, потому что за скудостию зверей больши того упромышлять они не могли (или: он не мог)». Таковы итоги XVII века.

Рассмотрим несколько документов XVIII века.

Весь приход пушнины и связанных с ней ценностей с 1 сентября 1699 года по 1 января 1701 года, т. е. за 16 месяцев, вместе с остатком от предыдущего года составлял 88 соболей (по

старой привычке еще писали 2 сорока 8 соболей), 207 лисиц красных, 18 рысей, 68 россомах, 3 выдры, 2171 горностай, 16811 белок, 53 половинки лосиных, 2 песца белых, 26 заячин, подскор бобровый, тулья ролдужная, 90½ пудов рыбы и 280 рублей 25 алтын денег[1].

Главной частью пушнины стали белки и горностаи. Илимские волости уже в 90-х годах XVII столетия подавляющую часть ясака и таможенных сборов давали разными заменителями соболя. Соболиный ясак стал фикцией, а соболь — условной единицей измерения. Когда Братский «уезд» перешѐл в ведение Илимска со своими ясачными волостями, представители «ясачных иноземцев» подали челобитную исправляющему воеводскую должность Ф.М. Антипину, прося разрешить сдавать вместо соболей другой пушниной, а также рыбой и деньгами. Челобитная «Братцкого присуду ясачных иноземцев Верх-и-Низ-Ангарской Подострожной волости, Окинской волости и Ицкой волости» за знаменами тунгусов — представителей помечено январем 1719 года. Антипин велел «выписать» и приказная палата, т. е. приказная изба, дала справку, что ясачным сборщикам велено «збирать собольми, а у кого в промыслу соболей нет, за соболиное число — лисицами, белками, лосинами и всякою мягкою рухлядью и деньгами, по рублю за соболя».

Приговором 19 марта 1719 года Антипин удовлетворил просьбу ясачных людей (арх. № 114, св. 12, лл. 43-45).

В партиях отправляемой в Москву или в Тобольск пушнины соболь стал редкостью. Количество отправленной в Тобольск в 1719-1721 годах пушнины приводится в таблице 101.

Самая неценная или дефектная пушнина продавалась на месте или выменивалась на более дорогие и нужные Москве шкур-

Таблица 101

Виды пушнины	1719	1720	1721
Соболей с лапами и хвостами	23	22	26
Лисиц красных	46	119	185
Рысей	4	1	4
Выдр	2	1	4
Белок	22480	20454	17655
Горностаев	153	90	150
Россомах	—	—	12
Волков	—	—	88
Медведей	—	—	29

[1] Сибирский приказ. Книга 1289, лл. 212-233.

ки. Однако, и посланная в Тобольск пушнина, несмотря на отбор, имела много недостатков. Так один соболь был «недошлой», хвост у него пришивной, два волка — «недошлые», 2 — малые, у 5 лисиц «на чемрах побилось», 1 лисица — вешница, 3 оленины в свищах.

Стоимость отправленной пушнины за 3 года составляла 2836 рублей 4 алтына 2 деньги. Сбор в таможнях оказался ничтожным — 311 белок на 5 рублей 17 алтын (Россыпь, № 46, св. 5, лл. 195-196).

По ведомости, составленной, видимо, около 1730 года, учтено в 1721-1724 годах по Усольской, Верхне-Илимской, Нижне-Илимской, Киренской и Хандинской, Верхне-Окинской и Ицкой, Верх-и-Низ-Ангарской Подострожной, Верх-Ангарской и Удинской волостям 210 недоимщиков, за которыми числилось недоимки 750 соболей, образовавшейся за 4 года (Россыпь № 53, св. 7, без начала и конца). Упомянутые 210 недоимщиков не внесли ясака по причинам: «увечной» — 1, умерших — 55, старых, «которые на промыслы и на всякие свои угодья ходить не могут» — 81, скудных и неимущих — 24, скорбных, т. е. больных — 18, беглых — 31.

По Киренской и Хандинской ясачной волости есть список 35 ясачных людей, с указанием, кто и чем заплатил в 1723 году (Россыпь, № 42, св. 5). Эти тунгусы были обложены окладом в 150 соболей, кроме того числилось недоимок предшествующего года 100 соболей. Полностью заплатило 23 тунгуса, внеся 5200 белок, 31 горностая и 5 лисиц. Это равняется 111 соболям (1 соболь=50 белкам=15 горностаям=1 лисице красной). Один тунгус внѐс половину ясака, остальные 11 не платили вовсе. Причины недоимочности: 1 — стар, 1 — скорбный, 1 — слеп, 3 — бежало, 5 — «за звериной скудностью упромышлять не могли».

Итак, по существу, соболиного ясака в Илимском воеводстве не стало. Финалом соболиного ясака за 75 лет существования Илимского воеводства нужно считать приправочную книгу Верхне-Илимской ясачной волости на 1726 год (Россыпь, № 66, св. 7, лл. 6-9). В ней записаны поимѐнно 33 взрослых тунгуса и 4 подростка. Всего надлежало по окладу на 1726 год собрать 110 соболей с взрослых (около 3⅓ соболя с человека) и 4 соболя с подростков. Тут же указаны размеры надоимок за 1719-1725 годы и в конце списка дано указание: «А на 719 и на 720 и на 721 и на 722 и на 723 годы доимок не спрашивать». На всякий случай тут же ясачным сборщикам предлагалось сделать расследование о причинах недоимочности.

Так был поставлен крест на долгах по ясаку за 5 лет. Более ранние долги спрашивать было бессмысленно.

Правительство, получая сведения о всѐ усиливающемся падении соболиного промысла, принимало целый ряд мер, чтобы сохранить его, так как он давал валюту международного значения. Лица, сопровождавшие соболиную казну в Москву, в особенности если в числе их были таможенные головы, допрашива-

лись в Сибирском приказе о причинах умаления соболиных доходов. К жалобам ясачных людей на русских в Сибирском приказе относились более внимательно, чем к челобитьям русских. Воеводы беспрестанно получали наказы о мягком обращении с ясачными людьми, о недопущении отвода ясачных земель под пашни, о бережении лесов от пожаров, а в конце XVII века — о запрещении русским промышлять пушнину по заповедным рекам. Бывали случаи ликвидации начатого пашенного дела, если оно велось на ясачных землях. В 1691 году из Сибирского приказа поступило распоряжение иркутскому воеводе Кислянскому, что великим государям стало ведомо, что на Байкале в Баргузинский острог переведены из Енисейска служилые люди «на вечное житье и велено им служить с пашен, без хлебного жалования. А наперед сего на Байкале пашен не бывало, потому что места лесные и ясачные». И Сибирский приказ дал распоряжение перевести этих служилых людей в Иркутск, «чтоб в байкаловских острогах они, служилые люди, пашен не заводили и лесов под пашни не сбили и не жгли, и от того бы де зверь не выводился... А впредь пашни пахать не велеть». (Иркутский государственный архив. Столбцы XVII столетия. Столбец 7, документ 15). В этом же столбце, документ 14, баргузинские служилые люди в числе 7 человек просят разрешить им снять «наш насеяной хлеб, который насеян к нынешнему ко 199 (1691) году, чтоб не разоритца».

Ясачные сборщики перед отъездом в ясачные волости получали точный наказ, как им действовать. Чаще всего в волость посылалось 3-4 человека.

1 января 1726 года всем ясачным сборщикам был вручѐн следующий наказ: ехать в такую-то волость, взяв в илимской воеводской канцелярии «имянные окладные ясачные книги и подарочную казну — олово и китайский шар (табак) — ясачным людям на подарки за ясачной их платеж». Далее идѐт 20 пунктов инструкции. Ниже излагаются эти пункты по инструкции Михаилу Наумову о сборе ясака в Киренской и Хандинской волости (Россыпь, № 66, св. 7, лл. 1-5):

1. Приехав в волость — выслать ясачных тунгусов на промыслы «на посторонные реки в соболиные и в звериные ясачные угодья».

2. Смотреть, чтоб ясачные люди не жили у крестьян в деревнях и не шатались бы.

3. «А за их службу и за ясачной и поминочной платеж будут они, ясачные тунгусы, пожалованы... жалованием свыше прежнего, необидно».

4. По возвращении тунгусов с промысла собрать с них ясак «по приправочной ясачной имянной книге на настоящей 726 год». Кроме того, взыскивать и недоимки за прошлые годы. В принятом ясаке давать тунгусам отписи. Смотря по величине ясака, — давать подарки, т. е. олово и китайский шар. «И кормить по их обыкности». Олово и шар записывать «с очискою».

5. «И держать к ним, ясачным людем, ласку и привет и обнадежить их государевым жалованьем. А жесточи и налоги им отнюдь не чинить и ничем их не грабить. И посулов и поминков себе с них не имать».

6. Тех, кто не заплатит — привозить в Илимск.

7. Подыскивать подростков и захребетников от 18 лет и старше. «А меньши 18 лет в ясак не писать».

8. Если на ком ясаку наложено мало, то прибавить.

9. Собранную пушнину записывать в ясачную сборную книгу, к которой тунгусы должны приложить знамена.

10. Пушнину держать за печатью.

11. Смотреть, чтобы никто с тунгусами не торговал и не спрашивал с них долгов, пока они платят ясак.

12. Если обнаружат торговцев, то у них всѐ отнимать в казну, составив роспись отнятого. Самим сборщикам не торговать, вина и шару не возить. Лишних подвод не брать, «чтоб в подводной гоньбе крестьяном и ясачным людем лишние тяготы и убытков не было».

13, 14. За ясак денег не брать. Если у тунгусов пушнины нет, пусть покупают для сдачи сами. Но если купить не смогут, то за соболя брать деньгами по l½ рубля.

15. За полный сбор «будете пожалованы... жалованьем и служба ваша написана будет в послужной список имянно».

16. Приехав в Илимск — всѐ сдать.

17-19. Тунгусов Курейского зимовья выслать в Мангазейский уезд[1].

20. Если нарушите инструкцию и обидите тунгусов «и про то сыщетца допряма», то будете посажены в тюрьму, «а животы ваши будут записаны на ея императорское величество... все без остатку».

Наумов расписался в получении ясачных книг.

Принятые правительством меры по спасению соболиного промысла оказались безрезультатными. Хищническое истребление зверька и повсеместные лесные пожары привели к исчезновению его на огромных пространствах.

Но илимские воеводы долго ещѐ прикладывали к важным бумагам печать с изображением соболя, а Илимск слыл средоточием соболиных богатств[2].

[1] Об этом подробно говорится на стр. 556-566.

[2] Даже в конце XVIII века, спустя 100 лет после падения соболиного промысла, с именем Илимска связывалось представление о соболях. «Географический лексикон Российского государства или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера... обширной Российской империи... из достопамятных известий собранный коллежским ассесором и города Вереи воеводою Федором Полуниным, а с поправками... и с предисловием... Герарда Фридерика Миллера», Москва, 1773, под словом «Илимск» на стр. 103 указывает, что «в уезде оного ловятся нарочито черные соболи». Во втором издании этого словаря — «Новый и полный географический словарь...»,

Несмотря на то, что исчезали мировые запасы соболя, на экономике земледельческой Сибири это никак не отражалось. Разумеется Россия лишилась крупных валютных фондов. Сибирский же крестьянин продолжал освоение земель, не замечая, хотя и громадных, но сторонних для него перемен. Для народов Сибири падение добычи соболя означало резкое ухудшение их экономики и усиление зависимости от местной администрации. Ни один из илимских тунгусов, несмотря на огромный охотничий опыт и на большие затраты труда, не мог уже вмести ясак полностью. Правительство ограничило свободу туземца в продаже им пушнины, повысило расценку на соболя; ясачные сборщики вторгались во внутреннюю жизнь родов, опираясь на олово, табак, корм, «ласку и привет». Естественно, что началось бегство ясачных людей. Возникла передвижка целых тунгусских родов.

Наиболее разорѐнные тунгусы, потеряв экономические корни, которые их связывали с своим народом, выпадали из родной среды и уподоблялись гулящим русским людям, деля их судьбу. Наиболее удачливые переходили к земледелию или становились казаками, т. е. служилыми людьми. Вот почему уже с середины XVII века можно встретить среди пашенных крестьян новокрещенных тунгусов. Состояние туземных промыслов есть обратный показатель развития туземного земледелия.

Русские, появившиеся на берегах Ангары, Илима и Лены в 30-х годах XVII столетия, встретились здесь с двумя народами: с бурятами и тунгусами. Первые были кочевниками-скотоводами, вторые кочевниками-охотниками. Ни те, ни другие не занимались земледелием. Все исследователи прошлого бурят приписывают им земледелие, хотя бы в зачаточной форме. Основанием для этого служат несколько отписок и замечаний первых русских землепроходцев, видевших, якобы, просо и гречиху у бурят.

Но в решении этого вопроса нельзя опираться только на показания первых русских пришельцев. Такую же ошибку сделали русские, когда, увидев у бурят серебро, решили, что на Ангаре есть серебряные разработки. Слухи о жилах серебра дошли до Москвы и была снаряжена большая и неудачная серебряная экспедиция Хрипунова, искавшая этот металл по Ангаре между Кежмой и Братском. Серебро буряты доставали из Монголии, куда шли водно-сухопутные дороги от Ангары и Лены. Там же они могли выменивать и просо.

Русские не наследовали от бурят ни одной культуры, ни одного сорта, ни одного сельскохозяйственного орудия, в противоположность европейцам, пришедшим несколько ранее в Север-

Москва, 1788, повторено: «В округе оного (т. е. Илимска) ловятся нарочито черные соболи» (том II, стр. 75).

Свящ. М. Сизой, указывая в цитированной ранее статье, что «Г. Клюшников в своѐм энциклопедическом словаре, изданном в 1876 г., об Илимске говорит, что этот город ведѐт будто бы торговлю с Китаем», справедливо замечает: «Самая жалкая ирония над Илимском» (стр. 50).

ную Америку, где они заимствовали у индейцев десятки новых растений и переняли технику их возделывания[1].

Наоборот, буряты, переходившие к земледелию, целиком восприняли русскую технику сельского хозяйства. А так как основой русского земледелия были рожь и овѐс, то и буряты взялись за эти культуры. В документах Илимского воеводства XVII и первой четверти XVIII столетия ни разу не упоминается о посевах у пашенных крестьян и у других слоѐв населения проса или гречихи. Эти культуры стали проникать в едва заметных размерах в северные районы Иркутской области лишь с середины XIX века, но и сейчас возделывание их находится там в зачатке и носит скорее опытный характер.

Возможно ли, чтобы буряты, будто бы знавшие культуру проса и гречихи, забыли еѐ мгновенно с приходом русских и не вспоминали о ней в течение двух веков? Кстати, у бурят, тунгусов и якутов даже нет своих, народных названий ни для проса, ни для гречихи.

Вот почему приходится отрицать существование, хотя бы и слабого земледелия у кочевых народов, населявших пределы возникшего впоследствии Илимского воеводства и считать, что первыми, кто принѐс земледельческую культуру и навсегда внедрил еѐ в Ангаро-Илимо-Ленском крае, были только русские.

После сравнительно короткой борьбы с местными народами, закончившейся победой русских, последние не встали на путь истребления подчинѐнных народов, как то делали испанцы, португальцы, голландцы, англичане и многие другие завоеватели-колонизаторы, не ломали хозяйственного и бытового строя бурят и тунгусов, а включили его как составную и во многих случаях как самостоятельную, почти равноправную часть общего строя русского хозяйства на востоке.

Будучи окружѐнными растущим и крепнущим укладом русского земледелия, а местами оказавшись вкрапленными в него, буряты постепенно переходили к новым формам хозяйственной жизни и в XIX веке стали, по крайней мере в Предбайкалье, земледельцами, мало отличавшимися от русских крестьян. Больше того, в этой новой для них сфере они сделали крупные успехи, временами обгоняя своих учителей. Этот процесс перехода к земледелию у тунгусов едва наметился.

Ввиду того, что подавляющая часть бурят оказалась вне границ Илимского воеводства, документы илимской приказной избы не отражают истории перехода бурят к земледелию. Одна-

[1] В ежегоднике департамента земледелия САСШ «Farmers in a Changing World. Yearbook of Agriculture», Washington, 1940, помещѐн очерк Everett E. Edwards «American Agriculture — The First 300 Years». Отметив заимствования европейцами у индейцев способов возделывания местных растений, автор на стр. 174 замечает: «Однако основная система возделывания остаѐтся по существу той же самой, какой она была найдена белым человеком при его появлении в Новом Свете». Из последних работ заслуживает внимания книга Norman Scott Brien «A History of Agriculture in Europe and America», New-York, 1940.

ко, поскольку некоторая часть бурят, в пределах Братского острога и в верховьях Лены, а также значительная часть тунгусов, оказалась в Илимском воеводстве, нельзя обойти тех первых фактов, которые говорят о земледельцах — бурятах и тунгусах конца XVII и начала XVIII столетий.

Так как переход бурят и тунгусов к земледелию означал разрыв со старым кочевым бытом, включение в среду пашенных крестьян и хлебных обротчиков было обусловлено крещением в православную веру. Поэтому единственным отличием русских крестьян от крестьян-бурят или тунгусов вначале было прибавление к имени туземца-крестьянина слова «новокрещенный». Но во многих случаях в фамилиях таких крестьян сохраняется корень туземного слова.

Просмотр имѐн пашенных крестьян по книгам Сибирского приказа и Илимского воеводства позволяет установить, что в 1653 году среди илимских землепашцев не было ни одного туземца. В 1655 году воеводой Оладьиным построены в пашню под Верхоленским острожком М.Г. Ханяпта и Ефимко Клементьев. Они должны были пахать государевой пашни 1 десятину и ½ десятины яровых, но сбежали в Дауры. В 1663 году в Усть-Киренской волости среди пашенных крестьян появляется Баженко Афанасьев сын Юхлай; его имя встречается в той же волости в 1667 году, но в 1672 году он уже в Орленге. В этом же году среди Илгинских пашенных крестьян упомянут Григорий Елизарьев сын Новокрещен.

В книге пашенных крестьян за 1699 год в Яндинской волости названы «новокрещенные Ондрюшка да Митюшка Степановы Берегаевы», они платили вместе 2½ чети ржи; в Илгинской волости «на новокрещене Гришке Федорове с детьми» оброку было две чети с осминою ржи, на новокрещене же Климке Васильеве 3 четверти ржи; в Бирюльской волости земля пашенного крестьянина Ортюшки Григорьева Сѐмина «по ево скорби» передаѐтся: ¼ дес. его сыну Ваське, а вторая ¼ дес. новокрещену Онтошке Якимову. В той же волости но чслобитыо четырѐх крестьян велено быть им в оброке, в том числе новокрещену Юшке Иванову, с пашней ¼ дес. ржи и ¼ дес. яровых (это не посев, а государева пашня, весь посев составлял примерно 2 дес.).

Как видно, все эти крестьяне, за исключением первого, потеряли в своих именах признаки своего происхождения и единственным следом его осталось слово новокрещенный. Минует некоторое время, отпадѐт это слово и тунгус или бурят затеряется среди русских крестьян.

В октябре 1706 года служилый Степан Рыжков производил по поручению воеводы выдел снопового хлеба в Удииской слободе. Однако его отчѐт был опротестован илимской приказной избой, так как он произвѐл выдел хлеба в государеву казну не только со служилых людей, пахавших лишние пашни, но и с крестьян, что было неправильно. В протесте, с которым согласился во-

евода, излагается суть дела и даются справки о тех хозяйствах, которые платят отсыпной хлеб и следовательно не подлежат обложению выдельным хлебом. Благодаря этой справке можно узнать о двух хозяйствах бурят: «у гулящих людей, у Петра да у Григорья мунгальской породы с присевочной доброй ярицы полтораста снопов, по опыту две чети с полуосминою (т. е. Рышков выделил с их посева 150 снопов, умолот с которых составил 2¼ четверти). А в прошлом, в 705 году декабря в 8 день по челобитью тех гулящих людей Петра Заморина да Григорья Шабарчи, они ж мунгальской породы, послано из Ылимского в Новую Слободу указная память к слободчику к Василью Воронецкому: велено ему им в Ново-Удинской слободе отвести под пашню и под сенные покосы и под дворовое строение и под огороды и под гумно землю с переведенцами споваль супротив четвертушика (т. е. как крестьянам, пахавшим ¼ дес. тяглой земли). И для нового поселения велено им дать лошадь. А на 706 год взять с них велено оброчного хлеба вновь вопче три чети ржи» (арх. № 74, св. 6, л. 163 и об.).

Значит, этих бурят устраивали наравне с русскими крестьянами и даже давали подмогу. Укрепились ли эти хозяйства в новых местах? Одно из них мы находим в ведомости жителей Илгинского острога за 1744 год (арх. № 1217, св. 117), сам Григорий умер в 1738 году в возрасте 70 лет, а его семья продолжала пахать там же, в дер. Константиновской.

Конечно, это лишь начатки перехода к земледелию отдельных представителей местных народов, это ещѐ только эпизоды, которые, несмотря на их незначительность, нужно отметить как первые случаи ухода из родной среды и как попытку жить в новом, необычном укладе.

Среди русского населения новокрещенные обычно занимали подчинѐнное место, были больше гулящими, подворниками, работными людьми и не вели таким образом самостоятельного хозяйства. Так книги упоминают жившего по р. Оке новокрещенного «тунгуской породы» Мих. Алекс. Осиповых, про которого говорится, что он кормится чѐрной работой (арх. № 152). По сказкам 1720-1722 годов упоминаются: «на подворье якуцкого роду новокрещен» (Илгинский острог) или: «у него живет в работе тунгуского роду новокрещен Д.Г. Степанов» (д. Закорская). В Бадинской деревне у Братского Спасского монастыря были два новокрещенных тунгуса 20 и 18 лет, очевидно работники, там же был единственный крепостной — монастырский человек Яков Мунгал (арх. № 160).

Изредка в делах упоминаются и крепостные «мунгалы». Типичный пример можно привести из дела 1705-1706 годов (арх. № 74, св. 6, лл. 452-460). Здесь собственником туземца оказался зажиточный пашенный крестьянин Криволуцкой слободы Василий Бубнов, живший на Воронинской заимке. О его хозяйстве уже упоминалось. Вот относящаяся сюда часть его показа-

ний: «Купил де он, Василей, мужика мунгальской породы имянем Кирила, в прошлых годех. Да он же, Василей, в прошлых годех купил девку тунгуской породы, именем Агафью, у якуцкого посацкого человека у Василья Глызина. Цены де дал денег 17 рублев. И в прошлом де 208-м (1700) году купленного своего мужика Кирила он, Василей, женил на той девке Агафье. А женясь де тот ево дворовый Кирило жил де у него, Василья, в дому 5 годов. И в прошлом 704-м году отпустил де он того дворового своего человека Кирила на волю. А по отпуску де ево куды он Кирило ушел, про то де он, Василей, не знает. А жена де того дворового его человека после мужа своего Кирила жила у него, Василья, в доме до нынешнего 706 году, июня до 7 числа. А июня де с 7-го числа тое женку Агафью сослал де он, Василей, из дому своего. А в прошлом де 701-м году дал ей отпускное письмо, ево де Васильевы руки. Да с нею же с Агафьею отпустил сына Андрея Кирилова, сорока дву недель».

Вот что означало быть дворовым человеком.

В россыпи бумаг за 1708 г. имеется память илимского воеводы Лаврентия Ракитина тутурскому приказчику П. Березовскому, по которой вырисовываются, хотя и не полностью, судьбы одной мунгальской семьи. Воевода начинает свой наказ напоминанием: «22 августа 1708 года ты прислал в Ылимск челобитье мунгальской породы. Екима Иванова сына Шергина, да две скаски тутурских пашенных крестьян». В челобитье Шергин писал, что пришѐл «в прошлых годех из мунгальской земли в даурские остроги, некрещен, в самых малых летех», затем жил в Верхоленском остроге «в улусах у брацких мужиков». Те отдали его крестьянину Большой Манзурской деревни Гр. Борисову, затем он попал к тутурскому пашенному крестьянину Фр. Аксамитову, «а в продажу ли или задаром поступились, про то он не знает». Аксамитов женил его на своей дворовой девке мугнальской породы Орине Ивановой дочери. С ней Шергин прижил 2 сына и 3 дочери: две Марьи да Наталью. За шесть лет до описываемого события умерла жена Шергина, а он остался попрежнему работать у Аксамитова. Подросли сыновья, стали работать на того же хозяина «и работают доныне бес крепости с его работными людьми. А он ево на волю незнаемо для чего не выпущает». Шергин просит освободить его и детей и «жить бы ему в Тутурской слободе в оброчных крестьянах». Аксамитов подтвердил, что мунгал жил у него 17 лет, но указал, что у него была на мунгала купчая, сгоревшая при пожаре.

Челобитье Шергина поступило на рассмотрение воеводы, последний в наказе приказчику написал: «свободить на волю, так как Аксамитов крепостей не объявил, сказал про крепости ложно». Детей отдать отцу «безволокитно, с роспискою», ему жить в оброчных крестьянах и платить с 1709 года по 1½ чети ржи. На Шергина взять поручную, а если «порутчиков» не будет, «отдать десятцким на росписку». Всѐ дело длилось месяц:

Шергин писал 22 августа, ответ пришѐл в Тутурскую слободу 25 сентября. Среди хлебных обротчиков Тутурской волости в книге десятинного и оброчного хлебного сбора за 1722 год встречается фамилия Шергина, но с другим именем. Вероятно, это был сын челобитчика; он платил как и отец, 1½ чети ржи, и притом платил исправно.

Ниже приведѐн ещѐ один случай освобождения крепостного «мунгала» (Россыпь, № 18, св. 2, лл. 75-77, нумерация славянская).

7 ноября 1703 г. воеводе, когда он приехал в Яндинский острог, поступило челобитье «новокрещена мунгальской породы Исака Лукьянова сына». Он встречается то под именем Лукьянова (это было его отчество), то под именем Михайлова, что было его настоящей фамилией. В челобитье излагалось, что полковник Онтон Юрьевич фан Шмалымберх (фон Шмаленберг?) привѐз Исака из Селенгинска в Яндинскую слободу и оставил там его больного у братьев Подкаменных. «А не велел меня никому не продать и не закабалить и письменные крепости на меня им не дал, а велел отпустить на волю». После выздоровления Исак стал работать у Подкаменных. Когда братья поделились, то Исак достался Сергею Подкаменному. Челобитная заканчивается просьбой освободить его от холопства, так как «за водню[1] и за хлеб и за соль я робил 10 лет». Теперь он обязуется платить оброк — 1½ четверти ржи в год.

По заявлению допрашивается Сергей Подкаменный. Он отрицает, что мунгал был оставлен ему немцем Онтоном и уверяет, что выменял Исака, которому тогда было десять лет, у братского мужика за коня. Но крепости на мальчика якобы не взял.

В тот же день, т. е. 7 ноября, к воеводе явились оба, хозяин и крепостной и сделали словесное заявление, которое было тут же записано: «...и ныне мы по любовному своему договору, сыскав в сердцах правду, помирились». Исак заявил, что «мне на него не бить челом и не отыскивать никоторыми делы». А Сергей сказал, что отпускает Исака на волю «и впредь мне, Сергею, и братьям моим... до него Исака дела нет и не вступатца».

Почему-то воевода замедлил с решением дела и только 21 декабря вынес приговор: Исаку Михайлову быть в хлебных обротчиках в Ново-Удинской слободе и платить, начиная с 1 января 1704 года, 1½ четверти ржи, о чѐм послать память приказчику. На полях дела помечено: «В окладной книге Исак Лукьянов справлен».

Имя беломестного казака С.Г. Подкаменного встречается до конца исследуемого времени, а имя Исака Лукьянова Михайлова исчезает, — он из Ново-Удинской слободы бежал.

[1] Очевидно, за то, что водились, т. е. ухаживали за больным.

В двух делах Илимского воеводства (Россыпь, № 14, св. 2, и № 30, св. 4) имеется одна и та же запись о покупке бабы: «Генваря в 13 день (1711 года) писана купчая и поступная запись Туруханского уезду, Курейского зимовья, Бояршина роду тунгусу Агиул Чюпахин, что дал запись илимскому атаману казачью Ивану Березовскому на купленую свою бабу тунгуской породы Маюк, по руски Парасковью, что взял за нее денег у него 10 рублев. И с сей покупной записи за письмо 8 копеек взято». Кто такой был этот тунгус, выяснится из последующего изложения.

Из приведѐнных примеров видно, что представители местных народов встречались среди русских единицами. Основные массы их продолжали вести кочевую жизнь. Но тот, кто в силу какой-либо причины отрывался от родной среды, чаще всего превращался в гулящего человека, в хлебного обротчика, изредка в пашенного крестьянина или служилого человека, а в отдельных случаях становился крепостным.

Но крепостное право в Сибири не имело экономических корней, и правительство не раз запрещало закрепощать ясачных, поэтому местные власти должны были содействовать освобождению попавших в холопство туземцев и садить их на пашню.

Истощение соболиных угодий сильно ухудшило положение туземцев и усилило их зависимость от местных жителей. Началось бегство ясачных людей, иногда целыми родами. Нельзя не остановиться на одном забытом эпизоде из жизни тунгусского народа, который больше всех расплачивался за падение соболиного промысла.

Пожалуй, из всех дел илимской приказной избы этот эпизод даѐт наиболее полное представление о положении тунгусов среди русских ясатчиков на грани XVII и XVIII веков. На нѐм лежит зловещий отблеск приѐмов беспощадных колонизаторов испанско-английского типа.

При изучении бумаг Илимского воеводства была встречена в одном из дел 1704 года (арх. № 61, св. 5, гл. V) странная «роспись Туруханского уезду Курейского зимовья ясачным тунгусом, которые по челобитью своему приносили ясак в Киренской и Хандинской волосте». В росписи названы 5 тунгусских родов: 1) Хамерина род — никого не сыскано, 2) род Колобовщины, 12 человек — сдали 6 соболей, 500 белок и 7 лисиц красных, 3) Коненкин род, 4 человека — сдали 350 белок и 1 лисицу, 4) род Бояршины, 10 человек — сдали 370 белок, 9 лисиц и 3 россомахи, 5) род Шалаткин, 7 человек — сдали 350 белок, 6 лисиц и 1 медведно. Неразысканный род Хамерина, как выясняется далее, состоял из 22 взрослых и 2 подростков. Тут же встречаются знамѐна, т. е. фигурные подписи, изображающие лук со стрелой в различных положениях, и названы имена трѐх аманатов.

Всѐ это вызывало недоумение, как могли тунгусы Туруханского острога, с Курейки, с низовьев Нижней Тунгуски, отстоящих от Илимска за 1½-2 тысячи вѐрст, платить ясак в Киренской и Хандинской ясачной волости, т. е. на Киренго-Ленском водоразделе, вблизи от берегов Байкала.

Впрочем, курейские тунгусы не в первый раз появились в пределах Илимского воеводства. Они бежали в 1652 году «з голоду», как они объяснили таможенному подьячему Никифору Качину, который расспрашивал их в зимовье на Нижней Тунгуске. Сибирский приказ по этому вопросу решил: «Ясак велеть имать против иных ясачных людей»[1].

В 1653 году 28 тунгусов Мангазейского уезда сдали на Чечуйском волоке 78 соболей[2].

Среди неописанных дел денежного и ясачного стола за 1703 год обнаруживаются бумаги, раскрывающие начало упомянутого эпизода (Россыпь, № 20, св. 2, лл. 235-260).

3 марта 1703 года в Илимск приехал крестьянин Нижне-Киренской волости Г.А. Ощепков и привѐз из Киренска тунгуса Гиляпту Балтуринова на подводе, оплаченной там ясачным сборщиком илимским пятидесятником Иваном Пашковым. Денег было заплачено немало — 1½ рубля. Значит, дело было важное.

Гиляпта явился в приказную избу и подал воеводе Ф.Р. Кабанову челобитную за знамѐнами четырѐх тунгусских родов и поднѐс в поминок воеводе 2 соболя «с пупки и с хвосты». Затем он рассказал, что дней 10 тому назад пришли с Тунгуски реки на Лену князец Такиня Чернеев с 4 родами, в числе 70 человек и 20 неясачных подростков — с жѐнами и детьми «и с юртами и с оленьми и со всем кочевым их заводом», что стоят они юртами против Киренска на Мельничной речке, а некоторые против Воронинской деревни. Далее Гиляпта сообщил, что пришедшие тунгусы обратились к Ив. Пашкову с челобитной, но он еѐ не принял и велел обратиться с ней к воеводе. Тогда тунгусы дали Гиляпте денег на подводу, «а сколько он не знает» и отправили его в Илимск с толмачом. Они решили просить Качанова принять ясак в Илимске, по 3 соболя с 70 человек. А если он откажется, то «они де ясачные тунгусы назад в Курейское зимовье не пойдут, а отойдут де они на сторонные реки в иные дальные землицы». Гиляпта от имени тунгусов заверил воеводу, что они могут дать аманатов, что местные тунгусы от них «шатости и измены не чают», так как они «на звериных промыслах волость с волостью схаживались и меж себя у них свойство, дают они друг за друга дочерей своих и сестр замуж и встречались на Лене в деревне у Коршуна».

[1] Н.Н. Оглоблин в 3-й части «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа», М., 1900 г., на стр. 54 упоминает об этом деле. См. Сибирский приказ. Столбец 586, ч. II. Сообщение из Илимска — лл. 403, 404, 406; ответ Сибирского приказа — лл. 405, 407.

[2] Сибирский приказ, столбец 429.

Воевода Качанов понял, что происходит крупное событие, чреватое большими последствиями — возможностью бесследного исчезновения из русских пределов нескольких тунгусских родов. Предотвратить это можно было только согласившись на просьбу бежавших с Курейки тунгусов. Но приѐм их в Илимск повлѐк бы к столкновению с мангазейским воеводой и грозил служебными осложнениями. Конечно, был ещѐ один выход: собрать казаков Илимского воеводства и силой вернуть беглецов в опустевшее кочевье и тем, может быть, заслужить милость царя. Дело было не только важное, но и очень срочное.

На другой день после приезда Гиляпты, 4 марта 1703 г., воевода отправляет в Киренский острожек ясачным сборщикам Ив. Пашкову, Г. Шелковникову и В. Караулову большему и целовальнику Ив. Ефремову чрезвычайно подробное и обстоятельное письмо на 10 страницах (листы в подшивке: 236, 237, 233, 238, 239). Как было принято в переписке тех лет, вначале идѐт изложение всех известных обстоятельств, т. е. что явился Гиляпта в Илимск, что Пашков не принял челобитье, что 4 рода — Колобовщины, Боярщины, Шалаткина, Хамерина и их князцы, всего 34 человека подали за своими «знамены» челобитную воеводе. Далее излагается еѐ содержание: «Збирают де с них ясак в Курейском зимовье ясачные зборщики, мангазейские служилые люди по 3 соболя с человека на год да сверх государева ясаку они, ясачные зборщики, у них, тунгусов, берут на себя грабежем, у кого сведают, лисицы, выдры, бобры и половинки. И чюмы лосиные, топоры и ножи и котлы отнимают сильно. И мучат их, куют в железа и в колоды садят и на руки смыки кладут — для своих пожитков. И жен и дочерей и сестр девок (в другой редакции: «сестр их, девок») емлют сильно на постели и сильничают и парней малых також пакостят. И идучи из Мангазейского города в Курейское зимовье аманатов их дорогою насильничают же. И заставляют их дратца с ыными тунгусами и побивать их для их ясатчиков пожитков. И как де они по их наученью тунгусов побьют и они, ясачные зборщики, побитых тунгусов животы обирают и делят по себе. И им де, тунгусам, от великие изгони мангазейских служилых людей, ясачных зборщиков, ясак платить в Мангазейской невозможно. И в нынешнем де в 1703-м году февраля в ... день от изгони мангазейских ясачных зборщиков, сродников своих — аманатов они отступились и ушли с Нижней Тунгуски на великую реку Лену». Далее в письме указывается, что тунгусы просят разрешить им промышлять вверх по Киренге, Чечую и Нижней Тунгуске, ясак платить в Киренский острог, а их сродников аманатов перевести из Курейского зимовья в Илимск.

После изложения обстоятельств воевода переходит к указаниям, что нужно сделать Пашкову и его товарищам. Он велит выбрать из тунгусов Киренской волости двух толмачей, «которые б тунгуской язык умели переводить на руской. И тех ново-

пришлых Курейского зимовья ясачных тунгусов лутчих людей допросить по их (зачѐркнуто: вере) шерти в правду добрыми толмачами, чтоб толмачи всякую речь сказывали, подлинную правду, безо лжы». Допросить же следовало о взаимных побоищах тунгусов, на которые толкали их мангазейские служилые люди, о именах тех, кто насильничал над тунгусами и осквернял их женщин «и аманатам их насильством беззаконие чинили». Требовалось узнать: «прикащики... про то ведали ль и на мангазейских служилых людей в таком беззаконстве они, тунгусы, в Мангазее воеводам или в зимовьях бивали ль челом. И подлинно ли им от мангазейских служилых людей... грабеж был, и по вся ли годы и подлинно ль они для ясачного платежу пришли в Киренской острожек». И по сколько зверей платили, и как имена их аманатов, где они ранее промышляли, где будут промышлять. «И велеть им к тем своим допросным речам по их быкности[1] знамена свои приложить и те их знамена велеть под всяким знаменем написать — чьи те знамена — порознь, имянно. И вместо толмачей (за их неграмотностью) велеть к тем же допросным речам руки приложить, кому они верят».

Если всѐ это будет выполнено и удостоверено, то, продолжает воевода, вам надлежит взять аманатов, принять ясак, записать каждого, взрослых и подростков, «по имяном с прозванием, как хто словет по родам, имянно, по статьям и хто что ясаку платил, а род с родом не мешать». Мало того, воевода велит, чтоб каждый тунгус под своим именем в книге прикладывал знамѐна «и те знамена подписывать — чьи знамена имянно». Книгу закрепить своими, т. е. ясачных сборщиков, руками. И ясак принять только по этой книге, столь тщательно оформленной. В приѐме ясака воевода приказывает выдать «платежные отписи имянно (именные расписки)».

Всѐ это должно было в какой-то мере обезопасить тунгусов от произвола илимских сборщиков, что оказалось далеко не лишним.

Не довольствуясь этим, Качанов прибавляет, обращаясь к Ив. Пашкову: «А самому б тебе и товарищам твоим и целовальнику и никому на себя никакова зверя ни половинками и деньгами не имать и не покупать. И того б тебе смотреть, чтоб им, ясачным тунгусом, ни от кого обиды не было». Воевода предупреждает, что ослушников ждѐт наказание.

Далее предлагается, собрав ясак, книгу запечатать печатью Пашкова и передать целовальнику. Кроме того, принятых зверей записать в свои особые сборные книги (предосторожность на случай утери ясачной книги или возможных подделок в ней).

Вслед за этим воевода предлагает «обнадежить их, тунгусов, великого государя жальем (жалостью?, сочувствием?)», заверить, что им будет дано жалованье, корм и подарки, объ-

[1] Похоже «быклости», т. е. по их обыкновению или обычаю.

явить о согласии воеводы принять их в Илимское воеводство, «а обид и налог и грабежу ни от кого к ним не будет». Если кто их в чѐм «изобидит, — и они б били челом великому государю, а в Илимской сами приезжали или челобитные свои с ездоками присылали. А против их челобитья оборонь и управа (в подлиннике: управя) на обидящих будет вскоре». Но тут же воевода предупреждает и тунгусов, чтоб они кочевали в тех местах, куда они просились и не откочѐвывали на дальние посторонние реки, жили бы смирно, не обижали бы ни русских, ни местных тунгусов и не обманывали бы государство. Далее предлагается, чтоб тунгусы выбрали в каждом роде своего начального десятского, «чтоб меж ими непорядства никакова не было».

Наконец, воевода приказывает выслать в Илимск: показания тунгусов, именную книгу за знамѐнами и толмаческими руками, ясачную книгу, заверенную в том же порядке, собранный ясак и заложников. Подводы, которые потребуются, взять у киренского приказчика Ив. Панютина.

Трудно вообразить более ясное и исчерпывающее письмо, предусматривающее решение всех сторон возникшей задачи. А писал его незаметный, неименитый и забытый историей воевода одной из самых глухих областей мира. К чести Качанова нужно сказать, что поднесѐнный ему Гиляптой подарок был передан в казну.

Как управитель, до конца знавший своих людей и свои обязанности, воевода не упускает ни одной мелочи. Ведь может случиться, что приказчик Панютин не даст подвод, так как он не подчинѐн ясачным сборщикам. Он — приказчик русской Киренской волости, а они — сборщики ясачной Киренской и Хандинской волости. В том же письме значится: «А о подводах к Ывану Панютину указ послан» (письмо это имеется в деле, лл. 250, 251, 252).

Но может случиться, что у ясачных сборщиков и писать будет не на чем. «А для допросу и на книги послано к вам с тунгусом з Гиляптою Балтуриным десть бумаги писчей».

Но может быть, кроме аманатов в Илимск пожелают ехать их друзья, чтоб удостовериться, не ловушка ли всѐ это, и своевременно предупредить товарищей. В письме сказано: «А буде они, новопришлые тунгусы, лутчие люди 2 или 3 человека похотят с аманатами ехать в Ылимской и их, тунгусов, взять с собою в Ылимской».

Опасения воеводы, чтоб не учинилось тунгусам обиды и предупреждения, которые он сделал в письме, были не напрасными. Слишком уж заманчива была пушнина, ещѐ на памяти у всех, потрясала соболиная горячка тайгу, ещѐ не отгремела слава удачливых промышленных людей, возвращавшихся «к Русе» с сотнями сороков соболей «и с хвосты и с пупки». А тут по-

явились беглецы, потерявшие право на защиту в родном крае и, может быть, ещѐ не добившиеся этого права здесь.

Незадолго перед тем, в феврале 1703 года, орленский приказчик А. Толстоухов сообщил, что пашенный крестьянин донѐс ему на своего соседа, тоже крестьянина, И. Тупицина, который ходил в юрты тунгусов на р. Тагаре и там ночевал две ночи. Пришлось допросить Тупицина, с какой целью посещал он юрты. Тот показл, что ночевал только один раз, а ходил починять им лыжи и луки, а «не для ради торгу и мены и не для должные взятки».

Как видно, в Илимском воеводстве были установлены порядки, чтобы русские без дела не посещали тунгусов и не оставались у них на ночь.

Пока Пашков исполнял поручение воеводы о производстве допросов и о сборе ясака, от приказчика И. Панютина пришло тревожное письмо: 28 марта ему заявили словесно двое усть-кутских жителей, назначенных на помощь Пашкову и его товарищам, что они их «не призывают и ездят де по юртам иноземским одне и берут де с них взятки нагло: постели и половинки», причѐм об этом сообщил якобы Гиляпта. Панютин прибавляет, что Пашков и его товарищ Рогаткин были допрошены в усть-киренской судной избе и подтвердили, что «ходили де они в юрты к тунгусам для ясашного збору, а взяли де у него, Гиляпты, 3 половинки да постелю, а больше де с него Гиляпты они не бирали». По-видимому донос на этот раз не раскрывал злоупотреблений[1].

Между тем 5 апреля были закончены допросы тунгусов. Документ этот дополняет письмо воеводы от 4 марта. Тунгусы сообщили, что в 1702 году «у Монастырские деревни на хребту» в лесу было убито, по наущению мангазейских служилых людей, 9 тунгусов из рода Коненков. Названы и имена истинных убийц: приказчик Ив.М. Гармолов, толмач Сем. Токуреев, подьячий Ан.Н. Смольник. После убийства Коненков тунгусы «баб и девок по себе розделили», а имущество убитых взяли приказчик и толмач. На убийство тунгусов толкали угрозами отрубить голову за непослушание, ибо об этом есть де указ от мангазейского воеводы. Здесь же названы имена тех насильников, которые «их девок на постель имали», осквернили аманатов и грабили их животы в 1698 году: приказчик Василий Бобровской, толмач Вас. Тимофеев и другие, всего 10 человек.

Очевидно, в Курейке было осуществлено какое-то мошенничество с подменой соболей и когда один из аманатов пожаловался на это воеводе Семѐну Волчкову, тот бил его кнутом. Кроме того, тунгусы показали Пашкову, что курейские казаки

[1] Этот донос и допросные речи Пашкова и Рогатина сохранились. Они находятся в деле Киренского острога за 1703 год (Россыпь. № 17, св. 2, лл. 52-53).

и служилые люди просили у них на зиму баб и девок, обещаясь, не брать с них за это ясак.

Нет никаких оснований не верить беззащитным тунгусам, бросившим своих заложников в Мангазее и бежавшим за тридевять земель к другому воеводе, который мог оказаться хуже мангазейского.

Илимск ждал теперь аманатов. Видимо они шли самостоятельно, без участия Пашкова. 15 мая 1703 года в приказную избу явился местный тунгус Шароглаз Балтуринов и привѐл князца Газиула Човакина и с ним 13 человек Колобовщины и Шалаткина родов (лл. 239 об., 245, 246, одного листа нет). Шароглаз рассказал, как он встретил этих представителей: «приплыли сверх Куты реки те вышеписанные тунгусы в лотках тунгуских берестяных и приплыв на усть Куты реки взяли его Шароглаза с собою в Ылимской в вожи и для толмачества». Почему-то тунгусы избрали необычный путь, может быть, ведомый единичным знатокам той местности. Вместо того, чтобы подняться от Киренска по Лене до Усть-Кута, они, видимо, вернулись на Нижнюю Тунгуску, поднялись по ней до еѐ верховьев и пересекли хребты, отделяющие еѐ от р. Б. Ичеды, притока Куты.

Того же числа воевода произвѐл опрос тунгусов. Они повторили свои жалобы. Новым оказалось убийство аманатами двух притеснителей — толмача Вас. Тимофеева с братом, которое произошло «тому де пять лет». Названы новые лица — ясачные сборщики Макс. Ярофеев, Дм. Микулин, толмач Семѐн, «а чей сын, того сказать не помнят». Подтвердили убийство 7 чел. из Коненкина рода, причѐм погибло 2 тунгуса Шалаткина и 4 — Бояршина родов.

Произведя допрос и оформив это в виде документов (концы их утеряны), воевода создаѐт ещѐ один документ — челобитье тунгусов на имя Петра I[1]. Всѐ вместе взятое — первоначальные показания, допрос в Киренске, допросы в Илимске, челобитные тунгусов, скреплѐнные 36-ю знамѐнами — представляло серьѐзные доказательства виновности мангазейских ясачников и служило хорошим обоснованием действий воеводы.

В делах Сибирского приказа есть письмо Качанова, в котором он сообщал об отсылке своего письма от 14 мая 1703 года о приходе 4 тунгусских родов; там же сохранилось челобитье Ив. Пашкова на имя воеводы о приѐме ясака и челобитье Ив. Панютина о приезде туруханских служилых людей, ясачных сборщиков, которые требовали расследовать факт посылки Пашковым письма на Курейку. На обороте сообщения Качанова есть помета: «Выписать»[2].

[1] См. фотоснимки 30 и 31 с этого челобитья и с знамѐн, находящихся на его обороте.
[2] Сибирский приказ. Книга 1372, лл. 910-917.

25 июля Ив. Пашков, Вас. Караулов и илимский посадский человек Ив. Трестин привозят аманатов от 4 родов «и те аманаты отданы за караул илимских служилых людей десятнику казачью Юде Кузнецову». Был составлен документ о передаче заложников, «Юда Кузнецов аманатов принял и росписался».

Надлежало решить вопрос, как кормить и содержать заложников. Начало этого дела утеряно. Приказная изба, по поручению воеводы, дала справку, порывшись в старых делах. Начинается эта справка с конца какой-то утерянной записи, что на «сало говяжье и на муку ржаную вышло (года выдачи нет) 19 рублев 15 алтын 2 деньги, на аманатские ж волостные и иноземские кормы для ясачного платежу вышло 16 четвертей с полос миною и с четвериком ржи, 20 гривенок соли». Эту часть выписки нужно понимать так, что на продовольствие заложников израсходованы деньги, а на организацию ясачного сбора — рожь и соль, в таких-то размерах. Далее в справке указывается, что в 1682 году аманатам и ясачным людям на покупку мяса и сала, «за 70 пуд за полвосьмы (т. е. за 7½) гривенок... да за аманатское ж хлебное печенье посацким людям (названо 4 человека), да служилому человеку Гаврилу Торлопову денег в росход вышло 26 рублев 20 алтын 1 деньга». Кроме того, в Илимске израсходовано 18 четвертей без полосмины (17¾) ржи, 1½ пуда соли. «А со 190-го (1682) году по нынешней 1703-й год... в Ылимском аманаты не были». Можно опустить другие справки, составленные одним из знатоков своего дела, подьячим Степаном Березовским.

На основании справок, как документального обоснования предстоящего решения, воевода 1 октября 1703 года приговорил: «против прежних приговоров... давать из казны... чем бы им сытым быть, а в государеве казне росходу не было, при прежнем, с убавкою: на покупку мяса говяжья по 3 деньги на день человеку[1], да хлеба — по пуду муки ржаной, по фунту соли на месяц» и деньги выдавать воротнику (караул у крепостных ворот) Юде Кузнецову под расписку. Приговор пошѐл в хлебный стол, как основание для производства расходов.

Несколько ранее, как только в руках Качанова оказались главные документы излагаемого дела, он пишет мангазейскому (?) воеводе Ивану Фѐдоровичу Николеву обстоятельное письмо. В делах сохранился черновик без пометы о времени составления, без указания фамилии и должности адресата; но из последующего видно, что письмо отправлено 21 июня на имя Николева. Начинается оно так: «Господину Ивану Федоровичу Федор Качанов челом бьет», вслед за этой вежливой формой обращения, принятой в то время при переписке равных по служебному положению лиц, идѐт сжатое изложение фактов о явке

[1] Пуд мяса в 1682 г. стоил 13 алтын 2 деньги, в 1703 году цены не изменились, значит, на человека полагалось 1½ фунта мяса в день.

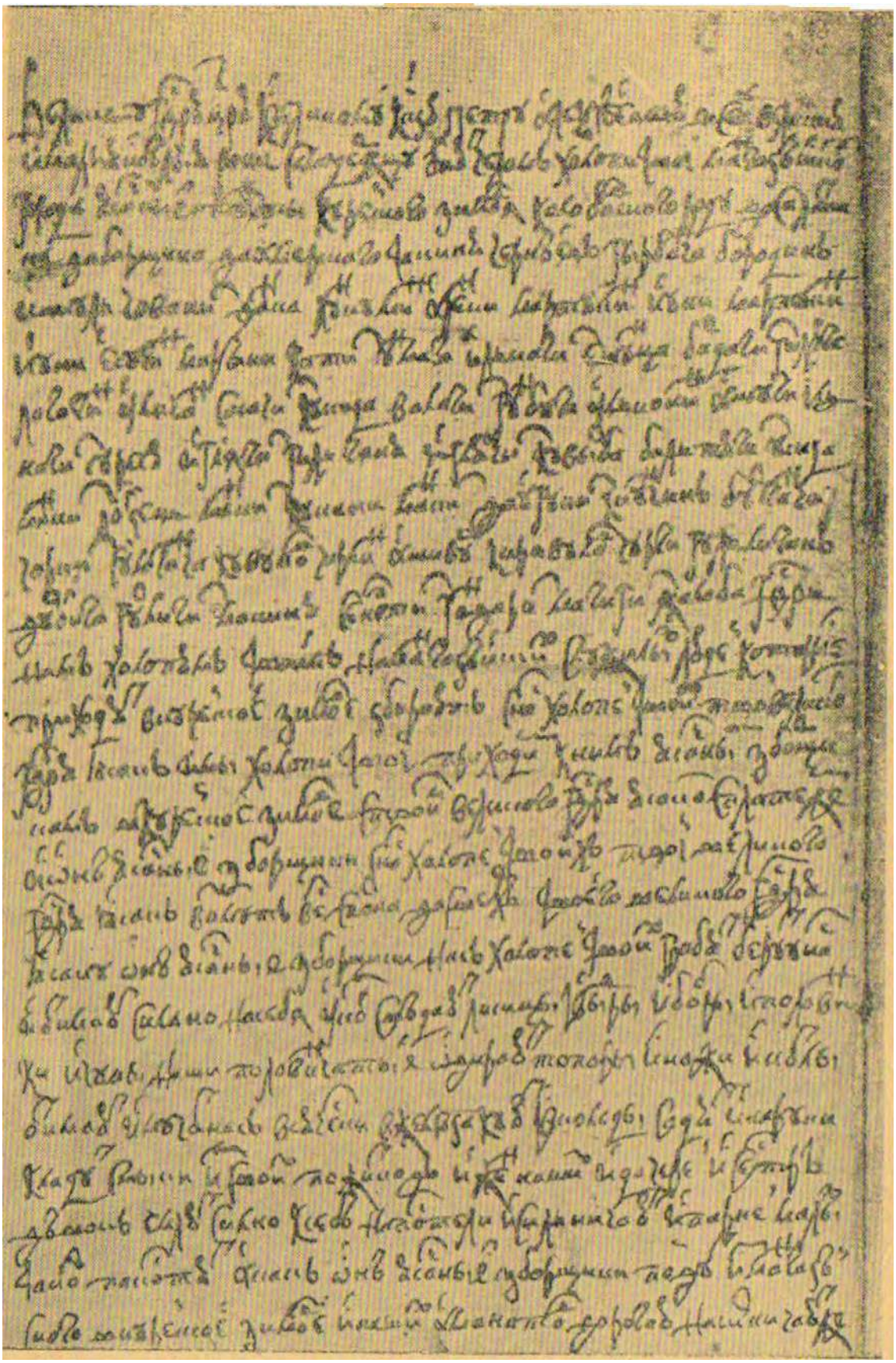


Фото. 30. Челобитная тунгусов, бежавших в Илимск с Курейки (подписи тунгусов см. на фото. 31)

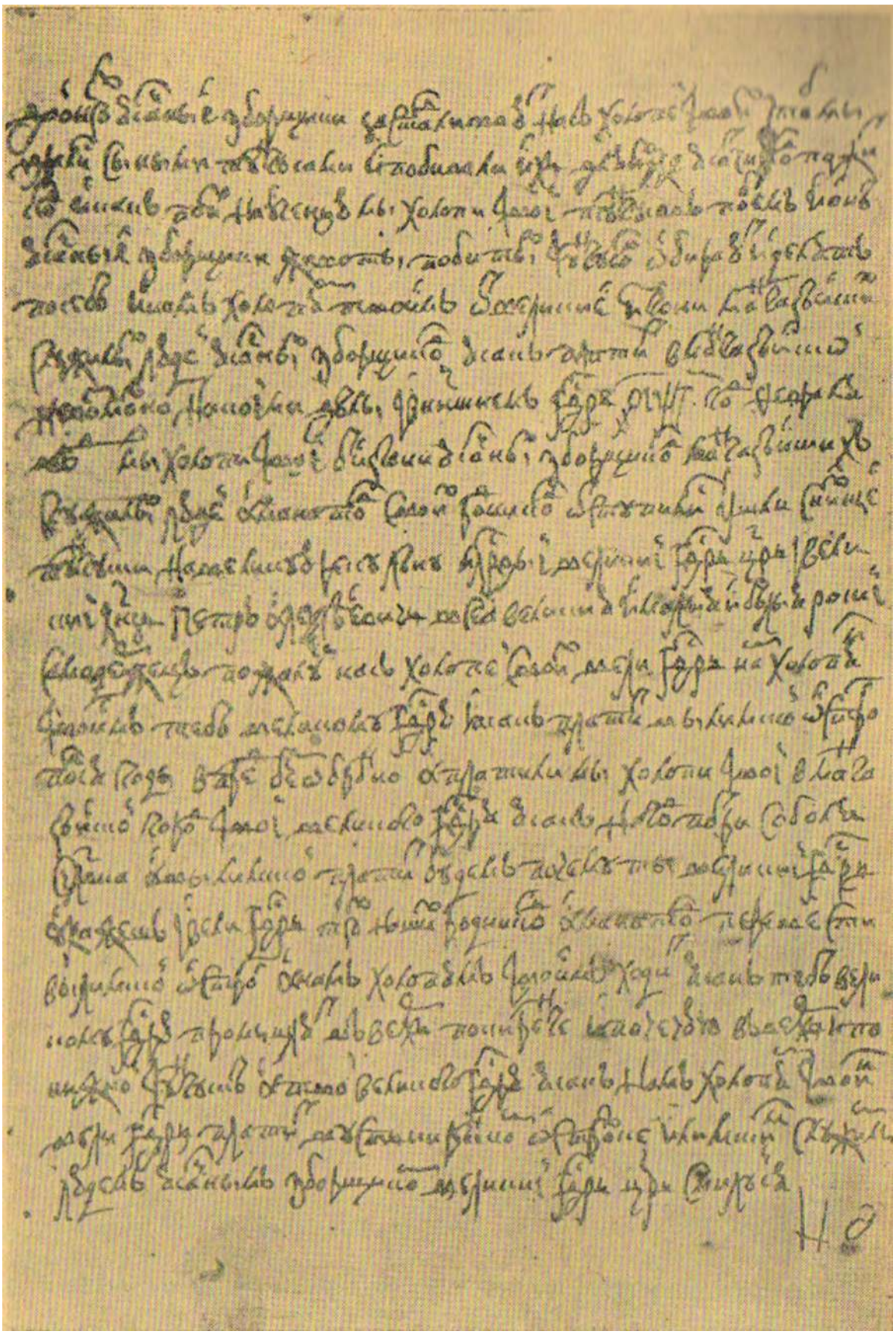


Фото. 30. а Челобитная тунгусов, бежавших в Илимск с Курейки (подписи тунгусов см. на фото. 31)

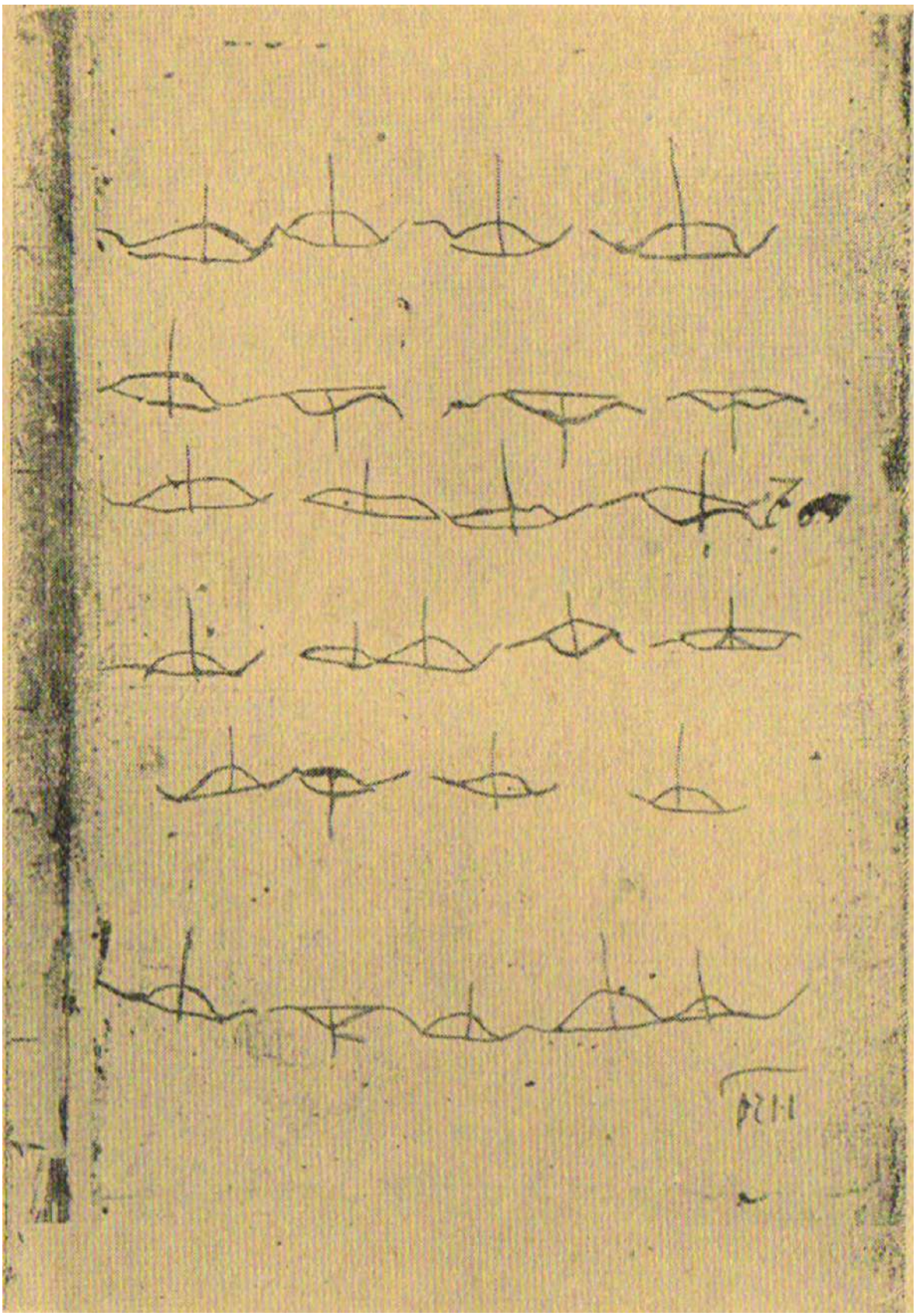


Фото 31. Фигурные подписи или знамена тунгусов на челобитной

тунгусов в Илимск, о подаче ими челобитной, о допросах, о количестве принятого ясака, о подарке Качанову бобра малого, а затем — 2 соболей, о допросе тунгусов в Киренске «про убийство мангазейских ясачных тунгусов и про насильство жен их и детей и про грабеж тех мангазейских тунгусов». Между прочим, Качанов указывает, что он разрешил принять от них ясак по мангазейским окладам, «чтоб те тунгусы за ссорою своею в сторону Китайского государства не отошли, и государеву ясаку недобору не было». Изложив принятые в Илимске меры, он заканчивает письмо так: «И о тех мангазейских тунгусах, о приходе их из Курейского зимовья в илимские ясачные волости к великому государю (полный титул) к Москве я писал». Конец письма отсутствует, нет и копии письма в Сибирский приказ. Зато сохранился ответ Николева, сына воеводы. Он передаѐт вначале то, что писал ему Качанов. Далее он излагает содержание призыва илимского пятидесятника Ив. Пашкова к оставшимся в Мангазее тунгусам, что их сородичи устроились в Илимском воеводстве и что остальным нужно последовать их примеру[1]. Николев сообщает, что допрашивал аманатов оставшихся в Мангазее, которые будто бы заявили, что их родам обид не было. Он пытается припугнуть Качанова, говоря, что «тунгусы, умысля воровски, на мангазейских ясачных зборщиков били челом великому государю ложно, отбываючи великого государя ясаку, что им было где льготнее... И от того в Мангазее во всех ясачных зимовьях ясачные тунгусы, слыша их, курейских тунгусов, воровство, меж себя и над ясачными зборщики чинят смертные убойства. И в нынешнем 703-м году от того в Мангазее учинился многой недобор». Николев сообщает что обо всѐм он написал к государю, в Москву, и что для сыска и для обратной высылки тунгусов на Курейку он послал десятника стрелецкого Осипа Кривованова.

Очевидно, это дело должна была решать Москва и Кривованов, вероятно, вернулся ни с чем, так как в делах Илимского воеводства сохранился наказ ясачным сборщикам Киренской и Хандинской волости о сборе ясака с новопришедших тунгусов на следующий 1704 год. Этот наказ помечен 29 декабря 1703 года, т. е. после того, как Кривованов мог совершить свою поездку в Илимск. А в 1704 году, как указано в начале этого очерка, 4 рода тунгусов платили здесь ясак.

В Сибирском приказе долго не могли разобраться в этом деле. Но, видимо, под давлением неоднократных сообщений из Мангазеи, что ясак не собирается полностью из-за бегства тунгусов, Сибирский приказ 16 апреля 1706 года, сославшись на то, что бежавшие тунгусы живут на Лене по деревням «у пашен-

[1] Об этом бестактном письме есть особая переписка (Россыпь, № 15, св. 2). Там же есть копия этого письма. Попала она и в Сибирский приказ, как доказательство неправильных действий илимских служилых людей.

ных крестьян в работе и пропиваются на пиве и на табаке и ясаку не промышляют», предложил выслать их всех в Мангазейский уезд, в Курейское зимовье» (Россыпь, № 23, св. 3).

Но вряд ли этот указ был выполнен, тем более, что с начала событий минуло 3 года. Курейские тунгусы могли за это время рассеяться по огромной территории, не теряя в то же время внутренних родовых связей. Часть же их, не желая возвращаться к мангазейским сборщикам, могла перейти на положение гулящих людей. Кроме того, имеются и прямые доказательства того, что эти беглецы навсегда остались в приютившем их крае. Так в 1721 году с 8 мангазейских тунгусов Курейского зимовья поступило ясаку 750 белок, 2 медведна, 3 оленины, 5 половинок лосиных (Россыпь, № 46, св. 5, лл. 195-196). В 1726 году ясачным сборщикам, отправляемым в Киренскую и Хандинскую ясачные волости, было дано указание, чтобы они выслали беглецов в Мангазейский уезд в Курейское зимовье, на прежние их места. Не обошлось без угроз — если ясачные сборщики примут ясак с курейских тунгусов, то их сошлют в Нерчинск «к рудоплавному делу» (Россыпь, № 66, св. 7, л. 5).

Потомки курейских тунгусов, вероятно, и сейчас живут в пределах Иркутской области, именно в Катангском районе, на речке Чае. Там встречается много тунгусов с фамилиями: Коненкины, Бояршины, Салаткины (видимо, бывший род Шалаткина) и Колобовщины. Нет только имени Хамерина. Но ведь этот род не был сыскан ещѐ в 1704 году. Русских с такими фамилиями в Катангском районе нет.

Конечно, современные потомки забыли, что когда-то их праотцы бежали в пределы Илимского воеводства, что это было связано с одним из драматических эпизодов истории их народа. Впрочем, как знать, может быть, предания об этом живут ещѐ и теперь, через 250 лет, среди сынов этого, столь гонимого в прошлом народа.

Всѐ сказанное о местных народах в Илимском воеводстве подтверждает мысль о том, что главной, решающей частью экономики Сибири было пашенное дело. Соболь имел временное значение. Ниспадающая кривая динамики его заготовок изображает результаты, к которым приходит всякое хищническое хозяйство.

ГЛАВА VIII

МЕРОПРИЯТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С РАЗВИТИЕМ ПАШНИ

СНАБЖЕНИЕ ЯКУТСКА ХЛЕБОМ

С первых же лет появления на Лене русских возникла трудная задача снабжения хлебом северо-востока Сибири, т. е. Якутского воеводства. Переброска хлеба в Якутск из Тобольска являлась чрезвычайно сложной и длительной операцией, связанной с большими расходами и потерей хлеба. Поэтому правительство поощряет развитие земледелия по Илиму и верхнему течению Лены и предпринимает меры по заселению этих краѐв. С возникновением Илимского воеводства главная задача по организации сплава хлеба в Якутск возлагается па илимских воевод. В первые 30-35 лет, пока местное земледелие не могло полностью покрыть потребность Якутска в хлебе, осуществлялся ещѐ сплав хлеба из Енисейска на устье р. Илима. Отсюда он перебрасывался к Илимску, а затем через Ленский волок на устье р. Муки. Здесь он погружался на суда и шѐл по Лене до Якутского острога.

Якутские воеводы заблаговременно, иногда с осени, направляли своих служилых людей в Илимск с наказом, чтобы они приняли там барки с хлебом и доставили их в Якутск. Например, якутский воевода Францбеков 10 сентября 1649 года посылает Драгунку Прокофьева с товарищами, которым велит явиться в Илимск «и говорить воеводе Тимофею Шушерину, чтоб он по государеву указу государевы ленские хлебные запасы за Ленской волок перевозить велел и... велел зделать 8 кочей добрых да 15 дощеников да 3 лодьи». Далее идут указания о приѐме хлеба и сплаве его с устья р. Муки. Если Шушерин не исполнит государева указа, то Прокофьеву поручалось послать 5 человек с челобитьем в Москву[1].

Для поделки судов первоначально назначались служилые люди «которые б были плотничать горазды», но это их сильно

[1] Сибирский приказ. Столбец 360, лл. 42-45.

затрудняло и они просили об освобождении от подобных работ. Они указывали, что, не имея возможности плотничать, нанимали других строить суда, платя из своих средств по 35 рублей за барку. Но Сибирский приказ отвечал: «Быть так, как указано»[1]. Однажды Шушерин, «видя нужду и бедность служилых людей», купил кочь, т. е. большую барку, у пашенного крестьянина Фомки Абрамова за 70 рублей. Москва согласилась и деньги с служилых людей взыскивать не велела (там же, лл. 47-50). Вскоре была сделана попытка основать судостроение на подрядах. Например, посадский человек Ив.Фил. Бутора «подрядился есми... сделать для Даурской службы 5 дощаников по семи сажен — по колоде — печатных, шириной трех аршин со штью вершки». Место строительства — Кривая Лука, срок — «на Петров день и Павла, святых апостол, нынешняго 161 (1653) году». Таких подрядных и поручных записей за 1653 год сохранилось несколько десятков[2].

Но и этот путь оказался неудобным. Поэтому всѐ дело судостроения с 1655 или 1656 года возлагается на особых постоянных судовых плотников.

Так как енисейский, а тем более тобольский хлеб поступал нерегулярно, то возникала необходимость покупать его на месте, а если не было денег, то и занимать. Например, в 1654 году было куплено «на посаде и в уезде» 5160 пудов, занято 2750 пудов ржи. В 1656 году было занято у атамана Никифора Качина 1000 пудов ржи. Воевода Оладьин просил Москву разрешить оплату этого хлеба; он объяснял необходимость займа тем, что «ведомо мне учинилось, что ис Тобольска и из Енисейского острогу ваших, государевых, ленских хлебных запасов на ленские якутцкие росходы в нынешнем во 164 (1656) году к Ленскому волоку и в Якутцкой острог в присылке не будет[3].

В 1658 году было куплено 606 пудов муки и ржи, а также занято у пашенного крестьянина С.Д. Ступина 1000 пудов ржи.

Размер сплава муки и зерна в Якутск из илимских волостей и количество хлеба, поступившего из Енисейска, в пудах, показаны в таблице 102.

По бумагам 1703 года (арх. № 76, св. 6, лл. 92-100) можно установить, что за 16 лет, с 1682 по 1698 год, было отправлено в Якутск 112 дощаников и каюков и 22 барки, т. е. по 8,4 судна в год. Вероятно с 40-х годов XVII века по вторую четверть XVIII века на илимских плотбищах было построено 600-700 судов.

На 1 дощаник уходило снастей и материалов: судовых скоб по 800-900 штук (на барку — 500), пеньки по 3 пуда 10 фунтов (на барку — 3 пуда), лык таловых по 4 пуда, смолы по

[1] Сибирский приказ. Столбец 314, лл. 60-66.
[2] Сибирский приказ. Столбец 586, часть 1, лл. 67-88.
[3] Сибирский приказ. Столбец 471, часть 1, лл. 204-205.

Таблица 102

Годы	Поступило из Енисейска	Отправлено в Якутск	Годы	Поступило из Енисейска	Отправлено в Якутск
1652	8657	13758	1675	2288	4368
1653	1723	неизв.	1677	2628	4724
1654	1240	10465	1691	—	1296
1656	—	7181	1896	—	5640
1657	4667	6968	1700	—	11504
1658	—	5580	1706	—	22990
1663	12845	5972	1709	—	24024
1671	—	5394	1714	—	24760

3 ведра и варовых веревок по 25 сажен. Кроме того к баркам и дощаникам придавались лодки.

Проведение работы по сплаву предполагало: сосредоточение в начале зимы всего собранного хлеба в государевых житницах, переброску его зимним путѐм и частью весной из отдалѐнных житниц к ленским пристаням, поделку заблаговременно необходимого количества судов, передачу под расписки якутским хлебным приѐмщикам, заготовленных припасов, проводку судов в краткое весеннее половодье по мелким и опасным местам.

Все звенья этой работы строго документировались.

Для успешного осуществления сплава необходимо было в ноябре-декабре принять хлеб от крестьян, обротчиков и других сдатчиков. При этом велись записи поступления в приходных хлебных книгах, а крестьянам выдавались отписки. Житницы к этому времени починялись.

Так как якутские уполномоченные принимали хлеб только на Лене, то нужно было подвезти грузы к немногим пунктам. Его сосредоточивали на устье р. Илги, в Орленской слободе, в Усть-Кутском, Киренском и Чечуйском острогах. Хлеб Ангарских волостей перебрасывался на Лену так: из Ново-Удинской слободы зимним гужом — на устье р. Илги; из Яндинского острога — на верховья р. Илима в д. Кочергинскую, где жил хлебный приѐмщик, назначенный Илимском; из Братского острога по Ангарскому волоку, также зимой, — в Илимский острог или к Яндинскому волоку; из Кежемской слободы вверх по Ангаре — на устье р. Илима и далее до Илимского острога. Но отгрузка из последней волости была незначительной и о ней документов не сохранилось. Доставленный в дер. Кочергу хлеб ранней весной сплавлялся в Илимск. Таким образом, здесь сосредоточивались запасы из Яндинского и Братского острогов и из Ниж-

не-Илимской и Кежемской слобод. Отсюда по Ленскому волоку хлеб перевозили на устье речки Муки, а затем водным путѐм доставляли по Купе и Куте в Усть-Кутский острог.

Доставленный к местам отправления хлеб надлежало грузить сразу после ледохода на дощаники и барки. Так как сплавлять приходилось вниз на тысячи вѐрст, то суда обратно не возвращались. Было целесообразнее бросать их в Якутске, а к весне готовить в Илимском воеводстве новые. Это сильно осложняло всю операцию. Впрочем, несмотря на хозяйственную нелепость разового движения судов в одну сторону и уничтожения их после сплава, порядок этот просуществовал три столетия.

Лена в верхнем течении летом сильно мелеет и проход нагружѐнных судов становится невозможным, вследствие чего весь сплав должен осуществляться по полой воде, в мае и июне, после чего движение грузов делается рискованным. Для проводки судов приказчики выделяли «вожей», т. е. проводников, а если суда садились на мель, то принимали меры к срочному снятию их с мелей и перекатов; иногда приходилось привлекать всѐ окрестное население для перегрузки судов и стаскивания их канатами.

Воевода докладывал царю через Сибирский приказ о выполнении сплава, прилагая выкладки о движении хлебных запасов, и обосновывал план сплава на следующий год.

Подготовка к сплаву начиналась с середины зимы. Воевода по этому поводу заблаговременно рассылал приказчикам особые письма следующего содержания: «1721-го году генваря в ... день. По указу великого государя в Орленскую слободу приказщику Афанасью Мишарину. Как ты сей великого государя указ получишь и тебе б всей Орленской слободы с пашенных крестьян и с хлебных обротчиков собрать к Якутцкому отпуску на нынешней на 721 год, по окладу их, великого государя, оброчный отсыпной хлеб в государевы житницы по зимней дороге весь сполна. А у кого именем — и тому при сем, великого государя указе, роспись. И по той росписи принимать бы тебе в Орленской слободе в государевы житницы у пашенных крестьян и у обротчиков отсыпной хлеб по окладу, мерою в казенную осмину под гребло и сыпать в житницы. А на весне тот хлеб отдать в якутцкой отпуск на барки и на плоты якутцким хлебным приемщикам весь сполна без остатку, и в том у них взять росписку за их руками. А буде ныне якутцкие приемщики из Якутцка в Орленскую слободу для того хлебного приему пришли, и тебе б тот хлеб велеть — крестьяном и обротчиком — отдавать с возов при себе в прием якутцким приемщикам с роспискою, для того, чтоб на весне в том простою не было. А им, крестьяном и обротчиком в том хлебе давать тебе за своею рукою отписи. А того за якутцкими приемщики у отдачи хлебных запасов смотреть, чтоб они пашенных крестьян и обротчиков не обмеризали и за спорами бы лишнего хлеба без гребла не имали, и орленские бы кре-

стьяне и обротчики по окладу и против росписи отсыпной хлеб на 721 год отдали б в государеву казну весь сполна и впредь бы в доимке не на ком не осталось, и весной за тем якутцкому отпуску остановки не учинилось. А на огурщиках (уклоняющихся) имать тот хлеб в государеву казну ис правежу. А буде у которых крестьян хлеб не родился или за скудостью того хлеба... (документ не закончен; арх. № 122, л. 157).

Расставив людей и разослав поручения, воевода устанавливал контроль за исполнением его предписаний. Он должен был следить за ходом сложного дела, совершавшегося на огромном пространстве и во-время устранять возникавшие препятствия, замедления и остановки. Нужно признать качество связи его с острогами и слободами достаточно высоким. Гонцы передвигались быстро, достигая за несколько дней, в худшем случае за неделю, до самых дальних деревень. В важных случаях воевода появлялся сам на опасном участке.

Попытаемся проследить, как проходила работа по сбору и отправке хлеба в 1709 году.

Вначале поступают донесения приказчиков о сборе и перевозке хлеба из тех волостей, где сосредоточивался груз, предназначенный для отправки к ленским пристаням.

Вот от Петра Щегорина 19 февраля поступает сообщение, что он собрал хлеб со всех «опроче тех, кто отпущены из Киренска из приказной избы (редкий случай такого названия судной избы в те годы) па соболиные великого государя в промыслы». Собрано и отправлено 276¾ четверти 1½ четверика и ⅓ четверика ржи, 23¾ четверти и ½ четверика ячменя, 17 четвертей овса. Прилагается поимѐнный список всех крестьян, отмечаются те крестьяне, «за скудостью» которых хлеб взыскан на порутчнках, по общей их поруке «на лутчих людех». Итак, здесь всѐ в порядке, воевода только велит подьячим сличить книги Щегорина с пометными списками.

Следом, 11 марта поступает отчѐт из Братского острога от Михаила Шангина. Он переправляет в илимские житницы 187 четвертей «осталого» овса, причѐм сообщает имена крестьян с указанием, какое количество везѐт каждый из них. А для проверки собирает у целовальника «заручные записные книги», запечатывает их своей печатью и пересылает с илимским служилым челозеком Ив. Котовщиковым. Перед нами замасленная черновая книга целовальника, наподобие тех книг, которые и сейчас можно встретить у сельских кладовщиков. В ней 22 страницы. Образцы записей: «Ноября в 20 день отпущено с Юрьем Московским с сво тягла с полдесятины с осмухой — две четверти с осминою овса (т. е. с ⅝ десятины 2½ четверти). По сей записке Юрей Московский две четверти с осминою овса принял, по его велению Михайло Березовской росписался». Некоторые везли овѐс за себя и за своих товарищей. Каждая запись сопро-

вождается распискою в самой книге. Всего отправлено 92 человека.

Внизу целовальничьей книги другим почерком поставлен постраничный вес. Это илимская приказная изба проверяла счѐт принятого хлеба.

Но этого мало, надо получить отчѐт и от илимских городовых хлебных приѐмщиков Гаврила Мишарина и Ивана Юдина — как прошѐл приѐм ангарского привозного хлеба. Поступает и этот отчѐт. В нѐм отмечены: день приѐма, каких деревень, сколько четвертей, со скольких десятин. По указанным в книге датам и названным фамилиям можно приблизительно определить время нахождения в пути этого хлеба. Горносталев отправился по записям в Братске 23 ноября, прибыл по записям в Илимске 12 декабря, значит, был в дороге 19 дней. Ведерников ехал чуть не месяц.

Один из труднейших участков работы — переброска хлеба гужом с Ангары по Яндинскому волоку на деревню Кочергу и сплав его оттуда до Илимского острога.

Илимский служилый человек, десятник казачий Данила Карсаков отвечает за переброску хлеба с Ангары на Илим и за сплав до Илимска. Поступает и его отчѐт, написанный тонким почерком, с подписью «к сей приходной хлебной книге верхо-илимской хлебной приемщик Данило Карсаков руку приложил». Илимская приказная изба производит проверку, подводит итоги. Принято ржи и ярицы яндинских и братских пашенных крестьян 563 четверти без четверика, а приплавлено в Илимск на 19 плотах 533¾ четверти, выдано по распоряжению воеводы «в посев на ссуду в кабалу 4 чети ярицы и ту кабалу он, Данило (Карсаков), на него Наума (Золотарева) отдал в Илимском в приказной избе в хлебной стол», значит, осталось у Карсакова 25⅛ четверти.

После проверки отчѐта, занимающего 18 страниц, на первом листе помечено: «с окладною книгою справлена, верно».

Другой трудный участок — переброска из Ново-Удинской слободы на Усть-Илгу. Отвечает за переброску Михаил Мишарин. В списке 84 человека, не довезли 10 человек. Нужно установить — почему. И 3 февраля в ново-удинской судной избе производится допрос десятского Афанасия Шайдурова, всех ли пашенных крестьян выслал он на Усть-Илгу. Он показал, что выслал всех, но не знает, все ли довезли. Тогда допрашиваются 2 июня крестьяне, они подтверждают, что Шайдуров их посылал. Тут же объясняют причины недовоза. Так, Иван Хорлопан сказал: «пристала у меня на дороге лошадь», поэтому он хлеб оставил у крестьянина Нижней Слободы. Иван Чюлков не довѐз «за бесконством», а хлеб сдал за долг в Знаменской слободе. Алексей Чюдинов довѐз 3 четверти до Монастырской деревни, «на дороге кони занемогли» и он хлеб отдал крестьянам, кото-

рые обещали доставить его к сплаву 1710 года. Иван Золотарѐв не отвѐз «за конскою скудостью, для того что в тех числах лошадь у меня пала».

Доставленный на устье р. Илги хлеб надлежит грузить вместе с илгинскими заготовками на государевы суда. За это отвечает илгинский приказчик Яков Сенотрусов. 12 мая он шлѐт отписку в Илимск, которая прибывает туда 20 мая. В пей сообщается, что «по указу великого государя и по илимской указной памяти, против присланной из Ылимска окладной книги, принял я на усть Илги илгинской и ново-удинской пахоты хлеб, и здал якутскому приемщику под росписку 763 четверти с осминою ржи в ылгинскую государеву мерную заорленую осмину под гребло». А крестьянам и обротчикам «давал за своею рукою отписи... и майя в 11-м числе тот государев отсыпной хлеб на усть Илги из государевых житниц на 3 государевы барки погрузили. И на те барки дан им в вожи с усть Илги до Орленской слободы илгинских пашенных крестьян наемщик... Степан Грузной». Сенотрусов добавляет, что книг прислать не мог «за непоправкою» и обещал прислать «в скорых числех». Воевода штрафовал приказчиков, задерживающих отчѐтность, так как сам он должен был сводный отчѐт отсылать «к Москве», в Сибирский приказ. К письму Як. Сенотрусова приложена расписка якутского сына боярского Ивана Львова «с товарыщи» о приѐме хлеба. Барки отплыли 12 мая.

1 июня поступает отчѐт приказчика Тутурской слободы Петра Березовского. Ввиду мелководья в верховьях Лены собранный хлеб переброшен на усть Илгу, где сдан в количестве 193½ четвертей и 1 четверика якутскому приѐмщику Ивану Львову. Приходная хлебная книга и расписка Львова приложены к отчѐту.

Из Бирюльской слободы по мелководью сплавлять на барках рискованно, а везти до Илги далеко, поэтому приказчик этой волости Фѐдор Рупышев сообщает, что по указанию воеводы, он весь хлеб, собранный сполна, а именно 295½ четвертей отдал якутскому приѐмщику Лариону Дурневу на 2 плота. Прилагается обычная поимѐнная приходная книга и расписка Дурнева.

Конец отчѐта приказчика Орленской слободы Ивана Брагина утерян, а в отписке сообщается, что приѐмщику Львову отдано 146¾ четверти ржи. К отписке приложена книга без конца и расписка Львова.

27 июля в Илимск прибывает отчѐт киренского приказчика сына боярского Стефана Шангина, отправленный им 15 июля. В книге есть постраничные итоги, сделанные при проверке отчета в Илимске.

Без даты присылается книга из Усть-Кутского острога с отчѐтом о сборе и расходе хлеба, в том числе об отправке в Якутск.

Василий Воронецкой из Чечуйской слободы доносит о благополучной отгрузке «на государевы суды» 544¼ четверти хлеба, главным образом ржи.

Погрузка на суда ещѐ не означала, что работа закончилась хорошо.

Так 14 мая 1676 года якутский сын боярский Корнило Скворцов принял на устье р. Муки 5 дощаников с хлебом и задержался, вероятно, по неопытности или нерадению с отправкой судов до 28 мая. За это время вода убыла и при отплытии передний дощаник сел на мель, а остальные наскочили на него. Скворцов допустил и вторую ошибку, не сообщив сразу о происшествии в Илимск и надеясь снять дощаники с мели своими силами. Помощь Илимска запоздала и, несмотря на принятые меры, два дощаника снять с мели не удалось. На обороте донесения об этом деле есть строгая помета Сибирского приказа о допросе Скворцова, об отстранении его от дел и о взятии его на поруки до окончания следствия

26 мая 1706 года илимский пятидесятник казачий Андрей Баженов сообщал, что 4 барки и 8 дощаников с хлебом и с «вожами» сели на мель ниже монастыря «на розсыпную дресту». Когда воевода допросил людей, было отдано распоряжение — собрать окрестных жителей и, если нужно, разгрузить барки и снять их народом с мели. Но барки сами снялись большой водой, так как в верховьях Лены прошли, вероятно, большие дожди. Известно, что Лена и в наше время после длительных летних осадков резко повышает в некоторые годы свой уровень и топит сѐла Качугского района, причѐм и сам Качуг оказывается под водой.

Осложнения могли обнаружиться даже при благополучной, казалось бы, доставке хлеба к месту назначения, т. е. в Якутск, так как при приѐмке грузов иногда раскрывались злоупотребления как илимских приказчиков, так и якутских приѐмщиков.

6 мая 1706 года в Илимск, на имя воеводы Фѐдора Качанова, пришѐл ответ на его письмо от 26 августа 1705 года, в котором Качанов сообщал якутскому воеводе о количестве отправленного хлеба. Якутский воевода пишет, что сын боярский Пѐтр Шерстов вместо указанного Качановым количества, 1134¾ четверти, сдал в Якутске 1071 четверть с четвериком и малым четвериком. «Недостало, против твоей, господине, отписки 63½ четверти с четвериком без малого четверика ржи». Якутский воевода Михаил Шишкин добавляет, что Шерстов в допросе заявил, будто он принял у илгинского приказчика Ивана Роспутина 605 четвертей хлеба без меры. «И за прием без меры и за тот недомер учинено наказанье — вместо кнута бит батоги». Кроме того, было решено доправить «недомерный хлеб» с битого сына боярского и его товарищей. В заключение якутский вое-

[1] Сибирский приказ. Столбец 813, лл. 16-166.

вода просит Качанова велеть своим приказчикам отпускать хлеб мерою.

В другой партии хлеба, доставленной в Якутск в том же году с боярским сыном Иваном Кулаковским, недостало 193¼ четверти ржи, 35½ четвертей без четверика муки ржаной, 3¼ «отверти овса и 177 пудов 38 гривенок без четверти соли. При допросе в Якутске хлебные приѐмщики сознались, что продавали хлеб в Илимске по 5 коп. за пуд и при этом назвали имена покупателей, главным образом илимских служилых людей, «а соль де утекла от дождей, не была закрыта». Якутский воевода просит допросить купивших, а если они будут запираться, то выслать их в Якутск. Но покупатели не запирались, они только отрицали, что купили государев хлеб. По их объяснениям они покупали хлеб, причитавшийся якутским хлебным провожатым в качестве жалованья. Однако этими признаниями можно было только установить, куда ушло 99¼ четвертей, а остальное количество хлеба, свыше 130 четвертей, т. е. больше 1000 пудов, исчезло неизвестно куда.

Из предшествующего изложения можно извлечь данные о размерах барок и плотов, предназначавшихся для сплава грузов. На трѐх барках, отправленных с устья Илги, было нагружено 763 четверти ржи, т. е. по 254 четверти на барку, или около 2000 пудов.

На два плота в Бирюльской слободе нагрузили 295½ четвертей, т. е. по 148 четвертей, или около 1180 пудов. Мишарин по Илиму сплавлял на плоте по 28 четвертей, или по 225 пудов.

И сейчас ещѐ в низовьях Ангары, по Илиму и по Куте можно видеть барки, которые передвигаются вверх по реке парою лошадей, тянущих бичеву. Дощаники и лодки иногда снабжались парусами. Об этом можно судить по одной из описей острога, приведенной в настоящей работе, и по обложению крестьян некоторых волостей холстом «на парусы».

Наряду с отгрузкой хлеба, собираемого с илимских крестьян, изредка производились закупки его в деревнях Братского острога и в верхоленских волостях, подчинѐнных Иркутску. Такие закупки могли производиться в неурожайные годы, когда илимские крестьяне сдавали хлеб в государевы житницы не полностью, или для расширения винокурения или для упрощения сложной операции, какой был якутский отпуск. В последнем случае хлеб, купленный на Лене, непосредственно без перевалок сплавлялся в Якутск, а собранный в дальних деревнях Илимского воеводства шѐл на внутреннее потребление.

В 1694 г. «гость», т. е. крупный купец Иван Ушаков подрядился в Москве поставить в Якутск 30.000 пудов ржаной муки в течение 5 лет. В 1695 г. илимский таможенный голова Степан Пежемской пытался выяснить — оплачен ли пошлиной хлеб, который плавил сиделец Ушакова Алѐшка Боков на 4 дощаниках. Тогда прошло 6000 пудов. В 1697 г. на 5 плотах и одной барке

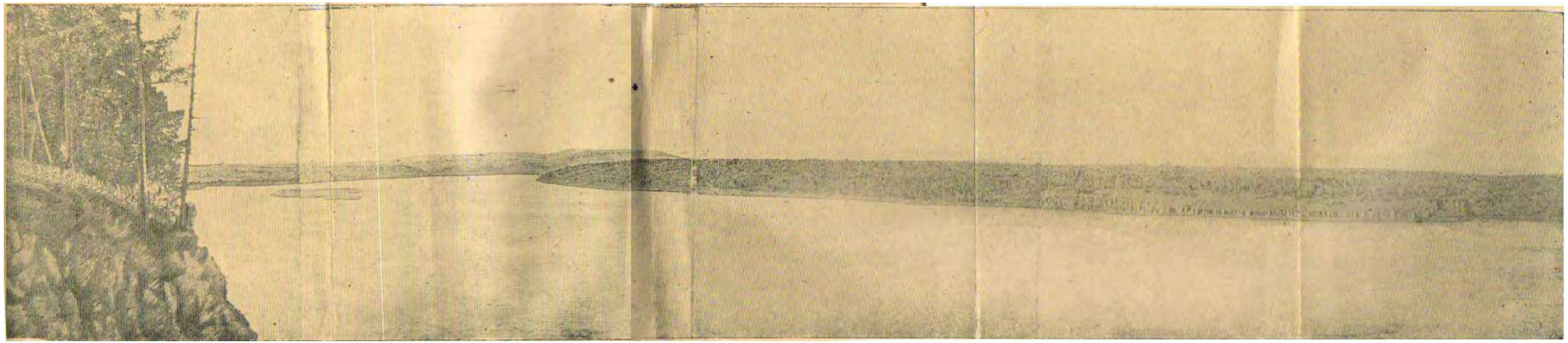


Фото 32. Над Похмельным порогом

проплыло, по словам Пежемского, около 18.000 пудов[1] Но это, кажется, был единственный случай крупной частной поставки хлеба в Якутск. Ушаков, крупный иркутский делец, его имя носит р. Ушаковка, впадающая справа в Ангару у гор. Иркутска.

Напомним, что в конце 1699 г. Москва подала илимскому воеводе мысль о закупке хлеба в пределах Иркутского воеводства для сплава вниз по Лене. Видимо, под влиянием этой мысли илимский воевода осуществляет закупку ржи в верхоленских волостях.

В сентябре 1701 г. по поручению воеводы, илимские служилые люди выбирают трѐх человек — пятидесятника Сюсина, десятника Ципкина и казака Парамонова для покупки хлеба в иркутских уездах. Илимские служилые люди при этом записали в протокол обычное указание: «... за нашим выбором в хлебной покупке великому государю радеть и прибыль в хлебной покупке искать, и денежной казны не истерять, не пить и не бражничать, и за воровством не ходить, и денежною казною не корыстоватца и ни в чем никакие порухи и хитрости не учинить». Воевода снабжает их 500 руб. денег и даѐт наказ-напутствие, чтоб они хлеб покупали добрый, сухой, без подмеси, не дороже 8 коп. за пуд, велит подвезти его зимой в ленские слободы, ссыпать там в добрые крестьянские амбары, а весной сплавить в Киренск, где сдать якутским хлебным приѐмщикам. Особое внимание обращалось на то, чтобы в пути выбранные служилые люди не пили и не бражничали.

Служилые люди выехали 8 сентября из Илимска, а уже 26 ноября от Сюсина поступило письмо, в котором он сообщает, что купил в Бирюльской слободе 3200 пудов ржи, у казаков Верхоленского острога 850 пудов, в Тутурской слободе 520 пудов, в Илгинском острого 1430 пудов, по 8 копеек «с великою нуждею». Сообщает, что хлеб пока оставлен у продавцов, что погрузка в амбары начнѐтся после Рождества и спрашивает у воеводы совета, не купить ли амбар на оставшиеся 20 рублей.

Воевода Качанов в это время уезжает по поручению Москвы в Красноярск ревизовать тамошних воевод и с дороги шлѐт распоряжение о поделке в Качуге плотов. В феврале 1702 г. оставшийся заместитель Качанова Качин посылает для поделки плотов 10 человек и для покупки одного плота 10 рублей в Бирюльскую слободу, где находился Сюсин. В указаниях Качина написано: «Добыть веснодельного лесу или самосушного, доброго, подъемистого лесу на один плот. И на балаган тесовой боковой и денной[2] лес. И на кровлю дранье. И греби потому ж вытесать... И подушки на плоты положить добрые, и балаганы поделать, и драньем покрыть наплотно». Рассчитать, чтобы плот поднял 2000 пудов или строить второй плот. Одновременно по-

[1] Сибирский приказ. Столбец 1139, лл. 18, 19, 15-17.

[2] Вероятно нужно читать «дѐнной» или «донной», т. е. предназначенный для днища.

сылается 51 сажень варовых снастей. Письмо, люди, снасти и деньги были отправлены 28 февраля.

8 мая Сюсин, подтверждая получение указа, сообщает, что люди прибыли, плоты сделаны, идѐт погрузка хлеба в Качике (современный Качуг).

Казалось, что всѐ идѐт хорошо.

Но в Качике погрузили только 1700 пудов и то на плоты, сделанные присланными служилыми людьми; сам Сюсин купил плохой еловый плот. «А больше де того те плоты хлеба не подняли потому, что лесу в верху Лены матерово нет, и тот де лес был сырой, неподъемной», — оправдывался Сюсин при допросе в Илимске 5 августа. Сюсин, по сообщениям посланных ему на помощь людей, «над ними не досматривал», время проводил у верхоленского сына боярского Фѐдора Куржумова и «в деревне де у нево вино пили до пьяна». Сюсин бражничал и тогда, когда наступило ответственное время погрузки и отправки плотов. Без него было погружено два плота. Явился пьяный Сюсин. Два плота отплыли благополучно, а Сюсин остался на третьем ненагруженном плоте. Он не мог управиться с ним и «на простом плоте пьяной спал и угрести де от островка не могли и остался он...» (конца цитируемого допроса нет).

Затем из других документов выясняется, что ушедшие вперѐд два плота напрасно ждали Сюсина в Верхоленске два дня. Нужно было спешить, вода могла убыть. Сюсин ухитрился простоять с простым плотом более 2 недель, наконец снялся, нагрузил в Верхоленске 700, вместо 1000 пудов и тут же, против Верхоленска, ещѐ раз сел на мель, простояв здесь около 5 недель. Лишь 13 июля он мог сообщить, что проплыл мимо Усть-Кута.

По этому делу были допрошены все участники сплава, сохранилось около двух десятков писем, допросов, отчѐтов, выписок и других документов на 80 страницах.

Выслушав все показания, воевода приговорил: Сюсин должен на свой счѐт сделать плоты и сплавить оставшийся хлеб следующей весной «своими проторми»; оставшийся хлеб в Тутурской слободе перемерить; взыскать с Сюсина расходы хлебом, которые он сделал, нанимая крестьян снимать плот с мели.

Впоследствии Сюсин жаловался, что его обвинили напрасно, но плот на свои деньги купил и хлеб отправил.

Сплав в Якутск являлся важным государственным мероприятием и за плохую работу виновные лица привлекались к ответственности. В мае 1718 г. илгинскому приказчику Якову Сенотрусову был из Илимска послан следующий указ: «И ты тем указом (о срочном сплаве хлеба в Якутск) учинился ослушен, с хлебными запасы барки задержал на усть Илге многие числа. И для своей бездельной корысти к отдаче и отпуску барок не бывал долгое время... И ныне... послан на Илгу сын боярской Петр Завьялов. Велено тебя переменить и о задержке хлебных запасов о всем розыскать» (Россыпь, № 39, св. 4).

Так снабжался Якутск хлебом.

СКЛАДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

При ведении крупных хлебных операций, какими являлись сбор хлеба с крестьян и отправка его в Якутск, требовалась большая и разветвлѐнная сеть государевых житниц. В самый ранний период прихода русских на Ангаро-Илимо-Ленское междуречье уже строились такие житницы-амбары. Но об этих первых житницах имеются лишь общие упоминания. Например, в отписке воеводы Шушерина упоминаются в Илимском остроге «житницы хлебново запасу», построенные до его приезда, вероятно в 1647 г. В «Книге Илимского острогу всякому строению» 1655-1656 гг. упоминаются 3 амбара. В «Описной книге» Качанова названы государевы житницы в 11 деревнях по Лене и т.д. Ни точного расположения, ни размеров, ни ѐмкости житниц в таких упоминаниях не даѐтся. Более подробные данные появляются в передаточных описях при смене приказчиков, но первые упорядоченные сведения можно найти только в деле 1731 г. (арх. № 343, св. 38) об амбарах постройки 1709 г. и более ранних лет.

Все хлебные амбары были деревянными, около 2 сажен в длину, 2 сажен в ширину и 1½ сажен в вышину. Но встречались, например в Киренском остроге, и более крупные постройки: 4 сажени 2 аршина на 2 сажени 2 аршина и высотой 4½ аршина (полпята) и более мелкие, как в Орленской слободе: «Мерою двух сажен бес полуаршина, поперек толикое число, в вышину три аршина». По имеющимся данным о размерах почти всех амбаров можно определить их ѐмкость. Но сопоставление вычисленной ѐмкости с ѐмкостью, показанной воеводской канцелярией, даѐт настолько большие расхождения, что все выводы делаются мало надѐжными. Например, ѐмкость амбара в Илимске, размеры которого в саженях 2½х2½, определены илимской воеводской канцелярией в 2000 четвертей. Но, считая, что в одну кубическую сажень можно положить 20-25 четвертей, ѐмкость этого амбара не должна превышать 230-250 четвертей. Конечно, при кратковременном хранении допускается более высокая насыпь хлеба и тогда можно было бы удвоить вычисленную величину, но разница с цифрой, показанной илимской канцелярией, остаѐтся и в этом случае невероятно большой. Почти такой же амбар в Братском остроге 2½х2х1½ сажени Илимском определѐн в 250 четвертей, что можно считать правильным. Но в Орленге амбар размером 2½х2½х2¼ Илимском оценѐн, как хранилище на 80 четвертей, в то время, как в действительности эту величину можно было бы учетверить. Вследствие этого нет смысла приводить показания илимской канцелярии о ѐмкости амбаров. Приблизительно она составляла для всего воеводства 8-10 тысяч четвертей, т. е. 60-80 тысяч пудов.

То, что определение ѐмкости было грубо приблизительным, можно подтвердить показаниями по Усть-Кутскому острогу: «для того подлинно знать невозможно, понеже никогда тот анбар с правиантом полон не бывал».

Всех казѐнных амбаров, в том числе и негодных к поклаже, в первой четверти XVIII столетия насчитывалось 52, большинство из них было старой постройки: два 1709 г., четыре 1706, два 1699, два 1687, три 1770, три 1660, о большинстве остальных сказано, что строены «в прошлых давных годех».

Время постройки старых амбаров в памяти у населения не сохранилось: «а памятухов на такое строение никово не имеетца ж» (Киренск), «...а в котором году оной анбар строен и каким коштом, и в том спрашиваны тоѐ слободы крестьяне. И оне ево строения не упомнят. Только сказали, что слыхали у прежних старожилов, у пашенных крестьян, что оной анбар строен крестьянским коштом по указу» (Тутурская слобода).

Кто же их строил? Об 11 амбарах сведений нет, о 4 говорится, что они построены казѐнным коштом и об остальных 37 — крестьянским коштом. Например в дер. Кочергинской, в верховьях р. Илима, на Яндинском волоке: «вышеписанные анбары крепки и к поклаже правианта угодны... построены в прошлом 1687-м году крестьянским коштом», или в Яндинском остроге: «строен крестьяны для выдельного, пятинного и семенного хлебов».

Почти все амбары располагались на берегах рек: в Илимском остроге «за Илимом рекою» (теперь нет и следов, где они стояли)[1], в Нижне-Илимской слободе: «в том погосте прямо за рекою, в дер. Погодаевой», в Киренске один амбар стоял на берегу Лены, от острога «сажен во сте», в Братске: «за острогом по край Оки реки» и т.д. Изредка они располагались в центре поселения: «стоят в жилье, среди Ново-Удинские слободы близ церкви божией, при проезжей улице», или: «в Тутурской слободе имеетца близ Николаевской церкви, в церковной ограде».

Для удобства приѐма и отгрузки хлеба на суда амбары в большинстве волостей были рассредоточены, но если удобно было совершать операции в одном месте, то амбары размещались компактно.

Так, в Илимском остроге все 6 амбаров стояли в одном месте за р. Илимом, попарно, каждая пара под одной крышей. В Кежемской слободе амбары стояли рядом, как и в Братском остроге. Особенно рассредоточено было складское хозяйство в приленских волостях, так что барки могли по пути догружаться, если шли не «в полном грузу». Тутурская волость имела один амбар в слободе, другой в 40 верстах на устье р. Илги. Орленская волость имела амбары в дер. Шамановой, в дер. Сурова, в дер. Омолоевской и в слободе. Усть-Кутская волость — в остроге, в дер. Казарской и в дер. Марковской. Криволуцкая волость — в Кривой Луке, два амбара в дер. Воронинской, в дер. Красноярской и дер. Панской; Киренская волость — в остроге, в дер. Змеинской, в дер. Алексеевской, три амбара в дер. Захаровской и на Сполошном Лугу.

[1] На чертеже Илимского острога около фигурок этих амбаров написано: «житной двор».

Всѐ это складское хозяйство полностью обеспечивало потребность Илимского воеводства в житницах для временного и постоянного хранения хлеба.

ВИНОКУРЕНИЕ

В экономике и в быте Илимского воеводства вино и пиво играли заметную роль. Пили все — пашенные крестьяне, служилые люди, особенно будучи в посылках, подальше от воеводского глаза, пило духовенство. Государство, нуждаясь в деньгах, всячески поощряло винную торговлю, приносившую большие доходы, но и боролось в то же время с пьянством служилых людей и пашенных крестьян. В бесчисленных воеводских наказах на каждом шагу предписывается служилому люду «карты не играть и не бражничать».

В торжественных случаях вино являлось одним из признаков действительного празднества. Сохранилась роспись от 28 марта 1703 г. «всякого рода служилым людем великого государя к винному погребу, на праздник на светлое Христово воскресенье святые пасхи», по которой было выдано вино всем, начиная от детей боярских, вплоть до судовых плотников и сторожа. Поэтому на этот год имеется хотя и неполный список служилых людей Илимского воеводства, в числе 79 человек.

До открытия в Илимске казѐнного винокуренного завода было широко распространено тайное винокурение. Воеводы боролись с ним путѐм штрафов. В сохранившемся деле за 1703 год полностью раскрывается весь механизм выдачи жалованья служилым людям. В частности, там указаны все вычеты, которые были произведены при выдаче денег, в том числе и штрафы за тайное винокурение: «из доимки пенных денег за винное куренье» на илимском десятнике казачьем П. Караулове три рубля (видимо остаток штрафа); «...пенных денег на илимской приказной избы подьячем» Кузьме Завьялове 42 рубля 50 коп. (!); «за винное курение пенных денег за первой привод на илимском пятидесятнике казачьем на Иване Пашкове 5 рублев;... из доимки за винное курение и крестьяном винокурцам за потачку на бывшем киренском приказчике пятидесятнике Никифоре Карсакове» недоплаты 14 рублей 50 коп. Среди тайных винокурцев встречаются представители почти всех слоѐв населения Илимского воеводства.

Долгое время вино привозилось в Илимск, а частью переотправлялось в Якутск из Енисейска. Это была довольно сложная, ответственная и рискованная операция.

В 1700 г. из Енисейска прибыло на 5 дощаниках вино, перевозившееся откупщиками в Якутск. В Илимске оно было принято от сопровождавших енисейских целовальников, перемерено и передано илимским выборным «верным» целовальникам Ф. Шестакову, А. Путилову и М. Полтеву «да илимским посадцким людем Д. Рокитину с товарыщи». Вино перемеривалось заорлѐным

дубовым ведром, присланным из Тобольска. В 44 дубовых бочках оказалось 1791 ведро с полуведром и с получетвертью ведра. Для проверки качества вина и с целью установить, не было ли порчи его, в Илимске учинили «опыт»: «в присланную с Москвы 207-го (1699) году жестяную стопку с метками, жгучи, мешаючи, и того вина выгорело вполы». Так устанавливалось содержание спирта. Проводникам, назначенным в Илимске, был дан наказ: «а едучи дорогою того вина не пить и не красть и в то вино воды не мешать и на то вино никакой охулки не навести». В противном случае угрожали карой.

Создание винокурения — есть показатель достатка хлеба. Наступило это время и для Илимска. Развитие земледелия позволило курить вино гораздо ближе к Якутску, а именно в самом Илимске.

Как только земледелие в Илимске окрепло, Пѣтр I подаѣт мысль о заведении здесь винокурения. В грамоте на имя илимского воеводы от 15 ноября 1699 г. за приписью дьяка Василия Айтемирева указывается: «А ныне в Ылимску хлебу в зборе быть мочно для того, что по вся годы многие ссыльные люди посылаютца (этот фактор Москва сильно переоценивала) и пашня прибывает». В грамоте предлагается странная мера. «Да с мужиков (это слово в Илимске по отношению к русским крестьянам совершенно не употреблялось), по своему расмотрению ласкою велеть[1] собрать пятьдесятой или сотой сноп безденежно... и ис того хлеба велеть накурить вина... а то вино сидеть на особых крепких огороженых дворах, где хлебу и вину никакой кражи и хитрости не было [б] и подмесу никакова учинить не могли [бы]. Винокурцев наказывать и пени править без всякие пощады и поноровки» (арх. № 28, св. 3, лл. 398-401).

Винокуренный завод в Илимске начал действовать с сентября 1706 г. Вначале он работал на 14 котлах, а с 1710 г. было установлено ещѣ 8. Оборудование завода по передаточной ведомости состояло из одного большого медного заторного котла «с ушми железными», 22 медных котлов в 22 печах, колоды с 44 медными трубами, 9 заторных и 4 бардяных чанов.

Отныне Якутск вместе с илимским хлебом и солью стал получать и вино местной выкурки. Воевода не выполнил лишь одного указания Сибирского приказа — не собирал пятидесятого или сотого снопа, а покрывал все потребности завода в хлебе из обычных сборов, которые возрастали год от года. О производительности завода можно узнать по отчѣту кабацкого головы Степана Зырянова о выкурке с 3 ноября 1719 г. по 11 апреля 1720 г. За это время произведено простого вина 2403 ведра три чети с осминою ведра, один ковшик, две трети ковша алтынных. При этом израсходовано 5734 пуда муки ржаной, 1335 пудов ржаного солода, 36 пудов хмеля и 59 вѣдер дрожжей. Ушло, кроме

[1] Это слово в документе более походит на «велел»; цитируется по копии.

того, 1076¾ сажени сосновых дров, меди 1 пуд 24 фунта 8 золотников, 300 кирпичей на починку печей (стоили 20 алтын). Израсходовано денег 270 рублей 3 алтына 4¼ деньги. Отчѐт заканчивается в духе того времени: «А ежели в сем ведении что утаено или неправо написано, и нам, таможенным служителем, великий государь указал бы учинить смертну казнь. Для того своеручно подписываюся. Голова Степан Зырянов».

Тут же можно узнать производственную цену вина: «Против сего ведения по справке с приказом стало всякое ведро в выкурке в 719 и 720 годех по 14 алтын по 4 деньги с полуденьгою» (т. е. 44¼ коп.) Продавалось же вино по 2 руб. 80 коп., а затем по 2 руб. 90 коп. за ведро.

В сборнике дел за 1710 г. (Россыпь, № 28, св. 2) имеется отчѐт за 1709 г. о выкурке и цене вина, причѐм расчѐт производственной себестоимости ведра вина в сильной степени походит на современную калькуляцию. В отличие от принятых теперь расчѐтов износ построек и оборудования не включался в затраты, зато введена достройка винокурни. Возможно, что в сумму затрат включены все материалы, купленные за отчѐтное время, т. е. за 1709 г., в том числе и те, которые не были полностью израсходованы, например дрова. В остальном все элементы расчѐта совпадают с принятыми теперь приѐмами калькуляции. Учтены: купленный хлеб, дрова, уголь, хмель, затраты на рабочую силу, перевозка, тара и ремонт инвентаря.

На выкурку 3554¾ вѐдер израсходовано 8826 пудов муки и солоду, на 617 руб. 82 коп., 28 пудов 10 гривенок хмеля. Все расходы составили 1139 руб. 36 коп. «Всякое ведро вина в 709-м году в куренье стало по 10 алтын по 4 деньги», т. е. по 32 копейки.

Первоначально, с пуском завода в Илимске, вниз по Лене отправлялось не менее 1000 вѐдер простого вина, а с 1724 г. — по 3000 вѐдер в год. Отправка производилась в лиственничных и сосновых бочках, «а по указу великого государя и по опыту то вино выгорает вполы». Разумеется, в Якутске проверялось количество и качество доставленного вина. Нехватки вина могли быть значительными. Так в упоминавшейся партии енисейского вина недостало при проверке в Илимске «47 вѐдер с четвертью, 5 ковшей, которых в ведре 91 ковш с третью ковшом». Следовательно, в ковше было около 130 кб. см. В 1709 г. из 1498 вѐдер, посланных в Якутск, недостало 81 ведра.

Оставшееся после отправки в Якутск вино поступало в местную продажу и развозилось «из омшеники» в лиственничных бочках, ѐмкостью по 25 вѐдер, по острогам и слободам воеводства.

За 1714-1719 гг. было выручено от продажи вина на месте 13886 руб., т. е. продано примерно 4959 вѐдер. В год на 1 душу населения потреблялось около одной бутылки.

Так, развитие земледелия привело к решению одного из важных для правительства мероприятий. С точки зрения развития

илимской пашни создание собственного винокурения означало окончательное преодоление трудностей в получении местного хлеба. Отныне пашенный крестьянин не только покрывает государственные потребности в пищевом хлебе, но и даѐт возможность государству стать монополистом-винокурцем.

Винокурение сильно расширило внутреннее потребление хлеба и содействовало дальнейшему превращению ржи в товар. Не довольствуясь получением в казну отсыпного и оброчного хлеба, государство повело довольно широкий закуп ржи для винокурения, по нескольку тысяч пудов ежегодно. Главными волостями, где совершались эти покупки, были: Илгинская, Ново-Удинская и Братская. Хлеб покупался по 5-8 копеек за пуд. Некоторые крестьяне продавали хлеб сотнями пудов. Винокурение, опиравшееся на устойчивое земледелие, в свою очередь, оказалось стимулирующим началом для дальнейшего развития товарного хлебопашства.

Правительство извлекало из винной продажи громадные прибыли и вскоре выручка от винной продажи стала главным денежным доходом казны. В сборнике дел за 1719 год (Россыпь, № 42, св. 5, лл. 124-140) сохранилась большая часть выписок о приходе денег за 1713-1719 годы. Начало выписок погибло, но уцелели частично записи за 1712 и 1713 годы.

Если за 1714-1719 годы, т. е. за 6 лет, вычислить средние годовые поступления денег в казну и свести их в главные группы, то окажется, что из 5509 рублей ежегодного среднего сбора, поступившие недоимки составляют 1273 рубля или 23,1%; окладные сборы по 15 различным видам обложений — 161 рубль или 2,9%, неокладные сборы, включавшие 38 источников — 4075 рублей или 74,0%. Из общей суммы всех денежных поступлений государственная винная, пивная, табачная, картяная и соляная продажа давала 3129 рублей, т. е. 56,8%. Из этих поступлений винная продажа давала 2314 рублей (42,0%) и являлась самой большой приходной статьѐй из всех 53 источников. Поступления от соляной продажи составляли лишь 7,0%.

Значит, у правительства оказалось два мощных пути по вычерпыванию денежных средств у пашенного крестьянства и другого населения Илимского воеводства для общегосударственных нужд — денежные налоги и монопольная торговля. Львиную долю последней составляла продажа казѐнного вина.

СОЛЕВАРЕНИЕ

Хотя добыча соли и не связана непосредственно с пашенным делом, но организация солеварения на месте, в Илимском воеводстве, во многом содействовала нормальному развитию края, а следовательно, и крестьянского хозяйства, избавляя его от тяжѐлой зависимости от купцов. Кроме снабжения своего населе-

ния, Илимское воеводство отправляло крупные партии соли на север, по Лене.

Солеварение было начато в 1639 году Ярофеем Хабаровым на правом берегу реки Куты, верстах в 3-4 от её устья.

В челобитье на имя царя Хабаров писал: «...проведал я, холоп твой, на великой реке на Лене соляные промыслы... и варницы устроил»[1]. Здесь выходили на поверхность земли соленосные ключи, образуя небольшое озеро. На карте Ремезова изображено круглое озеро, в середине его показан круг, напоминающий колодец, над которым возвышается система рычагов, на подобие колодезного журавля. Здесь же имеется надпись: «Усолье. Озеро, соль варят». Две избушки изображают жильё соловаров и завод.

Прекрасно понимая значение правильного снабжения края солью и зная, что солеварение приносит монопольный доход, правительство уже в 1641 году берёт в свои руки это предприятие, а с ним и операции по продаже соли и по сплаву её в Якутск.

Всё дело было поставлено так: общая организационная работа лежала на усольском приказчике, который заботился о ремонте завода, о доставке дров и разных материалов, например железа и угля, наблюдал за работой и приёмом соли и отгрузкой её по назначению. Непосредственными рабочими являлись — «соловар» и два его помощника, подварки. На их обязанности лежала выварка соли и очистка цыренов. Для починки оборудования тут же жил постоянный кузнец, которому помогал молотник, т. е. молотобоец. Вываренная соль поступала в государевы соляные амбары, находившиеся в ведении целовальника, выбранного илимскими посадскими людьми. Целовальник принимал и отпускал соль по весу, ведя при этом записи, которые являлись основой отчётности. Впоследствии, в начале XVIII столетия, в связи с усложнением отчётности, в Усть-Кутское Усолье направлялись писчики. Значит весь состав людей был очень немногочисленным: приказчик, целовальник, три соловара, два кузнеца и писчик. Если же возникала при погрузке соли в барки потребность в дополнительной рабочей силе, то она привлекалась по распоряжению воеводы из числа гулящих людей, крестьянских детей и хлебных обротчиков Усть-Кутского острога.

В делах илимской приказной избы сохранилось подробное описание этого предприятия, составленное при передаче его от одного целовальника другому в 1709 году. Приводим выдержки из этого документа (арх. № 92, св. 9, лл. 171 об.-172). Илимский посадский человек Андрей Евдокимов сообщал воеводе, что он «принял в прием налицо... великого государя Усть-Кутцкое Усолье, а в Усолье озеро. Над озером сруб, а в срубе труба, а на срубу к трубе переходы, цепия, жеровец. А у жеровца столб, а у столба крюк и пробои железные. Да варницу, а у варницы на

[1] Сибирский приказ. Столбец 344, часть 1, 1655 год.

стене образ пресвятой богородицы Владимирские на краски. А в варнице цырен железной, соловарной на сте на двадцати крюках и петлях железных. А у цырена дно местами повело. Да в варнице ж ларь, где росол льют. Над цыреном на кладях ларь, где с цырена соль згребают». Далее следует перечень разного инвентаря: вилы, «каракуля, чем под цыреном в печи дрова правят», лом, уши светильные, косарь, «что в варницу лучину щепают», долото, напарья, теслы, 4 гребла, «что с цырену соль згребают», керка, т. е. кирка, пешня, два топора, тупица-лопата, железом окована, скобель. Почти все предметы были взвешены и в документе приводится их вес.

В кузнице оказалось: 2 наковальни в стуле (2½ пуда), «шестеры клещи», 2 шишки, обушник, 2 сечки, сечка в стуле, 2 ключки, «что в горну мешают», 5 молотов больших весом в 36 фунтов, 5 малых — 12 фунтов, «веретно точильное с крюками», 5 братков (бородков), 4 спицы, «мехи кузнечные с трубицами», точило старое, телега.

Названы и постройки, которые были при заводе: «да у варницы ж анбар, где железо кладут, изба с сеньми и с клетью, да на берегу 3 анбара, где соль кладут, да анбарец маленькой, где на заварки мука кладетца, да на берегу ж две избы с сеньми и с клетьми».

Весовое хозяйство состояло из 9 гирь железных пудовых, одной двухпудовой, одной полупудовой и двух «четвертых».

«Да осталово кришново железа 24 пуда, в том числе что сплавлено из крох, якорного железа 3 пуда, да в крохах обломков, гвоздей и шляп и обрубков железных пуд 5 гривенок, 1½ гривенки укладу, да осталых от цыренного нового дела цыренных гвоздей — 786 гвоздей».

В амбарах оставалось на день передачи соли «в терезной усольской гирней вес 9705 пуд с четью». У варницы осталось 355¼ сажени дров, в угольнице — ¼ короба «уголья».

Наконец, упоминается 37 холщевых мешков, рогожа, которой накрывают соль в ненастные дни и илимская указанная память, по которой действовали целовальники.

Размер производства можно установить по следующим данным: в деле 1693 года (№ 35, св. 3, лл. 111-117) имеется начало отчѐта, конец которого не сохранился. На 1 октября 202 (1693) года оставалось 2701 пуд 18 гривенок, поступило на 1 сентября 1694 года соли нового варенья 4270 пудов 20 гривенок. За то же время вышло в расход 2315 пудов 28 гривенок. Очевидно, соли нехватило, так как тут же приводится справка, что воевода Грибоедов положил усольским целовальникам на свежевыверенную соль 40 пудов 20 гривенок, т. е. около 10% (на естественную убыль).

Сохранилось много полных годовых отчѐтов (смет) и предположений (помет), представляющих своего рода отчѐтные и сметные балансы соли. При изучении размеров солеварения и пу-

тей сбыта соли использованы отчѐты за 1654, 1663, 1675, 1677, 1702[1] и 1714 (арх. № 102, св. 10) годы.

В таблице 103 дана сокращѐнная сводка этих отчѐтов в целых пудах (гривенки отбрасывались или округлялись до пуда).

Таблица 103

Статьи прихода и расхода соли	1654	1663	1675	1677	1702	1714
Остаток к началу года	6312	2031	4313	2390	6509	6783
Сварено	3759	2816	928	4018	7144	8656
ИТОГО в приходе	10071	4847	5241	6408	13653	15439
Выдано соляное жалованье	366	366	350[2]	304	238	383
Отправлено в Якутск	302	1420	670	1399	653	756
Продано на деньги и в долг	812	1376	2001	1646	2792	3865
Прочие расходы	134	882	354		55	88
Утекло и усохло	173	—	—	—	687	71
ИТОГО в расходе	1787	4044	3375	3349	4425	5163
Остаток к концу года	8284	803	1866	3059	9228	10276

В отдельные годы выварка соли сильно падала, что было связано с выходом из строя цырена и с трудностью доставать железо для его починки. В общем по приведѐнным цифрам можно заключить о постепенном росте производства.

Примерно половина вываренной соли шла на продажу в пределах Илимского воеводства. До 60-х годов XVII века пуд соли продавался по 10 алтын на серебряные и по 20 алтын на медные деньги, в 70-х годах — по 10 алтын, а к началу XVIII века — по 5 алтын. Эти цены нельзя считать высокими, так как крестьянин за пуд хлеба мог купить полпуда соли. Около $^1/_5$ части реализуемой соли направлялось в Якутск, а в середине XVII века ещѐ и в Дауры. Это, очевидно, полностью покрывало требования северо-востока Сибири, ибо в Усолье всегда оставался значительный запас соли, превосходивший годовую потребность в ней. Правда, был случай, когда в Якутск не могли отправить соль вследствие выхода из строя цырена и потопления запасов. Но это был исключительный случай. Около $^1/_{10}$ части отпуска шло на выдачу соляного жалованья служилым людям Илимского воеводства. Остальная соль расходовалась на местные нужды или служила платѐжным средством.

[1] Сибирский приказ. Книга 330, лл. 1-95; книга 691, лл. 90-106; книга 633, лл. 174-184; книга 686, лл. 112-120; книга 1042, лл. 1-22.

[2] Приблизительно.

Некоторые подробности самого хода производства даèт челобитная соловаров о выдаче им аванса. 22 января 1703 года они писали воеводе: «Работаем мы в твоем государеве Усть-Кутцком Усолье, варим соль, а за работу нам из твоей государевы казны наемных денег наперед преж сего не давано. И мы, не хотя соляного варенья постановить, займываем у сторонных людей для своей нужи на покупку хлеба и харчю и скоту сена и на нужную свою одежу и обуток и во всякие издержки денег и даем росту на рубль по 10 алтын и больше»[1] (Россыпь, № 20, св. 2, лл. 73-75).

Приказная изба дала справку о размере выварки соли за предшествующий, т. е. 1702 год, на основании чего можно было выдать аванс. Справка эта гласит, что челобитчики сварили за год 200 соляных варей, «а в тех варях было 10 цыренных отрясок», т. е. очисток. Плата же соловару была установлена по 1 гривне за варю и за отряску, а подварку по 2 алтына 4 деньги.

Всего они заработали 37 рублей 26 алтын 4 деньги[2].

Воевода согласился с просьбой соловаров и велел выдать каждому аванс по 10 рублей, причѐм приказал начать варку с 1 февраля. В том же деле, лл. 80-82. имеется отчѐт приказчика Степана Рышкова о выварке соли с 10 февраля по 21 апреля. Этот отчѐт в сводном виде приведѐн в таблице 104.

Таблица 104

Время	Число варей	Сварено соли (пудов и гривенок)	На одну варю пудов
10 февраля-2 марта	20	698 п. 20 гр.	34,9
9 марта-27 марта	20	797 п. 10 гр.	39,9
3 апреля-21 апреля	18	721 п. 20 гр.	40,1
Итого	58	2217 п. 10 гр.	38,2

Отсюда можно установить, что варя длилась один день.

При этом была израсходована 81 сажень дров. Одновременно Рышков сообщил, что сковано 2000 скоб весом 30 гривенок для конопатки судов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная история пашенного дела Илимского края охватывает 95 лет, если считать началом еѐ приход русских на Илим, и 78 лет — со времени образования Илимского воеводства.

[1] Т. е. 30%, но так как срок займа не указан, приведѐнная величина имеет неясное значение.

[2] В действительности не 4, а 2 деньги.

Но за этот короткий срок в жизни края произошли крупные изменения. На огромном Ангаро-Илимо-Ленском междуречье прочно утвердилась русская государственность, экономической опорой которой являлось впервые созданное здесь земледелие.

Основной силой в освоении края являлись пашенные крестьяне. Они расселялись по приречным долинам мелкими, преимущественно однодворными деревнями, вокруг которых постепенно складывались волости. Такой способ расселения быстро превратил занятые местности в русский край и позволил в короткий срок овладеть его сельскохозяйственными угодиями. Стержнем крестьянской и государственной экономики в Илимском воеводстве сразу же стала земледельческая отрасль сельского хозяйства, а точнее — зерновое производство с резким преобладанием ржи. Это хозяйство велось в форме двухполья; в нѐм откристаллизовались многие агрономические приѐмы, имеющие силу и сейчас. Повсеместное распространение получила конопля, а местами сеяли лѐн и горох. Животноводство находилось в полном соответствии с полевым хозяйством. Поголовье лошадей и крупного рогатого скота оказалось относительно более высоким, чем во все последующие годы. Мелкое животноводство, как разведение овец и свиней, было развито слабо; для овец нехватало пастбищ, для свиней — зерна. Трудное дело ведения сельского хозяйства отвлекало почти все силы крестьянской семьи, вследствие чего подсобные промыслы не выходили за рамки второстепенных вспомогательных занятий. Единственной товарной отраслью оказалось зерновое производство и местами луговодство.

Кроме пашенных крестьян, главной части населения Илимского воеводства, земледелием занимались прилагающие к ним группы — хлебные обротчики, бобыли и крестьянские дети, но в малозначащих размерах. Вместе с присыльными и гулящими людьми они составляли резерв наѐмной рабочей силы. Казачество быстро потеряло значение военной силы и превратилось в служилых людей; некоторые из них занимались между делом сельским хозяйством. Незначительное земледелие было и у посадских людей.

Ссыльные имели значение только в начальный период заселения края, как элементы, из которых с помощью государства образовывалась часть крестьян Илимского воеводства. Но прочно оседали на пашню лишь те ссыльные, которые сами были крестьянами и присылались вместе с семьѐй.

Монастырское и церковное сельское хозяйство заметного значения не имело. Лишь Киренский монастырь вѐл крупное сельскохозяйственное производство. Помещичьего землевладения не возникло, государственные пашенные крестьяне разрешали все задачи по сельскохозяйственному освоению новой окраины России.

Одновременно с созданием экономической основы в Илимском воеводстве складывается и быть крестьянства. Основой этого быта являлась полная семья, с непременным участием женщи-

ны-хозяйки к матери. Общинные земельные порядки полностью отсутствовали, их заменяло государственное регулирование.

Удерживалось складничество, занесѐнное, вероятно, из северной Руси, в котором крестьянские дворы объединяли свои усилия и имущество для совместного ведения хлебопашества в трудных условиях северно-таѐжной области. Крестьянское самоуправление имело двойственный характер, оно являлось одновременно и низшим звеном воеводской системы управления и формой общемирской деятельности крестьян.

Печать города Илимска начала XVIII в.

Печать города Илимска конца XVIII в.

Вскоре же после заселения края отчѐтливо проявляется дифференциация среди пашенных крестьян. Применение наѐмного, а отчасти несвободного труда имело широкое распространение, так как не было ограничивающего влияния помещичьего хозяйства и всегда имелись в избытке свободные рабочие руки в лице при- сыльных и гулящих людей. На этой почве в среде крестьянства возникали типичные кулацкие хозяйства, которые вели более крупное производство, чем средние и мелкие крестьяне.

Местные коренные народы, тунгусы и буряты, ко времени прихода русских в Илимский край земледелием не занимались и постоянных поселений не имели. Буряты оказали русским серьезное сопротивление, вследствие чего на несколько десятилетий задержалось расселение русских в местностях, лежавших южнее Братского и Верхоленского острогов. Соболиный ясак, который местные народы платили в государеву казну, имел существенное значение для общероссийского бюджета. На развитие сибирской земледельческой экономики соболиный и вообще пушной промысел не оказал никакого влияния. Неразумная добыча соболя, на которую туземцев толкала система ясака, и хищничество промышленников очень быстро привели соболиный промысел к упадку. Часть разорявшихся туземцев переходила в среду русских, где занимала подчинѐнное положение, чаще всего — батраков, и лишь в отдельных случаях обзаводилась хозяйством по образцу

пашенных крестьян. Но основная масса местных народов продолжала вести кочевой образ жизни. Коренное население имело свой, независимый от русских, уклад хозяйства. И лишь медленно этот уклад эволюционировал в сторону сближения с русским хозяйством.

Отношения государства к крестьянству покоились на праве государственной поземельной собственности и на не вполне свободном состоянии крестьян. Возникшие отсюда тяглые обязанности крестьянина вылились первоначально в форму обработки государевой десятины, сбор с которой поступал в казѐнные житницы, а затем в форму платежа хлебом за пользование землѐй, соразмерно с государевой пашней. Государство отчѐтливо представляло первостепенную важность быстрого и прочного устроения крестьян на пашню, так как должно было снабжать хлебом своих служилых людей, поэтому оно в первое время довольно широко помогало слабым дворам обзавестись хозяйством. На базе илимской пашни шло снабжение хлебом Якутского острога к некоторое время — даурских острожков.

На протяжении второй половины XVII века и первой четверти XVIII шло усиление государственного обложения пашенных крестьян и ухудшение их правового положения. Постепенно, по мере овладения крестьянином сельскохозяйственными угодиями края, государство овладевает крестьянской экономикой. От помощи, которую государство оказывало в XVII веке новопашенным крестьянам, оно переходит в XVIII веке к более твѐрдому порядку обложения крестьян хлебными поставками, к введению различных денежных сборов, которое завершилось установлением подушной подати. Вводится рекрутчина, устраивается принудительное переселение илимских крестьян на Аргунь. Всѐ более ограничивается свобода передвижения крестьянина, усиливается административная зависимость от воевод и церковников.

Впрочем, завершение этого процесса происходит несколько позднее. В то же время государство получает возможность закрепить на месте остававшиеся долгое время свободными элементы тогдашнего общества — гулящих людей и превратить их в тяглых обротчиков, тем самым уравнивая их по существу с ссыльными.

Возникает вопрос об общем экономическом характере процесса, осуществлѐнного русскими в Сибири. Это было земледельческое освоение, т. е. один из видов колонизации. Всякая колонизация начинается захватом земли слабых народов. Но дальнейшее течение еѐ в разные времена и у различных народов принимало своеобразные формы, в зависимости от того, какой класс вѐл главное наступление и какие народы являлись противоборствующей силой.

На основании этих признаков можно различать следующие виды колонизации:

Плантаторская колонизация. Основной силой еѐ является плантатор — рабовладелец. Подчинѐнным народам он несѐт раб-

ство, форма его хозяйства — латифундия. Такая колонизация встречается в южных штатах Северной Америки XVIII-XIX веков.

Юнкерская колонизация. Главным деятелем еѐ является юнкер, поддержанный государством. Отношение к местному населению — закрепощение. Форма его хозяйства — поместье. Так колонизировали немцы славянскую Прибалтику, японцы — Корею и Формозу.

Купеческая колонизация. Проводники еѐ: 1) или купец, устанавливающий связь с туземным населением посредством обмена и создающий свои фактории, 2) или конквистадор, грабящий и истребляющий туземное население и не создающий своего хозяйства. Так испанцы и португальцы вели себя в южной Америке в XVI и XVII веках.

Империалистическая колонизация. Действующая сила еѐ — финансовый капитал. Отношение к местным народам — экономическое порабощение через банки, монопольный вывоз сырья и захват главных звеньев экономики народа. Пример — Индия.

Фермерская колонизация. Ведущим классом в ней выступает свободный фермер. Он не нуждается в услугах туземного населения, подавляет его, а если ему нужно — истребляет. Его хозяйство — ферма. Такова колонизация северных областей США, Новой Зеландии и Австралии.

Крестьянская колонизация. Осуществляют еѐ государственные пашенные крестьяне. Отношение к коренному населению — оттеснение и, в дальнейшем, установление хозяйственных и бытовых связей. Это приводит к восприятию коренным населением русской земледельческой культуры. Форма хозяйства — крестьянский двор. Такие черты присущи процессу освоения Сибири русскими пашенными крестьянами в XVII и XVIII веках.

Разумеется, это освоение не являлось простым внедрением земледельческой техники русского крестьянства. В ходе освоения земель здесь складывались своеобразные общественные отношения. В страну, в которой у местных народов был свой общественный строй, основанный на определѐнном способе производства, пришѐл другой народ с совершенно иным хозяйственным укладом, иными общественными учреждениями, языком, культурой и верой.

Вместе с тем оказалось исторически невозможным перенести в неприкосновенности строй крепостнических порядков Руси в Сибирь. И в новой стране неизбежно стали существовать различные уклады. Из них в этой работе рассматривается только уклад русского крестьянского хозяйства.

Он вышел из крепостнического общества и носил многие его черты. Но в Сибири отсутствовало деление общества на помещиков-феодалов и зависимых от них крепостных крестьян и организация общественного труда не покоилась на принудительном труде крепостных крестьян.

Основные производственные отношения складывались здесь между крепостническим государством и государственными крестьянами. Государство является в развитии сибирского крестьянства огромной, определяющей силой и регулирует экономику и правовое положение крестьянина по образцу феодальных учреждений. Поэтому нужно считать, что в Сибири феодальный строй принял форму государственного феодализма. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-7 годов» признавал, что в крестьянской реформе 1861 года была очень сильна оболочка и помещичьего феодализма и «государственного феодализма» (В.И. Ленин. Сочинения. Издание второе, том XI, стр. 421). В другом месте Ленин, полемизируя с Плехановым о национализации земли, указывает, что в московской, до-петровской Руси, в XVII веке, экономической основой был «азиатский способ производства» (В.И. Ленин. Сочинения. Издание второе, том IX, «Доклад об Объединительном съезде Р. С.-Д. Р. П.», стр. 187. Приведѐнные слова подчѐркнуты Лениным).

Этот азиатский способ производства в форме государственного феодализма и утвердился в Сибири XVII века. Реформы Петра I сказались на сибирском крестьянине в усилении его зависимости от крепостнического государства.

В то же время в Сибири уже действовали силы эпохи первоначального капиталистического накопления в виде хищников-купцов. Сибирь включалась в образующийся всероссийский рынок, а в недрах еѐ крестьянства нарождалось типичное кулачество.

Рассмотренный процесс развития русского крестьянского хозяйства в Илимском крае имеет много общих черт с развитием крестьянства Сибири того времени (по Западной Сибири см. последнюю работу В.И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII-начале XVIII веков», М., 1946), но в большей степени этот процесс отражает развитие крестьянского хозяйства в Восточной Сибири, т. е. в Иркутском, Енисейском и Якутском воеводствах.

Все эти воеводства или уезды, как и Илимский, возникли почти в одно время, населялись по одному способу и управлялись из Сибирского приказа по одному шаблону.

Илимская пашня — колыбель земледелия в Предбайкалье, а Илимск — старший брат Иркутска. Некогда он подал ему руку помощи. И младший брат стал расти не по дням, а по часам и вскоре занял главное положение в срединной Сибири. Илимск со своими волостями превратился в уезд Иркутской провинции.

Вот что можно рассказать о первых десятилетиях существования Илимской пашни. А больше, говоря словами одной илимской отписки, за многопрошедшими годами никакого известия не сыскано.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава I. Природные условия для земледелия в Ангаро-Илимо-Ленском крае 11
Климат края 14
Почвы 17
Растительность 21
Глава II. Общая характеристика Илимского воеводства 30
Остроги и слободы 37
Происхождение названий населѐнных мест Илимского воеводства 76
Пути сообщения 98
Население Илимского воеводства 112
Глава III. Управление и Илимском воеводстве 120
Воеводы 121
Приказчики. 137
Выбор целовальников и сборщиков 147
Порядок прохождения дел 152
Способы измерения хлеба и пашни 168
Глава IV. Общественная жизнь крестьянства 172
Крестьянское самоуправление и мир 172
Народные волнения 184
Смена илимским населением воеводы Челищева 190
Смещение братскими жителями приказчика Кафтырева 200
Глава V. Экономика и техника крестьянского хозяйства 229
Пашенные крестьяне и хлебные обротчики 229
Заселение пашенными крестьянами Ангаро-Илимо-Ленского междуречья 235
Хозяйство пашенных крестьян 259
Состав двора пашенного крестьянина 266
Складничество 269
Описание крестьянского двора… 274
Размер крестьянского хозяйства и применение наемного труда 279
Землеустройство и землепользование 296
Система земледелия 306
Посевная площадь 322
Урожайность 338
Баланс хлеба у пашенных крестьян 353
Цены на хлеб 356
Животноводство и обеспеченность кормами 357

Подсобные промыслы и заведения крестьян 363
Женщина в крестьянском хозяйстве 374
Глава VI. Крепостническое государство и повинности крестьян 380
Выдельной и отсыпной хлеб 382
Оброчный хлеб 399
Приход и расход государева хлеба 403
Натуральные повинности крестьян 409
Ямская и подводная гоньба 413
Переселение крестьян на Аргунь 428
Набор рекрутов 432
Недоимки 435
Побеги 448
Круговая порука 461
Меры принуждения и наказания..... 466
Глава VII. Некрестьянское население и его отношение к пашне 476
Служилые люди 476
Посадские 493
Гулящие люди 498
Ссыльные 504
Монастырская и церковная пашня 512
Местное коренное население 536
Глава VIII. Мероприятия, связанные с развитием пашни 569
Снабжение Якутска хлебом 569
Складское хозяйство 580
Винокурение 582
Солеварение 585
Заключение 589

Обложка и титул художника С.Я. Литѐмина
Редактор Ф.А. Кудрявцев Техн. редактор В.П. Ганженко
Сдано в набор 8 сентября 1948 г. Поди, к печати 4 февраля 1949 г.
Печ. л. 42. Уч.-изд. л. 42,6. Заказ № 1853. Тираж 5000. НЕ 02680.
Отпечатано в 12-й типографии Главполиграфиздата при Совете Министров СССР, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 11.